

БИБЛІОТЕКА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ЗАПАДНЫХЪ,

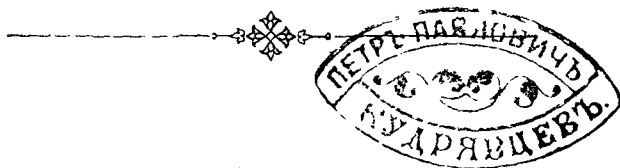
издаваемая при Кіевской Духовной Академіи.

КНИГА 4.

Творенія блаженнаго Іеронима Стридонскаго.

ЧАСТЬ 2.

Изданіе второе.

КІЕВЪ.

Типографія И. И. Чоколова. Мало-Житомирская ул., д. № 4.

1894.

П И С Ъ М А.

Отдѣлъ третій, содержащій письма, писанныя изъ Виодеемскаго монастыря, отъ 386 г. до конца четвертаго вѣка и до осужденія Оригена на соборѣ Александрійскомъ въ 400 году.

44. Письма къ Марцеллѣ отъ имени Павлы и Евстохіи.

Любовь не знаетъ мѣры, петерпѣніе не руководствуется никакими соображеніями, желаніе неудержимо. Такъ вотъ и мы, забывши о своихъ силахъ и думая только о томъ, чего намъ хочется, а не о томъ, что можемъ исполнить, рѣшились, будучи ученицами, учить наставницу, по народной пословицѣ: *Sus Minervam* (т. е. свинья учитъ Минерву, изобрѣтательницу искусствъ). Ты, которая бросила первую искру въ нашъ трупъ, ты, которая и словомъ и примѣромъ приглашала насъ къ подвигу и какъ *кокошь* собирала *птены* своя *подъ крыль* (Матѣ. 23, 37), ты ли теперь оставляешь насъ летать на свободѣ безъ матери и трепетать предъ коршунами и предъ всякими мимолетающими птицами? Намъ осталось только вдали отъ тебя изливать жалобныя просьбы, и не столько слезами, сколько рыданіями выражать нашу просьбу: возврати намъ нашу Марцеллу,

не попусти, чтобы эта кроткая, нѣжная, сладчайшая паче всякаго меда и сота женщина осталась сурова и угрюма по отношенію къ тѣмъ, кого своею снисходительностію привлекла къ подражанію своей жизни.

Копечно, не стыдно просить того, что хорошо. Если же мы находимъ себѣ поддержку въ изреченіяхъ писанія, то мы не колеблясь рѣшаемся призывать тебя къ тому, къ чему ты сама сильно убѣждала насъ. Прежде всего—вотъ голосъ Бога къ Аврааму. *Изыди, сказалаъ Онъ, отъ земли твоя и отъ рода твоего и иди въ землю, юже покажу* (Быт. 12, 1). Патриарху, прежде всѣхъ получившему обѣтованіе о Христѣ, повелѣвается оставить землю Халдейскую, оставить градъ смѣшенія и *Rooboth*, т. е. *широты его*,—долину Сеннааръ, въ которой воздвигнута была до небесъ башня гордости,—повелѣвается, чтобы онъ, минуя волны вѣка сего, минуя рѣку, на которой сидѣли святые и плакали, вспоминая Сіонъ,—минуя ужасную пучину, изъ которой Езекиль извлеченъ былъ за власы, и переправился даже до Іерусалима и поселился въ обѣтованной землѣ, которая орошается не снизу только, какъ Египеть, но и сверху, и производитъ овощъ не для больныхъ только въ пищу, но ждетъ съ небесъ благовременнаго и поздняго дождя. Земля эта гориста и расположена въ возвышенности; мало въ ней утѣхъ вѣка сего, но тѣмъ болѣе утѣхъ духовныхъ. Наконецъ и Марія, мать Господа, послѣ того какъ получила отъ Ангела обѣтованіе и уразумѣла, что ея чрево стало жилищемъ Сына Божія,—Она, оставивши долину, *иде въ горняя*. Изъ этого города послѣ побѣды надъ нѣкоторымъ иноземнымъ врагомъ, когда онъ, пораженный въ дьявольски—дерзкое чело, грянулся лицомъ объземь,—вышла толпа пляшущихъ и десятитысячный хоръ поющихъ возвѣстилъ побѣду нашего Давида. Здѣсь ангелъ, держащій мечъ и опустошающій всякій городъ начестія, опредѣлилъ храмъ Господу на

землѣ царя Евусеевъ, чѣмъ уже тогда означалось, что церковь Христова востанетъ не во Израили, но между язычниками. Обратись къ книгѣ Бытія и ты найдешь тамъ, что начальникомъ этого города былъ Мелхиседекъ, царь Салимскій, который, прообразуя Христа, предложилъ Аврааму хлѣбъ и вино, — во образъ христіанскаго таинства тѣла и крови Спасителя.

Можетъ быть втихомолку ты упрекнешь насъ, что мы не держимся порядка писаній, а мечемся изъ стороны въ сторону для того, чтобы только какъ нибудь подѣйствовать на тебя. Но мы въ самомъ началѣ письма заявили, что не надѣлены любовью къ порядку и что нетерпѣніе не знаетъ мѣры. Потому и въ Пѣсни пѣсней, какъ вѣчто трудное, повелѣвается: *вчините ко мнѣ любовь* (II. II. 2, 4), и теперь мы повторяемъ одно и тоже не по невѣдѣнію, но въ слѣдствіе душевнаго волненія. Наконецъ, чтобы говорить еще больше безъ порядка, обратимся къ давней старинѣ. Говорятъ, что въ этомъ городѣ (Іерусалимѣ), даже на этомъ, что и теперь, мѣстѣ жилъ и умеръ Адамъ, и будто мѣсто, на которомъ распять Господь нашъ, потому именно и называется *Лобнымъ*, что на немъ зарытъ былъ черепъ ветхаго человѣка, такъ что струившеюся со креста кровію втораго Адама, т. е. Христовою, и были омыты грѣхи перваго, лежавшаго тутъ, первозданнаго Адама, при чемъ исполнилось слово апостола: *возстани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и осветитъ тя Христосъ* (Ефес 5, 14). Долго перечислять, сколько пророковъ, сколько святыхъ мужей произвелъ этотъ городъ. Вся религія наша имѣетъ родину въ этой странѣ и въ этомъ городѣ. Въ самыхъ трехъ названіяхъ его указывается вѣра въ троичность. Онъ называется: *I e b u s* (Евусеевъ городъ), *Салимъ* и *Іерусалимъ*. Первое названіе значитъ — *истоканный*, второе — *миръ*, третье — *видѣніе мира*. Такъ какъ къ цѣли подступаемъ постепенно, и послѣ путешествія становимся склонны къ видѣнію мира (отдох-

повенію); то въ Іерусалимѣ и родился въ силу этого мира Соломонъ, то есть *миротворецъ*, и *бысть въ миръ мѣсто его* (Псал. 75, 3). А какъ прообразъ Христа, онъ получилъ, по этимологическому значенію названія города, имя Господа господствующихъ и Царя царей. Но зачѣмъ говорить о Давидѣ и всемъ племени его, царствовавшемъ въ этомъ городѣ? Насколько Іудея выше другихъ странъ, настолько этотъ городъ выше всей Іудеи. Кратко сказать, слава всей страны должна быть приписана столицѣ, а все, что есть достохвальнаго въ членахъ, должно быть отнесено къ головѣ.

Но уже самыя буквы, начертанныя нами, чувствуютъ свое нетерпѣніе возражать, и самая бумага замѣчаетъ поднимающуюся противъ нея вопросъ. Да, подтвердишь ты, и скажешь, что все то было давно, когда любилъ *Господь врата Сіона паче всѣхъ селеній Іаковлихъ* (Псал. 86), и были *основанія его на горахъ святыхъ* (тамже), хотя и это можетъ быть изъяснено въ другомъ смыслѣ;—но что послѣ того, какъ голосъ разгнѣваннаго Господа прогремѣлъ: *се оставляется вамъ домъ вашъ пусть* (Матѳ. 23, 38), и скорбно предсказалъ разрушеніе Іерусалима, говоря: *Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки, и каменемъ побивая посланныя къ тебѣ, коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже кокошь инѣздо свое подѣ криль, и не восхотѣсте: Се оставляется вамъ домъ вашъ пусть* (Лук. 13; 14, 15), и что послѣ того, какъ раздралась завѣса храма, какъ пролита была кровь Господа, и осажденъ Іерусалимъ войсками,—тогда отступила отъ него стража ангельская и благодать Христова. Ибо даже и самъ іудейскій писатель, Іосифъ, утверждаетъ, что въ то время, когда былъ распятъ Господь, изъ притворовъ храма проносились голоса небесныхъ силъ, восклицавшихъ: *выйдемъ изъ этихъ мѣстъ* (Іосифъ, De bello Iud. кн. 6 гл. 5). Изъ всего этого и изъ кое-чего другаго видно, что идѣже умножися благодать, тамъ

преизбыточествова грѣхъ,—и что послѣ того, какъ Апостолы услышали: *шедше научите вся языки* (Матѳ. 28; 19), и сами сказали: *вамъ бѣ льпо первѣе глаголати слово Божіе: а по-неже отверюсте е... ., се обращаемся во языки* (Дѣян. 13; 46), тогда вся святыня Іудей и древнее домостроительство Божіе были перенесены апостолами къ язычникамъ.

Въ самомъ дѣлѣ возраженіе сильно, таково, что въ состояніи поколебать даже и нѣсколько знакомыхъ съ писаніями; но разрѣшается оно весьма легко. Ибо отнюдь не плакалъ бы Господь о разрушеніи Іерусалима, если бы не любилъ его. Онъ плакалъ и о Лазарѣ, потому что любилъ его. Да и съ перваго взгляда ясно, что грѣхъ принадлежалъ людямъ, а не мѣсту. Но какъ избіеніе народа, плѣненіе города влопились къ тому, чтобы при разрушеніи города былъ наказанъ народъ; такъ и храмъ затѣмъ былъ разрушенъ, чтобы погибли прообразовательныя жертвы. А что касается самаго мѣста, то съ теченіемъ времени оно стало гораздо священнѣе, чѣмъ было дотолѣ. Прежде іудеями почитались Святая Святыхъ, потому что тамъ находились Херувимы, очистилище, ковчегъ завѣта, манна, жезлъ Аароновъ, и золотой жертвенникъ. Но не достоитимѣ ли кажется тебѣ гробъ Господень? Потому что, когда ни войдемъ въ него, всегда увидимъ Спасителя, лежащаго въ плащаницѣ,—а пробудемъ тамъ немного, увидимъ и ангела, сидящаго у ногъ, а въ головахъ сударь свитый. Слава этого гроба была предсказана за долго до того, какъ онъ былъ иссѣченъ Іосифомъ; это мы знаемъ изъ пророчества Исаи, говорящаго: *и будетъ покой Ею—честь* (Ис. 11; 10), то есть мѣсто поребенія Господня сдѣлается для всѣхъ достопоклоняемымъ.

Но ты скажешь, какъ же мы читаемъ въ Іоанновомъ Апокалипсисѣ: *звѣрь, иже исходитъ отъ бездны, убіетъ я, и труны ихъ оставитъ на стогахъ града великаго, иже нари-*

цается духовнѣ Содомъ и Египетъ, идѣже и Господь нашъ распятъ бысть (Апок. 11, 7, 8). Если, говоришь ты, града великаго, идѣже распятъ бысть Господь, нѣтъ другаго, кромѣ Іерусалима. а мѣсто, гдѣ распятъ Господь, нарицается духовнѣ Содомъ и Египетъ; значить Содомъ и Египетъ, гдѣ распятъ былъ Господь, и есть Іерусалимъ. Сначала мы хотимъ замѣтить тебѣ, что священное Писаніе вообще не можетъ противорѣчить самому себѣ, и въ особенности не можетъ разпогласить одна и та же книга, или, сказать еще ближе, — одно и то же мѣсто одной и той же книги. Но въ Апокалипсисѣ, изъ котораго ты теперь представила свидѣтельства, мнѣ, чѣмъ десять стиховъ назадъ, написано: *востани, и измѣри церковь Божию и олтарь и кланяющыяся въ ней, и дворъ, сущій внутри церкви, изнеси внѣду, ниже измѣри его, зане данъ бысть языкомъ; и градъ святыи поперуть четьредесять и ова мѣсяцы* (Апок. 11, 1, 2). Если Іоаннъ въ Апокалипсисѣ, написанномъ имъ уже много лѣтъ спустя послѣ страданій Господа, называетъ Іерусалимъ градомъ святымъ; то какъ могъ бы назвать его духовнѣ Содомомъ и Египтомъ? Ты не можешь на это сказать, что святымъ называется небесный Іерусалимъ, будущій, а Содомомъ — разрушенный, поелику въ Апокалипсисѣ говорится на счетъ будущаго, что *звѣрь, иже исходитъ отъ бездны, сотворитъ съ двумя пророками брань, и побѣдитъ ихъ и убіетъ я, и трупы ихъ оставитъ на стомахъ града великаго*. Объ этомъ градѣ въ концѣ той же самой книги написано: *и градъ на четьри улы стоитъ и долота его и широта такова, какова и высота, и измѣри градъ тростію на стадіи дванадесять тысяць; долота и широта и высота его равна суть. И размѣри стѣну его во сто и четьредесять и четьри лакти, въ мѣру чельовческу, яже есть Ангела. И бѣ созданіе стѣны его іаспись; и градъ — злато чистое и проч.* (Апок. 21, 15—16).

Гдѣ четвероугольникъ (квадратъ), тамъ нельзя говорить ни о долготѣ, ни о широтѣ. И что это за представленіе, что такова же долгота и широта, какова и высота, и весь городъ изъ чистаго золота, и стѣны изъ іасписа, и основанія его и стогны его изъ драгоценныхъ камней, и двѣнадцать воротъ блестятъ перлами?

Значить, если всего этого нельзя принимать въ вещественномъ смыслѣ (поелику нельзя утверждать, чтобы городъ, имѣя двѣнадцать тысячъ стадій въ долготу и широту, имѣлъ столько же и въ высоту), то должно принять въ духовномъ: а подѣ великимъ городомъ, который былъ построенъ Каиномъ, и названъ имъ по имени его сына, должно разумѣть этотъ міръ, — который клеветникомъ братьевъ своихъ, погибельнымъ братоубійцею діаволомъ, былъ выстроенъ изъ пороковъ, основанъ на злодѣяніяхъ, наполненъ неправдою: онъ и называется духовно Содомъ и Египеть. Объ этомъ Содомѣ написано: *будетъ возстановленъ Содомъ въ прежній свой видъ*, то есть міръ будетъ возстановленъ въ то состояніе, въ какомъ онъ былъ прежде. Ибо нельзя же думать, что вновь будутъ выстроены Содомъ и другіе города, то есть, Гоморра, Адаманъ и Севоимъ; они должны оставаться въ вѣчныхъ развалинахъ. А слово *Египеть* въ писаніяхъ пегдѣ не упоминается въ смыслѣ Іерусалима, но всегда въ смыслѣ этого міра. Было бы долго собирать изъ писаній безчисленные тому примѣры; представимъ одно свидѣтельство, гдѣ этотъ міръ особенно ясно называется Египтомъ. Въ своемъ соборномъ посланіи апостоль Іуда, братъ Іакова, пишетъ такъ: *вспомнуги же вамъ хочу, вѣдущимъ и вамъ единою сіе, яко Іисусъ люди отъ земли Египетскія спасе, послади невпровашія погуби* (Іуда 1, 5). Дабы не подумала ты, что здѣсь говорится о Іисусѣ, сынѣ Навина, вслѣдъ за симъ прибавлено: *ангелы же, не соблюдшия своего начальства, но оставшия свое жилище, на судъ великаго дне, узамы вѣчными подѣ мракомъ соблюде* (ст. 6). И чтобы удостовѣрить тебя въ томъ, что

гдѣ вмѣстѣ упоминаются Египеть, Содомъ и Гоморра, тамъ они означаютъ не мѣстности, но этотъ міръ, апостоль тотчасъ приводитъ примѣръ: *якоже Содома и Гоморра и окрестныя ихъ грады, подобнымъ имъ образомъ преблудившия и заходившия въ слѣдъ плоти иныя, подлежатъ въ показаніе огня вѣчнаго. судъ подѣемше* (ст. 7). Да и нужно ли искать многихъ свидѣтельствъ, когда евангелистъ Матѳеиъ рассказываетъ, что послѣ страданій и воскресенія Господня: *каменіе распадется, и гробы отверзюшася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа, и изшедше изъ гробовъ по воскресеніи его, выидоша во святыи градъ и явишася многымъ* (Матѳ. 27, 51). Въ этомъ мѣстѣ разумѣется отнюдь не небесный Іерусалимъ, какъ нѣкоторые странно думаютъ; не могло бы быть никакаго знаменія для людей о воскресеніи Господа, если бы тѣла святыхъ явились въ небесномъ Іерусалимѣ. И такъ, если евангелъ и въ Писаніи называютъ Іерусалимъ святымъ городомъ, а псалмопѣвецъ заповѣдуетъ поклоняться *на мѣсто идѣже стоятъ нозѣ его* (Псал. 131, 7), то ты не позволишь себѣ называть Содомомъ и Египтомъ тотъ городъ, которымъ запретилъ Господь клясться, такъ какъ онъ городъ Царя великаго.

Ставятъ въ укоръ землѣ обѣтованной то, что она напаялась кровью Господнею. А почему же почитаютъ благословенными тѣ мѣста, въ которыхъ пролили кровь за Христа Петръ и Павелъ, вожди христіанскаго воинства? Если славно исповѣданіе слугъ и людей, то почему же не славно исповѣданіе Господа и Бога? И если поклоняемся гробамъ мучениковъ, и святыя останки ихъ поставляя на виду, даже, если можно, прикладываемся къ нимъ устами; то почему же оставлять безъ вниманія гробъ, въ которомъ былъ похороненъ Господь? Если не вѣримъ себѣ, то повѣримъ, по крайней мѣрѣ, діаволу и ангеламъ его, которые всякій разъ въ виду этого гроба изгоняются изъ одержимыхъ ими людей, трепещутъ, какъ будто

стоя предъ судилищемъ Христовымъ, стекаются и приносятъ позднее раскаяніе въ томъ, что распяли того, кого боятся. Если послѣ страданій Господнихъ это мѣсто, какъ мелеть нечестивый языкъ, стало позорнымъ: то что же значило, что Павелъ спѣшилъ въ Іерусалимъ, чтобы тамъ провести пятидесятицу? И зачѣмъ онъ, возбранявшимъ это, говорилъ: *что творите, плачуще и сокрушающе ми сердце? Азъ бо не точію связанъ быти хочу, но и умерети во Іерусалимъ готовъ есмь за имя Господа Іисуса* (Дѣян. 21, 13). Къ чему говорить долѣе о другихъ святыхъ и славныхъ мужахъ, которые уже послѣ прославленія Господня приносили свои обѣты и пожертвованія къ братьямъ, находившимся въ Іерусалимѣ?

Долго было ~~съ~~ исчислять нынѣ, сколько во все время отъ вознесенія Господня до настоящаго дня, евангелистовъ, сколько мѣщичковъ, сколько искуснѣйшихъ въ церковномъ ученіи мужей ходило въ Іерусалимъ. Всѣ они думали, что въ нихъ меньше будетъ религіозности, меньше знаній, и что они не получаютъ, какъ говорится, высокой руки добродѣтелей (*summam tantum virtutum*), если не поклонятся Христу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заблестало со креста первоевангеліе. Въ самомъ дѣлѣ, если извѣстный ораторъ, не помню только кого, считаетъ достойнымъ порицанія за то, что тотъ учился греческой письменности не въ Аѳинахъ, но въ Лилибаѣ, а латинской не въ Римѣ, но въ Сициліи, поелику всякая область имѣетъ нѣчто особенное, чего другая въ равной степени имѣть не можетъ: то зачѣмъ же и намъ думать, что безъ нашихъ Аѳинъ кто нибудь дойдетъ до вершины наукъ?

Мы говоримъ это не потому, чтобы отвергали, что царствіе Божіе внутри насъ есть, и что есть святые мужи и въ другихъ странахъ; но въ особенности утверждаемъ это потому, что лучшіе въ этомъ мірѣ христіане собираются здѣсь вмѣстѣ. А мы пришли къ этимъ мѣстамъ не какъ первыя, но какъ

послѣднія, дабы видѣть здѣсь первыхъ изъ всѣхъ народовъ. Конечно, чинъ монаховъ и дѣвственницъ есть въ самомъ дѣлѣ цвѣтъ и драгоценностей камень между церковными украшеніями. Каждый изъ лучшихъ людей Галліи спѣшитъ сюда. Удаленный отъ нашего міра британецъ, едва только начинаетъ преуспѣвать въ религіи, оставивъ западъ, стремится къ мѣсту, столько извѣстному по молвѣ и по библейскимъ упоминаніямъ. А что сказать объ Армянахъ, Персахъ, народахъ Индіи и Еѳіопіи, о странѣ близъ Египта, кипящей монахами, о Понтѣ, Каппадокии, Сирии Келенской (Calen) и Месопотаміи, и о всѣхъ вообще народахъ Востока? Они по слову Спасителя: *идѣже бо аще будетъ трунь, тамо соберутся орли* (Матѣ. 24, 28),— стекаются къ этимъ мѣстамъ и представляютъ намъ зрѣлище всевозможныхъ добродѣтелей. Какъ ни различны голоса, но религія одна. Сколько разностей народныхъ, столько же почти и поющихъ хоровъ. Но между ними (что составляетъ исключительно или по преимуществу христіанскую добродѣтель) нѣтъ никакого спора изъ-за своекорыстія ли, или изъ побужденій гордости; общее соревнованіе изъ-за смиренія. Пусть будетъ самый послѣдній, его почитаютъ, какъ перваго. Нѣтъ никакихъ отличій, ничего поразительнаго въ одеждѣ. Какъ бы ни заблаго-разсудилось ходить,—нѣтъ ни порицанія, ни похвалы. И посты не возвышаютъ никого: не презносятся венденіе, не осуждается и умѣренное насыщеніе. Каждый своему Господу стоитъ или падаетъ. Никто не судитъ другаго, дабы не быть осужденнымъ отъ Господа. А грызть другъ друга зубами, что такъ обыкновенно во многихъ странахъ, здѣсь этого вовсе не водится. Нѣтъ роскоши, нѣтъ и развлеченій. Но столько молитвенныхъ мѣсть въ городѣ, что обойти ихъ не достанетъ и цѣлаго дня.

Подойдемъ къ домику Христову и гостинницѣ Маринной (ибо всякій хвалитъ болѣе то, чѣмъ владѣеть): какою рѣчью,

какими словами можемъ мы представить тебѣ вертепъ Спасителя? Эти ясли, въ которыхъ Онъ плакалъ, будучи младенцемъ, должны быть чтимы болѣе молчаніемъ, чѣмъ безсильною рѣчью. Гдѣ широкіе входы? гдѣ своды золоченные? Гдѣ дома убранные денежными штрафами съ бѣдняковъ и трудомъ осужденныхъ на казнь? Гдѣ на подобіе дворцовъ, возведенные богатствомъ частныхъ лицъ, храмы, чтобы расхаживало, какъ драгоценность, дешевое тѣло человѣка, и, какъ будто ничего не можетъ быть прекраснѣе его въ мірѣ, засматривалось болѣе на свои ступни, чѣмъ на небо? Вотъ въ этомъ маленькомъ земляномъ углубленіи родился Строитель неба; здѣсь обвить Онъ былъ пеленами; здѣсь видѣли Его—пастыри; здѣсь указала Его звѣзда; здѣсь поклонились Ему волхвы. Это мѣсто, я думаю, священнѣе скалы Тарпейской, которую такъ часто поражаетъ небесная молнія, показывая тѣмъ ея неудобность Господу.

Читай Іоанновъ Апокалипсисъ и смотри, что говорится о женѣ, облеченной въ червленницу, о позорѣ, написанномъ на челѣ ея, о семи горахъ, о водахъ многихъ и объ уходѣ изъ Вавилона: *Изыдите, говоритъ Господь, изъ нея, людіе мои, да не причаститесь грѣхомъ ея, и отъ язвъ ея да не вредитесь* (Апок. 18, 4). Обратись затѣмъ къ Іереміи, и внимай написанному въ томъ же смыслѣ: *бѣжите отъ среды Вавилона, и спасите кійждо душу свою* (Іерем, 51. 8). *Паде, паде Вавилонъ великій и бысть жилище бѣсомъ и хранитель всякому духу нечисту* (Апок. 18, 2). Конечно и тамъ ¹⁾ есть святая церковь, есть трофеи апостоловъ и мучениковъ; есть истинное исповѣданіе Христа, есть вѣра, проповѣданная апостоломъ, и по низверженіи язычества, съ каждымъ днемъ усиливается слово христіанское: но самый блескъ, могущество и обшир-

¹⁾ По контексту видно, что здѣсь идетъ рѣчь о Римѣ, которому усвоится аллегорически имя Вавилона.

ность города, заставляет себя казать и людей смотрѣть, откланиваться и кланяться, хвалить и порицать, или слушать, или говорить, почти по необходимости видѣть такое множество народа,—а все это удаляетъ отъ подвига и уединенія монашескаго. Если станешь принимать приходящихъ къ тебѣ, то потеряешь молчаливость; не станешь принимать—упрекнуть въ гордости. А иногда, чтобы отдать посѣтителемъ визитъ, придется подходить къ пыннымъ дверямъ, и вступать подъ позлащенные своды среди ругательствъ прислуги. Но въ Христовомъ домикѣ, какъ сказали мы выше,—все—простота, и только пѣніемъ псалмовъ нарушается молчаніе. Обратись куда угодно: земледѣлецъ, идя за плугомъ, поетъ Аллилуія; покрытый потомъ жнецъ развлекается псалмами, и виноградарь, срѣзывая кривымъ ножомъ виноградныя вѣтви, поетъ что нибудь изъ Давида. Таковы въ этой странѣ пѣсни, и это любимыя пѣсни, какъ говоритъ народъ. Онѣ—покрикиваніе пастуха,—онѣ—орудіе земледѣлія.

Но увидимъ ли мы исполненіе своихъ желаній? Ахъ, придетъ ли то время, когда ангель—путеводитель принесетъ вѣсть, что налпа Марцелла пристала къ берегамъ Палестины, и зашумитъ хоръ монаховъ и толпа дѣвственницъ? Вотъ ужъ мы поднялись спѣшить на встрѣчу, и не ожидая повозки, быстро несемъ пѣшкомъ. Возьмемъ за руки, насмотримся въ лице, и не оторвемся отъ желанныхъ объятій. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, не будетъ того дня, когда намъ придется вмѣстѣ войти въ вертепъ Спасителя? Плакать на гробѣ Господнемъ съ сестрою ¹⁾, плакать съ матерью ²⁾? Потомъ лобызать древо крестное, и на мас-

1) Подъ именемъ сестры должно разумѣть жену Алфееву или Клеопову по ев. Иоанна,—мать Иакова младшаго и сестры Маріи дѣвы.

2) Подъ тремя славными женами должно разумѣть Сарру, Ревекку и Лію, но не Рахиль, какъ думаютъ нѣкоторые. См. Быт. 49, 31.

личной горѣ съ возносящимся Господомъ возноситься желаніемъ и духомъ? Видѣть выходъ Лазаря, повитаго пеленами, и чистѣйшія, омывшія Господа струи Иордана? Отсюда идти къ дому овчему Пастырей, молиться на гробницѣ Давидовой? Видѣть и теперь Амоса пророка, трубящаго въ пастушій рогъ на своей горѣ? Поспѣшить воспоминаніемъ въ палатки Авраама, Исаака и Иакова и трехъ ихъ славныхъ женъ? Увидѣть источникъ, въ которомъ Филиппъ окрестилъ евнуха? Пройти въ Самарію, и поклониться останкамъ Іоанна Крестителя, также Елисея и Авдія? Войти въ пещеры, въ которыхъ во время гоненій и голода питалось такое число пророковъ? Пойдемъ въ Назареть, и соотвѣтственно съ значеніемъ самаго названія его, увидимъ *цвѣтъ* Галилеи. Не далеко отсюда видна будетъ Кана, гдѣ вода превращена въ вино. Взойдемъ на гору Фаворъ и увидимъ тамъ жилище Спасителя, не какъ хотѣлось когда-то Петру, съ Мойсеемъ и Іліею, но съ Отцемъ и Духомъ Святымъ. Отсюда пойдемъ къ Генисаретскому морю, и увидимъ въ пустынѣ пять тысячъ и за тѣмъ четыре тысячи человекъ, насыщенныхъ пятью и семью хлѣбами. Покажется городокъ Наинъ, въ воротахъ котораго воскрешенъ сынъ вдовы. Посмотримъ и на Ермонимъ и горящій Эндоръ, въ которомъ побѣжденъ Сисара. Увидимъ и Капернаумъ, обыкновенное мѣсто знаменій Господнихъ, и вмѣстѣ съ нимъ всю Галилею. И когда за тѣмъ по слѣдамъ Господа, чрезъ Силоамъ, Вефиль и другія мѣста, въ которыхъ, какъ знамена побѣдъ Господнихъ, возносятся церкви, мы возвратимся къ своей пещерѣ, тогда станемъ пѣть постоянно, часто плакать, непрестанно молиться, и уязвленные копіемъ Спасителя, воскликнемъ вмѣстѣ: *обрѣтохъ, егоже возлюби душа моя: удержавъ его, и не оставихъ его* (Иѣсн. п. 3, 4).

45. Письмо къ Дезидерію.

Прочитавъ письмо твоей чести, которымъ неожиданно для меня почтила меня твоя благосклонность, я обрадовался одобренію со стороны почетнаго и краснорѣчиваго мужа; но, обратившись къ самому себѣ, не мало скорбѣлъ, сознавая, что меня, недостойнаго такихъ похвалъ и славы, онѣ болѣе тяготятъ, чѣмъ облегчаютъ. Ты знаешь наше правило—держатъ знамя смиренія и восходить на высоту, иди путемъ низменнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, столько ли я значу, такъ ли я великъ, чтобы заслуживать одобреніе ученаго мужа и принимать пальму первенства въ краснорѣчїи отъ того, кто пишетъ столь краснорѣчиво, что внушаетъ мнѣ страхъ—писать? Но однакожь должно рѣшиться (писать къ тебѣ), чтобы любовь, которая не *ищетъ своихъ си*, но иже суть ближняго, исполнила долгъ вѣжливости, когда не въ силахъ принять на себя наставническія обязанности.

Привѣтствую тебя и святую и достопочтенную сестру твою Серениллу, которая, *θερουδρος* ¹⁾ идя по волнамъ сего вѣка, достигла пристани Христовой, какъ будто это предназначено было ей самымъ значеніемъ ея имени. Ибо мы читаемъ, что и свитый Даниїль названъ *мужемъ желаній* (Дан. 9) и другомъ Божїимъ, поелику желалъ знать тайны Его. Охотно исполню то, что просила меня сдѣлать достопочтенная Павла: совѣтую вамъ и умоляю ради любви Господней подарить насъ вашимъ лицезрѣніемъ, и ради святыхъ мѣстъ, обогатить насъ такимъ даромъ. А если бы вамъ не понравилось наше сообщество, — то все-таки долгъ вѣры помолиться тамъ, гдѣ стояли

¹⁾ Т. е. сообразно съ своимъ именемъ. *Serenilla*—значитъ *живущая въ спокойствїи*,—Серенилла была жена Дезидерія, называется же сестрою въ означеніе чистоты и непорочности ихъ отношеній.

ноги Господа, и какъ бы увидѣть свѣжіе слѣды рождества, страданій и крестной Его смерти.

Изъ своихъ сочиненьишекъ я ничего не послалъ, потому что весьма многія изъ нихъ вылетѣли изъ своего гнѣзда, и не встали удостоены изданія въ свѣтъ и потому я опасался, какъ бы не послать тебѣ того, что уже ты имѣешь. Если же пожелается тебѣ позаимствовать экземпляръ моихъ трудовъ, то можешь взять или у Марцеллы, живущей на Авентинской горѣ, или у Лота нашего времени, святѣйшаго мужа, Домніона. Я же ожидаю личнаго свиданія съ тобою, и или дамъ тебѣ цѣлый (экземпляръ), когда прибудешь, или, если этому помѣшаютъ какія-нибудь неблагоприятныя обстоятельства, охотно пришлю, что прикажешь. Въ подражаніе Транквиллу и греку Аполлонію, я написалъ книгу о знаменитыхъ мужахъ отъ Апостоловъ и до нашего времени, и въ концѣ длиннаго ряда ихъ, какъ отребіе, и самаго незначительнаго изъ всѣхъ христіанъ, я поставилъ и себя, когда мнѣ необходимо было кратко указать на то, что я написалъ до 14 года царствованія Феодосіева. Когда эту книгу ты возьмешь у выше упомянутыхъ лицъ, и по справкѣ съ указателемъ не найдешь у себя нѣкоторыхъ моихъ сочиненій, то я прикажу мало по малу переписывать ихъ для тебя, если пожелаешь.

46. Письмо къ Паммахію или Апологія книгъ противъ Іовініана.

Причиною, по которой я доселѣ не писалъ къ тебѣ, было твое молчаніе. Я опасался, прервавъ своимъ письмомъ твое молчаніе, не показаться тебѣ болѣе навязчивымъ, чѣмъ учтивымъ. А теперь по вызову твоего дорогаго письма, побудившаго при томъ меня къ обсужденію нашего образа мыслей, принимаю соученика, собесѣдника и друга съ распростерты-

ми, какъ говорятъ, объятіями: готовлю тебя въ защитника моихъ сочиненій, съ условіемъ, впрочемъ, если найду напередъ въ тебѣ милостиваго судью, и при томъ познакомлю своего оратора со всѣмъ, въ чемъ меня обвиняютъ. Ибо, какъ писалъ твой Туллій, и прежде него въ одной краткой книгѣ Антоній, первое условіе побѣды—тщательно изучить предметъ, въ пользу котораго намѣреваешься говорить.

Нѣкоторые обвиняютъ меня, что въ книгахъ, написанныхъ мною противъ Іовиніана, я вдался въ крайность, какъ въ похвалѣ дѣвства, такъ и въ униженіи браба,—и говорятъ, что осужденіемъ супружества настолько возвышается цѣломудренность, что повидимому не остается никакого сравненія между женою и дѣвицею. Если я хорошо помню, въ чемъ дѣло то споръ между Іовиніаномъ и нами состоялъ въ томъ, что, онъ ставилъ супружество наравнѣ съ дѣвствомъ, а мы на низшей степени: для него и дѣвство, и бракъ были или равны, или безразличны; а для насъ имѣли большое различіе. Іовиніанъ былъ осужденъ и тобою, дѣйствовавшимъ о Господѣ, за то, что дерзнулъ поставить супружество наравнѣ съ непрерывнымъ цѣломудріемъ. А если дѣвица и замужняя безразличны, то почему онъ не могъ услышать въ Римѣ прощенія за это мнѣніе? Дѣвица рождается отъ мужа, но мужъ не отъ дѣвицы. Не можетъ быть никакой середины: должно послѣдовать или моему мнѣнію, или Іовиніанову. Если осуждать меня за то, что супружество я ставлю ниже дѣвства, то пусть хвалятъ того, кто ставитъ ихъ наравнѣ. А если осудили того, кто считалъ ихъ равными, то его осужденіе послужить въ пользу моего образа мыслей. Пусть люди вѣка сего не довольны, что они поставлены на низшей степени, чѣмъ люди дѣвствующие; но удивляюсь, что духовные, монахи и воздержники не хвалятъ того, что дѣляютъ. Удаляются отъ собственныхъ женъ, чтобы

подражать дѣвственной чистотѣ, а хотять, чтобы замужнія стояли на тойже высотѣ совершенства, какъ и дѣвицы. Пусть или соединяются съ своими женами, которымъ дали обѣты, или если воздерживаются отъ женъ, то пусть лучше молча признаются, что есть нѣчто такое, что они предпочитаютъ супружеской связи. Неужели я совѣмъ невѣжда въ Писаніяхъ и теперь только въ первый разъ читаю священныя книги, что я не могъ провести линіи, и (такъ сказать) тонкой нити различія между дѣвствомъ и супружествомъ? Именно, я не зналъ изреченія: *не буди правдивъ velmi* (Экклез. 7. 17); и когда закрывалъ одинъ бокъ, меня ранили въ другой; а сказать яснѣе, когда я твердыми шагами иду противъ Ювиніана, мой тылъ израненъ Манихеемъ. „Спрашиваю, не говорилъ ли я этого напередъ, тотчасъ въ началѣ моего сочиненія? Ибо мы не порицаемъ и супружества, слѣдую ученію Маркіона и Манихея, и не считаемъ вообще гнуснымъ брачное сожитіе, слѣдую заблужденію Татіана, вождя Энkratитовъ, который осуждаетъ и пренебрегаетъ не только супружество, но даже и пищу, сотворенную Богомъ на потребу. Знаемъ, что въ большомъ домѣ есть сосуды не только золотые и серебрянные, но и деревянныя, и глиняныя, и что на Христовомъ основаніи, положенномъ архитекторомъ Павломъ, иные надстраиваютъ злато, серебро и каменіе честное; а иные, напротивъ, дрова, сѣно, тростіе. Не отрицаемъ честнаго брака и ложа несквернаго. Мы читали въ числѣ первыхъ изреченій Божіихъ: *раститеся и множитесь и наполните землю* (Быт. 1. 28). Но мы все-таки ставимъ супружество ниже дѣвства, которое рождается отъ супружества. Ужели серебро перестало быть серебромъ, потому что есть золото, которое дороже серебра? Униженіе ли для дерева и жатвенныхъ травъ, если корню и листьямъ, стеблю и мякинѣ предпочитаютъ плоды и зерна? Какъ плодъ происходитъ отъ дерева, какъ зерно изъ стебля, такъ и дѣвство отъ

супружества. Урожай во сто, въ шестьдесятъ и въ тридцать, хотя происходятъ и отъ одной почвы и отъ одного даже посѣва, однако жъ весьма различны по количеству. Тридцать относится къ замужнимъ, поелику даже и самое сложеніе пальцевъ въ счетѣ (XXX), какъ бы обнимающихся и переплетающихся въ сложномъ поцѣлѣ, указываетъ на мужа и жену; шестьдесятъ (LX) ко вдовамъ, потому что онѣ находятся въ стѣснительномъ и прискорбномъ положеніи, въ соотвѣтствіе чему и выражается это число большимъ пальцемъ, такъ какъ чѣмъ больше трудности для вкусившей удовольствій воздержаться отъ приманки къ нимъ, тѣмъ больше ей и награды. Но число сто (C) (прошу читателя обратить вниманіе) переносится съ лѣвой руки на правую, и хотя тѣми-же пальцами, какими на лѣвой обозначаются замужнія и вдовы, но не на той рукѣ, изображаемое въ видѣ кольца представляетъ корону дѣвства“.

Спрашиваю тебя, тотъ, кто это говоритъ, осуждаетъ замужество? Мы сказали, что дѣвство—золото, замужество—серебро. Мы представили, что урожай во сто, въ шестьдесятъ и въ тридцать производятся одною землею, и однимъ посѣвомъ, хотя и весьма различны количественно. И кто же изъ читателей будетъ настолько не справедливъ, чтобы судить меня не изъ моихъ собственныхъ словъ, но по своему разумѣнію ихъ? А въ самомъ дѣлѣ мы были въ отношеніи къ супружеству даже гораздо снисходительнѣе, чѣмъ почти всѣ латинскіе и греческіе толкователи, такъ какъ они сотое число относили къ мученикамъ, шестьдесятое—къ дѣвицамъ, тридцатое—ко вдовамъ; и по ихъ мысли выходило, что замужнія исключаются изъ числа плодовъ доброй земли и урожайнаго посѣва. Но чтобы свою первоначальную осторожность не испортить дальнѣйшею неосмотрительностію, я, обозначивъ части своего сочиненія и приступая къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ вопросовъ,

тотчасъ же сказалъ слѣдующее: „прошу васъ, дѣвственники и воздержники, супруги и второбрачные обоего пола, помогите молитвами моимъ усиляемъ“. Ювиніанъ врагъ всѣхъ вообще. А въ чьихъ молитвахъ я нуждаюсь, кого молю быть помощниками мнѣ въ трудѣ, тѣхъ развѣ я могу осудить въ манихейскомъ заблужденіи?

Перейдемъ къ другому. Ибо и самая сжатость предѣловъ письма не позволяетъ долѣе останавливаться на подробностяхъ. Изъясная вотъ это изреченіе апостола: *жена своимъ тѣломъ не владѣтъ, но мужъ: такожде и мужъ своимъ тѣломъ не владѣтъ, но жена* (1 Коринф. 7. 4), мы присовокупили слѣдующее (Lib. 1, сар. 4): „здѣсь вся рѣчь идетъ о тѣхъ, которые состоятъ въ супружествѣ: вопросъ въ томъ—можно ли имъ оставлять женъ, что запрещено и Господомъ въ Евангеліи. Посему-то апостоль и говоритъ: *добро чловѣку женъ* (или женщинѣ—*uxorem vel mulierem*) *не прикасатися* (1 Кор. 6, 1), какъ будто и въ прикосновеніи есть опасность, и какъ будто не избѣжитъ ея тотъ, кто коснется къ ней. Посему-то и Иосифъ, когда хотѣла коснуться его египтянка, сбросилъ одежду, убѣгая изъ рукъ ея. Но кто женился, тотъ, поелику не имѣетъ права воздерживаться (отъ жены) безъ взаимнаго согласія, или дать разводную безъ вины ея, пусть исполняетъ супружескій долгъ, такъ какъ добровольно обязался исполнять его“. Кто говоритъ, что это заповѣдь Господа, чтобы не отпустить женъ, и что вопреки согласію, *еже Богъ сочета, чловѣкъ да не разлучаетъ* (Матѣ. 19. 6), можно ли о томъ сказать, что онъ осуждаетъ супружество? Опять въ слѣдующихъ словахъ: *кїйждо, сказано, свое дарованіе имать отъ Бога: овъ убо сице, овъ же сице* (1 Кор. 7, 7). Изъясная эту мысль, мы сказали слѣдующее (Lib. 1, с. 8): „ясно, говоритъ апостоль, чего желалъ бы я. Но такъ какъ и въ церкви дарованія раз-

личны, то допускаю и супружества, чтобы не показаться осуждающимъ природу. Но замѣть при этомъ, что дѣвство есть одно дарованіе, а супружество—другое. Ибо, если бы дѣвство и супружество были безразличны, то, заповѣдая воздержаніе, Апостоль отнюдь бы не сказалъ: *но кійждо свое дарованіе имать отъ Бога: овъ убо сице, овъ же сице*. Гдѣ у каждаго есть своя особенность, тамъ есть и различіе. Допускаю, что и супружество есть дарованіе Божіе, но между однимъ дарованіемъ и другимъ большое различіе. Наконецъ, Апостоль объ одномъ каявшемся послѣ блудодѣянія сказалъ: *сопротивное паче вы да даруете* ему; *и утѣшите... Ему же аще что даруете, и азъ* (2 Кор. 7, и 10), и дабы мы не подумали, что должно презрѣть дарованіе человѣка, присовокупилъ: *ибо азъ аще что даровахъ, емуже даровахъ, васъ ради о мизъ Исусъ Христовъ* (ст. 10). Христовы дарованія различны. Посему и Іосифъ, прообразовавшій Христа, имѣлъ разноцвѣтную одежду. И въ псалмѣ сорокъ четвертомъ читаемъ: *предста царица одесную тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣана, преиспещрена*. И апостоль Петръ говоритъ: *яко и снслѣдницы* многообразной (multiplici) благодати Божіей (1 Петр. 3, 7), что по гречески читается выразительнѣе: ποικίλης, т.е. многообразной (variae).

Спрашиваю, что значитъ это усиліе—закрывать глаза, и не видѣть самаго яснаго свѣта? Мы сказали, что „въ церкви дарованія различны, — дарованіе дѣвства—одно, супружества—другое“, —и не много спусти, — „согласенъ, что и супружество есть даръ Божій; но между однимъ даромъ и другимъ—большое различіе“. И говорятъ, что мы осуждали то, что въ самыхъ ясныхъ словахъ мы назвали дарованіемъ Божіимъ. Если Іосифа считать прообразомъ Господа, то разноцвѣтность одежды его должно примѣнить къ дѣвицамъ, вдовамъ, воздержницамъ и замушнимъ. Да и можно ли по одеждѣ считать Іосифа не

прообразомъ Христа,—когда и сама царица, то есть церковь Спасителява, какъ мы указывали,—*въ ризахъ позлищенныхъ одѣяна, преиспещрена?* И въ послѣдствіи, разсуждая о бракѣ, мы слѣдовали этому же образу мыслей. Слѣдующее за симъ мѣсто не относится къ предмету настоящаго спора, поелику содержитъ въ себѣ мысль Господа, чтобы жена, которая не должна быть отпускаема, развѣ словесе любодѣйнаго,—уже будучи отпущена, не выходила замужъ за другаго при жизни перваго мужа: или, чтобы она опять примирилась съ мужемъ своимъ, подобно тому, какъ и въ другомъ мѣстѣ сказано: *жена привязана есть закономъ въ елико время живетъ мужъ ея. Аще же умретъ мужъ ея, свободна есть, за него же хочетъ посянути: точію о Господѣ* (1 Кор. 7, 39), то есть только за христіанина“. Здѣсь очевидно позволяются вторые и третьи браки о Господѣ, тогда какъ запрещаются даже и первые браки съ язычниками.

Прошу, пусть откроютъ уши мои порицатели, пусть обратятъ вниманіе на то, что мы допустили вторые и третьи браки о Господѣ. Кто не осуждалъ вторыхъ и третьихъ браковъ, могъ ли тотъ осудить первые? Точно также и въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы изъяснили изреченіе апостола: *во обрѣзаніи ли кто призванъ бысть, да не отторгнется: въ необрѣзаніи ли кто призванъ бысть, да не брѣзуется* (Ibid. 18), (хотя нѣкоторые даже весьма разумные толкователи Писаній утверждаютъ, что это сказано на счетъ обрѣзанія и рабства законнаго), не стояли ли мы самымъ яснымъ образомъ за супружескій союзъ? Ибо мы говорили (Lib. 1, с. 6): „*Въ необрѣзаніи ли кто призванъ бысть, да не обрѣзуется.* Если ты имѣлъ жену, сказано, когда принялъ вѣру, то не считай вѣры Христовой основаніемъ для развода, поелику Господь призвалъ насъ въ мирѣ. *Обрѣзаніе ничтоже есть, и необрѣзаніе ничтоже есть, но соблюденіе*

заповѣдей Божиихъ (1 Кор. 7. 19 и Галат. 5. 6). Безъ дѣль никакой пользы не приноситъ и безбрачіе и супружество, даже вѣбра, и притомъ исключительно свойственная христіанкамъ, называется мертвою, если не сопровождается дѣлами; въ противномъ случаѣ могли бы считаться въ чинѣ святыхъ дѣвы Весталки и однуужнія служительницы Юноны“. И спустя немного говорится: „*рабъ ли призванъ былъ еси, да не нерадиши* (не печалься); *но аще и можеша свободенъ быти, больше поработи себе* (1 Кор. 7. 28). Если ты, сказано, взялъ жену, привязался къ ней, и, исполняя свой долгъ, не имѣешь власти надъ своимъ тѣломъ, но (сказать яснѣе) сдѣлался рабомъ жены: то не печалься по этому поводу, и не вздыхай о потерѣ дѣвственности. И хотя бы ты и могъ найти какія нибудь причины для развода, чтобы наслаждаться свободою цѣломудрія, то не ищи своего благополучія чрезъ погибель другаго“. Наблюдай въ отношеніи къ женѣ умѣренность, не предупреждай, когда она не вызываетъ. И если будешь дѣйствовать терпѣливо, то жена перемѣнится на сестру.

Такъ и въ томъ мѣстѣ,—гдѣ мы объяснили, почему Павелъ сказалъ: *о двѣахъ же повелѣніяхъ Господня не имамъ: советъ же даю яко помилованъ отъ Господа въренъ быти* (1 Коринѣ. 7. 25), — мы поставляли самое дѣвство въ связи съ сохраненіемъ супружескаго состоянія. „Если бы Господь заповѣдалъ дѣвство, то значило бы, что онъ осудилъ бы супружество и исторгнулъ бы сѣмя человеческое, отъ котораго рождается и самое дѣвство. Если бы онъ отсѣкъ корень, то какъ могъ бы искать плодовъ? Если бы напередъ не подложилъ основанія, то какимъ образомъ могъ бы воздвигнуть стѣны и покрывающую ихъ кровлю“? Если мы сказали, супружество корень, а дѣвство — плодъ, — супружество — основаніе, а постоянное цѣломудріе — стѣны или кровля; то кто же изъ моихъ

порицателей будетъ столько нахаленъ или столько слѣпъ, чтобы, видя въ домѣ стѣны и кровлю, и не замѣтить основанія, на которомъ держатся стѣны и кровля? И въ другомъ мѣстѣ, приведши опредѣленіе Апостола, въ которомъ онъ говоритъ: *привязался ли еси женѣ, не ищи разрѣшенія: отръшился ли еси жены; не ищи жены* (1 Кор. 7. 27) мы присоединили къ этому слѣдующее (Lib. 1, ст. 7): „всякій держись своихъ границъ: отдай мнѣ мое, и возьми свое. Если ты соединился съ своею женою, не давай ей развода. Если разошелся съ женой, не ищи ея. Какъ я не разрываю брака, если имъ уже соединены, такъ и ты не соединяй того, что разорвано“. По поводу еще одного текста нами самымъ яснымъ образомъ высказано, что мы думали о дѣвствѣ и супружествѣ (Lib. 1, сар. 7): „Апостоль не навязываетъ намъ на шею петли, и не принуждаетъ быть тѣмъ, чѣмъ мы не хотимъ, но убѣждаетъ къ тому, что честно и прекрасно и побуждаетъ служить Господу прилежно, быть всегда внимательными въ ожиданіи готовой открыться воли Господней, дабы все, что ни повелитъ Онъ, мы могли исполнить тотчасъ, какъ исполняетъ приказанія воинъ добрый и готовый къ брани, не терпящій никакого *попеченія всяческаго, еже даде Богъ, по Экклезіасту, сынамъ человѣческимъ, еже нещися въ немъ*“ (Еккл. 3. 10). Подъ конецъ сравненія дѣвства и супружества мы заключили наше изслѣдованіе слѣдующими словами (Lib. 1, сар. 7): „Гдѣ есть хорошее и лучшее, тамъ не одинакова награда, тамъ, конечно, различны дарованія. Такимъ образомъ между супружествомъ и дѣвствомъ столько же различія, сколько между недѣланіемъ грѣха и дѣланіемъ добра; сказать еще проще,—сколько между хорошимъ и лучшимъ“.

Въ послѣдствіи (Lib. 1. с. 8), по окончаніи рѣчи о супружествѣ и дѣвствѣ, мы снова сравнивали однобрачность съ второбрачіемъ и какъ супружество поставили ниже дѣвства, такъ

и однобрачіе поставили ниже второбрачности. Все это мы сдѣлали для того, чтобы, по нашимъ словамъ, „осторожно слѣдуя узаконеніямъ Писанія идти между ними прямою дорогою, и не уклониться ни на десно, ни на шусе, и исполнить изреченіе: *не буди правдивъ вельми* (Еккл. 7. 17). Не показали ли мы при этомъ до очевидности, что въ священномъ Писаніи означается деснымъ и шуйнымъ, и что значитъ *не буди вельми правдивъ*? Именно, что лѣвое состоитъ въ томъ, если слѣдовать страстямъ іудеевъ и язычниковъ и постоянно жаждаютъ сообщеній; десное, — если слѣдовать заблужденію манихеевъ, и при наружномъ цѣломудріи путаться въ сѣтяхъ распутства. А дорога прямая, — искать дѣвства въ такой мѣрѣ, чтобы не осуждать брака. Поэтому, кто изъ судей моихъ сочиненій будетъ на столько несправедливъ, чтобы сказать, что я осуждаю первый бракъ, если онъ читалъ, что я говорилъ о второмъ? Апостоль дозволяетъ вторые браки; но дозволяетъ желающимъ, тѣмъ, которые не могутъ воздержаться; *егда бо развиртъпють о Христъ, посягати хотять, имущія чръхъ, яко первыя вѣры отвергошася*; и допускаетъ потому, что *нѣкія возвратишася въ слѣдъ сатаны* (1 Тим. 5, ст. 11. 15). Однако лучше имъ было бы, если бы онѣ оставались безъ брака; и при этомъ апостоль указываетъ на свой апостольскій авторитетъ: *по моему совѣту*. А чтобы не казался незначительнымъ авторитетъ апостола, какъ человѣка, онъ прибавляетъ; *миюся бо и азъ Духа Божія имѣти* (1 Кор. 7, 40). Гдѣ онъ призываетъ къ воздержанію, тамъ предлагаетъ — не свой совѣтъ, а совѣтъ Духа Божія. А гдѣ даетъ позволеніе на бракъ, тамъ не упоминаетъ о Духѣ Божіемъ, а даетъ совѣтъ простой разсудительности, — и настолько снисходительный ко всѣмъ, чтобы каждый могъ его принять “. Представивъ такимъ образомъ свидѣтельства, въ которыхъ Апостоль дозволяетъ вторые браки, мы тотчасъ прибавили: „какъ дѣвамъ онъ позволяетъ бракъ изъ-за опасности любодѣяннія, и

дѣлаетъ извинительнымъ то, что само по себѣ не составляетъ непремѣнной потребности; такъ изъ-за того же любодѣянiя онъ дозволяетъ и вдовамъ вторыя замужества“. Ибо лучше знать одного мужа, хотя бы онъ былъ второй или третiй, чѣмъ многихъ: „то есть, терпимѣе—быть блудницей для одного человѣка, чѣмъ для многихъ“. Пусть замолчитъ клевета, —мы разсуждаемъ здѣсь о второмъ, третьемъ, четвертомъ (если угодно) супружествѣ, но не о первомъ. А дабы нашихъ словъ: терпимѣе быть блудницей одного человѣка, чѣмъ многихъ, —никто не отнесъ къ первому браку, когда рѣчь наша исключительно шла о второмъ и третьемъ, мы заключили напослѣдокъ разсужденiе о вторыхъ и третьихъ бракахъ такъ: „*Вся мѣть суть, но не вся на пользу* (1 Кор. 6)“. Не осуждаю вторыхъ, третьихъ, ни даже (если можно такъ выразиться) осьмыхъ браковъ. Скажу еще болѣе: принимаю даже блудника кающагося. Что въ одинаковой степени простительно, то должно и взвѣшивать на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ“.

Пусть краснѣетъ мой порицатель, говорящiй, что я осуждаю первые браки, когда читаетъ: „не осуждаю вторыхъ, третьихъ, ни даже, если можно такъ выразиться, осьмыхъ браковъ“. Не осуждать—одно, восхвалять—другое: давать позволенiе—одно, хвалить добродѣтель—другое. А если я кажусь строгъ въ выраженiи: „что въ одинаковой степени простительно, то должно и взвѣшивать на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ“, то думаю, что меня не будетъ судить за жестокость и суровость тотъ, кто прочелъ какъ мѣста, относящiяся къ дѣвству и супружеству, такъ и мѣста, относящiяся къ троебрачнымъ, осьмобрачнымъ и кающимся. Наконецъ, наше слово засвидѣтельствовано Христомъ, по плоти дѣвственнымъ, по духу однобрачнымъ, такъ какъ у него—одна церковь: а подумали, что мы осуждаемъ бракъ! Говорять, что я осуждаю бракъ; а чьи это слова (Lib. 1, ст. 13):

„Нѣтъ сомнѣнія, что священники произошли отъ племени Аарона, Еліазара и Финееса: они, какъ имѣвшіе сами женъ, по справедливости возстали бы противъ насъ, если бы мы, увлеченные заблужденіемъ энкратитовъ, стали утверждать, что должно порицать супружество“. Мы осуждаемъ Татіана, начальника энкратитовъ, отвергающаго супружество, можемъ ли сами порицать бракъ? Опять изъ написанаго мною тамъ, гдѣ я сравниваю дѣвицъ и вдовъ, ясно само собою, что я думаю о бракахъ, и какъ различаю я три степени: дѣвство, вдовство или воздержаніе отъ женъ и супружество. „Не отрицаю, что блаженны вдовы, которыя останутся такими послѣ крещенія: не уменьшаю заслуги и тѣхъ, которыя въ чистотѣ живутъ съ мужьями: но такъ какъ первыя имѣютъ предъ Богомъ болѣе цѣны, чѣмъ замужнія, служащія брачнымъ обязанностямъ: то пусть же и онѣ сами переносятъ благодушно, если имъ предпочитается дѣвство“.

Представивъ изреченіе Апостола къ Галатамъ: *отъ дѣлъ закона не оправдится всякая плоть* (Гал. 2. 16), мы дали ему такой смыслъ (Lib. 1, ст. 23). „Къ дѣламъ закона относятся и супружества, почему закономъ и осуждаются тѣ, которыя не имѣютъ сыновей. Въ Евангеліи же если и дозволяются супружества, то иное дѣло—давать позволеніе слабости, а иное—обѣщать награду за добродѣтель“. Тутъ мы ясно сказали, что браки дозволяются въ Евангеліи; но однакожъ, что живущія въ брачномъ союзѣ не могутъ получать награды непорочности. Если живущимъ въ супружествѣ это не нравится; то пусть гнѣваются не на меня, а на священное Писаніе,—да на Евангелистовъ, на пресвитеровъ, діаконъ и весь чинъ священнической и левитской, на всѣхъ, которые сознаются, что они не могутъ приносить жертвъ, если служатъ брачнымъ обязанностямъ. Не ясно ли, что мы думаемъ о дѣвицахъ, вдовахъ и

супругахъ, и изъ того мѣста, гдѣ мы представили изреченіе изъ Апокалипсиса (Lib. 1, ст. 28): *Сіи поюще тѣснь нову, которой никтоже можаше навъкнути*,—суть дѣвственницы. *Они суть первенцы Богу и Дѣцу и безъ порока* (Апок. 14. 5). Если дѣвы суть первенцы Божіи, значить вдовы, и находящіяся въ замужествѣ будутъ послѣ первенцовъ, то есть, во второй и третьей степени; а объ насъ говорятъ, что съ еретическимъ неистовствомъ мы осуждаемъ браки!

Много и еще сказано нами по всей книгѣ съ осторожною умѣренностію о дѣвствѣ, вдовствѣ и о супружествахъ. Но заботясь о краткости, представляю еще только одно свидѣтельство, коему не думаю, чтобы кто сталъ противорѣчить, если не захочетъ показаться предубѣжденнымъ или безумцемъ. Упомянувъ, что Господь ходилъ на бракъ въ Кану Галилейскую, послѣ нѣсколькихъ словъ я присовокупилъ слѣдующее (Lib. 1, сар. 25): „кто ходилъ на бракъ, тотъ и училъ, что должны быть браки, и могъ бы повредить значенію дѣвства только въ такомъ случаѣ, если бы мы не поставили супружества на третьей степени послѣ дѣвства и вдовства. А теперь, когда еретики стали осуждать супружество и отменять постановленіе Божіе, мы охотно слушаемъ, что говорится въ похвалу супружества. Ибо церковь не осуждаетъ супружествъ, но ставитъ ихъ низко, и не презираетъ, но даетъ имъ извѣстное значеніе, зная (какъ сказали мы выше), что *въ величѣмъ дому не точію сосуди злати и серебряни суть, но и древяни и глиняни: и ови убо въ честь, ови же не въ честь* (2 Тимоѡ. 2. 20 20). И всякій, кто очиститъ себя, будетъ сосудъ въ честь, благопотребенъ, *на всякое дѣло благое уготованъ*“. Говорю, кто бы и что ни говорилъ въ похвалу супружества,—мы слушаемъ охотно. Хвалить супружество, мы охотно слушаемъ; можемъ ли осуждать супружество? Церковь не осуждаетъ супружества, но ста-

вить низко. Хотите, не хотите, замужество поставляется ниже дѣвства и вдовства. Церковь не осуждаетъ супруговъ, пребывающихъ въ своихъ обязанностяхъ, но ставитъ ихъ низко, и не презираетъ, но даетъ извѣстное значеніе. Если захотите взойти на вторую степень цѣломудрія,—это въ вашей волѣ. Но зачѣмъ же негодуете, если, стоя на третьей степени, не хотите взойти на высшую?

Такимъ образомъ, если я, какъ осторожный путникъ, шель почти по тысячѣ путей, и если такъ часто и многократно убѣждалъ читателя, что я придаю замужнимъ извѣстное значеніе, по которому ставлю ихъ ниже воздержницъ, вдовъ и дѣвицъ; то благоразумному и благосклонному читателю, напедши въ одномъ мѣстѣ что нибудь, показавшееся ему несноснымъ, слѣдовало бы поискать объясненія того въ другихъ мѣстахъ, а не осуждать меня, будто бы въ одной и той же книгѣ я выразилъ противоположныя мнѣнія. Кто же настолько тупъ, и настолько не искусенъ въ писательствѣ, чтобы одно и то же хвалилъ и осуждалъ? Разрушалъ созданное, и созидалъ рузрушенное? И уже одолевая врага, наконецъ поразилъ себя собственнымъ мечемъ? Если бы меня осуждали люди простые, не знакомые ни съ риторическою, ни съ діалектическою наукой, я извинилъ бы ихъ невѣжество, и не сталъ бы опровергать обвиненій. Но теперь, когда хотятъ болѣе оскорблять, чѣмъ понимать меня, люди краснорѣчивые, и учившіеся свободнымъ наукамъ,—я дамъ имъ краткій отвѣтъ, что они должны исправлять ошибки, а не обвинять за нихъ. Поле открыто, войско стоитъ напротивъ, образъ мыслей противника ясенъ, и (скажу выраженіемъ Virgilія): „Взгляни, тотъ напротивъ, кто вызываетъ“ (Энеида II): пускай отвѣчаютъ противнику. Или пусть соблюдаютъ умѣренность въ спорѣ, или пусть возьмутъ учительскую лозу, и тогда покажутъ мнѣ, что я опустилъ или сказалъ лишняго въ своихъ книгахъ. За

учителями и слѣдую, а обвинителей не слушаю. Тонкая уловка, — изъ-за стѣны считать удары, которые терпѣть сражающійся, и тогда какъ самъ обмазанъ мазями, облитаго кровью воина упрекать въ трусости. Пока я этого и не говорилъ, я уже былъ виновенъ въ тѣснѣ за то, что вышелъ на бой, когда другіе спали; а теперь говорю это съ тѣмъ, чтобы могли сражаться осторожнѣе тѣ, которые видятъ меня раненнымъ. Не совѣтую тебѣ вступать въ такой бой, въ которомъ будешь только обороняться, и, не дѣйствуя правой рукой, — будешь туда и сюда ворочать щитъ лѣвой. Ты долженъ или побѣдить, или пасть. А побѣдителемъ я не могу считать тебя дотолѣ, пока не вижу врага пораженнымъ.

Ученѣйшіе муже, мы вмѣстѣ учились въ школахъ, вмѣстѣ изучали свѣдѣнія, текуція изъ источниковъ Аристотелевыхъ или Горгіевыхъ, именно, что есть много родовъ сочиненій, — что иное значитъ писать *ὑποματιχὸς*, иное — *δογματιχὸς*. Въ первомъ родѣ сочиненій, — пустое словопреніе, въ отвѣтъ противнику представляется то то, то другое. Доказываютъ, какъ заблагоразсудится, говорятъ одно, думаютъ другое; по пословицѣ, показываютъ хлѣбы, а держатъ камень. — Но во второмъ родѣ сочиненій, — необходима искренность и, такъ сказать, открытое чело. Иное дѣло — спрашивать, иное — дѣлать опредѣленія. Въ одномъ случаѣ должно спорить, въ другомъ — научать. Ты учишь меня, заботливый наставникъ, когда я стою въ битвѣ и нахожусь въ опасности потерять жизнь. Не желай и не думай наносить рану съ боку. Рази прямо мечемъ. Стыдно тебѣ побѣждать врага коварствомъ, а не мужествомъ. Какъ будто не въ томъ состоитъ высочайшее искусство военное, чтобы съ этой стороны грозить, а съ той поражать. Читайте, прошу васъ, Демосѳена, читайте Туллія: а если вамъ, можетъ статься, не правятся ораторы (искусству которыхъ болѣе свойственно говорить

правдоподобное, чѣмъ сущую правду); то читайте Платона, Теофраста, Ксенофонта, Аристотеля и другихъ, которые, получивъ теченіе изъ родника Сократова, растеклись разнообразными ручьями: Что у нихъ бездоказательно? что просто? Есть ли слово безъ мысли? И есть ли мысль, не одерживающая побѣды? Оригенъ, Меѳодій, Евсевій, Аполлинарій пишутъ цѣлыя тысячи сочиненій противъ Цельза и Порфирія. А посмотрите, съ какою доказательностью, въ какихъ ясныхъ положеніяхъ они разбиваютъ сплетенное духомъ діавольскимъ. Но такъ какъ иногда они принуждены говорить не то, что у нихъ на душѣ, а то, что необходимо сказать, то и говорятъ противъ того, что говорятъ язычники. О латинскихъ писателяхъ, Тертуллианѣ, Кипріанѣ, Минуціѣ, Викторинѣ, Лактанціѣ, Иларіѣ, не скажу ничего, дабы не показалось, что я не столько защищаю себя, сколько обвиняю другихъ. Укажу на апостола Павла; сколько разъ я ни читалъ его, мнѣ казалось, я слышалъ звуки не словъ, а громовъ. Читайте его посланія, а особенно къ Римлянамъ, Галатамъ, Ефесеямъ, въ которыхъ онъ всецѣло отдается спору; и вы увидите его въ свидѣтельствахъ, заимствуемыхъ имъ изъ ветхаго завѣта, какъ искусно, какъ разчетливо, какъ хитро онъ ведетъ свое дѣло. Вамъ покажутся слова его простыми словами человѣка будто наивнаго и необразованнаго, который не умѣетъ ни самъ хитрить, ни отражать чужихъ хитростей; но взгляните, —это молнія. Остановясь на предметѣ рѣчи, онъ беретъ все, что ни соприкасается съ нимъ; оборачивается тыломъ, чтобы побѣдить; притворяется бѣгущимъ, чтобы поразить. Введемъ на него клевету и скажемъ ему: „Свидѣтельства, которыми ты пользуешься противъ іудейства или другихъ ересей, на своихъ мѣстахъ гласятъ такъ, а въ твоихъ посланіяхъ иначе. Мы видимъ, что взятые тобою примѣры служатъ тебѣ для побѣды, а на своихъ мѣстахъ они даже не годятся и для бичевъ. Но не говорятъ ли онъ намъ вмѣстѣ съ Спасителемъ, что мы иначе говоримъ на площади, и иначе — дома? Народы слушаютъ притчи,

а ученики истину (Матѣ. 13). Фарисеямъ Господь предлагаетъ вопросы, а самъ не высказываетъ ихъ. Учить ученика—одно, а побѣждать противника—другое. „Тайна, сказано, моя Мнѣ, тайна моя Мнѣ и моимъ“ (Исаи 24. 16).

Вы досадуете на меня за то, что Ювиніана я не научалъ, а побѣждалъ. Еще досадаютъ на меня и тѣ, которые жалѣютъ, что онъ анаематствованъ, и одобряя такимъ образомъ свое дѣйствительное состояніе, изобличаютъ свое притворство. Какъ будто я еще долженъ былъ просить Ювиніана, чтобы онъ уступилъ мнѣ, а не вести его, помимо его воли и, не смотря на сопротивленіе, въ оковы истины. Если бы даже изъ желанія побѣды я сказалъ что нибудь вопреки смыслу Писанія; то и, такъ какъ это обыкновенно бываетъ при спорахъ сильныхъ людей, свою вину я искупалъ бы заслугой. А теперь, когда я былъ болѣе переводчикомъ апостола, чѣмъ самостоятельнымъ мыслителемъ, и исполнялъ только обязанность толкователя, теперь, если что и кажется суровымъ,—то должно быть отнесено болѣе къ тому, кого мы изъясняли, чѣмъ ко мнѣ изъяснявшему. Развѣ, можетъ быть, апостоль сказалъ такъ, а мы извратили прямое значеніе его словъ неправильнымъ толкованіемъ? Кто думаетъ это, пусть обратится къ самымъ писаніямъ. Мы сказали: „Если добро челоѣку женщины не касаться, значить зло—касаться: ибо противоположность добра—только зло. А если зло и все-таки прощается, то, конечно, допускается съ тѣмъ, чтобы не произошло что худшее этого зла“,—и проч. до начала другаго отдѣленія. Все это мы высказали по поводу словъ апостола: *добро челоѣку жечь не прикасатися: но блудодѣнія ради кійждо свою жену да имать, и кажда жена своего мужа да имать* (1 Кор. 7, 1 и 2). Чѣмъ же не соотвѣтствуетъ мои слова мысли апостола? Развѣ можетъ быть тѣмъ, что онъ утверждаетъ, а я говорю условно, онъ опредѣляетъ, а я подраздѣляю; онъ рѣшительно говоритъ: *Добро*

человѣку женѣ не прикасатися,—а я нерѣшительно изслѣдываю, добро ли человѣку не прикасаться къ женѣ. Такъ говорить только сомнѣвающейся, а не утверждающей. Онъ говорить: *добро не прикасатися*, я присоединяю, что можетъ быть противоположно добру. И за тѣмъ въ послѣдствіи: „замѣчайте мудрость апостола: онъ не сказалъ: Должно человѣку жены (uxorem) не имѣть, но добро женщинѣ (mulierem) не прикасаться“, какъ бы давая знать, что въ самомъ прикосновеніи заключается, и что не избѣжить женщины тотъ, кто прикоснется къ ней. Такимъ образомъ, ты видишь, что мы говорили не о супружествѣ, но вообще о сожитіи сказали, что въ отношеніи къ цѣломудрію, дѣвству и ангельскому подобію добро есть человѣку женѣ не прикасатися. *Суета суетствій и всяческая суета*, говоритъ Эклезіастъ (Экл. 1. 2). Если всѣ твари, какъ созданныя благимъ Творцомъ,—добрыя; то какимъ образомъ всяческая—суета? Если суета—земля, то неужели суета и небо, и Ангелы, и Престолы, Господства, Власти и прочія Силы? Дѣло въ томъ, что то, что—хорошо само по себѣ, какъ сотворенное благимъ Создателемъ, называется суетой сравнительно съ лучшимъ, напиримѣрь: свѣточъ по сравненію съ лампадой ничто; лампада не очень свѣтла при сличеніи съ звѣздою Звѣзду поднеси къ лунѣ,—она станетъ темна; приблизь луну къ солнцу—и она перестанетъ свѣтити: солнце сопоставь со Христомъ, и оно померкнетъ. *Азъ есмь*, сказано, *Сый* (Исх. 3. 14); значить никакая тварь не существуетъ, если сравнивать ее съ Богомъ“. *Не предаждь*, говоритъ Есѣиръ, *Господи скиптра твоего симъ, иже не суть* (Есѣ 4. 17), то есть идоламъ и демонамъ. А въ самомъ дѣлѣ вѣдь были идолы и демоны, которымъ не отдавать она просила. Въ книгѣ Іова читаемъ также, что Валдадъ говоритъ о нечестивомъ: „да будетъ отгорожена отъ шатра его безопасность; да будетъ попирать его погибель подобно царю; да вселятся въ шатрахъ

его союзники того, котораго нѣтъ (Іов. 18, 14—15), т. е. діавола, который, хотя и имѣеть союзниковъ,—а онъ не имѣлъ бы ихъ, если бы не существовалъ;—однакожь называется несуществующимъ, потому что погибъ для Бога. Въ подобномъ же смыслѣ противоположенія мы сказали, что зло прикасаться къ женщинѣ (а о супружествѣ и намека не было), поелику добро не прикасаться. И присовокупили, что „дѣвство называемъ пшеницей, супружество—ячменемъ, а любодѣянiе—скотскимъ пометомъ“. Конечно, пшеница и ячмень—творенiе Божiе. Но въ Евангелiи ячменнымъ хлѣбомъ насыщается болѣе народа, а пшеничнымъ—менѣе (Мар. 6. 44). Сказано: *человѣки и скоты спасеши, Господи* (Псал. 35. 7). Это самое мы высказали въ другихъ словахъ, когда сказали, что дѣвство—золото, а супружество—серебро, и что есть сто сорокъ четыре тысячи запечатлѣнныхъ дѣвственниковъ, которые не сквернились съ женами; этимъ мы хотѣли показать, что всѣ, не оставшіеся дѣвственниками, по сравненiю съ чистѣйшею, ангельскою непорочною, и самимъ Господомъ нашимъ І. Христомъ,—скверны. Если покажется кому нибудь грубымъ и достойнымъ порицанiя, что мы поставили на такомъ же разстоянiи дѣвство отъ супружества, на какомъ находится пшеница отъ ячменя; тотъ пусть прочтетъ книгу св. Амвросiя о вдовахъ; въ ней онъ найдетъ между прочимъ, сказаннымъ о дѣвствѣ и вдовствѣ, и слѣдующее: „Апостолъ не настолькоъ почитаетъ супружество, чтобы унижать подвиги дѣвства: но призывая прежде всего къ воздержанiю, допускаетъ врачевство отъ невоздержанiя. Давъ награду твердымъ въ подвигѣ, апостолъ позаботился однакожь, чтобы никто не терпѣлъ недостатка въ пути; одобряетъ первыхъ, но не пренебрегаетъ и послѣдними. Ибо онъ зналъ, что Господь Іисусъ однимъ подалъ хлѣбъ ячменный, чтобы не взалкали на пути (Іоан. 6. 5 и слѣд.), а другимъ—тѣло свое, чтобы они достигли царства небеснаго“.—И въ по-

слѣдствіи: „и такъ супружество союза не должно избѣгать, какъ преступленія, но должно приниматьъ его, какъ бремя необходимости. Ибо законъ осудилъ жену на рожденіе дѣтей въ воздыханіи,—и на то, чтобы въ отношеніяхъ ея къ мужу той обладалъ ею (Быт. 3. 16). Такимъ образомъ болѣзнями и воздыханіямъ при рожденіи дѣтей подвергается жена, а не вдова, и обладанію мужа подчиняется одна замужняя, а не дѣвица. А въ другомъ мѣстѣ сказано: *цѣною куплены есте; не будите раби челоѣткомъ* (1 Кор. 7. 23). Смотрите, какъ ясно значеніе супружества, какъ рабства“.—Спустя не много: „и такъ, если доброе супружество есть рабство, то что же такое—худое, въ которомъ не могутъ взаимно вести другъ друга къ святости, но къ гибели?“ Все, что мы въ пространномъ словѣ рассказывали о дѣвствѣ и замужествѣ, Амвросій выразилъ сжато, въ немногихъ словахъ сказавъ многое. Дѣвство объясняется имъ, какъ призваніе къ воздержанію,—бракъ, какъ лѣкарство отъ невоздержанія. И многозначительно переходя отъ высшаго къ низшему, дѣвамъ онъ приписываетъ награду перваго достоинства, а замужнимъ даетъ утѣшеніе, чтобы не ослабѣли на пути. Однихъ хвалить, другихъ не презираетъ. Супружество сравнивается у него съ ячменемъ, а дѣвство—съ тѣломъ Христовымъ. А я думаю, что гораздо меньше разстоянія между ячменемъ и пшеницей, чѣмъ между ячменемъ и тѣломъ Христовымъ. Наконецъ, онъ говоритъ, что супружество принимается какъ необходимое бремя, что имѣетъ значеніе самаго очевиднаго рабства,—и многое другое, что пространно изслѣдовано въ трехъ книгахъ о дѣвахъ.

Изъ всего этого ясно, что я не говорилъ ничего новаго о дѣвахъ и замужнихъ: но во всемъ слѣдовалъ мнѣнію прежнихъ писателей, какъ указаннаго мужа, такъ и другихъ, которые разсуждали о церковныхъ правилахъ. Я лучше желаю подражать суровости этихъ мужей, чѣмъ безчестной снисхо-

дительности кого бы ни было другаго. Пусть сердятся на меня замужня за то, что я сказалъ: „спрашиваю, что добраго въ томъ дѣлѣ, которое препятствуетъ молиться и не позволяетъ принимать тѣла Христова? Когда исполняю я долгъ супружескій, я не исполняю долга воздержанія“. Апостолъ повелѣваетъ въ одномъ мѣстѣ *непрестанно молиться* (1 Сол. 5. 17). „Если непрестанно должно молиться, значить никогда не должно служить браку. Потому что когда бы я ни исполнилъ долгъ супружескій, я не могу молиться“. На какомъ основаніи я это говорилъ, очевидно; я истолковывалъ слѣдующее изрѣченіе апостола: *не лишайте себе другъ друга, точію по согласію до времени, да пребываете въ постъ и молитвъ* (1 Кор. 7. 5). Апостолъ Павелъ говоритъ, что мы не можемъ молиться, когда сообщаемся съ женами. Если сообщеніе препятствуетъ менѣе важному, то есть молитвѣ; то какъ оно не будетъ препятствовать гораздо болѣе важному—именно принятію тѣла Христова? Петръ увѣщаетъ къ воздержанію, *во еже не прекращатися молитвамъ* (1 Петр. 3. 7) нашимъ. спрашиваю, въ чемъ же тутъ моя погрѣшность? Что я преступилъ? въ чемъ провинился? Если течетъ бурная и мутная вода,—то виновато не русло, а истокъ. Или осуждаютъ меня за то, что я осмѣлился прибавить отъ себя: „что добраго въ томъ дѣлѣ, которое не позволяетъ принимать тѣла Христова?“ На это отвѣчу кратко. Что важнѣе: молиться, или принимать тѣло Христово? Конечно—принимать тѣло Христово. А если сообщеніе препятствуетъ менѣе важному, то гораздо больше оно препятствуетъ болѣе важному. Мы сказали въ той же книгѣ (Lib. 1. с. 10), что Давидъ и отроки его не могли бы, по закону, ѣсть хлѣбовъ предложенія, если бы не сказали, что они уже три дня чисты отъ женъ (1 Цар. 21), и конечно, не отъ блудницъ, что осуждалось и безъ того закономъ, но отъ женъ, съ которыми они состояли въ позволительномъ союзѣ,—мы сказали также, что и цѣлому

народу, когда предстояло ему получить законъ на горѣ Синайской, было повелѣно три дня воздерживаться отъ женъ (Исх. 19). Я знаю, что въ Римѣ у вѣрующихъ существуетъ обыкновеніе принимать тѣло Христово когда бы то ни было; этого я не порицаю, и не одобряю: *кійждо своею мыслию да извѣствуется* (Рим. 14). Но я обращаюсь къ ихъ совѣсти: почему на другой день послѣ того, какъ они предаются сообщенію, и, по выраженію Персея, *ночь смываютъ въ рѣку* (Сатира 2), почему они не смѣютъ идти къ мученикамъ? Почему не ходятъ въ церковь? Развѣ Христосъ не одинъ и тотъ же въ ихъ домѣ и въ домѣ, куда собирается общество вѣрующихъ? ¹⁾ Что не позволительно въ церкви, то не позволительно и дома. Ничего нѣтъ для Бога сокровеннаго; даже и самая тьма для Него свѣтла. Пусть всякій искушаетъ себя, и уже тогда приступаетъ къ тѣлу Христову, не потому что одинъ или два дня воздержанія отъ сообщенія сдѣлаютъ христіанина болѣе святымъ для того, чтобы заслужить то завтра или послѣ завтра, что не заслужилъ сегодня; но потому, что когда я скорблю о томъ, что не приобщался тѣлу Христову, я воздержусь на нѣсколько времени отъ объятій жены: потому что Христову любовь предпочту любви супруги. Это жестоко и невыносимо. Кто изъ свѣтскихъ можетъ это выполнить? Кто можетъ выполнить, пусть выполняетъ. Кто не можетъ—самъ знаетъ. Наше дѣло говорить не о томъ, чего тамъ кто не можетъ, или чего хочеть, а о томъ, что повелѣваютъ Писанія.

Порицаютъ меня еще за то, что въ своихъ толкованіяхъ на Апостола я сказалъ (Lib. 1. с. 4): „дабы, принявъ во вниманіе, что за выраженіемъ: *да пребываете въ постъ и молитвъ*, слѣдуетъ: и за тѣмъ возвращайтесь къ тому же“ (*и наки*

1) Отсюда видно, что до временъ Иеронима удержался обычай, по которому вѣрующіе хранили въ домѣ св. тайны, взятыя изъ церкви.

собирайтесь вкупу) (1 Кор. 7. 5),—кто нибудь не подумаль, что Апостоль желаетъ этого, а не уступаетъ только для отвращенія бѣльшаго зла, онъ тотчасъ прибавляетъ: *да не искушаетъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ*. Въ самомъ дѣлѣ, хорошая уступка: „и опять возвращайтесь къ тому же“. Что Апостоль стыдится назвать собственнымъ именемъ, что приписываетъ искушенію сатаны, чего причиною считаетъ невоздержаніе,—то самое мы стараемся объяснять, и такъ и иначе, тогда какъ самъ написавшій это и объяснилъ? *Сіе же глаголю по совѣту, а не по повелѣнію*. А мы подсказываемъ при этомъ, что супружество онъ называетъ не совѣтомъ (позволеніемъ, *indulgentia*), а повелѣніемъ, какъ будто не въ такомъ же точно смыслѣ дозволяются и вторые браки, и третьи и прочіе? Что я сказалъ тутъ такого, чего не говорилъ Апостоль? Не это ли: „что онъ стыдится назвать собственнымъ именемъ?“ Я думаю, когда онъ говоритъ: „къ тому же“, и молчитъ, къ чему именно, что онъ не называетъ прямо, а только застѣнчиво намекаетъ на сообщеніе. По какой причинѣ у меня слѣдуетъ далѣе: „что онъ приписываетъ искушенію сатаны, чего причиною считаетъ невоздержаніе“? А не тоже ли самое у Апостола, только въ другихъ словахъ: *да не искушаетъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ*? За чѣмъ я сказалъ: „а мы подсказываемъ при этомъ, что супружество онъ называетъ не позволеніемъ, а повелѣніемъ? Если это жестоко, пусть гнѣваются на Апостола, который сказалъ: *сіе же глаголю по совѣту, а не по повелѣнію*; а не на меня, который, кромѣ перестановки въ порядкѣ словъ, не измѣнилъ ни мысли, ни слова.

Перейдемъ къ остальному, ибо спѣшимъ окончить рѣчь. Апостоль сказалъ: *глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ, добро имъ есть, аще пребудутъ яко же и азъ. Аще ли не удержатся да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизатися* (1 Кор. 7, 8, 9). Мы такъ истолковали эти слова:

Послѣ того, какъ Апостоль позволилъ замужнимъ супружескія отпращиванія, и показалъ, чего желаетъ самъ, и что позволяетъ, — онъ переходитъ къ безбрачнымъ и вдовицамъ, и представляя въ примѣръ себя, говоритъ: *добро имъ есть, аще пребудутъ якоже и азъ, аще ли не удержатся, да посягаютъ,* — разумѣется сказано также, какъ прежде: *блудодѣяній ради, и да не искушаетъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ.* Апостоль приводитъ и причину, почему онъ сказалъ: *аще ли не удержатся да посягаютъ,* причина такова: *лучше бо женитися, нежели разжизитися.* Выходить замужъ лучше потому, что хуже разжигаться. Угнѣши пламень страсти, — и Апостоль не скажетъ, — что лучше выходить замужъ. Лучшее здѣсь онъ принимаетъ по сравненію съ худшимъ, а не съ положительно хорошимъ. Онъ какъ будто такъ говоритъ: лучше имѣть одинъ глазъ, чѣмъ ни одного. А спустя немного, обращаясь къ Апостолу, я прибавилъ: „Если замужество хорошо само по себѣ, то не сравнивай его съ пламенемъ; а говори просто: добро есть жениться. Подозрительна для меня доброта той вещи, которая признается меньшимъ зломъ сравнительно съ другимъ большимъ зломъ; я не желаю и малѣйшаго зла, но желаю положительно добраго. Апостоль желаетъ, чтобы безбрачныя и вдовицы пребывали безъ сообщенія, и призывая къ подражанію себѣ, называетъ ихъ счастливыми, если они пребудутъ такъ, какъ онъ. А если не могутъ удержаться и желаютъ погасить пламень похоти болѣе любодѣяніемъ, чѣмъ воздержаніемъ, то лучше имъ выходить замужъ, нежели разжигаться. При этомъ мы сказали: выходить замужъ лучше потому, что хуже разжигаться, излагая не собственную нашу мысль, но истолковывая выраженіе Апостола: *лучше есть женитися, нежели разжизитися,* то есть лучше имѣть мужа, нежели предаваться любодѣянію. Еслибы ты сказалъ, что разжизитися или любодѣйствовать хорошо, въ такомъ случаѣ лучшее предпочиталось

бы хорошему. А если замужество есть лучшее только потому, что предпочитается худому; то оно несвойственно настоящей, чистой непорочности и тому блаженству, которое уготовляется ангеламъ. Если я скажу, что быть дѣвою лучше, чѣмъ замужнею: то лучшее я предпочту хорошему. А если я употреблю другой оборотъ: лучше выйти замужъ, нежели любодѣйствовать, въ такомъ случаѣ я предпочту не лучшее хорошему, а хорошее худшему. Велико различіе между тѣмъ лучшимъ, что считается лучше брака, и тѣмъ, что считается лучше любодѣянія. Спрашиваю тебя, что неправильнаго въ этомъ разсужденіи. Моею задачею было не извращать Писанія по своей волѣ, но говорить то, что, по моему разумѣнію, намѣрены были сказать Писанія. Обязанность толкователя излагать не то, что ему вздумается, но то, что думаетъ тотъ, кого онъ истолковываетъ. Еслибы кто нибудь сталъ поступать наоборотъ, то онъ сталъ бы не столько толкователемъ, сколько противникомъ того, кого старался объяснять. Когда я не истолковываю Писаній, а высказываю свои собственныя мысли, тогда, конечно, пусть судить меня всякій, кому угодно, за то, что я скажу жесткаго противъ супружествъ. Потому что все, что ни найдетъ онъ сказаннаго жестко или грубо, будетъ падать на личность писателя, а не на обязанность толкователя.—

Но могъ ли бы кто-нибудь сносить то обвиненіе, которое вводятъ на меня: почему напр., изъясняя главу Апостола, въ которой онъ написалъ о брачующихся: *скорбь плоти имѣти будутъ таковыи* (1 Кор. 7. 28), я сказалъ: „не зная дѣла, мы думали, что супружество доставляетъ удовольствіе, по крайней мѣрѣ плоти. Но если есть скорбь и плоти брачующихся, плоти, для которой казалось одной они и доставляютъ удовольствіе, то что же за польза отъ супружества, когда отъ него происходитъ скорбь и для духа, и для души, и даже для плоти“? Въ чемъ же тутъ осужденіе супружества, если мы сказали, что плачь

младенцевъ, смерть дѣтей, раздоры, хозяйственные убытки и прочее тому подобное составляютъ скорбь супружества? Еще при жизни блаженной памяти Дамаса, мы написали противъ Гелвидія „о приснодѣвствѣ святой Маріи“ книгу, въ которой, имѣя задачею прославлять святость дѣвства, мы сказали многое не въ пользу супружества. Осуждалъ ли этотъ правосудный знатокъ Писаній, дѣвственный учитель церкви — дѣвы (т. е. Дамась), хоть что-нибудь въ этомъ сочиненіи? Такъ же и въ книгѣ къ Евстохіи мы гораздо строже говорили о бракахъ, и никто этимъ не обижался. Потому что почитатель непорочности напряженнымъ слухомъ ловилъ похвалы цѣломудрію. Читай Тертуллиана, читай Кипріана и Амвросія: и или осуждай меня и вмѣстѣ ихъ, или оставь насъ въ покоѣ. Если люди (*Plautinae familiae vel fabulae*) столько заносчивые при спорахъ, что воображаютъ казаться очень учеными, осуждая все, что бы кто ни говорилъ; даже относительно одного и того же предмета они порицаютъ разомъ обѣ стороны, наприм., меня и моего противника, и хотя необходимо одному изъ двухъ быть побѣжденнымъ, они утверждаютъ, что побѣждены оба. „Но когда, разсуждая о вторыхъ и третьихъ бракахъ, мы сказали, что лучше знать одного, хотя бы втораго или третьяго мужа, чѣмъ многихъ, то есть, терпимѣе быть блудницей для одного чело-вѣка, чѣмъ для многихъ, не объяснили ли мы тотчасъ, почему это сказали? Въ самомъ дѣлѣ, и Самарянка, означенная въ Евангеліи, говорившая, что она имѣетъ шестаго мужа, изобличается отъ Господа въ томъ, что этотъ шестой не былъ ея мужемъ“ (Іоан. 4). И теперь я не стѣсняясь говорю, что церковь не осуждаетъ ни вторыхъ, ни третьихъ браковъ, и точно также позволяетъ выходить замужь за пятаго, шестаго и т. д. мужа, какъ и за втораго: но эти супружества какъ не осуждаются, такъ и не похваляются. Онѣ—уступка немощи, а не похвала умѣренности. Посему-то и въ другомъ мѣстѣ я ска-

заль: когда принимается одинъ мужъ, то нѣтъ надобности до того, будетъ ли онъ второй, или третій, потому что одобрачїе уже прекращается. *Вся тѣть суть, но не вся на пользу.* Не осуждаю вторыхъ, ни третьихъ, даже, если можно сказать, осьмыхъ браковъ: пусть иная приметъ и осьмого мужа, только бы перестала любодѣйствовать.

Перехожу къ тому мѣсту, въ которомъ меня обвиняютъ за то, что я сказала (Lib. 1. с. 9): „по еврейскому подлиннику насчетъ втораго дня не замѣчено, какъ насчетъ перваго, третьяго и остальныхъ: *видѣть Богъ, яко добро*“ (Быт. 1), и прибавилъ въ слѣдъ за этимъ: намъ приходитъ мысль, что двойное число— не есть доброе, такъ какъ слагается изъ двухъ единицъ и предъизображаетъ союзъ супружескій. Посему-то и всѣ животныя, входившія въ ковчегъ Ноевъ по-парно, нечисты. Чисто нечетное число. Не знаю, за что тутъ обвиняютъ меня относительно втораго дня: за то ли, что, мы сказали, написано, или за то, что, сказали, не написано; или за то, что хотя и написано, но понято нами иначе, нежели какъ гласить прямой смыслъ Писаній. Что относительно втораго дня не написано: *видѣть Богъ, яко добро*, пусть примутъ не мое свидѣтельство, но свидѣтельство всѣхъ евреевъ, и другихъ толкователей, какъ-то Акилы, Симмаха и Θεодотіона. А если не написано, тогда какъ при другихъ дняхъ написано, то пусть или представляетъ другое достаточное основаніе, почему не написано, или, если таковаго не найдутъ, то по неволѣ пусть принимаютъ то, которое высказано нами. А ежели и въ ковчегъ Ноевъ входили по-парно животныя нечистыя, а чистое было число нечетное, и ежели никто не сомнѣвается, что это написано; то пусть объяснятъ, почему такъ написано. Еслижъ не объяснятъ, то волей—неволей пусть привимаютъ то, что изложено мною. Или предложи лучшее угощеніе и зови меня на пиръ, или будь доволенъ нашей, какова она ни есть, трапезой. Тутъ

именно мнѣ должно исчислить, кто изъ церковныхъ учителей разсуждалъ о нечетномъ числѣ: это Климентъ, Ипполитъ, Оригенъ, Діонисій, Евсевій, Дидимъ, и изъ нашихъ: Тертуллианъ, Кириланъ, Викторинъ, Лактанцій, Иларій. Изъ нихъ Кириланъ— что и какъ говорилъ, разсуждая о седмиричномъ, то есть нечетномъ числѣ,—служить свидѣтельствомъ его книга. Развѣ указать еще на Пифагора, Архита Тарентинскаго, и Публия Сципіона шестую книгу о республикѣ,—потому что и они разсуждали о нечетномъ числѣ? Но если и этихъ писателей не захотятъ слушать мои порицатели, то я заставлю школы грамматиковъ кричать имъ: „Богу пріятно число нечетное“ (Virg. Eclog. 8).

Великъ грѣхъ, потрясаются церкви, міръ не можетъ слышать, что дѣвство мы назвали болѣе чистымъ, чѣмъ супружество, что четное число поставили ниже нечетнаго, что показали, какъ сѣнь Ветхаго Завѣта относится къ евангельской истинѣ. Остальное, что порицають еще въ нашей книгѣ, я нахожу или ничтожнымъ, или относящимся все къ одной и той же мысли, и не хочу отвѣчать на такія обвиненія, чтобы не увеличивать безъ мѣры письма, и не показаться недовѣряющимъ своему собственному уму, уму того, кого я уже счелъ ходатаемъ за мое дѣло, прежде чѣмъ просилъ тебя объ этомъ. И такъ свидѣтельствую этими послѣдними словами, что супружества я не осуждалъ и не осуждаю, что я отвѣчалъ противнику, но не разставлялъ собственныхъ хитросплетеній. Дѣвство же я превозносилъ до небесъ не потому, что имѣю его, но потому болѣе и дивлюсь ему, что не имѣю его. Хвалить въ другихъ то, чего самъ не имѣешь, это дѣло благородное и достойное уваженія. Ужели, потому, что я присталъ къ землѣ тяжелымъ своимъ тѣломъ. мнѣ уже не дивиться полету птицъ, и не восхищаться голубемъ, какъ онъ „пролагаетъ воздушную дорогу, не двигая и быстрыми крылами“ (Энеид. 5)? Пусть

никто не обольщается; пусть никто не поддается вкрадчивому льстецу. Первое дѣвство— дѣвство отъ рожденія; второе дѣвство — отъ втораго рожденія. Не мои это слова, а древнее изрѣченіе, что *никтоже можетъ двумя господинома работати* (Матѳ. 6. 24), плоти и духу. *Плоть бо похотствуетъ на духа, духъ на плоть: сія же другъ другу противятся, да не яже хотите, сія творите* (Галат. 5. 17). Когда что нибудь покажется тебѣ въ нашемъ сочиненіи слишкомъ строгимъ, не приписывай этого моимъ собственнымъ словамъ, но Писанію, изъ котораго мои слова заимствованы. Христось есть Дѣвственникъ, Матерь этого Дѣвственника есть Приснодѣва, и Матерь и Дѣва. Ибо Исусъ вниде дверемъ заключеннымъ, и въ Его гробѣ, гробѣ новомъ и избѣченномъ въ самомъ твердотѣ камнѣ, не полагался никто ни прежде, ни послѣ. *Вертоградъ заключенъ, запечатльнъ источникъ* (Пѣс. пѣс. 4, 12), изъ котораго, по слову Іоила, вытекаетъ тотъ потокъ, который напаяетъ водотечъ узъ, или тернія (въ славян. *ситія*, въ евр. Ситимъ, у LXX—*חיִוּוֹן*),—изъ грѣшничихъ, связывавшихъ до толѣ грѣшниковъ,—тернія, заглушившаго сѣмена Святеля. Это—восточныя врата, какъ говоритъ Іезекиль, всегда заключенныя и свѣтлыя, то принимающія въ себя, то выпускающія изъ себя Святая Святыхъ,—врата, которыми входитъ и выходитъ Солнце правды, Іерей по чину Мелхиседекову. Пусть скажутъ мнѣ, какимъ образомъ вошелъ Исусъ дверемъ заключеннымъ, а между тѣмъ показалъ руки для осязанія, ребро для освидѣтельствванія, и кости и плоть, дабы истинное тѣло не сочтено было за призракъ,—и я тогда скажу, какимъ образомъ Святая Марія есть вмѣстѣ и Матерь и Дѣва,—Дѣва послѣ рожденія, Матерь прежде чѣмъ познала мужа. Итакъ, станемъ продолжать подвигъ: дѣвственникъ Христось и дѣва Марія представили начало дѣвственности для обоихъ половъ. Апостолы были дѣвственники, или воздерживались послѣ супруже-

ства. Въ епископы, пресвитеры и діаконы выбираются или дѣвственники, или вдовцы, и конечно, послѣ посвященія, навсегда остаются цѣломудренными. Зачѣмъ же намъ обманывать себя и гнѣваться, если намъ отказываютъ въ награду цѣломудрія за то, что мы постоянно похотствуемъ къ соитію? Мы хотимъ имѣть роскошнѣйшій столъ, не разставаться съ объятіями женщинъ, и царствовать со Христомъ въ числѣ дѣвъ и вдовицъ. Значить, одну и ту же награду получать постъ и прозорливость, грязь и чистота, власяница и шолковое платье? Лазарь принялъ злая въ животѣ своемъ, а богатый, одѣтый въ порфиру, тучный и окруженный пышностію, наслаждался всю жизнь тѣлесными благами: но по смерти они заняли противоположныя мѣста (Лук. 16): скорбь одного замѣнилась веселіемъ; веселіе другаго — скорбію. Въ нашей волѣ идти за богатымъ или Лазаремъ.

47. Письмо къ Паммахію.

Христіанской скромности свойственно молчать и предъ друзьями и свое смиреніе болѣе поддерживать безмолвіемъ, чѣмъ растолковывая о старой дружбѣ, подвергаться опасности впасть въ тщеславіе. Пока ты молчалъ, молчалъ и я, я и не напоминалъ о себѣ; чтобы не показалось, что я ищущу у тебя не расположенія друга, но поддержки болѣе сильнаго сравнительно со мною человѣка. А теперь, вызванный тобою къ перепискѣ, я постараюсь постоянно предупредить тебя своими письмами и не столько отвѣчать, сколько писать; узнай, что доселѣ умѣлъ я скромно молчать, а теперь еще скромнѣе начну говорить.

Очень хорошо знаю, что ты пряталъ подъ спудъ экземпляръ моего сочиненьица противъ Ювиніана. Это ты дѣлалъ и благоразумно и съ любовью ко мнѣ. Но твое усердіе ни

къ чему не повело. Нѣкоторые, пришедши изъ Рима, читали мнѣ выдержки изъ моего сочиненія и говорили, что познакомились съ нимъ въ Римѣ. И въ этой области (т. е. въ Палестинѣ) разсѣяны экземпляры моего сочиненія, и какъ ты самъ знаешь — „вылетѣвшее слово не возвращается назадъ“ (Horat. de art. poet.). Я не такъ счастливъ, какъ многіе современные писатели; не могу, когда мнѣ вздумается, исправлять своихъ промаховъ. Только лишь я напишу что-нибудь, тотчасъ и друзья мои, и враги — съ разными цѣлями, но съ одинаковымъ усердіемъ распространяють въ народѣ мои сочиненія. И тѣ, и другіе не знаютъ мѣры ни въ похвалѣ, ни въ порицаніи, служба не литературному дѣлу, но своему чреву (suum stomachum). Все, что я могъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, что я *προσέφωνησα* (высказалъ, представилъ) тебѣ *ἀπολογία* (оборону) своему сочиненію; когда ты прочтешь эту апологію, то вмѣсто насъ дашь отвѣтъ прочимъ; а если эта апологія тебѣ не понравится, то потрудись самъ иначе объяснить ту *παρακλή* (главу) Апостола, гдѣ онъ разсуждаетъ о дѣвствѣ и бракѣ.

Говорю это не къ тому, чтобы я, цѣня твое знакомство съ св. Писаніемъ выше своего собственнаго, заставлялъ тебя принять письменное участіе въ спорѣ; но пожалуйста убѣди къ этому тѣхъ, которые оскорбляютъ меня. Они учены, они считаютъ себя знатоками, могутъ не только бранить, но и научить меня. Пусть напишутъ что-нибудь; изъ сравненія съ ихъ сочиненіями тѣмъ болѣе потеряють мои толкованія. Пожалуйста прочти и внимательно обсуди слова Апостола и увидишь, что для избѣжанія клеветы я гораздо болѣе былъ снисходителемъ къ супружеству, чѣмъ выходитъ по мысли апостола. Оригенъ, Діонисій, ПIERІЙ, Евсеvій кесарійскій, Дидимъ, Аполлинарій весьма пространно истолковали это посланіе. Изъ нихъ ПIERІЙ, когда, при изъясненіи мыслей Апостола, дошелъ до этого мѣста: *хошу, да вси челоуѣцы будутъ, якоже и азъ* (1 Кор. 7, 7),

присовокупилъ: ταῦτα λέγων ὁ Παῦλος ἀντικρὺς ἀγάμιαν κηρόσσει (говоря это, Павелъ проповѣдуетъ безбрачіе). Скажите, пожалуйста, въ чемъ моя погрѣшность, въ чемъ моя суровость? Все, что я ни писалъ, сравнительно съ изрѣченіемъ Піерія, въ высшей степени снисходительно. Пересмотри комментаріи всѣхъ писателей, о которыхъ я упомянулъ, воспользуйся церковными библіотеками и болѣе ускореннымъ шагомъ ты пойдешь къ желаемому и начатому подвигу.

Я слышу, что всѣ въ Римѣ очень хорошо относятся къ тебѣ. Слышу, что расположеніе первосвященника и народа одинаково склонны къ тебѣ. Не такъ важно получить священство, какъ заслужить его. Если ты прочтешь книги шестнадцати пророковъ, переведенныя мною съ еврейскаго на латинскій языкъ, и я узнаю, что ты доволенъ этимъ трудомъ, то этимъ ты побудишь меня выпустить изъ моего арсенала остальное, что въ немъ находится. Недавно я перевелъ на нашъ языкъ Іова, экземпляръ этой книги можешь получить въ обмѣнъ (т. е. на книги пророковъ) отъ соподвижницы твоей, св. Марцеллы. Прочти Іова по-гречески и по-латыни и сличи старый переводъ съ нашимъ переводомъ и ясно увидишь, какъ далеко отстоитъ ложь отъ истины. Я послалъ нѣкоторыя изъ τῶν ὑπομνημάτωνъ на 13 пророковъ св. отцу Домніону, — также Самуила и Malachim, т. е. четыре книги царствъ. Если ты захочешь прочесть эти книги, то увидишь, какъ трудно понимать божественное Писаніе и въ особенности пророковъ; ты увидишь, что по неудовлетворительности переводчиковъ, то, что въ оригиналѣ течетъ чистѣйшимъ потокомъ рѣчи, у насъ переполнено погрѣшностями. Не ищи же у младенцевъ краснорѣчія, которое ради Христа ты презрѣлъ въ Цицеронѣ. Церковный переводъ, если и имѣетъ красоту слога, долженъ не дорожить ею и избѣгать ея, чтобы быть понятнымъ не для праздныхъ школъ философъ и не для немногихъ учениковъ, но для всего рода человѣческаго.

48. Письмо къ Домніону.

Письмо твое звучитъ вмѣстѣ и любовью и упреками. Любовь принадлежитъ тебѣ; благодаря ей, ты боишься за насъ даже того, что не опасно; упреки принадлежатъ тѣмъ, которые не любятъ и, ища случая ко грѣху, клеветуютъ на брата своего и на сына матери своей полагаютъ соблазнъ (Ис. 39, 20). Ты пишешь, что какой-то монахъ, бродящій и кричащій на улицахъ, на перекресткахъ, на распутяхъ, крючковтворецъ, хитрый только для отнятія чужой чести, пытающійся бревномъ своего глаза извлечь сучецъ изъ глаза ближняго, — ты пишешь, что этотъ монахъ витійствуетъ противъ меня и собачьимъ зубомъ кусаетъ, терзаетъ, сокрушаетъ книги, написанныя мною противъ Іовиніана. Ты пишешь, что этотъ діалектикъ вашего города и украшеніе Плавтовой фамиліи не читалъ категорій (*κατηγορίας*) Аристотеля, ни *περὶ ἐρημείας*, ни *ἀναλυτικὰ*, ни даже *τόπος* Цицерона, но среди людей необразованныхъ и на пиршествахъ (*inter συμπόσια*) съ женщинами плететъ безтолковые силлогизмы (*syllogismos*, *συλλογισμὸς*) и будто-бы хитрою аргументаціе распутываетъ наши софизмы. Такъ глушь же я, что не надѣялся узнать всего вышеисчисленнаго безъ помощи философовъ и конецъ стилиа, которымъ стиралось написанное, предпочиталъ тому концу, которымъ писалось. Напрасно также я пересматривалъ комментаріи Александра: напрасно ученый наставникъ чрезъ *ἑισαγωγήν* Порфирія вводилъ меня въ логику; и — не говоря уже о человѣческихъ знаніяхъ — вотще я имѣлъ своими катехизаторами въ св. Писаніи Григорія Назіанзіана и Дидима: бесполезно для меня было знакомство съ еврейскимъ языкомъ и каждодневное отъ юности до сего возраста поученіе въ законѣ, пророковъ, евангеліи и апостолѣ.

Нашелся человѣкъ, совершенный безъ учителя, *πυρομάφορος*

καὶ αὐτοδίδακτος (духоносецъ и самоучка), который краснорѣчіемъ превосходитъ Туллія, аргументами—Аристотеля, мудростію—Платона, образованностію—Аристарха, многописаніемъ—Халкентера, знаніемъ св. книгъ Дидима и всѣхъ ученыхъ нашего времени. Нуженъ ему только предметъ для разсужденія и, подобно Барнеаду, онъ можетъ разсуждать и такъ, и сякъ, т. е. и въ пользу истины и противъ истины. Міръ спасся отъ опасности и наслѣдственныя или центумвиральныя тяжбы избавились отъ пропасти, вслѣдствіе того, что этотъ человѣкъ, оставивши площадь (*forum*), очутился въ нѣдрахъ церкви. Кто можетъ оказаться невиннымъ, когда онъ не захочетъ этого? И какого преступника не спасетъ его рѣчь, когда онъ начнетъ выкладывать дѣло на пальцахъ и растягивать сѣти своихъ силлогизмовъ? Стоитъ ему только ударить ногою, устремить очи, наморщить лобъ, потрясти рукою; погладить бороду—однимъ этимъ онъ напуститъ туману предъ глазами судей. Чему же удивиться, если меня, уже давно находящагося въ отсутствіи и безъ практики въ латинскомъ языкѣ сдѣлавшагося на половину грекомъ и варваромъ—одолѣлъ этотъ человѣкъ, остроумнѣйшій и сильнѣйшій въ латыни? Массою его краснорѣчія былъ подавленъ и Ювиніанъ, хотя и не находился въ отсутствіи (Благій Іисусе! что за человѣкъ этотъ Ювиніанъ! его сочиненія можетъ понимать только тотъ, кто воспѣваетъ исключительно для себя и для музъ). Пожалуйста, любезнѣйшій отецъ, убѣди этого монаха, чтобы онъ не говорилъ вопреки своему подвигу, чтобы, обѣщая своею одеждою непорочность, не подрывалъ ее словами; что будучи дѣвственникомъ или воздержникомъ (про то знаетъ онъ), не уравнивалъ замужнихъ съ дѣвами и не спорилъ понапрасну столько времени съ краснорѣчивѣйшимъ мужемъ. Слышу я кромѣ того, что этотъ монахъ обходитъ кельи вдовъ и дѣвицъ и съ важнымъ видомъ философствуетъ среди нихъ о священныхъ предметахъ.

Чему же онъ учить женщинъ втайнѣ въ ихъ спальнѣ? Тому-ли, чтобы они знали, что все равно, что дѣва, что замужня, чтобы не тратили напрасно цвѣтущей возрастъ, чтобы ѣли и пили, и ходили въ баню, заботились о чистотѣ и не пренебрегали мазями? или, наоборотъ, учить цѣломудрію, постамъ и неомовенію тѣла? Конечно, онъ учить тому, что полно добродѣтели. Такъ пусть же и въ обществѣ (publice) признасть то, что говорить дома. А если онъ и по домамъ учить тому же, чему въ обществѣ, то его нужно удалить отъ общенія съ дѣвицами. Удивляюсь я, что юноша, монахъ, по собственному своему мнѣнію краснорѣчивый (съ усть котораго текутъ любовныя рѣчи (veneres), изящная рѣчь котораго пересыпана комическою солью и веселостью) — не стыдится обходить дома вельможъ, разбѣиваться привѣтствіями съ матронами, превращать религію нашу въ битву и вѣру христіанскую въ словопреніе и при томъ отнимать честь у ближняго своего. Если этотъ юный монахъ считаетъ меня заблуждающимся (*много бо согрѣшаемъ вси, и аще кто въ слово не согрѣшаетъ, сей совершенъ мужъ* (Іак. 3, 2); то ему слѣдовало бы письменно или изобличить или спросить меня, какъ и поступилъ мужъ ученый и славный Паммахій, которому я отвѣчалъ (*ἀπελογοῦσαίμην*) по возможности и въ довольно обширномъ письмѣ разъяснилъ, что и въ какомъ смыслѣ было говорено мною. Паммахій по крайней мѣрѣ подражалъ твоей скромности, такъ какъ и ты, выбравши изъ моего сочиненія тѣ мѣста, которыя для нѣкоторыхъ казались соблазнительными, расположилъ ихъ въ порядкѣ съ просьбою, чтобы я или исправилъ или объяснилъ ихъ, и не считалъ меня до такой степени безумнымъ, чтобы въ одной и тойже книгѣ я сталъ бы говорить и въ пользу брака и противъ брака.

Пусть мой противникъ пощадить себя, пощадить меня, пощадить имя христіанина. Пусть узнаеть, что монашество

его состоитъ не въ разговорахъ и расхаживаньи, а въ молчаніи и уединеніи. Пусть прочтетъ слова Іереміи: *благю есть мужу, егда возметъ яремъ въ юности своей. Сядетъ надинъ и умолкнетъ, яко воздвигне яремъ на ся* (Плачь 3, 27. 28). А если мой противникъ забралъ себѣ цензорскій жезлъ надъ всѣми писателями и считаетъ себя ученымъ отъ того, что понималъ Іовиніана (по пословицѣ: косноязычному лучше понимать слова косноязычнаго), то, по суду Аттилія ¹⁾, мы признаемъ *παύτας σὺ συγγραφεῖς*. Даже самъ Іовиніанъ, *συγγραφεὺς ἀγράμματος*, вполне справедливо скажетъ слѣдующее: „если меня осуждаютъ епископы, то это не законно; я не хочу, чтобы противъ меня говорилъ тотъ или другой человекъ, могущій подавить меня своимъ авторитетомъ, но не могущій вразумить меня. Пусть пишетъ противъ меня мужъ, языкъ котораго и я понимаю; если я одержу побѣду надъ нимъ, то разомъ одержу побѣду и надъ всѣми. Я очень хорошо знаю (повѣрьте моему опыту), „каковъ онъ, поднявшись на щитъ, съ какою быстротою мечеть копьѣ“ (Aeneid. lib. X). Онъ храбръ, въ спорахъ привязчивъ и упоренъ и голова его полна хитрыхъ затѣй. Часто съ ночи до вечера онъ кричалъ противъ насъ на улицахъ; у него бока и сила атлета, и тѣло его изящно и крѣико. Кажется, втайнѣ онъ послѣдователь моего ученія. Кромѣ того онъ никогда не краснѣетъ, не размышляетъ о томъ, что говорить и сколько говорить: и приобрѣлъ такую славу краснорѣчія, что слова его повторяются людьми косматыми (civvati). Сколько разъ въ обществѣ онъ заставлялъ меня объѣдаться и доводилъ до холеры? сколько разъ плевалъ и уходилъ оплеванный? Но это все—вещи простыя, которыя можетъ сдѣлать всякій изъ монахъ послѣдователей. Я приглашаю моего противника писать книги—оставить по себѣ память потомству. Будемъ бе-

¹⁾ Быть можетъ здѣсь разумѣется цензоръ Аттилій Реуль, исполнявшій свои обязанности съ большою строгостію. Valek. Max. lib. 2. cap. 9.

сѣдовать письменно и пусть судить о насъ безмолвный читатель; какъ я веду за собою толпу учениковъ, такъ пусть и имени моего противника назовутся Гнаѳоники или Форміоники“¹⁾).

Не важна вещь, любезный Домніонъ, болтать по угламъ и въ жилищахъ шарлатановъ и голословно опредѣлять: „тотъ хорошо сказалъ, а тотъ худо; тотъ знаетъ писанія, а тотъ бредить; тотъ краснорѣчивъ, а тотъ совсѣмъ безсловесенъ“. Кто судить обо всѣхъ, по чьему приговору заслужилъ то право? Только шутамъ и людямъ, всегда готовымъ на распри, свойственно гремѣть противъ кого-нибудь гдѣ ни понало на перекресткахъ и собирать ругательства, а не изболчивительные пункты. Пусть мой противникъ протянетъ руку, возьмется за стиль, побезпокоить себя и, что можетъ, изложить письменно. Пусть дасть намъ случай отвѣчать на его краснорѣчіе. Я самъ умѣю кусаться, если захочу, самъ могу больно уязвить. И мы грамотѣ учились: „и мы часто подставляли руку подъ ферулу“²⁾ (Juvenal. sat. I). И про насъ можно сказать: „у него сѣно на рогахъ; бѣги дальше“ (Пог. serm. 1, sat. 4). Но я лучше хочу быть ученикомъ того, кто сказалъ: *плещи моя дахъ на раны,...* *лица же моего не отвратихъ отъ студа заплаваній* (Ис. 50, 6); *иже укоряемъ, противу не укоряше* (1 Петр. 2, 23), и послѣ заушеній, креста, бичеваній, ругательствъ—въ заключеніе молился за распинающихъ, говоря: *отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. 13, 34). И я прощаю заблуждающемуся брату: знаю, что хитростію діавольскою прельщенъ онъ. Въ кругу женщинъ онъ казался себѣ ученымъ и краснорѣчивымъ. Когда въ Римъ дошли мои произведенія,

¹⁾ Эта ироническая рѣчь, какъ видно, влагается блаж. Иеронимомъ въ уста Ювиніану.

²⁾ Ферула или паля—лопаточка, которою бьютъ учениковъ по рукамъ въ наказаніе.

онъ испугался встрѣтить въ моемъ лицѣ соперника, и распространяющуюся обо мнѣ славу пресѣкъ, чтобы не было на землѣ никого, благоуднаго для его краснорѣчія, за исключеніемъ гѣхъ, могущества которыхъ онъ не щадить, но уступаетъ, которыхъ не уважаетъ, но боится. Опытный человѣкъ хотѣлъ, подобно старому воину, однимъ ударомъ меча поразить обоихъ борцовъ ¹⁾ и показать народу, что писаніе имѣетъ именно тотъ смыслъ, какой ему угодно. Пусть же соблаговолитъ онъ послать къ намъ свою рѣчь и не укорами, но вразумленіемъ исправить наше болтанье. Тогда онъ пойметъ, что иное дѣло площадь, а иное дѣло—кабинетъ ²⁾; иное дѣло—среди веретенъ и корзины дѣвницъ; а иное дѣло—среди ученыхъ мужей разсуждать о догматахъ божественнаго закона. Теперь онъ свободно и безстыдно разглашаетъ въ народѣ обо мнѣ, что я осуждаю браки, и сильно ораторствуетъ противъ меня, и среди беременныхъ женщинъ, крика младенцевъ и брачныхъ постелей умалчиваетъ о томъ, что говорить Апостолъ, лишь бы только возбудить ко мнѣ ненависть. А когда онъ примется писать, столкнется со мной нога съ ногою, и будетъ или самъ предлагать нѣчто отъ Писаній, или выслушивать, что я буду предлагать,—тогда-то онъ вспотѣетъ, тогда-то пораздумаетъ. Прочь Епикуръ, дальше Аристиппъ, свинопасы не придутъ, свинья не захрюкаетъ.

И мы, отче, не славою рукою мечемъ
Стрѣлы и желѣзо, и изъ нашей раны
Струнтся кровь (Aeneid lib. XII)

Если же мой противникъ не хочетъ писать, а думаетъ отдѣлаться только ругательствами, то пусть изъ-за столькихъ земель, рѣкъ, народовъ, раздѣляющихъ насъ, услышитъ по

¹⁾ Т. е. и Иероима, и Иовиніана.

²⁾ Triclinium—собственно: комната съ тремя ложами для обѣдающихъ или собесѣдниковъ.

крайней мѣрѣ эхо моего голоса: „не осуждаю брака, не осуждаю супружества“. И чтобы мой противникъ крѣпче удержалъ мою мысль, — прибавлю: я хочу, чтобы всѣ тѣ, которые быть можетъ страха ради ношнаго не могутъ спать одни, вступали въ супружество.

49. Письмо къ Непоціану.

ОБЪ ОБРАЗѢ ЖИЗНИ КЛИРИКОВЪ И МОНАХОВЪ.

Дорогой мой Непоціанъ, въ своихъ идущихъ изъ-за моря письмахъ ты просишь меня, и часто просишь — вкратцѣ изложить тебѣ правила жизни, какъ долженъ идти правымъ путемъ Христовымъ, не увлекаясь различными порочными приманками, тотъ, кто, оставивши службу міра сего, сталъ или монахомъ или клирикомъ. Когда я былъ еще юноша, можно сказать почти отрокъ и среди суровой пустыни обуздывалъ первые порывы страстнаго возраста, тогда я писалъ къ дѣду твоему св. Пліодору увѣщательное письмо, полное слезъ и жалобъ, чтобы онъ могъ видѣть взволнованное положеніе души своего товарища, оставшагося въ уединеніи. Но въ томъ письмѣ по молодости лѣтъ я выражался безъ подлежащей серьезности: риторика была свѣжа въ памяти и кое-что я разукрасилъ схоластическими цвѣтами. А теперь година моя уже бѣла, лице исчерчено морщинами, подбородокъ отвисъ, какъ у быковъ, и „кругомъ предсердій льется уже холодная кровь“ (Virgil. Georg. lib. 22); и въ другомъ мѣстѣ тотъ же поэтъ говорилъ: „все уноситъ время, уноситъ даже бодрость духа“. И не много спустя: „теперь забыто мною столько пѣсней, и даже самый голосъ Маеріи оставляетъ меня“ (Vicol. Eclog. 8).

Но чтобы не показалось, что я привожу свидетельства только изъ языческой литературы, узнай тайны божественныхъ книгъ. Давидъ, когда-то воинственный мужъ, достигши 70 лѣтъ,

отъ хлада старости не могъ согрѣться. Во всѣхъ предѣлахъ Израиля ищутъ дѣвицу Ависагу Сунамитянку, чтобы она спала съ царемъ и согрѣвала старческое тѣло (3 Царствъ, 1). Если будешь смотрѣть только на мертвую букву, то не покажется ли тебѣ, что это или шутовская выдумка, или Аттеланская комедія ¹⁾. Окоченѣвшій старикъ закутывается одеждами и можетъ согрѣться не иначе, какъ только въ объятіяхъ отроковицы. Жива была еще Вирсавія, жива Абигаиль и прочія жены Давида и паложницы, о которыхъ упоминаетъ писаніе. Всѣ отвергаются, какъ холодныя; въ объятіяхъ одной только отроковицы согрѣвается ветхій старикъ. Авраамъ былъ гораздо старше Давида, однако же при жизни Сарры не искалъ иной сунруги. Исаакъ былъ вдвое старше Давида и никогда не зябъ съ своею уже старой Ревеккой. Не говорю уже о древнихъ допотопныхъ мужахъ, которые проживали 900 лѣтъ и имѣя не только старческіе, но почти уже разлагавшіеся члены, не искали объятій отроковицъ. И Моисей, вождь израильскаго народа, проживши 120 лѣтъ, не промѣнялъ Сепфору на другую.

Что же это за Сунамитянка, женщина и дѣвица, столь пламенная, что согрѣвала охладѣвшаго, столь святая, что въ согрѣваемомъ не возбуждала похоти? Пусть мудрѣйшій Соломонъ разъяснитъ намъ утѣхи своего отца, пусть мужъ мирный расскажетъ объ объятіяхъ воина. *Стяжи премудрость, стяжи разумъ: не забуди, ниже уклонися отъ глаголь устъ моихъ. Не остави ея, и имется тебе: возжелтъ ея, и соблюдетъ тя. Почти ю, да тя обгуметъ: да дастъ главъ твоей вѣнецъ благодатей, вѣнцемъ же сладости защититъ тя* (Притч. 4, 5—9). Всѣ тѣлесныя добродѣтели измѣняютъ старикамъ: возрастеть одна только мудрость, все остальное слабѣетъ; посты,

¹⁾ Извѣстнѣйшій родъ комедіи, названный такъ отъ Ателлы, Города Осковъ, близъ Аверсы, въ Кампаніи. См. Лив. кн. 7. гл. 2.

бодрствованіе, мылостыни, лежанія на земли, путешествія, принятіе странниковъ, защищеніе бѣдныхъ, постоянство въ молитвѣ, неутомимость, посѣщеніе больныхъ, руководѣље, для раздаянія мылостыни, сказать кратко, все, что совершается съ помощію тѣла, съ ослабленіемъ тѣла, уменьшается. Я не говорю, чтобы юноши и люди зрѣлаго возраста, которые трудомъ и горячимъ усердіемъ, святостію жизни и частою молитвою къ Господу Іисусу достигли знанія,—не говорю, чтобы такіе люди были скудны мудростію, которой недостаетъ и у большей части стариковъ,—но я хочу сказать, что юность воздвигаетъ сильную тѣлесную борьбу, и среди порочныхъ увлеченій и плотскихъ возстаній—какъ бы среди зеленыхъ деревьевъ, огонь духа не можетъ разгорѣться и явиться во всемъ своемъ блескѣ. А старость тѣхъ людей, которые юность свою провели въ честныхъ занятіяхъ и въ законѣ Господнемъ поучались день и ночь, старость такихъ людей съ лѣтами бываетъ ученѣе, въ жизни опытнѣе, съ теченіемъ времени мудрѣе и производитъ сладчайшіе плоды старческихъ ученій. Поэтому и греческій мудрецъ Ѳемистокль, когда, проживши 107 лѣтъ, замѣтилъ приближеніе смерти, то, говорятъ, сказалъ, что ему жаль разставаться съ жизнію въ то время, когда онъ только что началъ быть умнымъ. Платонъ умеръ на 81 году, занимаясь литературою. И Сократъ провелъ 99 лѣтъ въ научныхъ и литературныхъ трудахъ. Не говорю о прочихъ философахъ: Пиагорѣ, Демокритѣ, Ксенократѣ, Зенонѣ и Клеантѣ, которые уже въ преклонныхъ лѣтахъ прославились мудростію. Обращаюсь къ поэтамъ, Гомеру, Гезіоду, Симониду, Стезихору, которые въ глубокой старости и при приближеніи смерти пропѣли свою лебединую пѣснь, превзойдя самихъ себя. Софокль, когда по причинѣ глубокой старости и нерадѣнія о домашнихъ дѣлахъ былъ обвиняемъ собственными сыновьями въ сумашествіи, то прочелъ предъ судьями только что написанную имъ трагедію

Эдипъ, и представилъ такое блестящее доказательство мудрости въ дряхломъ возрастѣ, что трибуналь строгихъ судей превратилъ въ театръ рукоплексающихъ. Неудивительно, что и Катонъ, бывший цензоръ краспорѣчивѣйшій римлянинъ уже въ старости не постыдился изучать греческій языкъ и не отчаялся въ успѣхѣ. Не безъ основанія и Гомеръ говоритъ, что съ языка Нестора, старца уже дряхлаго, текла рѣчь, сладчайшая меда. Тайна самаго имени (отроковицы Давидовой) Ависаги — *Abisag* — означаетъ широту старческой мудрости. Ибо слово *Abisag* значитъ: *отецъ мой преизобильный* (*pater meus superfluus*) или *отца моего вопль* (*patris mei rugitus*). Глаголь *superfluo* (избыточествовать, быть лишнимъ) имѣетъ двоякое значеніе; здѣсь берется въ лучшемъ смыслѣ и означаетъ добродѣтель, умножающую въ старцахъ и ихъ обильную и плодотворную мудрость. А иногда слово *superfluus* значитъ какъ бы ненужный. — Если же принять *Abisag* во второмъ значеніи, то слово *rugitus* (воплъ) означаетъ собственно шумъ морскихъ волнъ и такъ сказать исходящее изъ моря содроганіе. Это значитъ, что въ старцахъ обитаетъ могучій громъ божественной рѣчи, превосходящей человѣческой голосъ. А слово *сунамитянка* на нашемъ языкѣ значитъ пурпуровая, багровая; этимъ означается и теплота мудрости и горѣніе въ божественномъ чтеніи: указывается и на Таинство Господней крови и на жаръ мудрости. Поэтому и въ книгѣ Бытія (гл. 38) бабка навязала пурпуръ на руку Фареса ¹⁾, который отъ того, что раздѣлилъ прегражденіе, заранѣе отдѣлявшее два народа, получилъ имя *Phages*, т. е. *раздѣлитель*. И блудница Раавъ во образъ церкви свѣсила въ окно шить, содержащую тайну крови, чтобы при погибели Иерихона спасся домъ ея. Поэтому и въ другомъ мѣстѣ писаніе

¹⁾ Бл. Иеронимъ допустилъ ошибку. Пурпуръ былъ навязанъ на руку не Фареса, а Зары. См. Быт. 38, 27—30.

о святыхъ мужахъ говоритъ такъ: *сїи суть.. иже преидоша отъ теплоты дому отца Рихавля* (1 Пар. 2, 55). И Господь нашъ въ евангелїи говоритъ: *огня придохъ воврещи на землю, и какъ хочу я, чтобы онъ запылалъ*“ (Лук. 12, 49). Этотъ огонь, возгорѣвшись въ сердцахъ учениковъ, побуждалъ ихъ говорить: *не сердце ли наше горя бѣ въ насъ, егда глаголаше съ нами на пути, и егда сказоваше нама писанїя?* (Лук. 24, 32).

Но къ чему такое длинное предисловіе? Къ тому, чтобы ты не требовалъ отъ меня дѣтскихъ декламацій, цвѣтовъ краснорѣчія, кокетства въ словахъ и въ концѣ каждой главы какихъ-нибудь краткихъ и осторожныхъ заключеній, которыя бы возбуждали крики и рукоплесканія слушателей. Пусть объемлетъ меня одна только мудрость, пусть Авсага наша, никогда не старѣющая, почіетъ на моемъ лонѣ. Она чиста и всегда дѣвственна и подобно Марїи не повреждена, хотя бы каждадневно раждала и всегда раждаетъ. Поэтому, кажется, и Апостоль сказалъ: *духомъ горяще* (Рим. 12, 4). И въ евангелїи Господь предсказалъ, что при концѣ міра, когда, по слову пророка Захарїи, встанетъ глупый пастырь, — оскудѣтъ мудрость и охладѣтъ любовь многихъ (Мато. 24 Зах. 11). И такъ выслушай, какъ говоритъ блаж. Кирианъ, не краснорѣчивое, но сильное. Выслушай брата по товариществу, отца по старости, который отъ начатковъ вѣры ведетъ тебя въ возрастъ совершенный, и постепенно излагая правила жизни, въ лицѣ твоемъ учитъ другихъ. Я знаю, что ты и научился и каждадневно учишься тому, что свято, отъ дѣда твоего блаж. Иліодора, который нынѣ первосвященникомъ Христовымъ; я знаю, что образъ его жизни ты имѣешь, какъ примѣръ добродѣтелей. Но прими и наше наученіе, каково бы оно ни было, и соедини мое писаніе съ писаніемъ Иліодора; какъ онъ училъ тебя быть совершеннымъ монахомъ, такъ отъ меня научись быть совершеннымъ клирикомъ“.

Клирикъ, служащій церкви Христовой, пусть сначала вникнетъ въ смыслъ своего наименованія, и опредѣливъ свое имя, пусть попытается быть тѣмъ, чѣмъ называется. Если греческое слово *κλήρος* по латыни значить *sors* (жеребій), то клирики называются такъ или потому, что принадлежатъ къ жребію Господнему, — или потому, что самъ Господь есть ихъ жребій, т. е. достояніе клириковъ. А это или самъ принадлежитъ въ достоянію Господнему или Господа имѣеть своимъ достояніемъ, тотъ долженъ такъ вести себя, чтобы могъ и обладать Господомъ и быть предметомъ Господняго обладанія. Кто обладаетъ Господомъ и вмѣстѣ съ пророкомъ говорить: *часть моя Господь* (Пс. 15, 5, и 12, 16), тотъ не долженъ ничего имѣть кромѣ Господа. А если кто имѣеть что нибудь кромѣ Господа, то Господь уже не есть часть Его. Напримѣръ: если кто имѣеть золото, серебро, имущества, различную утварь, то совмѣстно съ этими достояніями онъ не сподобится имѣть своимъ достояніемъ Господа. Если же я есмь часть Господня и вервь наслѣдія Его: то я не получаю удѣла наряду съ другими колѣнами, но подобно священнику и левиту живу десятинами, служа алтарю, отъ алтаря питаюсь; имѣя пищу и одѣяніе, сими доволенъ буду, и послѣдую обнаженный за обнаженнымъ крестомъ. Итакъ умоляю тебя, и вторично паки и паки увѣщаваю, чтобы ты не считалъ обязанности клирика чѣмъ то въ родѣ древней воинской службы, чтобы на Христовой службѣ не искалъ прибыли вѣка сего, чтобы не дѣлалъ новыхъ приобрѣтеній въ имуществѣ, и чтобы не было сказано о тебѣ: *достояніе ихъ не полезно будутъ имъ* (Іер. 12, 13). Столъ твой пусть окружаютъ бѣдные и странники и сожителствующій съ ними Христось. Клирика прибрѣтателя, который изъ бѣднаго сталъ богатымъ, изъ незначнаго знатнымъ, убѣгай какъ какой-нибудь язвы. *Тягъ обычаи благи бестыды злы* (1 Кор. 15, 33). Ты презираешь золото, а онъ любитъ его; ты попираешь богатства, а онъ гонится за

ними; тебѣ по сердцу молчаніе, кротость, уединеніе, а ему нравятся многословіе, тертый лобъ, площади и улицы и жилища шарлатановъ (*medicorum tabernae*). При такомъ различіи въ нравахъ, что можетъ быть общаго?—Въ гостинной твоей пусть рѣдко, или вовсе никогда не проходитъ нога женщины. Всѣхъ отроковицъ и дѣвъ Христовыхъ или одинаково не знай, или одинаково люби. Не бывай часто подъ ихъ кровлею; не надѣйся на свою прежнюю непорочность. Ты не святѣ Давида, не мудрѣ Соломона. Помни всегда, что райскаго обитателя женщина изгнала изъ его прежнихъ владѣній. Во время твоей болѣзни пусть прислуживаетъ тебѣ святой братъ, и родственница, или мать, или какія-нибудь женщины, пользующіяся общимъ одобреніемъ и довѣріемъ. Если же не найдется такихъ родственныхъ и непорочныхъ личностей, то имѣй въ виду, что церковь питаетъ многихъ старухъ, которыя могутъ и оказать тебѣ услугу и получишь награду за свое служеніе, такъ что самая болѣзнь твоя принесетъ плодъ милостыни. Я знаю, что нѣкоторые вздоравливали тѣломъ и заболѣвали духомъ. Не безопасно пользоваться услугами той, лице которой ты часть видишь. Если по обязанности клирика ты посѣщаешь вдову или дѣвицу, то никогда не вступай въ домъ ея одинъ. Имѣй такихъ сопутниковъ, общество которыхъ не было бы для тебя безславно. Если за тобою слѣдуетъ чтець, или аколоуоъ, или исалмопѣвецъ, то пусть они украшаются не одѣяніемъ, а нравами: пусть не завиваютъ волосъ щипцами, но самымъ виѣпнымъ видомъ своимъ обѣщаютъ скромность. Не сиди *одинъ съ одной*, втайнѣ безъ посредника или свидѣтеля. Если нужно сказать что нибудь по секрету, то пусть будетъ при этомъ кормилица, старшая въ домѣ дѣва, вдова или замужня: твоя собесѣдница не настолько же нечеловѣчна, чтобы никому не смѣла довѣриться кромѣ тебя. Избѣгай всякихъ подозрѣній; заранѣе предупреди всякіе вымыслы, которые могутъ составиться съ правдопо-

добностью. Святая любовь не допускаетъ частыхъ подарочковъ; связочекъ и одеждъ, прилагаемыхъ къ лицу, приносимыхъ и отвѣдываемыхъ кушаньевъ, ласковыхъ и сладкихъ записочекъ. „Медь мой, мое желаніе, красота, утѣха“, все подобныя, смѣха достойныя вѣжливости и другія неприличія влюбленныхъ заставляютъ насъ краснѣть въ комедіяхъ и осуждаются въ людяхъ вѣка сего; не гораздо ли предосудительнѣе подобныя выраженія въ устахъ монаховъ и клириковъ, украшающихъ священство своимъ подвигомъ, украшаемыхъ священствомъ въ своемъ подвигѣ? Я говорю это не къ тому, чтобы боялся въ этомъ отношеніи за тебя или за святыхъ мужей; я хочу сказать только то, что во всякомъ подвигѣ, во всякомъ полѣ и возрастѣ есть и добрые и худые, и осужденіе злыхъ есть похвала для добрыхъ.

Стыдно сказать: жрецы идольскіе, комедіанты, возникшіе и люди распутные получаютъ наслѣдства; однимъ только клирикамъ и монахамъ запрещается это по закону ¹⁾, и запрещается не преслѣдователями, но властителями христіанами. Не жалуясь на законъ, но скорблю о томъ, почему мы заслужили этотъ законъ. Прижиганіе адскимъ камнемъ служить на пользу: по зачѣмъ же рана, благодаря которой я пуждаюсь въ прижиганіи? Предусмотрительно и сурово предостереженіе закона, однако и этимъ не обуздывается любостыжательность, съ помощію довѣренностей (*per fideicommissa*) ²⁾, мы обманываемъ законы,

¹⁾ Разумѣется постановленіе имп. Валентиніана, данное на имя папы Дамаса: *церковники, или принадлежащіе къ церкви, и желающіе называться именемъ воздержниковъ, да не вступаютъ въ дома вдовъ и сиротъ* и пр. Объ этомъ св. Амвросій въ письмѣ къ Валентиніану (*epist.* 18, п. 13) говоритъ такъ: „недавними законами намъ запрещено пользоваться частными наслѣдствами, и никто не жалуется“ и пр. Впослѣдствіи этотъ законъ отмѣненъ новеллою имп. Маркіона. См. *Cod. Theod.* 1. 16. tit. 3.

²⁾ *Fideicommissum* — отдача по завѣщанію имѣнія вѣрному чело­вѣку для передачи другому.

и какъ будто бы опредѣленія императорскія для насъ важнѣе Христовыхъ,—мы законовъ боимся, а евангелиемъ пренебрегаемъ. Пусть будетъ наслѣдовать мать дѣтямъ, т. е. церковь своимъ пасомымъ, которыхъ она породила, питала и руководила. Зачѣмъ мы вмѣшиваемся между матерью и дѣтьми? Слава епископа состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о бѣдности пеннущихъ. Но безчестіе для всѣхъ священно-служителей—собирать богатства для себя. Рожденный въ бѣдномъ домѣ или въ деревенской хижинѣ, въ былое время едва могъ я насыщать пустой желудокъ просомъ и чернымъ хлѣбомъ, а теперь для меня ни по чемъ отличнѣйшая крупчатая мука и медъ. Мнѣ извѣстны роды и имена рыбъ, я знаю, на какомъ берегу собраны раковины; по запаху птицъ я различаю, изъ какихъ онѣ провинцій, меня увеселяетъ рѣдкость дорогихъ кушаньевъ, а въ послѣднее время самыя ихъ недостатки.

Слышно кромѣ того, что нѣкоторые клирики отличаются постыдною услужливостію къ бездѣтнымъ старикамъ и старухамъ. Сами приносятъ горшокъ (*matulam*), сидятъ кругомъ постели, принимаютъ въ свои руки желудочную отрыжку и легочную мокроту. Они пугаются при приходѣ врача и трепещущими устами освѣдомляются, лучше ли больному; если старикъ чувствуетъ себя немного бодрѣе, то находятся въ опасности, и подъ видомъ радости скрываютъ тревожную любостязательную мысль. Они боятся, какъ бы не пропала даромъ ихъ услужливость, и живучаго старика берегутъ Маѳусаиловы годы. О какал бы была за то награда у Бога, если бы они не ждали награды въ сей жизни! Съ какими усиліями снискивается тщетное наслѣдство! Жемчужина Христова могла бы быть куплена съ меньшимъ трудомъ.

Чаще читай божественныя писанія; пусть даже никогда изъ рукъ твоихъ не выпадаетъ священная кпига. Учись тому,

чему самъ учишь; храни вѣрное слово, сообразное съ ученіемъ, чтобы ты могъ утверждать другихъ въ здоровомъ ученіи и противниковъ побѣждать. Пребывай въ томъ, чему ты научился и что тебѣ ввѣрено, зная, отъ кого ты научился, готовый всегда отвѣчать всякому вопрошающему тебя о твоей надеждѣ и вѣрѣ. Да не разногласятъ твои дѣла съ твоею рѣчью, чтобы во время твоего церковнаго собесѣдованія ктонибудь безмолвно не спросилъ бы тебя: „отчего ты самъ не дѣлаешь того, чему учишь другихъ“? Извѣщенный учитель тотъ, кто съ полнымъ чревомъ разсуждастъ о постѣ. Обличать любостыжаніе можетъ и разбойникъ. У священника Христова лице, умъ и руки должны быть согласны между собою. Будь покоренъ первосвященнику своему и имѣй его, какъ отца души своей. Любить свойственно дѣтямъ, бояться рабамъ. *Аще отецъ есмь азъ, сказано, то гдѣ слава моя? и аще Господь есмь азъ, то гдѣ есть страхъ мой?* (Малах. 1. 6). Для тебя въ лицѣ одного мужа должны быть чтимы многія имена: монахъ, первосвященникъ, дѣдъ твой, научившій уже тебя всему, что свято. Я говорю также, что епископы должны считать себя священно-служителями, а не господами ¹⁾, должны чтить клириковъ, какъ клириковъ, чтобы и отъ нихъ получать епископскую почесть. Извѣстно изреченіе оратора Домиція: „зачѣмъ“, сказалъ онъ, „я буду считать тебя начальникомъ, когда ты не считаешь меня сенаторомъ“? Мы знаемъ, что чѣмъ были Ааронъ и сыновья его, — тоже самое епископъ и пресвитеры: единъ Господь, единъ храмъ, едино также и служеніе. Будемъ вспоминать всегда, что апостоль Петръ заповѣдуетъ священникамъ: *насите еже въ васъ стадо Божіе, поспѣвающе не нуждею, но волею и по Бозѣ: ниже неправедными прибытки, но усердно: ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду. И явльшюся Пастыремъ начальнику, пріимете неуывдаемый славы*

¹⁾ По другому варианту: отцами, а не господами.

вънецъ (Петр. 5, 2—4). Въ нѣкоторыхъ церквахъ есть очень плохой обычай, что пресвитеры въ присутствіи епископовъ молчатъ и ничего не говорятъ, какъ будто бы сіи послѣдніе или не любятъ, или не удостоиваютъ выслушивать ихъ. *Аще ли иному*, говоритъ ап. Павелъ, *открыется съдящу, первый да молчитъ. Можете бо вси по единому пророчествовати, да вси учатся, и вси утѣшаются.* И духъ пророческій пророкомъ повинуется. *Нѣсть бо нестроенія Богъ, но мира* (1 Кор. 13, 30—32). *Сынъ премудръ—слава отцу* (Притч. 10, 1). Епископъ можетъ радоваться своему суду, если избралъ Христу такихъ священниковъ.

Когда ты учишь въ церкви, возбуждай не крикъ одобренія, но плачь въ народѣ. Слезы слушателей—вотъ твоя похвала. Рѣчь пресвитера должна быть основана на чтеніи писанія. Я не хочу, чтобы ты былъ декламаторъ, крикунъ и болтунъ безъ толку, но свѣдущій въ тайнахъ и наученный таинствамъ Бога твоего. Сыпать словами и скоростію рѣчи привлекать къ себѣ удивленіе несвѣдущей черни свойственно людямъ неученымъ. Тертый лобъ часто толкуетъ о томъ, чего не знаетъ, и убѣждая другихъ только напрасно присвоиваетъ себѣ знаніе. Мой прежній учитель Григорій Назіанзинъ какъ-то на мою просьбу объяснить, что значить у Луки суббота, *δευτέρη πρωτη*, т. е. *второпервая* (Лук. 6, 1), съ изысочною шутливостію отвѣчалъ: „я научу тебя этому въ церкви: тамъ при всеобщихъ кликахъ народа по неволѣ принужденъ будешь знать то, чего не знаешь. А если одинъ будешь молчать, одинъ всѣми будешь обвиненъ въ глупости“. Нѣтъ ничего легче, какъ обмануть оборотливостію языка простой народъ и неученое собраніе,—которое чего не понимаетъ, тому еще болѣе дивится. М. Туллій (относительно котораго самое лучшее сужденіе таково: „Демосѳенъ предупредилъ тебя, чтобы ты не былъ первымъ ораторомъ; ты послѣ-

довадь ему, чтобы онъ не былъ единственнымъ“, М. Тулліи въ рѣчи за Квинта Галлія говорить о благосклонности толпы и о невѣжественныхъ слушателяхъ; прислушайся къ его голосу, чтобы не увлечься подобными обманами. Скажу о томъ, что я самъ слышалъ въ недавнее время. Одинъ какой то поэтъ, человѣкъ извѣстный, очень образованный, написалъ разговоры поэтовъ и философовъ, гдѣ заставляетъ разсуждать между собою Еврипида и Менандра, и въ другомъ мѣстѣ—Сократа и Епикура, раздѣленныхъ, какъ намъ извѣстно, по времени жизни не годами, по столѣтіями; и сколько рукоплесканій и восторженныхъ кликовъ вызываетъ онъ своимъ произведеніемъ! Это оттого, что у него въ театрѣ много соучениковъ, которые вмѣстѣ ничему не учились.

Темныхъ одеждъ не носи точно также, какъ и свѣтлыхъ. Убранства и неоприятности одинаково должно избѣгать: первое говорить о любви къ удовольствіямъ, а второе—о тщеславіи. Похвально носить льняную одежду, но не обращать вниманія на ея цѣнность. Но смѣшно и крайне неприлично, разставляя карманъ, хвастаться, что не имѣешь платка для утиранія пота и орари (*sudarium orariumque*). Иные подаютъ бѣднымъ немного, чтобы получить больше, и подъ предлогомъ благотворительности собираютъ богатства; это скорѣе своего рода охота, чѣмъ благотворительность. Попадаются звѣри, попадаются птицы, попадаются и рыбы. Полагается на крючкѣ небольшая приманка, чтобы подцѣпить на него кошельки матронъ. Пусть епископъ, которому ввѣрена церковь, внимательно смотреть, кто поставленъ пещись о бѣдныхъ и раздавать милостыню. Лучше не имѣть чѣмъ помочь, нежели безстыдно выпрашивать и прятать себѣ. Но съ другой стороны—высокомѣрно притязаніе казаться милостивѣе, чѣмъ первосвященникъ Христовъ. Не всѣ мы можемъ все. Иной въ церкви есть око, иной—

языкъ, иной—рука, иной—нога, ухо, чрево и прочее. Читай посланіе Павла къ Коринѣянамъ: какъ различные члены составляютъ одно тѣло (1 Кор. 12). Пусть необразованный и простой братъ не считаетъ себя святымъ, потому что ничего не знаетъ; пусть также братъ искусный и краснорѣчивый не полагаетъ святость въ краснорѣчіи.—И то и другое несовершенно, но гораздо лучше имѣть святую необразованность, чѣмъ грѣшное краснорѣчіе.

Многіе строятъ стѣны и ставятъ колонны церковныя; бѣлѣтъ мраморъ, потолоки блестятъ золотомъ, алтарь украшенъ дорогими камнями, а о выборѣ служителей Христовыхъ нѣтъ заботы. Не возражайте мнѣ, что въ Іудеѣ былъ богатый храмъ, и въ немъ трапеза, свѣтильники, кадилаицы, блюда, чаши, ступы и прочія вещи, сдѣланныя изъ золота (3 Цар. гл. 5 и 6). Это было заповѣдано Господомъ тогда, когда священники приносили жертвы и кровь животныхъ служила искупленіемъ грѣховъ. Но все это имѣло прообразовательное значеніе; *писана же быша* ради насъ, *въ нижше концы вѣкъ достигнуша* (1 Кор. 10, 11). А нынѣ, когда обещавшій насъ ради Господь освятилъ нищету дома своего, будемъ помышлять о крестѣ его и считать богатство грязью. Зачѣмъ дивиться тому, что Христесъ называетъ мамоною неправедною (Лук. 16, 9)? Зачѣмъ принимать и любить то, въ неимѣніи чего открыто признается ап. Петръ (Дѣян. 3, 6)? Въ противномъ случаѣ, если будемъ слѣдовать только буквѣ и въ золотѣ и богатствахъ храма будемъ видѣть просто историческій фактъ, то намъ придется вмѣстѣ съ золотомъ удержатъ и прочее, бывшее въ ветхомъ завѣтѣ. Пусть первосвященники Христовы женятся на дѣвахъ; пусть человекъ, имѣющій рубецъ и некрасивый собою, лишается священства, хотя бы былъ и благомыслящій: пусть на проказу тѣлесную обращается болѣе вниманія, чѣмъ на пороки душевные. Будемъ раститься и множиться и наполнять землю; не

будемъ закалать агнца и праздновать таинственную пасху, потому что по закону запрещено совершать это безъ храма. Будемъ въ седьмой мѣсяцъ утверждать кущи, и торжественный постъ будемъ провозглашать звукомъ трубы. Если же, сравнивая духовное съ духовнымъ и зная вмѣстѣ съ Павломъ, что законъ духовенъ (Рим. 7, 14) и воспѣвая вмѣстѣ съ Давидомъ: *открый очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего* (Пс. 118, 18), если все это будемъ понимать такъ, какъ Самъ Господь понималъ и истолковалъ субботу, то или отвергнемъ золото вмѣстѣ съ прочими іудейскими предрассудками, или если правится золото, то пусть правятся и іудеи, которыхъ вмѣстѣ съ золотомъ мы необходимо должны или одобрить или осудить.

Избѣгай пиршествъ вмѣстѣ съ свѣтскими людьми, особенно съ тѣми, которые надуты почестями. Стыдно, если у священника Христа распятаго и бѣднаго и даже питавшагося чужою пищею, будутъ стоять при дверяхъ дикторы консуловъ и воины, и судья провинціи будетъ у тебя лучше обѣдать, чѣмъ во дворцѣ. Если ты поддерживаешь подобныя знакомства для того, чтобы ходатайствовать за бѣдныхъ угнетенныхъ, то знай, что свѣтскій судья лучше послушаетъ клирика воздержнаго, чѣмъ расточительнаго, болѣе почитать твою святость, чѣмъ богатства. А если судья таковъ, что слушаетъ ходатайства клириковъ за несчастныхъ только за чаркой, то я лучше удержусь отъ подобнаго благодѣянія; вмѣсто того, чтобы просить судью, я буду просить Христа, Который можетъ помочь больше и скорѣе, чѣмъ судья. *Лучше есть надѣяться на Господа, неже надѣяться на человека. Лучше есть уповати на Господа, неже уповати на князи* (Пс. 117, 8. 9). Никогда отъ тебя не должно пахнуть виномъ, чтобы не пришлось тебѣ услышать изрѣченія философа: „это не значить цѣловать: это значить виномъ подчивать“. Преданныхъ вину священниковъ и апостолъ

осуждаетъ, и ветхій законъ отлучаетъ (Лев. 10). Служащiе алтарю не должны пить вина и сикера. Подъ именемъ сикера въ еврейскомъ языкѣ разумѣется вское питье, могущее опьянить: готовится ли оно изъ пшеницы или изъ сока плодовъ; вываривается ли изъ сотовъ сладкiй напитокъ, любимый варварами, или пальмовые плоды раздавливаются и послѣ вывариванiя фруктовъ получается густая цвѣтистая жидкость. Всего опьяняющаго и помрачающаго умъ избѣгай также, какъ и вина. Я это говорю не къ тому, чтобы осуждать творенiе Божiе (и Господь названъ былъ винопiйцею Матѳ. 11, 19, и Тимоеею, больному желудкомъ, разрѣшено умѣренное вкушенiе, вина, 1 Тим. 5, 23), но мы должны соблюдать мѣру въ питii сообразно съ возрастомъ, здоровьемъ и свойствомъ тѣла. Если я и безъ вина разгоряченъ молодостью, пылаетъ во мнѣ жаръ крови, тѣло мое сильно и полно соковъ, то я охотно удержусь отъ стакана, въ которомъ вижу для себя нѣчто въ родѣ яда: у грековъ есть прекрасная пословица, — не знаю, въ ходу ли она у насъ —: „толстое чрево не родитъ тонкаго смысла“ ¹⁾).

Постись, сколько можешь. Пусть будутъ у тебя посты чистые, непорочные, простые, умѣренные и не суетвѣрные. Что толку не вкушать масла и искать разныхъ приправъ къ пищѣ, фигъ, перцу, орѣховъ, пальмовыхъ плодовъ, крупичатой муки, меду и фиستانекъ? Садоводство истощаетъ всѣ усилiя, чтобы мы не питались простымъ насущнымъ хлѣбомъ (предаваясь своимъ успѣхамъ, мы удаляемся отъ царствiя небеснаго) ²⁾. Кроме того я слышу, что нѣкоторые (клирики) вопреки природѣ вещей и людей — не пьютъ воды, не ѣдятъ хлѣба, — но вкушаютъ прохладительные напитки, и толченныя овощи, и све-

1) Παχὴία γαστήρ λεπτόν ἐν τίχτει νοσῶν.

2) Въ нѣкоторыхъ изданiяхъ соч. бл. Иеронима словъ, поставленныхъ въ скобкахъ, не имѣется.

кольный сокъ, почерпая не чашею, но раковиною. О стыдъ! мы не краснѣемъ, дѣлая такія нелѣпости и не стыдимся нашихъ предразсудковъ. Между тѣмъ, наслаждаясь утѣхами, мы хотимъ еще пріобрѣсть славу воздержанія. Самый строгій постъ—хлѣбъ и вода. Но такъ какъ этимъ нельзя пріобрѣсть славы, ибо всѣ мы питаемся хлѣбомъ и водою, поэтому такой постъ и считается простымъ и обыкновеннымъ.

Не прельщайся людскою молвою; изъ-за похвалы народа не окажи противленія Богу. *Аще бо быхъ, говоритъ апостоль, еще человекомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ* (Гал. 1, 10). Онъ пересталъ правиться людямъ и сдѣлался рабомъ Христовымъ. Среди доброй и худой славы воинъ Христовъ идетъ, не уклоняясь ни на право, ни на лѣво; не надмѣвается отъ похвалы, не сокрушается отъ порицаній, не гордится богатствомъ, не подавляется бѣдностію; для него безразлично и радостное, и печальное. *Во дни солнце не ожжетъ его, ниже луна ночью* (Ис. 120, 6). Не хочу, чтобы ты молился на уличныхъ перекресткахъ, дабы народный вихрь не нарушилъ правильнаго хода твоихъ молитвъ. Я не хочу, чтобы ты влачилъ подолъ по землѣ и расширялъ воскрилія ризъ своихъ (phylacteria) и вопреки внушеніямъ собственной совѣсти окружалъ себя фарисейскимъ тщеславіемъ. Не гораздо ли лучше *носить* это ¹⁾ *не на тѣлѣ, а въ сердцѣ*, и полагаться на милость Божию, а не на взгляды людскіе? На этомъ основывается евангеліе, законъ и пророки, или священное и апостольское ученіе. „Лучше все это носить въ умѣ, чѣмъ на тѣлѣ“. Ты, вѣрующій читатель, понимаешь вмѣстѣ со мною, о чемъ я умалчиваю, и что лучше высказываю самымъ умолчаніемъ.

1) Разумѣются: воскрилія ризъ или phylacteria, на которыхъ у древнихъ евреевъ были натканы нѣкоторые заповѣди закона для напоминанія о вседневномъ ихъ соблюденіи.

Пусть тебѣ сопутствуетъ столько правилъ, сколько родовъ славы. Хочешь ли знать, какого Господь требуетъ украшенія? Имѣй мудрость, правосудіе, умѣренность, мужество. Бросься въ эти небесныя сѣти: эта четверня тебя, какъ возницу Христова, принесетъ къ желаемой цѣли. Нѣтъ ничего драгоцѣннѣе этого ожерелья, нѣтъ ничего изящнѣе разнообразія этихъ дорогихъ камней. Со всѣхъ сторонъ ты будешь ими украшенъ, объятъ и покрытъ; онѣ будутъ для тебя украшеніемъ, и защитою; дорогіе камни превращаются въ щиты.

Остерегайся также, чтобы не чесались у тебя языкъ и уши, то есть самъ не злословь и не слушай другихъ злословящихъ ближняго. Въ писаніи сказано: *судя на брата твоего клеветалъ еси, и на сына матери твоея полагалъ еси соблазнъ. Сія сотворилъ еси и умолчалъ.* Ты думалъ, беззаконникъ, *яко буду тебѣ подобенъ*: я тебя обличу и представлю предъ мѣщомъ твоимъ (Пс. 19. 20—21). Храни себя отъ злословія, наблюдай за рѣчами своими, знай, что ты будешь отвѣчать за всѣ высказанныя тобою сужденія о другихъ и съ тебя взыщется все то, въ чемъ ты укорялъ другихъ. Если ты скажешь: „когда другіе рассказывали мнѣ нѣчто не въ пользу ближняго, то я не могъ же оскорбить ихъ невниманіемъ“, — то это извиненіе неосновательное. Никто охотно не рассказываетъ невнимательному слушателю. Стрѣла никогда не вонзается въ камень, напротивъ того, отскакивая иногда поражаетъ того, кто пустилъ ее. Клеветникъ, види, что ты неохотно слушаешь его, пусть научается, что не легко язвить. „Не входи въ сношеніе съ переносчиками“, говоритъ Соломонъ, „потому что внезапно придетъ погибель ихъ и слѣда не останется ни того, ни другаго“ (Пр. 24. 22), то есть ни того, кто клеветаетъ, ни того, кто приклоняетъ ухо для слушанія его.

Твоя обязанность — посѣщать больныхъ, имѣть пощеченіе о домахъ матерей и дѣтяхъ ихъ и хранить тайны благород-

ныхъ мужей. Твоя обязанность—хранить непорочными не только очи, но и языкъ. Никогда не разсуждай о красотѣ женщинъ; да не будетъ черезъ тебя узвано въ одномъ домѣ то, что дѣлается въ другомъ.—Иппократъ, прежде чѣмъ приступаетъ къ ученію, умоляетъ и клятвенно обязываетъ учениковъ своихъ хранить слова его, посредствомъ таинства исторгаетъ у нихъ молчаніе, опредѣляетъ своимн предписаніями ихъ разговоръ, походку, одежду и нравы. Не гораздо ли болѣе мы, которымъ ввѣрено врачевство душъ, должны любить семейства всѣхъ христіанъ, какъ свои собственныя? Пусть они найдутъ васъ утѣшителями въ печали болѣе, чѣмъ собесѣдниками въ дни счастья. Легко подвергается презрѣнію клирикъ, который не отказывается отъ частыхъ приглашеній къ обѣдамъ.

Никогда не будемъ просить и рѣдко будемъ принимать даже предлагаемые подарки. *Блаженнѣе есть паче даяти, нежели приимати* (Дѣян. 20, 35). Не знаю отчего, даже тотъ самый, который упрасиваетъ тебя принять подарокъ, когда ты примешь, судить о тебѣ хуже и—удивительная вещь—если ты не склонился на его просьбы, онъ послѣ того болѣе уважаетъ тебя. Проповѣдникъ воздержанія не долженъ устраивать свадьбы. Читающій слова апостола: *прочее да имущіи жены, якоже немущіи будутъ* (1 Кор. 7, 29), зачѣмъ привлекаетъ дѣву къ браку? Принадлежащій къ сословію единобрачныхъ священникъ, для чего увѣщаетъ вдову къ двоебрачію? Какъ могутъ быть клирики распорядителями и управителями чужихъ домовъ и дачъ, когда имъ предписано пренебрегать собственнымъ имуществомъ? Отнять что нибудь у другаго—воровство; обмануть церковь—святотатство. Принять что-нибудь для раздачи бѣднымъ, и тогда, какъ многіе терпятъ голодъ, раздавать осторожно или скупо или—что уже служить вопіющимъ преступленіемъ—нѣкоторую часть денегъ забрать себѣ,—значить превзойти въ жестокости всѣхъ разбойниковъ. Я мучусь голо-

домъ, а ты разсчитываешь, сколько нужно для моего желудка? или тотчасъ раздай, что ты получилъ, или, если ты нерѣшителенъ въ раздачѣ, предоставь благотворителю самому раздавать свое имущество. Я не хочу, чтобы ради меня наполнился твой кошелекъ. Никто лучше меня не можетъ сохранить моего. Самый лучший раздаятель тотъ, кто ничего у себя не удерживаетъ.

Ты принудилъ меня, любезнѣйшій Непоціанъ, послѣ того какъ уже побита камнями книжка о дѣвствѣ, написанная мною въ Римъ къ св. Евстохіи,—ты принудилъ меня спустя десять лѣтъ снова открыть уста въ Внолеемѣ и выдать себя на жертву всѣмъ языкамъ. Мнѣ оставалось или ничего не писать, чтобы не подвергнуться суду людскому,—чему ты воспрепятствовалъ; или писать и знать, что противъ меня направлены стрѣлы всѣхъ злоязычниковъ. Умоляю ихъ, чтобы они успокоились и перестали злословить: я писалъ не къ врагамъ, но къ друзьямъ, не нападалъ на согрѣшающихъ, но увѣщевалъ ихъ, чтобы не грѣшили. Я былъ строгимъ судьей не только по отношенію къ нимъ, но и по отношенію къ себѣ самому; желая исторгнуть сучецъ изъ ока ближняго, я прежде исторгнулъ свое бревно. Никого я не оскорбилъ; ничье имя не обозначено, даже описательно. Никого въ частности не коснулась моя рѣчь. Было общее разсужденіе о порокахъ. Кто хочетъ гнѣваться на меня, пусть прежде сознается, что онъ таковъ ¹⁾.

50. Письмо къ Павлину. Объ изученіи св. Писанія.

Братъ Амвросій, доставивши мнѣ твои подарки, принеси вмѣстѣ съ тѣмъ и пріятнѣйшее письмо, которое заключало въ себѣ удостовѣреніе твоей искони испытанной вѣрности и под-

¹⁾ Подражаніе словамъ Цицерона *pro leg. Manil. Ego autem neminem pomino. Quare irasci mihi nemo poterit, nisi qui ante de se voluerit confiteri.*

твержденіе старой дружбы. Это истинная пріязнь, скрѣпленная союзомъ Христовымъ, основывающаяся не на хозяйственной пользѣ, не на тѣлесномъ только соприсутствіи, не на хитромъ и вкрадчивомъ ласкательствѣ, но на страхѣ Божіемъ, и на ревности къ изученію божественнаго Писанія. Въ древнихъ исторіяхъ читасмъ, что нѣкоторые обходили области, путешествовали къ неизвѣстнымъ народамъ, переплывали рѣки для того, чтобы лично повидаться съ тѣми, о комъ узнали изъ книгъ. Такъ Пифагоръ посѣтилъ Мемфисскихъ жрецовъ; такъ Платонъ съ величайшими затрудненіями странствовалъ въ Египетъ и къ Тарентинцу Архиту и въ ту часть Италіи, которая нѣкогда называлась великою Греціею. Великій Аѳинскій наставникъ, ученіемъ котораго оглашались академическія гимназіи, становится странникомъ и ученикомъ, желая лучше скромно выслушивать чужое ученіе, чѣмъ съ наглою самоувѣренностію проповѣдывать свое. Наконецъ, гонясь за знаніями, какъ бы разсыпанными по всему земному шару, Платонъ былъ захваченъ въ плѣнъ пиратами и проданъ въ подданство жесточайшему тирану (Діонисію Сицилійскому), былъ плѣнникомъ, узникомъ и рабомъ; но какъ философъ, не зналъ себя соперника. Мы читаемъ, что къ Титу Ливію, испускавшему млечный источникъ краснорѣчія, приходили нѣкоторые вельможи съ краевъ Испаніи (изъ Гадеса) ¹⁾ и изъ предѣловъ Галліи; людей, не любопытствовавшихъ видѣть Римъ, привлекла слава одного человека. Было тогда неслыханное во всѣ вѣка и достославное чудо: люди, пришедшіе въ такой городъ, искали чего-то иного кромѣ города. Апполоній (былъ ли онъ магъ, какъ говоритъ народная молва, или философъ, какъ сообщаютъ пифагорейцы) былъ у Персовъ, прошелъ чрезъ Кавказъ и владѣнія Албанцовъ, Скивовъ, Массагетовъ, пробрался сквозь богатѣйшее царство

1) Gades—нынѣ Кадиксъ.

Индійское и въ заключеніе, переправившись чрезъ широчайшую рѣку Физонъ (Индъ), достигъ до владѣній браминовъ, чтобы послушать Гіарка, сидящаго на золотомъ тронѣ, пьющаго отъ источника Танталскаго и среди немногихъ учениковъ излагающаго ученіе о силахъ природы и движеніи планетъ. А отсюда чрезъ страны Эламитовъ, Вавилонянъ, Халдеевъ, Мидянъ, Ассиріянъ, Паревовъ, Сиріянъ, Финикіянъ, Арабовъ и Палестинцевъ, возвратившись въ Александрію, Аполлоній пошелъ далѣе въ Египцію, чтобы видѣть Гимнософистовъ и пресловутый престоль солнца на пескѣ. Упоминаемый нами путешественникъ всюду находилъ предметы для изученія, и постоянно путешествуя, постоянно усовершенялся. Филостратъ написалъ о немъ цѣлыхъ восемь томовъ.

Но зачѣмъ говорить о людяхъ вѣка сего? Апостоль Павелъ, сосудъ избранный и учитель языковъ, сознававшій въ себѣ присутствіе великаго посѣтителя, о чемъ говоритъ такъ: *искушенія ли ищите глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. 13. 3)—сей самый Павелъ, обошедши Дамаскъ и Аравію, пришелъ въ Иерасалимъ, чтобы увидѣть Апостола Петра и пробылъ у него 15 дней. Въ продолженіе этой таинственной седмицы и осмерицы дней, будущій учитель языковъ долженъ былъ получить проповѣдническое образованіе. Спустя четырнадцать лѣтъ, ап. Павелъ, взявши съ собою Варнаву и Тита, снова далъ отчетъ апостоламъ въ своемъ благовѣствованіи, *да не вотьще* течетъ или протекъ. Живой голосъ имѣетъ въ себѣ какую-то скрытую энергію и сильнѣе звучитъ, предаваясь изъ устъ наставника непосредственно въ уши ученика. Когда въ Родосѣ читали рѣчь Демосѣна противъ Эхина и всѣ удивлялись и хвалили, то самъ Эхинъ, бывшій тогда уже Родосскимъ изгнанникомъ, со вздохомъ сказалъ: а что было бы, если бы вы послушали самаго звѣря, произносящаго собственныя свои слова?

Все выше предложенное сказано мною не потому, чтобы я самъ могъ и былъ способенъ научить тебя чему нибудь, но потому, что твое прилѣжаніе и усердіе къ ученію, помимо всякаго отношенія ко мнѣ, само въ себѣ достойно одобренія. Способность къ ученію заслуживаетъ похвалу независимо отъ достоинства учителя. Мы обращаемъ вниманіе не на то, что ты приобрѣлъ, а на то, чего ты ищешь. Мягкій воскъ пригоденъ для лѣпной работы, и, хотя бы до него не касались руки художника и ваятеля, онъ все-таки *τῆ δὲ ἰδέει* (въ возможности) содержитъ въ себѣ все то, что изъ него быть можетъ. Апостоль Павель, по его собственному свидѣтельству, у ногъ Гамаліила изучилъ законъ Моисея и пророковъ, такъ что, вооружившись этими духовными стрѣлами, онъ могъ съ увѣренностію говорить слѣдующее: *оружія воинства нашего не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердемъ, помышленія низлагающе и всяко возношеніе взымающеся на разумъ Божій и плътяюще всякъ разумъ въ послушаніе Христова, въ готовности имуще отмстити всяко преслушаніе* (2 Кор 10, 4—6). Въ посланіи къ Тимофею, отъ млада изучившему священныя Писанія, апостоль увѣщевалъ его прилежно читать ихъ, да не вознерадитъ о той благодати, которая дана ему чрезъ священное рукоположеніе. Въ посланіи къ Титу, кратко изобразивъ епископскія добродѣтели, апостоль между прочимъ упоминаетъ и о знаніи Писанія, говоря, что епископу нужно быть *держашемуся вѣрнаго словесе по ученію, да силенъ будетъ и утѣшати во здоровомъ ученіи и противящіяся обличати* (Тит. 1, 9). Святая необразованность полезна только для себя и насколько создаетъ церковь добродѣтельною жизнію, настолько же вредитъ церкви, если не противится разрушающимъ ее. Аггей былъ пророкъ и еще чрезъ него Господь говоритъ: *вопроси іереевъ закона* (Аггея 2, 12).

Итакъ въ числѣ обязанностей священника есть обязанность отвѣчать вопрошающимъ о законѣ. И во Второзаконіи мы читаемъ: *вопроси отца твоего и возвѣститъ тебѣ, старцы твоя и рекутъ тебѣ* (Второз. 32. 7). Также и въ 118 псалмѣ: *пѣта бяху мнѣ оправданія твоя на мѣсть пришепствія моего* (Псал. 118. ст. 54). Также въ описаніи праведнаго мужа, котораго Давидъ сравниваетъ съ райскимъ древомъ жизни, въ числѣ прочихъ добродѣтелей, упоминается слѣдующая: *въ законъ Господни воля Ею и въ законъ Ею поучится день и ночь* (Псал. 1, 2). Даніиль въ заключеніи священнѣйшаго видѣнія говоритъ, что праведники сіяютъ, какъ звѣзды, а понимающіе, т. е. ученые, какъ небо. Видишь ли, какое различіе между праведною необразованностію и ученою праведностію? Одни сравниваются со звѣздами, а другіе съ небомъ. Впрочемъ, по еврейскому подлиннику и то и другое изреченіе можетъ быть отнесено къ ученымъ, потому что въ еврейскомъ текстѣ читасмъ такъ: *и смыслящій просвѣтятся аки свѣтлость тверди* и научающіе другихъ праведности, *аки звѣзды въ вѣчныя вѣки* (Дан. 12. 3). Почему Павелъ апостоль называється сосудомъ избранія? Безъ сомнѣнія потому, что онъ служитъ хранилищемъ закона и свящ. Писанія. Фарисеи поражены ученостію Господа и удивляются, какимъ образомъ апостолы Петръ и Павелъ знаютъ законъ, не учившись. Ибо что другимъ надлежало приобрѣсть трудомъ и каждодневнымъ поученіемъ въ законѣ, то самое было открыто апостоламъ Духомъ Святымъ и они были—согласно съ словами свящ. Писанія—*θεοδίδακτοι* (наученные Богомъ). Двѣнадцать лѣтъ было Спасителю, когда Онъ, во храмѣ вопрошая старцевъ о законѣ, вразумлялъ ихъ своими мудрыми вопросами.

Но можемъ ли мы назвать необразованнымъ Петра или Іоанна, изъ которыхъ каждый могъ сказать о себѣ: *аще не вѣжда словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. 11. 6)? Іоаннъ не-

образованный, рыбовловъ, неученый. Но скажите, пожалуйста, откуда это изрѣченіе: *въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ слово* (Іоан. 1. 1)? Греческое слово *λόγος* имѣтъ многія значенія: оно значитъ и слово, и разумъ, и вычисленіе, и причину какой либо вещи, чрезъ посредство которой что либо происходитъ. Все это мы по истинѣ видимъ во Христѣ. Этого не зналъ ученый Платонъ, этого не разумѣлъ краснорѣчивый Демосѳенъ. *Погублю*, сказано въ Писаніи, *премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну* (1 Кор. 1, 19). Истинная мудрость погубить ложную мудрость. И хотя въ ученіи о крестѣ есть буйство проповѣди, однако апостолъ Павелъ говоритъ: *премудрость глаголемъ въ совершенныхъ: премудрость же не въка сего, не князей въка сего престающихъ: но глаголемъ премудрость Божію, въ тайнѣ сокровенную, юже предустави Богъ прежде въкъ* (1 Кор. 2, 7). А премудрость Божія есть Христосъ. *Христосъ—Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1. 24). Эта премудрость была сокрыта въ тайнѣ, почему и надписаніе девятаго псалма гласитъ: *о тайнахъ сына, въ Которомъ всѣ сокровища мудрости и разума сокровенны и Который Самъ былъ сокровенъ въ тайнѣ, предустановленъ прежде въкъ*. Онъ же былъ предзнаменованъ и предъизображенъ закономъ и пророками. Посему и пророки называются видящими, ибо они видѣли Того, Кого другіе не видали. *Авраамъ видѣлъ день Ело и возрадовался* (Іоан. 8. 56). Отверзаются для Іезекіиля небеса, заключенныя для грѣшнаго народа. *Открыи очи мои, геворитъ Давидъ, и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего* (Пс. 118, 18). Ибо законъ духовенъ, и нужно откровеніе, чтобы мы могли уразумѣть его и открытымъ лицомъ созерцать славу Божію.

Въ Апокалипсисѣ показывается запечатлѣнная семью печатями книга (Апок. 5. 1); и если ты дашь ее кому нибудь изъ людей, знающихъ письмена, для прочтенія, то онъ отвѣтитъ: „не

могу, потому что эта книга запечатлѣнна“. Какъ много людей въ настоящее время воображаютъ себя знающими писмена и однако держатъ запечатлѣнную книгу и не могутъ открыть ее, если не откроетъ книгу *имѣяй ключъ Давидовъ, отверзая и никтоже затворитъ затворяя и никтоже отверзетъ* (Апок. 3. 7). Въ Дѣянїяхъ апостольскихъ святой евнухъ, или мужъ (ибо и тѣмъ и другимъ именованъ называется онъ въ Писанїи) при чтенїи пр. Исаїи на вопросъ Филиппа: *разумѣши ли, яже чтеши?* отвѣчалъ: *како убо могу разумѣти, аще не кто наставитъ мя* (Дѣян. 8. 30, 31). Я, — скажу кстати о себѣ, — не святѣе и не прилежнѣе этого евнуха, потому что онъ, оставивши царскїй дворъ, отъ Кѳіюніи, то есть отъ послѣднихъ предѣловъ міра, пришелъ во храмъ и такъ какъ любилъ законъ и божественное знаніе, что даже въ повозкѣ читалъ священное Писаніе и однако, держа книгу, размышляя о словахъ Господнихъ, произносилъ ихъ языкомъ и устами, все-таки не понималъ Того, Кого, помимо собственнаго сознанїя, чтилъ въ книгѣ. Пришелъ Филиппъ и показалъ ему Иисуса, Который скрывался заключенный въ книгѣ. О удивительная сила учителя! Въ тотъ же часъ вѣруетъ евнухъ, крещается, становится святымъ и вѣрнымъ, изъ ученика превращается въ учителя и въ уединенномъ источникѣ церкви болѣе находитъ для себя, чѣмъ въ позлащенномъ храмѣ синагоги.

Я коротко написалъ объ этомъ (ибо тѣсные предѣлы письма не позволяютъ болѣе распространяться), чтобы ты уразумѣлъ, что въ разсужденїи о священныхъ Писанїяхъ нельзя итти безъ предшественника и путеводителя. Умалчиваю о грамматикахъ, риторикахъ, философахъ, геометрахъ, діалектикахъ, музыкантахъ, астрономахъ, астрологахъ и медикахъ, знанїя которыхъ весьма полезны для смертныхъ и раздѣляются на три части: на догматъ, методъ и практику. Обращаюсь къ ме-

нѣе значительнымъ искусствамъ, которыя производятся не столько умомъ, сколько рукою. Земледѣльцы, каменщики, ремесленники, пильщики, дровосѣки, шерстобои, валяльщики суконъ и прочіе рабочіе домашней рухляди и различныхъ дешевыхъ вещицъ не могутъ обойтись безъ учителя.

„Медицинское искусство обѣщаютъ медики, ремесленники разсуждаютъ о фабричныхъ дѣлахъ“ (Horat. Epist. lib. 1. ep. 1). Только знаніе Писаній усвояютъ себѣ всѣ повсюду.

„Всѣ мы и ученые и неученые пишемъ поэмы“ (Horat. ep. 1). И болтливая старуха и сумазбродный старикъ, и многорѣчивый софистъ, однимъ словомъ всѣ предвосхищаютъ себѣ знаніе писаній, терзаютъ ихъ и учатъ другихъ прежде, чѣмъ бы самимъ научиться. Одни, принявъ важный видъ и гремя отборными словами, среди женщинъ любомудрствуютъ о сваяц. Писаніяхъ. Другіе, о стыдъ! узнаютъ отъ женщинъ то, что передаютъ мущинамъ; мало того, благодаря легкости языка и своей смѣлости, учатъ другихъ тому, чего сами не понимаютъ. Умалчиваю о подобныхъ мнѣ, которые послѣ изученія свѣтской литературы, обращаясь къ священнымъ Писаніямъ, и искусственною рѣчью плѣняя слухъ народа, все, что ни говорятъ, считаютъ закономъ Божиимъ и не сподобляются знать мысли пророковъ и апостоловъ, но къ своимъ собственнымъ мыслямъ приписываютъ несоотвѣтственные тексты, какъ будтобы это было хорошее дѣло, а не самый порочный родъ ученія искажать мысли писанія и подчинять оное своему произволу, не смотря на явныя противорѣчія. Какъ будто бы мы не читали стостипій Виргилиевыхъ и Гомеровыхъ и не можемъ (слѣдуя т. е. произвольнымъ толкованіямъ) назвать христіаниномъ даже невѣрующаго во Христа Марона, который писалъ:

„Уже возвращается и дѣвица, возвращаются времена
„Сатурнова царства“ ,

„Уже новое поколѣніе спускается съ высоты неба“ (Virg. Eclog. 4)

Или объяснить въ смыслѣ словъ Отца къ Сыну слѣдующій стихъ:

„О ты, мое рожденіе, мои силы, мое единственное великое могущество?“

Или сопоставить словамъ Спасителя на крестѣ слѣдующій стихъ:

„Столько онъ вытерпѣлъ въ памяти и оставался твердъ“.

Свойственны дѣтямъ и шарлатанамъ подобныя поштыки учить тому, чего не знаешь и даже, подчиняясь своимъ личнымъ прихотямъ и вкусамъ, не знать о собственномъ незнаніи.

Всего яснѣе написана книга Бытія, въ которой говорится о природѣ міра, происхожденіи человѣческаго рода, о раздѣленіи земли, о смѣшеніи языковъ и о переселеніи еврейскаго племени въ Египеть. Далѣе помѣщена книга Исходъ съ десятью казнями, съ десятеловіемъ, съ таинственными и божественными заповѣдями. За тѣмъ слѣдуетъ Левитъ, въ которой каждое жертвоприношеніе, каждый почти слогъ—и одежды Аароновы и весь чинъ Левитовъ дышатъ небесными таинствами. А книга Числъ не заключаетъ ли въ себѣ тайны всей арифметики, и пророчества Валаамова, и сорока двухъ становъ въ пустынь? А Второзаконіе—второй законъ и предъизображеніе Евангельскаго закона, не содержитъ ли въ себѣ то, что уже писано прежде,—однако такъ, что изъ стараго все становится новымъ? До здѣ пятюкнижіе, тѣ—пять словъ, которыя Апостоль хотѣлъ *маголатъ въ церкви* (1 Кор. 14. 19). Іовъ—образецъ терпѣнія—какихъ таинствъ не объемлетъ въ своей рѣчи? Онъ начинаетъ прозою, продолжаетъ стихомъ, оканчиваетъ простою рѣчью; выполняетъ всѣ законы діалектики во вступленіи, предложеніи, подтвержденіи и заключеніи. Каждое слово въ его рѣчи многозначительно. Упомяну объ одномъ, о воскресеніи тѣлъ Іовъ

пророчествуе такъ ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанно, какъ никто другой. „И знаю“, говоритъ Іовъ, „что живъ мой Испытатель и въ послѣдній день я воскресну отъ земли и опять облечусь кожею моею и въ плоти моей увижу Бога; я увижу Его самъ и глаза мои узрятъ Его, а не иной. Эта надежда скрыта въ моемъ нѣдрѣ“ (Іов. 19. 25, 26). Перехожу къ Исусу Навину, который былъ прообразомъ Господа не только дѣлами, но и именемъ; онъ перешелъ Іорданъ, ниспровергъ царства враговъ, раздѣлилъ землю побѣдоносному народу и подъ именемъ различныхъ городовъ, селъ, горъ, рѣкъ, источниковъ и границъ описываетъ духовныя царства Церкви и небеснаго Іерусалима. Въ книгѣ Судей сколько начальниковъ народа, столько прообразовъ. Руфъ Моавитянка исполняетъ пророчество Исаи. „Пошли, Господи, агнца владѣтеля земли *отъ камени пустыни къ горѣ дочери Сіони*“ (Ис. 16. 1). Самуилъ въ смерти Иліи и въ убіеніи Саула изображаетъ окончаніе ветхаго завѣта. А въ лицѣ Садока и Давида указываетъ таинства новаго священства и новаго царства. Malachim, то есть третья и четвертая книги царствъ описываютъ царство Іудейское отъ Соломона до Іехоніи и царство Израильское отъ Іеровоама, сына Наватова до Озіи, отведеннаго въ плѣнъ Ассиріянами. Если обращать вниманіе на исторію, то— слова просты, если же вникнуть въ смыслъ, скрывающійся въ письменахъ, то прочтемъ сказаніе о малочисленности церкви и о нападеніяхъ на нее еретиковъ. Двѣнадцать пророковъ, заключенные въ тѣсныхъ предѣлахъ одного тома, предъизображаютъ гораздо болѣе, чѣмъ даетъ буквальный смыслъ. Осія часто упоминаетъ о Ефремѣ, Самаріи, Іосифѣ, Израилѣ, о женѣ блудницѣ и чадахъ блуженія, о заключенной въ ложницѣ мужа прелюбодѣйцѣ, которая долгое время сидитъ какъ вдова и въ плачевной одеждѣ ждетъ возвращенія мужа. Іоиль, сынъ Ваоуиловъ, изображаетъ землю двѣнадцати колѣнъ опустошенною саранчею, чер-

вами и хлѣбною ржавчиною и пророчествуеть о томъ, какъ по кончинѣ прежняго поколѣнія изольется Духъ Святый на рабовъ и рабынь Божіихъ, то есть на сто двадцать именъ вѣрующихъ, которые должны были исполниться Духа Святаго въ горницѣ Сіонской; эти сто двадцать восходятъ постепенно, возвышаясь огъ первой до пятнадцатой ступени, которыя таинственно указываются въ Псалтыри. Амось, — пастухъ, селянинъ, воздѣльватель сикоморъ, не можетъ быть изложенъ въ краткихъ словахъ. Ибо кто удовлетворительно выразить три или четыре преступленія Дамаска, Газы, Тира и Идумеи, сыновъ Аммоновыхъ и Моавитянъ, и въ седьмыхъ и осьмыхъ Іуды и Израиля? Амось обращаетъ свою рѣчь къ коровамъ тучнымъ, находящимся на горѣ Самарійской, и пророчествуеть о разореніи дома большаго и меньшаго. Амось самъ видитъ производящаго саранчу и Господа, стоящаго на вылитой, или адамантовой горѣ, и кошницу плодовъ, привлекающую наказаніе на грѣшниковъ и гладъ на землю, не гладъ хлѣба и не жажду во воды, но — слышанія слова Божія. Авдій, имя котораго значитъ „слуга Божій“, гремитъ противъ кроваваго Едома и земнаго человѣка. Духовнымъ копьемъ онъ поражаетъ того, кто всегда завидуетъ брату Іакову. Іона — „голубь“ прекраснѣйшій своимъ кораблекрушеніемъ предъизображаетъ страданія Господа, призываетъ міръ къ покаянію и подъ именемъ Ниневіи возвѣщаетъ спасеніе язычникамъ. Михей Морасоттинъ, „сопослѣдникъ“ Христа, возвѣщаетъ разореніе дочери разбойника и полагаетъ засаду противъ нея за то, что она ударила въ щеку судію Израилева. Наумъ „утѣшитель“ земли порицаетъ градъ кровей и послѣ его разрушенія говоритъ: *се на юрахъ ноги благовѣствующаго и возвѣщающаго миръ* (Наума 1. 15). Аввакумъ „борецъ“ мужественный и твердый стоитъ на стражѣ своей и утверждаетъ ногу на укрѣпленіе, чтобы созерцать Христа на крестѣ, и сказать: *покры небеса слава его и хваленія его исполнь земля; и сіяніе*

его яко свѣтъ будетъ, рози въ рукахъ его; тамъ сокрыта сила его“ (Авв. 3. 3, 4). Софонія— „созерцатель“ и познатель тайнъ Господнихъ слышитъ вопль у воротъ рыбныхъ и плачь въ другой части города и большое раззореніе на холмахъ. Онъ также заповѣдуетъ рыдать обитателямъ лоцины, потому что замолкъ весь народъ Ханаана, погибли всѣ навьюченные серебромъ. Аггей— „торжественный“ и радостный, сѣявшій слезами, чтобы пожать радостію, обновляетъ раззоренный храмъ и вводитъ Господа Отца, говорящаго: *еще не много и азъ потрясу небо, и землю, и моремъ, и сушею, и сотрясу вся языки, и придетъ желанный всѣмъ народамъ* (Агг. 2. 7, 8). Захарія, „помыслившій Господа своего“, многообразный въ пророчествахъ, созерцаетъ Иисуса, облеченнаго въ *ризы тусмы, и камень, на которомъ седьмъ очесъ суть* (Зах. 3. 3), и златой свѣщникъ со столькими же свѣтильниками, сколько глазъ на камени, и двѣ маслины вверху его, едина одесную и едина опую (Зах. 4. 2—3). И послѣ видѣнія копей вороныхъ, черныхъ, бѣлыхъ, и пѣгихъ и разсѣянныхъ колесницъ отъ Ефрема и коня отъ Иерусалима провидитъ и предсказываетъ бѣднаго царя, сѣданцаго на жребяти, сынѣ подъяремной ослицы. Малахія открыто въ заключеніе всѣхъ пророковъ говоритъ объ отверженіи Израиля и о призваніи язычниковъ. *Исть воля моя въ васъ, иже олетъ Господь воинствъ, и жертвы не приму отъ рукъ вашихъ. Зане отъ востокъ солнца и до западъ имя мое прославися во языцехъ и на всякомъ мѣстѣ вилимъ принесется имени моему и жертва чиста* (Малах. 1. 10). Кто можетъ понять или изложить ученія Исаи, Иереміи, Иезекіиля и Даніила? Изъ нихъ первый, кажется мнѣ, писалъ не пророчество, а Евангеліе. Второй видитъ орѣховую трость и котель, кипящій со стороны сѣвера, и барса, лишеннаго пестротъ своихъ; и различными метрами составляетъ четырехкратный алфавитъ (книга плача.) Третій (Иезекіиль) въ началѣ и концѣ сво-

ихъ пророчествъ содержать такъ много прикровеннаго, что у Евреевъ эти главы, равно какъ начало книги Бытія, не позволено было читать до тридцатилѣтняго возраста. А послѣдній изъ четырехъ пророковъ, знающій времена и всего міра *φιλίστωρ* ясною рѣчью провозвѣщаетъ о камнѣ, безъ помощи рукъ оторвавшемся отъ горы и ниспровергшемъ всѣ царства. Давидъ, нашъ Симонидъ, Пиндаръ и Алкей, также Флаккъ, Катуллъ и Сереній звучитъ о Христѣ на лирѣ и на десятиструнномъ псалтырѣ— вызываетъ его воскресеніе изъ гроба. Миротлюбивый и боголюбезный Соломонъ исправляетъ нравы, изучаетъ природу, соединяетъ Христа съ Церковію и воспѣваетъ сладостную брачную игѣснь (*epithalamium*) Святаго супружества. Есѣиръ, прообразуя собою Церковь, избавляетъ народъ отъ опасности и, вслѣдствіе убіенія Амана, имя котораго значить „беззаконіе“, доставляетъ потомству жребій въ пиршествѣ и день празднества. Книга Паралипоменовъ, т. есть *ἐπιτομή* (сокращеніе) древнихъ документовъ, такова, что если кто, не зная ее, захочетъ присвоить себѣ знаніе писаній, тотъ смѣется самъ надъ собою. Въ каждомъ почти имени и въ каждомъ соединеніи словъ затрогиваются пропущенныя въ книгахъ царствъ исторіи и излагаются безчисленные евангельскіе вопросы. Ездра и Неемія, то есть „помощникъ и утѣшитель отъ Господа“, заключены въ одномъ томѣ; они созидаютъ храмъ, устрояютъ стѣны города;—вся толпа народа, возвращающагося въ отечество, перепись Левитовъ, Израиля и пришельцевъ, раздѣленіе труда построенія стѣнъ и башенъ,— вотъ что Ездра и Неемія частію изображаютъ на древесной корѣ, частію хранятъ въ сердцевинѣ дерева.

Ты видишь, что, увлеченный любовію къ писаніямъ, я переступилъ обычные размѣры письма и все-таки не написалъ всего того, что хотѣлъ. Рѣчь шла только о томъ, что мы должны знать и чего желать, чтобы и намъ можно было

сказать: *возлюби душа моя возжелати судьбы твоя на всякое время* (Пс. 118. 20). Впрочемъ, пусть исполнится на насъ изреченіе Сократа: „я знаю только то, что ничего не знаю“. Воспую вкратцѣ и новаго завѣта; Матѳею, Маркъ, Лука и Іоаннъ, колесница Господня и по истинѣ херувимы, что значить: *множество знанія*, во всемъ тѣлѣ исполнены очей, блестятъ, какъ искры, стремительны, какъ молнія, имѣютъ стопы прямыя и устремленныя горѣ: они крылаты и способны летать, они поддерживаютъ другъ друга, взаимно соединены между собою и какъ колеса, влекущіяся одно за другимъ, стремятся, куда направить ихъ вѣяніе Св. Духа. Ап. Павелъ писалъ къ семи Церквамъ (ибо 8-е посланіе къ евреямъ многими не полагается въ этомъ счету). Онъ даетъ наставленіе Тимоѳею и Титу, ходатайствуетъ предъ Филимономъ за бѣглаго раба (Описима). Но объ Апостолѣ Павлѣ я думаю лучше молчать, нежели писать мало Книга Дѣяній Апостольскихъ повидимому содержитъ простую исторію и излагаетъ младенчество рождающейся церкви, но если мы возьмемъ во вниманіе, что писатель этой книги есть врачъ Лука, котораго „похвала во Евангеліи;“ то также и здѣсь увидимъ, что все слова его даютъ врачевство для немощной души. Апостолы Іаковъ, Петръ, Іоаннъ и Іуда выдали семь посланій, настолько таинственныхъ, насколько сжатыхъ и краткихъ и вмѣстѣ обширныхъ, краткихъ—словами, но обширныхъ мыслями такъ, что едва ли чей духовный взоръ будетъ пораженъ при чтеніи этихъ посланій. Апокалипсисъ Іоанна столько содержитъ въ себѣ таинствъ, сколько словъ. Я сказалъ не много, но по сравненіи съ достоинствомъ книги всякая похвала не достаточна, ибо въ каждомъ словѣ заключаются многіе смыслы.

Скажи, пожалуйста, любезный братъ, жить среди божественныхъ писаній, въ нихъ поучаться, ничего иного не знать и не искать,—не значить ли это уже здѣсь на землѣ быть

обитателемъ царства небеснаго? Не соблазняйся въ св. Писаніи простотою и какъ бы грубостію словъ, происшедшею или вслѣдствіе погрѣшности переводчиковъ, или вслѣдствіе намѣреннаго приспособленія къ назиданію простаго народа; въ одномъ и томъ же изрѣченіи иное услышитъ ученый и иное неученый. Я не настолько дерзокъ и тупъ, чтобы усвоить себѣ знаніе писаній и похвалиться возможностью срывать на землѣ плоды, тогда какъ корни укрѣплены на небѣ, но признаюсь, я хочу знать писанія, я не хочу сидѣть на одномъ мѣстѣ; отказываясь быть учителемъ, обѣщаю собою сопутника. Просищему дается, толкующему отвергается, ищущій находитъ. Будемъ на землѣ учиться тому, знаніе чего будетъ неразлучно съ нами на небѣ.

Принимаю тебя съ распростертыми объятіями и (скажу не кстати и съ велерѣчіемъ Гермагора), о чемъ ты ни спросишь, я вмѣстѣ съ тобою постараюсь узнать. Ты имѣешь любезнѣйшаго тебѣ брата Евсевія, который удвоилъ для меня удовольствіе, полученное отъ твоего письма, рассказавъ о честности твоихъ нравовъ и о презрѣніи къ вѣку сему, о вѣрности въ дружбѣ, о любви ко Христу. О твоёмъ благоразуміи и краснорѣчии помимо свидѣтельства Евсевія давало знать само твое письмо. Поспѣшай, прошу тебя, и скорѣе пересѣдай, а не развязывай веревку спущеннаго въ море кораблика. Никто, намѣреваясь отречься отъ міра, не можетъ выгодно продать того, что онъ предварительно презрѣлъ. Если потеряешь какойнибудь убытокъ, вмѣни его вмѣсто пріобрѣтенія. Старинное изрѣченіе: „для скупаго также не существуетъ то, что онъ имѣетъ, какъ и то, чего не имѣетъ“ Для вѣрующаго весь міръ полонъ богатствъ, а невѣрующій нуждается даже въ оболѣ. Будемъ жить, какъ пичего не имѣющіе и всѣмъ обладающіе. Одежда и пища—вотъ богатства христіанскія! Если ты имѣешь въ своихъ рукахъ какую либо

вещь, продай; если не имѣешь, не заботься о приобрѣтеніи. Отнимающему ризу нужно отдать и срачицу. Если ты, откладывая постоянно до завтраго, волоча день за день, будешь осторожно и по малу продавать твои владѣнница, то Христу не будетъ чѣмъ питать бѣдныхъ своихъ. Все отдалъ Богу тотъ, кто пренесъ въ жертву самъ себя. Апостолы оставляютъ корабль и мрежи. Вдова владеть двѣ лепты въ казнохранилице и считается выше богачей. Легко презираетъ все тотъ, кто всегда помышляетъ о своей смерти.

51. Письмо къ Фуріи.

О ХРАНЕНИИ ВДОВСТВА.

Въ письмахъ своихъ ты умоляешь и смиренно упрашиваешь, чтобы я писалъ и писалъ къ тебѣ, какъ ты должна жить и хранить вѣнецъ вдовства въ безупречномъ цѣломудріи. Радуется духъ, выигралось сердце, ликуютъ помыслы о томъ, что ты по смерти мужа желалаешь быть тѣмъ, чѣмъ долгое время была въ замужествѣ блаженной памяти мать твоя Тиціана. Услышаны просьбы и мольбы ея. Она вымолила для своей единственной дочери наслѣдіе того, чѣмъ обладала сама при жизни. Кромѣ того ты имѣешь то фамиліное преимущество, что изъ рода Камиллова (Л. Фурія Камилла), какъ извѣстно, почти ни одна женщина не вступала во второй бракъ, такъ что не хвалить тебя надобно за храненіе вдовства, а порицать слѣдовало бы, если бы ты, женщина христіанка, не соблюла того, что въ теченіе столькихъ вѣковъ соблюдали женщины—язычницы.

Я не говорю о Павлѣ и Евстохіи,—цвѣтахъ вашей отрасли,—чтобы не показалось, что я хвалю ихъ подъ видомъ увѣщанія тебя. Не говорю и о Блезиллѣ, которая, отправившись (въ загробную жизнь) вслѣдъ за своимъ мужемъ, а твоимъ родственникомъ, въ теченіи краткой жизни исполнила многія лѣта

добродѣтелей. О если бы мужи подражали женскимъ доблестямъ и покрытая морщинами старость исполняла то, что охотно совершаетъ юность. Вполнѣ сознательно кладу руку въ огонь; пусть помогають, пусть запахиваются рукою, бровями, „*пусть сердитый Хремесь терзаетъ меня яростнымъ ртомъ*“. Конечно, стануть противъ меня вельможи; толпа патриціевъ провозгласить меня волхвомъ, возмутителемъ, достойнымъ ссылки въ отдалѣннѣйшіе предѣлы земли. Пусть, если угодно, назовутъ меня и Самаряниномъ, подобно тому какъ называли Господа моего. Я не разлучаю дочь отъ родителя: я не говорю, какъ въ евангеліи: *остави мертвыхъ погребсти своя мертвецы* (Лук. 9, 60). Ибо вѣрующій во Христа живъ. Вѣрующій во Христа *долженъ есть, якоже Онъ ходилъ есть, и сей такожде да ходитъ* (1 Иоан. 2, 6). Умолкнеть ненависть, устами злословащихъ всегда старающаяся запятнать доброе имя христіанина, чтобы, избѣгая укоризнъ, христіане не стремились къ добродѣтели. Помимо писемъ мы не знаемъ другъ-друга. Благочестіе есть единственная причина нашей связи при отсутствіи личнаго знакомства. Уважай своего отца, но только въ томъ случаѣ, если онъ не разлучаетъ тебя отъ Отца истиннаго. До тѣхъ поръ признавай свое кровное родство съ отцемъ, доколѣ онъ познаетъ своего Создателя. Иначе Давидъ тотчасъ воспоетъ тебѣ: *слыши дщи и виждь и приклони ухо твое и забуди люди твоя и домъ отца твоего и возжелаетъ царь доброты твоя, зане той есть Господь твой* (Пс. 44. 11). Велика награда за забвеніе родителя: *возжелаетъ царь доброты твоя*, поелику ты видѣла, и слышала, и забыла люди твоя и домъ отца твоего, то *возжелаетъ царь доброты твоя* и скажетъ тебѣ: *вся добра еси, ближняя моя, и порока нѣтъ въ тебѣ* (Пѣсп. 4, 7). Что прекраснѣе души, которая называется дочерію Господнею и не имѣетъ никакихъ украшеній? Она вѣрится во Христа и, обогащенная этой че-

стію, стремится къ жениху, имѣя Его Самого и Господомъ и супругомъ.

Тягостную сторону супружества ты узнала собственнымъ опытомъ; ты, такъ сказать, до тошноты пресытилась мясомъ перепелокъ (Числ. гл. 11); твои внутренности ощутили жесточайшую холеру; ты извергла кислую и нездоровую пищу и облегчила разгоряченный желудокъ. зачѣмъ же снова подвергаться тому, что было для тебя вредно? *песъ возвращающа на свою блевотину и свинья омывшись въ калъ тинный* (2 Петр. 2, 22). Даже неразумныя животныя и перелетныя птицы не попадаютъ въ другой разъ въ тѣже силки и сѣти. Развѣ ты будешь опасаться, что пресѣчется поколѣніе Фуріевъ и отецъ твой не будетъ имѣть отъ тебя внука, который бы ползалъ у него на груди и марался у него на шеѣ? Но развѣ всѣ, вышедшія замужъ, имѣютъ сыновей? и развѣ всѣ родившіяся дѣти поддерживаютъ честь своего рода? Обнаружилъ ли въ себѣ сынъ Цицерона краснорѣчіе отца? Вама Корнилія, образецъ цѣломудрія и чадородія, радовалась ли тому, что она родила Гракховъ? Смѣшно мѣнять вѣрное на надежды, тогда какъ видишь, что многіе не имѣютъ дѣтей, или имѣвши ихъ потеряли. Кому оставишь столь великія богатства? Христу, который не можетъ умереть. Кто будетъ твоимъ наслѣдникомъ? Тотъ же, кто твой Господь. Опечалится отецъ, но возрадуется Христосъ; заплачутъ родственники, но будутъ привѣтствовать тебя ангелы. Пусть отецъ дѣлаетъ, что хочетъ, съ своимъ имуществомъ; ты принадлежишь не тому, къ мѣмъ рождена, по тому, къ мѣмъ возрождена и кто искушилъ тебя дорогою цѣною—своею кровію.

Берегись мамокъ, и нянекъ, и тому подобныхъ ядовитыхъ животныхъ, которыя желаютъ твоею кожею насытить свой желудокъ. Они совѣтуютъ тебѣ не то, что полезно для тебя, но то, что выгодно для нихъ. И часто визгать слѣдующес:

„Неужели ты будешь проводить юность въ печальномъ
„уединеніи,
„И не будешь знать ни любезныхъ дѣтей, ни награды
„Венеры? (Aeneid. 10).

Гдѣ святое цѣломудріе, тамъ воздержаніе. Гдѣ воздержаніе, тамъ убытки для слугъ: всякое пожертвованіе они считаютъ похищеніемъ у себя; они исчисляють размѣры своихъ подарковъ, а не обращаютъ вниманіе на то, сколько останется у того, кто дарить. И гдѣ бы они ни увидали христіанина, тотчасъ кричатъ на перекресткахъ: ὁ βραχίος, ὁ ἐπιπέτης. Они разсѣвають самыя гадкія сплетни и, выдумавши что нибудь сами, притворяются, что слышали это отъ другихъ, будучи вмѣстѣ и сочипителями и распространителями сплетень. Ложное извѣстіе даетъ поводъ къ молвѣ, которая, дошедши до матронъ и будучи распространена ихъ языкомъ, проникаетъ въ провинціи. Ты видишь, что многія свидѣтельствуютъ бѣшенными устами, и съ испещреннымъ лицомъ, съ змѣиною вертлявостію и изощренными зубами уязвляютъ христіанъ.

Вотъ одна, у которой за плечами гіацинтовая шубка (laena):
„она неразборчиво въ носъ говоритъ какія то гадости,
„шумитъ и кокетливо коверкаетъ слова“ (Pers. Sat. 1).

Весь хоръ кричитъ единогласно и кричатъ всѣ присяжные судьи. Соединяются въ одинъ кругъ и кусающіе и кусаемые. Говорящіе противъ насъ молчатъ о самихъ себѣ, какъ будто бы они не были монахами и какъ будто бы всѣ обязанности монаховъ не относятся даже въ большей степени къ клирикамъ, которые—тѣ же монахи. Убыль стада есть безславіе для пастыря; съ другой стороны, достохвальна жизнь того мопаха, который уважаетъ священниковъ Христовыхъ и не унижаетъ тотъ санъ, благодаря которому онъ сдѣлался христіаниномъ.

Я сказалъ это, дочь моя во Христѣ, не потому, чтобы

сомнѣвался въ твоей рѣшимости остаться вдовою (ибо ты не просила бы увѣщательнаго письма, если бы не была увѣрена въ достоинствѣ единобрачія), но для того, чтобы ты уразумѣла бездѣльничество слугъ, которыя готовы продать тебя, и козни родственниковъ, и заблужденія благочестиваго отца. Признавая въ немъ любовь къ тебѣ, я не допускаю въ немъ сознательной любви, говоря вмѣстѣ съ Апостоломъ: *свидѣтельствую, яко ревность Божію имать, но не по разуму* (Римл. 10. 2). Подражай лучше (буду часто повторять одно и тоже) святой матери твоей; какъ скоро я вспоминаю о ней, мнѣ приходитъ на мысль ея усердіе ко Христу, блѣдность отъ постовъ, милосердіе къ бѣднымъ, послушаніе къ рабамъ Божіимъ, скромность одеждъ и сердца и относительно всего сдержанная рѣчь. Отецъ твой, о которомъ я дѣлаю почетное упоминаніе (не потому, что онъ бывший консуль и патрицій, но потому, что онъ христіанинъ), пусть поступаетъ сообразно съ своимъ именемъ. Пусть радуется, что дочь ихъ рождена для Христа, а не для вѣка сего. Но пусть всего болѣе пожалѣетъ о томъ, что ты и дѣвство утратила понапрасну и потеряла плодъ брака. Гдѣ мужъ, котораго отецъ далъ тебѣ? Пусть даже онъ былъ достолюбезенъ и добръ,—смерть все похитила и кончина пресѣкла тѣлесную связь. Прошу тебя, воспользуйся случаемъ и дѣло необходимости преврати въ подвигъ добродѣтели. Не начало, но конецъ вѣнчаетъ христіанина. Павелъ худо началъ, но хорошо кончилъ. Иуда достохваленъ сначала, но въ концѣ осужденъ за предательство. Читай у Езекиіля: *Правда праведника не избавитъ его, въ онъ же день согрѣшитъ, и беззаконіе беззаконника не повредитъ ему, въ онъ же день обратится отъ беззаконія своего* (Езек. 33. 12). Это лѣствица Іакова, по которой сходятъ и восходятъ ангелы, на которой утверждается Господь, подавая руки падшимъ и своимъ взоромъ поддерживая утомленные стопы восходящихъ. Но какъ Господь не захочетъ смер-

ти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему, такъ, съ другой стороны, ненавидитъ равнодушныхъ и скоро извержетъ ихъ изъ устъ своихъ (Апок. 3, 16). Кому болѣе отпускается, тотъ болѣе любить.

Евангельская блудница, крещенная собственными слезами, и волосами, которыми многихъ прежде прельщала, отирающая ноги Господа, — спасена. У ней не было ни причудливыхъ головныхъ уборовъ, ни скрипящихъ туфель и никакихъ притираний. Чѣмъ она неприбраннѣе, тѣмъ прекраснѣе. Къ чему на лицѣ христіанки румяна и бѣлилы? Румяна представляютъ поддѣльную красноту губъ и щекъ, бѣлила — поддѣльную бѣлизну лица и шеи; это огонь для юношей, разженіе похотей, признакъ безстыднаго ума. Будетъ ли плакать о грѣхахъ своихъ женщина, слезы которой могутъ смыть бѣлила съ шеи и провести по лицу борозды? Это украшеніе не Господне, но одежда антихриста: съ какимъ дерзновеніемъ можетъ взирать къ небу лицо, котораго не узнаетъ Создатель? Напрасно приводится въ оправданіе юность и младыя лѣта. Вдова, которая отринула сладость мужа, по слову Апостола, *истинная* вдова, имѣетъ нужду только въ твердости. Она помнитъ прежнія чувственныя удовольствія, знаетъ, что потеряла и чѣмъ насладились. Пламенные стрѣлы діавола должны быть угашены холодомъ постовъ и бодрствованій. Или намъ нужно вести рѣчь, сообразно съ своею одеждою; или нужно одѣваться сообразно съ тѣмъ, что говоримъ? За чѣмъ обѣщать одно, а на дѣлѣ показывать другое? Языкъ проповѣдуетъ непорочность, а все тѣло обнаруживаетъ безстыдство. Это относится ко внѣшнему виду и украшенію. Впрочемъ, вдова, предающаяся увеселеніямъ (скажу не своими, но апостольскими устами) *жива — умерла* (1 Тим. 5. 6). Что же это значитъ: *жива — умерла*? На взглядъ людей, не знающихъ внутренности сердца человѣческаго, она жива и для грѣха не умерла, но для Христа, знающаго сокровенная, она

умерла. Ибо душа, яже соутышитъ, та умретъ (Езек. 18. 4) *Нѣкиахъ же человекъ грѣси предъявлени суть предваряюще на судъ; никимъ же и послѣдствуютъ. Такожде и добрая дѣла предъявлена суть и сущая инако утаитися не могутъ* (1 Тим. 5. 24, 25). Это изрѣченіе значитъ вотъ что: нѣкоторые люди грѣшатъ такъ открыто и безъ зазрѣнія совѣсти, что, какъ скоро ихъ увидишь, тотчасъ замѣтишь, что они грѣшники. А другіе такъ скрываютъ свои пороки, что ты можешь распознать ихъ только послѣ долгаго сношенія съ ними. Равно и добрыя дѣла у однихъ очевидны съ перваго взгляда, а у другихъ могутъ быть замѣчены только послѣ долговременнаго наблюденія. И такъ зачѣмъ намъ хвастаться цѣломудріемъ, которое безъ сопутствующихъ и дополнительныхъ добродѣтелей—воздержанія и умѣренности, можетъ еще подлежать сомнѣнію? Апостоль умерщвляетъ свое тѣло и поработаетъ душѣ, чтобы самому соблюсти то, что онъ предписывалъ другимъ; неужели молодая женщина, питаемая яствами, поддерживающими тѣлесное возбужденіе, можетъ не опасаться за свою непорочность? Говоря это, я не осуждаю брашенъ, которыя Богъ создалъ для употребленія съ благодареніемъ, но хочу у юношей и дѣвицъ отнять то, что возбуждаетъ въ нихъ чувственность. Ни огни Этны, ни вулканическая лава, ни Везувій и Олимпъ не пышатъ такимъ пламенемъ, какъ юношескія утробы, наполненныя виномъ и подогрѣтыя роскошными кушаньями. Многіе презираютъ скупость и отлагаютъ ее вмѣстѣ съ кошелькомъ. Злословящій языкъ можетъ быть исправленъ безмолвнымъ молчаніемъ. Образъ жизни и мода въ одеждахъ мѣняются ежечасно. Всѣ прочіе грѣхи имѣютъ мѣсто внѣ человека, а то, что находится внѣ, легко отбрасывается. Только чувственное пожеланіе, внѣдренное въ насъ Богомъ для рожденія дѣтей, — если переходитъ надлежащіе предѣлы, превращается въ порокъ и по какому-то закону природы влечетъ къ соитію. Это подвигъ

великой добродѣтели и ревностнаго старанія побѣдить природное стремленіе, въ тѣлѣ жить, какъ бы внѣ тѣла, ежедневно бороться съ собою и скрытаго въ себѣ врага наблюдать подобно баснословному стоглазому Аргусу. Эти мысли въ другихъ словахъ Апостоль въразилъ такъ: *Всякъ грѣхъ, его же аще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть, а блудяи въ свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. 18). У медиковъ и у тѣхъ, которые писали о природѣ человѣческихъ тѣлъ, въ особенности же въ книгахъ Галена, подъ заглавіемъ *περί ὑγιαίνου* (о здравіи) говорится, что тѣла отроковъ, юношей и совершенполѣтнихъ мужчинъ и женщинъ пылаютъ внутреннимъ жаромъ, и что въ этихъ лѣтахъ вредны кушанья, усиливающія теплоту и, напротивъ, полезно для здоровья употреблять въ пищу и питье что нибудь холодное; напротивъ того, для стариковъ, страдающихъ мокротистостію и охлажденіемъ крови, полезны согрѣвающія кушанья и старья вина. Поэтому и Спаситель говоритъ: *внемлите себѣ да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и пїянствомъ и печальми житейскими* (Лук. 21. 34). И апостоль: *не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ* (Ефес. 5. 18). Неудивительно, что Творецъ знаетъ о свойствѣ сосуда, сдѣланнаго имъ самимъ; потому что даже комикъ, задачей котораго служить узнавать и описывать нравы людей, сказалъ: —*siné Cerere et Libero friget Venus*.¹⁾—И такъ прежде всего, если только позволить здоровье желудка до окончанія юношескихъ лѣтъ, пей только воду, которая по природѣ своей весьма холодна. Если исполненію этого правила препятствуетъ слабость здоровья, то выслушай вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ совѣтъ ап Павла: *вина мало приеми стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. 5. 23). Далѣе въ выборѣ самой пищи избѣгай всего горячительнаго. Я говорю это не только о мясѣ,

¹⁾ Т. е. безъ Цереры (богини плодовъ) и Бахуса (бога вина) охладѣваетъ Венера (богини любви).

о которомъ сосудъ избранія далъ такое мнѣніе: *добро не ясти мясь, ниже пити вина* (Римл. 14. 21). Изъ самыхъ плодовъ (leguminum) ¹⁾ не нужно вкушать тѣхъ, которые тяжелы и горячительны; знай, что ничто такъ не прилично юнымъ христіанамъ, какъ употребленіе ими въ пищу овощей. Поэтому и въ другомъ мѣстѣ Писанія говорится: *изнемогая земля да ясть* (Римл. 14, 2); т. е. тѣлесный жаръ долженъ быть умѣряемъ охлаждающею трапезою. Такъ, три отрока и Давидъ питались овощами (leguminibus). Они были юны и не входили еще на ту сковороду, на которой царь вавилонскій изжарилъ старыхъ судей (Іер. 29, 22). Мы съ своей стороны за употребленіе такого рода пищи желаемъ получить не укрѣпленіе тѣла, подобно выше-упомянутымъ отрокамъ, пріобрѣвшимъ тѣлесную крѣпость (не говоря уже объ особенной милости Божіей), нѣтъ; мы желаемъ душевной бодрости, которая усиливается при немощи тѣла. Многіе, изъ стремящихся къ цѣломудренной жизни, останавливаются на подорогѣ, когда ограничиваются воздержаніемъ отъ мяса, и обременяютъ желудокъ овощами (leguminibus), которые, будучи употребляемы въ умѣренной степени, были бы безвредны. Говорю по собственному ощущенію. Ничто такъ не воспламеняетъ тѣло и не возбуждаетъ родотворные члены, какъ неудобоваримая и выбрасываемая назадъ пища. Я желаю, дочь моя, чтобы лучше темного подвергалась опасности твоя скромность, чѣмъ твой подвигъ. Все, что возбуждаетъ чувственныя пожеланія, считай ядомъ. Пусть будетъ у тебя скудная пища и желудокъ, всегда истощенный трехдневнымъ постомъ; впрочемъ, гораздо лучше ежедневно вкушать понемногу, чѣмъ изрѣдка, но до-сыта. Самый лучший дождь тотъ, который понемногу падаетъ на землю. А внезапный и чрезмѣрно сильный дождь можетъ сразу опустошить поле.

¹⁾ Legumen-corebenno плодъ, заключенный въ шелуху, напр. гороха, бобъ.

Когда вкушаешь пищу, помни, что тебѣ сейчасъ нужно будетъ молиться, а также и заниматься чтеніемъ. Вычитывай опредѣленное число стиховъ изъ св. Писанія и этотъ урокъ сдавай Господу твоему. И не прежде давай покой твоимъ членамъ, какъ наполнивъ грудь священными звуками. Послѣ свящ. писаній читай сочиненія ученыхъ мужей и притомъ тѣхъ, правовѣріе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Цѣль нужды для тебя искать золота въ грязи; цѣною многихъ жемчужинъ покупай одну. „Стань“, по заповѣди прор. Іереміа, на путяхъ многихъ, чтобы попасть на тотъ путь, который ведетъ къ Отцу (Іер. 6. 16). Свою любовь къ ожерельямъ, и дорогимъ камнямъ, и къ шелковымъ одеждамъ, перемѣни на любовь къ изученію священ. писанія. Войди въ землю обѣтованія, точащую млеко и медъ (Исх. 13. 3). Вкушай муку и ѣшь масло, одѣвайся подобно Іосифу въ пестрыя одежды; приклоняй, подобно Іерусалиму, свои уши къ слушанію слова Божія, чтобы отселѣ возрасти въ тебѣ драгоценныя сѣмена для новыхъ жатвъ. У тебя есть св. Екесуерій, человекъ почтенныхъ лѣтъ и твердый въ вѣрѣ, наставленіями котораго ты часто можешь пользоваться.

Сотвори себѣ друи отъ мамы неправды, да примутъ тебя въ вѣчныя крвы (Лук, 16. 9). Отдавай свои богатства тѣмъ, которые ядятъ не фазановъ, а простой хлѣбъ; утоляй голодь, а не размножай роскошь. *Разумѣвай на ница и убога*. Всякому, просящему у тебя, дай; наипаче же приснымъ въ вѣрѣ. Чагаго одѣнь, алчущаго накорми, больнаго посѣти. Простирая руку къ благотворительности, всякій разъ помышляй о Христѣ. Смотри, не умножай чужихъ богатствъ, тогда какъ Господь Богъ твой остается нищъ.

Избѣгай общества юношей Пусть подъ кровъ дома твоего не взойдутъ завитые, паряженныя и сладострастные гости. Пѣвецъ пусть будетъ изгнанъ, какъ вредный. Арфистокъ и

гуслистокъ и тому подобныхъ дьявольскихъ хористокъ, какъ смертоносныхъ сиренъ, выгоняй изъ комнатъ своихъ. Не выходи въ общество въ предшествіи толпы евнуховъ, пользуясь вдовьей свободой. Очень дурно, когда слабый полъ и незрѣлый возрастъ злоупотребляютъ собственнымъ произволомъ и считаютъ дозволеннымъ все, что угодно. *Вся лѣтъ суть, но не вся на пользу* 1 Кор. 10. 23). Пусть не подсаживается къ тебѣ ни завитой прокураторъ, ни красивый молочный братъ, ни бѣлый и румяный паразитъ. Иногда объ образѣ жизни госпожи можно узнать по поведенію служанокъ. Старайся, напротивъ того, войти въ сношеніе съ святыми дѣвами и вдовами. Если же необходимость заставить бесѣдовать съ мужчинами, то не старайся говорить безъ свидѣтелей и веди такую бесѣду, чтобы тебѣ не пришлось смутиться и краснѣть, если взойдетъ кто-нибудь посторонній. Лицо есть зеркало души и безмолвными глазами открываетъ сердечныя тайны. Недавно на нашихъ глазахъ по всему востоку пролегла какая-то безславная молва. Говорили о возрастѣ и образѣ жизни, объ одеждахъ и походкѣ, о безрасудномъ обществѣ, объ изысканныхъ пирахъ, о царской обстановкѣ, о бракѣ Нерона и Сарданапала. Чужая рана да будетъ для насъ предостереженіемъ. И дуракъ становится умнѣе послѣ наказанія. Святая любовь чужда нетерпѣливости. Ложная молва скоро пропадаеть, и послѣдующая жизнь даетъ свидѣтельство о предыдущей. Быть не можетъ, чтобы кто нибудь прожилъ поприще сей жизни, не подвергаясь людскому злословію. Хулить добрыхъ составляетъ утѣшеніе для злыхъ, потому что, по ихъ мнѣнію, при множествѣ согрѣшающихъ уменьшается вѣнность ихъ собственныхъ грѣховъ. Но скоро огонь, сожгавшій солому, ослабѣваетъ; разливающеся пламя замираетъ отъ недостатка горючихъ матеріаловъ. Если прошлогодняя молва солгала, или сказала что-нибудь и правдивое, то пусть прекра-

тятся пороки, прекратятся и толки. Это я говорю не потому, чтобы подозрѣвалъ въ тебѣ что нибудь не хорошее, но потому, что въ порывѣ нѣжнаго участія боюсь за тебя даже того, что не опасно. О если бы ты увидѣла свою сестру, если бы тебѣ пришлось услышать рѣчь изъ ея святыхъ устъ, въ маломъ тѣлѣ ты увидѣла бы великій духъ. Ты услышала-бъ, что изъ ея сердца горячимъ ключемъ бьетъ все содержаніе Ветхаго и Новаго Заветъа. Посты для нея служатъ игрою, молитва—удовольствіемъ. Она беретъ тимпанъ, по примѣру Маріамны, послѣ потопленія Фараона, и въ хорѣ дѣвъ предначинаетъ пѣснь: *поимъ Господеви славно бо прославися; коня и всадника вверже въ море* (Исх. 15. 20). Эти пѣсни она выучила для Христа; эти бряцанія для Создателя. Такъ она проводитъ день и ночь; уготованъ елей для лампады и ожидается приходъ жениха. Подражай же ты единокровной своей. Пусть въ Римѣ будетъ то, чѣмъ обладаетъ болѣе тѣсный Виолеемъ. Ты имѣешь богатства и тебѣ не трудно помогать нуждающимся въ пропитаніи. Пусть добродѣтель расточить то, что приготовлялось для роскоши. Женщина, желающая презрѣть супружество, не должна бояться никакой бѣдности. Выкунай дѣвицы, чтобы ввести ихъ въ ложницу цареву. Помогай вдовамъ; пусть онѣ, какъ бы нѣкія фіалки, будутъ смѣшаны тобою между дѣвами—лиліями и мученицами—розами; соплети для Христа вѣнокъ изъ этихъ цвѣтовъ, вмѣсто терноваго вѣнца, который носилъ Онъ за грѣхи міра. Пусть порадуется и поможетъ тебѣ знаменитѣйшій отецъ твой, пусть научится отъ дочери тому, чему научился отъ жены. Уже посѣдѣла голова его, трясутся колѣни, падаютъ зубы, лобъ отъ старости изрытъ морщинами, смерть при дверяхъ,—вблизи виденъ костеръ для сожиганія тѣла. Волею или неволею мы старѣемся. Пусть отецъ твой приготовляетъ себѣ дорожный запасъ, необходимый для далекаго пути. Пусть захватить съ собою

и то, что, не будучи предупрежденъ, онъ хотѣлъ бы оставить здѣсь, пусть пошлетъ напередъ на него то, что поглотить земля, если онъ оставитъ это безъ вниманія.

Молодыя вдовы, изъ которыхъ нѣкоторыя пошли вслѣдъ сатаны, когда разсвирѣпѣють о Христѣ и хотятъ выходить замужъ, обыкновенно говорятъ: „имѣніе моего отца ежедневно погибаетъ, наслѣдіе предковъ расточается; слуга говоритъ дерзости; служанка не хочетъ слушать. Кто будетъ моимъ представителемъ въ судѣ? Кто выплатитъ земледѣльческія подати? Кто воспитаетъ моихъ дѣтей? Кто пригрозитъ домочадцамъ?“ Странное дѣло! онъ выставляетъ причиною брака то самое, что одно могло служить главнымъ препятствіемъ къ браку. Мать приводитъ къ сыновьямъ не воспитателя, но врага, не отца, а тирана. Воспламененная похотью, она забываетъ о плодахъ чрева своего, и среди малютокъ, не знающихъ своего несчастія, она, когда-то плачущая мать, вступаетъ въ новый бракъ. Къ чему говорить объ отцовскомъ наслѣдіи, или о высокомеріи враговъ? Признайся въ постыдныхъ побужденіяхъ. Никакая женщина не выходитъ замужъ безъ того, чтобы не спать съ мужемъ. Или если похоть не движетъ тебя, то что за безуміе, подобно развратнымъ людямъ, жертвовать своею чистотою для приумноженія богатствъ и изъ-за вещи дешевой и скорогибнущей губить цѣломудріе многоцѣнное и вѣчное? Если имѣешь дѣтей, то за чѣмъ же вступать во второй бракъ? Если не имѣешь дѣтей, то отчего не боишься испытаннаго неплодія и изъ-за невѣрнаго приобрѣтенія идешь на вѣрный стыдъ?

Теперь тебѣ пишутъ брачныя условія, чтобы въ скоромъ времени ты не замедлила сдѣлать завѣщаніе. Предполагается возможною болѣзнь мужа, и то, что онъ въ случаѣ продол-

женія жизни своей самъ исполнить желаемыя имъ съ своей стороны твои посмертныя распоряженія, или предполагается возможнымъ тотъ случай, что если ты будешь имѣть дѣтей отъ втораго мужа, то возгорится домашняя война, внутрення несогласія. Нельзя тебѣ будетъ любить дѣтей и благосклонно смотрѣть на тѣхъ, кого ты родила. Украдкой ты будешь давать пищу своимъ дѣтямъ. Живой мужъ станетъ завидовать мертвому; если ты не будешь ненавидѣть дѣтей отъ перваго брака, то ему представится, что ты еще любишь ихъ отца. Если же новый мужъ, имѣя дѣтей отъ первой жены, введетъ тебя въ свой домъ, то хотя-бы ты была въ высшей степени снисходительна, все-таки всѣ комики и мимोगрафы и риторы въ своихъ общихъ мѣстахъ будутъ провозглашать тебя свирѣпѣйшею мачихою. Если пасынокъ захвораетъ и заболѣетъ у него голова, то скажутъ, что ты хочешь извести его. Если не дашь ему нищи, назовутъ тебя жестокою; если дашь, назовутъ потатчицею. Скажи, сдѣлай милость, что такое за благополучіе во второмъ бракѣ, которое могло бы перевѣсить собою всѣ эти неудобства?

Пожелаешь ли знать, каковы должны быть вдовы? Раскроемъ Евангеліе отъ Луки: *и бѣ*, сказано тамъ, *Анна пророчица дщи Фануилева отъ колѣна Асирова* (Лук. 2. 36). *Анна* значить благодать. *Фануилъ* на нашемъ языкѣ означаетъ лице Божіе. *Асиръ* блаженство или богатство. Поэтому такъ какъ Анна отъ юности своей въ продолженіе 84-хъ лѣтъ несла бремя вдовства и не отходила отъ церкви Божіей, пребывая въ постахъ и молитвахъ день и ночь, то она сподобилась духовной благодати и заслужила наименованіе дочери лица Божія и участіе въ блаженствахъ своего предка.

Вспоминая вдову Сарептскую, которая, чтобы напитать

Илію, рѣшилась пожертвовать спасеніемъ своимъ и своего сына, такъ что въ слѣдующую ночь, готовясь умереть вмѣстѣ съ сыномъ, оставила у себя еще путешественника, желая потерять лучше жизнь, нежели милосердіе, и изъ горсти муки приготовила для себя обиліе жатвы Господней. Мука не убываетъ и масло въ сосудѣ появляется вновь. Въ Іудеѣ оскудѣніе пшеницы, ибо зерно пшеничное тамъ умерло (Іоан. 12. 24), а у языческой вдовы не оскудѣвалъ токъ елея. Въ книгѣ Іудію (если кому угодно взять эту книгу) мы читаемъ о вдовѣ, изнуренной постами и обезображенной плачевнымъ видомъ, которая не плакала о смерти мужа, но въ сокрушенномъ печалію тѣлѣ стремилась на свиданіе къ жениху. Я вижу вооруженную мечемъ руку, окровавленную десницу. Я узнаю голову Олоферна, принесенную изъ вражескаго стана. Желница побѣждаетъ мужей, непорочность обезглавливаетъ похоть, внезапно перемѣнивши видъ, облекается въ побѣдоносный трауръ, который прекраснѣе всѣхъ украшеній сего вѣка.

Нѣкоторые неосновательно причисляютъ Девору ко вдовамъ и вождя Варакка считаютъ ея сыномъ: тогда какъ Писаніе даетъ знать намъ совершенно иное. Оно сказало намъ, что Девора была пророчица и причислялась къ колѣну Іудину, и такъ какъ она могла сказать: *коль сладка юртани моему словеса твоя, паче меда устамъ моимъ* (псал. 118 ст. 103), то и получила имя пчелы, летающей по цвѣтамъ писанія, орошенной благоуханіемъ Духа Святаго и собирающей пророческими устами сладкіе соки амброзіи. Но-еминь, что значить *תְּשֻׁבָה* (т. е. утѣшенная), послѣ горестной смерти дѣтей и мужа, принесла въ отечество свою непорочность и подкрѣпляемая этимъ папутствіемъ, удержала при себѣ сноху Моавитянку, чтобы исполнилось слѣдую-

щее пророчество Исаи: *посли агнца, Господи, владѣтеля земли отъ камени пустыни къ горѣ дочери Сиона* (Ис. 16. 1). Обращаюсь къ Евангельской вдовѣ, вдовѣ убогой, которая богаче всего израильскаго народа, которая, взявши зерно горчичное и положивши заеаску въ сатѣхъ трехъ муки, исповѣданіе Отца и Сына растворила благодатию Святаго Духа и, положивши въ сокровищницу церковную двѣ лепты, все, что могла имѣть въ свой собственности, все богатство свое, — принесла въ жертву своей вѣры въ оба завѣта. Ея лепты, это два серафима, трижды славословящіе Троицу и положенные въ сокровищницу церкви. Отъ этого и взятый щипцами того и другаго завѣта, пылающій уголь очищаетъ уста грѣшниковъ (Ис. 6. 6, 7).

Не зачѣмъ мнѣ приводить древніе примѣры и на основаніи книгъ изображать добродѣтели женъ, когда въ томъ же городѣ, гдѣ ты живешь, ты можешь видѣть примѣры достойныхъ подражанія женщинъ? Чтобы избѣжать подозрѣнія въ лести, не стану перечислять ихъ поименно. Довольно для тебя св. Марцеллы, которая, соотвѣтствуя своему первообразу, повторила для насъ нѣчто изъ исторіи Евангельской. Анна семь лѣтъ отъ дѣвства своего жила съ мужемъ, Марцелла семь мѣсяцевъ; Анна ожидала пришествія Христова, — Марцелла держитъ восприпятаго Анною. Та воспѣвала плачущаго младенца; эта предвѣщаетъ о его прославленіи. Та говорила объ немъ всѣмъ чаявшимъ искупленія Израиля; эта съ искупленными язычниками взываетъ: *братъ не избавитъ, избавитъ ли человекъ* (Пс. 78. 8)? И изъ другаго псалма: *человекъ родися въ немъ, и той основа и Вышній* (Пс. 86, 5). Почти два года тому назадъ, я издалъ книги противъ Ювиніана, гдѣ авторитетомъ Писанія сокрушилъ возраженія противниковъ, заимствуемые изъ то-

го мѣста, гдѣ апостоль допускаетъ второбрачіе. Нѣтъ нужды дѣликомъ переписывать изъ той книги то, что ты сама можешь прочесть тамъ. Но прежде нежели закончу письмо, хочу сказать тебѣ только одно: каждодневно думай о томъ, что ты должна умереть и никогда не будешь помышлять о второмъ бракѣ.

52. Письмо къ Аманду.

Поистинѣ святому и достопочтеннѣйшему господину брату Аманду пресвитеру Иеронимъ.

Короткое письмо не можетъ исчерпать обширныхъ вопросовъ и сжать въ тѣсныхъ предѣлахъ слова то, что расширяется въ мысляхъ. Ты спрашиваешь, что означаютъ въ Евангеліи отъ Матѳея слѣдующія слова: *не печытесе убо на утрій; довѣтеть дневи злоба его* (Матѳ. 6, 34). Слово: *утрій* въ священномъ писаніи означаетъ будущее время; такъ Іаковъ въ книгѣ Бытія говоритъ: *и послушаетъ мене правда моя въ утренній день* (Быт. 30. 39). И когда два колѣна Рувимова и Гадова и половина колѣна Манассіина соорудили олтарь и послано было къ нимъ посольство отъ всего Израиля, и Финеесъ первосвященникъ спросилъ ихъ, зачѣмъ они соорудили олтарь, — то они отвѣчали: зачѣмъ, чтобы *завтра* у дѣтей нашихъ не было отнято участіе въ богопочтеніи (Ис. 22. 22). И много подобныхъ изреченій ты найдешь въ Ветхомъ Завѣтѣ. И такъ Тотъ, Кто запретилъ намъ думать о будущемъ, позволилъ однакоже заботиться о настоящемъ, по причинѣ скоротечности человеческой жизни. А слова Господни: *довѣтеть дневи злоба его* (Матѳ. 63. 4) понимай такъ: довольно намъ помышлять о

настоящихъ трудностяхъ вѣка сего. Зачѣмъ устремлять мысль къ неизвѣстному будущему, чего мы или не можемъ достигнуть, или нашедши можемъ потерять? Ибо слово *κακία* — въ латинскомъ переводѣ *malitia* — у грековъ означаетъ и злобу, и угнетеніе, которое у грековъ называется *κακώσις*; здѣсь вмѣсто слова — *злоба* лучше бы перевести словомъ: *угнетеніе*. Если же кто упорно хочетъ принимать слово *κακία* не въ мыслѣ злобы, то нужно объяснять это слово въ томъ же значеніи, въ какомъ говорится, что міръ весь во злѣ лежитъ; и въ молитвѣ Господней мы читаемъ: „избави насъ отъ лукаваго“ (а malo) (Матѳ. 6. 3), т. е. нужно объяснить: что достаточно для насъ въ настоящее время вести борьбу противъ злобы вѣка сего.

Во вторыхъ, ты спрашиваешь о томъ мѣстѣ изъ перваго посланія блаженнаго ап. Павла къ коринѳянамъ, гдѣ говорится: *всякъ бо грѣхъ, его же аще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть, а блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. 6. 18). Начнемъ читать немного выше и такимъ образомъ доберемся до выпепредложеннаго мѣста, чтобы не съ послѣднихъ строкъ и такъ сказать съ хвоста главы пытаться уразумѣть всю мысль. *Тѣло*, говорится въ Писаніи, *не блуженію, но Господеви, и Господь тѣлу. Богъ же и Господа воздвиже, и насъ воздвинетъ силою своею. Не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша удове Христовы суть: возьмъ ли убо уди Христовы, сотворю уди блудниччи? да не будетъ. Или не вѣсте, яко прилѣпляяся сквернодѣйцѣ едино тѣло есть (съ блудодѣйцею); будета бо, рече, оба въ плоть едину. Прилѣпляяся же Господеви, единъ духъ есть съ Господомъ. Бѣгайте блудодѣянія. Всякъ бо грѣхъ, его же аще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть, а блудяй въ свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. 6. ст. 13 и слѣд.). Святой апо-

столь, обличая неумѣренность и не много выше говоря: *брашна чреву и чрево брашнамаъ, Богъ же и сія и сіе упразднитъ* (1 Кор. 6. 13), послѣдовательно доводитъ рѣчь до блудодѣянія. Ибо неумѣренность есть мать похоти; желудокъ, преисполненный пищею и упоенный винами, даетъ возбужденіе для чувственности и, какъ сказано гдѣ то, вмѣсто благоустроенія членовъ, является благоустроеніе пороковъ. Всякій грѣхъ, на примѣръ зоровство, челоуѣкоубійство, грабительство, вѣроломство и прочіе имъ подобные, послѣ преступленія сопровождается раскаяніемъ и, хотя возбуждается своекорыстіемъ, но не одобряется сознаниемъ. Только чувственность и похоть — даже въ самое время раскаянія терпитъ возбужденіе и раздраженіе плоти и грѣховное разженіе, такъ что тѣ самыя размышленія, посредствомъ которыхъ мы желаемъ исправиться, служатъ опять поводомъ къ паденію. Иначе сказать, прочіе грѣхи вѣнасъ. Что бы мы не сдѣлали, мы имѣемъ дѣло съ другими людьми: любодѣяніе же ни только оскверняетъ сознание, но вмѣстѣ и тѣло любодѣющаго и согласно съ словами Господа: *сею ради оставитъ челоуѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину* (Марк. 10. 7, 8); и прелюбодѣй соединяется въ одно тѣло съ распутною женщиною и грѣшитъ въ свое тѣло, превращая храмъ Христа въ тѣло блудника. Скажемъ еще нѣчто, чтобы не опустить ни одной мысли, содержащейся въ греческомъ подлинникѣ. Иное дѣло грѣшитъ *чрезъ* тѣло, и иное — *въ* тѣло. Воровство, челоуѣкоубійство и прочіе грѣхи, исключая любодѣянія, мы совершаемъ во внѣшнемъ ми-

рѣ съ помощію руки: одно блудодѣяніе имѣеть мѣсто внутри насъ, въ нашемъ тѣлѣ, а не совершается только чрезъ тѣло надъ другимъ; предлогъ *чрезъ* содержитъ въ себѣ понятіе о служебномъ отношеніи; предлогъ *въ* даетъ разумѣть о внутреннемъ страдательномъ положеніи. Нѣкоторые разсуждаютъ такъ, что будтобы, по словамъ писанія, жена есть тѣло мужа, и прелюбодѣйствующій согрѣшаетъ въ свое тѣло, то есть въ жену, оскверняя ее своимъ блудодѣяніемъ, и ее, чуждую грѣха, доводитъ до грѣха своимъ смѣшеніемъ. При моемъ письмѣ и привѣтствіи я нашелъ небольшой клочекъ бумаги, на которомъ написано было слѣдующее: „спросить у него (т. е. у меня) можетъ ли женщина, оставившая мужа вслѣдствіе прелюбодѣянія и содомства и противъ собственной воли выпешдая за другаго мужа; можетъ ли такая женщина быть принята въ церковное общество безъ покаянія, притомъ при жизни своего перваго мужа? Читая эту записочку, я вспомнилъ слова псалма: *непщевати вини о грѣсахъ* (псал. 110. 4). Всѣ мы люди потворствуемъ своимъ порокамъ и то, что дѣлаемъ по собственному желанію, сваливаемъ на необходимость природы. Такъ напрыюнопа говорить: „я терплю насиліе со стороны собственаго тѣла, меня воспаменяетъ огонь страстей, самые родотворные органы и тѣлесный составъ ищутъ женскихъ объятій“. Или убійца говорить: „я нуждался въ пищѣ, у меня не было чѣмъ покрыть тѣла—я проливалъ чужую кровь, чтобы самому не умереть съ голода“. Поэтому сестрѣ, которая просить у насъ мнѣнія о своемъ положеніи, отвѣчай не нашимъ, но апостольскимъ изрѣченіемъ: *или не разумѣ-*

ете, братіе, въдуцимъ бо законъ глаголю: яко законъ обла-
 даетъ надъ чловѣкомъ, во елико время живетъ? Ибо мужа-
 тая жена живу мужу привязана есть закономъ: аще ли
 же умретъ мужъ ея, разръшися отъ закона мужескаго.
 Тѣмъже убо живу сущу мужу прелюбодѣйца бываетъ, аще
 будетъ мужеви иному (Рим. 7. 1 и слѣд.), и въ другомъ
 мѣстѣ: жена привязана есть закономъ во елико время жи-
 ветъ мужъ ея: аще же умретъ мужъ ея, свободна есть, за
 него же хочетъ посягнути, точію о Господь (1 Кор. 7.
 28). Пересѣкъши всѣ возможныя извиненія, апостоль весьма
 ясно опредѣлилъ, что если жена при жизни мужа выходить
 за другаго, то бываетъ прелюбодѣйницею. Пожалуйста не
 говори мнѣ о насиліи похитителя, объ увѣщаніяхъ матери,
 объ авторитетѣ отца, о толпѣ родственниковъ, о коварствѣ
 и непослушаніи слугъ, объ убыткахъ въ хозяйствѣ. Доколѣ
 живъ мужъ, хотя бы онъ былъ прелюбодѣй, хотя бы содо-
 мить, хотя бы обремененный всевозможными преступленіями
 и за свои преступленія оставленный женою, все-таки онъ
 считается ея мужемъ и ей нельзя выдти за другаго мужа.
 Такъ опредѣляетъ апостоль не по своему мнѣнію, но по
 внушенію глаголющаго въ немъ Христа, согласно съ еван-
 гельскимъ изрѣченіемъ Господнимъ: *всякъ отпуская жену*
свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣй-
ствовати: и иже пущеницу пойметъ, прелюбодѣйствуетъ (Матѣ.
 5. 32). Замѣть, что сказано, *иже пущеницу пойметъ, пре-*
любодѣйствуетъ. Сама ли жена оставила мужа, или была
 покинута мужемъ, во всякомъ случаѣ взявшій ее за себя
 прелюбодѣйствуетъ. Посему апостолы, уразумѣвши тяжкое

бремя брака, говорятъ: *еще тако есть, лучше не женитися.* И Господь отвѣчаетъ имъ: *мойй вмъстити, да вмъститъ* (Матѳ. 19. 10—12). И тотчасъ въ примѣрѣ трехъ скопцевъ ублажаетъ дѣвство, которое не подчиняется никакому закону плоти.

Я не могъ достаточно понять, въ какомъ смыслѣ женщина, о которой идетъ рѣчь, называется вышедшею за другаго мужа противъ воли. Что такое значить: *противъ воли?* Быть можетъ другой мужъ, собравши толпу, насильно захватилъ эту женщину, но въ такомъ случаѣ почему же она, будучи похищена, впоследствии не удалила отъ себя своего похитителя? Пусть она читаетъ книги Моисеевы и найдетъ тамъ, что обрученная мужу женщина, если будетъ изнасилована и не станетъ кричать, то подвергается наказанію, какъ любодѣйца (Второз. 22). Если же женщина будетъ изнасилована въ полѣ, то она неповинна въ преступленіи, а изнасиловавшій подвергается суду по законамъ. Пусть и эта сестра, которая, какъ говорить, вслѣдствіе насилія вышла за другаго мужа, пусть она—если желаетъ принять тѣла Христова и не считаться прелюбодѣйцею—принесетъ покаяніе, но такъ, чтобы со времени покаянія она не соединялась со вторымъ мужемъ, который не есть мужъ, но прелюбодѣй. Если же это покажется ей тяжелымъ, и, разъ полюбивши втораго мужа, она не можетъ уже бросить его, то да не пренебрегаетъ страданіемъ Господа, и пусть услышитъ слово апостола: *не можете чашу Господню пити и чашу бѣсовскую: не можете трапезъ Господней причащатися—и трапезъ бѣсовстѣй* (1 Кор. 10. 21). И въ другомъ мѣстѣ: *кое общеніе свѣту ко тмѣ? коеже согласіе Христови съ веларомъ* (2 Кор. 16, 15)? Я говорю нѣчто новое, впрочемъ, не новое, но древнее, под-

твержденное авторитетомъ Ветхаго Заѣта. Если жена оставитъ втораго мужа и пожелаетъ примириться съ первымъ, то не можетъ совершить того. Ибо написано во Второзаконіи: *аще же кто приметъ жену, и поживетъ съ нею, и будетъ, аще не обрящетъ благодати предъ нимъ, яко обрете въ немъ срамное дѣло, да напишетъ ей книгу отпущеній, и дастъ ей въ руку ея, и отпуститъ ю изъ дома своего, или умретъ мужъ ея вторый, иже бѣ ю поялъ себя въ жену, по оскверненіи ея яко тусно есть предъ Господемъ Богомъ твоимъ: и да не осквернавите земли, юже Господь даетъ вамъ въ наслѣдіе* (Второз. 24. 1 и слѣд.). Поэтому умоляю тебя, увѣщевай эту женщину и призывай ее ко спасенію. Для гнилыхъ тѣлъ нужны желѣзо и прижиганіе, и это вина не медицины, но раны, когда медикъ съ милосердію жестокостію не щадитъ въ видахъ пощады, свидѣтельствуеть въ видахъ состраданія.

Третій и послѣдній вопросъ твой касается того же апостола и въ частности того мѣста, гдѣ онъ, разсуждая о воскресеніи, говоритъ: *подобаетъ бо сему царствовать, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своими. Послѣдній же врагъ испразднится смертью. Вся бо покори подъ нозѣ его: внегда же рещи, яко вся покорена суть ему, явѣ, яко развѣ покоршаго ему вся. Егда же покоритъ ему всяческая, тогда и самъ Сынъ покорится покоршему ему всяческая, да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Коринто. 15. 25—28). Я удивляюсь, зачѣмъ ты спрашиваешь меня объ этомъ, тогда какъ св. Иларій, епископъ пиктавійскій, одиннадцатую книгу противъ Аріанъ наполнилъ изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ этого вопроса. Впрочемъ, скажемъ по крайней мѣрѣ хоть немного. Весь соблазнъ въ томъ, почему Сынъ называется подчиненнымъ Отцу. Но, что постыднѣе и унизи-

тельиѣ—покориться ли Отцу (что часто служитъ выраже-
 ніемъ благоговѣйнаго почтенія, какъ въ псалмѣ пишется:
не Богу ли повинуется душа моя (псал. 61, ст. 1), или
 быть распятымъ на крестѣ и подвергнуться крестному по-
 ношенію? *яко проклятъ всякъ висѣй на древь* (Втор. 21.
 23). Удивляешься ли, что Тотъ, Кто ради насъ подвергся
 проклятію, да насъ избавить отъ проклятія, удивляешься
 ли, что Онъ ради насъ покорился, чтобы и насъ сдѣлать
 покоренными Отцу, какъ и Самъ говоритъ въ Евангеліи:
никто же придетъ къ отцу, токмо Мною (Іоан. 14. 6),
 и *еще азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ*
 (Іоан. 12. 32)? Христосъ въ лицѣ вѣрныхъ покорился
 Отцу, поелику всѣ вѣрующіе и даже весь родъ человѣче-
 ской считаются членами тѣла Его. Что же касается до не-
 вѣрныхъ, то есть до іудеевъ, язычниковъ и еретиковъ, то въ лицѣ
 ихъ Христосъ называется непокорнымъ Отцу, поелику часть
 его членовъ непокорена вѣрѣ. При кончинѣ же міра, когда
 всѣ члены увидятъ царствующаго Христа, т. е. тѣло свое,
 то и самые члены подчинятся Христу, т. е. тѣлу своему,
 такъ, что все тѣло Христово покорится Богу и Отцу—*да
 будетъ Богъ всяческая во всѣхъ*. Не сказано, да будетъ
 Отецъ *всяческая во всѣхъ*, но да будетъ *Богъ*; поелику имя
 это принадлежитъ вообще св. Троицѣ и равно можетъ от-
 носиться къ Богу Отцу, къ Сыну и Духу Святому; слѣдо-
 вательно, смыслъ текста таковъ: да подчинится человѣче-
 ство Божеству. Подъ человѣчествомъ въ этомъ смыслѣ должно
 разумѣть не кротость и милосердіе, что греки называютъ
 φιλανθρωπία, но весь родъ человѣческой. А слова апостола:
да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ, нужно понимать такъ:
 Богъ и Спаситель нашъ теперь не есть всяческая во всѣхъ,
 но только отчасти въ нѣкоторыхъ. Напримѣръ: въ Соло-
 монѣ мудростію, въ Давидѣ милостію, въ Іовѣ терпѣніемъ,

въ Даниилѣ познаніемъ будущаго, въ Петрѣ вѣрою, въ Финеесѣ и Павлѣ ревностію. Когда же придетъ конецъ всего, тогда Богъ будетъ всяческая во всѣхъ, такъ, что всякій изъ святыхъ будетъ имѣть всѣ добродѣтели и Христосъ всецѣло будетъ въ каждомъ изъ насъ.

53. Письмо къ Паммахию.

О ЛУЧШЕМЪ СПОСОБѢ ПЕРЕВОДА.

Апостоль Павелъ, имѣя защищаться въ обвиненіяхъ предъ царемъ Агриппою и будучи увѣренъ въ успѣхѣ своего дѣла, такъ какъ имѣвшій выслушивать его могъ понимать его, въ самомъ началѣ уже высказываетъ свою радость, говоря: *о встѣзъ, о нихъ же оклеветаемъ есмь отъ іудей, царю Агриппо, не-пущую себѣ блаженна быти, яко предъ тобою отвѣщати днесь имамъ: паче же вѣдца ты суца свѣдый встѣзъ іудейскихъ обычаевъ и възсканій* (Дѣян. 26, 2. 3). Ибо Апостоль читалъ оное изрѣченіе Іисуса (сына Сирахова): *блаженъ повѣдаяй во уши послушающихъ* (Сир. 25, 12) и умѣлъ рѣчь оратора направлять сообразно съ тѣмъ, что зналъ судія. Поэтому и я считаю себя счастливымъ, что имѣю предъ опытнымъ слухомъ защищаться отъ неискускаго языка, который обвиняетъ меня или въ невѣжествѣ, или во лжи, будто я или не умѣлъ правильно перевести чужое письмо или не хотѣлъ; обвиняетъ въ заблужденіи въ первомъ случаѣ, и въ преступленіи въ другомъ. И чтобы обвинитель мой, по легкомыслію, съ какимъ онъ все говоритъ, и по ненаказанности, съ которою онъ все считаетъ для себя позволительнымъ, не обвинилъ предъ вами и меня также, какъ онъ обвинилъ папу Елифанія, я посылаю это письмо, чтобы раскрыть ходъ дѣла тебѣ, а чрезъ тебя и другимъ, кои удостоиваютъ насъ своей любви.

Упомянутый папа Елифаній почти за два года предъ симъ послалъ Іоанну епископу письмо, въ которомъ обличаетъ его въ нѣкоторыхъ догматическихъ мнѣніяхъ и потомъ кротко призываетъ къ раскаянію. Экземпляры этого письма въ Палестинѣ разбирали на расхватъ какъ по авторитету автора, такъ и по изяществу слога. Въ монастырѣ нашемъ былъ мужъ, между своими небезславный, Евсевій Кремен-

скій, который, когда это письмо было у всѣхъ на устахъ и по содержанію и чистотѣ рѣчи возбуждало удивленіе всѣхъ и ученыхъ и неученыхъ,—сталъ настойчиво просить, чтобы для него я перевелъ это письмо на латинскій языкъ, и, по своей способности, объяснилъ бы ему подробнѣе, потому что самъ онъ почти не зналъ греческаго діалекта. Я сдѣлалъ по его желанію; позвавши писца, быстро и бѣгло продиктовалъ письмо, вкороткѣ обозначая на поляхъ, какую мысль содержитъ въ себѣ каждая глава. Такъ какъ онъ усиленно просилъ, чтобы я сдѣлалъ это для него одного; то я съ своей стороны требовалъ отъ него, чтобы онъ у себя держалъ экземпляръ и не пускалъ его свободно по всѣмъ. Такъ прошелъ годъ и шесть мѣсяцевъ, какъ вдругъ упомянутый переводъ изъ ящиковъ его новымъ чудомъ переселился въ Іерусалимъ. Какой-то лже-монахъ (*pseudomonachus*), или взявши деньги, какъ ясно видно, или по безкорыстной злобѣ, какъ напрасно усиливается доказать соблазнитель, укравши бумаги его и деньги, сдѣлался Іудею предателемъ, и далъ моимъ врагамъ поводъ ругать меня и разглашать между незнающими дѣла, будто я сдѣлалъ подлогъ, не перевелъ слово въ слово,—вмѣсто *достопочтеннаго* употребилъ *любезнѣйшаго* и,—неприлично сказать—по злому умыслу при переводѣ, не хотѣлъ перевести словъ *αἰδουμένων* Πάππαι. Эти-то и такого-то рода пустяки составляютъ обвиненіе противъ меня.

Прежде чѣмъ стану говорить о переводѣ, сначала я хочу спросить тѣхъ, кои злопамѣренность называютъ благоразуміемъ: откуда у васъ экземпляры письма? Кто вамъ далъ его? Съ какою совѣстію вы обнаруживаете то, что купили преступленіемъ? Что же будетъ цѣло у людей, если мы не можемъ уберечь своихъ секретовъ даже за стѣнами и въ ящикахъ? Что, если бы я обличилъ васъ въ этомъ преступленіи предъ трибуналами судей и подвергъ ви-

новыхъ законахъ? Различнымъ предателямъ они уже для пользы казны опредѣляютъ наказанія, и хотя пользуются измѣною, но осуждаютъ измѣнника. Пріятна конечно выгода отъ измѣны, но отвратительно расположеніе измѣнника. Нѣкогда императоръ Θεодосій осудилъ на смерть консула Гезахія (противъ котораго сильно враждовалъ патріархъ Гаманіилъ) за то, что онъ, подкупивши нотуріуса, овладѣлъ его бумагами. Въ древнихъ исторіяхъ (Т. Livii Dec. 1, 1. 5) читаемъ, что школьный учитель, предавшій Фалернскихъ дѣтей, связанный былъ переданъ дѣтямъ и отосланъ къ тѣмъ, кому измѣнилъ:—римскій народъ не принялъ побѣды, купленной преступленіемъ. Когда Пирръ, царь Елпирскій, въ лагерѣ лечился отъ раны, то Фабрицій счелъ низкимъ умертвить его посредствомъ измѣны его врача (Nogus 1. 1); не одобряя преступленія и во врагѣ, онъ даже отослалъ врача къ его государю, заключивши его въ узы.—Что охраняютъ законы общественные, что соблюдаютъ враги, что священно среди войны и вооруженія,—оказалось не обезопасеннымъ у насъ,—между монахами и священниками Христа. И неужели осмѣлится кто-нибудь изъ нихъ, моргая бровями и пощелкивая пальцами, изрыгать и говорить: что же если подкупилъ, если обманулъ?—сдѣлать это для него было выгодно. Странная защита преступленія! Какъ будто разбойники, воры и пираты дѣлаютъ не то, что имъ выгодно. Вѣдь и Анна и Каіафа, оболъстивши несчастнаго Іуду, сдѣлали то, что считали для себя полезнымъ.

Я хочу въ своихъ запискахъ писать о кое-какихъ мелочахъ: толковать кое-что изъ Писанія, отгрызаться отъ обвинителей, упражняться въ общихъ мѣстахъ для сваренія желудка, и стрѣлы, какъ будто отточенныя для боя, отложить въ сторону. Сколько я не представляю выдумокъ, сплетень—это для меня не обвиненія, это даже и не сплетни, потому что объ нихъ не знаетъ общественный слухъ. Ты подкупаешь низкихъ рабовъ,

обольщаешь елентовъ, золотомъ проникаешь къ Данаѣ, какъ читаемъ въ басняхъ (Aletam. 1. 4): и между тѣмъ меня обвиняешь въ подлогѣ того, что самъ сдѣлалъ посредствомъ обмана. Обвиняя, ты признаешь за собою преступленіе гораздо худшее того, въ которомъ обличаешь меня. Одинъ тебя обличаетъ въ ереси, другой въ искаженіи догматовъ. Ты молчишь, защищаться не смѣешь, язвишь переводчика, кричишь изъ-за буквъ и всю свою защиту полагаешь въ томъ, что злословишь безмолвнаго. Выдумывай, будто я въ переводѣ допустилъ ошибку или опустилъ что-нибудь. Въ этомъ вся сущность твоего дѣла, въ этомъ вся твоя защита. Неужели оттого ты не еретикъ, что я худой переводчикъ? Я не то говорю, что считаю тебя еретикомъ,—пусть знаетъ это тотъ, кто обвинилъ, вѣдаетъ тотъ, кто написалъ,—а то, что очень глупо, когда тебя обличаетъ одинъ, обвинять другаго, и когда у самого все тѣло изранено, находить утѣшеніе, уязвляя спящаго.

Доселѣ я говорилъ такъ, какъ будто я измѣнилъ что-нибудь въ письмѣ, тогда какъ простой переводъ могъ бы имѣть ошибку, а не преступленіе. А теперь, такъ какъ самое письмо показываетъ, что ничего не измѣнено въ смыслѣ, ничего не прибавлено, не измыслено какого-нибудь догмата, то „они подлинно своимъ пониманіемъ показываютъ, что ничего не понимаютъ“ (Terent. Prolog. Andr.) и желая обличить чужое неумѣнье, обнаруживаютъ свое. Ибо я не только сознаюсь, но и свободно заявляю, что въ переводѣ съ греческаго, кромѣ св. Писанія, въ которомъ и расположеніе словъ есть тайна, я передаю не слово въ слово, а мысль въ мысль. И въ этомъ отношеніи я слѣдую руководству Туллія (Цицерона), который перевелъ Платонова Протагора, Экономиконъ Ксенофонта и двѣ прекраснѣйшія рѣчи Эсхина и Демосвена—одного противъ другаго. Не время теперь говорить, сколько онъ въ нихъ опустилъ, сколько прибавилъ, сколько измѣнилъ, чтобы особенности чужаго

языка выразить въ особенностяхъ своего. Для меня довольно авторитета самого переводчика, который въ прологѣ къ тѣмъ же рѣчамъ говоритъ такъ: „предпринимаемый трудъ я признавалъ полезнымъ для учащихся, а для себя самого не необходимымъ. Потому что я перевелъ двѣ направленные одна противъ другой превосходныя рѣчи двоихъ краснорѣчивѣйшихъ изъ грековъ—Эхина и Димосена, и перевелъ не какъ переводчикъ, а какъ ораторъ,—тѣми же мыслями и формами ихъ, фигурами и словами, принаровленными къ нашему употребленію. Я не считалъ нужнымъ переводить слово въ слово, но вполне сохранилъ характеръ и силу словъ, думая, что я долженъ не отсчитывать ихъ читателю, а такъ сказать отвѣпивать“. „Рѣчи ихъ“, говоритъ онъ также въ концѣ своего разсужденія, я надѣюсь такъ переложить, чтобы воспользоваться всѣми ихъ качествами, т.е. мыслями, фигурами ихъ и расположеніемъ предметовъ, и держаться словъ лишь настолько, насколько согласны они съ нашимъ любимымъ употребленіемъ. И хотя не всѣ греческія слова окажутся въ переводѣ, однако я старался переводить ихъ равнозначущими выраженіями. И остроумный и ученый Гораций въ своей *Ars Poëtica* такое же наставленіе даетъ опытному переводчику.

„Слово въ слово не старайся переводить,
Вѣрный переводчикъ“.

Теренцій переводилъ Менаандра, Плавтъ и Ццилій древнихъ комиковъ. Придерживаются ли они словъ, а между тѣмъ не тѣмъ ли болѣе сохраняютъ красоту и изящество въ переводѣ? Что вы называете точностію перевода, то опытные называютъ *κακοζήταν* (неудачною ревностію). Поэтому и я, когда за двадцать почти лѣтъ назадъ переводилъ на латинскій языкъ хронику Евсевія, по примѣру этихъ людей введенный въ подобное же заблужденіе и къ несчастію не предвидя вашихъ возраженій, такъ между прочимъ писалъ во введеніи: „Срисио-

ывая чужія линіи, трудно гдѣ нибудь не отступить отъ нихъ: точно также трудно, чтобы хорошо выраженное на чужомъ языкѣ удержало ту же красоту въ переводѣ. Выражено что-нибудь особенностію одного слова; у меня нѣтъ своего слова, чтобы выразить тоже самое; и когда я стараюсь выдержать мысль при помощи длиннаго оборота, то едва выполняю легкій очеркъ ея. Встрѣчаются неуловимыя метафоры, разности въ этимологіи, различія въ фигурахъ, представляетъ затрудненія, наконецъ, своеобразное, такъ сказать, природное свойство языка. Если перевожу буквально, — отзывается нескладно, если по необходимости что-нибудь измѣню въ расположеніи или въ мысли, — окажется, что я оступилъ отъ обязанности переводчика“. И послѣ многаго, что теперь приводитъ излишне, я присовокупилъ еще слѣдующее: „Если кому представляется, что въ переводѣ не измѣняется красота языка, то пусть онъ буквально переведетъ Гомера на латинскій языкъ; еще больше пусть даже переложитъ его въ прозу греческаго же языка: — тогда увидишь, какъ смѣшна разстановка словъ и какъ краснорѣчивѣйшій поэтъ едва говорить.“

Но чтобы не показался слабымъ авторитетъ моихъ сочиненій (хотя я хотѣлъ доказать только то, что я всегда съ молодыхъ лѣтъ переводилъ не слова, а мысли), посмотри, какое разсужденіе объ этомъ предметѣ находится во введеніи къ книгѣ, въ которой изображается жизнь св. Антонія. Буквальный переводъ съ одного языка на другой закрываетъ смыслъ и какъ бы тучною растительностію заглушаетъ посѣянное. Ибо когда рѣчь примѣняется къ надежамъ и фигурамъ, то едва выражаетъ длиннымъ оборотомъ то, что можно бы выразить кратко. „Избѣгая этого и я, по твоей просьбѣ, такъ переложилъ (жизнь) св. Антонія, чтобы ничего не было потеряно въ смыслѣ, хотя бы и были опущенія въ словахъ. Пусть другіе занимаются словами и буквами: ты заботься о мысляхъ. У меня

не достанетъ времени приводить свидѣтельства всѣхъ, слѣдившихъ при переводѣ только за смысломъ. Въ настоящее время довольно назвать Иларія Исповѣдника, который съ греческаго на латинскій перевелъ бесѣды на Іова и очень много трактатовъ на псалмы. Онъ не корпѣлъ надъ мертвою буквою и не мучилъ себя надъ тухлымъ переводомъ невѣждъ, но такъ сказать судомъ побѣдителя переводилъ плѣнныя мысли на свой языкъ.

И это не удивительно у другихъ свѣтскихъ ли, или у духовныхъ писателей, когда семьдесятъ толковниковъ, евангелисты и апостолы дѣлаютъ тоже въ священнѣхъ книгахъ. У Марка приводятся слова Господа *талиѳа куми*, и затѣмъ прибавлено: *еже есть казаемо, дѣвице, тебѣ глаголю, возстани* (Марк. 5, 41); обвиняйте же Евангелиста въ лжи за то, что онъ прибавилъ *тебѣ глаголю*, тогда какъ на еврейскомъ есть только *дѣвице, возстани*. Но онъ прибавилъ *тебѣ глаголю* для того, чтобы сдѣлать *ἐμφατικώτερον* ¹⁾ и выразить мысль о воззваніи и повелѣніи. Также у Матѳея, послѣ повѣствованія о возвращеніи Іудею предателемъ тридцати серебрянниковъ и о покушкѣ на нихъ села скудельнича, говорится: *тогда сбытся реченное Іереміемъ пророкомъ глаголющимъ: и пріяша тридесять сребреникъ, цѣну цѣннаго, егже цѣниша отъ сыновъ Израилевыхъ и даша я на село скудельниче, якоже каза мнѣ Господь* (Мѳ. 27, 9). У Іереміи этого совсѣмъ нѣтъ; а есть у Захаріи, и выражено въ значительно другихъ словахъ и не въ такомъ порядкѣ. Въ Вульгатѣ это мѣсто читается такъ: *и реку къ нимъ: аще добро предъ вами есть, дадите мзду мою, или отрецетесь. И поставиша мзду мою тридесять сребреникъ. И рече Господь ко мнѣ: вложи я въ горнило и смотри аще искушено есть, имже образомъ искушенъ быхъ о нихъ. И*

¹⁾ Т. е. сдѣлать мысль болѣе выразительною.

пріяхъ тридесять сребреникъ, и вложихъ ихъ въ храмъ Господень въ горнило (Зах. 11, 12, 13). Какъ отличается переводъ седмидесяти отъ свидѣтельства Евангелиста—очевидно. И въ еврейскомъ хотя смыслъ тотъ же, но слова перемѣшаны и почти совершенно различны. „И сказали имъ, говорится въ еврейскомъ текстѣ, если добро въ глазахъ вашихъ, дайте награду мою, и если нѣтъ, успокойтесь. И оцѣнили награду мою въ тридцать сребренниковъ. И сказали Господь ко мнѣ: вложи ихъ въ горнило, приличную награду, которою я оцѣненъ ими. И принеси я тридцать сребренниковъ и вложилъ ихъ въ домъ Господнемъ въ горнило“. Пусть же обвиняють апостола въ неточности, что онъ не согласуется ни съ переводомъ еврейскимъ, ни седмидесяти,—и даже ошибается въ имени, вмѣсто Захаріи указывая Іеремію. Но не дерзнемъ говорить этого о послѣдователѣ Христовомъ: онъ старался не слова и буквы схватывать, а излагать мысли догматовъ. Перейдемъ къ другому свидѣтельству изъ того же Захаріи, приводимому евангелистомъ Іоанномъ по еврейскому тексту: *воззрятъ на нѣ, егоже прободоша* (Зах. 12, 10; Іоан. 19, 37). Вмѣсто этого у седмидесяти читаемъ: *καὶ ἐπιβλέψονται πρὸς με, ἀντὶ ὧν ἐνομήσαντο*,—что въ латинскомъ переводѣ переложено такъ: „и будутъ смотрѣть на меня вмѣсто того, что обольстило, или посмѣялось надъ ними“ и переводъ седмидесяти толковниковъ и нашъ разногласятъ съ переводомъ евангелиста: и однако различіе выраженій примиряется единствомъ духа. И у Матѳея Господь, предсказывая апостоламъ бѣгство ихъ, подтверждаетъ и это свидѣтельствомъ Захаріи: *писано есть, говорить Онъ, поражу пастыря, и разыдутся овцы стада* (Зах. 13, 7. Матѳ. 26, 31), и у седмидесяти и на еврейскомъ стоитъ гораздо иначе, потому что говорится не отъ лица Божія, какъ приводитъ евангелистъ, а отъ лица пророка, который проситъ Бога Отца: „порази пастыря и расточатся овцы стада“. Я полагаю, что, по

разсужденію нѣкоторыхъ, евангелистъ долженъ принести очистительную жертву за это мѣсто, что осмѣлился слова пророка отнести къ лицу Божію. Тотъ же евангелистъ пишетъ, что, по внушенію ангела, *поятъ Иосифъ отроча и мать его и отгиде въ Египетъ и бѣ тамо до умертвія Иродова, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ глаголющимъ: отъ Египта возвахъ сына моего.* Въ нашихъ кодексахъ этого нѣтъ, но у Осіи по еврейскому тексту читается: *понеже младенецъ Израиль и азъ возлюбихъ его и изъ Египта возвахъ сына моего* (Ос. 11, 1). Въмѣсто этого семьдесятъ въ томъ же мѣстѣ перевели: „поелику Израиль младенецъ, и я возлюбилъ его и изъ Египта возвахъ дѣтей его“. Неужели они достойны порицанія за то, что это мѣсто, которое преимущественно относится къ таинству Христа, они перевели иначе? Не тѣмъ ли болѣе, напротивъ, имъ, какъ людямъ, нужно предоставить свободу, по слову Іакова: *много согрѣшаемъ вси: аще кто въ словъ не согрѣшаетъ, сей совершенъ мужъ, силенъ обуздати все тѣло* (Іак. 3, 2). А вотъ еще у того же евангелиста написано: *и пришедъ вселися во градъ, нарицаемомъ Назаретъ, яко да сбудется реченное пророки, яко назорей наречется* (Мѡ. 2, 23). Пусть отвѣтятъ λογολόγοι¹⁾ и спѣсивые критики всѣхъ разсуждающихъ—гдѣ они читали это, и пусть узнаютъ, что это есть у Исаи. Ибо въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы читаемъ и перевели: *и изыдетъ жезлъ изъ корене Іессеева и цвѣтъ отъ корене его възыдетъ* (Ис. 11, 1), въ еврейскомъ, по особенному свойству (לְדוֹמָא) этого языка, значитъ: произойдетъ вѣтвь отъ корня Іессеева и Назорей отъ корня его возрастетъ. Зачѣмъ семьдесятъ опустили это, если и нельзя перевести слово въ слово? Скрывать или не знать таинства—святотатственно!

Перейдемъ къ другому: краткость письма не позволяетъ

¹⁾ Т. е. искусные художники словъ.

слишкомъ долго останавливаться на частныхъ предметахъ. Тотъ же Матѳей говоритъ: *се же все бысть, да сбудетъ реченное отъ Господа пророкомъ, глаголющимъ: се дѣва во чревь приметъ и родитъ сына и нарекутъ имя ему Еммануиль* (Мѳ. 1, 22. 23; Ис. 7, 14). Семьдесятъ перевели это мѣсто такъ: „вотъ дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ сына и наречете имя ему Еммануиль“. Если мы споримъ изъ-за словъ, то во всякомъ случаѣ не одно и тоже „приметъ и зачнетъ, нарекутъ и нареченіе.“ Далѣе—въ еврейскомъ написано: „вотъ дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ сына и нарекутъ имя ему Еммануиль“. Не Ахазъ, который обличался въ невѣріи, не іудеи, имѣвшіе отречься отъ Господа, нарекутъ имя ему, по наречетъ, говорится, сама та, которая зачнетъ, сама дѣва, которая родитъ. У того же евангелиста читаемъ, что Иродъ смутился по случаю пришествія волхвовъ, и, призвавъ первосвященниковъ и книжниковъ, развѣдывалъ у нихъ, гдѣ Христосъ рождается, и они отвѣчали: *въ Виѳлеемѣ іудействѣмъ, тако бо написано естъ пророкомъ: и ты Виѳлееме, земле Іудова, ничимже меньше еси во владыкахъ Іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ вождь, иже упасетъ люди моя Израиля*. Это мѣсто въ вѣлѣгѣ читается такъ: и ты Виѳлеемъ, домъ Еффраѳовъ, невеликъ, чтобы быть въ тысячахъ іудиныхъ, изъ тебя произойдетъ мнѣ, чтобы быть княземъ въ Израилѣ. Какъ велико разпогласіе между Матѳеемъ и Семьдесятю въ словахъ и ихъ расположеніи—ты еще больше удивишься, если согласишься въ еврейскомъ, въ которомъ такъ написано: „И ты Виѳлеемъ Еффраѳа, малъ ты въ тысячахъ іудовыхъ; изъ тебя произойдетъ мнѣ тотъ, который будетъ владыкою въ Израилѣ. Смотри по порядку, что поставлено у евангелиста: *И ты Виѳлееме, земле Іудова*. Въмѣсто *земле Іудова* въ еврейскомъ стоитъ Еффраѳа, у седмидесяти: домъ Еффраѳа. И въмѣсто: *ничимже меньше еси во владыкахъ іудовыхъ*, у седмидесяти читается: „не великъ ты, чтобы быть въ тысячахъ іудо-

выхъ,“ въ еврейскомъ: „малъ ты въ тысячахъ іудовыхъ.“ И смыслъ другой у евангелиста, тогда какъ семьдесятъ в еврейскій текстъ согласны между собою: ибо евангелистъ сказалъ—ты не малъ въ владыкахъ іудовыхъ, хотя прямо поставлено, что хотя ты малъ и певеликъ, но однако изъ тебя, малаго и невеликаго, произойдетъ вождь во Израилѣ, по слову апостола: *немоцная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая* (1 Кор. 1, 27). И что далѣе слѣдуетъ: *уже упасетъ люди моя Израиля*—очевидно у пророка стоитъ иначе.

И раскрываю это не для того, чтобы евангелистовъ обличать во лжи (это дѣло нечестивцевъ, Цельса, Порфирія, Юліана), а для того, чтобы обличить въ невѣжествѣ своихъ порицателей, чтобы получить у нихъ прощеніе, чтобы они позволили мнѣ въ простомъ письмѣ то, что волею—неволею они должны позволить апостоламъ въ священныхъ писаніяхъ. Маркъ, ученикъ Петра, такъ вачинаетъ свое Евангеліе: „начало Евангелія Іисуса Христа, какъ написано у Исаи пророка: вотъ я посылаю ангела моего предъ лицомъ твоимъ, который приготовить путь твой предъ тобою. Гласъ вопіющаго въ пустынѣ: приготовьте путь Господу; прямыми сдѣлайте стези Ему“. Это мѣсто составлено изъ двухъ пророковъ, Малахіи и Исаи. Что говорится сначала:—„вотъ я посылаю ангела моего предъ лицомъ твоимъ, который приготовить путь твой предъ тобою“—написано въ концѣ (книги) пророка Малахіи (3, 1), а дальнѣйшее прибавленіе: „гласъ вопіющаго въ пустынѣ“ и пр. читаемъ у Исаи; какимъ же образомъ Маркъ въ самомъ началѣ своей книги цитируетъ: какъ написано у Исаи пророка: „вотъ я посылаю ангела моего“ (Ис. 40, 3), что написано, какъ мы сказали, не у Исаи, а у Малахіи, послѣдняго изъ двѣнадцати пророковъ?¹⁾

¹⁾ Бывшій у Иеронима текстъ Евангелія, какъ видно, отличается отъ нашего перевода. Въ славянскомъ переводѣ это мѣсто выражено точнѣе: *якоже есть писано во пророцѣхъ*, а не у пророка Исаи, какъ читалъ Иеронимъ.

Пусть неопытный предразсудокъ рѣшить этотъ вопросецъ: и тогда я буду просить прощенія въ своей ошибкѣ. Тотъ же Маркъ приводитъ слова Спасителя къ Фарисеямъ: *нѣсте ли николиже чли, что сотвори Давидъ егда требованіе имѣ, и взалка самъ и иже съ нимъ; како вниде въ домъ Божій при Авіаоарѣ архіереи, и хлѣбы предложенія снѣде, ихъ же недостояше ясти токмо іереемъ* (Марк. 2, 25. 26; и Лук. 6, 3. 4); прочитаемъ Самуила, или (какъ значитъ въ общемъ заглавіи) книги царствъ, и найдемъ, что тамъ первосвященникомъ называется не Авіаоаръ, а Авимелехъ, который впослѣдствіи, по приказанію Саула, съ прочими священниками былъ убитъ Доикомъ. Перейдемъ къ апостолу Павлу. Онъ пишетъ къ Коринѣянамъ: *аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли. Но якоже есть писано, ихъже око не видѣ и ухо не слыша и на сердце челоуѣку не въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Ею.* Нѣкоторые въ этомъ мѣстѣ имѣютъ обыкновеніе слѣдить за бреднями апокрифовъ и говорятъ, что это свидѣтельство взято изъ Апокалипсиса Іліи, поелику у Исаи съ еврейскаго такъ читается: отъ вѣка не слышали, и ушами не внимали. Око не видѣло, Боже, кромѣ тебя, что приготовилъ ты ожидающимъ тебя (Ис. 64, 4). Семьдесятъ перевели это значительно иначе: отъ вѣка не слышали и очи наши не видѣли Бога, кромѣ тебя, и дѣла твои истинны, и сотворишь милость ожидающимъ тебя ¹⁾. Понимаемъ, откуда взято свидѣтельство, и однако апостоль привелъ его не слово въ

¹⁾ Въ греческомъ текстѣ, съ которымъ сходенъ и славянскій переводъ, стоитъ *καὶ τὰ ἔργα σου, ἃ ποιήσεις τοῖς ὑπομένουσιν ἔλεον*, тогда какъ Іеронимъ въ своемъ экземплярѣ, какъ видно, читалъ вмѣсто относительнаго мѣстоимѣнія *ἃ—ἀληθῆ καὶ*. Такъ какъ этой вставки нѣтъ ни въ одномъ изъ оставшихся греческихъ переводовъ, то думаютъ, что Іеронимъ читалъ по древнему латинскому переводу.

слово, *περιφραστικῶς* (перифрастически), тотъ же смыслъ показаль въ другихъ выраженіяхъ. Въ посланіи къ Римлянамъ тотъ же апостоль, заимствуя доказательство изъ Исаин, *се полагаю въ Сіонъ камень претыканія и камень соблазна* (Ис. 8, 14) разногласить съ древнимъ переводомъ и однако согласенъ съ еврейскимъ текстомъ. У семидесяти смыслъ не таковъ: „не какъ о камень претыканія преткнетесь и не какъ о камень паденія,“ тогда какъ и апостоль Петръ согласно съ Павломъ и еврейскими переводами поставилъ такъ: *а противящимся камень претыканія и камень соблазна* (Рим. 9, 33; 1 Петр. 2, 7). Изъ всего этого видно, что апостолы и евангелисты при переводѣ древнихъ писаній искали смысла, а не словъ, и немного заботились о расположеніи мыслей, когда дѣло было ясно для пониманія.

Мужъ апостольскій и Евангелистъ Лука пишетъ, что Стефанъ, первый мученикъ Христа, въ іудейскомъ собраніи говорилъ: въ числѣ семидесяти пяти душъ пришелъ Іаковъ во Египеть и погребенъ былъ самъ, и отцы наши перенесены въ Сихемъ и положены были во гробъ, который купилъ Авраамъ цѣною серебра у сыновъ Емора, отца Сихема (Дѣян. 7, 15. 16; Быт. 23). Въ книгѣ Бытія это представляется значительно иначе: здѣсь говорится, что Авраамъ у Ефрона хеттеянина, сына Сеора, около Хеврона, купилъ за чотыреста драхмъ серебра двойную пещеру и погребъ въ ней Сарру жену свою. И въ той же книгѣ читаемъ, что впослѣдствіи, возвратившись изъ Месопотаміи, съ женами и сыновьями своими, Іаковъ поставилъ кущу предъ Салимомъ, городомъ Сихемскимъ, въ землѣ Ханаанской и жилъ тамъ, и часть поля, на которой поставилъ кущу, купилъ у Емора, отца Сихемова, за сто агнцевъ, и поставилъ тамъ жертвенникъ и призвалъ Бога Израилева (Быт. 33). Авраамъ купилъ пещеру не у Емора, отца Сихема, а у Ефрона, сына Сеорова, и погребенъ не въ Сихемѣ, а въ

Хевронѣ, который несправедливо пазывается Арбохомъ; а двѣнадцать патріарховъ погребены не въ Арбохѣ, а въ Сихемѣ, и поле это куплено не Авраамомъ, а Іаковомъ (Ис. Нав. 24, 32). Отлагаю рѣшеніе и этого вопроса, чтобы порицатели мои видѣли и понимали, что въ св. Писаніи нужно созерцать не слова, а мысли. Двадцать первый псаломъ на еврейскомъ начинается тѣмъ же, что Господь сказалъ на крестѣ: *eli eli lama azabthani*, что значить: Боже мой, Боже мой, зачѣмъ ты оставилъ меня? Пусть скажутъ основаніе, почему Семьдесятъ толковниковъ вставили сюда „воззри на меня,“ — потому что они такъ перевели: Боже, Боже мой, воззри на меня, зачѣмъ ты меня оставилъ? Конечно, отвѣтятъ, что нѣтъ никакого вреда для смысла, если прибавлено два слова. Пусть же согласятся, что и я не нарушаю благосостоянія церквей, если, по скорости диктовки, опустилъ нѣсколько словъ.

Долго рассказывать теперь, сколько Семьдесятъ прибавили отъ себя, сколько опустили — что въ церковныхъ экземплярахъ отмѣчено звѣздочками и значками. Евреи обыкновенно смѣются, когда услышатъ, что мы читаемъ у Исаіи: *блаженъ иже имъетъ племя въ Сіонѣ и юзики въ Іерусалимѣ* (Ис 31, 9), равно какъ и у Амоса послѣ описанія роскоши: *аки стояща мнѣша, а не яко бѣжаша* (Ам. 6, 5). Въ самомъ дѣлѣ, это — риторическія фразы и цидероновская декламация. Но что же мы сдѣлаемъ для соглашенія нашихъ книгъ съ подлинными, въ которыхъ не написано этого и прочаго тому подобнаго, такъ что если бы представлять все это, то нужно безконечное множество книгъ? Далѣе — сколько семьдесятъ опустили, объ этомъ свидѣтельствуютъ или значки, какъ я сказалъ, или нашъ переводъ, если прилежный читатель сличитъ его съ древнимъ переводомъ. Но не смотря на это переводъ Семидесяти по праву получилъ первенство въ церквахъ какъ потому, что онъ былъ первый и сдѣланъ до пришествія І. Христа, такъ и по-

тому, что употреблялся апостолами (у которыхъ, однако, онъ не разногласить съ еврейскимъ): тогда какъ прозелить и спорливый переводчикъ Аквила, который старался перевести не только слова, но и этимологическія измѣненія словъ, по справедливости, въ пренебреженіи у насъ. Ибо кто вмѣсто хлѣба и вина и едея могъ бы или читать или понимать *χεῖμα, ὄπωρισμόν, στελεπυότης*—что значить „изліяніе, собираніе плодовъ и сіяніе“. И такъ какъ у евреевъ есть не только *ἄρθρα*, по и *πρόαρθρα* ¹⁾, то онъ *κακοζήλως* (по неудачной ревности) переводить и слоги и буквы и говорить *σὺ τὸν οὐρανὸν καὶ τὸν τῆν γῆν*, чего совершенно не терпитъ греческій и латинскій языкъ, доказательство чего мы можемъ видѣть въ нашемъ разговорѣ. Потому что сколько у грековъ есть изящныхъ выраженій, которыя на латинскомъ дурно отзываются при буквальномъ переводѣ, и наоборотъ, сколько хорошихъ оборотовъ у насъ, которые будутъ дурны у нихъ, если ихъ перевести буквально!

Но, опуская безконечное множество предметовъ, чтобы показать тебѣ, христіанпѣйшій мужъ изъ всѣхъ благородныхъ и благороднѣйшій изъ христіанъ,—въ какого рода лжи упрекаютъ меня при переводѣ письма, я представляю начало самаго съ греческимъ подлинникомъ письма, чтобы по одному обвиненію можно было судить и о прочихъ. Это начало— *Ἐδὲι ἡμᾶς ἀγαπητὲς μὴ τῆ διήσει τῶν κληρῶν φέρεσθαι* я, помню, перевелъ такъ: *oportebat nos, dilectissime, clericatus honore non abuti ad superbiam* ²⁾. Вотъ, говорятъ, въ одномъ стипкѣ сколько лжи. Во первыхъ, *ἀγαπητὸς* значить *dilectus*, а не *dilectissimus*. Далѣе *διήσεις* значить *aestimatio* (почтеніе), а не *superbia* (гор-

¹⁾ Т. е. члены, не только относящіеся къ непосредственно-слѣдующему имени, но и къ дальнѣйшему.

²⁾ Т. е. Не должно намъ, возлюбленнѣйшій, почестью духовнаго званія злоупотреблять для гордости.

дость); ибо сказано не *ὀιδήματα* или *ὀιήζει*, изъ коихъ первое значить tumor (гордость), а послѣднее arbitrium (произволь, мнѣніе). Наконецъ, все дальнѣйшее: clericatus honore non abuti ad superbiam—все это (говорять) твое. Что говоришь ты, столпъ науки и Аристархъ нашихъ временъ, высказывающій свое мнѣніе о всѣхъ писателяхъ? И такъ напрасно мы такъ долго учились и часто руку протягивали подъ фегулу ¹⁾ (Juvenal sat. 1). Вышедши изъ пристани, мы тотчасъ сѣли на мель. Такъ какъ ошибаться свойственно человѣку, а благородному свойственно сознавать ошибку: то я прощу тебя, такъ какъ ты обвиняешь меня, вразуми меня, учитель мой, и переведи слово въ слово. Ты долженъ былъ, говорить опъ, перевести: „Oportebat nos, dilecte, non aestimatione clericorum ferre“. Вотъ Плавтовское краснорѣчіе, вотъ аттическая красота, подобная, какъ говорятъ, рѣчи музъ! На мнѣ исполняется истертая въ народныхъ устахъ пословица: теряетъ время и трудъ тотъ, кто посылаетъ быка къ исписанной доскѣ. Это вина не того, подъ чьимъ именемъ другой разыгрываетъ трагедію, а учителей его Руфина и Меланія, которые за большую плату выучили его ничего не зная. Но однако христіанина я не упрекаю за неискусство въ словѣ: еслибы всѣ мы помнили изреченіе Сократа: знаю, что ничего не знаю, и другаго мудреца (какъ полагаютъ, Хилона): познай самого себя! Не болтливое невѣжество, а святая простота для меня всегда были предметомъ уваженія. Апостоль говоритъ, что кто подражаетъ ему въ словѣ, долженъ прежде всего подражать добродѣтелямъ въ жизни тѣхъ, въ коихъ величіе святости искупаютъ простоту слова. Воскресшій мертвецъ опровергалъ силлогизмы Аристотеля и изворотливья умствованія Хризиппа. Впрочемъ, было бы смѣ-

¹⁾ Fegula—палка, лопаточка или линейка, которою наказываютъ учениковъ по рукамъ.

шно, если бы кто нибудь изъ пасъ среди богатства Креза и удовольствій Сарданапала заботился только объ одной простотѣ—какъ будто для того, чтобы были краснорѣчивы всѣ разбойники и различные преступники, и чтобы они скрывали свое окровавленное оружіе за философскими сочиненіями, а не за древесными стволами.

Преступилъ я границы письма, но не вышелъ изъ границъ своей печали. Ибо когда меня обзываютъ составителемъ подлоговъ и низкія женщины за челноками и въ ткальняхъ разбираютъ по частямъ,—я могу только отрицать обвиненіе, а не уничтожить его. Все предоставляю твоему произволу, прочти самое письмо—греческое и латинское, и тогда увидишь нелѣпости и гнусныя клеветы моихъ обвинителей. Для меня очень довольно вразумить своего любезнѣйшаго друга и укрываясь въ кельѣ ожидать только дня суднаго. Если можно будетъ и если позволять враги, я лучше желаю писать тебѣ изъясненія священнаго писанія, чѣмъ филиппики Демосоена и Цицерона.

54. Письмо къ Павлу.

Благій человекъ отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благая (Мат. 12, 35) и отъ плодовъ познается древо (Лук. 6, 44). Ты измѣряешь меня своими добродѣтелями и великій превозносишь малыхъ; занимаешь послѣднее мѣсто за столомъ, чтобы возвыситься во мнѣніи хозяина. Ибо что или какъ мало имѣю я, чтобы удостоиться похвальнаго слова отъ ученаго голоса, чтобы я ничтожный и незначительный получилъ похвалу изъ тѣхъ устъ, которыя защищали благочестивѣйшаго императора. Не уважай меня, любезнѣйшій братъ, по числу лѣтъ, не считай сѣдину мудростію, но мудрость сѣдиною, по свидѣтельству Соломона: сѣдина человекъ мудрость его (Прем. 4, 8). Моисей получаетъ повелѣніе избрать

семьдесятъ старѣйшинъ (Числ: 11); онъ самъ зналъ, что они должны быть старцы, но они должны быть избраны не по возрасту, а по мудрости. И Даніиль, будучи еще юношею, судить престарѣлыхъ и молодой человѣкъ осуждаетъ безстыдныхъ стариковъ. Не измѣрай, повторяю, вѣры лѣтами и не предпочитай меня за то, что я прежде началъ воинствовать въ рати Христовой. Апостоль Павелъ, сосудъ избранный, обратившійся изъ гонителей, послѣдній по времени, — сталъ первымъ по доблестямъ; хотя послѣ всѣхъ, но больше всѣхъ потрудился. Иуда, который нѣкогда слышалъ: *ты же, человѣче, иже купно наслаждался еси со мною брашенъ, владыкой мой и знаемый мой, въ дому Божіи ходихомъ единомыслиемъ* (Пс. 54, 14. 15) обличается словомъ Спасителя, какъ предатель друга и учителя.

И затягиваетъ узелъ поносной смерти на высокомъ деревѣ.
(Aeneid. lib. XII).

Напротивъ, разбойникъ перемѣняетъ крестъ на рай и казнь за человѣкоубійство дѣлаетъ мученичествомъ. Сколько и теперь людей, которые долго исполняютъ свои обязанности, а между тѣмъ не болѣе какъ повапленные гробы, наполненные костями мертвыхъ? Непродолжительный жаръ лучше продолжительной теплоты.

Наконецъ и ты, внявъ слову Спасителя: *аще хочещи совершенъ быти, иди продаждь имѣніе свое и даждь нищимъ и гряди въ слѣдъ Мене* (Мт. 19, 21), слова обращаешь въ дѣла и за обнаженнымъ крестомъ слѣдуя обнаженнымъ, удобнѣе и легче восходишь на лѣствицу Іакова. Ты равнодушно перемѣняешь туніку и надѣваешь почетное рубище; не съ пабытымъ кошелькомъ, а чистосердечно и искренно хвалишься, что ты нищъ и духомъ и дѣлами. Нѣтъ ничего великаго съ печальнымъ и блѣднымъ лицомъ принимать на себя

видь постящагося, или выставлѣть на показъ свой постъ, и, получая большіе доходы съ имѣній, носить дешевое платье.

Овивининъ Кратесъ, прежде человекъ очень богатый, прибывшій въ Аѳины для занятія философіею, оставилъ большую часть своихъ богатствъ, полагая, что нельзя вмѣстѣ быть богатымъ и добродѣтельнымъ. Мы слѣдуемъ за немующимъ Христомъ съ сокрытою ношею богатства, и подъ предлогомъ милостыни заботимся о прежнихъ стяжаніяхъ: какимъ же образомъ мы можемъ быть вѣрными раздаятелями чужаго, когда боязливо бережемъ свое? Сытому желудку легко разсуждать о постахъ. Достойно похвалы не то, что былъ въ Іерусалимѣ, а то, что хорошо жилъ въ Іерусалимѣ. Не къ тому городу нужно стремиться и не тотъ похвалять, который убилъ пророковъ и пролилъ кровь Христа, а тотъ, который *веселятъ рѣчная устремленія* (Ис. 45, 4), который, стоя верху горы, не можетъ укрыться, который Апостоль называетъ матерью святыхъ и въ которомъ утѣшаетъ себя надеждою имѣть общеніе съ праведными.

Говоря это, я не обличаю себя въ непостоянствѣ и не осуждаю того, что самъ дѣлаю,—чтобы могло казаться, будто я, по примѣру Авраама, оставляю свой домъ и отечество; я не дерзаю только ограничивать тѣсными предѣлами всемогущества Божія и заключать въ небольшомъ мѣстѣ земли Того, Кого не объемлютъ небеса. Всѣ вѣрующіе получаютъ возмездіе не по различію мѣсть, а по мѣрѣ вѣры, и истинные поклонники покланяются Отцу не въ Іерусалимѣ и не на горѣ Гаризинѣ. Богъ есть духъ и поклонникамъ Его должно покланяться Ему духомъ и истиною; *а Духъ идѣже хочетъ дышитъ; Господня земля и исполненіе ея* (Іоан. 3, 8; Ис. 23, 1). Послѣ того какъ, по осушеніи руна Іудеи, весь міръ былъ окропленъ небесною росой и многіе, пришедши отъ востока и запада, возлегли на лонѣ Авраама, пересталъ быть вѣдомъ Богъ

только въ Иудеѣ, и въ Израилѣ великое имя Его, но во всю землю изыде вѣщаніе Апостоловъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ (Пс. 75 и 18). Спаситель, бывши въ храмѣ, обращаясь ко ученикамъ своимъ, сказалъ: *возстаните идемъ отсюда* (Іоан. 14, 31), и къ Иудеямъ: *оставляется вамъ домъ вашъ пусть* (Матѳ. 23, 38). Если прейдутъ небо и земля, то прейдетъ безъ сомнѣнія и все земное. Мѣста крестной смерти и воскресенія, поэтому, доставляютъ пользу тѣмъ только, кои несутъ крестъ свой и ежедневно воскресаютъ со Христомъ, тѣмъ, кои представляютъ себя достойными такого жилища. Тѣ, которые говорятъ: *храмъ Божій, храмъ Божій* (Іер. 7), пусть услышатъ отъ Апостола: *вы есте церковь Бога жива и Духъ Святой живетъ въ васъ* (2 Кор. 6, 16). Небесная храмина равно видна и изъ Іерусалима и изъ Британіи, ибо *Царствіе Божіе внутрь васъ есть*. Антоній и весь сонмъ монаховъ Египта, Месопотаміи, Понта, Каппадокіи и Арменіи не видали Іерусалима: и безъ этого города имъ отверзлись райскія врата. Блаженный Иларіонъ былъ изъ Палестины и жилъ въ Палестинѣ, но только одинъ день былъ въ Іерусалимѣ, — чтобы и не показать пренебреженія къ святымъ мѣстамъ, по ихъ близости, но вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы и не показать, что онъ ограничиваетъ Господа только этимъ мѣстомъ. Со временъ Адріана и до правленія Константина почти въ продолженіе ста восьмидесяти лѣтъ на мѣстѣ воскресенія стояло построенное язычниками капище Юпитера, а на горѣ распятія — мраморная статуя Венеры, такъ какъ гонители думали уничтожить въ насъ вѣру въ воскресеніе и крестную смерть посредствомъ оскверненія идолами святыхъ мѣстъ. И даже нашъ Виѳлеемъ, — священнѣйшее мѣсто въ мірѣ, о которомъ Псалмоцѣвецъ поетъ: *истина отъ земли возсія* (Пс. 84, 12) — этотъ Виѳлеемъ омрачала роца thamuz, т. е. Адониса, и въ пещерѣ, гдѣ плакалъ маленькій Іисусъ, бѣсновался любовникъ Венеры.

Зачѣмъ, скажешь ты, эти повторенія въ такомъ длинномъ вступленіи? Затѣмъ, чтобы ты не считалъ какимъ нибудь ущербомъ для своей вѣры, если ты не видалъ Іерусалима, и не предпочиталъ меня за то, что я живу въ этомъ мѣстѣ: здѣсь ли, или въ другомъ мѣстѣ—ты примешь одинаковую мзду за дѣла твои отъ Господа нашего. Искренно сознаваясь въ своихъ мпѣніяхъ, обращая вниманіе на твое намѣреніе и одушевленіе, съ какимъ ты отрекся отъ міра, я дѣйствительно думаю о различіи мѣстъ—какъ ты, оставивши города съ ихъ шумомъ, живешь въ маленькомъ селеніи, ищешь Христа въ пустынѣ, одинъ молишься на горѣ съ Іисусомъ и столько наслаждаешься близостью святыхъ мѣстъ, т. е. что удаленъ отъ города и не опускаешь обѣта монашескаго. Я говорю это не о епископахъ, не о пресвитерахъ, не о клирикахъ, у которыхъ служеніе иное, а о монахѣ и монахѣ нѣкогда знаменитомъ въ мірѣ, который цѣпу своихъ имѣній положилъ къ ногамъ Апостоловъ, научая, что нужно пренебрегать деньгами и живя скромно и уединенно всегда презирать то, что презрѣли однажды. Если бы мѣста воскресенія и крестной смерти находились не въ знаменитѣйшемъ городѣ, гдѣ есть дворецъ, казармы, публичныя жепцины, комедіанты, шуты и все что обыкновенно бываетъ въ другихъ городахъ, или если бы этотъ городъ посѣщали только толпы монаховъ, то дѣйствительно можно бы желать, чтобы такой городъ былъ жилищемъ всѣхъ монаховъ. А теперь было бы очень глупо оставлять родину, покидать города, считаться монахомъ и среди большого многочисленія жить совершенно также, какъ бы жилъ на родинѣ. Сюда стекаются со всего свѣта. Городъ наполненъ людьми всякаго рода и бываетъ такое стѣсненіе обоого пола, что чего въ другомъ мѣстѣ отчасти избѣгалъ, здѣсь все вынужденъ терпѣть.

И такъ, если ты по-братски спрашиваешь меня, по ка-

кому пути ты долженъ итти, то я буду говорить съ тобою искренно. Если ты хочешь исполнять должность пресвитера, если тебя прельщаетъ служеніе, или, можетъ быть, почестъ епископства, то живи въ городахъ и мѣстечкахъ и спасеніе другихъ дѣлай стяжаніемъ для своей души. А если хочешь быть тѣмъ, чѣмъ называешься—монахомъ, т. е. одинокимъ, то что тебѣ дѣлать въ городахъ, гдѣ, конечно, живутъ не одинокіе, а многіе вмѣстѣ? Каждое званіе имѣетъ своихъ представителей. Римскіе полководцы должны подражать Камилламъ, Фабриціямъ, Регуламъ, Сципіонамъ; философы могутъ ставить себѣ въ образецъ Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля; поэты могутъ подражать Гомеру, Виргилію, Менандру, Теренцію; историки Фукидиду, Саллюстію, Геродоту, Ливію; ораторы—Лизію, Гракхамъ, Демосѣну, Цицерону. И, если обратимся къ своему званію,—епископы и пресвитеры должны слѣдовать примѣру Апостоловъ и мужей апостольскихъ, и будучи обличены ихъ саномъ, должны стремиться и къ достиженію ихъ награды. А мы въ своемъ обѣтѣ должны имѣть своими образцами Павловъ и Антоніевъ, Юліановъ, Иларіоновъ, Макаріевъ. И если я возвращусь къ авторитету Писанія,—нашъ представитель Илія, нашъ Елисей, руководители наши сыны пророческіе, жившіе въ поляхъ и пустыняхъ и строившіе себѣ кущи при струяхъ Иордана. Къ нимъ же принадлежатъ и тѣ сыны Рихава, которые не пили вина и сикера, жили въ кущахъ, которые восхваляются Господомъ чрезъ Иеремію (гл. 35) и которымъ дается обѣтованіе, что отъ сѣмени ихъ не оскудѣетъ мужъ, стоящій предъ Господомъ. Думаю, что къ нимъ относится и подписаніе семидесятаго псалма: *сыновъ Иордановыхъ и первыхъ плывшихъ*. Это тотъ самый Ионадавъ, который, по свидѣтельству книги Царствъ, сѣлъ съ Иуемъ въ колесницу ¹⁾ и его дѣти, о которыхъ гово-

¹⁾ 4 Цар 10, 15

рится, что, живя всегда въ кущахъ и принужденные, наконецъ, по причинѣ нападенія халдейскаго войска, возвратиться въ Иерусалимъ, они первые были взяты въ плѣнъ и, послѣ свободы въ пустынѣ, въ городѣ получили заключеніе, какъ въ темницѣ.

Поэтому, такъ какъ ты связанъ узами святой сестры твоей (Тераси—жены) и идешь не совершенно свободною поступью, то я прошу тебя, избѣгай многочисленныхъ собраній, развлеченій, посѣщеній и пиршествъ, какъ нѣкотораго рода обольстительныхъ цѣпей. Принимай простую пищу, овощи и зелень—и притомъ вечеромъ; по временамъ за высшее наслажденіе позволяй себѣ нѣсколько рыбы. Кто возделѣваетъ Христа и питается хлѣбомъ, тотъ не заботится много о слишкомъ дорогихъ купаньяхъ для своего желудка. Прощедши чрезъ горло, никакая пища не производитъ ощущенія точно также, какъ хлѣбъ и вода. У тебя есть книги противъ Ювиніана, гдѣ подробнѣе разсуждается о презрѣніи удовольствій чрева и вкуса. Въ рукѣ твоей пусть постоянно будетъ священная книга. Чаще молись и, склонившись тѣломъ, возноси умъ ко Господу. Больше бодрствуй и спи чаще съ пустымъ желудкомъ. Приятныхъ слуховъ, маленькой славы о себѣ, льстивыхъ ласкателей избѣгай, какъ враговъ. Своею рукою раздавай пособія бѣднымъ и братьямъ. Рѣдко можно довѣрять людямъ. Не вѣришь, что я говорю правду? Вспомни о ковчездахъ Іуды... Не носи скромной одежды съ надменнымъ духомъ. Удаляйся отъ сообщества съ свѣтскими людьми, особенно съ знатыми. Какая надобность тебѣ часто видѣть то, по презрѣнію къ чему ты сталъ монахомъ? Въ особенности сестра твоя пусть уклоняется отъ сообщества съ Матронами, чтобы, запачкавшись среди шелковыхъ платьевъ и драгоценныхъ камней, или не жалѣть о нихъ, или не удивляться имъ, потому что отъ одного возникаетъ раскаяніе въ обѣтѣ,

отъ другаго тщеславіе. Остерегайся, чтобы, бывъ нѣкогда вѣрнымъ истиннымъ раздаятелемъ своего, какъ нибудь не взять для раздаянія чужихъ денегъ. Ты понимаешь, о чемъ я говорю, ибо Господь далъ тебѣ разумѣніе во всемъ. Имѣй простоту голубя, чтобы не злоумышлять противъ кого нибудь, и мудрость змѣи, чтобы самому не пасть подъ ковами другихъ. Небольшая разница въ порокахъ—обмануть ли, или быть обманутымъ христіанину. Если замѣтишь, что кто-нибудь, помимо милостыни, которая для всѣхъ доступна, постоянно или часто говоритъ тебѣ о деньгахъ, то считай такого человѣка болѣе прикащикомъ, чѣмъ монахомъ. Кромѣ пищи и одежды и насущныхъ потребностей никому не давай ничего, чтобы хлѣба дѣтей не ѣли собаки.

Храмъ Христа есть душа вѣрующаго; ее украшай, ее одѣвай, ей приноси дары, въ ней воспринимай Христа. Какая польза, если стѣпы наши блестятъ драгоценными камнями, а Христосъ терпитъ крайнюю нужду? Здѣсь все, что ты имѣешь—не твое, а только вѣрено тебѣ для раздаянія. Помни объ Ананіи и Сапфирѣ. Они боязливо сберегали свое, а ты смотри, чтобы не расточать неразумно собственности Христа, т. е., чтобы при нестрогой разборчивости, достояніе бѣдныхъ не раздавать не бѣднымъ и, по словамъ благоразумнѣйшаго мужа (Cicero. 1. 2. Offic.), благотворительность не потеряла бы значенія отъ щедрости. Не

„смотря на богатя ожерелья и пустыя имена Катоновъ“
(Pers. Satyr. 3),

Я, говоритъ, узналъ тебя въ существѣ твоёмъ и подъ
кожею. (Lucan. lib. X. Pharsal).

Великое дѣло—не казаться, а быть христіаниномъ; и я не знаю, почему міру болѣе пріятны тѣ, кои противны Христу. Все это я высказалъ не такъ, какъ по пословицѣ—свинья учитъ Минерву, по какъ другъ давалъ совѣты другу,

выступающему въ море,—желая передать тебѣ болѣе свою способность, чѣмъ свое расположеніе, чтобы ты шелъ твердо поступью тамъ, гдѣ я падалъ.

Съ удовольствіемъ прочиталъ я присланную тобою умную и изящно составленную книгу твою въ защиту императора Θεодосія; и особенно мнѣ понравилось въ ней раздѣленіе. Превосходя другихъ въ первыхъ частяхъ, въ послѣднихъ ты превосходишь себя самого. И самая рѣчь выпукла и прозрачна, и, блистая цидероновскою чистотою, богата мыслями, тогда какъ слаба та рѣчь (какъ говоритъ кто-то), въ которой можно похвалить только слова. Кромѣ этого видна строгая послѣдовательность, и одно вытекаетъ изъ другаго. Каждое положеніе составляетъ или заключеніе предыдущаго или начало послѣдующаго. Счастливъ Θεодосій, что его защищаетъ такой ораторъ Христа. Ты покрылъ славою порфиру его и освятилъ пользу законовъ для вѣковъ грядущихъ. Доблестный мужъ! при такихъ первыхъ опытахъ какимъ искуснымъ ты будешь воиномъ! О если бы мнѣ можно было съ такимъ умомъ переходить не Аонійскія горы и вершины Геликона, какъ воспѣваютъ поэты, а чрезъ высоты Сіона, Оавора и Синая! Если бы мнѣ удалось научить тому, чему я научился, и какъ бы руками передавать тайны Писанія: тогда у насъ явилось бы нѣчто такое, чего не имѣла ученая Греція.

Послушай же, мой сослужитель другъ, братъ, послушай немного, какому пути ты долженъ слѣдовать въ толкованіи св. Писанія. Все, что мы читаемъ въ божественныхъ книгахъ, хотя ясно свѣтитъ и сіяетъ уже и въ своей оболочкѣ, но гораздо сладостнѣе въ своей сердцевинѣ. „Кто хочетъ съѣсть орѣхъ, тотъ долженъ разбить скорлупу“ (Ех. Plauto). *Открый*, говоритъ Давидъ, *очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона твоего* (Псал. 118, 18). Если столь великій пророкъ сознается въ тьмѣ невѣденія, то какая ночь незнанія долж-

на покрывать насъ ничтожныхъ, почти младенцевъ сосущихъ! А это покрывало лежитъ не только на лицѣ Моисея, но и на Евангелистахъ и на Апостолахъ. Спаситель говорилъ народамъ въ притчахъ и, свидѣтельствуя о таинственности того, что говорилъ, присовокуплялъ: *имѣйи уши слышати, да слышите* (Лук. 8, 8). Если все написанное не будетъ открыто тѣмъ, который имѣетъ ключъ Давида, который отверзаетъ и никто не запираетъ, запираетъ и никто не отверзаетъ,—то оно не откроется, кто бы другой ни открывалъ. Если бы ты имѣлъ въ виду это начало, то хотя бы даже и слабая рука водила твоимъ перомъ,—мы не имѣли бы ничего краснорѣчивѣе твоихъ сочиненій, ничего ученѣе, ничего пріятнѣе, ничего лучше въ отношеніи къ языку (latinius).

Тертуллианъ богатъ мыслями, но тяжело выражается. Св. Кирианъ, какъ самый чистый потокъ льется пріятно и ровно, и всецѣло посвящая себя увѣщанію къ добродѣтелямъ, занятый бѣдствіями гоненій, нисколько не разсуждалъ о божественныхъ писаніяхъ. Викторинъ, увѣщанный славнымъ мученичествомъ, не можетъ выражать того, что разумѣетъ. Лактанцій—въ нѣкоторомъ родѣ льется цицероновскимъ краснорѣчіемъ, и если бы онъ умѣлъ также подкрѣплять наше, какъ разрушалъ чужое! Арнобій неровень, излишне распространяется и не дѣлая раздѣленій въ своихъ сочиненіяхъ, спутывается. Св. Иларій паритъ Галликанскимъ стилемъ и, украшаясь цвѣтами Греціи, иногда затемняется длинными періодами и неудобень для чтенія болѣе простымъ братьямъ. Умалчиваю о другихъ какъ умершихъ, такъ и еще живущихъ, о которыхъ послѣ насъ другіе будутъ судить въ томъ и другомъ отношеніи.

Обращусь къ тебѣ самому—сосвященнику, искреннему моему и другу, другу, говорю, моему, прежде чѣмъ я узналъ

тебя,—и буду просить, чтобы ты не подозрѣвалъ меня въ натянутой лести; лучше уже думай, что я заблуждаюсь по ошибкѣ или по любви, чѣмъ я лестію обманываю друга. Ты имѣешь великій умъ и безконечный снарядъ краснорѣчія; говоришь легко и чисто, и съ легкостію и чистотою соединяешь мудрость; а когда здорова голова, то и всѣ члены здоровы. Если бы къ этой мудрости и краснорѣчію присоединилось и изученіе и разумѣніе Писанія, то скоро я увидѣлъ бы тебя во главѣ нашихъ писателей восходящимъ съ Іоавомъ на кровлю Сіона (1 Пар. 11) проповѣдывать на кровляхъ то, что свѣдалъ ты на ложѣ. Препояшься, прошу тебя, препояшься. „Жизнь ничего не дала смертнымъ безъ великаго труда“ (Ех Ногат. 1. 1. Sat. 9). Пусть и церковь также признаетъ тебя благороднымъ (nobilis), какъ прежде сенатъ. Приобрѣтай богатства, чтобы ежедневно раздавать его,—и никогда не оскудѣетъ оно, пока бодры силы, пока голова не пестрится сѣдинами, пока „не наступятъ болѣзни, угрюмая старость“, и пока не похититъ все „жестокость безпощадной смерти“. Я не удовлетворяюсь ничѣмъ посредственнымъ въ тебѣ,—а хочу, чтобы все было превосходно, все было совершенно. Съ какою любовію я принялъ пресвитера Вигилиянція—узнаешь объ этомъ лучше отъ него самого, чѣмъ изъ моего письма. Зачѣмъ онъ такъ скоро отправился отъ насъ и оставилъ насъ—я не могу сказать, чтобы не оскорбить когонибудь. Впрочемъ, хотя онъ посѣтилъ насъ какъ бы мимоходомъ и спѣшилъ, но я нѣсколько задержалъ его и далъ ему дружеское гостепріимство, чтобы ты узналъ чрезъ него, чего можно желать отъ насъ. Привѣтствую чрезъ тебя твою сослужительницу, подвизающуюся съ тобою о Господѣ.

55. Письмо къ Марцеллъ.

Ты вызываешь меня на великіе вопросы и спрашивая поучаешь умъ, коснѣющій въ праздности. Первый твой вопросъ—что это такое: ихже око не видѣ и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его (1 Кор. 2. 9), и какимъ образомъ, съ другой стороны, такъ же Апостоль говоритъ: намъ же Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ (ст. 10). Если это было открыто Апостолу, то мы должны знать, какъ онъ можетъ открыть это и другимъ? На это можно кратко отвѣчать, что мы не должны спрашивать, что это такое, чего око не видѣло и ухо не слышало и на сердце человѣку не приходило;—потому что какъ же можно знать то, чего нельзя испытать? Что общается въ будущемъ, то не можетъ быть опредѣлено въ настоящее время. Упованіе видимое нѣсть упованіе (Рим. 8, 24), но уже дѣйствительное обладаніе, и какъ кто-нибудь могъ бы сказать: покажи мнѣ, чего нельзя видѣть, расскажи, чего нельзя слышать, объясни недоступное для мысли человѣческой? Поэтому должно признавать, что Апостоль въ этихъ словахъ высказалъ ту мысль, что блага духовныя не могутъ быть обняты плотскими очами, плотскимъ слухомъ и смертною мыслию. Ибо нѣкогда еще *и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ къ тому не разумѣемъ* (2 Кор. 5, 16) и въ посланіи Іоанна написано: *возлюбленіи, нынѣ чада Божіи есмь и не у явися, что будетъ; вѣмы же, яко егда явится подобни ему будемъ, ибо узримъ его яко же есть* (1 Іоан. 3, 2). А что Апостоль свидѣтельствуетъ, что ему и святымъ открыто Духомъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что онъ откроетъ другимъ. Нѣкогда онъ слышалъ въ раю неизреченные глаголы, которыхъ не могъ передать другимъ (2 Кор. 12); иначе они не были бы неизреченными, если бы онъ передалъ ихъ.

Во вторыхъ, ты говоришь, что мимоходомъ читала въ моихъ сочиненіяхъ, будто овцы, стоящія одесную, и козлища, стоящія ошуюю (Мѡ. 25), означаютъ христіанъ и язычниковъ, а не праведниковъ и грѣшниковъ. Не помню, чтобы я сказалъ это гдѣ нибудь, а если бы и сказалъ, то не сталъ бы упорствовать въ заблужденіи. Сколько мнѣ представляется теперь при быстрой диктовкѣ, знаю, что я рассуждалъ объ этомъ мѣстѣ во второй книгѣ противъ Ювиніана, и не только объ этомъ, но и о другомъ, совпадающемъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что злыя рыбы будутъ отдѣлены отъ добрыхъ (Мѡ. 13, 48). Поэтому, мнѣ кажется, можно опустить здѣсь то, о чемъ тамъ сказано подробно.

Въ третьихъ, ты спрашивала, что значать слова Апостола, что въ пришествіи Господа Спасителя нѣкоторые живые будутъ восхищены въ срѣтеніе Ему на облакахъ, такъ что не будутъ предварены умершими о Христѣ (1 Сол. 4), и желаешь знать, неужели они встрѣтятъ Его въ тѣлахъ, не умирая прежде, — тогда какъ и Господь нашъ умеръ, и Энохъ и Илія, по свидѣтельству Апокалипсиса, должны будутъ умереть, и вообще нѣтъ никого, кто бы не увидѣлъ смерти (Ис. 88, 49).—Изъ содержанія самого мѣста можно видѣть, что святые, которыхъ пришествіе Спасителя застанетъ въ тѣлѣ, и встрѣтятъ Его въ тѣхъ же тѣлахъ, однако такъ, что грѣховное, тлѣнное и смертное преобразится славою, петлѣніемъ и безсмертіемъ, такъ что и тѣла живыхъ по своей сущности будутъ такія же, какими будутъ и имѣющія воскреснуть тѣла умершихъ. Поэтому Апостоль говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *понеже не хотимъ совлещися, но пооблещися, да пожерто будетъ мертвенное животомъ* (2 Кор. 5, 4), т. е. тѣло не будетъ оставлено душою, но одушевленное ею, прежде безславное, облечется словою. А объ Энохѣ и Іліи, о которыхъ Апока-

липись говорить, что они придутъ и умрутъ (Апок. 11), теперь не время разсуждать. потому что вся эта книга или, какъ мы думаемъ, должна быть изъясняема въ духовномъ смыслѣ, или, если будемъ слѣдовать толкованію плотскому, должны будемъ принять іудейскія бредни, что опять будетъ построены Іерусалимъ, въ храмѣ будутъ приноситься жертвы и, съ уничтоженіемъ духовнаго богослуженія, возобладаютъ плотскіе обряды.

Четвертый вопросъ твой—какимъ образомъ въ Евангелии Іоанна послѣ воскресенія Христосъ говоритъ Маріи Магдалинѣ: *не прикасайся мнѣ, не убо взыдохъ ко Отцу моему* (Іоан. 20, 17), тогда какъ у Матѳея, напротивъ, говорится, что жены припадали къ стопамъ Спасителя (Матѳ. 28): во всякомъ случаѣ не одно и тоже касаться ногамъ Его послѣ воскресенія и не касаться.—Марія Магдалина, —это та самая, изъ которой Іисусъ Христосъ изгналъ семь бѣсовъ (Марк. 16), чтобы тамъ, гдѣ умножался грѣхъ, преизбыточествовала благодать; и теперь, когда она сочла Господа за вертоградяра, говорила съ нимъ какъ съ простымъ человѣкомъ и живаго искала съ мертвыми, то она по справедливости услышала отъ Господа: не прикасайся мнѣ (Іоан. 20, 17)! Не достойна ты касаться стопамъ моимъ—такова мысль этихъ словъ—не достойна ты поклоняться какъ Господу и припадать къ ногамъ Его, если ты не вѣруешь его воскресенію: для тебя я еще не возшелъ къ Отцу моему. А прочія жены, которыя касаются ногъ Іисуса Христа, исповѣдуютъ Его Господомъ и удостоиваются припасть къ стопамъ Его за то, что вѣрують, что Онъ возшелъ ко Отцу. Если различныя евангелія повѣствуютъ, что одна и таже жена и касалась ногъ и не касалась, то это легко рѣшается тѣмъ, что сначала она могла получить упрекъ какъ невѣрующая, а потомъ могла быть и не отвергнута, когда заблужденіе замѣнила исповѣданіемъ.

Тоже самое можно разумѣть и относительно разбойниковъ, когда одинъ Евангелистъ повѣствуетъ, что богохульствовали оба, а другой,—что одинъ изъ нихъ принесъ исповѣданіе (Мѡ. 27, Мар. 15).

Послѣднія строки твоего писъма содержали вопросъ: послѣ воскресенія, въ теченіе сорока дней Господь жилъ ли съ учениками (Лук. 23) и не былъ въ другомъ мѣстѣ, или Онъ невидимо восходилъ на небо и нисходилъ оттуда, и тѣмъ не менѣе не лишалъ Апостоловъ своего присутствія?—Если ты вѣруешь, что Господь, о которомъ идетъ рѣчь, есть Сынъ Божій и что Онъ говоритъ: *еда небо и землю не Азъ наполняю, рече Господь* (Іер. 23, 24), и что о Немъ другой пророкъ свидѣтельствуетъ: *небо престолъ мой, земля же подножіе ногъ моихъ* (Ис. 61, 1) и въ другомъ мѣстѣ: „*кто держитъ небо дланію и землю горстію*“ (Ис. 40, 12), что о немъ Давидъ воспѣваетъ: *камо пойду отъ духа твоего и отъ лица Твоего камо бѣжу; ище възду на небо, ты тамо еси: аще сниду во адъ тамо еси: и аще вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука твоя наставитъ мя и удержитъ мя десница твоя* (Пс. 138, 7 и слѣд.)—если ты вѣруешь, что все это говорится о Господѣ, то нисколько не сомнѣвайся, что даже и до воскресенія Богъ-Слово такъ обиталъ въ тѣлѣ Господа, что и въ Отцѣ былъ, и всю область неба заключилъ въ себѣ и во всѣхъ людяхъ былъ—въ нихъ и около нихъ, т. е. все проникалъ извнутри и содержалъ извнѣ. Поэтому неразумно ничтожностію маленькаго тѣла ограничивать могущество Того, Кого не объемлетъ небо: и однако же вездѣсущій былъ весь и въ Сынѣ Человѣческомъ. По самой природѣ Божественной и Слово Божіе не можетъ разсѣкаться на части и раздѣляться по мѣстамъ, но, вездѣ присутствуя, Оно вездѣ присутствуетъ всецѣло. И такъ Господь въ одно и тоже время въ продолженіи четырехдесяти дней

былъ и съ Апостолами и съ Ангелами и въ Отцѣ и въ послѣднихъ предѣлахъ моря; во всѣхъ мѣстахъ Онъ присутствовалъ: съ Ѳомою въ Индіи, съ Петромъ въ Римѣ, съ Павломъ въ Иллиріи, съ Титомъ въ Критѣ, съ Андреемъ въ Ахаіи, съ каждымъ и со всѣми Апостолами и мужами апостольскими въ каждой и во всѣхъ странахъ. Если же говорится, что Онъ кого-либо оставляетъ, то этимъ не полагается предѣла Его природѣ, но обозначаются только заслуги тѣхъ, коихъ онъ удостоиваетъ или не удостоиваетъ своего пребыванія.

56. Письмо къ Иліодору.

Умы слабые не выдерживаютъ высокихъ предметовъ размышленія и отъ самаго усилія ослабѣваютъ, напрягшись выше силъ. И чѣмъ выше предметъ, о которомъ нужно говорить, тѣмъ больше падаетъ подъ бременемъ его тотъ, кто не можетъ выразить въ словахъ величіе своего предмета. Непоціанъ мой, твой, нашъ, даже Христовъ, и потому еще болѣе нашъ, что Христовъ, — Непоціанъ покинулъ старцевъ, уязвленныхъ его любовію, и поразилъ невыносимою скорбію. Мы погребаемъ того, кого считали своимъ преемникомъ. Для кого теперь будетъ работать мой умъ? Чье удовольствіе восхитать будутъ нисѣма мой? Гдѣ тотъ *ἐρῶδιώκτης* ¹⁾ нашъ, и голосъ слаще пѣнія лебединого? Цѣпенѣтъ умъ, трепещетъ рука, темиѣтъ въ глазахъ, запинается языкъ. Что я ни скажу, все кажется беззвучнымъ, потому что онъ не слышитъ. И самый стиль какъ будто не повинуется, и воскъ болѣе стирается или покрывается ржавчиною или плѣсенью. Скольکو я ни питаюсь прорваться въ словахъ и на могилу его посѣять цвѣты эпитафій ему, — каждый разъ глаза наполняются

¹⁾ Т. е. руководитель, возбуждающій къ дѣлу.

слезами и я весь переносусь къ погребенію. Когда-то былъ обычай, что надъ трупами умершихъ въ общемъ собраніи дѣти произносили съ каеэдры похвальныя рѣчи на подобіе погребальныхъ стиховъ и этимъ возбуждали плачь и рыданіе слушающихъ. А вотъ теперь порядокъ измѣнился и къ нашему несчастію природа потеряла свои права. Что долженъ былъ дѣлать юноша въ отношеніи къ старикамъ,— это теперь дѣлаемъ мы старики въ отношеніи къ юношамъ.

Итакъ чтоже дѣлать? Плакать вмѣстѣ съ тобою? Но Апостоль запрещаетъ это, называя умершихъ христіанъ усопшими (1 Сол. 4). И Господь говоритъ въ Евангеліи: *отроковица нѣсть умерла, но спитъ* (Марк. 5, 39) и Лазарь былъ воскрешенъ, поелику спалъ (Іоан. 11). Буду веселиться и радоваться, ибо *восхищенъ бысть да не злоба измѣнитъ разумъ его, ибо угодна бѣ Господеву душа его*. Но и не смотря на сопротивленіе, невольно текутъ слезы по щекамъ, и при заповѣдяхъ добродѣтели и при надеждѣ воскресенія вѣрующей умъ сокрушается привязанностію любви. О смерть, раздѣляющая братьевъ, жестокая и неумолимая разлучница соединенныхъ любовію! Навелъ Господь знойный вѣтеръ изъ пустыни, который изсушилъ жилы твои и опустошилъ источникъ твой (Ос. 13, 15). Поглотила ты Іону, но и во чревѣ твоёмъ онъ остался живъ. Носила ты его какъ мертвеца, но для того, чтобы укротилась буря міра и наша Ниневія спаслась его проповѣдію. Онъ, онъ тебя побѣдилъ, онъ тебя связалъ,—онъ, бѣжавшій пророкъ, который оставилъ домъ свой, наслѣдіе свое и далъ возлюбленную душу свою въ руки ищущихъ ея. Онъ чрезъ Осію нѣкогда съ гнѣвомъ угрожалъ тебѣ: „буду смертію твоею, смерть, буду язвою твоею, адъ (Ос. 13, 14). Его смертію ты умерщвлена; его смертію мы живы. Ты поглотила его, и сама поглощена, и тогда какъ ты соблазнишься приманкою схваченнаго тѣла и

считаешь его добычею своею жадной пасти, внутренности твои пронзены острымъ зубомъ его.

Благодареніе тебѣ, Христе Спасителю, приносимъ мы, твореніе твое, — что своею смертію умертвилъ ты столь сильнаго врага нашего. До тебя кто былъ несчастіе челоуѣка, который, униженный страхомъ вѣчной смерти, получилъ чувство жизни для того только, чтобы умереть? Ибо *царствова смерть отъ Адама даже до Моисея и надъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адамова* (Рим. 5, 14). Если Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ во адѣ, то кто же въ царствіи небесномъ? Если други твои были подъ наказаніемъ преступника Адама, если и не согрѣшившимъ вмѣнялись чужіе грѣхи: то что нужно думать о тѣхъ, кои рекли въ сердцахъ своихъ: *нѣсть Богъ, кои растлѣша и омерзѣша въ воляхъ своихъ, кои уклонишася, вкупѣ неключими быша, нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единого* (Пс. 13, 1)? Хотя Лазарь представляется на лонѣ Авраама и въ мѣстѣ прохладномъ, но не также ли подобно оно и аду, какъ и царству небесному? До Христа Авраамъ въ аду: послѣ Христа разбойникъ въ раю. И поэтому-то при воскресеніи его, многіе тѣла усопшихъ воскресли и явились въ небесномъ Іерусалимѣ ¹⁾. И тогда исполнилось оное изреченіе: *возстани спяй и воскресни отъ мертвыхъ и осветитъ тя Христосъ* (Еф. 5, 14). Іоаннъ Креститель проповѣдуетъ въ пустынѣ:

¹⁾ Мысль о явленіи воскресшихъ святыхъ въ небесномъ, а не земномъ Іерусалимѣ принадлежитъ къ числу *частныхъ мнѣній* Іеронима, хотя отчасти раздѣляется и Оригеномъ (Comm. in 27 c. Matthei), Евсеіемъ (Demonstrat. Evang. 1. 4), Иларіемъ (Tract. in 2 Psal.) и нѣкоторыми другими. Противоположное этому православное ученіе, основанное на прямомъ смыслѣ евангельскаго повѣствованія, раздѣляется большинствомъ св. отцевъ и учителей древней церкви, Златоустомъ, Теодоритомъ, Августинномъ и др.

покайтесь, приближибось царствіе небесное. Отъ дней же Иоанна Крестителя досель царствіе небесное нудится, и нуждницы восхищаютъ е (Мѡ. 3, 2, 11). Кровію Христа погашено пламенное оружіе, бывшее стражемъ райа, и удалены херувимы, охранявшіе входъ въ него. И не удивительно, если въ воскресеніе обѣщается намъ, что всѣ мы во плоти живущіе не по плоти имѣемъ отечество на небесахъ: и здѣсь еще на землѣ возвѣщается намъ: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17. 21).

Припомни при этомъ, что до воскресенія Христа вѣдомъ былъ только въ Іудеѣ Богъ и въ Израѣли веліе имя Его (Ис. 75, 1). И самые вѣдавшіе его тѣмъ не менѣе низводились во адъ. Здѣсь тогда были люди всего свѣта, отъ Индіи до Британіи, отъ суроваго сѣвера до знойныхъ странъ Атлантическаго океана: — такое безчисленное множество и столько различныхъ народовъ было здѣсь!

„Различныхъ какъ по яыку, такъ и по правамъ, одеждѣ и оружію“ . (Aeneid.).

Они тѣснились здѣсь подобно рыбамъ и саранчѣ, или какъ мухи и мошки: ибо безъ познанія Творца своего всякій человѣкъ есть безсловесное животное. А теперь слово и письменность всѣхъ народовъ проповѣдуетъ страданіе Христа и Его воскресеніе. Не говорю о евреяхъ, грекахъ и римлянахъ, которыхъ Господь предназначилъ къ своей вѣрѣ въ надписаніи креста. О безсмертіи души и ея существованіи по разрѣшеніи отъ тѣла, — о которомъ мечталъ Цицагоръ, котораго не признавалъ Демокритъ и о которомъ разсуждалъ въ темницѣ Сократъ для своего утѣшенія при осужденіи, — о безсмертіи души теперь философствуетъ индѣецъ, персіянинъ, готѣъ, египтянинъ. Дикіе Бессы и толпы косматыхъ народовъ ¹⁾, которые нѣкогда въ жертву за умершихъ зака-

¹⁾ Разумѣются дикіе жители Дакин.

лали людей, измѣнили свои крики на тихую мелодію креста и весь міръ единогласно исповѣдуетъ Христа.

Что же намъ дѣлать, душа моя? куда обратиться? что прежде предпринять? Чего же мы молчимъ? или у тебя не стало наставленій риторовъ, и убитая горемъ, подавленная слезами, стѣсненная рыданіями, ты не сохраняешь порядка въ рѣчи? Гдѣ же приобрѣтенное съ дѣтства знакомство съ литературою и то всегда хваленое изрѣченіе Анаксагора и Телемона—я зналъ, что я родилъ смертнаго? Читаемъ Кратора, коего книгою пользовался, для утѣшенія въ своей скорби, Цицеронъ; пробѣгаемъ утѣшительныя сочиненья Платона, Диогена, Клитомаха, Карнеада, Посидонія, которые въ различные вѣка старались облегчить скорбь различныхъ лицъ или книгами или письменами,—пробѣгаемъ, чтобы и нашъ умъ, если изсякнетъ, могъ почерпнуть изъ ихъ источниковъ. Представляютъ они въ примѣръ безчисленныхъ мужей, а особенно Перикла и Ксенофонта Сократика, изъ которыхъ первый, потерявши двухъ сыновей, разсуждалъ въ народномъ собраніи съ вѣнкомъ на головѣ; а второй, когда слышалъ, во время жертвоприношенія, что сынъ его убитъ на войнѣ, говорятъ, снялъ было вѣнокъ, но возложилъ его снова на голову тотчасъ, какъ узналъ, что сынъ его умеръ, храбро сражаясь. Не стану вспоминать я о вождяхъ римскихъ, которыхъ доблестями, какъ бы нѣкоторыми звѣздами, блистаютъ страницы латинской исторіи. Пульвиллъ, извѣщенный о внезапной смерти сына въ то время, когда освящалъ Капитолій, велѣлъ похоронить его въ свое отсутствіе Луцій Павелъ вошелъ съ триумфомъ въ седмидневный промежутокъ между похоронами двоихъ сыновей. Умалчиваю о Максимыхъ, Катонахъ, Галлахъ, Пизонахъ, Брутахъ, Сцеволахъ, Метеллахъ, Скиврахъ, Маріяхъ, Крассахъ, Марцеллахъ, и Авфидіяхъ, которые высказали не меньшую доблесть

въ скорби, какъ и въ войнахъ, и которыхъ лишениа раскрылъ Туллій въ книгѣ объ утѣшеніи,—умалчиваю, чтобы не показалось, будто я подыскиваю болѣе чужое, чѣмъ свое. Ибо и это, коротко сказанное, служило бы къ поношенію нашему, если бы вѣра не превысила того, что представлено невѣріемъ.

Итакъ, перейдемъ къ своему. Не стану съ Іаковомъ и Давидомъ оплакивать сыновей, умирающихъ въ законѣ; но со Христомъ, въ евангеліи, буду принимать мертвыхъ отъ воскресенія. Плачь—іудеямъ, христіанамъ радость. *Вечеръ водворится плачь, и завтра радость* (Ис. 29, 6). *Ночь убо прейде, а день приблизися* (Рим. 13. 12). Поэтому, и умирающій Моисей оплакивается, а Іисусъ хоронится въ горѣ безъ обрядовъ погребенія и слезъ. Все, что можно сказать о сѣтованіи изъ писанія, мы коротко изложили въ той книгѣ, которою утѣшали Павлу въ Римѣ. Теперь намъ итти къ той же цѣли, но другимъ путемъ, чтобы не толчѣся по истертому и избитому слѣду.

Мы знаемъ, что Непоціанъ нашъ со Христомъ, и причтенный къ ликамъ святыхъ, тамъ вблизи созерцая то, что здѣсь старался вмѣстѣ съ нами вывѣдывать издали и къ чему приходилъ умозаключеніемъ, говорить: *якоже слышашомъ, тако и видѣхомъ во градѣ Господа силъ, во градѣ Бога нашего* (Ис. 47, 9): но все же мы не можемъ свыкнуться съ мыслию объ отсутствіи его, скорбля не объ его, а о собственной участи. Чѣмъ онъ счастливѣе, тѣмъ болѣе скорбимъ мы, что лишены такого блага. Плакали и о Лазарѣ сестры его, хотя знали, что онъ имѣеть воскреснуть. И самъ Спаситель, чтобы выразить истинныя человѣческія чувства, оплакивалъ того, кого имѣлъ воскресить (Іоан. 11). Равно и апостоль его, сказавшій: *желаю разрышиться и со Христомъ быти* (Филпп 1, 23), и въ иномъ мѣстѣ: *мнѣ*

еже жити Христосъ, и еже умрети приобретение есть (тамъ же ст. 21), благодарить, что Епафродитъ возвращенъ изъ устъ смерти и ему не приложилась печаль на печаль (Фил. ш. 2, 27),—не изъ страха, свойственнаго невѣрью, а изъ привязанности, свойственной любви. Не болѣе ли естественно тебѣ, дядѣ и епископу, отцу и по плоти и по духу, скорбѣть и стонать о потерянной и какъ бы оторванной отъ тебя утробѣ твоей? Но умоляю, будь умѣренъ въ скорби, помни эту истину: ничего чрезмѣрнаго; обвязавъ поскорѣе рану, выслушай похвальное слово тому, чья добродѣтель всегда тебя радовала, и не скорби, что потерялъ такого, а радуйся, что такого имѣлъ. Какъ тѣ, которые на маломъ листѣ очерчиваютъ положеніе цѣлыхъ странъ, такъ, увидишь ты, и въ этомъ небольшомъ свиткѣ набросали мы только тѣни, а не выразительные образы добродѣтелей; но прими отъ насъ не то, что мы были въ состояніи сдѣлать, а то, что хотѣли.

У риторовъ поставлено правиломъ начинать рѣчь воспоминаніемъ о предкахъ того, кого должно восхвалять, и о дѣлахъ ихъ, и потомъ постепенно переходить къ нему самому; это съ той цѣлю, чтобы дѣдовскія и отцовскія доблести дѣлали его еще знаменитѣе, и видно было, что онъ или не былъ вырождкомъ, если они были добрые, или самъ украсилъ ихъ, если были посредственны. Я же, въ похвальномъ словѣ душѣ, не стану говорить о благахъ плоти, которыя презиралъ и самъ хвалимый; и не стану тщеславиться родомъ, т. е. благами чужими: такъ какъ святые мужи, Авраамъ и Исаакъ, родили грѣшныхъ, Измаила и Исава (Быт. 16 и 25), и напротивъ, Іеѳай, котораго апостоль называлъ, исчисляя праведныхъ, былъ рожденъ блудницею (Евр. 11, 32, Суд. 11, 1). *Душа*, сказано, *яже согрѣшитъ, та умретъ* (Езек. 18, 4); итакъ живетъ та, которая не

согрѣшила. Ни добродѣтели, ни пороки отцевъ не вмѣняются дѣтѣмъ. Съ того времени подлежимъ суду, когда возродились во Христѣ. Павелъ, гонитель церкви, въ утро жизни волкъ хищникъ, Веніаминъ (Быт. 49, 27), на вечеръ далъ пищу, склоняя голову предъ овцею—Ананією (Дѣян. 9). Такъ будемъ представлять себѣ, что и Непоціанъ нашъ, какъ бы плачущій ребенокъ и отрокъ несмысленный, неожиданно для насъ рождается отъ Іордана.

Иной на моемъ мѣстѣ, можетъ быть, описалъ бы, какъ ты для спасенія его оставилъ Востокъ и пустыню, меня, дорогаго товарища своего, льстилъ надеждою, что возвратишься, какъ скоро устроишь судьбу вдовы сестры съ малюткою, если это окажется возможнымъ, а если бы она отвергла совѣтъ твой, по крайней мѣрѣ—судьбу дорогаго племянника. Это былъ онъ самый, о которомъ предсказывалъ я тебѣ: повиснетъ малютка племянникъ на твоей шеѣ. Разказалъ бы, говорю, другой, какъ въ придворной службѣ, подъ хламидою и блистающимъ бѣлизною льномъ, тѣло его терла власяница; какъ, предстоя властямъ міра, раскрывалъ онъ уста, блѣдныя отъ поста; какъ подъ одеждою одного воинствоваль онъ другому, и носилъ это достоинство съ единственною цѣлю—помогать вдовамъ, сиротамъ, угнетеннымъ и несчастнымъ. Я не люблю этихъ отсрочекъ въ служеніи Богу, носящихъ характеръ несовершенства. О центуріонѣ Корниліѣ какъ скоро читаю, что онъ былъ праведенъ, тотчасъ же узнаю, что онъ былъ и крещенъ.

Но отдадимъ справедливость и этимъ какъ бы начаткамъ раждающейся вѣры; тотъ, кто подъ чужими знаменами былъ преданнымъ воиномъ, долженъ быть увѣнчанъ лаврами, скоро сталъ служить своему царю. Отложивъ воинскій поясъ и перемѣнивъ одежду, онъ расточилъ на бѣдныхъ все, что прибрѣлъ военною службою. Ибо онъ читалъ:

кто хочет *совершенно быти*, пусть продасть все, что имѣеть, и дать *нищимъ*, и идти *вслѣдъ мене* (Мат. 19, 21). И еще: *не можете двѣма господинома работати, Богу и мамонѣ* (Мат. 6, 24). Исключая дешеваго исподняго платья и такого же верхняго, которое, служа покровомъ для тѣла, защищало бы отъ холода, онъ не оставилъ для себя ничего. Любя лично опрятность, по обычаю провинціальному, онъ не выдавался ни особенною чистотою, ни неряшествомъ. Постоянно горѣлъ онъ желаніемъ итти въ монастырь Египта, или посѣтить сонмы Месопотаміи, или, по крайней мѣрѣ, уединиться въ пустыняхъ острововъ Далматіи, отдѣленныхъ отъ него лишь альтинскимъ проливомъ; но онъ не смѣлъ оставить дядю, видя въ немъ столько примѣровъ добродѣтелей, имѣя дома у кого поучиться. Въ одномъ и томъ же лицѣ онъ подражалъ монаху и читилъ епископа. Съ нимъ не случилось того, что бываетъ со многими: постоянное обращеніе съ дядею не привело къ фамиллярности, а фамиллярность къ пренебреженію имъ; онъ такъ уважалъ его, какъ уважалъ бы отца, такъ удивлялся ему, какъ бы находилъ его каждый день новымъ. Чего больше? Онъ былъ блирикомъ, и обыкновеннымъ порядкомъ рукоположенъ въ пресвитера. Исусе благій! какъ онъ грустилъ, какъ плакалъ, лишалъ себя пищи, убогалъ отъ взора всѣхъ! То былъ единственный и единственный случай, когда онъ навлекъ на себя гнѣвъ дяди. Онъ жаловался, что не поспламъ его, и ссылался на несообразность священства съ юношескимъ возрастомъ. Но чѣмъ болѣе, тѣмъ сильнѣе возбуждалъ въ отношеніи къ его избранію общія усилія, и казался заслуживающимъ уже потому, что не хотѣлъ быть; тѣмъ самымъ становился достойнѣе, что вопіялъ о своемъ недостойнствѣ. Въ немъ былъ Тимоѳей нашего времени, сѣдой по мудрости; въ немъ былъ избрастъ въ пресвитера Моисеемъ тотъ, кого онъ

самъ считалъ за пресвитера. И такъ, считая званіе клирика не честію, а бременемъ, онъ прежде всего старался возторжествовать надъ завистію смиреніемъ, а послѣ уже о томъ, чтобы не подать никакого повода къ соблазнительнымъ, на свой счетъ, сплетнямъ, дабы злословіе, находившее пищу въ его возрастѣ, останавливалось передъ воздержаніемъ. Онъ помогалъ бѣднымъ, навѣщалъ больныхъ, принималъ странныхъ, облегчалъ ласковостію, радовался съ радующимися, плакалъ съ плачущими. Онъ былъ для слѣпыхъ посохомъ, для голодныхъ пищею, для бѣдныхъ надеждою, для плачущихъ утѣшеніемъ. Онъ такъ былъ совершенъ въ каждой добродѣтели отдѣльно, какъ будто не имѣлъ другихъ. Между пресвитерами и сверстниками онъ былъ первымъ въ трудѣ и послѣднимъ въ чести (*in ordine*). Все, что ни дѣлалъ добраго, относилъ къ дядѣ. Но если что случилось иначе, чѣмъ онъ предполагалъ, онъ говорилъ, что дядя не зналъ, что это онъ ошибся. Въ обществѣ относился къ нему, какъ къ епископу, дома—какъ отцу. Строгость своихъ нравовъ смягчалъ веселостію лица. Въ смѣхѣ его слышалась веселость, а не хохоть. Дѣвъ и вдовицъ Христовыхъ онъ почиталъ какъ матерей, увѣщавалъ, какъ сестеръ, со всякимъ цѣломудріемъ. А послѣ того, какъ возвращался домой и оставивши клирика за порогомъ дома, предавался подвигамъ монашескимъ, учащая молитвы и предаваясь бдѣніямъ, онъ приносилъ Богу слезы, которыхъ не лилъ передъ людьми; по образу погонщика, обуздывалъ себя постомъ, соразмѣряя его съ усталостію и силами тѣлесными. Обѣдалъ онъ у дяди, и что ни предлагалось, откушивалъ, чтобы и суетвѣрія избѣжать, и воздержаніе сохранить. Во время стола, онъ говорилъ все что либо отъ писаній, охотно выслушивалъ, скромно отвѣчалъ, справедливое принималъ, неправое отвергалъ безъ рѣзкости, спорившаго съ

нимъ старался болѣе научить, чѣмъ побѣдить. И съ благородною добросовѣстностію, украшавшею возрастъ его, онъ откровенно сознавался, что кому принадлежало; и такимъ образомъ отклонялъ отъ себя славу учености, хотя на дѣлѣ былъ ученѣйшимъ. Это, говаривалъ онъ, Тертулліана, это—Кипріана; то—Лактанція, а это—Гиларія; такъ сказалъ Минугій Феликсъ, такъ Викторинъ, въ такомъ смыслѣ—Арнобій. Иногда приводилъ и мои слова, такъ какъ любилъ меня за дружественныя отношенія къ дядѣ. Безпрестаннымъ чтеніемъ и долговременнымъ размышленіемъ онъ обратилъ свой умъ въ бібліотеку Христову.

Сколько разъ своими письмами изъ-за моря умолялъ онъ меня написать что либо къ нему! Сколько разъ напоминалъ онъ мнѣ почнаго просителя евангельскаго (Лук. 11, 5—8) и вдовицу, докучницу жестокаго судьи (Лук. 18, 2—5)! И когда я отказывалъ болѣе молчаніемъ, чѣмъ письмами, и застѣнчивостію молчащаго подбавлялъ застѣнчивости просящему, онъ противопоставилъ мнѣ въ качествѣ просителя дядю, который и свободнѣе могъ просить за другого, и, по уваженію къ священству его, легче могъ выпросить. Я исполнилъ, наконецъ, желаніе его, и въ короткой книжицѣ предалъ наши дружескія отношенія вѣчной памяти. Получивъ ее, онъ хвалился, что превзошелъ по имуществу Креза и по богатствамъ—Дарія. Ею были запяты его глаза, его руки, его пазуха, его уста. Часто перелистывалъ онъ ее въ постелѣ, и не разъ дорогая страница падала на грудь уснувшаго. А если заходилъ кто изъ страшниковъ или друзей, онъ восхищался нашимъ о немъ свидѣтельствомъ. И когда встрѣчалъ въ сочипеньицѣ что либо неудовлетворительное, онъ взвѣшивалъ читанное, нарочито отличая и разнообразя произношеніе, чтобы по самому чтенію видно было, что ему нравится и что не нравится. Откуда, если не

изъ любви Божественной, эта горячность? Откуда неутомимое размышленіе о законѣ Христовомъ, если не изъ влеченія къ тому, кто далъ его? Другіе прибавляютъ къ монетѣ монету, и богатства, разрывающія мѣшки, собираютъ на угожденіе жеманамъ (они были бы болѣе богаты монахами, чѣмъ мірянами; служа бѣдному Христу, они владѣли бы такими богатствами, какихъ не имѣли, служа діаволу богатому; и церковь вздыхаетъ о тѣхъ богатыхъ, которыхъ міръ предпочитаетъ нищимъ); нашъ Непоціанъ, попирая золото, гонится за клочками писанной бумаги. Но насколько пренебрегаетъ онъ собою по плоти и украшается бѣдностію, настолько заботится о возможно-лучшемъ украшеніи церкви.

То, о чемъ мы имѣемъ говорить, не такъ значительно сравнительно съ сказаннымъ; но и въ маломъ высказывается тотъ же духъ. Какъ Творцу мы удивляемся не только въ небесахъ, не только въ землѣ, солнцѣ, океанѣ, слонахъ, верблюдахъ, коняхъ, быкахъ, барсахъ, медвѣдяхъ, львахъ, но и въ малыхъ животныхъ, въ муравьѣ, комарѣ, мухѣ, червяхъ, и тому подобныхъ, извѣстныхъ намъ болѣе по своему виду, чѣмъ по имени, и во всѣхъ ихъ благоговѣемъ предъ одною и тою же мудростію: такъ и умъ, преданный Христу, внимателемъ одинаково и къ большому и къ маленькому, зная, что даже за праздное слово долженъ будетъ отдать отчетъ. Онъ заботился и о томъ, твердо ли стоитъ олтарь, не закоптились ли стѣны, чисты ли полы, надзираетъ ли привратникъ за дверьми (паружными), всегда ли завѣсы на дверяхъ (внутреннихъ), чисто ли святилище, горятъ ли блескомъ сосуды; на все, относящееся къ Богослуженію, простиралась его благочестивая заботливость; не пренебрегалъ онъ ни меньшею, ни большею обязанностію. Въ церкви встрѣтилъ бы его всюду, куда ни обратился бы глаза. Древность удивляется благородному мужу Квинту Фабію, который извѣстенъ и какъ писатель римской

исторіи, но который составилъ себѣ имя болѣе живописью, чѣмъ литературою. И нашего Веселіла писаніе называетъ исполненнымъ мудрости и духа Божія, равно и Хирама, сына жены тирской: потому что первый устроилъ внутреннія принадлежности скиніи, а послѣдній—храма (Исх. 31; и 3 Цар. 7). Какъ тучныя пивы и плодородныя поля даютъ и роскошную солому, не только колосья: такъ блестяція дарованія и умъ, исполненный талантовъ, проявляются въ умѣнни взятыя за все. Поэтому и у грековъ славится тотъ философъ ¹⁾, который хвалился, что все, служившее къ его употребленію, до мантии и кольца, было сдѣлано его собственными руками. Тоже самое можемъ сказать о немъ (Цепоціанѣ), который церковныя базилики и молитвенныя дома, посвященныя памяти мучениковъ, разрисовалъ подъ тѣнь различныхъ цвѣтовъ, древесныхъ листьевъ и виноградныхъ лозъ: такъ что все, чѣмъ любовались въ церкви, своимъ расположеніемъ и внѣшнимъ видомъ обязано было труду и заботливости пресвитера.

Что же, добродѣтель! таково было твое начало; каковъ же будетъ конецъ? О жалкое человѣческое состояніе и тщета всей жизни нашей безъ Христа! Что ты измѣняешь, что вдаешься въ околичности, рѣчь моя? Какъ будто мы можемъ отсрочить смерть его и сдѣлать его жизнь болѣе продолжительною, что такъ боимся договорить до конца. *Всяка плоть сьно, и всяка слава чловѣтка яко цвѣтъ травный* (Исаи 40, 6). Гдѣ теперь это прекрасное лице, гдѣ эта величественная наружность всего тѣла, которою, какъ бы пѣкотою прекрасною одеждою, была облечена красота душевная? Увы, лилія увяла отъ дуновенія вѣтра полуденнаго, и пурпуръ фіалки непримѣтно смѣнился блѣдностію. Въ жару лихорадки, когда внутренній огонь изсушалъ источники крови, едва дыша, онъ утѣшалъ печальнаго дѣда. Лицо его было

¹⁾ Иппій (См. *Cirer. de Oratore* 3).

весело, и когда всё вокруг плакали, онъ одинъ улыбался. Вотъ онъ сбросилъ мантию, распростеръ руки, видитъ то, чего не видѣли другіе, и, какъ бы выпрямившись для встрѣчи, привѣтствуетъ проходящихъ... Не умеръ это онъ, а переселился; перемѣнилъ друзей, а не оставилъ ихъ. Катятся по лицу слезы, и твердостью душевною я не могу прикрыть той скорби, которая терзаетъ меня. Кто повѣритъ, что въ такое время онъ вспомнилъ о нашей нуждѣ, и въ борьбѣ душевной услаждался наукою? Взявши дядю за руку, онъ сказалъ: эту туннику, которую я употреблялъ въ служеніи Христовомъ, отошли моему возлюбленнѣйшему, по возрасту отцу, по сонму (къ которому принадлежалъ) брату, и всю ту привязанность, которою долженъ былъ пользоваться я у тебя, перенеси на него, котораго любилъ ты наравнѣ со мною. И онъ умеръ съ этими словами, держа дядю за руку, вспоминая обо мнѣ.

Знаю, что ты не хотѣлъ бы получать доказательства расположенія къ тебѣ гражданъ въ такихъ именно обстоятельствахъ, а желалъ бы видѣть любовь соотечей болѣе въ счастіи. Но подобнаго рода заявленія въ счастливыхъ обстоятельствахъ принимаются съ бѣльшимъ удовольствіемъ, а въ несчастныхъ съ бѣльшею благодарностію. Его оплакалъ весь городъ, вся Италія. Тѣло приняла земля, а душа возвратилась ко Христу. Ты искалъ племянника, церковь—священника. Преемникъ твой опередилъ тебя. Чѣмъ былъ ты, тѣмъ, по общему суду, заслуживалъ онъ быть послѣ тебя. Изъ одного дома вышло, такимъ образомъ, два первосвященника; только одинъ вызвалъ благодарность за то, что отправлялъ служеніе, а другой—скорбь, что не отправлялъ, потому что былъ похищенъ смертію. Извѣстна мысль Платона (Федонъ), что вся жизнь мудрыхъ есть размышленіе о смерти. Философы хвалятъ и до небесъ превозносятъ это изреченіе. Но гораз-

до сильнѣе говорить апостоль: *по вся дни умираю* для славы вашей (1 Кор. 15, 31). Иное—намѣреніе, иное—дѣло; иное—жить, имѣя умереть, иное—умирать, имѣя жить. Тотъ намѣренъ умереть изъ-за славы; этотъ умираетъ постоянно для славы. И мы, поэтому, должны размышлять о томъ, чѣмъ нѣкогда имѣемъ быть,—о томъ, что, хотимъ или не хотимъ, прійти не замедлить. Если бы мы перешли и за девять сотъ лѣтъ жизни, какъ жилъ родъ человѣческой до потопа, и намъ данъ былъ вѣкъ Маѳусаила,—и тогда долгое прошедшее было бы ничтожно, какъ скоро перестало бы быть. Ибо, и для того, кто прожилъ десять лѣтъ, и для того, кто—тысячу, одинаково (ничтожно) все прожитое, какъ скоро для обоихъ насталь тотъ же конецъ жизни и необходимость неотвратимой смерти; развѣ только старецъ отходить съ болѣе тяжкимъ бременемъ грѣховъ.

Счастливѣйшій возрастъ для смертныхъ несчастныхъ
первымъ уходитъ;

Подходятъ болѣзни, угрюмая старость и скорбь,

И все похищаетъ безжалостной смерти жестокость
(Вир. Георг. к. 3).

Поэтъ Певій говоритъ: „смертному неизбѣжно терпѣть много бѣдствій“. Почему древность и представляетъ Ниобею превращенною въ камень и въ разныхъ звѣрей за то, что много плакала. И Гезіодъ, ошлавивающій дни рожденія людей, радуется при ихъ погребеніи; а Епній очень разумно говоритъ: „въ одномъ случаѣ чернь стоитъ выше царя: черни можно плакать, а царю не позволяетъ достоинство“.

Какъ царю, такъ и епископу, даже епископу больше, чѣмъ царю. Тотъ управляетъ противъ желанія, этотъ по желанію; тотъ подчиняетъ себя страхомъ, господство этого основано на покорности; тотъ охраняетъ тѣла для смерти, этотъ сохраняетъ души для жизни. На тебя устремлены гла-

за всѣхъ; твой домъ и твое обращеніе, какъ бы поставленныя на вершинѣ горы, служатъ образцемъ для общественной жизни. Чтобы ты ни сдѣлалъ, это всѣ считаютъ для себя обязанностію дѣлать. Берегись, чтобы ты не сдѣлалъ ничего такого, что по справедливости казалось бы осуждаемымъ тѣми, которые вздумали бы порицать, или что принуждены были бы оставить тѣ, которые рѣшились бы подражать. Побѣждай, сколько можешь, даже болѣе, чѣмъ можешь, слабость своего духа, и останови обильно текущія слезы, чтобы высокая любовь, въ отношеніи къ племяннику, не была сочтена умами невѣрными за отчаяніе, въ отношеніи къ Богу. Онъ долженъ быть вождельнымъ для тебя какъ отсутствующій, а не какъ умершій; чтобы казалось, что ты ожидаешь, а не потерялъ его.

Но что я дѣлаю? Врачую скорбь, успокоенную уже, какъ думаю, и временемъ и размышленіемъ, а не разверну передъ тобою картину подобныхъ же несчастій царей и бѣдствій нашего времени, чтобы показать, что не столько нужно оплакивать того, кто лишился этой жизни, сколько нужно радоваться за того, кто избѣжалъ столькихъ золъ! Констанцій, покровитель арианской ереси, умираетъ въ деревенькѣ Мопсѣ въ то время, когда готовится противъ врага и, гнѣвный, спѣшить къ сраженію, — умираетъ, оставляя съ глубокою скорбію власть врагу. Юліанъ, предатель собственной души и поругатель (jugulator) воинства христіанскаго, узнаетъ въ Мидіи того Христа, котораго прежде отвергъ въ Галліи; въ то время, когда хочетъ раздвинуть еще болѣе предѣлы римскіе, теряетъ и прежде раздвинутые. Іовіанъ, едва вкусивши царственныхъ благъ, погибъ, удушанный угольнымъ чадомъ, показывая всѣмъ, что такое могущество. Валентиніанъ умеръ, когда была опустошена его родина, умеръ, оставивъ неотмщенную свою отчизну. Братъ его Валентъ,

потерпѣвъ пораженіе въ готской войнѣ во Фригіи, Фригію же имѣлъ мѣстомъ смерти и погребенія. Граціанъ, послѣ измѣны войска, отвергнутый и городами, къ которымъ подходилъ онъ, былъ посмѣшищемъ для врага своего, и твои стѣны, Лугдунъ (Лионъ), остаются свидѣтелями жестокости людской! Валентиніанъ, юноша и почти отрокъ, послѣ бѣгства, послѣ ссылки, послѣ возвращенія власти цѣною множества крови, былъ убитъ вблизи города, свидѣтеля братней смерти, и бездушный трупъ его былъ опозоренъ висѣлицею. Что сказать о Проконіѣ, Максимѣ, Евгениѣ, которые, пока были всесильны, были грозою народовъ? Всѣ они плѣнные стояли предъ лицомъ побѣдителей и (что для нѣкогда могущественнѣйшихъ верхъ бѣдствія) были поражены безчестіемъ рабства прежде, чѣмъ мечемъ вражескимъ.

Ктонибудь скажетъ: такова уже судьба царей, „и молніи поражаютъ тѣ горы, которыя наиболѣе возвышенны (Гор. Од. X, 2)“. Перейду къ низшимъ чинамъ; не буду даже я говорить о тѣхъ, которые умирали въ послѣднее двухлѣтіе, и, чтобы не говорить о другихъ, опишу различный конецъ трехъ недавно консульскихъ мужей. Бѣдный Абунданцій сосланъ въ Питіунтъ. Голову Руффина носили на копѣѣ по Константинополю, а отсѣченная правая рука его, въ поруганіе ненасытимаго корыстолюбія, просила по воротамъ милостыни. Тимазій, свергнутый внезапно въ высочайшей степени достоинства, считаетъ себя спасшимся, что живетъ въ безславіи, въ Ассахъ. Останавливаю вниманіе не на бѣдствіяхъ несчастныхъ, а на непрочности людскаго благосостоянія. Духъ ужасается исчислять бѣдствія нашего времени. Въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ ежедневно льется римская кровь между Константинополемъ и юлійскими Альпами. Скиѣю, Македонію, Дарданію, Дакію, Тессалію, Ахаію, Епиръ, Далматію и Паннонію опустошаютъ, раззоряютъ, грабятъ Го-

ты, Сарматы, Квады, Алапы, Гунны. Сколько благородныхъ женъ, сколько дѣвъ Божіихъ, сколько честныхъ и благородныхъ тѣлъ было предметомъ поруганія для этихъ дикихъ звѣрей! Епископы въ плѣну; пресвитеры преданы смерти; таже участь постигла и разныхъ степеней клириковъ. Церкви раззорены; къ олтарямъ, какъ къ стойламъ, поставлены кони; останки мучениковъ вырты... „Всюду плачь, рыданіе, и многоликая смерть (Вирг. Энеид. 2)“. Римскій міръ разрушается, а упрямая шея наша не гнется! Что, думаешь ты, на душѣ теперь у Коринѳянъ, Аѳинянъ, Лакедемонянъ, Аркадцевъ и всей Греціи, которыми повелѣваютъ варвары? А между тѣмъ, я назвалъ только немногіе города, составлявшіе пѣкогда не малыя царства. Востокъ казался безопаснымъ отъ этихъ бѣдствій; его тревожили только доходившія до него вѣсти. Но вотъ, въ прошедшемъ году, посланы и на насъ изъ-за крайнихъ горъ Кавказа волки не Аравіи уже, а сѣвера, и быстро прошли множество провинцій. Сколько плѣнено монастырей! Сколько рѣкъ перемѣнили воды свои на потоки крови человѣческой. Осадѣ подвержена была Антіохія и прочіе города, лежащіе на берегахъ Галиса, Цидна, Оропта и Евфрата. Уведены цѣлыя толпы плѣнныхъ; навелъ ужасъ на Аравію, Фипикію, Палестину, Египеть..

„Не могъ бы я, хоть бы имѣлъ и сотню устъ,
И сотню языковъ, желѣзній голосъ...

Не могъ бы перечислить всѣ названья казней“.

(Вирг. 6 Энеид.).

Я и предполагалъ не исторію писать, а коротко оплакать наши бѣдствія. Иначе, для вѣрнаго изображенія бѣдствій, были бы нѣмы и Оукидидъ и Саллюстій.

Счастливъ Непоціанъ, что не видитъ этого; счастливъ, что объ этомъ не слышитъ. Несчастны мы, которые или сами испытываемъ, или видимъ братьевъ нашихъ испытываю-

щими это, а все еще хотимъ жить, и тѣхъ, которые избѣгаютъ этого, считаемъ достойными болѣе плача, чѣмъ блаженными! Издавна чувствуемъ мы гнѣвъ Бога, но не умоляемъ Его. Нашими грѣхами сильны варвары; и какъ бы этихъ поражений было еще мало, междоусобная война истребила почти болѣе, чѣмъ мечъ вражескій. Несчастны израильтяне, по сравненію съ которыми Навуходносоръ называется рабомъ Божиимъ (Иерем. 25, 9). Несчастны мы, такъ неугодные Богу, что Онъ изливаетъ на насъ гнѣвъ свой чрезъ пораженія отъ варваровъ. Творилъ покаяніе Езекия, и сто восемьдесятъ пять тысячъ Ассиріянъ въ одну ночь было истреблено однимъ ангеломъ (4 Цар. 19, 35). Воспѣваль хвалы Богу Юсафатъ, и Господь поборалъ за хвалившаго (2 Парал. 20). Моисей сражался съ Амаликомъ не мечемъ, а молитвою (Исх. 17, 11). Подвергнемся, если хотимъ быть возвышены. О стыдъ и безразсудство, крайнее до невѣроятія! Римское войско, покорившее власти своей всю вселенную, терпитъ пораженія, боится, приходитъ въ ужасъ при видѣ тѣхъ, когорые не въ состояніи ходить, считаютъ себя погибшими, если коснутся земли ¹⁾. И мы все еще не уразумѣмъ словъ пророка: *отъ гласа единая побѣднута тысяща* (Ис. 30, 17)? Не отсѣкаемъ причинъ болѣзни, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ была уничтожена самая болѣзнь; иначе мы тотчасъ увидѣли бы, что стрѣлы уступаютъ дротикамъ, тіары шлемамъ, и вьючныя лошади боевымъ конямъ ²⁾.

Въ утѣшеніи мы превзошли мѣру, и возбрация оплакивать одного, оплакали мертвыхъ цѣлаго міра. Ксерксъ, тотъ могущественнѣйшій царь, который срывалъ горы, устилалъ (мостами)

¹⁾ Иронія,—касающаяся Гунновъ. Имѣя тяжелую, неудобную обувь, они не могли свободно ходить (Amn. Marcell. lib. 3, c. 2).

²⁾ Стрѣлы, тіары и вьючныя лошади (caballus)—вооруженіе варваровъ; дротики, шлемы и боевые кони (equus)—римлянъ. Иеронимъ хочетъ сказать, что плохо вооруженное варварское войско стало бы снова терпѣть поражение со стороны прекрасно вооруженныхъ римлянъ, если бы римскій народъ излечился отъ своей нравственной болѣзни.

моря, когда съ возвышеннаго мѣста увидѣлъ безпредѣльныя толпы людей и безчисленное войско, заплакалъ, говорить, при мысли, что спустя сто лѣтъ не останется въ живыхъ никого изъ тѣхъ, кого онъ тогда видѣлъ. О если бы и мы могли подняться на такую высоту, откуда увидѣли бы подъ ногами нашими всю вселенную! Я показалъ бы тебѣ развалины цѣлаго міра, народы, разбитые объ народы и царства объ царства, — однихъ, подверженныхъ пыткамъ, другихъ — убиваемыхъ, этихъ поглощаемыхъ волнами, тѣхъ влекомыхъ въ рабство, — здѣсь свадебный пиръ, тамъ рыданіе, — эгихъ раждающихся, тѣхъ умирающихъ, — однихъ изобилующихъ богатствами, иныхъ, просящихъ милостыню; я показалъ бы тебѣ не Ксерксово только войско, а людей цѣлаго міра, которые нынѣ живы, а въ скоромъ времени имѣють умереть всѣ... Величіе предмета скывываетъ уста, и все нами сказанное ничтожно.

Итакъ, возвратимся къ самимъ себѣ, и какъ бы, спускаясь съ неба, посмотримъ мелькомъ на свое Примѣчаешь ли ты, скажи, сдѣлай милость, когда сдѣлался дитятею, когда отрокомъ, когда юношею, когда мужемъ зрѣлаго возраста, когда старикомъ? Ежедневно мы умираемъ, ежедневно измѣняемся: а считаемъ себя вѣчными! То самое, что я диктую, что пишется, что перечитываю, что исправляю, то самое уже уносится изъ моей жизни. Сколько точекъ писца, столько потерь изъ моего времени. Пишемъ и отписываемся, переплываютъ письма моря, и когда корабль разсѣкаетъ воды, съ каждою волною убавляются минуты нашей жизни. Одно имѣемъ утѣшеніе, что соединяемся любовію Христовою. *Любы долготерпитъ, милосердствуетъ; любы не завидуетъ, ни безчинствуетъ, не гордится; вся покрываетъ, всему въпру еметъ, вся уповаеъ, вся терпитъ; любы николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 4. 5, 7. 8). Она всегда живетъ въ сердцѣ; по ней Неподіанъ нашъ и въ отсутствіи присутъ; она и раздѣленныхъ такими пространствами

людей заключаетъ во взаимныя объятія. Во взаимной любви мы имѣемъ заложника. Соединимся духомъ, сплетемся любовью, и той твердости душевной, какую показалъ блаженный папа Хромадій при успеніи брата, будемъ подражать при успеніи сына. Пусть воспѣваетъ его каждая страничка наша, пусть звучать имъ всѣ буквы. Кого не могли мы удержать тѣлесно, — удержимъ въ воспоминаніи; и съ кѣмъ не можемъ разговаривать, о томъ не перестанемъ говорить.

57. Письмо къ Вигиланцію.

Будетъ совершенно въ порядкѣ вещей, если тебя несколько не удовлетворитъ письмо, послѣ того, какъ ты не повѣрилъ собственнымъ ушамъ: ты не можешь положиться на клочекъ бумаги, если не довѣрилъ живой рѣчи. Но Христосъ показалъ намъ на Собѣ примѣръ величайшаго смиренія въ лобзаніи предателю и въ принятіи покаянія отъ разбойника съ креста; и я шипу отсутствующему тоже, что говорилъ и присутствующему, — что я также читалъ или читаю Оригена, какъ Аполлинарія или другихъ писателей, которыхъ книги не вполне принимаетъ церковь. Я не хочу сказать этимъ, что все, что ни содержится въ ихъ книгахъ, должно быть осуждаемо; но признаюсь, что нѣчто должно быть порицаемо. Такова уже цѣль моихъ трудовъ и занятій, что я читаю многихъ, чтобы изъ многихъ собирать различныя цѣлты, не столько имѣя въ виду одобрять все, сколько выбирать, что встрѣтится доброе; беру въ свои руки многихъ, чтобы отъ многихъ узпать многое, сообразно тому, что написано: все читая, *добрая держите* (1 Солун. 5, 20). Поэтому, я очень удивляюсь, что ты хотѣлъ укорить меня въ догматахъ Оригена, котораго заблужденій, по многимъ пунктамъ, ты не знаешь еще и въ такомъ возрастѣ Я еретикъ? А отъ чего же, спрашиваю, не любятъ меня еретики? Ты православный? но если ты, сдѣлавшій

допосъ на меня даже вопреки собственнаго убѣжденія и своихъ словъ, сдѣлалъ его по принужденію,—то ты перемѣтчикъ; а если добровольно,—еретикъ. Ты покинулъ Египеть, оставилъ всѣ тѣ провинціи, въ которыхъ многіе съ полною свободою стоятъ за твое ученіе, и избралъ для своихъ нападсній меня, который порицаю и гласно осуждаю всѣ догматы, противныя церкви.

Оригенъ—еретикъ. Какое же это имѣеть отношеніе ко мнѣ, когорый не отрицаю, что онъ еретикъ во многомъ? Онъ впалъ въ заблужденіе въ ученіи о воскресеніи тѣлъ; заблуждался въ ученіи о состояніи душъ, о покаяніи діавола, и что еще важнѣе—въ толкованіяхъ на Исаію доказывалъ, что Сынъ Божій и Духъ Св. суть серафимы. Я былъ бы сообщникомъ его заблужденія, еслибы не сказалъ, что онъ заблуждался, и не анаѳематствовалъ всего этого постоянно. Ибо мы не такъ должны брать его хорошее, чтобы вынуждены были принимать вмѣстѣ съ тѣмъ и дурное. Но во многихъ отношеніяхъ онъ хорошо истолковалъ писанія, выяснилъ темныя мѣста пророковъ, раскрылъ величайшія таинства какъ новаго, такъ и ветхаго завѣтовъ. Поэтому, если я перевелъ его хорошее, а дурное обрѣзалъ, или исправилъ, или опустилъ,—заслуживаю ли я порицаніе за то, что латиняне, благодаря мнѣ, имѣють его доброе и не знаютъ дурнаго? Если это преступленіе, то долженъ быть обвиняемъ и Гиларій исповѣдникъ, переведшій изъ его книгъ, т. е. съ греческаго на латинскій, толкованіе на псалмы и бесѣды на Іова. Виповатъ будетъ въ томъ же исповѣдникъ верцелленскій Евсевій, переведшій на нашъ языкъ толкованія на всѣ псалмы еретика (Евсевія кесарійскаго), хотя, оставляя еретическое, онъ перевелъ то, что было самымъ лучшимъ. Умалчиваю о Викторинѣ пиктавійскомъ и о другихъ, которые слѣдовали Оригену и выжимали изъ него, только при изъясненіи писаній,—чтобы не показалось, будто я не столько защищаюсь, сколько подыскиваю

сообщниковъ въ преступленіи. Обращусь къ тебѣ лично: зачѣмъ ты держишь у себя переписанными его трактаты на Іова, трактаты, въ которыхъ онъ, разсуждая о діаволѣ, звѣздахъ и небѣ, высказалъ нѣчто такое, что не принимаетъ церковь? Только тебѣ τὸ σοφώτατο κρανίω (умнѣйшей головѣ) можно произносить приговоръ обо всѣхъ, какъ греческихъ, такъ и латинскихъ писателяхъ, и какъ бы цензурскою палочкою однихъ выбрасывать изъ библіотекъ, другихъ принимать, и, когда забрагоразсудится, объявлять меча или православнымъ, или еретикомъ; а мы не можемъ отвергать превратное и осуждать, что часто осуждали? Прочитай книги на посланіе къ Ёфессеямъ, прочитай другія мои сочиненія, особенно—толкованія на Екклезіаста; ты ясно увидишь, что я, отъ молодыхъ лѣтъ, никогда не пугался ничьего авторитета, и никогда не принималъ на-вѣру кривыхъ еретическихъ толковъ.

Не пустая вещь—знать: чего не знаешь? свойство благо-разумнаго человѣка—знать свою мѣру, чтобы, возбуждившись діавольскою ревностію, не засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ свѣтомъ своего невѣжества. Такъ вотъ ты хочешь порисоваться и хвастаешь на своей родинѣ, будто я не въ состояніи помѣряться съ твоимъ краснорѣчіемъ и страшусь твоей кризипповской колкости. Христіанская скромность удерживаетъ меня, и для язвительной рѣчи я не хочу дать убѣжища въ моей кельѣ. Иначе я вывелъ бы на чистую воду *πᾶσαν τὴν ἀρίστην σοφὴν καὶ τροπαίωφориαν* (всѣ знаменитыя дѣла твои и пышность триумфовъ). Говоря какъ христіанинъ съ христіаниномъ, я умоляю тебя, братъ, не стараться мудрствовать больше, чѣмъ насколько имѣешь разумъ, чтобы ты не обнаружилъ стилемъ своей неопытности, или простоты, или даже того, о чемъ умалчиваю и что поймутъ другіе, хотя и самъ ты будешь понимать, и не вызвай всеобщаго хохота своими пелѣностями. Одному и тому же человѣку не дано быть знатокомъ и въ золотыхъ монетахъ,

и въ писаніяхъ, — имѣть вкусъ въ винахъ и понимать пророковъ или апостоловъ. Порицаешь меня; святаго брата Оксана обвиняешь въ ереси; не нравится тебѣ образъ мыслей пресвитеровъ Випцентія и Павлиніана и брата Евсевія. — Ты одинъ Катонъ краснорѣчивѣйшій изъ римлянъ, полагающійся только на свой глазъ и мудрость! Вспомни, прошу тебя, тотъ день, когда я проповѣдывалъ о воскресеніи и дѣйствительности тѣла; ты подлѣ меня подпрыгивалъ тогда, и рукоплескалъ, и топалъ ногами, и кричалъ, что я прославленъ. А когда началъ плавать и гниль со дна корабля проникла до внутреннѣйшаго мозга твоего, тогда ты призналъ насъ еретиками! Что съ тобою дѣлать? Я повѣрилъ письму святаго пресвитера Павлина, и не думалъ, чтобы его отзывъ о твоёмъ лицѣ былъ ошибоченъ. Правда, я тотчасъ по полученіи письма замѣтилъ твою рѣчь *ἀσομαρτητον* ¹⁾, но предполагалъ въ тебѣ болѣе застѣнчивость и простоту, чѣмъ глупость. Я и не укоряю святаго мужа за то, что онъ лучше хотѣлъ скрыть отъ меня то, что зналъ, чѣмъ въ своемъ письмѣ осуждать покровительствуемаго имъ подателя письма. Но я обвиняю себя самого, что довѣрился болѣе чужому, чѣмъ собственному сужденію, и когда глазами видѣлъ одно, повѣрилъ въ запискѣ другому, не тому, что видѣлъ.

Оставь нападать на меня и заваливать своими книгами. Пощади по крайней мѣрѣ свои деньги, за которыя панимаешь писцевъ и книгопродавцевъ, которыя издерживаешь на писателей и благопріятелей, быть можетъ потому и хвалящихъ тебя, что видятъ прибыль въ твоёмъ писательствѣ. Если хочешь упражнять умъ, предайся грамматикѣ и реторикѣ, изучи діалектику, займись системами философскими; когда все изучишь, станешь, по крайней мѣрѣ, молчать. Впрочемъ, я дѣлаю глупо,

¹⁾ Несообразную, несоотвѣтствующую, т. е. , тому отзыву, какой давъ былъ о Виплянціѣ въ письмѣ.

что ницу учителей всеобщему учителю, и стараюсь указать границы тому, кто не умѣетъ говорить, и не можетъ молчать. Справедлива извѣстная поговорка у грековъ: *ἔνω λόρα* (ослу—лира). Я думалъ, что и имя дано тебѣ *κλτ' ἀντίφρασιν*¹⁾. Ибо ты дремлешь всѣмъ своимъ умомъ и глубоко уснулъ не столько простымъ сномъ, сколько летаргіею. Между другими хулами, какія высказали твои святотатственные уста, ты осмѣлился сказать, что гора, отъ которой, по Даніилу, былъ отсѣченъ безъ помощи рукъ камень, — дiаволь; а камень—Христось, какъ принявшій тѣло отъ Адама, который чрезъ грѣхи свои вошелъ въ союзъ съ дiаволомъ, и родившійся отъ Дѣвы, чтобы отдѣлить человѣка отъ горы, т. е. отъ дiавола. О, языкъ, заслуживающій быть отрѣзаннымъ и разорваннымъ на части и куски! Представляетъ ли какой либо христіанинъ Бога Отца всемогущаго въ лицѣ дiавола, и такимъ преступленіемъ оскверняетъ ли слухъ всего міра? Если кто либо, не скажу изъ православныхъ, но изъ еретиковъ или язычниковъ допустилъ когда-либо такое толкованіе, —сказанное тобою было бы еще извинительно. Но если церковь никогда еще не слышала такого нечестія, и твоими устами въ первый разъ истолковалъ себя горою тотъ, кто сказалъ: *буду подобенъ Вышнему* (Ис. 14, 14): то твори покаяніе, облекись во вретнице и прахъ, омывай такое злодѣяніе непрестанными слезами, и (если только такое нечестіе отпустится тебѣ) соотвѣтственно съ заблужденіемъ Оригена, тогда получишь прощеніе, когда имѣешь получить его, и дiаволь, который никогда не былъ пойманъ въ большемъ злословіи, какъ чрезъ твои уста. Обиду, нанесенную мнѣ, я перенесъ терпѣливо. Нечестія, въ отношеніи къ Богу, я перенести не могъ. Отъ этого, въ концѣ письма и рѣшился пи-

¹⁾ Т. е. по противоположенію. *Vigilantius*—отъ *vigilo*,—бодрствовать, не спать, —бдительный, неусыпающій.

сать болѣе колько, чѣмъ обѣщать; такъ какъ было бы глупо, если бы послѣ раскаянія, которымъ ты вымолилъ бы прощенье у меня, тебѣ нужно было въ другой разъ начинать его. Да подастъ тебѣ Христосъ, чтобы ты слушалъ и молчалъ, понималъ и, понимая, говорилъ.

58. Письмо къ Транквиллину.

Узы духовныя крѣпче тѣлесныхъ. Если мы сомнѣвались въ этомъ прежде, то доказали это теперь, когда и твоя святость соединена со мною духомъ, и я сопрягаюсь съ тобою любовію Христовою. Откровенно и безъ околичностей говорю я твоему искреннему сердцу; самая бумага и пѣрые знаки письма дышатъ твоимъ душевнымъ расположеніемъ къ намъ.

Ты говоришь, что многіе увлечены заблужденіемъ Оригена, а святой сынъ мой Оксанъ оспариваетъ ихъ безуміе. Скорблю объ этомъ и вмѣстѣ радуюсь, — скорблю, что смоткнулись простаки, — радуюсь, что помогаетъ заблуждающимъ мужъ ученый. Ты желаешь знать мнѣше моего смиренія: должно ли его отвергнуть совершенно, какъ думаетъ ораторъ Фавстинъ, или читать отчасти, какъ думаютъ нѣкоторые? Я съ своей стороны думаю, что Оригена, ради учености его, должно читать такъ, какъ Тертуллиана, Цовата, Арнобія, Аполлинарія и нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ писателей, какъ греческихъ, такъ и латинскихъ, — читать, чтобы выбирать ихъ доброе и беречься дурнаго, но апостолу, который говоритъ: *вся искушающе, добрая держите* (1 Сол. 5, 20) А тѣ, которые увлекутся своимъ развращеннымъ вкусомъ или до чрезмѣрной любви къ нему, или до ненависти, тѣ, по моему мнѣнію, подлежатъ извѣстному пророческому проклятію: *горе глаголющимъ лукавое доброе, и доброе лукавое, полагаящимъ горькое сладкое и сладкое горькое* (Ис. 5, 20). Ибо какъ неправые догматы не должны быть принимаемы ради того, что суть его ученіе, такъ и изъ-за неправоты дог-

маговъ не должны быть совершенно отвергаемы издавными имъ изъясненія на священное писаніе, если какія изъ нихъ полезны. Что же касается спора, который завязали между собою любители и порицатели его, въ которомъ они не допускаютъ ничего средняго, не соблюдаютъ никакой умѣренности, а или одобряютъ или отвергаютъ все цѣлкомъ: то я изберу охотнѣе скромную застѣнчивость, чѣмъ ученую хулу. Святой братъ Таціанъ, дѣаконъ, много разъ тебѣ кланяется.

59. Письмо къ Теофилу.

Блаженнѣйшему папѣ Теофилу Иеронимъ.

Твое блаженство помнитъ, что когда ты съ нами молчалъ, я никогда не позволялъ себѣ нарушать своею рѣчью должнаго къ тебѣ уваженія; и разсуждалъ не о томъ, что ты дѣлалъ тогда по управленію, а о томъ, что мнѣ слѣдовало дѣлать. Теперь, получивши отъ твоей чести письмо, я вижу, что мнѣ принесло нѣкоторую пользу чтеніе евангелія. Ибо если часто повторяемая просьба жены побудила суроваго судью рѣшить дѣло (Лук. 18, 5): то не тѣмъ ли болѣе усердная докучливость смягчаетъ отеческое сердце?

Благодаримъ тебя, что напоминаешь намъ церковныя правила: *его же бо любитъ Господь, наказуетъ; бьетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ* (Евр. 12, 6). Но я знаю также, что самое древнее для насъ правило—соблюдать законы Христовы, не преступать предѣлы, положенныя отцами, и помнить вѣру римскую, засвидѣтельствованную устами апостольскими, соучастіемъ въ исповѣданіи которой хвалится александрійская церковь.

То, что ты высказываешь большое терпѣніе въ отношеніи къ нечестной ереси (*ориеніанской*) и думаешь исправить еретиковъ своею кротостію, пока они находятся въ нѣдрахъ церковныхъ,—не нравится многимъ святымъ. Берегись, что-

бы пока будешь ждать покаянія немногихъ, ты не даль ни-
щи дерзости развратителей, и чтобы крамола не сдѣлалась
болѣе упорною. Да поможетъ тебѣ Христосъ.

60. Письмо къ Фабіолѣ.

о бѣ одеждѣ священнической.

При чтеніи ветхаго завета, и донывѣ покрывало ле-
жить на лицѣ Моисея (2 Кор. 3, 15). Онъ говоритъ съ ли-
цомъ прославленнымъ, и народъ не въ состояніи перенести
славы говорящаго (Исх. 34, 29—35). Но какъ скоро мы
обратимся къ Господу, завѣса спадастъ, отжившая буква
умираетъ, животворящій духъ воскресаетъ. Ибо Господь есть
духъ, и законъ духовенъ. Отсюда и Давидъ молился въ псал-
мѣ: *открый очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего*
(Пс. 118, 18). *Еда о воляхъ радить Богъ* (1 Кор. 9, 9)?
Рѣшительно нѣтъ. Тѣмъ менѣе радить Онъ о печени тель-
ца, овна и козловъ, о десномъ рамѣ, о груди и чревѣ, от-
дѣляющемъ пометъ, изъ коихъ два получаютъ въ пищу, а
третье удостоился получить въ награду Финеесъ. Тукъ, по-
крывающій грудь, и перепонка печени, отъ жертвъ спасенія,
приносятся на алтарь; а самая грудь и правое пле-
чо даются Аарону и сыновьямъ его *законно вѣчно отъ сы-
новъ израилевыхъ* (Лев. 7). Смыслъ—въ сердцѣ; обиталище
сердца—въ груди. Спрашивается, гдѣ мѣстопребываніе ду-
ши? Платонъ полагаетъ его въ мозгу; Христосъ—въ сердцѣ:
блаженни чисти сероцемъ, яко тѣмъ Бога узрятъ; и еще: *отъ*
сердца исходятъ помысленія злая; и еще: *всюю вы мыслите*
лукавая въ сердцахъ своихъ (Мтѣ. 5, 8; 15, 18; 9, 4). Чув-
ствованіе и вождѣніе, по мнѣнію занимающихся естествен-
ными науками, имѣютъ пребываніе въ печени. Перепонку по-
слѣдней, развивающуюся въ разныя стороны и теряющуюся
въ отверстіяхъ глазныхъ, священники приносятъ Богу, чтобы,

сказавши Богу самымъ дѣломъ: *всесожженіе Твое тучно буди* (Ис. 19, 4), и сожегши огнемъ духовнымъ вождельніе, питомникъ похоти, удостоились они получить въ награду грудь и плечо. Съ грудью (удостоились получить)—чистыя помышленія, познаніе закона, истинность догматовъ; съ плечомъ—добрыя дѣла, вражду противъ діавола, вооруженную руку, чтобы то, что уразумѣють умомъ, доказали примѣромъ. Ибо Іисусъ началъ *творити и учити* (Дѣян. 1. 1). И самая грудинка называется ἐπίθεμα, т. е. *прибавленіе* или *преимущественное, превосходное*; такъ какъ theupho выражаетъ тоже самое въ высшей степени. Сообразно съ этимъ мы понимаемъ изреченіе Малахіи: *устны іеревовы сохраняютъ разумъ, и закона възвуть отъ устъ Его* (Мал. 2, 7). Самымъ главнымъ въ священникахъ должно быть пониманіе закона и ученія, а добавленіемъ благодати духовной и образуется такой мужъ, который можетъ и *противящяся обличити* (неправыхъ, дурныхъ) дѣлъ, доводящихъ до ада, но будетъ имѣть плечо правое и отдѣленное, чтобы всѣ люди отличали дѣла священника, также какъ и качества его. Это сказано нами о жертвахъ,—о томъ, что приносятся на оltарь и что дается отъ Господа священникамъ.

Но кромѣ начатковъ жертвъ, какъ отъ частнаго хозяйства, такъ и отъ общественнаго рынка, гдѣ дѣло идетъ не о религіи, а о потребностяхъ жизни, священникамъ представляются и другія три части: плечо, челюсть и желудокъ. О плечѣ мы уже сказали. Челюсть означаетъ краснорѣчиваго и ученаго, чтобы воспринятое сердцемъ мы высказали устами. Желудокъ, вмѣстилище пищи, пронзенный ножомъ священническимъ въ блудницѣ Мадіанитянкѣ (Чис. 25, 6—8), опошляетъ въ пометѣ всѣ труды человѣческіе и минутныя наслажденія горла, и умамъ, посвященнымъ Богу, даетъ видѣть, что все, о чемъ мы ни заботимся, что ни пожираемъ,

будеть выброшено въ отхожее мѣсто. Поэтому и апостоль говоритъ: *брашно чреву и чрево брашнамъ; Богъ же и сіе и сія утразднитъ* (1 Кор. 6, 13). И напротивъ, о живущихъ въ роскоши: *имже Богъ чрево и слава въ студѣ ихъ* (Фил. 3, 19). Прахъ тельца, которому поклонялся Израиль, въ поруганіе суетвѣрія, народъ получилъ въ питье (Исх. 32, 20), чтобы научился презирать то, что видѣлъ извергаемымъ въ отхожее мѣсто. Предписывается священникамъ, чтобы предъ служеніемъ въ храмѣ они не пили вина и сикера (Лев. 10, 9), не отягчили сердце своихъ пьянствомъ и похмѣльемъ и заботами объ этой жизни (Лук. 21, 34), и чтобы не имѣли на землѣ другой части, кромѣ единого Бога (Числ. 18, 20). Предписывается также, чтобы они не были отмѣчены никакою слабостію: ни обрѣзанными ушами, ни поврежденнымъ глазомъ, вздернутыми ноздрями, хромою ногою, ни испорченнымъ цвѣтомъ кожи; что все ставится въ отношеніе къ порокамъ душевнымъ (Лев. 21, 17—20). Ибо въ человѣкѣ подлежить осужденію не природа его, а воля. Кто изъ священниковъ сѣмя излилъ, тому запрещалось приступать къ священнической трапезѣ (Лев. 22, 4); и напротивъ, вдова, у которой, какъ у Сарры, не было женскаго, берется обратно въ домъ отца ради воздержанія и чистоты, и питается отъ сокровищницы храма (Лев. 22, 13). Но если она имѣла дѣтей, отдается своему племени, чтобы, по апостолу, тѣмъ доставлялось пропитаніе, которыя суть *истинныя вдовицы* (1 Тим. 5, 3), и чтобы пользующаяся священническимъ содержаніемъ не занималась ничѣмъ постороннимъ. Сосѣдь и наемникъ не допускаютъ къ столу священника; рабы пользуются остатками пици (Лев. 22, 10. 11). Уже въ то время отвергались Фигель и Гермогенъ (2 Тим. 1, 15), и былъ принимаемъ Описимъ. Начатки снѣдей, всѣхъ произведеній земли и плодовъ древесныхъ приносятся первосвященнику,

чтобы онъ, имѣя пищу и одежду, обезпеченный и свободный, служилъ Господу безъ всякаго затрудненія. Отъ животныхъ чистыхъ священники получаютъ первородное, отъ нечистыхъ— его цѣну. Выкупаются и первенцы человѣческіе, и такъ какъ условія рожденія одни и тѣже для всѣхъ, цѣна платится одинаковая, такъ умѣренная и небольшая, что и богачъ не раздражится, и бѣднякъ не будетъ отягощенъ чрезъ мѣру. Блюстители и привратники храма получаютъ десятину, и въ свою очередь десятую часть десятины отдаютъ священникамъ (Числ. 18), какъ настолько низшіе ихъ, насколько сами выше народа. Для жилища левитовъ и священниковъ было отведено сорокъ восемь городовъ; шесть изъ числа ихъ, по одну и по другую сторону Іордана, было выбрано для убѣжища; срокомъ ссылки была смерть первосвященника (Числ. 35). Все, что сказано нами въ краткомъ и бѣгломъ очеркѣ и таинственного смысла чего я только коснулся, но не выяснилъ, все это относится ко всѣмъ вообще священникамъ; какія преимущества были предоставлены первосвященникамъ, объ этомъ коротко буду говорить.

Главы своей, сказано, *да не открываетъ* (Лев. 31, 10). Онъ имѣетъ кидаръ и имя Бога носить на челѣ своемъ, имѣетъ совершенный возрастъ Христовъ и долженъ быть всегда покрытъ его славою (Исх 28, 2). Одеждъ своихъ не разрываетъ, потому что онѣ чистыя и неоскверненныя, потому что агничія и сдѣланныя изъ овечьей волны. Тамаръ разорвала одежду, но когда потеряла цѣломудріе. Каиафа растерзалъ ризы свои предъ народомъ, но когда потерялъ священство. *Ко всякой души умершей да не придетъ* (Лев. 21, 11). Гдѣ есть грѣхъ, и въ грѣхѣ смерть, туда первосвященникъ не входитъ. Та душа умираетъ, которая согрѣшила (Езек. 18, 4). Еслибы извѣстный человѣкъ былъ и богатымъ, и могущественъ, и много приносилъ жертвъ, по если

онъ умеръ, первосвященникъ не прикасается къ нему, не смотритъ на него. Но если онъ воскреснетъ, если на зовъ (Спасителя выйдетъ изъ гроба и разрѣшится отъ узъ грѣховныхъ, первосвященникъ войдетъ къ нему, будетъ имѣть пребываніе у него и повечеряетъ съ воскресшимъ (Іоан. 11 и 12)

Надъ отцемъ своимъ и надъ матерію своею да не осквернится (Лев. 21, 11). Любовь заставляетъ насъ дѣлать многое; а между тѣмъ, когда мы озираемся на родство по тѣлу (Лук. 9, 61. 62), оскорбляемъ Творца и души и тѣла *Иже любитъ отца или мать паче Христа, нѣсть Его достоинъ* (Матѳ 10, 27). Когда ученикъ хотѣлъ итти для погребенія отца, ему запрещено было это повелѣніемъ Спасителя. Сколько монаховъ погубило свои души, сожалѣя объ отцѣ и матери! Намъ не позволительно оскверниться надъ отцемъ и матерію;—тѣмъ болѣе надъ братомъ, сестрами, двоюродными сестрами по матери, надъ домашними, надъ служанками¹⁾. Мы—родъ царскій и священническій Будемъ послушны тому отцу, который никогда не умираетъ за насъ—будучи живъ, сталъ мертвъ для того, чтобы насъ мертвыхъ оживотворить. Если въ насъ есть что либо египетское, такое, что князь міра можетъ признать своимъ,—когда станетъ удерживать насъ египтянка, оставимъ ей это и съ плащемъ (Быт 39). Завернувшись въ синдонъ²⁾, слѣдовалъ юноша за святымъ Господомъ (Марк. 14, 51); онъ попался бы въ западню, если бы не ускользнулъ отъ нападенія, благодаря своему проворству и паготѣ. Воздадимъ родителямъ должное имъ, какъ родите-

¹⁾ То, что говоритъ здѣсь бл. Иеронимъ объ отношеніяхъ семейныхъ, находится въ довольно рѣзкомъ противорѣчій съ извѣстнымъ изрѣченіемъ апостола: *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, впрѣ отвергся есть и нехристанъ горшій есть* (Тим. 5, 8), и должно быть отнесено къ тѣмъ же крайностямъ въ его воззрѣніяхъ, о какихъ замѣчено въ жизнеописаніи, на стр. XX.

²⁾ Синдонъ—родъ легкой верхней одежды изъ тонкаго полотна, уногъ еблывшейся въ Египтѣ и Азіи. Въ славянской библии переводится—плащаница.

лямъ, то только—если они живы, если славу свою полагаютъ въ томъ, что дѣти предпочли имъ служеніе Господу.

И отъ святыхъ да не изыдетъ, и да не осквернитъ имени святаго Бога своего (Лев. 21, 12). И за праздное слово имѣемъ мы отдать отчетъ; и все, что не служить къ назиданію слушающихъ, обращается въ опасность для говорящихъ. Если и сдѣлаю или скажу что либо достойное осужденія,—исхожу отъ святыхъ и оскверняю имя Христа, въ которомъ полагаю свою надежду: то тѣмъ болѣе первосвященникъ и епископъ, которому подобаешь быть безъ порока (Тит. 1, 7), и такъ добродѣтельнымъ, чтобы всегда пребывалъ во святыхъ и былъ готовъ приносить жертвы за народъ, какъ посредникъ между людьми и Богомъ, устами святыми совершающій плоть агнчу: *яко святой елей Бога его на немъ* (Лев. 21, 12). Отъ святого да не исходитъ, да не осквернитъ одежды, въ которую облаченъ. Насколько мы крестились во Христа,—во Христа облеклись (Гал. 3, 17). Сохранимъ одежду, которую получили, сбережемъ ее святою въ святомъ. Тотъ житель горъ, который шелъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ, сперва былъ обнаженъ и потомъ уже израненъ. Возливается на него масло, врачевство мягкое, растворенное милосердіемъ; но такъ какъ ему слѣдовало испытать мученіе за небрежность,—уязвляется острою виномъ (Лук. 10, 30 и д.). Это для того, чтобы масло призывало его къ покаянію, а вино давало чувствовать строгость Судіи.

Жену двѣхъ да пойметъ; вдовицы же, и изманныя, и блудницы да не пойметъ, но двѣцихъ отъ племени своего; и да не осквернитъ стѣмени своего въ людехъ. Азъ Господь Богъ освящающій его (Лев. 21, 13—15). Знаю, что подъ первосвященникомъ, которому даются въ настоящемъ разѣ заповѣди, многіе понимаютъ Христа, и то, что сказано: *надъ отцемъ и надъ матерію да не осквернится*, толкуютъ о дѣвственномъ

зачатіи Маріи. Дѣйствительно, гораздо естественнѣе толковать все это въ отношеніи въ лицу Господа: къ Нему обращены слова псалма: *ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Пс. 109, 4), и у Захаріи: *послушай Иисуса, іерею великій* (Зах. 3, 8); и на Него возложены грязныя одежды грѣховъ нашихъ, да получить славу, которую имѣлъ у Отца прежде, чѣмъ былъ міръ.

Но чтобы кто не подумалъ, будто я искажаю писаніе и такъ люблю Христа, что посягаю на истину историческую, я буду толковать о членахъ то, что относится къ главѣ, буду понимать о рабахъ то, что исполняется на Господѣ (хотя слава Господа—слава рабовъ); и гдѣ представится удобный случай, такъ буду говорить объ истинномъ свѣтѣ, чтобы это относилось къ тѣмъ, которымъ Христосъ далъ, да свѣтъ будутъ. Тотъ первосвященникъ, который изображенъ въ рѣчи Моисея, не беретъ въ жены вдову, отпущенницу и блудницу. Вдова та, которой мужъ умеръ. Отпущенница та, которая изгоняется живымъ мужемъ. Блудница—которая доступна похоти многихъ. Но *да пойметъ, сказано, въ жену дѣвицу отъ племени своего*,— не чужеродную, чтобы плоды благородныхъ сѣменъ не переродились на другой почвѣ, не блудницу, потому что она благосклонна ко многимъ любовницамъ,—не отпущеницу, потому что она была недостойною даже перваго супружества,—не вдову, чтобы не воспоминала прежнихъ наслажденій; но такую душу, которая не имѣетъ ни пятна, ни морщины, которая возродилась со Христомъ, обновляется съ каждымъ днемъ, о которой говоритъ апостоль: *обручилъ бо васъ единому мужу дѣву чисту представить Христови* (Кор. 11, 2). Не хочу, чтобы ученица—супруга первосвященника имѣла что либо отъ ветхаго человѣка. Если воскресли со Христомъ, будемъ мудрствовать о вышнемъ (Кол. 3, 1). Забудемъ прошлое, будемъ жаждавать будущаго. Несчастный Симонъ! Онъ былъ недостойнъ

раздѣлить жребій Петра за то, что послѣ крещенія помышлялъ о древнемъ бракѣ и не возвысился до чистоты дѣвства.

Ты просила меня въ своемъ письмѣ, Фабіола, чтобы я написалъ тебѣ о священствѣ и объ одеждахъ Аарона. Я сдѣлалъ больше, прибавилъ маленькое предисловіе о пицѣ и начаткахъ священническихъ и объ образѣ поведенія первосвященника. Вышедши изъ Содома и сиѣша въ горы, ты не останавливался на жительство въ городѣ Сигорѣ¹⁾. Обходя прозелитовъ, ты опускаешь израильтянъ, оставляя степень левитовъ и, быстролетнымъ перомъ перелетая священниковъ, ты останавливаешься на первосвященникѣ. Но пока ты прилежно изучаешь его одежды и *умное*²⁾ груди его, ты не хочешь быть нашею соучастницею. И ты пользуешься желанною свободою, и вблизи Вавилона, быть можетъ, вздыхаешь о вилеемскихъ поляхъ. А мы, на Евфратѣ, возвративши наконецъ миръ, слышимъ дитя, плачущее въ ясляхъ, и желали бы, чтобы до твоихъ ушей дошли его жалобы и плачь.

Въ книгѣ Исходъ упоминаются: скипія, трапеза, свѣтильникъ, алтарь, колонны, покровы, червленица, виссонъ, гіацинтъ, багряница, различные сосуды изъ золота, серебра, мѣди, — скипія, раздѣленная на три части, двѣнадцать хлѣбовъ, полагаемые на трапезѣ еженедѣльно, въ свѣтильникѣ семь свѣтилъ, алтарь съ жертвами и всесожеженіями, чаши, кружки, кадильницы, фіалы, ступки, колочки, красныя кожи, козья шерсть и негнѣющее дерево. Такое и столькое приносится Богу въ скиніи для того, чтобы никто не былъ лишенъ надежды на спасеніе. Одинъ пусть представитъ золото чувствъ, другой — сере-

¹⁾ Быт. гл. 9 бл. Иеронимъ въ намекахъ говоритъ Фабіолѣ, что она уже далеко ушла по пути ко Христу, когда, оставшись вдовою (вышедши изъ Содома), не захотѣла вступить во второй бракъ (Сигорѣ). Далѣе, въ подобныхъ же намекахъ, онъ приглашаетъ ее въ пустыню вилеемскую.

²⁾ Родъ первосвященнической одежды, о которой будетъ сказано ниже.

бро рѣчи, иной—голосъ мѣди. Въ таинствѣ скиини отображается весь міръ. Первое и второе преддверіе открыто для всѣхъ. Это потому, что вода и земля даны всѣмъ смертнымъ; а къ святому святыхъ, какъ въ область эфира и къ небу, имѣютъ доступъ и полеть только немногіе. Двѣнадцать хлѣбовъ означаютъ кругъ двѣнадцати мѣсяцевъ. Семь свѣтилъ—семь блуждающихъ звѣздъ (*планетъ*). Но чтобы быть короче (такъ какъ моею задачею не было—писать тецерь о скиини), я перейду къ одеждамъ священническимъ, и прежде чѣмъ стану изслѣдовать таинственный смыслъ, изложу просто, что писано объ нихъ съ точки зрѣнія іудейской; и уже потомъ, когда ты увидишь священника одѣтымъ и явится онъ предъ твоими глазами во всемъ своемъ украшеніи, мы изъяснимъ смыслъ каждой изъ одеждъ. Изучимъ сперва одежды общія какъ священникамъ, такъ и первосвященникамъ.

Льняное исподнее платье, доходящее до колѣнъ, скрываетъ тайные члены, и верхнею частью тщательно завязывается на нижней части живота. Это для того, чтобы не открылось тайное, если они (священники) даже упадутъ и откроютъ бедра въ то время, когда съ поснѣпностію закаляютъ жертвы, тянутъ быковъ и ошновъ, носятъ тяжести и отправляютъ свои служебныя обязанности. Поэтому, запрещалось строить и ступени къ алтарю, чтобы внизу стоящій народъ не видѣлъ тайно восходящихъ по нимъ. Этотъ родъ одежды по еврейски называется *machase*, по гречески—*περισκέλλη*, по нашему—*feminalia* или *bracae*, простирающіяся до колѣнъ. Иосифъ рассказываетъ (въ его время храмъ еще существовалъ; Веспасіанъ и Титъ еще не разрушали Іерусалима; самъ же онъ былъ рода священническаго; а что видишь собственными глазами, несравненно понятнѣе того, о чемъ узнаешь по слуху), что это исподнее платье ткалось, для крѣпости, изъ сученаго льна, потомъ кроилось

и спивалось иглою: потому что тканьемъ его сдѣлать было нельзя.

Другая льняная одежда — *подѣрѣтѣ*, т.е. простирающаяся до пятокъ, дѣлалась изъ двухъ кусковъ льнянаго полотна (почему и эту Иосифъ называетъ полотняною) и называлась *chotonath*, т.е. *χετων*, что съ еврейскаго языка переводится — льняная. Эта одежда надѣвается на тѣло; она такъ узка и съ такими тѣсными рукавами, что на ней совершенно нѣтъ никакой складки; она спускается до голеней. Чтобы быть понятнѣе читателю, я хочу воспользоваться простонароднымъ оборотомъ рѣчи. Воины имѣють обыкновеніе носить льняныя — какъ называютъ ихъ — камизіи, такъ приспособленныя къ членамъ и тѣсно прилегающія къ тѣлу, чтобы посящіе ихъ сохраняли проворство въ бѣгѣ, и въ сраженіи, и тогда, когда бросаютъ дротикъ, управляютъ щитомъ, дѣйствуютъ мечемъ, и при всякихъ другихъ неизбѣжныхъ случайностяхъ. Слѣдовательно, если и священники, приготовляясь къ божественному служенію, употребляютъ эту одежду, то употребляютъ для того, чтобы и быть прилично одѣтыми и послѣдовать всюду со скоростію пагихъ.

Третій родъ одежды есть тотъ, который они (евреи) называютъ *abanet* и который мы можемъ назвать *singulum*, или *balteum*, или *zona*¹⁾. Вавилоняне называютъ его новымъ именемъ — *hemian*. Приводимъ различныя названія съ тою цѣлю, чтобы кто нибудь не ошибся въ предметѣ. Этоть поясъ, на подобіе кожи змѣи, сбросившей съ себя старость, такъ спитъ кругомъ, что можно принять его за длинный мѣшокъ. При тканьи его, для красоты и крѣпости, утокъ употреблялся червленый, багряный, гіацинтовый, а основа нитяная; а самое

1) *Singulum* — поясъ, который носили преимущественно замужнія женщины: *zona* — поясъ, отличавшій дѣвицъ; *balteum* — перевязь, на которой у воиновъ висѣлъ мечъ.

тканье производилось съ такимъ искусствомъ, что различные цвѣты и распускающіяся почки ихъ можно было принять не за вытканныя художественною рукою, а за панитыя. Этимъ поясомъ, имѣвшимъ въ ширину четыре пальца, стягивали ту одежду, о которой мы говорили выше, между нижнею частію живота и грудью; и такъ какъ одинъ конецъ его висѣлъ до голени, то когда нужно было приступить къ жертвоприношенію и отправленію дѣлъ, конецъ этотъ отбрасывался на лѣвое плечо.

Четвертый родъ одежды—круглая шапочка, въ какой изображаютъ Улисса; это какъ бы часть сферы, разсѣченной пополамъ, наложенная на голову. Греки и наши называютъ ее *τιάρα*, нѣкоторые—*galeum*,¹⁾ евреи—*misphereth*. Она не имѣла остроконечной верхушки и не покрывала всей головы и волосъ, но оставляла открытою третью часть со лба, и такъ связывалась лентою на затылкѣ, что не легко могла упасть съ головы. Она была полотняная, и куски полотна спивались такъ искусно, что спаружи нельзя было замѣтить никакихъ слѣдовъ иглы.

Эти четыре одежды, т.е. исподнее платье, льняная одежда, поясъ, тканый изъ пурпура, червленицы, льна и гіацинта, и шапку, о которой мы только что сказали, употребляли какъ священники, такъ и первосвященники. Остальныя четыре составляютъ исключительную принадлежность первосвященника. Первая изъ нихъ есть *mail*, т. е. одежда долгая, вся гіацинтовая, съ пришитыми съ боковъ рукавами того же цвѣта; а въ верхней части, которою надѣвается на шею, имѣющая отверстие, называемое на простонародномъ языкѣ—*capitium*, съ об-

¹⁾ *Τιάρα*, *tiara*—родъ шапки (или головного убора), употреблявшійся у парянъ, армянъ и персовъ, ее надѣвали на голову такъ, что лобъ и волосы надъ лбомъ оставались открытыми. *Galeum*—мѣховая шапка, которую носили римскіе крестьяне и охотники. Формою своею она напоминаетъ малороссійскую мѣховую шапку, съ совершенно округленнымъ верхомъ.

шивкою изъ самой прочной ткани, чтобы не легко рвалась. На нижней части, т.е. у погъ, привѣшены семьдесятъ два колокольчика и столько же гранатовыхъ яблокъ, сплетенныхъ изъ тѣхъ же цвѣтовъ, какіе употреблялись на поясъ. Между двумя колокольчиками было одно яблоко; между двумя яблоками одинъ колокольчикъ: такъ что они перемѣжались взаимно. Причина на это указывается: колокольчики привѣшены къ одеждѣ для того, чтобы когда входилъ первосвященникъ въ святое святихъ, онъ входилъ весь звѣняцій; иначе тотчасъ бы умеръ, еслибы этого не сдѣлалъ.

Шестая одежда по еврейски называемая *ephod*; семьдесятъ называютъ ее *ἐπιώρα*, т.е. парамникъ (*superhumergule*); Аквила—*ἐπέωρα*. Мы будемъ называть *ephod* употребительнымъ у насъ именемъ, и будемъ помнить, что всюду, гдѣ въ книгѣ Исходъ и Левитъ читается парамникъ, у евреевъ стоитъ *ephod*. Эта одежда также первосвященническая, и я помню, что писалъ въ одномъ письмѣ (къ Марцеллѣ, 28), да и все писаніе свидѣтельствуеть, что это было пѣчто священное, приличное однимъ первосвященникамъ. То не объ ней идетъ дѣло, когда въ первой книгѣ Царствъ пишется, что Самуилъ, бывший левитомъ, еще въ дѣтскомъ возрастѣ имѣлъ *ephod bad*, т.е. *льняной парамникъ* (1 Цар. 2, 18), и когда говорится также о Давидѣ, что и онъ носилъ ее предъ ковчегомъ. Ибо иное пошить ефудъ, сотканный изъ четырехъ вышесказанныхъ цвѣтовъ, т.е. гіацинтоваго, льпяпаго, червленнаго, багряпаго, и золота, иное—простой, льняной по подобію священниковъ. Золотыя пластинки, т.е. листы, растягиваются до чрезвычайной тонкости; нарѣзанныя изъ нихъ нити сучатся съ уткомъ изъ трехъ цвѣтовъ, гіацинта, червленницы и пурпура, и съ нитяною основою; такимъ образомъ получается небольшая спанча, красоты удивительной, также ослѣпляющая глаза блескомъ, какъ кара-

каллы ¹⁾, только безъ капишоновъ. На груди такой ткани не было; тамъ было оставлено мѣсто для *умнаго*. На каждомъ плечѣ одежда эта имѣетъ по одному камню, обдѣланному въ золото; по еврейски они называются *soom*, у Аквилы, Симмаха и Осодотіона—ониксами, у семидесяти переводятся смарагдами; Иосифъ, согласно съ еврейскимъ и Аквилю, называетъ сардониксами, чтобы обозначить или цвѣтъ камней, или ихъ родину. На каждомъ камнѣ было по шести именъ патріарховъ, соотвѣтственно дѣленію израильскаго народа. На правомъ плечѣ написаны старшіе сыновья Иакова, на лѣвомъ—младшіе; это для того, чтобы первосвященникъ, входя въ святое святыхъ, носилъ на плечахъ своихъ имена народа, за котораго имѣлъ молиться Господу.

Седьмая одежда—по размѣрамъ маленькая, по священнѣйшая всѣхъ вышесказанныхъ. Удвой, прошу, вниманіе, чтобы понять, что будетъ сказано. По еврейски она называется *hosen*, по гречески *λοισον*, мы можемъ назвать *умное* (*rationale*), чтобы тотчасъ изъ самаго названія видна была таинственность того, о чемъ говорится ²⁾. Это—небольшой кусокъ ткани изъ золота и четырехъ цвѣтовъ, т.е. тѣхъ самыхъ, изъ какихъ былъ и парамникъ, величиною въ квадратную четверть, и спитый вдвое, чтобы не легко рвался. Двѣнадцать камней, величины и цвѣты чрезвычайной, вплетены въ него въ четыре ряда такъ, что въ каждую линію посажено было по три камня. Въ первомъ ряду всажены были: сардъ, топазъ, смарагдъ. Симмахъ разногласитъ на счетъ смарагда, замѣняя его въ переводѣ кс-

¹⁾ Сагасалла—гальская одежда, съ длинными рукавами, узкая и короткая. Въ Римѣ въ первый разъ послѣ въ такомъ родѣ одежду императоръ Аврелій Вассіанъ Антонинъ; отъ чего и получилъ названіе—Каракаллы.

²⁾ Въ славянской библіи одежда эта называется или греческимъ—*λοισονъ*, или славянскимъ, не вполне соответствующимъ греческому—*слово*.

равніемъ. Во второмъ ряду—корбункуль¹⁾, сапериръ, ясписъ. Въ третьемъ—лигурій, ахатъ, аметистъ. Удивляюсь очень, почему въ числѣ ихъ не находится драгоценнѣйшій камень—гіацинтъ; развѣ не называется ли онъ иначе—лигуріемъ? Справляясь съ тѣми, которые писали о свойствахъ камней, я не могъ отыскать лигурія. На каждомъ камнѣ, въ порядкѣ старшинства, были написаны двѣнадцать колѣнъ. Такіе камни мы встрѣчаемъ въ діадимѣ князя тирскаго (Езек. 28, 13), и въ Апокалипсисѣ Іоанна, гдѣ изъ нихъ создается Іерусалимъ небесный (Ап. 21, 19. 20), и подъ числомъ и видомъ ихъ указывается или порядокъ или разнообразіе добродѣтелей. Величина и тяжесть камней могли изорвать нити ткани; поэтому они были оплетены и обвиты золотомъ. Но и это было недостаточно для прочности, если бы не было еще золотыхъ цѣпочекъ, сплетенныхъ для красоты, изъ золотыхъ колечекъ, а въ *умномъ*, кромѣ двухъ большихъ колецъ, которые связывались съ нарамникомъ посредствомъ золотыхъ крючковъ, не было внизу другихъ двухъ; такъ какъ тогда на нарамникѣ, съ обоихъ боковъ, были золотыя кольца, то они и связывались съ нижними кольцами *умнаго* цѣпочками. Поэтому выходило такъ, что и *умное* привязывалось къ нарамнику, и нарамникъ къ *умному*, и казались смотрѣвшимъ со стороны одною тканью.

Осьмая—золотая дощечка, т. е. *sis zaab*, на которой написано имя Бога четырьмя еврейскими буквами—*jod, he, waw, he*, называсмоє у нихъ неизрѣченнымъ. Хотя дощечка эта, на льняной шапочкѣ, обща и всѣмъ священникамъ, но болѣе выдается въ первосвященникѣ, когда привязывается къ челу гіацинтовой лентою и именемъ Бога увѣнчивается и покрываетъ всю красоту первосвященника.

¹⁾ Въ славянской библіи—анѳраксъ.

Мы изучили одежды первосвященника, какъ общія ему съ священниками, такъ и лично ему принадлежащія. Но если такая трудность встрѣтилась въ глиняныхъ сосудахъ, то какое величіе должно быть въ сокровищѣ, которое скрывается внутри? Скажемъ сперва о томъ, что приняли мы отъ евреевъ; а потомъ уже, по обыкновенію, натянемъ паруса духовнаго пониманія. Четыре цвѣта изображаютъ четыре стихіи, лежащія въ основѣ всего. Полотно наводитъ на мысль о землѣ, такъ какъ оно есть произведеніе земли. Пурпуръ говоритъ о морѣ, потому что окрашивается морскими улитками. Гіацинтъ—о воздухѣ, по сходству цвѣта. Червленица—объ огнѣ и эфирѣ, который по еврейски называется *sanі*, что Аквила перевелъ словомъ—*δαφνοῦ*, Симмахъ—*δαφαινοῦ*; вмѣсто же литинскаго—*soccus*, у евреевъ пишется *tholaht*. Поэтому, совершенно справедливо замѣчаютъ, что первосвященникъ молился Творцу не за Израиля только, но и за весь міръ, если вѣрно, что этотъ міръ состоитъ изъ земли, воды, воздуха и огня, и эти стихіи—составныя части всего. Въ такомъ случаѣ, первая одежда, льняная, означаетъ землю; вторая, гіацинтовая, цвѣтомъ своимъ указываетъ на воздухъ, возвышая насъ мало по малу отъ земного къ небесному,—а самую формою, спускаясь отъ головы до пятъ, показываетъ, что воздухъ разлитъ отъ неба до земли. Гранатовые яблоки и колокольчики, привѣшенные къ подолу, указываютъ на молніи и громы, или на небо и землю, и взаимную гармонію всего, или на то, что все такъ между собою переплетается, что въ каждой вещи отдѣльно открывастся все. А что вышесказанные цвѣта перемѣшаны съ золотомъ, это означаетъ, какъ думаютъ, что жизненная теплота и провидѣніе божественнаго разума проникаютъ все. Нарамникъ и два камня, нашитые на немъ сверху и покрывающіе оба плеча, указываютъ на двѣ полусферы, надземную и подземную, или на солнце и луну, блистающія въ высотѣ. Тотъ поясъ, которымъ

охватывается грудь и стягивается льняная одежда, т.е. земля, примѣняются къ оксану, *умному*, лежащему посреди, даютъ смыслъ земли, которая хотя и имѣетъ въ себѣ все, окружена, на подобіе точки, всѣми стихіями. Двѣнадцати камнямъ даютъ смыслъ или круга зодіака, или двѣнадцати мѣсяцевъ, и въ такомъ разѣ для каждаго ряда ихъ назначаютъ особенныя времена года а для каждаго изъ этихъ временъ по три мѣсяца. Пусть никто ни считаеъ наше толкованіе языческимъ. Если вещи небесныя и распорядокъ божественный обезславлены именами идоловъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы должно было отрицать провидѣніе, которое идетъ и даетъ себя чувствовать своимъ чередомъ, и заправляетъ всѣмъ. И у Іова встрѣчаемъ созвѣздія Арктура и Оріона и masuroth, т.е. кругъ Зодіака;—читаемъ и другія названія звѣздъ, только у евреевъ были не тѣже, что у насъ, названія, а мы можемъ понимать лишь то, что говорится подъ названіями обычными намъ. Прекрасно названо *умнымъ* то, что находится посреди: потому что разумъ все наполняетъ и земное соединяетъ съ небеснымъ такъ, что даже условія земнороднаго и годовыхъ временъ, тепла и холода и два раза бывающаго уравновѣшенія ихъ, соотвѣтствуютъ теченію и системѣ небесной. Поэтому-то *умное* и привязывается такъ крѣпко къ ефуду. Далѣе, когда говорится, что въ самомъ *умномъ* было ἀλήθεια и ἀλήθεια, т.е. *откровеніе* и *ученіе*, или *истина*, то это означаетъ, что въ разумѣ Божіемъ никогда не бываетъ лжи, но за то и самая истина открывается людямъ и доходитъ до смертныхъ подъ разными знаками и образами. Такъ мы приобретаемъ познаніе о солнцѣ, лунѣ, годѣ, мѣсяцахъ, временахъ, часахъ, пенастьѣ, ясной погодѣ и обо всѣхъ предметахъ, подъ тѣмъ условіемъ, что воспринимаемъ ту мудрость, каковую вложилъ въ нихъ Богъ, а эта, обитательница и учительница, уже и сообщаетъ намъ свѣденія о своемъ обиталищѣ и своихъ произведеніяхъ. Самая верхняя изъ одеждъ, кидарь

сь гіацинтовою лентою изображасть небо, а золотая дощечка, лежащая на челѣ первосвященника, и написанное на ней имя Бога, — что все дальнее управляется божественнымъ произволеніемъ. И думаю, что это же самое, только подъ другими именами, выражено въ херувимѣ и четырехъ животныхъ, которыя такъ перемѣшаны и соединяются между собою, что въ одномъ находятся и остальные, и которыя идутъ *прямо лица своего и не обращаются* (Езек. 1, 4 и д.), ибо времена идутъ, и оставляя пройденное, спѣшать къ будущему. А что они въ постоянномъ движеніи этимъ показываютъ, какъ догадываются и философы, что міръ движется въ свою очередь и, какъ колесо, безпрестанно обращается вокругъ своей оси; отсюда и колесо въ колесѣ, и годъ оборачивается самъ на себя. А самыя колеса возвышаются къ небу, и поверхъ кристалла — тронъ изъ сапфира, а поверхъ трона — подобіе сидящаго; нижнія части его огненные, верхній — янтарныя, это — чтобы показать, что нижнія имѣютъ нужду въ огнѣ и очищеніи, а верхнія продолжаютъ пребывать въ состояніи своей чистоты. И какъ здѣсь, въ облаченіи священника, золотая дощечка полагается сверху, такъ у Езекиіля янтарь — въ груди и темени. И такъ справедливо (какъ мы отчасти сказали и выше), что первосвященникъ Божій, нося на одеждахъ своихъ изображеніе всѣхъ тварей, показывалъ тѣмъ самымъ, что все нуждается въ милосердіи Бога; а когда приносилъ Ему жертвы, — жертвы эти были искупительными за весь міръ; такъ что, и словомъ и одеждою, онъ молился не за дѣтей, не за родныхъ и близкихъ, а за все твореніе.

Мы изложили еврейское объясненіе, и оставляя безконечный необработанный матеріалъ смысловъ до другаго времени, положимъ только нѣкоторыя основанія будущему зданію. Касательно исподняго льнянаго платья обыкновенно говорятъ слѣдующее: условія оѣмененія и рожденія, принадлежащія плоти,

въ лицѣ ея понимаются за условія, принадлежащія землѣ. Почему и Адаму говоритъ Богъ: *земля еси и въ землю отыдеши* (Быт. 3, 19). Поэтому и тѣ способы, какими изъ небольшого сѣмени и гнуснѣйшихъ начатковъ раждается красота людей и различныхъ вещей, закрыты и недоступны для глазъ людскихъ. Въ книгѣ Левитъ читаемъ, что Моисей, по заповѣди Божіей, обмылъ Аарона и сыновъ его (Лев. 8. 6): такъ, уже въ то время, тайны крещенія были знакомъ очищенія міра и святости всѣхъ вещей. Не иначе они облачаются, какъ омывши прежде нечистоты, и не иначе приготавлиются къ священнослуженію, какъ возродившись во Христѣ въ новаго человѣка: ибо новое вино вливается въ новые мѣха. Что обмываетъ Моисей,—этимъ указывается на законъ. *Имуть Моисея и пророки, да послушаютъ ихъ* (Лук. 16, 29). И еще: отъ Адама до Моисея всѣ согрѣшили. Намъ нужно омыться заповѣдями Божіими; и когда, приготовивъ себя къ одеждѣ Христовой, сложимъ одежды кожаныя, тогда будемъ облечены въ одежду льняную, не имѣющую въ себѣ ничего смертнаго, но всю свѣтлую; дабы, возставая по крещеніи, мы опоясали чресла наши истиною, и скрылась всѣ мерзость прежнихъ грѣховъ. Поэтому и Давидъ говоритъ: *блажени, ихже оставишася беззаконія, и ихже прикрывшася грѣхи* (Пс. 31, 1).

Послѣ нижняго платья и льняной одежды, мы одѣваемся въ одежду гіацинтовую, и начинаемъ восходить отъ земного къ небесному. Это гіацинтовая одежда, называемая у семидесяти *ὑπόδητις*, т.е. субукула ¹⁾, и собственно отличающая первосвященника, означаетъ, что пониманіе высшихъ вещей открывается не всѣмъ, а только высшимъ и совершеннѣйшимъ. Такое пониманіе имѣли Моисей, Ааронъ и пророки, и всѣ тѣ, кому

¹⁾ Subucula—нижняя туника, употреблявшаяся у римлянъ. Она была льняная, съ длинными рукавами и спускалась ниже колѣнъ.

говорится: *на гору високу възиди, благовѣстествуяи Сиону* (Ис. 40, 9). Затѣмъ, для насъ недостаточно омовенія прежнихъ грѣховъ, благодати крещенія, познанія таинъ, если мы не присоединимъ къ этому и дѣлъ. Поэтому присоединяется и ефудъ, т.е. парамникъ, который опоясывается *умнымъ*, чтобы не былъ просторенъ и распущенъ, но чтобы оба взаимно прикрѣплялись и помогали другъ другу. Ибо разумъ нуждается въ дѣлахъ, а дѣла въ разумѣ. Воспринятое разумомъ мы должны исполнить самымъ дѣломъ. Два камня на парамникѣ означаютъ или Христа и церковь, и содержатъ имена двѣнадцати апостоловъ, посланныхъ на проповѣдь, или букву и духъ, въ которыхъ заключается все таинство закона. На право—духъ, на лѣво—буква. Буквы приводятъ насъ къ словамъ, а слова—къ смыслу. Какой прекрасный порядокъ, дающій уразумѣвать таинство самымъ положеніемъ различныхъ частныхъ! Въ плечахъ—дѣла, въ груди—разумъ. Поэтому-то и грудинку ѣдятъ священники. А это *умное* есть двойное, открытое и сокрытое, простое и таинственное, имѣющее на себѣ двѣнадцать камней и четыре ряда, которые я считаю за четыре добродѣтели: благоразуміе, мужество, справедливость и умѣренность, которыя стоятъ во взаимной связи и, въ различныхъ взаимныхъ соединеніяхъ, даютъ число двѣнадцатое,—или за четыре евангелія, которыя въ Апокалипсисѣ изображаются исполненными очесъ (Ап. 4. 6—8) и сіяя свѣтомъ Господнимъ, освѣщаютъ міръ. Въ одномъ—четыре, и въ четырехъ по одному. Отъ этого, на груди священника—*ἀλήθεια* и *ἀκρίβεια*, т.е. *откровеніе* или *ученіе* и *истина*. Ибо когда кто либо одѣлся въ разнообразную одежду, ему остается высказать въ рѣчи ту истину, какую хранить онъ въ сердцѣ; для того въ *умномъ* и истина, т.е. званіе, чтобы зналъ онъ, чему долженъ учить,—для того откровеніе и ученіе, чтобы могъ научить другихъ тому, что уразумѣлъ умомъ. Гдѣ тѣ, которые говорятъ, что для священника достаточно одной непо-

рочности? Законъ ветхій сообразуется съ новымъ; Моисей тоже, что и апостоль. Тотъ выражаетъ знаніе священника самими украшеніями на одеждахъ; этотъ дастъ наставленія касательно ученія Тимоѳею и Титу. Имѣеть особенность и самый порядокъ одеждъ. Прочитаемъ книгу Левитъ. Не прежде—*умное* и потомъ—нарамникъ; но сперва—нарамникъ, а затѣмъ—*умное*. *Отъ запояздей твоихъ, сказано, разумѣхъ* (Ис. 118, 104). Прежде будемъ дѣлать, и дѣлая, учиться; иначе важность ученія будетъ подрываться пустыми дѣлами. Объ этомъ именно мы читаемъ у пророка: *сѣйте себѣ о правду, соберите плодъ живота, просвѣтите свѣтъ въ дѣнья* (Осн 10, 12). Сперва сѣйте въ правдѣ и пожинайте плодъ жизни, потомъ усвоите себѣ знаніе. Не тотчасъ же дается окончательное совершенство, какъ только получилъ кто либо нарамникъ и *умное*; но когда оба они скрѣпятся взаимно твердою связью и соединятся другъ съ другомъ. Дѣятельность должна быть соединена съ разумомъ, а разумъ съ дѣлами, и когда все это будетъ предшествовать, послѣдуетъ ученіе и истина.

Если бы у меня достало времени для изслѣдованія, я изяснилъ бы тебѣ естественныя свойства и смыслъ тѣхъ четырехъ стихій, о которыхъ мы говорили выше, двухъ камней ониксовыхъ или смарагдовыхъ и двѣнадцати камней, которые были нашиты на *умномъ*; я остановился бы съ большою полнотою и на вопросахъ о томъ, какое значеніе имѣеть каждый изъ нихъ и какимъ образомъ сопоставляются они съ отдѣльными добродѣтелями. Но достаточно и того, что пока Епифаній издалъ объ этомъ предметѣ превосходное сочиненіе; если захочешь прочитать его, ты приобрѣтешь полнѣйшее свѣденіе. И безъ того чувствую, что вышелъ изъ предѣловъ письма, и вижу, что тетради писца уже исписаны. Поэтому, перехожу къ остальному, чтобы поскорѣе закончить. Золотая дощечка блистаетъ на челѣ: знакъ, что намъ не принесетъ никакой пользы изученіе всѣхъ вещей.

если не увѣпчася познаніемъ Бога. Одѣвася въ одежды льняныя, украшася гіацинтовыми, опоясываемся священнымъ поясомъ, дается намъ кругъ дѣятельности, полагаются на груди *умное*, — прислелемъ даже истину, уста наши изрекають ученіе: но все несовершенно, если для такой прекрасной колесницы не найдется достойный возница, если возвышающійся надъ тварями Творецъ не будетъ управлять Самъ тѣмъ, что создалъ. Чему учила въ древнее время дощечка, то нынѣ показывается въ знаменіи креста. Кровь евангельская драгоцѣннѣе золота закона. Тогда, по словамъ пророка, знаменіе полагалось на челѣ плачущихъ (Езек. 9, 4); нынѣ, нося крестъ, мы говоримъ: *знаменася на насъ свѣтъ лица твоего, Господи* (Ис. 4, 7). Въ Исходѣ мы два раза читаемъ о повелѣніи Господнемъ и объ исполненіи повелѣнія Моисеемъ касательно восьми родовъ священническихъ одеждъ (Исх. гл. 28 и 29). Въ книгѣ Левитъ писано только о семи (Лев. гл. 8), и разсказывается, какимъ образомъ Моисей одѣлъ въ нихъ своего брата Аарона; но не говорится ничего о нижнемъ платьѣ. Это, какъ мнѣ кажется, по той причинѣ, что законъ не простираетъ руки своей на дѣтородныя и тайныя члены; но мы сами должны скрывать и таить свое тайное и достойное стыда, и предоставлять суду Божию вѣдать цѣломудріе женщинъ. О другихъ добродѣтеляхъ, напримѣръ, о мудрости, мужествѣ, справедливости, умѣренности, смиреніи, кротости, благородствѣ, могутъ судить и другіе; одно цѣломудріе не подлежитъ познанію, и глаза человѣческіе не могутъ быть вѣрными судьями въ этомъ предметѣ (исключая тѣхъ лицъ, которыя, по обычаю безмысленныхъ животныхъ, предались похоти открыто). Поэтому и апостоль говоритъ: *одѣвахъ повелѣнія Господня не имамъ* (1 Кор. 7, 25); а Моисей какъ бы такъ скажетъ: я не одѣваю въ нижнее платье и не принуждаю къ этому никого; кто хочетъ быть священникомъ, пусть надѣнетъ самъ. О сколько дѣвъ, сколько мнимыхъ цѣло-

мудрїи обезславятся въ день суда, и сколько обезчещенныхъ цѣломудрїи увѣнчается Богомъ—судьею? И такъ возьмемъ нижнее платье сами; сами закроемъ наше срамное; не будемъ ждать чужихъ глазъ. Пусть наши дѣтородныя части такъ покроются, чтобы когда войдемъ въ святое святыхъ, мы не умерли смертію, если откроется какая-либо мерзость.

Рѣчь подходитъ къ концу, и я повторяю прежнее. Знаніе и ученость первосвященника Божїя должны быть столь велики, чтобы и его одежда, и его движенія, и все было звучно. Умомъ онъ постигаетъ истину, и отзвукъ ея слышится во всей его одеждѣ и украшеніяхъ; такъ что все, что онъ ни дѣлаетъ, что ни говоритъ, должно быть поученіемъ для народа. Ибо безъ колокольчиковъ и различныхъ цвѣтовъ, безъ камней и цвѣтовъ добродѣтелей онъ не можетъ ни входить во святая, ни носить званіе предстоятеля. Я продиктовалъ это скоговоркою, въ одну ночь, когда уже отвязывали канатъ отъ берега и крики матросовъ становились все слышнѣе и слышнѣе,—продиктовалъ— что могъ удержать въ памяти и что собралъ долговременнымъ чтеніемъ въ *умномъ* груди моей. Я понимаю, что болѣе спѣшилъ, чѣмъ обезживалъ, и что рѣчь моя мутна, какъ потокъ. Въ указателѣ сочиненій Септилїя Тертуллиана упоминается книга объ одеждахъ Аарона, Между тѣмъ я не могъ отыскать ее и до настоящаго времени. Если бы, при многолюдствѣ города, вы нашли ее, пропну васъ не сравнивать мой стиль съ богатствомъ ея содержанія. Меня должно цѣнить, принимая въ расчетъ не умы мужей великихъ, а мои собственные силы.

61. Письмо къ Принципіѣ, объясненіе 44 псалма.

Я знаю, Принципія, дочь моя во Христѣ, что очень многіе упрекають меня за то, что я пишу по временамъ къ женщинамъ, и отдаю предпочтеніе предъ мужчинами слабому полу. Поэтому, я долженъ сперва отвѣтить своимъ порицателямъ, и потомъ уже перейти къ разсужденію, о которомъ ты просила. Еслибы мужчины спрашивали о чемъ либо изъ писаній, я не вель бы рѣчи съ женщинами. Еслибы Варакъ захотѣлъ итти въ сраженіе, Деввора не торжествовала бы побѣду надъ врагами (Суд. гл. 4 и 5). Иеремія заключается въ темницу, и велику обреченный на погибель израиль не припялъ пророчествующаго мужа, ему воздвигается Олда пророчица (4 Цар. 22). Священники и фарисси распинають Христа, и Марія Магдалина плачетъ у креста, приготовляетъ благовонныя масти, ищетъ въ гробѣ (Марк. 16), спрашиваетъ садовника, узнаетъ Господа, идетъ къ апостоламъ, извѣщаетъ объ открытіи (Іоан. 20). Эти сомнѣваются, она вѣритъ. По истинѣ *ποῦγίτης*, по истинѣ столбъ, блистающій бѣлизною и *ливанскій*, *смотряй лице Дамаска* (Пѣсн. 7, 4), т. е. на кровь Спасителя, призывающую къ покаянному вретичу¹⁾. У Сарры не было женскаго, и поэтому подчиняется ей Авраамъ и говорится ему: *вся елика аще речеть тебѣ Сарра, слушай гласа ея* (Быт. 21, 12). У той прекратилось женское, ты никогда женскаго не имѣла. Дѣва стоитъ выше пола, носитъ Христа въ тѣлѣ. Она владѣетъ тѣмъ, что ожидается въ будущемъ. Ревекка идетъ вопрошать Господа, и такъ какъ она была достойна отвѣта, слышитъ божественное

¹⁾ Игра словъ, основанная на еврейскомъ значеніи именъ—Магдалина и Дамаскъ; Магдалина, отъ *mgdāl*—башня, или возвышающаяся на подобіе башни, *ποῦγίτης*, *turgensis*, какъ объясняетъ самъ бл. Иеронимъ въ книгѣ объ именахъ еврейскихъ. Дамаскъ, отъ *dam*—кровь и *zac*—мѣшокъ, вретиче.

предсказаніе: *два языка во утробѣ твоей суть, и двое людіе отъ утробы твоея разлучатся* (Быт. 25, 23). Та раждаетъ двухъ враждующихъ! ты ежедневно зачинаешь, терпишь муки родовъ, раждасшь одного, плодотворнаго при одиночествѣ, многообразнаго по величію, единопущнаго въ троичности. Марія, сестра Моисея, воспѣваетъ побѣды Господа (Исх. 15, 20, 21), и Рахиль корнемъ своего имени отмѣчаетъ для потомства нашъ Виоелеемъ и Еворафу ¹⁾. Дочери Салпаада удостоиваются получить наслѣдіе посреди братіи (Числ. 27, 4—6). Руфъ, Эсоиръ и Юдиобъ были такъ славны, что дали свои имена священнымъ книгамъ. Анна пророчица раждаетъ сына левита, пророка, судью, почтеннаго священными власами, приносить его въ скинію Божію (1 Цар. гл. 1 и 2). Жена есекоитинка запутываетъ царя Давида вопросами, и учитъ загадкою, укрощаетъ примѣромъ Божіимъ (2 Цар. гл. 14). Читаемъ и о другой мудрой женщинѣ, которая во время осады города, когда изъ-за нѣкоего бунтовщика военачальникъ Іоавъ разбивалъ стѣны тарапомъ, говорила къ народу во имя своей мудрости, и опасность, угрожавшая цѣлому населенію, уступила силѣ убѣжденія женщины (2 Цар. гл. 20). Что скажу я о царицѣ савской, приходившей слушать мудрость Соломона отъ коонецъ земли и, по свидѣтельству Господа, имѣющей возстать на судъ со всѣми мужами Іерусалима (3 Цар. гл. 10; Мат. 12, 42)? Елисавета пророчествуетъ и чревомъ, и устами (Лук. 1, 41—45). Анна, дочь Фануилова, живя въ храмѣ, дѣлается храмомъ Бога и, пребывая въ ежедневномъ постѣ, обрѣтаетъ хлѣбъ небесный (Лук. 2, 36—38). Жены слѣдуютъ за Спасителемъ и служатъ Ему

¹⁾ Рахиль, по еврейски Rachel—овца, или видящій начало, видящій Бога, какъ объясняетъ самъ же бл. Іеронимъ въ книгѣ объ именахъ. Значеніе имени Рахиль и даетъ ему поводъ къ остроумному сближенію между событіемъ, описаннымъ въ 35 гл. кв. Бытія, и рожденіемъ въ Виоелеемѣ Христа Спасителя.

отъ имѣннй своихъ (Лук. 8, 1—13). Тотъ, кто пятью хлѣбами наплатъ пять тысячъ мужей, не считая женъ и дѣтей, не отказывался принимать пищу отъ святыхъ женъ. Онъ разговариваетъ съ самаритянкою у колодезя, и насыщенный собесѣдованіемъ съ вѣрующею, забываетъ о тѣхъ яствахъ, какія были куплены (Іоан. гл. 4). Акилла и Прискилла наставляють Аполлоса, мужа апостольскаго и ученнѣйшаго въ законѣ, и учать его пути Господню (Дѣян. 18, 24—26). Если апостолу не было безчестно учиться у женщины, то почему бы было безчестно мнѣ, послѣ мужей, учить и женщинъ?

Все это изложилъ я тебѣ кратко, дочь *εμμοτάτη* (*достойнѣйшая*), для того, чтобы ни ты не жалѣла о своемъ полѣ, ни мужчины не надмевались своимъ именемъ (*мушинъ*),—мужчины, въ осужденіе которымъ въ священномъ писаніи восхваляется жизнь женщинъ. Радуюсь, и мужество мое поддерживается какъ нѣкоторымъ добрымъ предзнаменованіемъ, когда встрѣчаю я въ Вавилонѣ Даніила, Ананію, Азарію, Мисаила. О, сколько старцевъ и судей израильскихъ сжарилъ на сковородѣ своей царь вавилонскій! ¹⁾ Сколько Сусаннъ (что, въ переводѣ, значитъ *лилія*) вяжутъ жениху букеты изъ бѣлыхъ цвѣтовъ цѣломудрія, и терновый вѣнокъ обращаютъ въ славу торжества! Тамъ на глазахъ у тебя, Марцелла и Азелла, пребывающіе въ изученіи писаній и святости духа и тѣла; одна изъ нихъ зелеными лугами и по различнымъ цвѣтамъ божественныхъ книгъ поведетъ тебя къ Тому, Кто говоритъ въ пѣсни: *Азъ цвѣтъ полевой и кринъ удоленный* (Пѣсн. 2, 1), другая, будучи сама цвѣтомъ Господнимъ, будетъ достойна вмѣстѣ съ тобою услышать: *якоже крикъ въ терніи, тако искренняя моя посреди дочерей* (тамъ же ст. 2). Такъ какъ мы начали го-

¹⁾ Старцевъ и судей въ родѣ тѣхъ, которые оклеветали Сусанну. По мнѣнію іудеевъ, эти старцы были сжарены на сковородѣ царемъ вавилонскимъ, хотя, по Даніилу, они были побиты камнями.

ворить о цвѣтахъ и лиліяхъ, а дѣвство всегда уподобляется цвѣтамъ: то, мнѣ кажется, будетъ кстати, если въ письмѣ къ цвѣтку Христову я буду разсуждать о цвѣтахъ.

Читая сорокъ четвертый псаломъ, я нашелъ въ его надписаніи: *въ конецъ, о измѣняемыхъ сыномъ Кореовымъ въ разумъ, пѣснь о возлюбленномъ*. Въ еврейскомъ написано: *lapanasse al sosannim labne core messhil sir iditoth*, что переводимъ мы по-латыни: *victori pro liliis filiorum core, eruditio nis canticum amantissimi*. Симмахъ, по своему обыкновенію, перевелъ яснѣе: *торжество о цвѣтахъ*. И такъ, *sosannim* переводится или *о измѣняемыхъ*, или *о лиліяхъ и цвѣтахъ*; такъ же и *messhil* значить и *ученіе*, и *ученнѣйшаго*; *sir*—*пѣснь*; *iclicia*—древнее имя Соломона, который въ другомъ смыслѣ называется *миролюбивымъ*. Всѣхъ, впрочемъ, четыре псалма, у которыхъ начало надписанія это же самое, хотя послѣдняя часть его и разнится, это—сорокъ четвертый, пятьдесятъ девятый, шестьдесятъ восьмой, семьдесятъ девятый; изъ нихъ средніе два надписываются *Давиду*, а первый и послѣдній—*сыномъ Кореовымъ* и *Асафу*. Говорить обо всѣхъ теперь не время; изъяснимъ тотъ, который начали.

Хорошо съ словомъ—*конецъ* поставлены въ связи *измѣняемые* въ концѣ вѣковъ, о которыхъ говоритъ апостоль: *вси не успнемъ, вси же измѣнимся* (1 Кор. 15, 51). Самая таинственность эта подготавливаетъ читателя къ духовнолу разумѣнію. Ибо тамъ, гдѣ смыслъ простъ и ясенъ, какая была бы необходимость предрасполагать слушающаго къ пониманію, и говорить ему: *имѣяй уши слышати да слышитъ?* Равно и пѣснь поется драгоценнѣйшему и возлюбленному, такъ какъ чрезъ него получать святыя обѣщанное измѣненіе. Подъ измѣняемымъ этимъ можно понимать и то, которое бываетъ въ этой жизни, когда совлекаемся ветхаго челоуѣка и облакаемся въ новаго, обновляющагося въ познаніи по образу Творца, и когда, со-

зерцаю славу Господа, преобразуемся, по тому же образу, какъ бы изъ славы въ славу. Да и нѣтъ такого времени, когда святой не измѣнился бы, пройденное забывая и въ будущее простираясь: ибо внутренній человѣкъ напгь обновляется изо дня въ день; и неизмѣняемый Богъ, который говоритъ чрезъ пророка: *Азъ Господь Богъ вашъ, и не измѣняюся* (Мал. 3, 6), измѣнилъ ради насъ свой образъ, принявъ зракъ раба, и переходя изъ Иудеи къ филистимлянамъ (что значить—*падающіе отъ чаши*: ибо ихъ опьянила золотая чаша Вавилона), сперва былъ осмѣянъ ради юродства креста, потомъ принять ради славы побѣдной. Возлюбленный же—тотъ, о которомъ поетъ Исаія: *воспою пѣснь возлюбленному винограду моему* (Ис. 5, 1); и евангеліе: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ, того послушайте* (Мат. 17, 5),—тотъ, которому нынѣ воспѣваетъ хвалы не одинъ пророкъ, а цѣлый хоръ сыновъ Корея. А кто—*сыны Корея*, т. е. *Голофы* ¹⁾, это обстоятельство говорится въ сорокъ первомъ псалмѣ. И нужно знать, что текстъ пѣсни соотвѣтствуетъ надписанію; онъ говоритъ о перемѣнѣ изъ одного въ другое, чтобы дочь, которой повелѣвается забыть древняго отца, приготовилась къ объятіямъ царя. Побѣдитель же есть Тотъ, который говоритъ: *держайте, Азъ побѣдихъ мѣръ* (Іоан. 16, 33), и къ которому обращена извѣстная рѣчь юноши: *отъ тебе побѣда, и отъ тебе мудрость, и твоя слава, и азъ рабъ твой* (2 Эздр. 4, 59); это вполне узналъ тотъ, кто преодолѣлъ, при содѣйствіи побѣждающей десницы Господа, и участвуетъ въ Его побѣдномъ торжествѣ, и кто сплелъ Спасителю неувидающей вѣнецъ славы изъ блистающей бѣлизны добрыхъ дѣлъ и разнообразія доблестей.

Отрыгну сердце мое слово благо. Симмахъ вмѣсто этого перевелъ: *подвигнуто сердце мое къ слову благовому*, показывая,

¹⁾ Core, id est, Calvariae. Core отъ еврейскаго *kerach*, оскобить, обрить, отсюда—*kerach*—лысый, *kerach*—лысина. Calvaria отъ латинскаго *calvus*—лысый, голая и острая (лысая) гора, лобное мѣсто.

что сердце говорящаго отозвалось на рѣчь другаго, и что въ то время, какъ Духъ святой открываетъ будущія таинства Христа, и Сей (*Христосъ*) принялъ участіе въ рѣчи, дабы и Онъ говорилъ о своемъ пришествіи, какъ говорили другіе. Отрыжка обозначаетъ пищевареніе и выдыханіе сваренныхъ яствъ. Какъ отъ качества пищи зависитъ появленіе отрыжки изъ желудка и указателемъ (*этого качества*) служить хорошей или дурной запахъ: такъ слова проявляютъ помышленія внутренняго человѣка, и *отъ избытка сердца уста глаголютъ* (Мат. 12, 34). *Праведный ядый насыщаетъ душу свою* (Прит. 13, 26) и когда насытится священнымъ ученіемъ, изъ сокровища благаго сердца своего износить благое, и съ апостоломъ говорить: *искушенія ли ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. 13, 3)? Нѣкоторые хотять понимать, что это сказано отъ лица Отца, такъ какъ Онъ изнесъ слово свое, всегда въ Немъ бывшее, изъ жезненныхъ глубинъ и тайнъ своего сердца, по изрѣченію другаго псалма: *изъ чрева прежде денницы родихъ тя* (Пс. 109, 3); такъ что, какъ чрево не значить чрево—въ собственномъ смыслѣ (ибо Богъ и не дѣлится на члены), но указываетъ на тождество существа Отца и Сына: такъ сердце и слово, которое исходитъ изъ сердца, указываетъ на Отца и Сына. И то, что слѣдуетъ далѣе: *глаголю азъ дѣла моя цареви*, принаравляютъ къ извѣстной мысли: *той рече и быша; той повель, и создашася* (Пс. 32, 9); такъ какъ по слову Отца Сынъ сотворилъ. Ибо все, *яже Отець творить, сія и Сынъ такожде творить* (Юан. 5, 15), и Отець, пребывающій въ Немъ, творить все чрезъ Сына.

Глаголю азъ дѣла моя цареви. Ликъ пророческій, имѣющій говорить о таинствахъ Христа и церкви, чтобы не оказаться недостойнымъ пѣсни и не было сказано ему, съ цѣлю привести его къ сознанию грѣховъ: *вскую ты исповѣдаши оправданія моя, и воспріемлещи заветъ мой усты твоими*

(Пс. 49, 16), открываетъ свои произведенія царю, котораго имѣеть восхвалять, дабы Онъ принялъ ихъ, если они хороши, или очистилъ, если дурны. И дѣлаетъ онъ то, что повелѣно: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишиися* (Ис. 43, 26), и—*праведный себе самаго оглагольщикъ въ перво-словіи* (Прит. 18, 17). А употреблять вмѣсто сочиненія и писанія произведеніе (дѣло—opus, opusculum) въ характерѣ не только еврейскаго, но и латинскаго языка. И такъ, и намѣревающійся воспѣвать хвалы Господу, свою пѣснь и произведеніе посвящаетъ Ему, и вмѣсто языческихъ музъ, призываетъ въ началѣ того самаго, кого имѣеть хвалить.

Языкъ мой трость книжника, скорописца. Вмѣсто этого мы перевели: „языкъ мой трость скорописца“. Это послѣдняя часть предисловія; и съ предыдущимъ соединяя послѣдующее: *отрыгнуло сердце мое благовую рѣчь въ хвалу Богу, и произведенія мои, въ которыхъ я имѣю превозносить Его, я посвятилъ наипаче Ему самому.* И такъ, долженъ я предуготовить и языкъ мой, какъ трость и перо, чтобы Духъ свѣтый писалъ имъ въ сердцѣ и ушахъ слушающихъ. Трость пишетъ по воску; перо—или по бумагѣ, или по пергамину, или по другой матеріи, годной для писанья. Мой же языкъ, по подобію скорописца (подъ которымъ можно разумѣть нотаріуса¹⁾), посредствомъ нѣкотораго сокращенія знаковь, начерталъ на скрижаляхъ сердца краткую и сжатую рѣчь евангелія. Ибо если законъ написанъ перстомъ Божиимъ рукою посредника, и что разрушено—прославлено: то колыми паче евангеліе, которое имѣеть пребыть. да напишется Духомъ свѣтымъ посредствомъ моего языка, чтобы хвалы тому, къ кому говорится у Исаи: „скоро совлекай оружіе съ врага, успѣвши взять добычу“ (Ис. 8, 1), начертала на сердцѣ вѣрующихъ быстрая рѣчь.

¹⁾ Родъ писцовъ, изъ рабовъ, писавшихъ подъ диктовку господъ и, для скорости, употреблявшихъ сокращенія.

Прекрасный видомъ паче сыновъ человѣческихъ. Въ еврейскомъ: „по красотѣ, ты прекраснѣе сыновъ человѣческихъ“. Отсюда, по окончаніи приступа, начинается рассказъ, и дѣлается обращеніе къ самому возлюбленному, избранному и дарю, которому посвящены произведенія говорящаго. Но спрашивается: какимъ образомъ прекраснѣе сыновъ человѣческихъ тотъ, о комъ читаемъ у Исаи: *видѣхомъ его, и не имяше вида, ни доброты, но видѣ его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Человѣкъ въ язвъ сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь, яко отвертися лице его* (Ис. 53, 2, 3). Не слѣши приходитъ къ мысли, будто писанія разногласятъ: тамъ говорится о безчестіи тѣла по причинѣ бичей, заплеваній, заушеній, гвоздей и поносной висѣлицы, — здѣсь о красотѣ добродѣтелей въ священномъ и досточтимомъ тѣлѣ. Не то значить это, чтобы божество Христа было прекраснѣе по сравненію съ людьми: ибо оно не имѣетъ сравненія; но Онъ прекраснѣе всѣхъ, независимо отъ крестныхъ страданій. Дѣвственный отъ дѣвы, родившійся не отъ похоти мужа, но отъ Бога... Если бы Онъ не имѣлъ чего-то божественно-прекраснаго въ самомъ лицѣ и взорѣ, апостолы ни въ какомъ разѣ не послѣдовали бы за Нимъ тотчасъ же, и пришедшіе съ цѣлю схватить Его не упали бы (Іоан. 18, 6). Наконецъ, и въ разсматриваемомъ мѣстѣ, говорящій: *человѣкъ въ язвъ сый и вѣдый терпѣти болѣзнь*, указываетъ причины, по которымъ Онъ потерпѣлъ это. *Яко отвертися лице Его*, т. е. предоставилъ тѣло оскорбленіямъ, послику скрылъ немного божества. Нѣкоторые соединяють этотъ стихъ съ предшествующими, такъ что прекрасный видомъ будетъ относиться не къ Христу, а къ перу.

Изліяся благодать во устнахъ твоихъ: сего ради благослови тя Богъ во вѣкъ. Въ Вульгатѣ вмѣсто: „благослови“ читаемъ *помазалъ*. Но должно знать, что ошибка переписчиковъ не должна быть вмѣняема семидесяти переводчикамъ,

которые въ этомъ мѣстѣ согласны съ подлиннымъ сврейскимъ текстомъ. Читая извѣстные слова: *Иисусъ преспѣваше премудростію и возрастомъ, и благодатию у Бога и человекъ* (Лук. 2, 52), и въ другомъ мѣстѣ: *дивляхуся о словесехъ благодати, исходящихъ изъ устъ его* (Лук. 4, 22) и что со *властію бѣ слово его* (тамъ же ст. 32), мы можемъ понять, въ какомъ смыслѣ сказано: *изліяся благодать во устнахъ твоихъ*. Ной во дни свои обрѣлъ благодать предъ Богомъ, тоже Моисей и другіе пророки. Но во устахъ Спасителя изліяся вся полнота благодати, въ короткій срокъ времени наполнившая вселенную. И Самъ Онъ, какъ женихъ, изшелъ отъ чертога своего. *Отъ края небесе исходъ его, и срѣтеніе его до края небесе* (Ис. 18, 7). Ибо и сама Марія, зачавшая Его, въ которой вся полнота благодати обитаетъ тѣлеснѣ, и привѣтствуется, какъ исполненная благодати (Лук. 1, 28). И апостоль, зная, что его проповѣдь превзошла всѣ ученія міра не мірскимъ краснорѣчіемъ, а силою божественною, говоритъ: *и слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ чловѣческія мудрости словесехъ, но въ явленіи духа и силы; да вѣра ваша не въ мудрости чловѣчестѣй, но въ силу Божіей будетъ* (1 Кор. 2, 4, 5). И укоряя себя самого за то, что сказалъ: *паче всѣхъ потрудихся*, тотчасъ добавляетъ: *не азъ же, но благодать Божія, яже со мною*; и опять: *и благодать его, яже не тща бысть* (1 Кор. 15, 10). Собственно же къ Спасителю прилагается слово *изліяніе* для обозначенія изобилія благодати, сообразно съ написаннымъ: *излію отъ Духа моего на всяку плоть* (Іоил. 2, 28), и *любви Божія изліяся въ сердца наша* (Рим. 5, 5). И замѣть, что изъ всего связаннаго разумѣется о лицѣ, рожденномъ отъ Маріи? Говорится, что Онъ благословенъ во вѣкъ ради благодати устъ. Нѣчто такое проповѣдуетъ и апостоль: *смирилъ себе, послушавъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмъ же*

и Бог его превознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имени (Фил. 2, 8. 9). Какъ тамъ зракъ раба условливаетъ незаслуженныя страданія, и превознесеніе и дарованіе имени приписывается Отцу: такъ здѣсь изліяніе благодати и благословенія во вѣкъ должно быть относимо къ тому, кто можетъ и умалиться и возрасти.

Препояши мечъ твой по бедръ твоей, сильне; красотою твоею и добротою твоею. Въ еврейскомъ: „опояшься мечемъ твоимъ по бедру своему, сильный; славою своею и красотою своею“. Думаю, что ты превосходно понимаешь это мѣсто, ты, опоясанная браннымъ мечомъ Христовымъ. Ты знаешь, что дѣвство всегда владѣетъ мечомъ цѣломудрія, которымъ оно умерщвляетъ дѣла плоти и побѣждаетъ похоти. И языческая религія представляла дѣвъ—богинь вооруженными. Опоясалъ и Петръ чресла свои, и имѣлъ горящій свѣтильникъ въ рукахъ своихъ. А что бедромъ означаются отношенія брачныя (*orega nuptiarum*), ты узнаешь коротко изъ слѣдующихъ примѣровъ. Авраамъ, посылая взять жену сыну своему Исааку, говоритъ старѣйшему дома своего: *положу руку твою подъ стегно мое, и заклену тя Господомъ Богомъ небесе* (Быт. 24, 2. 3),—безъ сомнѣнія тѣмъ (*Богомъ*), который имѣлъ родиться отъ его сѣмени. Иаковъ, послѣ борьбы съ человѣкомъ, явившимся ему у потока Ябокъ, по выходѣ изъ Месопотаміи и при вступленіи въ землю обѣтованную, получилъ имя Израиля не прежде, какъ изсохла жила стегна его (Быт. гл. 32). И сыну сказалъ онъ, *не оскудѣетъ князь отъ Луды и вождь отъ чреслъ его* (Быт. 49, 10). И еще когда готовился онъ умереть,—заклиналъ Юсифа стегномъ своимъ не погребать его въ Египтѣ (Быт. 47, 29). Въ книгѣ судей также читаемъ: *Геддеону было седмдесятъ сыновъ изшедшии отъ чреслъ его* (Суд. 8, 40). Въ Пѣсни пѣсней говорится: *се одръ Соломонъ, шестьдесятъ сильныхъ окрестъ его отъ сильныхъ израилевыхъ; вси имуще оружія, научени на брань; емужъ*

и оружіе его на бедра его (Шѣсн. 3, 7. 8). И такъ умерщвляющей дѣла плоти славою и красотою своею, или величіемъ и красотою Божества своего, и рожденный отъ Дѣвы, Онъ былъ для будущихъ дѣвъ начальникомъ дѣвства.

И наляцы и успѣвай и царствуй истины ради и кротости и правды; и наставитъ тя дивно десница твоя. Въ еврейскомъ: „красотою твоею благополучно восходи; ради истины и кротости правды, и чудеснымъ образомъ сведетъ тебя правая рука твоя“. У евреевъ *красотою твоею* написано въ другой разъ, да не подумаетъ кто либо, что тоже самое повторено по ошибкѣ переписчиковъ. Это—фигура, которая у риторовъ называется повтореніемъ. И такъ какъ въ панегирикѣ, который говорятъ хвалители тѣмъ, кого превозносятся похвалами,—вооруженнаго убѣждаетъ къ сраженію, чтобы онъ, разъ прибрѣтенный перевѣсъ въ войнѣ не оставлялъ, но шествуя, какъ побѣдитель, на большее пораженіе враговъ, уготовилъ себѣ царство въ средѣ тѣхъ, которыхъ соединилъ подъ своею властію, освободивъ отъ власти діавола, и сказалъ: *Азъ же поставленъ есмь царь отъ него надъ Сиономъ, цорю святою его* (Пс. 2, 6). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что истинною, кротостию и правдою называется Христось, который говоритъ: *Азъ есмь путь и истина и животъ* (Іоан. 14, 6); такъ же: *научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мат. 11, 29); и еще: *иже бысть намъ отъ Бога правда и избавленіе и освященіе* (1 Кор. 1, 30). Все это говорится о тѣлѣ такъ, что должно быть изъясняемо о членахъ. Побѣда Господа—торжество рабовъ. Ученость наставника—преуспѣяніе учениковъ. А то, что слѣдуетъ: *наставитъ тя дивно десница твоя*, должно быть понимаемо или о тѣхъ знаменіяхъ, которыя совершилъ Онъ въ евангеліи, или *τροπήως* (въ образномъ смыслѣ) о пораженіи, которое нанесъ Онъ врагамъ. *Сердце мудраго одесную его, сердце же безум-*

наго ошуюю его (Еккл. 10, 2). Христось весь одесную; антихристъ ошуюю. Переводъ съ еврейскаго отличается выраженіями, но не отличается смысломъ.

Стрѣлы твоя изошрены, сильне; людѣ подѣ тобою падуть въ сердца врагѣ царевыхъ. Въ еврейскомъ нѣтъ сильне, —остальное почти также. И этотъ стихъ особенно къ лицу тебѣ, уязвленной стрѣлою Господа, поющей съ невѣстою въ пѣсни: *уязвлена есмь любовію азъ* (Пѣсн. 2. 5). Нѣтъ ничего удивительнаго, что у жениха твоего много стрѣлъ, о которыхъ говорится въ стодевятнадцатомъ псалмѣ: *стрѣлы сильнаго изошрены со угольми пустынными (опустошительными—* Пс. 119, 4); ибо Онъ стрѣла Отца и говорить у Исаи: *положи мя яко стрѣлу избранну, и въ туль своемъ скры мя* (Ис. 49. 2). И Клеопа, раненный, вмѣстѣ съ другимъ, этими стрѣлами на пути, говорить: *не сердце ли наше горя бѣ въ насъ, егда глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама писанія* (Лук. 14, 32). И въ другомъ мѣстѣ читаемъ: *яко стрѣлы въ руцѣ сильнаго, тако сынове оттрясенныхъ* (Пс. 126, 4). Этими стрѣлами раненъ и плѣненъ весь міръ. Павелъ былъ стрѣлою Господа; пущенный лукомъ Господнимъ отъ Іерусалима до Иллириіи, онъ летѣлъ туда и сюда, спѣшилъ пройти до Испаніи, чтобы, какъ быстрая стрѣла, повергнуть къ стопамъ Господа своего востокъ и западъ. И поелику у могущественнѣйшаго царя много враговъ, раненныхъ огненными стрѣлами діавола, пораженныхъ, какъ олень ударомъ дротика въ печень: то огненныя стрѣлы Господа бросаются съ опустошительными углями, чтобы очистить въ сердца враговъ царя, что было порочнаго, и вытѣснить спасительнымъ огнемъ огонь губительный.

Престолъ твои Боже въ вѣкъ вѣка; жезлъ правости, жезлъ царствія твоего. Возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе; сего ради помаза тя Боже Богъ твой елеемъ радости паче причастникъ твоихъ. Въ еврейскомъ:

„престолъ твой Боже въ вѣкъ и въ вѣчность; скипетръ правды, скипетръ царства твоего. Ты возлюбилъ правду и возненавидѣлъ несправедливость; за это помазалъ тебя Богъ Твой елеемъ восторга преимущественно предъ соучастниками твоими“. Разумѣй два лица, лице помазаннаго Богомъ, и лице помазавшаго. Поэтому и Аквила еврейское слово *eloim* перевелъ не именительнымъ падежемъ, а звательнымъ, именно—*Θεέ* (Боже), и мы для понятности поставили Дее, хотя латинскій языкъ этого не допускаетъ,—поставили такъ, чтобы кто либо не понялъ превратно, будто Богъ, Отецъ возлюбленнаго и драгоцѣннѣйшаго, называется дважды. Хотя Отецъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ взаимно обитаютъ и имѣютъ престолъ другъ у друга, однако въ настоящемъ мѣстѣ рѣчь обращена къ царю, который есть Богъ, и ему говорится, что царство его (ибо я такъ понимаю *престолъ*, соотвѣтственно написанному: *отъ плода чрева твоего посажду на престолъ твоемъ*—Ис. 131; 11) не будетъ имѣть конца. Что и Маріи благовѣствуетъ ангелъ: *дастъ ему Господь Богъ престолъ Давида Отца его, и воцарится въ дому Иаковли во вѣки, и царствію его не будетъ конца* (Лук. 1, 32, 33). Не думаемъ, чтобы это противорѣчило сказанному апостоломъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, что Сынъ имѣетъ передать Богу царство и долженъ будетъ покориться тому, кто покорилъ Ему все, *да будетъ Богъ всяческая во вѣкъ*, и Христосъ, который въ каждомъ отдѣльно проявлялся не многими добродѣтелями, да пребудетъ во всѣхъ вѣки. А что скипетръ и жезлъ отличительная принадлежность царствующихъ, это указываетъ самъ пророкъ, говоря: *жезлъ правости, жезлъ царствія твоего*. Нѣкоторые, приводя свидѣтельство изъ Исаи: *изыдетъ жезлъ отъ корене Иессеова и цвѣтъ отъ корене его взыдетъ* (Ис. 11, 1), понимаютъ подъ нимъ человѣка, который дадеса намъ, коему и предоставляется царство, и говорится о немъ, что онъ

царствуетъ ради любви къ правдѣ и ненависти къ несправедливости и что онъ помазанъ елеемъ радости паче причастникъ своихъ, какъ бы въ помазаніи имѣющій получить даръ любви и ненависть къ неправдѣ. Но во всякомъ разѣ, мы научаемся, что въ насъ положены сѣмена любви и ненависти: ибо и Самъ тотъ, Кто начатки плоти нашей вознесъ на небо, и правду возлюбилъ и несправедливость возненавидѣлъ. Отсюда и Давидъ: *не ненавидящія ли ты Господи возненавидѣтьхъ, и о вразьхъ твоихъ истаяхъ? Совершенною ненавистію возненавидѣтьхъ я* (Пс. 138, 21). Слѣдуетъ: *Помаза ты Боже Богъ твои*. Первое имя должно понимать въ звательномъ надежѣ, второе—въ именительномъ. Не мало удивляюсь, почему Аквила не перевелъ, какъ началъ въ первомъ стихѣ, зательнымъ надежемъ, а именительнымъ, называя два раза Богомъ того, кто помазалъ вышесказаннаго Бога. Этимъ мѣстомъ Фотинъ опровергается ¹⁾; но Арій поднимаетъ голову, приводя свидѣтельство изъ евангелія: *восхожду ко Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17). Но когда слышитъ, что Онъ—возлюбленный опоясанъ мечемъ по бедру и царствуетъ ради истины и кротости; помазанъ ради любви къ правдѣ и ненависти къ неправдѣ, и помазанъ паче причастникъ своихъ, о которыхъ писано: *причастницы выхомъ Христу иже точію начатокъ состава даже до конца извѣстенъ удержимъ* (Гвр. 3, 14),—удивляюсь, почему, въ хулу Богу, называетъ онъ Бога престоломъ ²⁾; какъ будто все сказанное приличествуетъ божеству слова, а не уничиженію человѣческому. Пусть слушаетъ Дѣянія апостольскія: *Исуса, иже отъ Назарета, яко помаза его Богъ*

¹⁾ Опровергается Фотинъ: потому что училъ, будто І. Христосъ произошелъ отъ Маріи—только, между тѣмъ какъ Онъ называется здѣсь Богомъ.

²⁾ Какъ видно, Арій читалъ этотъ стихъ псалма такъ: „престолъ твой—Богъ въкъ въ вѣка“, и приводилъ его въ подтвержденіе своихъ еретическихъ мнѣній.

Духомъ Святымъ (Дѣян. 10. 38). Пусть слушаетъ евангеліе: *Духъ Святой найдетъ на тя, и сила Вышняго оубиитъ тя; тѣмъ же и рождаемое свято наречетъся Сынъ Божій* (Лук. 1, 35). Пусть почувствуетъ самого Господа, гремящаго: *Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя* (Лук. 4, 18). Причастниками называетъ апостоловъ и вѣрующихъ, которымъ Онъ далъ имя отъ своего помазанія, такъ что отъ помазаннаго они называются помазанными, отъ Христа—христианами.

Смирна и *алое* и *касія* отъ *ризы твоихъ* отъ храмовъ *слоновыхъ* изъ нихъ же *возвеселиша* ты *дщери царей* въ чести *твоей*. Въ еврейскомъ: „смирна и стакти и касія на одеждахъ твоихъ отъ домовъ твоихъ слоновыхъ, въ которыхъ радуютъ тебя въ чести твоей дочери царей“. Изъ самаго предисловія ты узнала, почему я захотѣлъ объяснить этотъ исаломъ: пиша къ дѣвѣ, я нашелъ надписаніе о *миряхъ* и *цвѣтахъ*. И такъ, совершенно послѣдовательно и эти стихи я отношу къ тебѣ, для которой пишется настоящая книга. Ты умертвила свои члены на землѣ, и ежедневно приносишь Христу *мирру*. Ты благоуханіе Христово, и поэтому представляешь Господу *стактъ*, т. е. *каплю* или *слезу* ¹⁾. Знатоки свойствъ ароматовъ рассказываютъ, что *стактъ* есть *цвѣтъ* *мирры*. *Касія*, которая слѣдуетъ за *тѣмъ*, есть тоже самое, что другіе называютъ *сѣриу*, т. е. *гортань* *голосистая* для хвалы Богу, и очищающая своимъ жаромъ все мокроты и насморки похотей. Такъ, гдѣ въ нашихъ кодексахъ стоятъ *gutta* или *stacte*, въ еврейскомъ читается *haloth*. Поэтому, и *Никодимъ* заготовилъ для погребенія Господа сто фунтовъ *мирры* и *алое*. И женихъ говоритъ невѣстѣ: *смирна алой со вѣтми первыми мирами* (Пѣсн. 4, 14). А она отвѣчаетъ: *ручь мои искаше смирну, персты мои смирны полны* (Пѣсн,

¹⁾ У *Иеронима* здѣсь не переводимая игра словъ *stactem, id est, stillam vel guttam*.. *Stilla*—капля; *gutta*—капля и *алое*.

5, 5). Отвергни и ты дѣла смерти. Спогребшись со Христомъ въ крещеніи, умри и для этого міра, и, не помышляя ни о чемъ, кромѣ небеснаго, говори къ жениху своему: *руцѣ мои искаша смирну, персты мои смирны полны*. Знаемъ еще помазаніе священническое, о которомъ воспоминаетъ Давидъ: *яко миро на главъ, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его* (Пс. 132, 2); въ него, вмѣстѣ съ другими ароматами, примѣшивается и стагтъ. Волхвы такъ же приносятъ смирну. И въ настоящемъ разѣ, начать облекаться во Христа значитъ воспринять смерть его и показать ее на своей плоти! Вотъ одежды, приличныя жениху твоему; онъ войдетъ, когда ты украсишь его этими одеждами. И когда ты сочтешь ему этого рода одежды,—сдѣлаешься сама храмомъ Божиимъ, и возвеселишь его *отъ домовъ слоновыхъ*, или лучше, какъ пишется въ еврейскомъ—*отъ храма зубовъ*; и будешь воспѣвать хвалы Господу, и, всецѣло умершая для міра, будешь подражать лику ангеловъ. Ибо слоновая кость и зубы, какъ это даетъ понять самая природа ихъ, служатъ символомъ и смерти, и голоса. И совершенно послѣдовательно прибавлено: *изъ нихъ же возвеселиши ты дщери царей въ чести твоей*. Твой женихъ царь царей и Господь господствующихъ. Тѣ цари, которые подъ такимъ царемъ суть только царьки, суть твои отцы, родившіе тебя евангельскимъ ученіемъ. Будучи дочерью ихъ, почитай одеждami, благовоніями и храмомъ слоновымъ того, кому выше сказано: *изліяся благодать во устнахъ твоихъ*; также—*препояши мечь твой по бедра твоей, сильне*; и еще: *стрѣлы твоя изошрены*; и *престолъ твой Боже въ вѣкъ вѣка*. То, что перевели мы *отъ домовъ слоновыхъ*, нѣкоторые изъ латинянъ, по двусмыслію слова, такъ какъ въ греческомъ написано—ἀπὸ ζαρέων ἐλεφαντίνων, перевели а grabus (*отъ тяжестей слоновыхъ, какъ въ славянскомъ*); ζάρις есть слово ἐπι-

χωριον (туземное) въ Палестинѣ: и до настоящаго времени дома, заключенные со всѣхъ сторонъ и построенныя на подобіе башенъ и общественныхъ стѣнъ, называются тамъ ζαρεις.

Предста царица одесную тебе въ ризахъ позлащенныхъ; а что читаемъ далѣе—одыня преиспещрена, кромѣ вультаты, не переведено никѣмъ изъ переводчиковъ. Въ еврейскомъ: „встала супруга по правую сторону тебя въ золотой діадимѣ“. Тамъ, гдѣ мы перевели *супруга*, въ еврейскомъ читается *segal*. Въмѣсто этого Аквила перевелъ *σύχοιτος*, т. е. *сожительница (конкубина)*; Симмахъ и Пятое изданіе перевели *παλλαγή*, т. е. *любовница*, а Семьдесятъ, Θεодотіонъ и Шестое изданіе—*царица*. Затѣмъ, гдѣ я сказалъ: *въ золотой діадимѣ*, Симмахъ перевелъ *въ изящнѣйшемъ золотѣ*; Аквила, Пятое и Шестое изданіе: *въ румянахъ* и *въ золотѣ офирскомъ*. Тѣ, кои суть дщери царей и приготавливаются къ объятіямъ жениха, увеселяютъ смирною, стактію, касіею и домами слоновыми того, коего престоль въ вѣкъ вѣка. Опирающаяся же твердымъ корнемъ на камнѣ—Христъ есть церковь православная; единая голубица, совершенная и чистая, стоитъ она по правую сторону и не имѣетъ въ себѣ ничего лѣваго. Стоитъ она въ одеждахъ позлащенныхъ, внимающая въ смыслъ писаній и исполненная всякихъ добродѣтелей, или какъ перевели мы—*въ золотой діадимѣ*. Ибо она есть царица, и царствуетъ съ царемъ; подъ дочерьюми ея мы можемъ разумѣть и вообще—души вѣрующихъ, и въ частности—лики дѣвъ. Офиръ есть родъ золота, названный такъ или отъ мѣстности въ Индіи, или отъ цвѣта: ибо у евреевъ было семь названій золота. Подъ женою же и сожительницею, на основаніи Пѣсни Соломона, будемъ разумѣть ту, которая не можетъ уснуть въ отсутствіи своего жениха или мужа.

Слыши, дщи, и виждь и приклони ухо твое, и забуди

люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея; зане той есть Господь Богъ твой, и поклонятся ему. Въ еврейскомъ: „слыши; дщи, и виждь и приклони ухо твое, и забудь народъ твой, и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь красоты твоей; ибо онъ Господь твой, и поклонись ему“. Доселѣ языкомъ пророка, который сравнивается съ перомъ скорописца, говоритъ Духъ святой, называя одно и тоже лице царемъ, воителемъ, Богомъ и женихомъ. Отселѣ же вводится лице Отца, говорящаго къ невѣстѣ Сына своего. Онъ увѣщаетъ ее, чтобы она, презрѣвъ заблужденія древняго язычества и идолопоклонства, во первыхъ внимала тому, что будетъ говорить: за это она, чужестранка, будетъ названа дочерью;—потомъ—чтобы обратила взоры или на то, что говорится, или на вселенную, изъ видимаго поняла невидимое, въ тваряхъ познала Творца, и прилежно приклонила ухо свое, чтобы удержать въ памяти то, что говорится. Какъ скоро же она услышала, увидѣла и приклонила ухо свое, и вся предалась ученію и пониманію того, что говорится,—пусть забудетъ свой первый народъ, и какъ Авраамъ, выходящій изъ Халдеи, пусть оставитъ землю рожденія и родства своего. Никто не сомнѣвается, что отцемъ нашимъ, до нашего усыновленія Богу, былъ діаволь; почему и Спаситель говорилъ: „вы отъ отца діавола рождены“ (Іоан. 8, 45). Итакъ, говорить, когда ты забудешь древняго отца, и отложивъ прежнія нечистоты, покажешь себя такою, что убѣленная станешь выше своего родства,—такую, какою можетъ возлюбить тебя Сынъ мой, тогда возжелаетъ царь доброты твоея. Не подумай, что тотъ, кто возлюбитъ тебя, одинъ изъ толпы; онъ—царь твой и Господь твой. Тѣ, кои суть цари и господа, хотя и цари и господа—по власти, но природы одной съ тѣми, надъ кѣмъ господствуютъ и царствуютъ; я же возвѣщаю тебѣ, что сей будетъ и Богъ, и ты должна будешь

поклоняться ему. Семьдесят толковниковъ не сказали *и поклонись ему, а поклонятся ему*, такъ что смыслъ дается такой: тотъ, который имѣеть возлюбить тебя, который имѣеть плѣниться красотою твоею, есть Богъ и Богъ, покланяемый всѣми. То, что мы изъяснили о церкви, избранной изъ среды народовъ, пусть каждый отнесетъ къ самому себѣ и къ душѣ вѣрующаго; пусть, оставивъ прежніе пороки, получить усновление; пусть приклонить ухо свое, забудетъ древній образъ жизни, и, съ апостоломъ ¹⁾, пусть оставитъ мертваго отца, и представить себя такимъ, какимъ бы возлюбилъ его царь. Ибо онъ есть Господь его, предъ которымъ онъ долженъ приклонять колѣна, и, отложивъ гордость, подъять иго смиренія.

Спросимъ у іудеевъ: кто эта дочь, къ которой говоритъ Богъ? Не сомнѣваюсь, что они отвѣтятъ—синагога. Какимъ же образомъ говорится синагогѣ и народу израильскому: *забуди люди твоя и домъ отца твоего*? Не въ такомъ ли уже смыслѣ—пусть оставитъ народъ еврейскій и Авраама, древняго отца? Скажутъ, что это относится къ призванію Авраама, оставившаго Халдеевъ; но кто же тотъ царь, который имѣеть возлюбить красоту Авраама? Подлинно, иной есть тотъ, который говоритъ: *слыши дщи*, и иной, о которомъ говорится: *возжелеаетъ царь доброты твоя*. Этотъ иной не только царь, но и Господь и Богъ покланяемый.

Дщи Тирова, съ дары лицу твоему помолятся богатіи людстѣи. Въ еврейскомъ: „о дочь сильнѣйшаго, богатые изъ народа съ дарами помолятся лицу твоему“. Еврейское слово *сог*, которое, слѣдуя Семидесяти, читаемъ у Езекиіля, можетъ быть переводимо—*Тиръ, несчастіе, сильнѣйшій* или *сильнѣйшая*, и *кремень*, т. е. *твердѣйшій камень*. Отъ этого и про-

¹⁾ Кажется, бл. Иеронимъ разумѣетъ здѣсь того ученика, которому сказалъ нѣкогда Иисусъ Христосъ: *гряди по мнѣ, и остави мертвыхъ погребсти своя мертвецы* (Мат. 8, 22).

изошла ошибка въ настоящемъ мѣстѣ. Аквила, Семьдесятъ, Θεοδοτιώνъ и Пятое изданіе перевели *Тиръ*; Шестое оставило еврейское слово *соръ*, Симмахъ—*κράτιστον*, т. е. сильнѣйшая. Мы отнесли это имя къ Богу, такъ что та, которой выше сказано: *слыши, дщи, и виждь*, именуется дочерью *сильнѣйшаго*. Впрочемъ, и сама она можетъ быть названа *сильнѣйшею*, какъ уподобившаяся сильному отцу, какъ такая, лицу коей съ различными дарами помолятся богатые народы. Богатые, это—богатые всѣми добродѣтелями и знаменіемъ; или —тѣ, кои считаются богатыми въ этомъ вѣкѣ, мудрые міра сего и изучившіе науки философскія или, лучше,—тѣ, кои были богаты прежде, имѣли слово Божіе, завѣты, пророковъ, т. е. народъ израильскій. Ибо, какъ до пришествія Спасителя тѣ, кои были изъ Тира, т. е. изъ народа язычниковъ, обращались съ мольбами къ богатому народу израильскому и чрезъ него были вводимы во храмъ: такъ послѣ пришествія Господа всѣ, возжелавшіе увѣровать изъ народа израильскаго (нѣкогда богатые близостію къ Богу и покровительствомъ Его), придутъ къ дочери Тира и, принеся различные дары добродѣтелей и исповѣданія Христа, помолятся ей, чтобы въ средѣ язычниковъ найти то спасеніе, которое потеряли въ Иудеѣ.

Вся слава дщери цареви внутри, расны (бахрамоу) златыми одѣяна и преиспещрена. Въ еврейскомъ: „вся слава дочери царевой внутри, золотыми перевязями ¹⁾ обвита она“. Въмѣсто ἑσωθεν, поставленнаго у Семьдесяти и переведеннаго нами *внутри*, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ встрѣчается *esebon*, что значить *помышленія*. Изъ чего видно, что вся слава церкви,

¹⁾ Fasciis. Fascia, на латинскомъ, значить вообще длинный и узкій кусокъ ткани; въ частности этимъ именемъ назывались *пеленки*, употреблявшіяся для свиванья дѣтей, *головная повязка*, то же что — *діадима*, *бинтъ*, которымъ дѣвицы стягивали груди, чтобы помѣшать ихъ значительному развитію и проч. Бл. Иеронимъ употребляетъ это слово и въ значеніи *пеленокъ*, и въ значеніи *бинта*, который носили дѣвицы.

кой выше сказано: *слыши, дщи, и виждь*, и „о дочь Тира“, и которая теперь называется дочерью царевою, есть внутренняя, и въ помышленіяхъ, т. е. во внутреннемъ челоуѣкѣ и не въ рукотворенномъ, а въ духовномъ обрѣзаніи, имѣющемъ дерзновеніе совѣсти предъ Богомъ; какъ и вся красота болѣе въ силѣ смысловъ, чѣмъ въ цвѣтистости словъ. Какъ въ основу, которая даетъ бахраму, влетается утокъ и вся крѣпость одежды заключается въ основѣ: такъ въ различные смыслы писаній, пзъ которыхъ соплетается все облеченіе церкви, входитъ нѣчто и изъ природы, и изъ нравовъ; и это-то именно означаетъ одежда Ааронова, сотканная изъ золота, пурпура, червленицы, виссона и гіацинта (Исх. 28. 39),—одежда, которую дѣлали женщины, получившія отъ Бога мудрость тканья. И чтобы мы могли уразумѣть всю красоту дщери царевой внутрь, она сама говоритъ въ пѣсни: *введе мя царь въ ложницу свою* (Пѣсн. 1, 3); въ этой ложницѣ, заключивъ двери устъ, намъ повелѣно молиться Богу Отцу (Мат. 6, 6). И девятый псаломъ надписывается: *о тайныхъ сына*. И Иосифъ носилъ тайную одежду (Быт. 37, 3), которую соткала ему мать Церковь. Къ одной изъ этихъ бахромокъ Спасителя прикоснулась *αιμορροουσα* (кровоточивая) и выздоровѣла (Мат. 9, 20—23). Еврейское: „золотыми перевязями обвита она“ значитъ тоже самое, что и выше: „вся слава дщери царевой внутри“; пеленами смысловъ божественныхъ и обвиваются внутренніе члены церкви и прикрывается все тщеславіе чрева. Невѣста не можетъ забыть *этихъ* перевязей, по Іереміи (Іерем. 2, 32,—перевязей, стягивающихъ перси и покрывающихъ грудь, въ коей суть помышленія.

Приведутся царю дѣвы въ сладъ ея, искреннія ея приведутся тебѣ. Приведутся въ веселіи и радованіи, введутся въ храмъ царевъ. По переводу Семидесяти, первый стихъ говоритъ еще объ украшеніи дщери; второй обращенъ къ са-

мому жениху и царю. По еврейски говорится все къ невѣстѣ, до того мѣста, гдѣ написано: *поставиши я князи по всей земли*, и читается такъ: „въ испещренныхъ (*одеждахъ*) вводится къ царю, дѣвы въ слѣдъ за нею, подруги ея вводятся туда; вводятся съ веселіемъ и ликованіемъ, входятъ въ чертогъ царя“. Что есть большое различіе между душами, вѣрующими въ Христа, это доказываетъ Пѣснь пѣсней, гдѣ написано: *и осмьдесятъ наложницъ, и юношъ, имже нѣсть чиста. Едина есть голубица моя, совершенная моя, ближняя*, о которой говорится: *видѣша ю дщери, и ублажиша ю царицы, и наложницы, и восхвалиша ю* (Пѣсн. 6, 7. 8). Та, которая совершенна и свята тѣломъ и духомъ, та удостоилась названія голубицы и ближней. Она есть та дочь, о которой выше сказано: *предста царица одесную тебе въ ризахъ позлащенныхъ*. Тѣ же, которые возвысились надъ шестью днями міра ¹⁾ и вздыхаютъ о будущемъ царствѣ, тѣ называются царицами. А та, которая и имѣетъ обрѣзаніе восьмага дня, но еще не вступила въ бракъ, та называется наложницею. Все же разнообразіе вѣрующихъ, которое еще не можетъ ни быть заключеннымъ въ объятія жениха, ни рождать отъ него дѣтей, называется юношами. Я думаю, что къ числу тѣхъ дѣвъ, которые слѣдуютъ за церковію и относятся къ первой степени, принадлежишь и ты, и всѣ, кои пребываютъ въ дѣвствѣ тѣла и души. Ближнія же и подруги суть вдовицы и воздерживающіяся въ супружествѣ: эти всѣ съ веселіемъ и ликованіемъ вводятся въ храмъ и чертогъ царя,—въ храмъ, какъ священницы Божіи,—въ чертогъ, какъ невѣсты царя и жениха. Этотъ храмъ видѣлъ Іоаннъ въ Апокалипсисѣ (Апок. гл. 21); этого храма желалъ пророкъ.

¹⁾ Вл. Иеронимъ сопоставляетъ число шестьдесятъ царицъ и восемьдесятъ наложницъ съ шестью днями творенія и осмымъ днемъ обрѣзанія; и толкуетъ это мистически о душѣ.

Едино, говоритъ, просихъ отъ Господа, то възыщу; еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего (Пс. 26, 4); и еще: *Господи, возлюбихъ благомѣне дома твоего, и мѣсто селенія славы твоея* (Пс. 25, 8); и въ иномъ мѣстѣ: *яко пройду въ мѣсто селенія дивна даже до дому Божія, во гласъ радостанія и исповданія, шума празднующаго* (Пс. 41, 6). Пестрая же (одежда), которою украшается для своего жениха царица, есть то самое, что у Семидесяти читается—*одѣяна преиспещрена* ¹⁾.

Вмѣсто отецъ твоихъ родились сыны тебѣ; *поставиша я князи по всей землѣ*. Въ еврейскомъ: „Вмѣсто отцевъ твоихъ будутъ тебѣ сыновья; поставиши ихъ князьями по всей землѣ“. Эту рѣчь можно понимать идущую и отъ лица Отца, и отъ лица Сына, отъ лица сыновъ Кореовыхъ, но только—къ дочери, а никакъ не о дочери. И такъ, если рѣчь обращается къ дочери-невѣстѣ, а невѣста избрана изъ среды народовъ, п ей говорится выше: *забуди люди твоя и домъ отца твоего*: то мы должны знать отцевъ невѣсты, чтобы узнать потомъ и сыновей. *Вмѣсто отецъ твоихъ*,—тѣхъ, о которыхъ сказалъ Іеремія: *живыхъ отцы наши стяжаша идоловъ, и нѣсть въ нихъ иже дождитъ* (Іер. 16, 19; 14, 22),—*вмѣсто* Платона и другихъ учителей различныхъ догматовъ и заблужденій, родились тебѣ сыновья, которыхъ ты поставила князьями своими и сдѣлала наставниками въ средѣ народовъ. А можетъ быть и иначе: О церкви! Сыновья, которыхъ ты родила себѣ, обращаются въ отцовъ твоихъ: ибо изъ учениковъ ты сдѣлала ихъ учителями и по всеобщему избранію возвела ихъ на степень священства. Если же подъ отцами церкви разумѣемъ мы Авраама, Исаака, Іакова и другихъ патріарховъ: то подъ сыновьями, родившимися ей въ достоинствѣ отцевъ, будемъ разумѣть апостоловъ, которыхъ Господь

1) *Circumamicta varietate*, буквально *обернута разноцвѣтнымъ*.

послалъ проповѣдывать до послѣднихъ земли и крестить вѣрующихъ во имя Троицы. Но спрашивается: какимъ образомъ церковь изъ язычниковъ могла имѣть отцами Авраама, Исаака и Иакова, когда ей сказано выше: *забуди люди твоя и домъ отца твоего?* Прочитаемъ Евангеліе: *не начинайте малолати въ себѣ: отца имамы Авраама; можетъ Богъ отъ каменія сего*, т. е. изъ жестокаго сердца язычниковъ *воздвинути чада Аврааму* (Мат. 3; 9). И въ другомъ мѣстѣ: *еще чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамле творили* (Іоан. 8, 39). Ибо, какъ онъ, по вѣрѣ, былъ оправданъ въ обрѣзаніи, такъ оправдимся и мы, если будемъ имѣть вѣру и дѣла отца нашего Авраама. Это же самое можетъ быть сказаннымъ и къ Спасителю или отъ лица Отца, или отъ пророческаго лика и отъ Св. Духа. Вмѣсто отецъ твоихъ, т. е. вмѣсто племени іудеевъ, которые оставили тебя и отреклись отъ тебя, родились тебѣ сыновья, апостолы и вѣрующіе изъ народовъ, которыхъ ты поставилъ князьями по всей земли.

Помяну имя твое во всякомъ родѣ и родѣ; сего ради людіе твои исповѣдаются тебѣ въ вѣкъ, и во вѣкъ вѣка. Въ еврейскомъ: „вспомяну имя твое во всякомъ поколѣніи и поколѣніи. Сего ради исповѣдаютъ тебѣ народы въ вѣкъ и вѣчность“. То, что мы перевели „исповѣдаютъ тебя“, Симмахъ перевелъ „восхвалятъ тебя“. Царица, которая предстала одесную царя въ ризахъ позлащенныхъ, которой повелѣно забыть народъ и домъ отца своего, и еще разъ было сказано: *вмѣсто отецъ твоихъ будутъ сынове твои*, — царица, понимая, какую славою имѣеть она быть украшенною и какими наградами превознесенною, обращаетъ рѣчь свою къ жениху, и обѣщаетъ, что она будетъ вспоминать имя жениха всегда, во всякомъ поколѣніи и поколѣніи. Что обѣщала она, то видимъ и исполненнымъ. Сама христіанка, она и всѣмъ намъ дала имя христіанъ, — имя новое, въ которомъ благословятся всѣ

племени земныя. Воспоминаетъ же она не въ одномъ поколѣніи, но во всѣхъ, — указывая этимъ или на всѣ народы, или на два поколѣнія — іудеевъ и язычниковъ. Итакъ какъ не много, если имя Господа будетъ воспоминаваться въ двухъ поколѣніяхъ: поэтому, которые будутъ въ средѣ церкви, будутъ исповѣдывать и восхвалять Господа во вѣкъ вѣка. Когда и ты, Принципія, дочь моя, сопричисленная лику святыхъ, въ числѣ дѣвъ приведена будешь къ царю, и возвеселишь жениха изъ домовъ слоновыхъ въ чести своей: вспомни тогда и меня, изложившаго тебѣ, при откровеніи Господнемъ, смыслъ этого псалма, и скажи: „буду помнить имя твое“. Какъ скоро ты поняла часть пѣсни, — поймешь и всю Пѣснь пѣсней, если жизнь не откажется быть нашею спутницею ¹⁾.

52. Письмо къ Паммахію.

Если, заботясь о благообразіи тѣла, медицина хочетъ дать надлежащій цвѣтъ залѣченной ранѣ и стянутой шрамомъ кожѣ, то повторяетъ болѣзненную операцію. Такъ и я, запоздалый утѣшитель, неблагоуременно молчавшій въ продолженіе двухъ лѣтъ, опасаясь, не еще ли неблагоуременно я буду говорить теперь и касаясь раны твоего сердца, излѣченной временемъ и размышленіемъ, не растравлю ли ее своимъ напоминаніемъ. Ибо какой жесткій слухъ, какое выбитое изъ времени и вскормленное молокомъ гирканскихъ тигрицъ сердце можетъ безъ слезъ слышать имя твоей Павлины? Кто можетъ равнодушными глазами смотрѣть, какъ увядаетъ, преждевременно срѣзанная, раскрывающаяся роза, махровый бутонъ, увядаетъ не развернувшись въ букетъ міра, не развившись красными листьями по всей окружности? Разбита дра-

¹⁾ Изъ предисловія къ толкованію на Матѳея видно, что Принципія просила Іеронима написать толкованіе Пѣсни пѣсней. На это и намекаетъ онъ въ заключеніи письма.

гоцѣннѣйшая жемчужина, сокрушенъ великолѣннѣйпій изумрудъ. Какое благо въ здоровѣ, — показываетъ болѣзнь; цѣну того, что имѣли, мы понимаемъ больше, когда его потеряемъ.

Мы читаемъ о плодахъ тройкаго рода на нивѣ доброй земли — во сто, шестьдесятъ и тридцать разъ (Мѹ. 23). Въ трехъ женахъ, соединенныхъ и кровію и добродѣтелию, я узнаю три награды Христа. Евстохія собираетъ цвѣты дѣвства; Павла влачитъ трудное поприще вдовства; Павлина соблюдаетъ въ чистотѣ брачное ложе. Мать, поддерживаемая такимъ сонмомъ дочерей, на землѣ достигаетъ всего того, что Христось обѣщалъ на небѣ. И для того, чтобы изъ одного дома составлялась колесница (*quadriga*) благочестія и чтобы добродѣтелямъ женщинъ соотвѣтствовали и мужчины, въ спутники имъ присоединяется Паммахій, истинный херувимъ Іезекіиля, родственникъ, зять, супругъ ¹⁾, или лучше возлюбленнѣйшій братъ, ибо святыя узы духа не терпятъ брачныхъ наименованій. Этою колесницею править Исусъ. Объ этихъ коняхъ и Аввакумъ воспѣваетъ: *возсядеша на кони твоя, и язденіе твое спасеніе* (Аввак. 7, 8). Не одинаковые по силѣ, съ одинаковымъ одушевленіемъ стремятся они къ побѣдѣ. Разноцвѣтные, но единодушные въ стремленіи кони несутъ одно ярмо правящаго, не дожидаясь ударовъ бича, но одушевляясь отъ словесныхъ увѣщаній.

Скажемъ нѣчто и изъ философовъ. Стоики говорятъ о четырехъ добродѣтеляхъ, такъ близкихъ между собою и взаимно соединенныхъ, что не имѣющій одной, не имѣетъ и прочихъ: мудрости, справедливости, мужества и воздержанія. Каждый изъ насъ имѣетъ всѣ эти добродѣтели, и однакоже такъ, что выдается въ каждой изъ нихъ. Ибо кто мудрѣе того, который, презрѣвъ буйство міра, послѣдовалъ Христу — Божіей силѣ и Божіей премудрости? Что справедливѣе матери, ко-

¹⁾ Т. е. родственникъ Евстохія, зять Павлы и мужъ Павлины.

торая, раздѣливъ между дѣтми имѣніе, презрѣніемъ къ богатству научила, что должны любить дѣти? Что мужественнѣе Евстохіи, которая обѣтомъ дѣвства разрушила преграду благороднаго званія и гордость консульскаго происхожденія, и въ первомъ городѣ первую фамилію подчинила цѣломудрію? Что воздержнѣе Павлипы, которая, читая изреченіе апостола: *честенъ бракъ и ложе нескверно* (Евр. 13, 4). не осмѣливаясь домогаться ни счастья сестры, ни умѣренности матери, пожелала лучше быть совершенною въ болѣе смиренныхъ подвигахъ, чѣмъ колебаться неровною поступью въ болѣе возвышенныхъ, — хотя, однажды вступивши въ бракъ, днемъ и ночью ни о чемъ другомъ не думала, какъ о томъ, чтобы, послѣ плодовъ брака, получить везездіе по степени своего цѣломудрія, и „женщина, явившись руководительницею столь великаго дѣла“ (Aeneid. 1), и мужа присоединила къ своему обѣту, не оставляя, а надѣясь найти въ немъ спутника спасенія. И тогда какъ послѣ частыхъ преждевременныхъ родовъ и при очевидной возможности дѣторожденія не отчаявается имѣть дѣтей и желаніе тещи и печаль мужа предпочитаетъ своей слабости; она отчасти уже пострадала по примѣру Рахили и вмѣсто сына печали (Быт. 36, 18) родила въ мужѣ наследника своего обѣта. Изъ вѣрныхъ источниковъ я узналъ, что она не хотѣла служить первому благословенію Божию: *раститеся и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 29) и брач-нымъ обязанностямъ, но желала дѣтей для того, чтобы раж-дать Христу дѣвственницъ.

Читаемъ, что жена священника Финесса, услышавъ о взятіи въ плѣнъ ковчега Господня, вдругъ почувствовала болѣзнь чрева и родила сына Икабода (1 Цар. 4, 19) и на рукахъ прислуживавшихъ женщинъ умерла вмѣстѣ съ сыномъ. Отъ первой (Рахили) раждается Веніаминъ, т. е. сынъ добродѣтели, отъ второй, по имени ковчега — славный священ-

никъ Божій ¹⁾. Памъ по успеніи Павлины церковь родила Паммахія монаха, по знаменитости отца и супруги патриціи, богатаго милостынями, высокаго смиреніемъ. Апостоль пишеть къ Коринѣянамъ: *видите званіе ваше, братіе, яко не мнози премудри, не мнози благородни* (1 Кор. 1, 26). Это нужно было при началѣ раждающей церкви, чтобы зерно горчичное понемногу возрастало въ дерево (Аук. 13, 19), чтобы закваска евангелія поднимала всю массу церкви мало по малу. Въ наши времена господствуетъ Римъ, чего міръ прежде не зналъ. Тогда въ числѣ христіанъ рѣдкіе были мудры, сильны, благородны. Теперь въ числѣ монаховъ много мудрыхъ, сильныхъ, благородныхъ. Всѣхъ ихъ мудрѣе, сильнѣе, благороднѣе мой Паммахій, — великій изъ великихъ, первый изъ первыхъ, архистратигъ монаховъ. Такихъ-то дѣтей дала намъ своею смертію Павлина; и при жизни она такихъ желала имѣть. „Возвеселись неплодная, нераждающая; провозгласи и воскликни нечревоболѣвшая“ (Ис. 54, 1), потому что ты вдругъ родила столько дѣтей, сколько бѣдныхъ въ Римѣ.

Блестящіе драгоценные камни, которыми прежде украшались шея и лице, теперь насыщаютъ желудки нищихъ. Шелковыя платья и золото, растянутае въ нити, перемѣнены теперь на мягкія шерстяныя одежды, которыя защищаютъ отъ холода, а не обнажаютъ тщеславія. Слѣпой, который протягиваетъ руку и часто зоветъ тамъ, гдѣ нѣтъ никого, — теперь наслѣдникъ Павлины и сонаслѣдникъ Паммахія. Безногаго, влачащагося всѣмъ тѣломъ, поддерживаютъ нѣжныя руки дѣвицы. Двери, которыя прежде впускали толпу поздравителей, теперь осаждаются бѣдными. Одинъ смертельно мучится съ распухшимъ животомъ; другой безъязычный и нѣ-

¹⁾ Изабодъ значитъ: гдѣ слава. Слово это производится отъ имени ковчега, потому что ковчегъ завѣта, это слава и сила Израиля, — часто назывался *sabod* — слава.

мой, не имѣя даже возможности просить, еще болѣе просить — потому, что не можетъ просить. Тотъ, разслабленный съ малолѣтства, не себѣ просить милостыню; тотъ, разлагающійся отъ желтухи, переживаетъ свой трупъ.

„Хотя бы я имѣлъ и сотню устъ и сотню языковъ,
Не могъ бы перечислить болѣзней всѣхъ названья“ (Aeneid. 6).

Онъ ходитъ въ сопровожденіи этой толпы, въ нихъ согрѣваетъ Христа, ихъ нечистотою убѣляется. Такъ поспѣшаетъ на небо благодетель бѣдныхъ, милосердный къ немощнымъ. Другіе мужья на могилахъ жепъ садятъ фіалки, розы, лиліи, прекрасныя цвѣты и этими занятіями облегчаютъ печаль сердца. Нашъ Паммахій святой прахъ и достопочитаемая кости окропляетъ бальзамомъ милостыни. Такими украшеніями и благовоніями онъ согрѣваетъ покоющійся прахъ, зная написанное: „какъ вода угашаетъ огонь, такъ и милостыня грѣхъ“ (Сир. 3, 30). Какое значеніе имѣетъ милосердіе и какія награды влечетъ она за собою,—объ этомъ подробно говоритъ въ обширномъ сочиненіи св. Кипріанъ и свидѣтельствуетъ своимъ примѣромъ Давидъ, который если хотѣлъ, чтобы нечестивѣйшій царь выслушалъ его, то имѣлъ въ виду свою поддержкою спасти несчастнаго. Радуетъ мать, имѣя наслѣдницею такую дочь. Она не жалѣетъ, что имѣніе перешло въ другія руки, когда видитъ, что оно раздается тѣмъ же, кому и она сама хотѣла. Еще болѣе она радуется, что ея намѣренія выполняются безъ ея усилій. Имѣніе не потеряно, а только перемѣнился распорядитель.

Кто повѣрилъ бы, что потомокъ консуловъ, украшеніе Фуріанскаго рода, среди пурпуровыхъ одеждъ консуловъ является въ темной туникѣ и не стыдится товарищей, самъ смѣясь надъ тѣми, кто осмѣиваетъ его? „Есть стыдъ, который ведетъ къ смерти, и есть стыдъ, который ведетъ къ жизни“ (Сир. 4, 25). Первая добродѣтель монаха—презирать судъ

людской и помнить всегда слово апостола: *аще быхъ еще челоуѣкомъ умождахъ, Христовъ рабъ не быхъ убо быхъ* (Гал. 1, 10). И пророкамъ говоритъ Господь, что онъ положить лице ихъ какъ городъ мѣдный и камень адомаитовый и столицъ желѣзный (Иер. 1, 18), чтобы не страшились они преслѣдованій народа, но строгостію лица сокрушали безстыдство лосмѣвающихся (Иезек. 3, 8). Умы, богато одаренные, поддаются скорѣе стыду, чѣмъ страху, и стыдъ иногда побѣждаетъ тѣхъ, кого не побѣждаютъ мученія. Дѣло не маловажное, что челоуѣкъ благородный, челоуѣкъ образованный, челоуѣкъ богатый, избѣгаетъ на улицахъ общенія съ знатыми людьми, смѣшивается съ толпою, пристаеъ къ бѣднымъ, присоединяется къ невѣждамъ, изъ начальника дѣлается простымъ челоуѣкомъ. Но чѣмъ онъ смиреннѣе, тѣмъ выше.

Жемчужина видна и въ навозѣ, и блескъ чистѣйшаго драгоценнаго камня сіяетъ и въ грязи. Это именно обѣтовалъ и Господь, говоря: *прославляющія мя прославлю* (1 Цар. 2, 30). Пусть другіе понимаютъ это въ отношеніи къ будущему, когда печаль предложится въ радость и съ прехожденіемъ міра не пройдетъ слава святыхъ—я и въ настоящемъ вижу исполненіе обѣтованій, данныхъ святымъ. Прежде чѣмъ онъ (Паммахій) сталъ служить всею мыслию Христу, онъ былъ извѣстенъ въ сенатѣ, но и многіе другіе имѣли проконсульскія шапки: такого рода почестями наполненъ весь міръ. Онъ былъ первый, но между первыми. Иныхъ онъ превосходилъ по достоинству, но и былъ ниже иныхъ. Почетное званіе теряетъ свою цѣну, когда его имѣютъ многіе, и даже у людей, достойныхъ почести, унижается, если ее имѣютъ многіе недостойные. Поэтому съ особенною похвалою Цицеронъ говоритъ о Цезарѣ, что когда хотѣлъ наградить нѣкоторыхъ, то не далъ имъ извѣстныхъ почестей, а перемѣшалъ самый порядокъ ихъ. А теперь всѣ церкви Христовы говорятъ о Паммахіѣ. Міръ

удивляется этому бѣдняку, котораго прежде не считалъ богатымъ. Что почетнѣе консульства? Званіе это—однолѣтнее, и прежній консуль оставляетъ его, когда его мѣсто занимаетъ другой. Лавровыя вѣнки, при множествѣ ихъ, не замѣтны, и триумфы иногда теряютъ свой блескъ отъ недостойныхъ триумфаторовъ. Что прежде пресмественно передавалось между патриціями и было достояніемъ одной аристократіи, чего, по незнатности рода, считался недостойнымъ консуль Марій, побѣдитель Нумидіи, Тевтонцевъ и Кимвровъ, что годами за храбрость заслужилъ Сципіонъ—теперь этимъ владѣеть только одно военное сословіе, и блестящая тога съ вышитыми пальмами покрываетъ теперь людей, бывшихъ когда-то крестьянами. И такъ мы получили больше, чѣмъ сколько отдали. Потеряли ничтожное, имѣемъ великое. Обѣтованія Христа исполняются сторицею. И Исаакъ нѣкогда сѣялъ на такомъ же полѣ; приготовившись къ смерти, онъ прежде Евангелія понесъ евангельскій крестъ.

Аще хочещи, говоритъ, совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и яриди въ слѣдъ мене (Мт. 19, 21). Если хочешь быть совершенъ. Великое всегда предлагается на волю слушателей. Поэтому и апостоль не зановѣдуетъ дѣвства, поелику Господь, говоря о скопцахъ, оскопившихъ себя ради царства небеснаго, въ заключеніе сказалъ: *мойй възмстити да възмститъ* (тамъ же ст. 12), *пбо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. 9, 16). Если хочешь быть совершеннымъ. Не налагается на тебя необходимое требованіе,—чтобы только доброе произволеніе твое достигало награды. И такъ, если хочешь быть совершеннымъ, желаешь быть такимъ, какъ пророки, апостолы, какъ Христосъ, продай, и не часть имѣнія, чтобы страхъ бѣдности не служилъ поводомъ къ невѣрности, и чтобы не погибнуть съ Ананією и Сапфиною,—а все, что имѣешь. И продавши, дай

бѣднымъ, а не богатымъ, не надмѣннымъ. Дай для поддержанія пужды, а не для умноженія богатства. И читая изреченія апостола: *да не зарадиши устенъ воли молотяща* (1 Кор. 9, 9), *достойнъ дѣлатель мзды своея* (1 Тим. 5, 18) и *служащiе алтарю отъ святилища ядятъ* (1 Кор. 9, 13), помни и другое изреченіе того же апостола: *имѣюще пишу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6; 8). Гдѣ увидишь дымящіяся блюда колхидскихъ птицъ, жаренныхъ на легкомъ огнѣ, серебро, ретивыхъ иноходцевъ, косматыхъ мальчиковъ, дорогія одежды, разукрашенные ковры, тамъ благодѣтельствуемый богаче благодѣтеля. Давать не бѣднымъ принадлежащее бѣднымъ въ пѣкоторомъ родѣ святотатство. Но для совершеннаго человѣка недостаточно презирать богатство, раздавать деньги и пренебрегать тѣмъ, что въ минуту можно и потерять и пріобрѣсти. Это дѣлалъ и Кратесъ Оивянинъ, дѣлалъ Антисоенъ, дѣлали весьма многіе, извѣстные за самыхъ безправственныхъ людей. Ученикъ Христа долженъ представлять въ себѣ больше, чѣмъ философъ міра, животное тщеславія и продажный рабъ народнаго миѣнія и молвы. Недостаточно для тебя презирать богатство, если при этомъ ты не слѣдуешь Христу. А слѣдуетъ Христу тотъ, кто оставляетъ жизнь грѣховную и сопутствуетъ добродѣтели. Мы знаемъ, что Христосъ есть премудрость. Сокровище это произрастаетъ на полѣ писаній, драгоценный камень этотъ покупается за много жемчуга. А если полюбишь плѣнную жену, т. е. мудрость мірскую, и будешь увлеченъ ея красотою, то обстриги ее, обрѣжь приманки волосъ,—привлекательныя фразы, вмѣстѣ съ негодными погтями. Омой ее пророческимъ мыломъ и тогда, возлегши съ тобой, пусть скажетъ она: *ушица его подъ главою моею и десница его обзиметъ мя* (Пѣснь пѣсп. 2, 6) и плѣнница дастъ тебѣ много дѣтей и изъ моавитянки сдѣлается израильянкою. Христосъ есть освященіе, безъ кото-

раго никто не узреть лица Божія. Христось искупленіе. Онъ искупитель и цѣна, Христось—все, такъ что оставившій все ради Христа, въ Немъ одномъ обрѣтаетъ все и дерзновенно можетъ исповѣдывать: „часть моя—Господь“ (Псал. 72, 26).

Знаю, что ты ревностенъ къ божественной мудрости и не учишь, какъ пѣкоторые безумцы, тому, чего не знаешь, прежде самъ изучишь, чему имѣешь учить. Простыя письма твои благоухаютъ пророками, отзываются апостолами. Ты не стараешься о напыщеннымъ краснорѣчіи и не строишь силлогизмовъ изъ избитыхъ мыслишекъ, подобно дѣтямъ. Скоро поднимающаяся пѣна распадается, и опухоль, хотя бы и большая, не признакъ здоровья. Извѣстно изрѣченіе Катона: „если хорошо, то скоро“,—надъ которымъ (изреченіемъ) мы когда-то, еще бывши мальчиками, смѣялись, когда это во введеніи въ науку требовалось отъ совершеннаго оратора. Ты помнишь, я думаю, о нашемъ взаимномъ уклоненіи отъ этого правила, тогда какъ весь атеней учениковъ согласовался съ наставленіемъ: „если хорошо, то скоро“. Счастливы были бы искусства, говорить Фабій, если бы о нихъ судили одни художники. Поэта не можетъ разгадать тотъ, кто не умѣетъ сложить стиха; кто не знаетъ различныхъ мнѣній, тотъ не можетъ понимать философовъ. Художники больше одобряютъ искусно сдѣланное, хотя бы и неприятное для глазъ. Отсюда можешь заключить, какъ тяжело наше положеніе: нужно становиться на сторону общественнаго мнѣнія и въ обществѣ благоговѣть предъ тѣмъ, кого презиралъ бы, увидѣвши наединѣ. Я коснулся этого мимоходомъ, для того, чтобы ты, довольствуясь отзывами людей опытныхъ, не слишкомъ заботился о томъ, какіе слухи распускаютъ объ умѣ твоемъ невѣжды, а ежедневно, какъ тайныкъ Христа и сотаппникъ патріарховъ, пилъ отъ глубины пророковъ.

Читаешь ли, пишешь ли, бодрствуешь или спишь, пусть всегда трубою въ ушахъ у тебя звучить любовь. Эта труба пусть возбудить душу твою; воспламененный этою любовію, ищи на ложѣ твоемъ, кого желаетъ душа твоя (Пѣснь пѣсн. 3, 1), и съ дерзновеніемъ говори: я сплю, а сердце мое не спитъ (5, 2). И когда найдешь его и удержишь при себѣ, не выпускай. И если, немного задремавши, ты его выпустишь изъ рукъ, то не впадай тотчасъ въ отчаяніе. Выйди на улицы, заклинай дочерей іерусалимскихъ (3, 5); ты пайдешь его въ полдень возлежащаго за столомъ, утомленнаго, опьяненнаго, мокраго отъ ночной росы, въ толпѣ пріятелей, въ различныхъ благовоніяхъ, среди райскихъ наслажденій. Дай ему отъ сосцевъ твоихъ, пусть напиться отъ прекрасной груди, пусть успокоится *посредь предѣлъ, криль голубинъ посребренъ, и междорамія ея въ блещаніи злата* (Псал. 67, 14). Тотъ младенецъ и отрокъ, который питается масломъ и медомъ (Ис. 7, 15), который воспитывается среди горъ богатыхъ сыромъ, скоро возрастаетъ въ юношу, быстро сокрушаетъ въ тебѣ враговъ, мгновенно разрушаетъ Дамаскъ и побѣждаетъ царя ассирійскаго.

Слышалъ я, что ты на римской пристани устроилъ странпопріемницу,—на Авзонскомъ берегу возрастилъ отрасль отъ дерева Аврамова ¹⁾. Какъ Эней, ты раскидываешь новый лагерь, и при струяхъ Тибра, гдѣ нѣкогда онъ, выпущенный голодомъ, не пощадилъ завѣтныхъ корокъ и четвероугольныхъ кусочковъ хлѣба, ты строишь намъ маленькій городокъ, т. е. домъ хлѣба (Виноземъ) и за продолжительный голодъ вознаграждаешь неожиданнымъ изобиліемъ. Слава тебѣ!.. Ты пре-

¹⁾ Сближеніе съ дубомъ мамврійскимъ, у котораго Авраамъ принималъ трехъ странниковъ.

восходишь наши начинанія, занимаешь высшее мѣсто, отъ основанія достигаешь до вершины; первый между монахами, въ первомъ городѣ, слѣдуешь первому патріарху. Лотъ, что въ переводѣ значитъ *уклоняющійся*, пусть избираетъ низменные мѣста ¹⁾ и, по буквѣ Пифагора ²⁾, слѣдуетъ болѣе легкому и удобоисполнимому; а ты съ Сарою приготовляй себѣ надгробный памятникъ въ дѣлахъ возвышенныхъ и неудобныхъ (Быт. 23). Пусть подлѣ будетъ городъ языческаго образованія: съ погибелью исполиновъ, сыновъ Енака, потомство твое возвеселится и возрадуется. Богатъ былъ Авраамъ золотомъ, серебромъ, стадами, имѣніемъ, одеждами (Быт. 24); имѣлъ столько домочадцевъ, что тотчасъ послѣ извѣстія объ опасности могъ вооружить войско изъ отборныхъ юношей и настигнувъ въ Данѣ умертвилъ четырехъ царей, отъ которыхъ бѣжали пять царей: при такомъ щедромъ хлѣбосольствѣ, онъ, за то, что не отвергалъ людей, удостоился принять Бога. Онъ не приказывалъ рабамъ и рабынямъ служить своимъ гостямъ и не уменьшалъ цѣну добраго дѣла, которое указывалъ, помощію другихъ, но какъ будто нашедши добычу, одинъ съ своею Сарою заботился объ угощеніи. Самъ умылъ ноги, самъ на плечахъ принесъ тучнаго тельца изъ стада, стоялъ какъ слуга во время обѣда странниковъ и, не вкушая самъ, предлагалъ яства, приготовленныя руками Сары.

Увѣщеваю тебя, возлюбленнѣйшій братъ, во имя любви, которою люблю тебя—не только стяжанія, но и себя самого приноси Христу, жертву живую, святую, благоудную Богу, разумное служеніе твое (Рим. 12, 1) и подражай Сыну чело-

¹⁾ Быт. 13, 10.

²⁾ Буква Пифагора есть λ . У древнихъ она служила символомъ жизни человѣческой; одна сторона ея представляетъ путь добродѣтели, другая путь порока.

вѣческому, который пришелъ *не да послужать ему, но послужити* (Мѳ. 20, 28). Что сдѣлалъ патріархъ для странниковъ, тоже оказалъ Учитель и Господь своимъ ученикамъ и слугамъ. *Кожу за кожу и вся елика имать человекъ дастъ за душу свою: обаче коснися, говоритъ діаволь, плоти его, аще не въ лице тя благословитъ* (Іов. 2, 4. 2). Исконный врагъ знаетъ, что борьба внутренняя бываетъ сильнѣе, чѣмъ борьба изъ-за богатства. Привходящее отвѣ легко оставляется. раздоръ внутренній опаснѣе. Связанное можно раздѣлить, соединенное внутренне нужно разсѣчь. Закхей былъ богатъ, апостолы бѣдны. Онъ возвратилъ четверицею несправедливо приобретенное половину оставшагося имѣнія раздалъ нищимъ, принявъ въ домъ Христа, спасеніе было дому его (Лук. 19); и однако, поелику онъ былъ малъ и не могъ дорости до высоты апостольской, не былъ включенъ въ число двѣнадцати апостоловъ. А апостолы, какъ ничего не имѣли изъ богатства, такъ равно и по внутреннему расположенію оставили весь міръ. Если мы приносимъ Христу стяжанія съ душою своею, то онъ съ благоволеніемъ приметъ ихъ; а если мы виѣшнее отдаемъ Богу, а внутреннее діаволу, то раздѣляемъ поровну и Господь говоритъ намъ: *егда аще право принеслъ еси, право же не раздѣлилъ еси, не согрѣшилъ ли еси* (Быт. 4, 7)?

Что ты, изъ рода патриціевъ, первый между первыми сдѣлался монахомъ—это пусть служить для тебя побужденіемъ не къ гордости, а къ смиренію, если ты знаешь, что Сынъ Божій сдѣлался сыномъ человѣческимъ. Какъ ни будешь смиряться ты, не будешь униженіемъ Христа. Положимъ, ты ходишь босыми ногами, одеваешься въ ветхую тунику, уравниваешься съ бѣдными, благосклонно ходишь въ хижины нищихъ, служишь окомъ слѣпыхъ, рукою немощныхъ, ногою хромыхъ, самъ носишь воду, рубишь дрова, складаешь печь: но гдѣ узы, гдѣ заушенія, гдѣ заплеванія, гдѣ бичеванія, гдѣ стра-

данія, гдѣ смерть? И если сдѣлаешь все, что я сказалъ, то твоя Евстохія и Павла будутъ превосходить тебя если не по силѣ подвига, то навѣрно по своему полу. Я еще не былъ въ Римѣ, тогда пустыня удерживала меня (если бы навсегда удержала!), когда, при жизни тестя твоего Токсоція, онѣ служили міру. Но вотъ слышу, что онѣ, не могшія терпѣть уличной грязи, которыхъ свѣухи послали на рукахъ, которымъ очень трудно было переступать по перовой почвѣ, для которыхъ тяжела была полковая одежда и нестерпимъ солнечный жаръ,—теперь, одѣтыя въ грязное платье, скромныя и сравнительно съ прежнимъ довольно сильныя,—дѣлаютъ свѣчи, топятъ печь, метутъ мостовую, чистятъ овощи, готовятъ кушанья, накрываютъ столы, подаютъ чаши, наливаютъ блюда, бѣгаютъ туда и сюда. Съ ними конечно живетъ много дѣвицъ: неужели онѣ не могли поручить другимъ подобныхъ занятій? Но онѣ не хотятъ и въ тѣлесномъ трудѣ уступать тѣмъ, коихъ онѣ превосходятъ силою духа. Я говорю это не потому, что сколько нибудь сомнѣваюсь въ ревности твоей, а для того, чтобы еще болѣе возбудить тебя въ подвигѣ и въ сильномъ ратоборцѣ усилить одушевленіе новымъ жаромъ.

Построивъ въ этой провинціи монастырь и около него гостинницу, чтобы какъ нибудь и теперь Юсифъ съ Марією, пришедши въ Виелеемъ, не остались безъ гостинницы (Лук. 2), мы такъ стѣснены множествомъ монаховъ, стекающихся со всего свѣта, что не можемъ ни оставить пачатаго дѣла, ни продолжать его выше своихъ средствъ. Поэтому, такъ какъ у насъ случилось почти по слову Евангелія—что мы напередъ не считали издержекъ на постройку башины (Лук. 14, 28. 39), то мы были вынуждены послать въ отечество брата Павлиніана, съ тѣмъ чтобы онъ продалъ полуразрушенныя помѣстья, избѣжавшія рукъ варваровъ, и имѣнія нашихъ общихъ родителей,—

чтобы, оставляя начатое святое дѣло, не подать повода къ по-смѣянію для порицателей и завистниковъ.

Въ концѣ письма я вспомнилъ, что въ нашей колесницѣ — и не безъ значенія, — нѣтъ пятой — Блезиллы. Я почти забылъ поговорить о той, которая первая изъ васъ предварила къ Господу. Пятеро теперь какъ бы раздѣлились на троихъ и двоихъ; она съ сестрою Павлиною наслаждается мирнымъ сномъ, а ты среди двухъ легче будешь воспарять ко Христу.

63. Письмо къ Каструцію.

Священный сынъ мой, діаконъ Ираклій, извѣстилъ меня, что, желая видѣть насъ, ты достигъ уже Циссы, ты — человекъ изъ Панноніи, т. е. животное сухопутное, — не побоялся бурь Адриатическаго моря и подвергся опасностямъ моря Эгейскаго и Ионическаго, — и осуществилъ бы свое желаніе, если бы не удержала тебя нѣжная любовь братьевъ. Благодарю и считаю исполненнымъ твое намѣреніе. Въ друзьяхъ цѣнится не дѣло, а расположеніе; первое оказывается часто врагами, послѣднее производитъ одна любовь. вмѣстѣ съ этимъ прошу тебя не думать, что тѣлесный недугъ, которымъ ты страдаешь, произошелъ у тебя вслѣдствіе грѣха. Апостолы, подозрѣвая это въ слѣдпорожденномъ и вопросивъ Господа Спасителя: *кто согрѣши, сей ли или родители ею, яко сынъ родися*, получили отвѣтъ: *ни сей согрѣши, ни родителя ею: но да явятся дѣла Божія на немъ* (Іоан. 9, 2. 3). Какъ много мы видимъ язычниковъ и іудеевъ, еретиковъ и неправовѣрующихъ, которые пресмыкаются въ грязи разврата, обгащаются кровію, которые свирѣпѣе волковъ и хищнѣе коршуновъ, — и тѣмъ не менѣе бичъ не приближается селеніямъ ихъ (Іс. 90), они не наказываются съ другими людьми и поэтому надмѣваются противъ

Бога и даже до неба восходятъ уста ихъ. II, напротивъ, знаемъ, что мужи святые страдаютъ въ болѣзняхъ, несчастіяхъ, нищетахъ и иногда говорятъ: *еда всуе оправдахъ душу мою и умыхъ въ неповинныхъ руцѣ мои* (Псал. 72, 13) и тотчасъ, упрекая себя, разсуждаютъ: *аще повѣмъ тако, се роду сыновъ твоихъ преступихъ* (ст. 15). Если ты думаешь, что причина слѣпоты грѣхъ и что гнѣвъ Божій производитъ то, что часто излечиваютъ врачи, то ты долженъ будешь обвинить во грѣхѣ безхитростнаго Исаака, который до того былъ слѣпъ, что по ошибкѣ даже далъ благословеніе тому, кому не хотѣлъ; долженъ будешь обвинить Іакова, у котораго помрачилось зрѣніе и который, внутренними очами и пророческимъ духомъ прозрѣвая далекое будущее и провидя Христа, имѣющаго произойти отъ царскаго рода, не могъ видѣть Ефрема и Манассію (Быт. гл. 27, 48 и 49). Кто изъ царей святѣ Іосіи? Онъ былъ убитъ египетскимъ оружіемъ. Кто выше Петра и Павла?—Ихъ кровію обогрѣнъ былъ мечъ Нерона. И (чтобы не говорить о людяхъ) Сынъ Божій потерпѣлъ ношеніе креста: неужели послѣ этого ты считаешь блаженными тѣхъ, кои наслаждаются счастіемъ и удовольствіями міра сего? Великій гнѣвъ тотъ, когда Богъ не гнѣвается на грѣшниковъ. Поэтому и у Іезекіиля онъ говоритъ Іерусалиму: „не разгнѣваюсь на тебя, ревность моя отступила отъ тебя“ (Іезек. 16, 42); *его же бо любитъ Господь, наказуетъ* (Притч. 3, 12) и *біетъ всякаго сына, его же приѣмлетъ* (Евр. 12, 6). Отецъ вразумляетъ только того, кого любитъ; учитель наказываетъ только того ученика, въ которомъ замѣчаетъ болѣе сильныя способности; врачъ уже отчаявается, если перестаетъ лечить. Поэтому размышляй такъ: какъ Лазарь воспріялъ злая въ животѣ своемъ (Лук. 16, 25), такъ и я съ радостию потерплю страданія въ жизни настоящей, чтобы пріобрѣсти славу въ жизни будущей; ибо *Господь не отмститъ омажды* за одно и тоже (Наум. 1, 9). Въ книгѣ Іова повѣ-

ствуется, почему этотъ святой и нецорочный и несправедный мужъ столько претерпѣлъ въ жизни своей.

Чтобы сверхъ мѣры долго не распространяться о древнихъ событіяхъ, я расскажу тебѣ маленькую исторію, случившуюся во времена моего дѣтства. Когда Аванасій, епископъ александрійскій, для опроверженія еретиковъ (аріанъ), вызвалъ въ Александрію св. Антонія и когда къ этому послѣднему пришелъ Дидимъ, ученѣйшій мужъ, лишенный зрѣнія, то между прочими разсужденіями относительно св. писанія, удивляясь уму Дидима и восхваляя силу духа его, св. Антоній спросилъ его: не печалитъ ли тебя лишеніе тѣлесныхъ очей? Когда Дидимъ въ смущеніи молчалъ, то, спросивъ его во второй и третій разъ, св. Антоній наконецъ вынудилъ его откровенно сознаться, что онъ сожалеетъ объ утратѣ зрѣнія. Тогда Антоній сказалъ ему: „я удивляюсь, что мудрый мужъ скорбитъ о потерѣ того, что имѣютъ и муравьи и мухи и комары, и не радуется что имѣетъ то, чего удостоились одни святые и апостолы“, Изъ этого можешь заключить, что гораздо лучше видѣть духомъ, нежели тѣломъ, и имѣть тѣ глаза, въ кои не можетъ попасть сучецъ грѣха (Лук. 6). Хотя въ этомъ году ты не будешь у насъ, но мы не отчаяваемся въ твоёмъ посѣщеніи. Если священный діаконъ, податель письма, опять будетъ задержанъ твоими ласками и ты прибудешь сюда вмѣстѣ съ нимъ, то я охотно перенесу эту отерочку, въ надеждѣ, что замедленіе расплаты вознаградится большими процентами.

64. Письмо къ Океану.

Никогда я не думалъ, сынъ Океанъ, чтобы милосердіе Владыки подвергалось нареканію виновныхъ и чтобы вышедшіе изъ темницъ, послѣ позора и цѣпей, сожалѣли объ освобожденіи другихъ. Въ евангеліи завидующему чужому спасенію

говорится: *друзе, аще око твое лукаво есть, яко азъ блазъ есмь?* (Рим. 11, 32). *Идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. 5, 20). Истреблены были всѣ первенцы египетскіе (Исх. 12), а между тѣмъ даже скотъ израильскій не былъ оставленъ въ Египтѣ. Вотъ возникаетъ каинитская ересь, давно издохшая ехидна поднимаетъ сокрушенную голову и уже не отчасти, какъ обыкновенно прежде, а всецѣло подрываетъ таинство Христова. Она говоритъ, что есть нѣкоторые грѣхи, которые Христосъ не можетъ очистить своею кровію и что отъ закоренѣлыхъ грѣховъ въ тѣлахъ и душахъ остаются столь глубокія рапы, что не могутъ быть исцѣлены врачествомъ Его. Что иное говоритъ эта ересь, какъ не то, что Христосъ умеръ напрасно? А конечно, Онъ умеръ напрасно, если нѣкоторыхъ не можетъ оживотворить. Неправду слѣдовательно говоритъ Іоаннъ Креститель, и перстомъ и устами указывал на Христа: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29), если еще въ мірѣ есть люди, грѣхи которыхъ не подъялъ Христосъ. Ибо или нужно доказать, что неискупленные милосердіемъ Христа не принадлежать міру, или, если принадлежать, то нужно избрать другое изъ двухъ. Освобожденные отъ грѣховъ доказываютъ силу Христа, неосвобожденные говорятъ о Его безсиліи. Но не будемъ думать о Всемогущемъ, что Онъ въ чемъ нибудь безсиленъ: *вся яже Отецъ творить, сіа и Сынъ такожде творить* (Іоан. 5, 19). Слабость Сына падаетъ на Отца. Всѣ члены Агнца преисполнены; всѣ посланія Апостола возвѣщаютъ благодать Христа. И чтобы не казалось мало простаго обѣтованія благодати, говоритъ: *благодать вамъ и міръ да умножится* (1 Петр. 1, 2) Обѣщается умноженіе, а мы проповѣдуемъ скудость.

Но къ чему это? Ты имѣешь въ виду свою задачу: Картерій, епископъ испанскій, человѣкъ престарѣлый и по лѣтамъ и по священству, прежде крещенія женился на одной, а послѣ

крещенія, по смерти первой, на другой женѣ; ты думаешь, что онъ поступилъ вопреки наставленію апостола, который, перечисляя качества епископа, предписалъ рукополагать во епископа *единыя жены мужа*. Но я удивляюсь, что ты выставляешь на видъ одного, тогда какъ такими рукоположеніями наполненъ весь міръ. Не говорю ни о пресвитерахъ, ни о низшей степени; если захочу поименно перечислить только епископовъ, то соберется такое число, что будетъ больше бывшихъ на Ариминскомъ соборѣ. Впрочемъ, неприлично защищать одного, какъ бы обвиняя многихъ и оправдывать множествомъ согрѣшающихъ того, кого не можешь оправдать разумными основаніями. Въ Римѣ одинъ весьма образованный человѣкъ предложилъ мнѣ, какъ говорится, рогатый силлогизмъ, чтобы, куда бы я ни поворотился, запутывать меня тѣсенѣе и тѣспѣе. Жениться, спросилъ онъ, грѣхъ или нѣтъ? И, не умѣя избѣжать подвода, въ простотѣ сказалъ, что не грѣхъ. Затѣмъ онъ предложилъ другой вопросъ: въ крещеніи отпускаются добрыя дѣла или злыя? И на это съ тою же простотою я сказалъ, что отпускаются грѣхи. Когда я считалъ себя безопаснымъ, отсюда и отсюда стали выростать для меня рога и развертываться прежде скрытая засада. Если, сказалъ онъ, жениться не грѣхъ, а крещеніе отпускаетъ грѣхи, то сохраняется въ силѣ все, что не отпускается. У меня стало темнѣть въ глазахъ, какъ будто меня ударилъ самый сильный боецъ, но тотчасъ, вспомнивши софизмъ Хризиппа: „если ты лжешь, и это говоришь правду, то лжешь“ — и пришедши въ себя, я обратилъ на противника пріемъ силлогизма. Прошу тебя отвѣчать, сказалъ я ему. Крещеніе обновляетъ человѣка или нѣтъ? Едва отвѣтилъ онъ, что обновляетъ. Всецѣло обновляетъ, далѣе спросилъ я, или только отчасти? Всецѣло, сказалъ онъ. Наконецъ, я спросилъ: слѣдовательно ничего въ крещеніи не остается отъ ветхаго человѣка? Онъ кивнулъ головою. Тогда я началъ выводить: если кре-

щеніе обновляетъ человѣка и всецѣло творитъ его новымъ, такъ что въ немъ ничего не остается отъ ветхаго человѣка, то новому не можетъ вмѣняться то, что нѣкогда было въ ветхомъ человѣкѣ. Сначала нашъ колючій возражатель (spinosulus) онѣмѣлъ, а потомъ, какъ Пизонъ, не зная, что говорить, не могъ молчать ¹⁾; потъ выступалъ у него на лбу, блѣднѣли щеки, тряслись губы, прилипалъ языкъ, сохло во рту; онъ морщился больше отъ изумленія, чѣмъ отъ старости, и наконецъ разразился: „неужели не читалъ ты у апостола, что во священство избирается мужъ одной жены и что опредѣляется сущность дѣла, а не времена“? Видя, что онъ вызываетъ меня на споръ силлогизмами и клонитъ дѣло къ запутаннымъ словопреніямъ, я направилъ противъ него свои стрѣлы. Апостоль, сказалъ я, избралъ на епископство получившихъ крещеніе или оглашенныхъ? Онъ не хотѣлъ отвѣчать. Я настаивалъ на своемъ и спросилъ во второй и въ третій разъ. Ты подумалъ бы, что это Нюбея, отъ чрезмѣрнаго плача превратившаяся въ камень. Я обратился къ слушателямъ и сказалъ: все равно, добрые судьи, связать ли врага бодрствующаго или спящаго; только легче наложить оковы на него, когда онъ уснокоился, чѣмъ когда онъ борется. Если апостоль присоединяетъ къ клиру не оглашенныхъ, а вѣрующихъ, и вѣрующій рукополагается во епископа, то грѣхи оглашеннаго не будутъ вмѣняться вѣрующему. Такого рода стрѣлы и метательныя копья я бросалъ въ противника, погруженнаго въ летаргію. Наконецъ, онъ встрепенулся и какъ бы извергая умомъ рвоту и блевотину, разразился: такъ училъ апостоль Павелъ.

Такимъ образомъ выставляются посланія апостола, одно къ Тимофею, другое къ Титу. Въ первомъ написано: *еще кто*

¹⁾ Пизонъ былъ заяцъ, но большой охотникъ говорить, — въ чемъ его упрекалъ Цицеронъ.

епископства *хочетъ добра дѣла желаетъ. Подобаеть убо епископу быти непорочному, единыя жены мужу, трезвену, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, учительну: не пѣяницѣ, не бѣйцу, не сварливу, не миселюмцу: но кротку, не завистливу, не сребролюбцу, съой домъ добръ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою. Аще же кто своего дому не умѣетъ правити, какъ о церкви Божіей прилежати возможетъ. Не новокрещенному, да не разордѣвся въ судъ впадетъ діаволь. Подобаеть же ему и свидѣтельство добро имѣти отъ вѣншихъ: да не въ поношеніе впадетъ и въ стѣть непріязненну* (1 Тим. 3, 1—7). Въ посланіи къ Титу уже въ самомъ началѣ предлагаются эти наставленія. *Сею ради оставихъ тя въ Критѣ, да недоконченная исправиши и устроиши по вѣстѣмъ градамъ пресвитеры, якоже тебѣ азъ повелѣхъ. Аще кто есть непороченъ, единыи жены мужъ, чада имѣи вѣрна, не въ укореніи блуда, или непокорива. Подобаеть бо епископу безъ порока быти, якоже Божію строителю: не дерзу, не напрасливу, не гнѣвливу, не бѣйцу, не скверностяжателю: но страннолюбиву, благолюбцу, цѣломудренну, праведну, преподобну, воздержательну, держащемся вѣрному словеси по ученію, да силенъ будетъ утѣшити во здравѣмъ ученіи, и противящияся обличати* (Тит. 1, 5—9). Въ томъ и другомъ посланіи повелѣвается, чтобы въ санъ какъ епископа, такъ и пресвитера (хотя у древнихъ епископами и пресвитерами были одни и тѣже, поелику первое было именемъ достоинства, а второе—возраста) ¹⁾, избирались едиобрачные. Что дѣйствительно апостоль говоритъ

¹⁾ Иеронимъ говоритъ о первоначальныхъ временахъ церкви апостольской, когда имена пресвитеръ и епископъ иногда отождествлялись, какъ это онъ подробно развиваетъ въ письмѣ къ Евангелу (по Curs. Compl. Patol. t. XXII, еріст СXLVI). Хотя мысль о нѣсколько позднѣйшемъ происхожденіи епископства сравнительно съ пресвитерствомъ у Иеронима встрѣчается нерѣдко, но бла-

здѣсь о крещенныхъ, въ этомъ никто не сомнѣвается. Потому, если рукоположеніе возможно, хотя бы рукополагаемый и не имѣлъ до крещенія качествъ, требуемыхъ отъ епископа (потому что требуются качества настоящія, а не прошедшія): то почему же препятствуетъ рукоположенію одно имя жены, что одно и не было грѣхомъ? Ты скажешь: такъ какъ не было грѣхомъ, то и не было отпущено въ крещеніи. Это новость: послѣку не было грѣхомъ, то вмѣняется въ грѣхъ! Всякій развратъ, грязь публичнаго смѣшенія, нечестія, отцеубійство, кровосмѣшеніе, грѣхи противъсестественныя очищаются водою Христа: а пороки брачнаго сожитія останутся, публичные дома будутъ имѣть предпочтеніе предъ спальнями?! Я не ставлю тебѣ въ вину множество блудницъ, толпы развратниковъ, кровопролитіе, помойныя ямы, гдѣ валяются какъ свиньи во всякой сквернѣ похотей; а ты, въ укоризну мнѣ, извлекаешь изъ гроба давно умершую жену, которую я взялъ, чтобы не дѣлать того, что сдѣлалъ ты? Пусть же язычники—эта жатва церкви, которою ежедневно наполняются наши житницы,—и оглашенные,—эти кандидаты вѣры,—пусть же они услышатъ, что до крещенія они не должны жениться, не должны вступать въ честныя браки, но, по обычаю Скоттовъ и Антикотовъ и по республикѣ Платона, должны имѣть общихъ женъ и общихъ дѣтей; пусть они остерегаются даже употреблять слово супруга,—чтобы послѣ того, какъ они увѣруютъ во Христа, ихъ не стали упрекать, что когда-то они имѣли не паложницъ и блудницъ, а законныхъ женъ.

Каждый долженъ испытывать совѣсть свою и оплакивать преступленія всей жизни, и даже, сдѣлавши себя справедливымъ

женный учитель этимъ никогда не отрицалъ апостольскаго происхожденія и авторитета епископской власти, которую онъ всегда признавалъ необходимою и законною въ церкви. (Срав. письма: къ Иліодору, Непоціану, Теофілу, діалогъ противъ Люцифер. и Ювин. кн. 1 и др. мѣста).

судією прежнихъ грѣховъ, долженъ внимать упреку Іисуса: *лицемъре, изми первѣе бревно изъ очесе твоего: и тогда узриши изыати сучецъ изъ очесе брата твоего* (Мѣ. 7, 5; Лук. 6, 42). Поистинѣ мы какъ книжники и фарисеи, оцѣживающіе комара, и поглощающіе верблюда, даемъ десятицу съ мяты и тмина и оставляемъ судъ Божій (Мѣ. 23). Что общаго между женою и блудницею? Неужели вмѣняется въ преступленіе несчастная смерть супруги и увѣчивается блудъ? Тотъ, еслибы была жива первая жена, не имѣлъ бы другой, а ты чѣмъ можешь оправдать свои постоянныя собачьи связи? Можетъ быть ты скажешь, что ты боишься, вступивъ въ бракъ, потерять возможность сдѣлаться впоследствии клирикомъ. Тотъ желалъ имѣть дѣтей отъ супруги: ты въ блудницѣ потерялъ потомство. Его, который слѣдовалъ закону природы и благословенію Господа— *роститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 28), покрывали тайники ложа, а тебя, который поскотски стремился къ удовлетворенію похоти, возгнушалось все общество. Онъ съ цѣломудреннымъ стыдомъ скрывалъ позволительное; ты безстыдно предъ глазами всѣхъ дѣлалъ непозволительное. Ему говорятъ: *честна женитва и ложе не скверно*, а тебѣ: *блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ* (Евр. 13, 4) и *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Кор. 3, 47). Всѣ, говорить онъ, грѣхи отпущены намъ въ крещеніи, и послѣ отпущенія не должно страшиться строгости Судин. по слову апостола: *и сими убо нѣцыи бѣсте: но омыстесь, но освятитесь, но оправдастесь именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. 6, 11). Всѣ грѣхи отпущены; хорошо и справедливо. Но спрашивается: какимъ образомъ твои нечистоты омыты, а мое чистое стало нечистымъ? Я не говорю, скажешь ты, что твои дѣла стали нечистыми, а говорю только, что они остались въ томъ же состояніи. въ какомъ были, потому что если бы они были нечи-

сты, то, конечно, также были бы омыты, какъ и мои. Скажи пожалуйста, что это за увертка, что за остроуміе, тупѣ всякаго песта? Это грѣхъ потому, что не грѣхъ, нечисто потому, что чисто? Богъ не простилъ потому, что не отчего было прощать, и такъ какъ не простилъ, то остается все, что не было прощено!

Однако по народной пословицѣ: изъ худаго сука дерева нужно дѣлать худой клинъ, я нѣсколько спустя перейду къ тому, какую силу имѣеть крещеніе и вода, освященная Христомъ въ благодать. О словахъ: *единны жены мужа* можно разсуждать и иначе. Апостоль былъ изъ іудеевъ; первая церковь Христова собиралась изъ остатковъ Израиля. Апостоль зналъ, что по примѣру патріарховъ и законъ Моисеевъ для размноженія позволялъ патріархальному народу многоженство; и самимъ священникамъ доступно было это снисхожденіе. Поэтому онъ и повелѣлъ, чтобы такой же слабости не позволяли себѣ священники церкви Христовой, чтобы въ одно и тоже время имѣли не по двѣ и по три, а по одной женѣ. Чтобы ты не кричалъ, что это мнѣніе спорное, выслушай и другое толкованіе: пусть не ты одинъ подчипяешь не произволь закону, а законъ произволу. Нѣкоторые натянуто объясняютъ, что подъ женами должно разумѣть церкви, а подъ мужами епископовъ. Это утверждено даже и на Никейскомъ соборѣ ¹⁾, чтобы епископъ отъ одной церкви не переходилъ къ другой, чтобы, оставивъ дѣвственное общеніе съ бѣдною, не искалъ объятій болѣе богатой прелюбодѣйцы. Церкви называются женами епископовъ потому, что какъ неправомысліе (*vitium in locutione*) духовныхъ чадъ ставится въ вину епископу, такъ и семейная жизнь касается и души, какъ и тѣла. Объ этихъ женахъ гово-

¹⁾ Справедливѣ видѣть здѣсь указаніе на правило собора Сардинійскаго постановленія котораго въ древности верѣдко смѣшивали съ постановленіями никейскими.

рится у Исаи: *жены, грядущія съ позорища. придите: не суть бо людѣ, имуще смысла* (Ис. 27. 11); и еще: *жены богатая возстаните и услышите гласъ мой* (32, 9). Въ Притчахъ говорится: *жену доблю кто обрящетъ, дражайши естъ камня многоцѣннаго* таковая: увѣрено въ ней сердце мужа (Притч. 31, 10. 11); и въ другомъ мѣстѣ той же книги: *мудрыя жены создаша дома: безумная же раскопа руками своими* (14, 1). И это, говорятъ, не должно казаться недостойнымъ епископовъ, когда о Самомъ Богѣ написано: *яко отвергается жена сожителя своего, тако отвержесе отъ мене домъ Израиля* (Иерем. 3, 20). Подъ именемъ жены (γυνή) по двусмысленности греческаго слова ¹⁾ лучше разумѣть супругу (ихогет). И это толкованіе, скажешь ты, насильственно и довольно грубо. Дай же писанію простоту свою, чтобы мы не направляли противъ тебя твоихъ же правилъ. Спрошу еще и вотъ что: кто имѣлъ до крещенія наложницу, и по смерти ея, крестившись, вступилъ въ бракъ—можетъ сдѣлаться клирикомъ или нѣтъ? Ты скажешь, что можетъ, потому что имѣлъ паложницу, а не жену. Слѣдовательно апостоль осуждаетъ брачный договоръ и законъ о приданномъ, а не совокупленіе? Многіе по причинѣ бѣдности уклоняются отъ брачныхъ узъ, имѣютъ служанокъ вмѣсто женъ, рожденныхъ отъ нихъ дѣтей воспитываютъ какъ своихъ собственныхъ и если по какому-нибудь случаю милостію императора пріобрѣтутъ имъ столу ²⁾, то тотчасъ подчиняются наставленію апостола ³⁾ и невольно бывають вынуждены считать ихъ за законныхъ женъ, а если таже бѣдность не позволить пріобрѣсти императорскаго рескрипта, то

1) Γυνή значить и mulier и ихог, и женщина вообще и супруга.

2) Стола (stola)—длинное широкое платье, которое могли носить только честныя женщины и матроны и которое законъ воспрещалъ конкубинамъ и публичнымъ женщинамъ.

3) Т. е. чтобы быть мужемъ одной жены.

и постановленія церкви вмѣстѣ съ римскими законами будутъ нарушаться. Поразмысли, нельзя ли слово *единыя жены мужа* (*unius uxoris virum*) понимать въ смыслѣ одной женщины (*mulieris*). чтобы мысль апостола относилась больше къ совокупленію, чѣмъ къ брачному договору. Все это мы говоримъ не для того, чтобы опровергнуть истинное и простое объясненіе. но для того, чтобы научить тебя такъ понимать писаніе, какъ оно написано, не уничижать крещенія Спасителя и не дѣлать тщетнымъ все таинство страданія.

Исполнимъ то, что мы обѣщали нѣсколько выше, и по правиламъ риторовъ провозгласимъ славу водъ и крещенія. Когда еще не сіяло солнце, не блѣднѣла луна и не блистали звѣзды, неустроенную и невидимую матерію невоздѣланнаго міра облегалъ великая бездна и непровицаемая тьма. Одинъ Духъ Божій подобно кормчему носился надъ водами (Быт. 1, 2) и образомъ крещенія воспроизводилъ раждающійся міръ. Между небомъ и землею созидается средняя твердь, изъ водъ производится небо (по еврейской этимологіи небо *samaim* происходитъ отъ воды) и во славу Божию отдѣляются воды, которыя превыше небесъ. Отсюда и у пророка Іезекіиля надъ херувимами представляется распростертый кристалль (Іезек. 1). т.е. сплоченныя и густыя воды. Сначала изъ воды выходитъ живущее, и окрыленные вѣрующіе отъ земли возносятся на небо. Творится человекъ изъ персти (Быт. 2, 7) и въ рукахъ Божіихъ обращаются таинства водъ. Насаждается рай въ Едемъ (ст. 8) и одна рѣка раздѣляется на четыре начала. рѣка, которая послѣ, исходя изъ храма и направляясь къ востоку солнца (Іезек. 47, 1), оживляетъ мертвыя и горькія воды. Раствѣвается міръ, и не очищается безъ водъ потопа (Быт. 7, 17). Скоро голубъ Духа Святаго, по изгнаніи хищной птицы, прилетаетъ къ Ною, какъ ко Христу во Іорданѣ, и вѣтвію обновленія и мира возвѣщаетъ миръ міру (Быт. 8, 11). Фа-

раонъ, не хотѣвшій выпустить народъ Божій изъ Египта, съ войскомъ своимъ погибаетъ въ символѣ крещенія (Исх. 14, 13). И въ псалмахъ о погибели его написано: *ты утвердилъ еси силою твоею море: ты стерлъ еси главы змѣевъ въ воду: ты сокрушилъ главы великаго дракона* (Пс. 73, 13). Отсюда происходятъ и скорпіоны и всѣ жалиція насѣкомыя, и такъ какъ они произошли отъ воды, то они и дѣлаютъ водобоящихся (*ὕδροφοβος*) и лимфатическихъ. Море измѣняется таинствомъ креста и семьдесятъ пальмъ апостоловъ орошаются пучинами усладительнаго закона. Авраамъ и Исаакъ искапываютъ колодцы; чужеземцы противятся. Вирсавія—*кладязь клятвенный* (Быт. 21); и царство Соломона получаетъ имя отъ источниковъ ¹⁾. Ревекка обрѣтается при колодезѣ (Быт. 24); Рахиль по поводу воды привѣтствуется цѣлованіемъ богоборца (Быт. 29); Моисей, отворивши колодезь, освобождаетъ отъ обиды дочерей священника Мадіамскаго. Предтеча Господа въ водахъ около Салима, что значитъ *миръ* или *совершенство*, приготовляетъ народъ Христу (Матѣ. 4, 27). Самъ Спаситель начинаетъ проповѣдывать царствіе небесное послѣ крещенія, освятить воды Иордана своимъ омовеніемъ. Первое чудо творитъ изъ воды (Іоан. 2, 9). Самарянку призываетъ при колодезѣ, жаждущему предлагаетъ пить. Никодиму говорить тайно: „если кто не родится водою и Духомъ, не можетъ войти въ царство небесное“ (Іоан. 3). Какъ началъ съ воды, такъ и окончилъ водою. Ребра Христа прободаются копьемъ, и изливаются вмѣстѣ и святыня крещенія и святыня мученичества. По воскресеніи посылаетъ апостоловъ къ язычникамъ и повелѣваетъ крестить ихъ въ таинство Троицы. Народъ іудейскій раскаявается въ преступленіи и немедленно посылается Петромъ креститься. „Прежде чревоболѣнія раж-

¹⁾ Соломонъ былъ сынъ Вирсавія (3 Цар. 1).

даетъ Сіонъ, и вдругъ раждаетъ народъ“ (Ис. 66, 7. 8). Павелъ, гонитель церкви и волкъ хищный Веніаминъ, прелюняетъ главу предъ овцею Ананією и не прежде снова получаетъ зрѣніе, какъ излечивши слѣпоту крещеніемъ (Дѣян. 9, 18). Евнухъ Бандакіи, царицы Египетской, чтеніемъ пророка готовится къ крещенію Христову. Вопреки природѣ измѣняетъ *егіптъ кожу свою и рысь пестроты своя* (Иер. 13, 23). Принявшіе крещеніе Іоанново, поелику не знали о Духѣ Святомъ, снова крестятся, чтобы кто изъ язычниковъ не подумалъ, что для іудеевъ достаточно одной воды для спасенія, безъ Духа Святаго. „Гласъ Господень надъ водами, Господь надъ водами многими, Господь потоки населяетъ“ (Ис. 43, 3. 10). *Зубы твои яко стада остриженныхъ, яже изыдоши изъ купъли, вся двоеплодны, и не родящія нѣсть въ нихъ* (Пѣсн. пѣсн. 4, 2). Если нѣтъ нераждающей и безплодной, то всѣ имѣють сосцы, источающіе обильное млеко, такъ что съ апостоломъ могутъ сказать: *чадца моя, имижже паки болъзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. 4, 19); и *млеко въ напоихъ, а не брашно* (1 Кор. 3, 2). Михей о благодати крещенія пророчествуетъ: *той обратитъ и ущедритъ ны, и погрузитъ неправды наша и свержетъ въ глубины морскія вся грѣхи наша* (Мих. 7, 19).

Итакъ какимъ же образомъ въ купѣли погружаются всѣ грѣхи, если одна жена остается на поверхности? *Блаженіи, иже оставишася беззаконія и иже прикрышася грѣси. Блаженъ мужъ, ему же не вмѣнитъ Господь грѣха* (Ис. 31, 1. 2). Я думаю, что мы можемъ кое-что прибавить къ этой пѣсни: „блаженъ мужъ, ему же не вмѣнитъ Господь жены“. Послушаемъ Іезекііля, сына человѣческаго, какъ онъ предвозвѣщаетъ силу будущаго сына человѣческаго: *возьму вы отъ языкъ, и воскресю на вы воду чисту, и очиститесь отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ: дамъ вамъ сердце ново и духъ новъ*

дамъ вамъ *И очищу вы отъ грѣхъ вашихъ всѣхъ* (Иезек. 36, 24—29). Изъ всѣхъ грѣховъ не исключается ничто. Если очищаются нечистоты, то не тѣмъ ли болѣе не оскверняется чистое? Дамъ вамъ сердце новое и д., новый: *во Христѣ Иисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но нова тварь* (Гала. 5, 6). Посему мы поемъ пѣснь новую, и, совлекшись ветхаго человѣка, ходимъ *не въ ветхости писмени, а во обновленіи духа* (Рим. 7, 6). Здѣсь новый камень, и на немъ новое имя написано, котораго никто не знаетъ, только получившій его (Апок. 2, 17). Ибо *елмцы во Христѣ Иисуса крестихомся, въ смерть его крестихомся. Спогребохомся убо ему крещеніемъ въ смерть, да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ словою Отчею, такожде и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ* (Рим. 6, 3). Читаемъ о всецѣломъ обновленіи; и однако нечистое имя жены не можетъ изгладиться ни отъ какого обновленія? Мы спогреблись Христу крещеніемъ и воскресли вѣрою дѣйствія Бога, воскресившаго Его отъ мертвыхъ. И когда мы были мертвы во грѣхахъ и въ необрѣзаніи плоти нашей, сооживилъ насъ съ Нимъ, *даровавъ намъ вся прегрѣшенія: потребивъ еже на насъ рукописаніе ученми, еже бѣ сопротивно намъ и то взявъ отъ среды, привоздиль е на крестъ* (Колосс. 2, 12—14). Все наше умерло со Христомъ, всѣ грѣхи древняго рукоисанія изглажены: какъ же остается живо одно имя жены? Не достанетъ мнѣ времени, если я захочу изъ св. писанія раскрывать все, что относится къ силѣ крещенія и излагать тайны этого втораго, но во Христѣ еще перваго. рожденія.

Прежде окончанія диктовки (потому что я чувствую, что преступаю размѣры письма), я хочу кратко изъяснить вышеупомянутыя главы, въ которыхъ изображается жизнь епископа, чтобы мы признавали въ апостолѣ учителя языковъ не въ

похвалѣ одной жены, а во всемъ, что онъ повелѣваетъ. Вмѣстѣ съ этимъ прошу, чтобы не подумалъ кто нибудь, будто все написанное я написалъ въ поношеніе священниковъ того времени; я написалъ это на пользу церкви. Ибо какъ ораторы и философы, изображая, какимъ, по ихъ мнѣнію, долженъ быть совершенный ораторъ или философъ, не оскорбляютъ Демосоена и Платона, а опредѣляютъ самыя свойства, безъ лицъ: такъ и въ изображеніи епископа и въ изъясненіи этого изображенія предполагается только какъ бы зеркало священства. Какимъ видѣть себя въ этомъ зеркалѣ, чтобы или скорбѣть о безобразіи или радоваться красотѣ—это дѣло совѣсти и возможно каждому. *Аще кто епископства хощетъ, добра дѣла желаетъ* (Тим. 3, 1). Дѣла, а не достоинства; труда, а не наслажденій; дѣла, чрезъ которое бы уничтожался въ смиреніи, а не надмѣвался властію. *Подобаетъ убо епископу быти непорочну* ¹⁾ (ст. 2)—тоже, что и въ посланіи къ Титу: *аще кто есть непороченъ* (1, 6). Всѣ добродѣтели обнимаетъ въ одномъ словѣ и требуетъ почти противнаго природѣ. Ибо если всякій грѣхъ, даже въ праздномъ словѣ, достоинъ порицанія: то кто же въ этомъ мірѣ проживетъ безъ грѣха, т. е. безъ упрека? Но пастыремъ церкви избирается такой, по сравненію съ которымъ прочіе по справедливости должны называться стадомъ. Риторы опредѣляютъ оратора такъ: онъ долженъ быть мужъ добрый, искусный въ словѣ. Чтобы онъ имѣлъ достойное уваженіе, требуется прежде безукоризненное поведеніе, а потомъ словесное искусство, потому что теряетъ авторитетъ въ ученіи тотъ, чье слово разрушается дѣломъ. *Единыя жены мужъ*; объ этомъ мы сказали выше. Теперь мы присовокупляемъ только, что если требованіе—одной жены мужъ—относится и къ жизни до крещенія, то и всѣ прочія требованія мы должны отно-

¹⁾ У Иеронима *irreprehensibilem*—безупречну.

силь и къ этому времени: потому что нельзя всё прочія наставленія относить къ времени послѣ крещенія и одно только это требованіе къ жизни до крещенія. *Трезвену* или *бдительному*, потому что *ὑψάλιος* значитъ и то и другое. *Мудрому, украшенному* ¹⁾, *страннолюбиву, учителю*. Священникамъ, которые служатъ въ храмъ Божіемъ, запрещается пить вино и сикеръ, чтобы не отягчались сердца ихъ объяденіемъ и пьянствомъ и чтобы чувства, исполняющія служеніе, всегда бодрствовали Богу и были свѣтлы. А присоединяя: *мудрому*, обличаетъ тѣхъ, которые подъ именемъ простоты извиняютъ неразуміе священниковъ; потому что если мозгъ не будетъ здоровъ, то и всё члены будутъ несовершенны. *Украшенному*—это усиленіе (*ἐπιτασις*) предшествующаго слова, т. е. *непорочну*. Кто не имѣетъ пороковъ, называется безпорочнымъ; кто преуспѣваетъ въ добродѣтеляхъ, тотъ украшень. Можно и другую мысль выводить изъ этого слова, сообразно съ слѣдующимъ мнѣніемъ Цицерона: „высшее искусство—быть приличнымъ въ томъ, что дѣлаешь. Потому что нѣкоторые, не зная своего положенія, бываютъ такъ глупы и безразсудны, что и движеніями, и походкою, и одеждою, и обыкновеннымъ разговоромъ возбуждаютъ смѣхъ въ зрителяхъ; и какъ бы понимая, что служитъ къ украшенію, блестятъ одеждами и тѣлеснымъ убранствомъ и пируютъ за роскошнымъ столомъ, тогда какъ всякое подобнаго рода украшеніе и убранство хуже грязи“. А что отъ священниковъ требуется ученіе, объ этомъ есть наставленія и въ ветхомъ законѣ, и подробнѣе излагается въ посланіи къ Титу. Ибо кроткое и безгласное обращеніе сколько полезно по своему примѣру, столько же вредно по своей скромности: хищность волковъ нужно пугать и лаемъ собакъ и пастушескимъ посо-

1) Prudentem, ornatum. Въ славянскомъ переводѣ это замѣняется тремя выраженіями: *цѣломудру, благоговѣйну, честну*.

хоть. *Не пияншии, не бійшии*. Добродѣтелямъ противопологають пороки.

Мы научились, какими должны быть; научимся, какими не должны быть священники. Пьянство свойственно людямъ низкимъ и невоздержнымъ; желудокъ, разгоряченный виномъ, скоро располагаетъ къ похоти. Въ винѣ невоздержаніе, въ невоздержаніи развратъ, въ развратѣ безстыдство. Неводержанный—заживо мертвъ, и кто упивается, тотъ и умеръ и погребенъ. Ной, упившись въ одинъ часъ, обнажилъ лядвеи (Быт. 9, 21), которыя, при трезвости, покрываль въ продолженіи шестисотъ лѣтъ. Лоть отъ опьяненія безсознательно съ похотью соединяеть скровосмѣшеніе, и того, кого не побѣдилъ Содомъ, побѣдило вино. А за буйство осуждаетъ епископа тотъ, кто *плещи свои далъ на раны и укоряемъ противу не укоряше* (Ис. 54; Марк. 15). *Но кротку*. Двумъ порокамъ противопоставляетъ одну добродѣтель,—чтобы пьянство и гнѣвъ обуздывались кротостію. *Не свармву, не мшелоимцу, не сребролюбцу* ¹⁾. Ибо нѣтъ ничего отвратительнѣе надменности невѣждъ, которые болтливость считаютъ ученостію и всегда готовые спорить, громятъ подчиненное себѣ стадо надутыми рѣчами. Что священникъ долженъ избѣгать любостыжательности—этому научаетъ и Самуилъ, свидѣтельствуя предъ народомъ, что онъ ни у кого ничего не бралъ (1 Цар. 12),—и нищета апостоловъ, которые, получая отъ братіи средства къ содержанію, хвалились, что кромѣ пищи и одежды они ничего другого не имѣютъ и не желаютъ. Эту любостыжательность въ посланіи къ Титу онъ очень ясно называетъ желаніемъ сквернаго прибытка. *Свой домъ добръ правящу*. Не умножать богатства (долженъ

¹⁾ Послѣднія два свойства по чтенію Иеронима замѣняются однимъ—*non avarum*, нелюбостыжательному.

епископъ), не устроить царскія пиршества, не готовить на легкомъ огнѣ колхидскихъ птицъ, которыя бы проникали до костей и тонкимъ свойствомъ своимъ размягчали поверхность тѣла, но долженъ прежде отъ своихъ домашнихъ требовать того, что имѣеть внушать народу. *Чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою*, т. е. чтобы не подражали они сыновьямъ Ілія, которые въ притворѣ храма спали съ женщинами и, считая религію средствомъ къ обогащенію, все лучшее изъ жертвъ обращали въ свою пользу (1 Цар. 2). *Не новокрещенну, да не разордѣвся въ судѣ впадетъ дѣаволь* (1 Тим. 3, 6; Тит. 1). Не могу довольно надивиться, что это за ослѣпленіе у людей—что они спорятъ о женахъ до крещенія, выставляютъ на поруганіе дѣло, умершее въ крещеніи и не оживотворенное со Христомъ, тогда какъ никто не соблюдаетъ столь яснаго и очевиднаго повелѣнія. Вчера оглашенный, сегодня первосвященникъ; вчера въ амфитеатрѣ, сегодня въ церкви; вечеромъ въ циркѣ, утромъ въ алтарѣ, нѣкогда покровитель комедіантовъ, теперь посвяtitель дѣвъ. Неужели апостолъ не зналъ нашихъ увертокъ и недѣльностей нашихъ доказательствъ? Тотъ, кто сказалъ, что епископъ долженъ быть безпороченъ, трезвъ, мудръ, украшенъ, страннолюбивъ, ученъ, кротокъ; не пьяница, не бійца, не сварливъ, не любостыжателенъ, не новообращенный. На все это мы закрываемъ глаза, а видимъ однѣхъ женъ. И кто не доказываетъ своимъ примѣромъ справедливости словъ апостола: *да не разордѣвся въ судѣ впадетъ дѣаволь*? Скоро рукоположенный священникъ не знаетъ смиренія и кротости людей простыхъ, не знаетъ христіанскихъ словъ любви, не умѣеть презирать самого себя, стремится отъ одной почести къ другой: онъ не постился, не плакалъ, не укорялъ своего поведенія, не исправилъ его постояннымъ самоуглубленіемъ, не раздалъ имѣнія бѣднымъ. Отъ каеодры

ведутъ его къ каедрѣ, т. е. отъ гордости къ гордости. А судъ и паденіе діавола безъ сомнѣнія есть ничто иное, какъ гордость. Впадаютъ въ нее тѣ, которые въ одинъ часъ, еще не бывши учениками, уже дѣлаются учителями. *Подобаетъ же ему и свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ.* Каково начало, таково и заключеніе. Непорочнаго единогласно одобряютъ не только свои, но и чужіе. Чужіе и внѣшніе церкви—это іудеи, еретики, язычники. И такъ первосвященникъ Христовъ долженъ быть таковъ, чтобы его жизнь не порицали даже враги вѣры. А теперь видимъ многихъ, которые или какъ кормчіе за деньги покупаютъ благосклонность народа, или такъ ненавистны всѣмъ, что и деньги не достигаютъ того, что актеры приобрятаютъ жемами.

Вотъ что, сынъ Океанъ, должны съ заботливымъ страхомъ соблюдать и охранять учителя церкви, таковы правила должны исполнять при избраніи священниковъ, и законъ Христовъ не толковать по личной ненависти, по частнымъ неудовольствіямъ и зависти, всегда мучительной для виновнаго въ ней. Посмотри, какое свидѣтельство даетъ тотъ, кого они обличаютъ, суругъ, котораго ревнители ни въ чемъ не могутъ упрекнуть, кромѣ брачныхъ узъ, и то до крещенія: *рекій: не прелюбы сотвориши, рекъ есть: и не убіеши* (Іак. 2, 11). Если не прелюбодѣйствуемъ, но убиваемъ, то являемся преступниками закона. *Иже весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ* (ст. 10). И такъ, когда противъ насъ будутъ выставлять жену прежде крещенія, то мы будемъ требовать отъ нихъ всего того, что заповѣдано послѣ крещенія. Что не дозволено, они обходятъ, и упрекаютъ за то, что дозволено.

65. Письмо къ великому оратору города Рима.

Что нашъ Себезій исправился, это мы узнали не столько изъ твоего письма, сколько изъ раскаянія его самого. И несравненно пріятнѣе сталъ исправившійся, чѣмъ сколько былъ непріятенъ заблуждающійся. Снисходительность отца и благо нравіе сына соревновали между собою: тогда какъ одинъ не помнилъ прошедшаго, другой давалъ добрыя обѣщанія на будущее. Потому и мнѣ и тебѣ нужно вмѣстѣ радоваться; я снова получилъ сына, ты—ученика.

А что ты въ концѣ письма спрашиваешь, зачѣмъ я въ своихъ сочиненіяхъ иногда представляю примѣры изъ свѣтскихъ наукъ и бѣлизну церкви оскверняю нечистотами язычниковъ—на это тебѣ вотъ краткій отвѣтъ. Ты никогда бы не спрашивалъ объ этомъ, если бы тобою всецѣло не владѣлъ Цицеронъ, если бы ты читалъ священное писаніе, и оставивши Воккація, просматривалъ толкователей его. Потому что кому неизвѣстно, что и у Моисея и въ писаніяхъ пророковъ нѣчто заимствовано изъ книгъ языческихъ, что и Соломонъ и предлагалъ вопросы и отвѣчалъ философамъ тирскимъ? Поэтому въ началѣ книги Притчей онъ увѣщаетъ, чтобы мы уразумѣвали слова мудрости, извѣтія словъ, притчи и темное слово, изрѣченія премудрыхъ и загадки (Притч. 1),—что преимущественно свойственно диалектикамъ и философамъ. Но и апостоль Павелъ, въ посланіи къ Титу, употребилъ стихъ изъ поэта Эпименида. „Критяне всегда лживы, злые звѣри, утробы праздна“ (Тим. 1, 12), полустигіе, впоследствии употребленное Каллимахомъ. Неудивительно, если на латинскомъ буквальный переводъ не сохраняетъ рѣзкости, когда и Гомеръ едва вяжется въ переводѣ на прозу того же самаго языка. Также въ другомъ посланіи приводитъ шестистопный стихъ Менандра: „злые бесѣды растлѣваютъ добрые нравы“. И

у Аѳинянь въ Ареопагѣ представляетъ свидѣтельство Арата: *εго же и родъ есмы*, что по гречески читается: *Τὸς γὰρ καὶ γένος ἐσμέν* и составляетъ конецъ героическаго стиха. И кромѣ этого, вождь христіанскаго воинства и непобѣдимый ораторъ, защищая предъ судомъ дѣло Христа, даже случайную надпись употребляетъ въ доказательство вѣры. У вѣрнаго Давида научился онъ исторгать мечъ изъ рукъ враговъ и голову надменнѣйшаго Голаѳа отсѣкать его собственнымъ мечемъ. Во Второзаконіи (гл. 21) онъ читалъ повелѣніе Господа, что у плѣнной жены нужно обрить голову и брови, отрѣзать всѣ волосы и ногти на тѣлѣ, и тогда вступать съ нею въ бракъ. Что же удивительнаго, если и я за прелесть выраженія и красоту членовъ хочу сдѣлать свѣтскую мудрость изъ рабыни и плѣнницы израильянокю, отсѣкаю или отрѣзаю все мертвое у ней,—идолопоклонство, сластолюбіе, заблужденіе, развратъ—и, соединившись съ чистѣйшимъ тѣломъ, раждаю отъ нея дѣтей Господу Саваоѳу? Трудъ мой умножаетъ семейство Христа, тогда какъ любодѣяніе съ чужою увеличиваетъ число рабовъ. Осія взялъ жену блудницу—Гомеръ, дочь Девилаима, и отъ блудницы раждается у него сынъ Іезраель, что значитъ сѣмя Божіе (Ос. 1). Исаія острою бритвою брѣетъ голову и голени грѣшниковъ (Ис. 7) и Іезекіиль, представляя въ себѣ образъ прелюбодѣйнаго Іерусалима, отрѣзываетъ свои волосы,—въ ознаменованіе того, что въ немъ должно быть уничтожено все безчувственное и безжизненное.

По свидѣтельству Фирміана (Лактанція), Кипріана—мужа знаменитаго краснорѣчіемъ и мученичествомъ,—упрекаютъ за то, что въ сочиненіи противъ Демеріана онъ приводитъ свидѣтельство пророковъ и апостоловъ, которыя тотъ считалъ вымышленными и подложными, а не свидѣтельства философовъ и поэтовъ, авторитета которыхъ Демеріанъ, какъ язычникъ, не могъ отрицать. Противъ насъ писали Цельсъ

и Порфирій; весьма мужественно противостояли имъ: первому Оригенъ, второму Меѳодій, Евсевій и Аполлинарій. Изъ нихъ Оригенъ написалъ восемь книгъ, Меѳодій выступилъ почти съ десятию тысячами стиховъ, Евсевій и Аполлинарій составили первый двадцать пять, второй тридцать книгъ. Почитай ихъ—и ты увидишь, что я въ сравненіи съ ними очень мало знаю, и проведши столько времени въ праздности, какъ будто сквозь сонъ припоминая только то, чему учился въ дѣтствѣ. Юліанъ Августъ во время пареянскаго похода изблевалъ семь книгъ противъ Христа, и, по баснямъ поэтовъ, умертвилъ себя своимъ мечемъ. Если я попытаюсь писать противъ него, неужели ты запретишь мнѣ бить эту бѣшеную собаку палкой Гѣркулеса,—ученіемъ философовъ и стоиковъ, —хотя въ битвѣ онъ тотчасъ узналъ нашего Назарянина, или, какъ онъ обыкновенно говорилъ,—Галилеянина, и, проколотый копьемъ въ животъ, получилъ возмездіе за свой безстыднѣйшій языкъ? Іосифъ, доказывая древность іудейскаго народа, написалъ двѣ книги противъ Аппіона, Александрійскаго грамматика; въ нихъ представляетъ онъ столько свидѣтельствъ изъ свѣтскихъ писателей, что мнѣ кажется чудомъ, какимъ образомъ еврей, съ дѣтства воспитанный на священномъ писаніи, перечиталъ всю бібліотеку грековъ. Что же сказать о Филонѣ, котораго критики называютъ или вторымъ, или іудейскимъ Платономъ?

Скажу кратко о всѣхъ другихъ: Квадратъ, ученикъ апостоловъ и первосвященникъ Аѳинской церкви, для императора Адріана, когда онъ посѣщалъ элевзинскія мистеріи, составилъ книгу въ защиту нашей религіи. Книга эта имѣла такой удивительный успѣхъ, что блестящій умъ автора укротилъ самое жестокое гоненіе. Аристидъ философъ, мужъ краснорѣчивѣйшій, тому же императору представилъ апологию за христіанъ, которая вся была составлена изъ мнѣній

философовъ. Примѣру его впоследствии подражалъ Іустинъ, также философъ, представившій Антонину Пію, сыновьямъ его и Сенату книгу противъ язычниковъ, въ которой съ полною свободою защищала поношеніе креста и воскресеніе Христова. Что сказать о Мелитонѣ, епископѣ сардійскомъ, объ Аполлинаріѣ священникѣ Герapolитанской церкви, Діонисіѣ, епископѣ Коринѣскомъ, Таціанѣ, Вардесанѣ, Иринеѣ преемникѣ мученика Фотина, — которые во многихъ твореніяхъ объясняли пачала всѣхъ ересей и происхождение ихъ изъ извѣстныхъ философскихъ мнѣній? Пантенъ, философъ стоической школы, какъ славившійся особенною образованностію, былъ посланъ Димитріемъ, епископомъ Александрійскимъ, въ Индію проповѣдывать Христа у браминовъ и философовъ этой страны. Климентъ, пресвитеръ Александрійской церкви, по моему мнѣнію мужъ ученѣйшій изъ всѣхъ, написалъ восемь книгъ Строматъ и столько же *Ἰστορικῶσεων*, книгу противъ язычниковъ и три книги „педагога“. Что въ нихъ не ученое? даже есть ли въ нихъ что нибудь, что не относилось бы къ общей философіи? Подражая ему, Оригенъ написалъ десять Строматъ (*Stromateas*), сопоставляя между собою мнѣнія христіанъ и философовъ и всѣ догматы нашей вѣры подтверждая свидѣтельствами изъ Платона и Аристотеля, Нуменія и Корнута. И Мильтіадъ написалъ противъ язычниковъ прекрасное сочиненіе, и Ипполитъ, и Аполлоній, сенаторъ римскій, составили свои небольшія произведенія; есть книги и Юлія африканскаго, описывавшаго событія прошедшаго (*historias temporum*) и Θεодора, который впоследствии былъ названъ Григоріемъ (св. Григорій чудотворецъ) — мужа апостольскихъ знаменій и добродѣтелей, — и Діонисія, александрійскаго епископа, и Анатолія, священника лаодикійской церкви, пресвитеровъ: Памфила, Піерія, Лукіана, Малхіона, Евсевія, кесарійскаго епископа, Евстаѳія антиохійскаго

и Аванасія Александрійскаго, Евсевія Емизенскаго, Трифілія Кипрскаго, Астерія Скиѳополита, Серапіона исповѣдника, Тита епископа Бостранскаго, кашпадокійцевъ: Василія, Григорія, Амфилохія:—всѣ они наполняютъ свои сочиненія такимъ множествомъ философскихъ доктринъ и мнѣній, что не знаешь, чему нужно больше удивляться въ нихъ—свѣтской ли образованности, или знанію св. писанія.

Перехожу къ писателямъ латинскимъ. Что образованнѣе, что остроумнѣе Тертулліана? Его „Апологетикъ“ и книги „противъ язычниковъ“ обнимаютъ всю свѣтскую ученость. Минуцій Феликсъ, адвокатъ въ римскомъ форумѣ, въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Октавій“ и въ другой „противъ математиковъ“ (если только надпись не обманываетъ въ авторѣ) что оставилъ нетронутымъ изъ сочиненій язычниковъ? Арнобій написалъ семь книгъ противъ язычниковъ и столько же ученикъ его Лактанцій, написавшій еще двѣ книги *de Ira* и *de Officio Dei*: если ты захочешь прочесть эти книги, то найдешь въ нихъ сокращеніе діалоговъ Цицерона. У мученика Викторина, въ книгахъ его, хотя недостаетъ учености, но нѣтъ недостатка въ стремленіи къ ней. Въ сочиненіи: „что идола не суть боги“ Кипріанъ какою отличается сжатостію, какимъ знаніемъ всей исторіи, какимъ блескомъ выраженій и мыслей! Иларій, исповѣдникъ и епископъ моего времени, и въ слогѣ и въ числѣ сочиненій подражалъ двѣнадцати книгамъ Квинтиліана, и въ коротенькой книжкѣ противъ Діоскора врача показалъ, какъ онъ былъ силенъ въ свѣтскихъ наукахъ. Пресвитеръ Ювенкъ при Константинѣ въ стихахъ изобразилъ исторію Господа Спасителя:—не побоялся величіе евангелія подчинить законамъ метра. Умалчиваю о другихъ какъ живыхъ, такъ и умершихъ, въ сочиненіяхъ которыхъ очевидны какъ ихъ познанія, такъ и ихъ стремленія.

И не обманывайся поспѣшно ложною мыслию, что это позволительно только въ сочиненіяхъ противъ язычниковъ и что въ другихъ разсужденіяхъ должно избѣгать свѣтской учености,—потому что всѣ книги всѣхъ ихъ, кромѣ тѣхъ, которые съ Епикуромъ не изучали наукъ, переполнены свѣденіями изъ свѣтскихъ наукъ и философіи. Хотя я представляю только то, что приходитъ на умъ при диктовкѣ и увѣренъ, что ты знаешь, что всегда было въ употребленіи у людей ученыхъ, но думая, что чрезъ тебя этотъ вопросъ предлагается мнѣ другимъ, который, можетъ быть,—припоминаю любимые рассказы Саллюстія,—тотъ же Кальпурній, по прозванію шерстобой ¹⁾. Пожалуйста, поговори ему, чтобы онъ, беззубый, не завидовалъ зубамъ тѣхъ, кто ѣстъ, и самъ, будучи кротомъ, не унижалъ бы зрѣніи дикихъ козъ. Матерія, какъ видишь, богатая для разсужденія, но по недостатку мѣста для письма нужно кончить.

66. Письмо къ Люцінію.

Совершенно неожиданно получилъ я твое письмо. Сколько нечаянное, столько же и пріятное, оно такъ возбудило мою спокойную душу, что я тотчасъ полюбилъ незнакомаго лично и тихо шепталъ: *кто дастъ ми криль, яко голубинъ и полещу и почию* (Ис. 54, 7), чтобы найти того, кого любить душа моя. Истинѣ на тебѣ исполнилось слово Господа:

¹⁾ Саллюстій упоминаетъ о Кальпурніѣ—звѣрѣ (bestia) консулѣ Нумиди, предавшемъ за деньги республику во время Югуртинской войны. О Кальпурніѣ — шерстобой упоминаетъ Плутархъ и говоритъ, что онъ измѣннически убилъ Юлія Салинатора Иеронимъ по всей вѣроятности имѣлъ въ виду обѣ эти личности, чтобы именовъ Кальпурнія узавить врага своего Руфина, который предложилъ этотъ вопросъ чрезъ оратора Римскаго, какъ это видно изъ его *Apolog. contra Ruff.* 67. 1.

„многіе съ востока и запада придуть и возлягутъ на лонѣ Авраамовомъ“. Корнилій, сотникъ итальянской когорты, уже тогда предъизображалъ вѣру моего Люцинія. Апостоль Павалъ, писавшій къ римлянамъ: *еще пойду въ Испанію, прииду къ вамъ, уповаю бо мимо грядый видѣти васъ и вами проводится тамо* (Рим. 15, 24), такими морскими путешествіями утвердилъ истину того, чего желалъ бы отъ этой провинціи. Въ короткое время положивъ основаніе евангелія отъ Іерусалима до Иллиріи, въ оковахъ вступаетъ онъ въ Римъ, чтобы освободить окованныхъ заблужденіями суетвѣрія. Два года живетъ въ наемной гостинницѣ, чтобы создать намъ вѣчный домъ того и другаго рода. Ловець человѣковъ, забросивъ сѣть апостольскую, между безчисленными родами рыбъ извлекъ на берегъ и тебя, какъ самую красивую золотую рыбу. Ты оставилъ горькія воды, соленыя пучины, разсѣлины горъ и Левіаѳана, царствующаго на водахъ, и съ Іисусомъ стремишься въ пустыню, чтобы воспѣвать пророческую пѣснь: *въ земли пусть и непроходь и безводнь тако во святѣмъ явихся тебѣ* (Пс. 62, 2); и еще: *се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* (Пс. 54, 8. 9). Прошу и умоляю любовью отца: оставивши Содомъ и поспѣшая въ горы, не оглядывайся назадъ, не оставляй рукояти плуга, не опускай ометовъ одежды Христа и власовъ его, смоченныхъ ночью росою, за которыя однажды взялся; не сходи съ кровли добродѣтелей для того, чтобы надѣть прежнюю одежду, не возвращайся съ поля домой, не увлекайся съ Лотомъ долинами и роскошными садами, которые орошаются не съ неба, какъ земля святая, а мутнымъ потокомъ Іордана, послѣ того какъ онъ свои сладкія воды измѣнилъ смѣшеніемъ съ водами мертваго моря.

Многіе начинаютъ, но не многіе съ успѣхомъ оканчиваютъ. *Текущии въ позорищи вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почесть.* Но объ васъ говорится напротивъ: *такъ тецете, да постигнете* (1 Кор. 9, 24. 25). Не завидливъ подвигоположникъ нашъ, и торжествомъ одного Онъ не безславить другаго, и желаетъ увѣнчать всѣхъ своихъ борцовъ. Радуется духъ мой, и отъ величія радости и испытываю страданіе. Слова (Ноемини) повергаютъ въ слезы Руѳъ. Закхей за обращеніе въ одинъ часъ удостоился оказать гостепримство Спасителю. Марѳа и Марія, приготовивъ обѣдъ, приняли Господа. Блудница омываетъ слезами ноги и благовоніями добрыхъ дѣлъ освящаетъ погребеніе тѣла Господня. Симонъ прокаженный приглашаетъ учителя съ учениками, и не отвергается. Аврааму говорится: *изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего и отъ дому отца твоего, и иди въ землю, юже ти покажу* (Быт. 12, 1). Онъ оставляетъ Халдею, оставляетъ Месопотамію, ищетъ невѣдомаго, чтобы не потерять того, кого нашель. Ибо онъ зналъ, что нельзя вмѣстѣ имѣть и отечество и Господа, и уже тогда исполнялъ на дѣлѣ изреченіе Давида: *пресельникъ азъ есмь у тебе и пришлецъ, якоже вси отцы мои* (Пс. 38, 13). Еврей, то есть *περάτης*, прохожій, преходящій,—поелику не довольствуется настоящею добродѣтелію, но, забывая прошедшее, простирается въ будущее по слову: *пойдутъ отъ силы въ силу* (Пс. 83, 8),—онъ получилъ таинственное имя и показалъ тебѣ путь, какъ искать не своей пользы, а пользы другихъ и считать родителями, братьями, ближними и сродниками тѣхъ, кои соединены съ тобою во Христѣ. „Матерь моя, говоритъ Христось, и братья мои—тѣ, которые творять волю Отца моего“ (Матѳ. 12, 48).

Прежняя супруга по плоти, теперь у тебя супруга по духу; изъ жены ты имѣешь въ ней сестру, изъ женщины

мужа, изъ подчиненной равную себѣ, которая вмѣстѣ съ тобою неся одно и тоже иго Христово, предваряетъ въ царство небесное. Бережливое, расчетливое хозяйство не скоро растрачивается. Иосифъ съ туникою не могъ избѣжать египтянки. Тотъ юноша, который слѣдовалъ за Иисусомъ въ погребальной одеждѣ, сложивъ земной покровъ, остался обнаженнымъ, когда былъ присоединенъ къ служителямъ Господа ¹⁾. Илія, взятый на небо огненною колесницею, оставилъ милоть на землѣ. Елисей перемѣняетъ быковъ и прежнее занятіе на служеніе Богу. Премудрый говоритъ: *касайся смоль очернится* (Сир. 13, 1). Пока мы возвращаемся въ дѣлахъ мірскихъ, пока душа наша связана заботою объ имѣніи и стяжаніяхъ, тогда мы не можемъ свободно помышлять о Богѣ. *Кое бо причастіе правды къ беззаконію; или кое общеніе свѣту ко тмѣ; кое же согласіе Христови съ Велларомъ; или кая часть вѣрны съ невѣрнымъ* (2 Кор. 6, 14. 15); *не можете*, говоритъ Господь, *Богу служити и мамонъ* (Матѣ. 7, 24). Презирать деньги—это дѣло начинающихъ, а не совершенныхъ. Это дѣлалъ и Кратесъ Фивянинъ и Антисѣенъ. Приносить самого себя въ жертву Богу—вотъ долгъ христіанъ и апостоловъ, которые со вдовицею отъ своей бѣдности принося двѣ лепты въ сокровищницу, все свое имѣніе посвятили Христу, и поэтому удостоились услышать: *сядете на двоюнадесяте престолу, судяще объманадесяте колѣнома израилевома* (Матѣ. 19, 28).

Ты и самъ понимаешь, съ какою цѣлію я говорю это, понимаешь, что я иносказательно приглашаю тебя поселиться на святыхъ мѣстахъ. Твои избытки поддержали многихъ въ нуждѣ, чтобы и ихъ богатство поддержало тебя въ нищетѣ.

¹⁾ Лук. 9, 59, 60. См. выше примѣчаніе на стр. 218.

Ты обрѣлъ себѣ друзей отъ мамоны неправды, чтобы они приняли тебя въ вѣчныя обители (Лук. 16, 9). Дѣло достохвальное и равное добродѣтелямъ временъ апостольскихъ, когда, продавъ имѣнія, вѣрующіе приносили деньги и полагали ихъ предъ ногами апостоловъ, показывая, что должно попирать любостыжательность. Но Господь болѣе желаетъ душъ, нежели богатства вѣрующихъ. *Избавленіе мужа души свое ему богатство*—читаемъ въ Притчахъ (Притч. 13, 8). Хотя подъ собственнымъ богатствомъ можно разумѣть вообще богатство не чужое, не похищенное, по слову писанія: *чти Господа отъ праведныхъ твоихъ трудовъ* (тамъ же 3, 9), но лучше то пониманіе, что собственнымъ богатствомъ мы должны считать тѣ скрытыя сокровища, которыя ни воръ не можетъ подкопать, ни разбойникъ насильно отнять (Лук. 12).

Мои сочиненія, которыя не по ихъ достоинству, а по своей снисходительности ты выражаешь желаніе имѣть, я далъ для переписки твоимъ людямъ и видѣлъ ихъ переписанными въ бумажныхъ книгахъ. Я часто просилъ ихъ тщательнѣе свѣрять и выправлять, потому что самъ я по множеству посѣтителей и путешественниковъ не могъ перечитывать столько книгъ, и, какъ сами они могутъ засвидѣтельствовать, послѣ продолжительныхъ хлопотъ, началъ отдыхать только во время четырехдесятницы, когда они отправлялись. Поэтому, если найдешь описки или пропуски, затрудняющіе для читателя пониманіе, то вини въ этомъ не меня, а своихъ людей, невѣжество писцовъ и нерадѣніе переписчиковъ, которые пишутъ не то, что видятъ, а что понимаютъ, и стараясь исправить чужія ошибки, обнаруживаютъ свои. Далѣе, до тебя дошли ложные слухи, будто книги Іосифа и сочиненія святыхъ Папія и Поликарпа переведены мною: у меня нѣтъ ни времени, ни силъ выразить на другомъ языкѣ съ такимъ же

искусствомъ столь высокія произведенія. Я перевелъ не много изъ сочиненій Оригена и Дидима, желая отчасти показать нашимъ памятники греческой учености. Канонъ ветхаго за-вѣта, исключая осьми книжій ¹⁾, который имѣю теперь подъ руками, и далъ твоимъ мальчикамъ и писцамъ для переписки. Изданіе семидесяти толковниковъ, я увѣренъ, имѣешь и ты; давно уже я издалъ его, исправивъ самымъ тщательнымъ образомъ. Новый заветъ сличилъ съ греческимъ подлинникомъ, потому что какъ книги ветхаго завета нужно провѣрять еврейскимъ подлинникомъ, такъ нормою книгъ новаго завета—долженъ быть подлинникъ греческій.

Относительно вопросовъ твоихъ:—о субботѣ, нужно ли поститься въ этотъ день, и объ Евхаристіи, нужно ли ежедневно принимать ее, что, говорятъ, соблюдаетъ церковь римская и испанская,—писалъ и Исполить, ученѣйшій мужъ, и отрывками, на основаніи различныхъ авторовъ, разсуждали различные писатели. Но я думаю кратко сказать тебѣ только то, что церковныя преданія (въ особенности тѣ, которыя не вредятъ вѣрѣ) должно сохранять такъ, какъ они переданы предками, и что обычай однихъ не разрушается противоположнымъ обыкновеніемъ другихъ. И если бы во всякое время могли мы поститься, какъ это дѣлалъ апостоль Павелъ и бывшіе съ нимъ вѣрующіе въ дни пятидесятницы и въ день воскресный, какъ говорится въ Дѣянїяхъ апостольскихъ (13, 20. 21)! И однако ихъ нельзя обвинять въ манихейской ереси, поелику они не предпочитали пищу тѣлесную духовной. И евхаристію, безъ осужденія насъ и безъ упрека совѣсти, можно всегда принимать, внимая слову псалмопѣвца: *вкусите и видите, яко благо Господь* (Пс. 39, 9) и воспѣвая съ нимъ: *отрыгну сердце мое слово благо* (Пс. 44

¹⁾ Т. е. восьми первыхъ книгъ ветхаго завета.

1). Я не говорю, что считаю нужнымъ поститься въ праздни-ки и въ день пятидесятницы, но пусть каждая провинція исполняетъ свои обычаи и правила предковъ считаетъ уста-новленіями апостольскими.

Два плаща изъ твоей одежды и амфималль¹⁾, которые ты прислалъ мнѣ или для моего употребленія или для разда-чи бѣднымъ, я получилъ. Тебѣ и сестрѣ твоей, какъ зна-ки нищеты и символы каждадневнаго покаянія, послалъ я четыре власяницы, приспособленныя къ вашему обѣту и ва-шимъ нуждамъ; послалъ также книгу, т. е. десять самыхъ темныхъ видѣній Исаи, которыя недавно я объяснилъ исто-рическимъ толкованіемъ, чтобы каждый разъ, какъ увидишь мой сочиненія, ты вспоминалъ о своемъ искреннѣйшемъ дру-гѣ и готовился къ путешествію, которое ты мало по малу откладывалъ. Но поеліку *нѣтъ чловѣку путь его* и отъ Гос-пода направляются стопы чловѣка (Іер. 10, 23), если мо-жетъ быть (чего не дай Богъ) встрѣтится какое нибудь пре-пятствіе, то прошу тебя—пусть дальность разстоянія не раздѣляетъ соединенныхъ любовію, чтобы, обмѣниваясь пись-мами, я и въ отсутствіи чувствовалъ присутствіе моего Лю-цинія.

67. Письмо къ Виталію пресвитеру.

Кормчій Зенонъ, съ которымъ, какъ говоришь, ты по-слалъ ко мнѣ письмо твоего священства, доставилъ мнѣ только одно короткое письмо блаженнаго возлюбленнаго папы, со-держащеее обыкновенныя привѣтствія. И я очень удивляюсь, почему чловѣкъ, прежде аккуратно передававшій и твои и его благословія, оказался небрежнымъ въ передачѣ письма. Не думаю также, чтобы ты, ученикъ истины, ошибался; развѣ

¹⁾ Amphimallum—верхнее двуличное шерстяное платье.

какъ нибудь не затерялось ли у грека между бумагами латинское письмо. Итакъ, отвѣчаю на второе письмо, которое доставилъ мнѣ священнѣйшій сынъ мой діаконъ Ираклій, въ которомъ между прочимъ ты просишь меня объяснить, какимъ образомъ о Соломонѣ и Ахазѣ говорится, что они одиннадцати лѣтъ раждали дѣтей. Потому что если Соломонъ вступилъ на престолъ Израильскій на двѣнадцатомъ году и царствовалъ въ Иерусалимѣ сорокъ лѣтъ, а сынъ его Ровоамъ наследовалъ ему на сорокъ первомъ году отъ рожденія; то очевидно, что Соломону (когда онъ родилъ Ровоама) было одиннадцать лѣтъ или даже десять, потому что десять мѣсяцевъ требуется матери отъ зачатія до рожденія. Также и Ахазъ, сынъ Иоаама, сдѣлался царемъ надъ двумя колѣнами Иудинымъ и Веніаминowymъ двадцати лѣтъ (4 Цар. 16), царствовалъ шестнадцать лѣтъ (2 Цар. 28), а по смерти его Езекиа наследовалъ ему престолъ на двадцать пятомъ году: отсюда также видно, что и Ахазъ родилъ Езекию на одиннадцатомъ или десятомъ году.

Если бы въ этихъ повѣствованіяхъ семьдесятъ толковниковъ разногласили съ еврейскимъ подлинникомъ, то мы могли бы прибѣгнуть къ обыкновеннымъ средствамъ и найти въ подлинникѣ ключъ къ объясненію; но теперь, такъ какъ и самый подлинникъ и другіе переводы согласны между собою въ этомъ, то трудность не въ написанномъ, а въ его смыслѣ. Потому что кто изъ смертныхъ повѣрилъ бы, что одиннадцатилѣтній мальчикъ родилъ сына? Въ писаніи говорится и о многомъ другомъ, что повидимому невѣроятно, но тѣмъ не менѣе истинно. Природа безсильна предъ Господомъ природы; можетъ ли сосудъ сказать горшечнику: зачѣмъ ты сдѣлалъ меня такъ или такъ? Безъ сомнѣнія, то, что является, какъ чудо, знаменіе или необыкновенное явленіе, не можетъ создать закона природы: если въ наше время въ Лиддѣ ро-

дился двойной человѣкъ, съ двумя головами, четырьмя руками, однимъ туловищемъ и съ двумя ногами, то неужели поэтому и всѣ люди должны родиться такими же? Перечитаемъ древнихъ историковъ и въ особенности греческихъ и латинскихъ, и мы найдемъ, что при очистительныхъ жертвахъ, по заблужденію древнихъ, приносились чудовищныя творенія какъ изъ людей, такъ и изъ скота и животныхъ. Я слышала — Богъ свидѣтель, не лгу, — что когда одна женщина воспитывала своего младенца и кормила его грудью, и мальчикъ спалъ съ нею, то, когда ему былъ уже десятый годъ, случилось, что она, упившись виномъ болѣе чѣмъ сколько позволяло цѣломудріе, сладострастными движеніями довела мальчика до совокупленія. Первое опьяненіе обратилось наконецъ въ привычку во вторую и слѣдующія noci. И вотъ не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ животъ женщины раздулся. Чего больше? По Божественному опредѣленію совершилось, что та, которая вопреки природѣ злоупотребила простотою мальчика на презрѣніе Бога, сама была обличена Господомъ природы, въ исполненіе изрѣченія, которое говорить: *ничто же есть покровено, еже не откроется* (Матѳ. 10, 26).

Вмѣстѣ съ этимъ обратимъ вниманіе и на то, что писаніе Соломона и Ахаза тайно обвиняетъ въ развратѣ и нечестіи. Тотъ и другой, происходя отъ рода Давидова, отступили отъ Господа. Одинъ такъ былъ преданъ сладострастію, что имѣлъ семьсотъ женъ, триста наложницъ и безчисленное множество развратницъ и низкихъ связей; оставилъ Бога отцевъ своихъ, поставилъ идоловъ весьма многихъ языческихъ народовъ и сталъ не *Ididia*, какъ прежде, т. е. возлюбленный Господа, но любитель женъ (3 Цар. 11). Другой послалъ за помощію къ царю Ассирійскому и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ умножилъ нечестіе противъ Гос-

пода, закалалъ жертвы богамъ Дамаска, своимъ карателямъ, во всѣхъ городахъ Іудеи построилъ жертвенники для куренія омиама и прогнѣвалъ Господа Бога отцевъ своихъ (2 Цар. 28); похитивъ и сокрушивъ сосуды дома Господня, онъ даже заперъ двери храма Божія, поставилъ себѣ алтари во всѣхъ углахъ Іерусалима, ходилъ въ путяхъ царей израильскихъ, вылилъ статуи Ваалу, воскурилъ всесожженіе въ долинѣ Эннонъ и дѣтей своихъ очистилъ огнемъ по обряду язычниковъ, которыхъ истребилъ Господь съ пришествіемъ сыновъ израилевыхъ. При вниманіи ко всему этому преждевременное рожденіе дѣтей можетъ доказывать, что эти люди съ малолѣтства были преданы сладострастію, что они начали грѣшнить въ то время, когда еще не позволяетъ природа.

Въ заключеніе можно сказать и то, что двѣнадцатилѣтній Соломонъ получалъ престолъ отца еще при жизни его, и Давидъ уже въ царствованіе Соломона жилъ нѣсколько лѣтъ (сколько—св. писаніе не говоритъ), которые причисляются къ царствованію его, а не Соломона; по смерти же Давида Соломонъ царствовалъ сорокъ лѣтъ, безъ отца: такимъ образомъ исторія показываетъ и начало царствованія Соломона и время, когда онъ управлялъ одинъ. Однако же не всѣ годы жизни его обнимаются числомъ пятидесяти двухъ лѣтъ. А если сомнѣваешься, что когда царствуютъ дѣти при жизни отцовъ, время царствованія ихъ приписывается не имъ, а родителямъ, то прочти самую книгу Царствъ и ты увидишь, что Озія, царь іудейскій, бывъ пораженъ проказою, жилъ въ отдѣльномъ домѣ, и до самой смерти его правилъ царствомъ и судилъ народъ сынъ его Іоаѳамъ (4 Цар. 5); и однако же говорится, что Іоаѳамъ царствовалъ шестнадцать лѣтъ—время, когда онъ царствовалъ одинъ, по смерти отца, когда ему было двадцать пять лѣтъ. Что мы сказали о Соломонѣ, тоже должно сказать и объ Ахазѣ, который

былъ сынъ Гоаоама и отецъ Езекии (2 Цар 27. 28). Отъ одного еврея я слышалъ такого рода рассказъ о пророчествѣ Исаи, которое недавно объяснялъ я въ числѣ десяти видѣній: филистимляне радовались смерти Ахаза; поэтому писаніе, угрожая имъ, говоритъ: *не радуйтесь вси иноплеменницы, сокрушися бо яремъ бѣущаго вы. Отъ стѣмени бо зміина изыдутъ изчадія аспидовъ и изчадія ихъ изыдутъ зміи парящии* (Ис 14, 29), т. е. послѣ Ахаза будетъ царемъ Езекиа. Отсюда толкователь хотѣлъ заключать, что сынъ былъ избранъ на царство не тотчасъ по смерти отца, но по причинѣ ли народныхъ возмущеній, какихъ нибудь междуцарствій, или вѣрнѣе, по причинѣ непріятельскихъ вторженій и возникшихъ отъ этого войнъ, — вступленіе Езекии на престолъ было замедлено.

Относительно предметовъ темныхъ я представляю различныя мнѣнія, чтобы скорѣе казалось, что я не пишу, а лично разговариваю съ тобою. Впрочемъ апостоль, запрещаая безконечныя родословія и іудейскія басни, кажется, и мнѣ запрещаетъ говорить о вопросахъ подобнаго рода. Какая польза гоняться за буквою, спорить изъ-за ошибки писца или изъ-за хронологіи, когда очень ясно говорится: *письмя убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6)? Перечитай всѣ книги и ветхаго и новаго завѣта, и ты найдешь такое разногласіе въ годахъ и такую запутанность чиселъ между Іудею и Израилемъ, т. е. въ отношеніяхъ того и другаго царства, что обращать вниманіе на вопросы подобнаго рода можетъ казаться дѣломъ не столько любознательнаго, сколько празднаго человѣка. Съ благодарностію получилъ я присланныя тобою подарочки и усердно прошу до конца продолжать любовь, которую ты началъ питать ко мнѣ, потому что добродѣтель требуетъ не начинанія, а постоянной вѣрности. И отъ меня взаимно прими посланное съ Дезидеріемъ.

68. Письмо къ Евангелу пресвитеру.

Ты прислалъ мнѣ книгу *ἑξωμυρσοῦ ἀδελφοποτοῦ*, и я не знаю, ты ли уничтожилъ имя автора въ заглавіи, или писавшій, во избѣжаніе споровъ, не хотѣлъ обозначить его. Прочитавъ ее, я увидѣлъ, что авторъ въ рѣшеніи очень важнаго вопроса о первосвященникѣ Мелхиседекѣ весьма многими аргументами старался показать, что благословившій великаго патріарха (Авраама) былъ божественной природы и что его не должно признавать кѣмъ-либо изъ людей. Въ заключеніе авторъ осмѣлился высказать, что на встрѣчу Аврааму выходилъ Духъ Святой и онъ именно явился въ образѣ челоуѣка; а какимъ образомъ Духъ Святой вынесъ хлѣбъ и вино и принялъ десятину изъ добычи, которую Авраамъ получилъ послѣ побѣды четырехъ царей,—этого онъ совершенно не коснулся. Ты просишь меня сказать, какъ я думаю и о писателѣ и о самомъ вопросѣ. Признаюсь, я не хотѣлъ высказывать своей мысли и вмѣшиваться въ опасное, спорное разсужденіе, въ которомъ, что бы я ни сказалъ, всегда имѣлъ бы возражателей. Но когда я снова перечиталъ твое письмо и на послѣдней страницѣ встрѣтилъ самыя усиленныя убѣжденія не отвергать твоей просьбы, то развернулъ книги древнихъ учителей, чтобы пересмотрѣть, что говоритъ каждый изъ нихъ, и отвѣчать тебѣ какъ бы съ совѣта многихъ.

Скоро нашелъ я разсужденіе о Мелхиседекѣ въ первой бесѣдѣ Оригена на книгу Бытія, гдѣ онъ, разсматривая предметъ съ различныхъ сторонъ, приходитъ къ тому, что называетъ его ангеломъ. Въ отношеніи къ высшимъ силамъ онъ приводитъ почти тѣ же самыя доказательства, какія твой писатель приводитъ въ отношеніи къ Духу Святому.—Перешелъ къ Дидиму, его послѣдователю, и увидѣлъ, что онъ совершенно слѣдуетъ мысли своего учителя. Обратился

къ Ипполиту, Иринею, Евсевію Кессарійскому и Евсевію Емизенскому, къ Аполлинарію и Евстаѳію нашему, который первый изъ Антиохійскихъ епископовъ громко затрубилъ военную тревогу противъ Арія, и понялъ, что мнѣнія всѣхъ ихъ различными доказательствами и изворотами выходятъ на одну улицу, — говорятъ, что Мелхиседекъ былъ человекъ, родомъ хананеянинъ, царь города Іерусалима, который назывался сначала Салимомъ, потомъ Іевусомъ и наконецъ Іерусалимомъ. И неудивительно, если священникъ Бога вышняго изображается необрѣзаннымъ, стоящимъ внѣ обрядоваго закона и племени Аарона, когда и Авель и Енохъ угодили Богу и приносили жертвы; и въ книгѣ Іова читаемъ, что онъ самъ былъ священникомъ и приносилъ дары и ежедневно закалалъ жертвы за дѣтей своихъ (Іов. 1), тогда какъ самъ Іовъ, говорятъ, былъ не изъ рода Левіина, а изъ племени Исава, хотя евреи думаютъ иначе.

И какъ Ной, упившійся въ домѣ своемъ, обнаженный и осмѣянный среднимъ сыномъ (Быт. 9), представилъ собою прообразъ Спасителя, а Хамъ — народа іудейскаго; какъ Самсонъ, полюбившій блудницу и бѣдную Далилу, гораздо больше умертвилъ враговъ при смерти, чѣмъ при жизни своей (Суд. 16) — въ образъ смерти Спасителя; какъ почти всѣ святые, патріархи и пророки въ какомъ нибудь отношеніи представляли образъ Спасителя: такъ и Мелхиседекъ, — тѣмъ, что онъ былъ хананеянинъ и не изъ рода іудейскаго — былъ прообразъ священства Сына Божія, о которомъ говорится въ сто девятомъ псалмѣ: *Ты еси священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову*. А чинъ Мелхиседека объясняютъ во многихъ отношеніяхъ: онъ былъ вмѣстѣ и царь и священникъ и имѣлъ священство прежде обрѣзанія — въ образъ того, что не язычники отъ іудеевъ, а іудеи отъ язычниковъ получаютъ священство; онъ былъ помазанъ не елеемъ священ-

ническимъ, какъ повелѣваютъ законы Моисея (Лев. 8, 1). но едемъ радости и чистотою вѣры, не закалалъ жертвъ плоти и крови и не бралъ внутренностей безсловесныхъ животныхъ, но освятить таинство хлѣбомъ и виномъ, простымъ и чистымъ жертвоприношеніемъ Христа. Представляютъ и многія другія отношенія, но говорить о нихъ не позволяетъ краткость письма.

Не говорю о томъ, что подробнѣе разсуждается объ этомъ въ посланіи къ евреямъ, которое принимаютъ всѣ греки и нѣкоторые изъ латинянъ,—гдѣ говорится, что этотъ Мелхиседекъ, то есть царь правды, былъ царь Салима, то есть царь мира, безъ отца, безъ матери; и какъ это понимать—тотчасъ объясняется однимъ словомъ ἀγῆρευαλόγητος (безъ причта рода),—не потому, что онъ былъ безъ отца и матери,—послику и Христосъ по той и другой природѣ имѣлъ и отца и мать,—но потому, что въ книгѣ Бытія онъ вдругъ представляется встрѣчающимъ Авраама, возвращающагося послѣ побѣды надъ врагами и ни прежде, ни послѣ имя его не упоминается. Апостоль говоритъ, что священство Аароново, т. е. народа іудейскаго, имѣло и начало и конецъ, а священство Мелхиседеково, т. е. Христа и церкви, въ отношеніи и къ прошедшему и къ будущему, вѣчно и не имѣло никакого основателя, и что съ уничтоженіемъ священства бываетъ и перемѣна закона, чтобы не отъ Агаря рабыни и горы Синая, а отъ Сары свободной и крѣпости Сіона исходило слово Господне, и законъ Божій отъ Іерусалима. Уже въ началѣ апостоль усиливаетъ трудность предмета, говоря: *о немъ же многое намъ слово и неудобъ сказанное глаголати* (Евр. 5, 11) не потому, чтобы апостоль не могъ объяснить этого, но потому, что было неблаговременно, поелику онъ убѣждалъ евреевъ, т. е. іудеевъ, а не вѣрныхъ, которымъ онъ могъ бы вполне повѣдать таинство. Однако

же, если сосудъ избранный недоумѣваетъ предъ таинствомъ и признаетъ неизглаголаннѣмъ то, о чемъ онъ разсуждаетъ, то насколько болѣе мы, червяки и насѣкомыя (*pulices*), должны сознаваться только въ знаніи незнанія и, такъ сказать, обширнѣйшій домъ показывать чрезъ маленькое отверстіе,—когда говоримъ, что апостоль сравниваетъ между собою два священства—народа перваго и послѣдующаго? Эту мысль апостоль проводитъ во всемъ разсужденіи, что прежде Левіи и Аарона былъ священникъ Мелхиседекъ изъ язычниковъ, достоинство котораго было настолько выше (первыхъ), что онъ благословилъ будущихъ священниковъ іудейскихъ въ чреслахъ Авраама. И все дальнѣйшее, что говорится въ похвалу Мелхиседека, должно относить къ образу Христа, совершенства коего суть тайны церкви.

Это я читалъ въ книгахъ грековъ, и хотѣлъ, такъ сказать, въ небольшемъ рисункѣ представить обширнѣйшія пространства земель, не растягивая широкихъ возрѣній и разсужденій, но очерчивая ихъ только въ нѣкоторыхъ пунктахъ и сокращенно, чтобы въ короткомъ письмѣ ты узналъ мнѣнія многихъ вмѣстѣ. Но такъ какъ ты по-дружески спрашиваешь и все, что я знаю, будетъ сообщено надежному слуху, то я представляю и мнѣніе евреевъ и, для полнаго удовлетворенія любознательности, приведу самыя еврейскія слова: *umilchesedec melec salem hosi lehem vaiain, uhu choen leel elion: vaiabar cheu vaiomer baruch abram leel elion cone samaim va ares: ubaruch el elion eser maggen sarach biadach vaiiothen lo maaser mecchol* (Быт. 14, 18). На латинскомъ это значить: „И Мелхиседекъ, царь салимскій, вынесъ хлѣбъ и вино; былъ же онъ священникъ Бога вышняго: благословилъ его и сказалъ: благословенъ Авраамъ Богомъ вышнимъ, который сотворилъ небо и землю: и благословенъ Богъ вышній, который предалъ враговъ твоихъ въ руки твои; и

далъ ему десятину изъ всего“. Говорятъ также, что Мелхиседекъ есть Симъ, первый сынъ Ноя, въ то время, когда родился Авраамъ, имѣвшій триста девяносто лѣтъ, которые вычисляются слѣдующимъ образомъ: Симъ, во второй годъ послѣ потопа, когда ему было сто лѣтъ, родилъ Арфаксада, послѣ рожденія котораго жилъ пятьсотъ лѣтъ, съ прежнимъ — шестьсотъ. Арфаксадъ тридцати пяти лѣтъ родилъ Салема (Сулу), Салемъ тридцати лѣтъ родилъ Евера, а Еверъ тридцати четырехъ лѣтъ родилъ Регу (Регава), Регу тридцати двухъ лѣтъ родилъ Серуха, Серухъ, достигши тридцати лѣтъ, родилъ Нахора, который двадцати девяти лѣтъ родилъ Өарру, который семидесяти лѣтъ родилъ Аврама и Нахора и Аррана. Сосчитай годы каждаго до рожденія сына и найдешь, что отъ рожденія Сима до рожденія Авраама прошло триста девяносто лѣтъ. По расчету такимъ образомъ оказывается, что Симъ тридцатю пятью годами пережилъ своего потомка въ десятомъ колѣнѣ—Авраама ¹⁾.

Вмѣстѣ съ этимъ говорятъ и то, что до священства Аарона всѣ первенцы изъ рода Ноя, рядъ и порядокъ которыхъ представляетъ книга Бытiя, были священники и приносили жертвы Богу, и что въ этомъ и состояли права первородства, которыя Исавъ продалъ брату своему Якову (Быт. 27). Поэтому, говорятъ, неудивительно, если Мелхиседекъ вышелъ на встрѣчу побѣдителю Аврааму и для угощенiя его и ратниковъ его вынесъ хлѣбъ и вино,—послику онъ долженъ былъ сдѣлать это своему праправнуку, — и получилъ отъ него десятину изъ добычи отъ побѣды, или (что сомнительно) самъ далъ ему десятину изъ своего имѣнiя

¹⁾ Такое вычисленiе Иеронимъ дѣлаетъ по лѣтосчисленiю еврейскому.

и оказала дѣдовскую щедрость въ отношеніи къ племяннику (потому что и по еврейскому тексту и по переводу седмидесяти можно разумѣть и то и другое—что Мелхиседекъ и получилъ десятину изъ добычи, и самъ далъ Аврааму десятину изъ своего имѣнія, хотя апостоль въ посланіи своемъ къ евреямъ (гл. 7) очень ясно опредѣляетъ, что не Авраамъ принялъ отъ Мелхиседека десятину изъ богатства, но что священникъ принялъ часть изъ добычи отъ враговъ).

А Салимъ не есть Іерусалимъ,—имя, составленное изъ греческаго и еврейскаго слова,—какъ думаетъ Іосифъ и всѣ наши: примѣсъ иностраннаго языка показываетъ нелѣпость этого мнѣнія;—а есть городъ около Скиѳополя, который доселѣ называется Салимомъ и тамъ показывается дворецъ Мелхиседека, величественными развалинами свидѣтельствующій о великолѣпнн древняго зданія, о которомъ упоминается и въ послѣдней части Бытія: „и пришелъ Іаковъ въ Сакоѳъ, т. е. въ кущи, и сдѣлалъ тамъ себѣ дома и кущи и перешелъ въ Салимъ, городъ страны Сихемской, который находится въ землѣ Ханаанской“ (Быт. 33, 17. 18).

Нужно также обратить вниманіе и на то, что когда Авраамъ возвращался послѣ побѣды надъ врагами, которыхъ онъ преслѣдовалъ до Дана (Быт. 14), страны, которая теперь называется Панадою,—то на пути ему былъ не Іерусалимъ, стоящій въ сторонѣ, а столичный городъ Сихема, о которомъ и въ евангеліи читаемъ: *бѣ же Іоаннъ крестя въ Енонѣ близъ Салима, яко мнози воды бяху ту* (Іоан. 3, 23). И нѣтъ нужды, называть ли его Салемомъ или Салимомъ. потому что, при очень рѣдкомъ употребленіи евреями гласныхъ въ срединѣ словъ, по произволу и различію читателей тѣже слова произносятся различными звуками и акцентами.

Это я узналъ отъ ученѣйшихъ людей этого народа (грековъ), которые такъ далеки отъ мысли, что Мелхиседекъ былъ Духъ Святый или ангель, что даже приписываютъ ему самое опредѣленное имя человѣка. И подлинно, неразумно дѣлаютъ нѣкоторые, когда на томъ основаніи, что священство Христово не имѣетъ конца, что Онъ, какъ царь и священникъ, сдѣлалъ насъ и родомъ царскимъ и родомъ священническимъ (1 Пет. 2, 9) и что Онъ, какъ камень краеугольный, соединилъ обѣ стѣны и изъ двухъ стадъ, какъ пастыръ добрый, сдѣлалъ единое стадо (Еф. 2, 16),—на этомъ основаніи возводятъ въ таинственный смыслъ то, что говорится въ прообразѣ, такъ что уничтожаютъ истинность историческаго событія и говорятъ, что явился не царь, а ангель въ образѣ человѣка;—говорять это, когда евреи такъ стараются показать въ Мелхиседекѣ царя салимскаго, сына Поева Сима, что передаютъ предшествующее слѣдующимъ образомъ: „Вышелъ же царь салимскій въ срѣтеніе ему (безъ сомнѣнія Аврааму) послѣ того какъ возвращался онъ съ пораженія Ходорлаомора и царей, которые были съ нимъ въ долину Саве: это есть долина царя“, а за этимъ непосредственно слѣдуетъ: „и Мелхиседекъ царь салимскій вынесъ хлѣбъ и вино“ и прочее. Итакъ если это есть городъ царя и долина царя или, какъ перевели семьдесятъ,—*поле*, которое теперь палестинцы называютъ Авлономъ: то, очевидно, Мелхиседекъ былъ человѣкъ, который царствовалъ надъ извѣстною мѣстностію, въ долину и городѣ.

Вотъ что я слышалъ, что я читалъ о Мелхиседекѣ. Мое дѣло было представить свидѣтелей; судить объ ихъ достовѣрности пусть будетъ дѣломъ твоимъ. Если ты и отвергнешь всѣхъ ихъ, то навѣрно не согласишься и съ тѣмъ твоимъ духовнымъ толкователемъ, который, будучи неопы-

тень и въ словѣ и въ познаніяхъ, съ такою гордостію и авторитетомъ провозгласилъ Мелхиседека Духомъ Святымъ, что оправдалъ весьма справедливое греческое изрѣченіе: „неопытность рождаетъ смѣлость, ученость производитъ—осторожность“. Послѣ продолжительной болѣзни, я могъ освободиться отъ лихорадки только въ четырехдесятницу п, приготавливаясь къ другому труду, немногіе остающіеся дни употребилъ на объясненіе евангелія отъ Матѳея и съ такимъ усердіемъ принялся за оставленныя занятія, что послужившее въ пользу для изученія языка повредило тѣлесному здоровью

69. Письмо къ Руфину пресвитеру.

Молва часто многое извращаетъ въ ту и другую сторону и ложно разславляетъ и о людяхъ добрыхъ дурное и о дурныхъ хорошее. Поэтому и я радуюсь свидѣтельству обо мнѣ твоего священства и любви священнаго пресвитера Евсевія; и не сомнѣваюсь, что вы публично говорите обо мнѣ иначе, но я боюсь тайнаго осужденія вашей мудрости. Посему умоляю васъ—болѣе помните обо мнѣ и дѣлайте меня достойнымъ похвалы вашей. Что ты первый вызвалъ меня на переписку и мнѣ досталась второстепенная роль отвѣчать тебѣ—это произошло не отъ невниманія къ друзьямъ, но отъ незнанія, потому что если бы я зналъ, то предупредилъ бы твое посланіе.

Смыслъ суда Соломонова о спорѣ двухъ женщинъ блудницъ (3 Цар. 3), насколько онъ относится къ простой исторіи,—очевиденъ: двѣнадцатилѣтній отрокъ не по лѣтамъ мудро разсудилъ дѣло, основываясь на внутреннемъ влеченіи человѣческой природы. Поэтому и удивлялся ему и страшился его весь израиль,—т. е. потому, что не могло скрыться явное отъ того, который такъ мудро понималъ сокровенное. А

относительно прообразовательнаго смысла, по слову апостола: *сія же вся образи прилучахуся онѣмъ: писана же быша въ наученіе наше, въ нихъ же концы вѣкъ достижоша* (1 Кор. 10, 11)—нѣкоторые изъ грековъ думаютъ, что эту исторію должно понимать въ отношеніи къ синагогѣ и церкви и относить все къ тому времени, когда послѣ креста и воскресенія, какъ во израилѣ, такъ и у народа языческаго началъ царствовать истинный Соломонъ, т. е. *миротворецъ*. А что синагога и церковь въ св. Писаніи называются прелюбодѣйцами и блудницами—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Съ перваго взгляда это кажется богохульствомъ; но если мы обратимся къ пророкамъ, т. е. къ Осіи, который взялъ жену блудницу и родилъ сыновъ блуженія (Ос. 1) и потомъ прелюбодѣйцу,—и къ Іезекіилю, который обличаетъ Іерусалимъ какъ блудницу, которая гонялась за своими любовниками, разлагала голени всякому мимоходящему и строила дома разврата на многолюдныхъ мѣстахъ (Іезек. 16): то увидимъ, что Христосъ пришелъ для того, чтобы сочетать бракомъ блудницъ, чтобы изъ двухъ стадъ сдѣлать одну овчарню и, разоривъ средостѣніе, собрать въ одинъ загонъ овецъ, прежде зараженныхъ. Это два жезла, которые соединяются у Іезекіиля (гл. 37) и о которыхъ чрезъ Захарію говоритъ Господь: *и прииму себѣ два жезла, единого нарекохъ доброту, и другою нарекохъ ѹже, и упасу овцы* (Зах. 11, 8). И въ Евангеліи та жена блудница, которая омываетъ слезами ноги Іисуса и отираетъ волосами, и которой отпускаются всѣ грѣхи, очевидно, изображаетъ собою церковь, собранную изъ язычниковъ (Лук. 7). И прежде всего разъяснилъ это, чтобы кому-нибудь не показалось несообразнымъ, если синагога и церковь называются блудницами, изъ коихъ одна по суду Соломона была удостоена обладанія сыномъ. Благоразумный слушатель спроситъ: какимъ образомъ церковь можетъ быть блудницею, церковь, которая не имѣетъ *сквер-*

ны или порока (Еф. 5, 57)? Мы не говоримъ, что церковь осталась, но что она была блудницею. Ибо говорится, что Господь принималъ гостепріимство и въ домѣ Симона прокаженнаго— конечно, не потому, что онъ былъ прокаженнымъ въ то время, когда принималъ Господа, но потому, что онъ прежде былъ прокаженнымъ. И Матѳеѣй въ перечнѣ апостоловъ называется мытаремъ не потому, что и получивъ апостольское служеніе онъ остался мытаремъ, а потому, что прежде былъ мытаремъ, чтобы тамъ, гдѣ умножился грѣхъ, преизбыточествовала благодать.

Вмѣстѣ съ этимъ посмотри, что говоритъ церковь противъ клеветущей синагоги: *азъ и жена сія жиюмъ въ дому единомъ* (3 Цар. 3, 17): ибо послѣ воскресенія Спасителя изъ того и другаго народа составилаь одна церковь. И какъ хорошо говорить далѣе: „и родила я у ней въ ложницѣ“: ибо церковь изъ язычниковъ, которая прежде не имѣла закона и пророковъ, родила въ домѣ синагоги, не вышла изъ ложницы ея, а вошла въ нее. Поэтому и въ Пѣснн Пѣсней говорить: *введе мя царь въ ложницу свою* (1, 3), и въ другомъ мѣстѣ: „и не отвергну тебя. Взявши введу тебя въ домъ матери моей, и въ ложницу той, которая зачала меня“ (Пѣсн. п. 3, 4). *И бысть по третіемъ днѣ рожденія моего, роди и жена сія.* Если размыслишь о Пилатѣ, который, умывая руки, говорилъ: *неповиненъ есмь отъ крове праведнаго сего* (Матѳ. 27, 24), о сотникѣ, который предъ крестомъ исповѣдалъ: *во истину чело-вѣкъ сей Сынъ бѣ Божій* (Марк. 15, 39), о тѣхъ, которые прежде страданія чрезъ Филиппа желаютъ видѣть Господа: то не будешь сомнѣваться, что первая родила церковь, а потомъ родился народъ іудейскій, о которомъ Господь молился: *Отче, отпусти имъ; не вѣдаютъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 34). И въ одинъ день увѣровали три тысячи, а на другой пять тысячъ (Дѣян. гл. 2 и 4). *И бѣхомъ купно* (ибо у всего множества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа) *и бѣ никтоже*

съ нами, *кромѣ обоихъ насъ въ дому*:—не было никого ни изъ богохульныхъ іудеевъ, ни изъ поклоняющихся идоламъ язычниковъ. *И умре сынъ жены сея въ нощи*:—ибо когда она соблюдаетъ законъ и къ благодати Евангелія присоединяетъ бремя ученія Моисеева, то бываетъ покрыта мракомъ заблужденія. „*Во снѣ задавила его мать его*“, которая не могла сказать: *изъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣсн. II. 5, 2). *И воста въ полунощи, и взя отроча мое отъ объятий моихъ* (церкви) *и усни е на лонѣ своемъ*. Перечитай все посланіе Апостола къ Галатамъ, и увидишь, какъ синагога старается присвоить сыновъ церкви, такъ что апостоль говоритъ: *чадца моя, ими же наки болъзную, дондеже вообразится Христось въ васъ* (Гал. 4, 19). Она взяла живаго не для того, чтобы обладать имъ, а чтобы умертвить его, ибо она сдѣлала это не изъ желанія имѣть сына, а по ненавистой ревности и сына своего, умершаго въ обрядахъ закона, подложила въ лоно церкви.

Долго разсуждать о каждомъ предметѣ порознь, — какъ церковь чрезъ апостола Павла и церковныхъ мужей не признавала своимъ сыномъ подчиненнаго закону и признавала во свѣтѣ только того, кого не видѣла во тьмѣ. Отъ этого и возникъ споръ въ присутствіи царя, когда одна говорила: „твой сынъ мертвый, а мой живой“, и другая отвѣчала: „лжешь, мой сынъ живъ, а твой умеръ“, и такимъ образомъ спорили предъ царемъ. Тогда царь Соломонъ, подъ которымъ очевидно разумѣтся Спаситель (по семьдесятъ первому псалму, который надписывается именемъ Соломона, но въ которомъ безъ всякаго сомнѣнія все содержаніе относится не къ умершему Соломону, а къ величію Христа), представляется незнающимъ и, по плотскимъ расчетамъ, непонимающимъ человѣческихъ привязанностей, какъ и въ другомъ мѣстѣ спрашиваетъ: *идѣ положисте Лазаря* (Іоан. 11, 34) и жепу кровоточивую: *кто прикоснулся ризамъ Моимъ* (Марк. 5, 30), — требуетъ меча, о которомъ сказалъ:

не мните, яко приидоухъ воверици миръ на землю: не приидоухъ воверици миръ, но мечъ. Приидоухъ бо разлучити челоуѣка на отца своего, и дщерь на матерь свою и невѣсту на свекровь свою. И врази челоуѣку домашнїи его (Матѹ. 10, 34—36), и испытываетъ природу Господь природы и по волѣ обоихъ хочетъ раздѣлить живаго сына на законъ и благодать, говоря, что онъ хочетъ этого не потому, чтобы онъ одобрялъ это, а для того, чтобы обличить ложь синагоги. Она, не желая, чтобы сынъ церкви жилъ въ благодати и чрезъ крещенїе получилъ свободу, охотно соглашается, чтобы дитя было разсѣчено, хочетъ не имѣть, а убить его. Церковь же, увѣренная, что это сынъ ея, охотно уступаетъ его завистницѣ, чтобы онъ по крайней мѣрѣ жилъ у соперницы, лишь бы только, раздѣленный на законъ и благодать, не былъ пораженъ мечемъ Спасителя. Поэтому апостоль говоритъ: *се азъ, Павелъ, глаголю вамъ, что если соблюдаете законъ, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (Гал. 5, 2).

Вотъ что сказано подъ покровомъ аллегорїи. Впрочемъ, твоя мудрость очень хорошо знаетъ, что въ прикровенныхъ образахъ тропологїи не тѣ же правила, что и въ смыслѣ историческомъ. Если гдѣ-нибудь я претыкаюсь и если мудрому читателю кажется произвольнымъ написанное мною, то пусть онъ относитъ это къ винѣ автора; потому что истомленный долгою болѣзнію, я и это наскоро продиктовалъ писцу, лежа въ постелѣ, и написалъ не для того, чтобы рѣшить вопросъ, а для того, чтобы не казалось, что я въ началѣ дружбы отказываю тебѣ въ какой-нибудь просьбѣ. Помолись Господу о моемъ здоровьѣ, чтобы послѣ мучительной двѣнадцатимѣсячной болѣзни я могъ написать что-нибудь достойное твоего вниманїя, и прости, если обильная рѣчь не льется обычнымъ теченїемъ. Диктуется не съ такимъ пзяществомъ, какъ пишется: въ послѣднемъ случаѣ мы часто перевертываемъ стиль, чтобы написать достой-

ное чтенія; въ первомъ — скорою рѣчью свертываемъ все, что придетъ на языкъ. Съ удовольствіемъ я увидѣлся съ Капиніемъ, который разскажетъ тебѣ, какую тяжкую и опасную болѣзнь терпѣлъ я даже до настоящаго дня, когда тебѣ продиктовалъ это письмо.

70. Письмо къ Теодорѣ вдовѣ.

Пораженный горестнымъ извѣстіемъ о смерти святаго и почитаемаго Люцінія, я едва могъ продиктовать краткое письмо. Не потому пораженъ я, что скорблю объ участи его, ибо знаю, что онъ перешелъ къ лучшему, по слову Моисея: *мимошедъ, увижду видѣніе великое сіе* (Исх. 3, 3); но страдаю по любви къ нему, — отъ того, что я не удостоился видѣть лица того мужа, который, думалъ я, скоро прибудетъ сюда. Истинно изрѣченіе пророческое о жестокости смерти, что она раздѣляетъ братьевъ и неумолима и безошадная разлучаетъ между собою самыя дорогія имена. Но мы имѣемъ и утѣшеніе, поелику она умерщвлена, по слову Господа, и ей говорится: „буду смертію твоею, смерть, буду раною твоею, адъ“, и далѣе: *наведетъ Господь вътрѣ зноенъ отъ пустыни и иссушитъ жилы его и опустошитъ источники его* (Ос. 13, 14), Ибо произошла вѣтвь отъ корня Іессеева и цвѣтъ отъ дѣвственнаго стебля произрость (Ис. 11, 1) ¹⁾, цвѣтъ, который въ Пѣсни Пѣсней говоритъ: *азъ цвѣтъ польный и кринъ удольный* (2, 1). Цвѣтъ нашъ — погибель для смерти; и для этого Онъ и умеръ, чтобы его смертію была умерщвлена смерть. А что говорится о вѣтрѣ, который будетъ наведенъ отъ пустыни — этимъ означается дѣвственная утроба, которая безъ соединенія и сѣмени мужскаго родила младенца — Бога, который огнемъ Духа Святаго осушилъ источники похотей и воспѣвалъ во псалмѣ: *въ земли пусть и непроходны и безводны: тако во святѣмъ явихся тебѣ* (Пс. 62, 3). Такимъ

¹⁾ Такъ переводитъ Іеронимъ съ еврейскаго.

образомъ противъ жестокости смерти и самой неумолимой необходимости мы укрѣпляемся тѣмъ утѣшеніемъ, что скоро увидимъ тѣхъ, объ отсутствіи коихъ скорбимъ. Ибо смерть не называется смертію, а успеніемъ и сномъ. Поэтому и свя-
 тый апостоль заперещаетъ скорбѣть объ усопшихъ (1 Сол. 4), чтобы мы вѣровали, что усопшіе могутъ быть воскрешены и, послѣ предопредѣленнаго успокоенія, бодрствуютъ со святыми и съ ангелами возглашаютъ: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуѣчѣхъ благоволеніе* ¹⁾ (Лук. 2, 14). На небѣ, гдѣ нѣтъ грѣха,—торжество, непрерывная хвала и безустанныя славословія, а на землѣ, гдѣ раздоръ, войны и негласія, должно просить мира, и мира не у всѣхъ, а у людей благой воли, и къ нимъ относится привѣтствіе апостольское: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да умножится* (Рим. 1, 7), чтобы въ мирѣ было мѣсто его и жилище его въ Сіонѣ (Пс. 75, 2), т. е. на столѣ, на высотѣ догматовъ и добродѣтелей, въ душѣ вѣрующаго, ангелъ которой выну видитъ лице Божіе (Матѣ. 18, 10) и откровеннымъ лицемъ созерцаетъ славу Божію.

Поэтому прошу тебя и, какъ говорятъ, возбуждаю подвизающуюся на поприщѣ,—люби своего Люцинія какъ брата, но и радуйся, что онъ царствуетъ со Христомъ, ибо *восхищенъ бытъ, да не злора измѣнитъ разумъ его. Угодна бо бѣ Господеву душа его и скончався вмакъ исполни лѣта дома* (Прем. 4, 11—14). Болѣе достойны сожалѣнія мы, которые постоянно боремся со грѣхами, оскверняемся пороками, получаемъ раны и имѣемъ отдать отчетъ въ каждомъ словѣ празднои. Онъ уже безопаснымъ и побѣдителемъ смотритъ на тебя съ высоты, ободряетъ въ подвигахъ, и приготовляетъ тебѣ мѣсто подлѣ себя съ тою же привязанностію и любовію, съ какою и на землѣ уже, забывъ о супружескихъ обязан-

¹⁾ *Вонae voluntatis*, по Иерониму.

носляхъ, онъ началъ имѣть въ тебѣ сестру и даже брата, такъ какъ цѣломудренное общеніе не имѣетъ брачнаго пола. И если у насъ, когда мы живемъ еще во плоти и возродились во Христѣ, *нѣсть іудей, ни еллинъ, нѣсть рабъ, ни свободъ, нѣсть мужескій полъ, ни женскій, но вси едино о Христѣ* (Гал. 3, 28): то не тѣмъ ли болѣе *ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели Божіи на небеси будутъ* ¹⁾ (Матѣ 22. Лук. 20), въ то время, когда тлѣнное сіе облачится въ петлѣнне и мертвенное сіе облачится въ безсмертіе? Когда говоритъ: *ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели Божіи на небеси будутъ*, то этимъ не уничтожается природа и свойство тѣлъ, но показывается величіе славы. Ибо не написано: *будутъ ангелами*, но *яко ангелы*, чѣмъ обѣщается подобіе и отрицается тождество съ ними. Будутъ, говоритъ, *яко ангелы*, т. е. подобны ангеламъ; слѣдовательно не перестанутъ быть людьми. Будутъ прославлены и просіяютъ ангельскимъ свѣтомъ, но однако же будутъ люди, такъ что и апостоль будетъ апостоломъ и Марія Маріею; и посрамится ересь, которая обѣщаетъ невѣрное и великое и уничтожаетъ вѣрное и умѣренное ²⁾.

Такъ какъ я уже упомянулъ о ереси, то какою трубою достойнаго краснорѣчія можно восхвалить нашего Люцінія, который, въ то время, какъ въ Испаніи свирѣпствовала подобно язвѣ и заразительной болѣзни ересь Василида и опустошала всѣ провинціи между пиривеями и океаномъ, сохранилъ чистоту церковной вѣры, рѣшительно не принимая Армагилля, Барбелона, Абракаса, Бальзама и смѣльнаго Левсибору и прочія больше чудовища, чѣмъ имена, которыя для возбужденія неопытныхъ и женскихъ умовъ, еретикъ заимствуютъ какъ будто изъ еврейскихъ источниковъ, зачу-

¹⁾ Erunt по чтенію Иеронима.

²⁾ Разумѣется ересь оригенистовъ.

гивая простецовъ варварскими звуками, чтобы они предъ непонятнымъ тѣмъ болѣе благоговѣли. Иринеѣ, мужъ временъ апостольскихъ и ученикъ Папія, слушателя евангелиста Юанна, и епископъ ліонской церкви говорить, что нѣкто Маркъ, потомокъ Василида сначала пришелъ въ Галлію и своимъ ученіемъ заразилъ тѣ части ея, чрезъ которыя протекають Рона и Гаронна и въ особенности этимъ заблужденіемъ обольщаль благородныхъ жєнщинъ, обѣщая тайныя мистеріи и приобрѣтая расположенность къ себѣ магическими искусствами и тайными плотскими удовольствіями. Отсюда, перешедши пиринейскія горы, овладѣлъ Испанією, и старался привлекать на свою сторону дома людей богатыхъ и въ нихъ особенно жєнщинъ, которыя водятся различными стремленіями, вѣчно учась и никогда не достигая познанія истины. Это написалъ онъ (Иринеѣ) почти за триста ¹⁾ лѣтъ назадъ, и написалъ въ тѣхъ книгахъ, которыя ученѣйшимъ и краснорѣчивѣйшимъ языкомъ составилъ противъ всѣхъ ересей.

Пусть изъ этого увидитъ мудрость твоя, какой похвалы достоинъ нашъ Люцивій, который закрылъ уши свои, чтобы не слышать ученія крови, и расточилъ все имѣніе свое и далъ нищимъ, чтобы правда его пребывала въ вѣкъ вѣка (Ис. 111, 3). И не довольствуясь благотворительностію въ своемъ отечествѣ, онъ и іерусалимской и александрійской церкви послалъ столько денегъ, сколько могло бы помочь бѣдности многихъ. Многіе удивляются и восхваляютъ его за это; а я наиболѣе похваляю въ немъ ревность и усердіе къ писанію. Съ какою любовію просилъ онъ монахъ сочиненій, и приславшій шесть переписчиковъ (потому что въ этой провинціи мало умѣющихъ писать по латыни) переписалъ для себя все написанное мною съ раннихъ лѣтъ и до настоящаго

¹⁾ Вѣрнѣе за *двѣсти*, потому что Иринеѣ писалъ книги противъ ересей около 180 г.

времени! Онъ почтилъ не меня, ничтожнаго и меньшаго изъ всѣхъ христіанъ и, по сознанию грѣховъ, живущаго на скалахъ виолеемской деревни, но Христа, который прославляется въ рабахъ своихъ и обѣщаетъ это апостоламъ своимъ, говоря: „кто васъ принимаетъ, Меня принимаетъ; и кто принимаетъ Меня, принимаетъ пославшаго Меня“ (Матѳ. 10, 40).

Итакъ, возлюбленнѣйшая дочь, это письмо любви моей прими какъ епитафію ему, и смѣло приказывай—чѣмъ я могу служить тебѣ въ дѣлѣ духовномъ, чтобы знали вѣка грядущіе, что тотъ, кто говоритъ у Исаіи: *положи мя яко стрѣлу избранну и въ туль своемъ скры мя* (Ис. 49, 2) уязвилъ мечемъ своимъ двухъ мужей, раздѣленныхъ между собою такимъ пространствомъ моря и суши, такъ что они, и не зная другъ друга по плоти, соединены между собою духомъ.

Да сохранить тебя, святую тѣломъ и духомъ, тотъ самарянинъ, т. е. *хранитель и стражъ*, о которомъ въ псалмѣ написано: *не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй израиля* (Пс. 120); *hig*, что значитъ *стражъ* (*vigil*), который сошелъ къ Даніилу, да сойдетъ и къ тебѣ, чтобы и ты могла сказать: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣснь. II. 5, 2).

71. Письмо къ Агибаю.

Хотя я сознаю за собою много грѣховъ и ежедневно колѣнопреклоненный говорю въ молитвѣ: *грѣхи юности моя и невѣденія моего не помани* (Пс. 24, 7), но зная изреченіе апостола: *да не разордѣвся въ судъ впадетъ діаволь* (1 Тим. 3, 6) и написанное въ другомѣ мѣстѣ: *гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. 4, 6), съ молодыхъ лѣтъ ничего такъ не старался избѣгать, какъ надменности и гордости, вызывающей противъ себя гнѣвъ Божій. Ибо я знаю, что учитель и Господь Богъ мой въ уничиженіи плоти сказалъ: *научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и сми-*

рень сердцемъ (Матѣ. 11, 29) и прежде воспѣвалъ устами Давида: *помяну, Господи, Давида и всю кротость его* (Псал. 131, 1), такъ какъ и въ другомъ мѣстѣ написано: *прежде сокрушенія возносится сердце мужу, и прежде славы смиряется* (Прич. 18, 12). Поэтому прошу тебя, не думай, что я прежде, по полученіи твоихъ писемъ, молчалъ и не относился ко мнѣ невѣрности или небрежности другихъ. Почему бы я сталъ молчать, вызванный твоею ласкою, и отталкивать своимъ молчаніемъ твою дружбу, когда я обыкновенно даже самъ ищущи сближенія и завожу сношенія съ людьми добрыми? Ибо „лучше два, чѣмъ одинъ, и если одинъ упадетъ, то его поддержитъ другой. Сплетенная втрое веревочка не скоро разрывается. и братъ, помогающій брату, поднимется“ (Еккл. 4, 9). Итакъ пиши смѣло, и тѣлесное отсутствіе замѣняй частою письменною бесѣдою.

Не скорби, если ты не имѣешь того, что имѣютъ и муравьи, и мухи, и пресмыкающіеся, т. е. тѣлесныхъ очей, но радуйся, что имѣешь то око, о которомъ въ Пѣсни Пѣсней говорится: „уязвила ты меня, сестра моя невѣста, однимъ изъ очей твоихъ“ (4, 9), однимъ изъ очей, которымъ созерцается Богъ, и о которомъ Моисей говоритъ: *мимошедъ, увижду видѣніе великое сіе* (Исх. 3, 3). Наконецъ, читаемъ, что даже нѣкоторые философы міра вырывали себѣ глаза, чтобы всю свою мысль сосредоточить на чистотѣ ума. И пророкъ говоритъ: *взыде смерть сквозь окна ваша* (Іер. 9, 21) и апостолы слышатъ: *уже воззритъ на жену ко еже возжелати ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердце своемъ* (Матѣ. 5, 28). Поэтому и повелѣвается имъ поднимать глаза и смотрѣть на бѣлѣющіяся нивы, которыя готовы для жатвы (Лук. 21. Іоан. 4).

А что ты просишь, чтобы нашими наставленіями умерщвлялись въ тебѣ Навухонсоръ и Рапсакъ, и Навузарданъ и

Олофернъ, — то ты никогда не просилъ бы нашей помощи, если бы они жили въ тебѣ. Но такъ какъ они мертвы и ты съ Зоровавелемъ и Исусомъ, сыномъ Иоседековымъ, великимъ священникомъ (1 Езд. 3) и съ Ездрую и Неемією началъ созидать развалины Іерусалима и не бросаешь стяжанія въ дырявый кошелекъ, а уготовляешь себѣ сокровища на небеси; то поэтому ты и просишь нашей дружбы, признавая насъ служителями Христа. Святую дочь мою Θεодору, сестру, блаженной памяти, Люцинія, которая сама себя поддерживаетъ, ободряю и я своимъ словомъ: пусть не ослабѣваетъ она на начатомъ поприщѣ, пусть мносимъ трудомъ достигаетъ святой земли чрезъ пустыню; пусть не выходъ изъ Египта считаетъ она совершенною добродѣтелью, а достиженіе путемъ безчисленныхъ препятствій горы Навава и рѣки Іордана (Чис. 33); пусть приметъ въ Галгалѣ второе обрѣзаніе; пусть падеть вмѣстѣ съ Іерихономъ, потрясенная звуками трубъ священническихъ; пусть будетъ умерщвленъ Адониседекъ; пусть падутъ Гай и Азоръ — эти нѣкогда красивѣйшіе города (Ис. Нав. 3. 5. 6. 10. 11). Привѣтствуютъ тебя братья, находящіеся съ нами въ монастырѣ. Чрезъ тебя искренно привѣтствуемъ святыхъ, удостоивающихъ насъ своей любви.

72. Письмо къ Океану о смерти Фабіолы.

Прошло много лѣтъ, какъ утѣшалъ я достопочтенную жену Павлу по случаю успенія Блезиллы, когда была еще свѣжа эта рана. Проходитъ четвертое лѣто съ тѣхъ поръ, какъ, составляя епитафію Непоціану въ письмѣ къ епископу Иліодору, истожилъ я тогда въ этой печали все свои силы. Почти два года назадъ по случаю скоропостижной кончины Павлины, написалъ краткое письмо моему Паммахію, — стыдясь слишкомъ много говорить и выставляться предъ ученѣйшимъ мужемъ, чтобы не казалось, будто я не столько утѣшаю друга, сколько

учу мудраго своего неразумною хвастливостію. Теперь, сынъ Океанъ, при моемъ собственномъ желаніи и сильномъ стремленіи, ты налагаешь на меня должную обязанность, чтобы описаніемъ новыхъ добродѣтелей возобновишь я старую матерію своихъ посланій. Въ тѣхъ посланіяхъ нужно было мѣрять или любовь отца или скорбь родственника или страсть супруга, и по различію лицъ давать различныя врачеванія изъ св. Писанія: для настоящаго шпема ты представляешь мнѣ Фабіолу, — славу христіанъ, чудо язычниковъ, сѣтованіе бѣдныхъ, утѣшеніе монаховъ. За что я ни примусь сначала, — все теряетъ цѣну въ сравненіи съ послѣдующимъ. Буду ли превозносить постъ: но милостыни превосходятъ его. Буду ли восхвалять смиреніе: но пламенная вѣра выше его. Буду ли говорить о рубищахъ, которыя любила она, о простой жизни и грубыхъ одеждахъ, которыя носила она, презирая шелковыя платья: — но униженіе духомъ выше, чѣмъ смиреніе въ образѣ жизни. Съ большимъ трудомъ оставляемъ мы гордость, чѣмъ золото и драгоценности, потому что, и оставивъ послѣднія, мы иногда гордимся рубищами и модную бѣдность распускаемъ по вѣтру общественнаго мнѣнія. Добродѣтель скрытная и окрѣпшая въ тайникѣ совѣсти видитъ судію только въ Богѣ. Поэтому она должна быть воспѣта новыми для меня похвалами и раскрыта съ первыхъ начатковъ обращенія и покаянія. Иной, помня школу, быть можетъ вывелъ бы на сцену К. Максима

„того, кто медлительностію поправилъ намъ дѣло“ (Энеид. 6) и весь родъ Фабіевъ, сталъ бы говорить о битвахъ, описывать сраженія, выставялъ бы на видъ, что Фабіола произошла отъ такого знатнаго рода, — чтобы показать въ предкахъ то, что не имѣло значенія въ отрасли. Я же, болѣе любя гостинницу виолеевскую и ясли Господни, гдѣ родительница — Дѣва родила отрока — Бога, рабу Христову буду производить не отъ знатнаго рода древней исторіи, а отъ униженія церкви.

И такъ какъ уже съ самаго начала противъ меня какъ бы скалою встаетъ туча порицающихъ ее за то, что она, оставивъ перваго мужа, вступила во второй бракъ: то я не прежде буду восхвалять ее за обращеніе, какъ освободивши отъ обвиненія. Первый мужъ ея, говорятъ, имѣлъ такіе пороки, которыхъ не могла выносить даже наложница и раба. Если я захочу говорить объ этихъ порокахъ, то я унижу добродѣтель этой женщины, которая лучше желала подвергнуться обвиненію въ разводѣ, чѣмъ обезчестить часть своего тѣла и открыть пороки своего мужа. Представляю только то, чего достаточно для честной женщины и христіанки. Господь повелѣлъ, что не должно отпускать жену кромѣ вины прелюбодѣянія, и если она будетъ отпущена, то остается небрачною (Матѳ. 5 и 19). Что повелѣвается мужамъ, то конечно простирается и на женщинъ: нельзя думать, что жену—прелюбодѣйцу должно отпускать, а мужа—прелюбодѣя—нѣтъ. *Примѣляяйся сквернодѣйицу, едино тѣло есть съ блудодѣйцею* (1 Кор. 6, 16): слѣдовательно и женщина, соединяющаяся съ блудникомъ и нечистымъ, дѣлается съ нимъ одно тѣло. Иные законы цезарей и иные законы Христа, иное предписалъ Папіанъ и иное папъ Павелъ. У нихъ для мужчинъ дѣлаются послабленія въ нечестіи: при запрещеніи открытаго разврата и прелюбодѣянія, позволяется развратъ въ публичныхъ домахъ и наложничество, — какъ будто виновность зависитъ отъ нарушенія чести, а не отъ грѣховнаго расположенія. У насъ же, что не позволительно для женщинъ, равно непозволительно и для мужчинъ, и одна и та же обязанность опредѣляется одинаковымъ условіемъ. И такъ она оставила, какъ говорятъ, развратнаго мужа, оставила сообщницу его и его преступленія, оставила (почти сказала я) то, чего не видала одна жена, тогда какъ объ этомъ кричали всѣ сосѣди. А если ее обвиняють, почему она, оставивши мужа, не осталась безбрачною, то я охотно признаю эту вину, показавши впрочемъ

ея необходимость. *Лучше есть, говоритъ апостоль, женитися, нежели разжизатися* (1 Кор. 7, 9). Она была очень молода и не могла сохранить вдовства; она видѣла въ членахъ своихъ *инъ законъ, противвоюющъ закону ума ея* (Рим. 7, 23) и, побѣжденная и плѣненная имъ, чувствовала влеченіе къ совокупленію. Она предпочла открыто сознаться въ своей слабости и осуждаемымъ бракомъ навлечь на себя нѣкоторую тѣнь, чѣмъ подъ почетнымъ именованіемъ единобрачной, дѣлать дѣла блудницъ. Тотъ же апостоль хочетъ, чтобы молодыя вдовицы вступали въ бракъ, раждали дѣтей и противнику не давали никакого повода къ порицанію (1 Тим. 5, 14), и тотчасъ объясняетъ, почему онъ хочетъ этого: *се бо нѣкія развратилишася въ слѣдъ сатаны*. Такимъ образомъ и Фабіола, думая, что она законно оставила мужа и не зная силы евангелія, въ которомъ всякое извиненіе къ браку при жизни мужей вмѣняется женамъ въ преступленіе, по неосторожности допустила одно преступленіе, думая избѣжать многихъ козней діавола.

Но зачѣмъ останавливаюсь я на прошломъ и забытомъ, стараясь оправдать преступленіе, въ которомъ она сама раскалась? Кто повѣрилъ бы, что послѣ смерти втораго мужа, пришедши въ себя, въ то время, когда легкомысленныя вдовы, сбросивъ иго рабства, обыкновенно ведутъ себя свободнѣе, посѣщаютъ публичныя бани, бродятъ по улицамъ, выставляють на показъ сладострастныя лица, — она облеклась во вретнице, чтобы публично исповѣдать свой грѣхъ; наканунѣ пасхи, въ базиликѣ Летерана, нѣкогда усѣкнутаго мечемъ цезаря, предъ глазами всего народа римскаго стояла въ ряду кающихся и съ растрепанными волосами, блѣднымъ лицемъ и немытыми руками поникла неубранною головою, при общемъ плачѣ вмѣстѣ съ нею епископа, пресвитеровъ и всего народа? Какихъ грѣховъ не очистилъ бы этотъ плачъ? Какихъ застарѣлыхъ преступленій не омыли бы эти рыданія? Петръ троекратно отрече-

ченіе загладилъ троекратнымъ исповѣданіемъ (Іоан. 21). Богохульство Аарона и слитую изъ золота голову тельца исправили молитвы брата (Исх. 32). Убіиство святаго и самаго кроткаго мужа, равно какъ и прелюбодѣяніе, очистилъ седмидневный постъ Давида. Онъ лежалъ на землѣ, былъ поверженъ въ прахъ и, забывъ о царской власти, искалъ свѣта во тмѣ. Взирая только на Того, Кого онъ прогнѣвалъ, онъ взывалъ плачевнымъ голосомъ: *Тебѣ единому соотрѣшихъ и лукавое предъ Тобою сотворишъ* (Пс. 50, 6); *даждь ми радость спасенія твоего и Духомъ владычнимъ утверди мя* (тамъ-же ст. 14). И вотъ, тотъ, кто прежде своими добродѣтелями давалъ мнѣ примѣръ, какъ должно стоять не падая, теперь своимъ покаянiемъ научилъ какъ возставать послѣ паденія. Кто между царями былъ нечестивѣе Ахаава, о которомъ св. Писаніе говоритъ: „не было другаго такого какъ Ахаавъ, который проданъ былъ сотворить лукавое предъ Господомъ“ (3 Цар. 21, 25)? Онъ, судучи обличенъ Иліею въ убійствѣ Навуоѳея и услышавъ гнѣвъ Божій чрезъ пророка: *понеже убилъ еси (Навуоѳея) и пріялъ еси въ наслѣдіе (виноградъ его): се азъ наведу на тя злая и попалю задняя твоя* и пр.—раздралъ ризы свои, покрылъ власяницею тѣло свое, постился во вретичѣ и ходилъ съ поникшею головою. Тогда былъ глаголь Божій къ Іліи Оесвитянину, и Господь сказалъ ему: *видѣлъ м еси, яко умилися Ахаавъ отъ лица моего; сею ради не наведу зла во днехъ его* (ст. 29). О, блаженное покаянiе, привлекшее къ себѣ очи Божіи и съ исповѣданіемъ грѣха измѣнившее грозное опредѣленіе Божіе! То же читаемъ мы въ книгѣ Паралипоменонъ (2 Парал. 33) о Манасіи, у пророка о Ниневіи (Іоан. 3, 4) и о мытарѣ въ евангеліи (Лук. 16). Изъ нихъ — первый удостоился получить не только прощеніе, но и царство, — вторая отклонила угрожающій гнѣвъ Божій, — третій, ударяя себя въ грудь, не возводилъ очей къ небу и съ смиреннымъ исповѣданіемъ грѣховъ вышелъ оправданнымъ

болѣе, чѣмъ фарисей съ своимъ гордымъ хвастовствомъ добродѣтелями. Не мѣсто здѣсь превозносить покаяніе и какъ бы въ опроверженіе Монтана и Новата доказывать, что эта жертва угодна Богу и представлять изъ св. писанія, что *жертва Богу духъ сокрушенъ* (Ис. 50, 19), *еда хотѣнемъ восхоуи смерти грѣшника, а не еже обратитися ему* (Иезек. 18, 23); *возстани, возстани, Иерусалиме* (Вар. 5. 5; Ис. 60. 1), и многое другое, что провозглашается трубами пророковъ.

Теперь я скажу только то, что и полезно для читателей и идетъ къ настоящему случаю. Она (Фабіола) не постыдилась Господа на землѣ, и Онъ не постыдился ея на небѣ (Лук. 9). Всѣмъ открыла она рану свою, и на безобразную язву на тѣлѣ ея смотрѣлъ плачущій Римъ. Разорваны были по бокамъ одежды ея, обнажена голова, закрыты уста. Не вошла она въ церковь Божию, но какъ Марія, сестра Моисея, сидѣла отдѣльно, внѣ стана (Чис. 12, 15), чтобы, по отлученіи священникомъ, имъ же и снова быть принятою къ общенію. Сошла она съ престола своихъ удовольствій, взяла жерновъ, молола муку и босыми ногами прошла потоки слезъ; сѣла на угли огненные и они были ей въ помощь. Била себя по лицу, которымъ правилась своему второму мужу, ненавидѣла драгоценности, не могла видѣть полотень, бѣгала украшеній. Она такъ скорбѣла, какъ будто совершила прелюбодѣяніе и хотѣла исцѣлить одну рану съ большими издержками на излеченіе.

Долго остановились мы на покаяніи, — какъ бы на ровномъ мѣстѣ, чтобы отсюда безъ всякаго препятствія открылось предъ нами болѣе широкое поле для восхваленія ея. Что сдѣлала она, когда была принята въ общеніе предъ лицомъ всей церкви? Безъ сомнѣнія, въ день счастья она не забыла о *дняхъ тмы* (Еккл. 11) и послѣ кораблекрушенія не хотѣла снова испытывать опасностей мореплаванія. Еще болѣе — все, какое было у ней имѣніе (а оно было огромное и соотвѣтствовало ея проис-

хожденію), раздробила по частямъ и продала, и обративши въ деньги, употребила его на нужды бѣдныхъ; и первая изъ всѣхъ учредила *νοσοκομείον*, ¹⁾ чтобы собирать сюда бѣдныхъ съ улицъ, и согрѣвать истощенные недугами и голодомъ члены нищихъ. Опішу ли я теперь различныя болѣзни людей,—изуродованные носы, выколотые глаза, до половины обоженные ноги, покрытыя стручьими руки, распухшіе животы, изсохшія лядвеи, раздутыя голени, червей, кишацихъ въ разтѣденныхъ и загнившихъ частяхъ тѣла? Сколько разъ сама она на своихъ плечахъ носила смрадныхъ больныхъ, пораженныхъ желтухою! Сколько разъ омывала гнойную кровь изъ ранъ, на которую иной не могъ бы и взглянуть! Она собственноручно давала пищу, и лекарственнымъ питьемъ поддерживала живой трупъ. Зная, многіе богатые и благочестивые люди по слабости организма (*stomachi*) оказываютъ подобнаго рода милосердіе при помощи другихъ, и милостивы деньгами, а не руками. Хотя я не упрекаю ихъ и слабодушіе ихъ не объясняю недостаткомъ вѣры, но насколько извиняю слабость организма ихъ, настолько же до небесъ превозношу ревность души совершенной. Великая вѣра презираетъ все это. Она (Фабіола) знала, чего когда-то не сдѣлалъ для Лазаря богачъ, облакавшійся въ порфиру, и на каждую казнь осуждена надменная душа его (Лук. 16). Тотъ, кого мы презираемъ, кого не можемъ видѣть, при взглядѣ на котораго у насъ поднимается тошнота,—подобенъ намъ, сотворенъ изъ одной съ нами персти, составленъ изъ тѣхъ же элементовъ. Что терпитъ онъ, тоже можемъ потерпѣть и мы. Язвы его будемъ считать своими собственными, и всякая суровость къ другому смягчится при скромномъ размышленіи о себѣ самихъ.

„Если бы сто устъ и сотню языковъ имѣлъ я,
Желѣзный голосъ,

¹⁾ Собственно: деревня, кварталъ больныхъ,—больница.

Не могъ бы перечислить названья всѣхъ болѣзней
(Энеид, 6),

какія Фабіола такъ облегчала для нищихъ, что многіе здоровые изъ бѣдныхъ завидовали больнымъ. Подобную же благотворительность оказывала она духовнымъ, монахамъ и дѣвственницамъ. Какой монастырь не получилъ поддержки отъ ея богатства? Какого больного и обнаженнаго не прикрыли одежды Фабіолы? На чью нищету не излилась неожиданная и скорая щедрость ея? Для милосердія ея былъ тѣсенъ Римъ, и вотъ, она путешествовала по островамъ, по всему этрусскому морю и области Вольсковъ, и скрытые заливы извилистыхъ береговъ, гдѣ обитаютъ лики монаховъ, или лично посѣщала съ своею благотворительностію или посылала туда свои пожертвованія чрезъ святыхъ и вѣрныхъ мужей.

Отсюда, сверхъ всякаго ожиданія, она вдругъ отправилась на корабль въ Іерусалимъ и многимъ оказавши здѣсь помощь, нѣсколько времени была у меня. Вспомниая о свиданіи съ нею, я какъ теперь вижу ту, которую видѣлъ тогда. Іисусе благій, какою она исполнена была ревностію, какою любовію къ божественнымъ писаніямъ! Какъ бы желая утолить какой-то голодь, пробѣгала она мыслию пророковъ, евангелія, псалмы, то предлагая вопросы, то слагая рѣшенія ихъ въ глубинѣ своего сердца. И не удовлетворялась она въ своемъ желаніи слушать, но прилагала разумъ, прилагала болѣзнь (Еккл. 3) и, какъ бы подливая масла въ огонь, получала большую ревность. Однажды, когда мы держали въ рукахъ Числа Моисея и она скромно спрашивала меня, что значить такое множество именъ, почему колѣна въ различныхъ мѣстахъ соединяются различно, какимъ образомъ волхвъ Валаамъ такъ пророчествовалъ о будущихъ тайнахъ Христа (Числ. 20), что почти никто изъ пророковъ такъ ясно не предсказывалъ о Немъ, — я отвѣчалъ какъ могъ и старался удовлетворить ея любознательности. Перелистывал

такимъ образомъ книгу, она дошла до того мѣста, гдѣ изображается перечень всѣхъ становъ, чрезъ которые народъ, вышедши изъ Египта, достигъ до потоковъ Иордана (Числ. 33). И когда стала допрашиваться причинъ и основанія всего описываемаго, то въ нѣкоторыхъ предметахъ я запинался, другіе рѣшалъ небезукоризненно, а большею частію искренно сознавался въ своемъ невѣденіи. Но тогда она стала еще болѣе домогаться и просить рѣшенія, какъ будто мнѣ нельзя было не знать, чего я не знаю, и стала говорить, что она недостойна столь глубокихъ тайнъ. Что же было дѣлать? Стыдясь отказать, я обѣщалъ ей собственное сочиненіе относительно этого вопроса, которое, — какъ уразумѣваю теперь, по волѣ Божіей, будучи отложено до настоящаго времени, будетъ посвящено ей памяти, — чтобы облеченная священническими одеждами перваго посланія къ ней ¹⁾, радовалась она, что чрезъ пустыню міра достигла наконецъ земли обѣтованія.

Но продолжимъ начатое. Когда я заботился о достойномъ помѣщеніи для столь знаменитой женщины, поелику она такъ желала уединенія, что не хотѣла разстаться съ гостинницею Маріи: вдругъ пришелъ въ смятеніе весь востокъ, когда разнеслось извѣстіе, что изъ отдаленной Меотиды, лежащей между льдистымъ Дономъ и дикими племенами массагетовъ, оттуда, гдѣ ворота Александра кавказскими скалами сдерживаютъ свирѣпыхъ варваровъ, — нахлынули толпы гунновъ, которые, налетая туда и сюда на своихъ быстрыхъ коняхъ, всюду разносили опустошеніе и ужасъ. Войска римскаго въ то время не было; междоусобныя войны задерживали его въ Италіи. Геродотъ говоритъ, что этотъ народъ при Даріѣ, царѣ мидійскомъ, двадцать лѣтъ держалъ востокъ въ рабствѣ и годъ бралъ дань съ египтянъ и эѳіоплянъ. Да

¹⁾ Первое посланіе къ Фабіолѣ Иеронимъ писалъ объ одеждѣ первосвященнической. См. выше письмо 60.

отвратить Иисусъ отъ римскаго государства такихъ ужасныхъ звѣрей. Неожиданно появлялись они всюду и, предупреждая молву своею быстротою, не давали пощады ни религiи, ни почести, ни возрасту; не имѣли состраданiя къ плачущимъ дѣтямъ. Не начавши еще жить умирали насильственной смертію, и не зная своего несчастiя, смѣялись въ рукахъ и среди копій враговъ. Общая единогласная молва говорила, что они идутъ въ Иерусалимъ и стремятся въ этотъ городъ, чтобы удовлетворить своей страшной жадности къ золоту. Стѣны, при безопасности въ мирное время оставшіяся въ пренебреженіи, починавались. Антиохiя была въ осадѣ. Тиръ, желая оторваться отъ материка, переселялся на древній островъ. Тогда и мы были вынуждены готовить корабли, быть на морскомъ берегу, опасаться нашествiя враговъ и, не смотря на сильные вѣтры, бояться болѣе варваровъ, чѣмъ кораблекрушенiя, заботясь не столько о собственномъ спасенiи, сколько о чистотѣ дѣвственницъ. Въ то время у насъ были кое-какіе раздоры и домашніи распри были сильнѣе войны съ варварами. Меня удержало на востокѣ уже упроченное мѣсто и укоренившаяся съ давнихъ лѣтъ любовь къ святымъ мѣстамъ. Она (Фабіола), все имѣніе которой заключалось въ котомкѣ, и которая во всякомъ городѣ была странницею, возвратилась въ отечество, чтобы жить въ бѣдности тамъ, гдѣ была богатою, чтобы жить подъ чужимъ кровомъ, тогда какъ прежде сама давала прiютъ многимъ и (чтобы не распространяться долѣе) въ глазахъ города Рима просила у бѣдныхъ того, что въ его же глазахъ нѣкогда раздавала.

Я скорблю только о томъ, что опустилъ изъ святыхъ мѣсть драгоцѣннѣйшую жемчужину. Римъ возвратилъ то, что нѣкогда потерялъ, и наглый и злословный языкъ язычниковъ посрамленъ очевиднымъ свидѣтельствомъ. Ея милосердіе, смиреніе, вѣру пусть превозносятъ другіе: я наиболѣе восхваляю

ревность дѹха. Книгу, которою я когда то въ юности убѣждалъ Иліодора къ пустынножительству, она знала наизусть, и смотря на стѣны Рима, скорбѣла, что она заключена въ нихъ. Забывъ свой полъ, не помня своей слабости и стремясь только къ пустыиѣ, она была тамъ, гдѣ всегда пребывала духомъ. Не могли удержать ее совѣты друзей: она такъ хотѣла вырваться изъ города, какъ будто изъ оковъ. Экономію въ деньгахъ и бережливую раздачу ихъ она считала нѣкотораго рода невѣріемъ. Не хотѣла она, чтобы другіе раздавали милостыню, но истощивши свои средства, сама хотѣла принимать милостыню ради Христа. Она такъ постигала (ко Христу), такъ нетерпѣливо ожидала кончины, что можно было угадывать ея скорое переселеніе. Поэтому смерть не могла застать ее непрigотовленною, такъ какъ она всегда была готова къ ней.

Среди похвалъ женщинѣ представляется мнѣ и возлюбленный мой Паммахій. Павлина почила, чтобы онъ бодрствовалъ; она упредила супруга, чтобы оставить въ немъ служителя Христу. Онъ наслѣдникъ супруга, а владѣтели наслѣдства—другіе. Мужъ и жена состязались, кому устроить обитель въ лонѣ Авраама; соревновали и о томъ, кто кого превзойдетъ челоѣколюбіемъ. Оба побѣдили и оба побѣждены; оба признали себя и побѣдителями и побѣжденными, поелику чего желалъ одинъ, достигли оба. Соединили они имѣніе, соединили свои намѣренія, чтобы при согласіи росло дѣло, которое могло разрушиться при соревнованіи. Еще не сказано, какъ уже сдѣлано. Покупается гостинница и къ гостинницѣ стекаются толпы народа. „Нѣтъ труда въ Іаковѣ, ни болѣзни въ Израилѣ“ (Числ. 23, 21). Моря доставляютъ нуждающихся въ успокоеніи на материкѣ; спѣшатъ изъ Рима на корабляхъ, чтобы послѣ плаванія найти пріютъ на гостепріимномъ берегу. Что Публій однажды сдѣлалъ на островѣ Мальтѣ въ отношеніи къ одному апостолу, и (чтобы не дать мѣста противорѣчію) находящимся на

одномъ съ нимъ кораблѣ ¹⁾, то дѣлають они часто и въ отноше-
ніи къ очень многимъ; и не только поддерживается нужда бѣд-
ныхъ, но щедрая для всѣхъ благотворительность заботится отча-
сти и о людяхъ сознательныхъ. Равнымъ образомъ весь міръ слы-
шалъ о страннопріимницѣ, устроенной на римской пристани; о чемъ
весною знали въ Египтѣ и Парсіи, лѣтомъ узнали въ Британіи.

Въ кончинѣ столь знаменитой жены мы видѣли испол-
неніе написаннаго: „боящимся Господа все споспѣшествуетъ
во благое“ (Рим. 8, 28). По вѣкоторому предчувствію будущаго.
она писала ко многимъ монахамъ, чтобы они прибыли къ ней,
разрѣшили се отъ тяжкаго бремени и сотворили бы ей дру-
зей отъ мамы неправды, которые бы приняли ее въ вѣчныя
обители (Лук. 16, 19). Они прибыли; друзья уготованы; она
скопчала такъ, какъ желала и, сложивши наконецъ бремя,
легче воспарила на небо. По смерти ея Римъ доказалъ, ка-
кое благоговѣніе имѣлъ онъ къ Фабіолѣ при жизни. Она не
испустила еще духа, не отдала принадлежащей Христу души,

„Какъ летучая молва, такой предвѣстница печали“

(Aeneid. 1. 1),

собрала къ погребенію народъ со всего города. Звучали псал-
мы, и *аллилуйя*, отдаваясь въ высотѣ, потрясала позлащен-
ныя кровли храмовъ.

„Здѣсь юношей хоръ. тамъ ликъ престарѣлыхъ

„Въ пѣсняхъ славу жены и дѣянья ея повѣствуютъ“

(Aeneid. 1. 8).

Не торжествовалъ такъ Фурій надъ галлами, Палирій надъ
самнитами, Сципіонъ надъ нумантійцами, Помпей надъ наро-
дами понтійскими. Они побѣждали тѣла: она поработила ду-
ховныя похоти. Слышу, какія толпы предшествуютъ ея гробу
и какъ кучами сбѣгается народъ при ея погребеніи. Ни улицы,
ни портикъ, ни нависшія сверху кровли не могли вмѣстить

¹⁾ См. Дѣян. 28, 7.

зрителей. Римъ видѣлъ тогда всѣ свои народы соединенными въ одинъ: всѣ торжествовали при прославленіи покаявшейся. И неудивительно, если люди ликовали о спасеніи той, объ обращеніи которой радовались ангелы на небѣ.

Вотъ тебѣ, возлюбленная Фабиола, старческій даръ ума моего, вотъ тебѣ жертва поминовенія за твои заслуги! Часто восхвалялъ я дѣвственницъ, вдовъ и замужнихъ, одежды коихъ всегда были бѣлы, кои *постыдуютъ Анниу, аможе аще пойдетъ* (Апок. 14, 4). Счастливо похвальное слово, которое не пачкается ни однимъ порокомъ цѣлой жизни. Да удалится зависть, да бѣжитъ непамять. Если домовладыка благу, то зачѣмъ око наше лукаво? Впавшая въ разбойники подъята раменама Христа (Лук. 10). У Отца обителей много (Іоан. 14). Гдѣ умножили грѣхъ, стала преизобиловать благодать (Рим. 5). Кому больше оставляется, больше любить (Лук. 7)

73. Книга истолковательная къ Фабиолѣ.

О сорока двухъ станахъ израильтянъ въ пустынь.

Въ семьдесятъ седьмомъ псалмѣ, который, по евангелисту Матоею (гл. 13 ст. 35), мы признаемъ изглаголанымъ отъ лица Господа, излагается исторія десяти казней въ Египтѣ и исхода израиля въ пустыню. Никто не сомнѣвается, что написанное здѣсь такъ составлено, что какъ бы иное говорить буква и иное должно уразумѣвать сокрытымъ подъ нею: *отверзу, говорить, въ притчахъ уста моя, провѣщаю гаданія исперва. Елика слышашомъ и познахомъ я, и отцы наши повѣдаша намъ* (Пс. 76, 2. 3). Отсюда и апостоль въ выражаетъ ту же мысль и въ тѣхъ же словахъ: *Сія же вси образи прилучахуся онѣмъ: писана же быша въ наученіе наше, въ нихъ же концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. 11), и: *не хочу васъ не вѣдѣти, братіе, яко отцы наши вси подъ облакомъ быша и вси сквозъ море проидоша: и вси въ Моисея крестисахъ въ*

область и въ мори: и вси тожде брашно духовное ядоша и вси тожде пиво духовное пиша. Пляху же отъ духовнаго по-
 стѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ (тамъ же 1 и слѣд.). Итакъ, если часть исторіи пути изъ Египта при-
 няется въ смыслѣ духовномъ, то и прочее, что апостоломъ,
 по недостатку времени, опущено, также должно быть пони-
 маемо въ томъ же смыслѣ. Ибо тотъ же пророкъ, который
 въ другомъ мѣстѣ говорилъ: *вселихся въ селеніи кидарскими:*
много пришедьствова душа моя (Пс. 119, 5), будучи не въ
 состояніи переносить удаленія отъ святой земли, со слезами
 вопіеть и говоритъ: *сія помянухъ и излияхъ на мя душу мою:*
яко (пока не) пройду въ мѣсто селенія дивна даже до дому
Божія, во гласъ радованія и исповѣданія, шума празднующаго
(Пс. 31, 5) и въ другомъ псалмѣ говоритъ: открий
очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона твоего (Пс. 118,
 18) и Павелъ говоритъ: *законъ духовенъ есть* (Рим. 7, 14)
 и Самъ Господь: *аще бысте вървали Моисеови, вървали*
бысте убо и Мнѣ: о мнѣ бо той писа (Іоанн. 5, 46) и
 евангеліе отъ Луки: *и наченъ отъ Моисея и отъ всѣхъ про-*
рокъ, сказаніе има отъ всѣхъ писаній, яже о Немъ (Лук. 24,
 27). Итакъ іудеи—эти малолѣтніе, которые не могутъ вку-
 шать твердой пищи и питаются еще млекою младенцевъ (1
 Кор. 3)—пусть читаютъ о плотскомъ Фараонѣ и Черномъ
 морѣ, по которому онъ плаваетъ въ Индію, и маниѣ, похо-
 жей на кориандръ; пусть въ плотскомъ смыслѣ понимаютъ
 все написанное: о проказѣ домовъ и о проказѣ кожи и жилъ,
 о волѣ-убійцѣ и животномъ, виновномъ въ прелюбодѣянніи и
 о проколотомъ шиломъ ухѣ еврея, желающаго служить за
 жену и дѣтей. А мы, оставивъ Канернаумъ,—прекрасное нѣ-
 когда поле—и выпедши съ Іисусомъ въ пустыню, будемъ пи-
 таться Его хлѣбами (Матѣ. 14. Мар. 6),—если неразумны
 и подобны безсловеснымъ—ячменными, если же разумны—

пшеничными, смолотыми изъ того зерна, которое, упавъ на землю и умерши, принесло много плодовъ. Девятью казнями пораженъ былъ Египеть и вынужденъ Фараонъ отпустить народъ Божій. Наконецъ, онъ лишился первенцевъ, чтобы первенцы израиля были посвящены Богу. Тѣ, кои прежде старались удержатъ (израильтянъ), теперь настойчиво выгоняютъ ихъ. Истребитель преходитъ и не смѣетъ коснуться пастушеской и влажной страны Гессемской, поелику верей дверей (postes) израильтянъ были отмѣчены кровью агнца и самымъ дѣломъ говорили: *знаменая на насъ свѣтъ лица твоего, Господи* (Ис. 4, 7). Отсюда и самый праздникъ называется Phase, что мы можемъ назвать *прехожденіемъ*, потому что отъ худшаго, достигая лучшаго, оставляемъ мрачный Египеть. Но пора уже, по обѣщанію, прослѣдить порядокомъ израильскихъ становъ.

Въ послѣдней части книги Числъ (гл. 33), которая у евреевъ называется *vaiedabber*, написано: *сїи станове сыновъ израилевыхъ, егда изыдоша изъ земли египетскія съ силою своею рукою Моисевою и Ааронею* (ст. 1),—стапы, которые греки называютъ *ἀπέρας*, а мы, по особенности языка, точнѣе перевели словомъ *mansiones* (станы), или такъ какъ говорится о войскѣ—*castra* (лагери). Излагается перечень становъ отъ перваго до послѣдняго, и всѣхъ насчитывается сорокъ два, о которыхъ Матѳей говоритъ: *отъ Авраама до Давида родове четырнадцать, и отъ Давида до преселенія вавилонскаго родове четырнадцать, и отъ преселенія вавилонскаго до Христа родове четырнадцать* (Матѳ. 1, 17), т. е. всѣхъ родовъ сорокъ два. Черезъ эти-то станы проходить истинный еврей, который поспѣваетъ перейти отъ земли на небо, и, оставивъ Египеть міра сего, идетъ въ землю обѣтованія. И неудивительно, если мы достигаемъ царства небеснаго въ этомъ таинствѣ числа (42-хъ): чрезъ это число

Господь и Спаситель отъ перваго патріарха достигъ дѣвы, — какъ-бы Иордана, который, разливаясь полнымъ потокомъ водъ, изобиловалъ благодатию Духа Святаго. А что написано, что народъ вышелъ рукою Моисея и Аарона, то разумѣй подъ этимъ законъ и священство, дѣла и богопочтеніе, изъ коихъ одно необходимо должно соединяться съ другимъ, ибо какъ добродѣтель не приноситъ пользы безъ познанія Творца, такъ и богопочтеніе не приводитъ ко спасенію безъ исполненія заповѣдей Создателя. Сими двумя руками, какъ-бы двумя серафимами мы возносимся на исповѣданіе святыя Троицы, зывая: свять, свять, свять Господь Богъ Саваоѣ.

ПЕРВЫЙ СТАНЬ.

Воздвигашася отъ Рамессы въ мѣсяцъ первый, въ пятый-надесять день перваго мѣсяца: наутріе пасхи изыдоша сынове израильстѣи рукою высокою предъ всѣми египтяны. И египтяне погребяху умершія отъ нихъ вся, яже изби Господь всякаго первенца въ землѣ египетстѣи: и въ бозѣхъ ихъ сотвори отмщеніе Господь.

Рамесса нѣкоторыми переводится: *бурное волненіе*, или *горечь и създеніе моли*, а я полагаю, что вѣрнѣе перевести: *громъ радости*. Въ этотъ городъ, лежавшій на границѣ, собрался народъ, хотѣвшій выйти въ пустыню, потому что, оставляя тревоженіе міра, отъ прежнихъ пороковъ и отъ тли грѣховъ, поядающей прежде всего саму себя, воздвигался слышать претворяющій всякую горечь въ сладость гласъ Божій, гремящій съ небеси на горѣ Синаѣ. А что глаголы божественные и изрѣченія св. писанія въ круговоротѣ вѣка и міра сего называются громомъ, — это показываетъ псалмопѣвецъ, говоря: *гласъ грома твоего въ колеси* (Пс. 76, 19). И слышавшіе гласъ Бога Отца при крещеніи

Спасителя считали его громомъ ¹⁾. Воздвигнутые евангельскою трубою и возбужденные громомъ радости, мы выходимъ въ первый мѣсяцъ, когда „зима преиде, отъиде себѣ“ (Пѣснь пѣсн. 2, 11), когда начинается весна, прозябаетъ земля, когда все обновляется; и выходимъ въ пятнадцатый день перваго мѣсяца (Исх. 12) въ наутріе пасхи, при полномъ свѣтѣ луны, вкусивъ агнца непорочнаго и, по апостолу, обувши поги и препоясавши чресла истиною (Еф. 6, 14. 15) и съ жезлами въ рукахъ. Хотя, празднуя пасху въ четырнадцатый день мѣсяца, мы вкусили агнца въ Египтѣ, но полный свѣтъ озаряетъ насъ тогда, когда рукою высокою мы оставляемъ Рамессу (—высокою она называется какъ потому, что поразила Египеть, такъ и потому, что спасла Израиля въ глазахъ египтянъ, которые удивляются, что мы оставляемъ міръ, терзаются ненавистію и затѣмъ, желая удержать насъ, погибають, преслѣдуя насъ), когда египтяне погребаютъ первенцевъ своихъ и отцы, умершіе въ земныхъ дѣлахъ, погребаютъ мертвыхъ сыновей своихъ. Первенцы египетскіе, — это, кажется мнѣ, мнѣнія философовъ, которыми они удерживаютъ обольщенныхъ и обманутыхъ ими людей. Когда живой Израиль избѣжалъ ихъ, они облакаютъ ими своихъ мертвецовъ, чтобы они не подражали примѣру уходящихъ. Относительно дальнѣйшаго: „и въ богахъ ихъ сотворилъ судъ“ (Числ. 33, 4), или какъ перевели Семьдесятъ, *мщеніе* — евреи полагають, что въ ту ночь, когда вышелъ народъ, всѣ храмы въ Египтѣ были разрушены или землетрясеніемъ, или молніями. Но духовно (понимая это), мы уразумѣваемъ, что когда мы выходимъ изъ Египта, то падаютъ

¹⁾ Не при крещеніи, а въ то время, когда Господь молился *Отче! про слави имя Твое* (Іоан. 12, 28—29). Нѣкоторые предполагають, что Іеронимъ приводитъ эту мысль изъ какого-нибудь, неизвѣстнаго теперь, апокрифическаго евангелія; въ одномъ экземплярѣ италискаго перевода говорится, что при крещеніи Спасителя явился великій, необыкновенный свѣтъ.

идолы заблужденій и сокрушается всякая мудрость ложныхъ ученій.

СТАНЪ ВТОРОЙ.

И воздвигшеся сынове израилевы отъ Рамессы, ополчися въ Сокхоотъ (Числ. 33, 5).

Второй станъ. Здѣсь пекутъ опрѣсноки и сначала раскидываютъ палатки, отъ чего получило названіе и самое мѣсто, поелику Сокхоотъ на нашемъ языкѣ значитъ *палатки* или *шатры* (*tabernacula sive tentoria*), и отсюда праздникъ кущей въ седьмой мѣсяцъ, въ пятнадцатый день мѣсяца (Кев. 23, 4). Итакъ, вышедши изъ Египта, сначала ставимъ палатки, зная, что намъ должно простираться далѣе. Тогда мы не вкушаемъ хлѣба египетскаго, хлѣба зла и неправды, но питаемся опрѣсноками чистоты и истины (1 Кор. 5), исполняя на дѣлѣ заповѣдь Господа: *блюдитесь отъ кваса фарисейска* (Матѣ. 16, 6). Въ этомъ станѣ намъ повелѣвается всегда помнить о выходѣ изъ Египта, праздновать *прехожденіе*, т. е. пасху Господню, чтобы вмѣсто пораженныхъ первенцевъ египетскихъ, посвящать Богу первенцевъ чрева своего и всѣхъ добродѣтелей.

СТАНЪ ТРЕТІЙ.

И отправившись изъ Сокхоота, поставили лагерь въ Еоамъ, который находится на краю пустыни (Числ. 33, 6).

Третій станъ ставится послѣ палатокъ, и здѣсь въ первый разъ Господь является ночью въ столпѣ огненномъ, и днемъ въ столпѣ облачномъ, чтобы предшествовать народу и указывать путь. Еоамъ—значитъ *мужество и совершенство*, о которомъ и Давидъ воспѣваетъ: „ты сокрушилъ рѣпки еоамскія“ (Ис. 73, 15), т. е. сильныхъ. Великое мужество—оставить Египетъ и остановиться на краю пустыни. Изъ этого заключаемъ, что мѣсто Сокхоотъ было еще около областей

Египта, потому что слова: „въ Еоамѣ, который находится на крайнихъ предѣлахъ пустыни“, — показываютъ, что Сокхооѣ былъ на границѣ между пустынею и Египтомъ. Уготовимъ себѣ мужество, стяжимъ совершенную силу, дабы среди тмы заблужденій и мрака ночи являлся намъ свѣтъ вѣденія Христова, и дабы день нашъ имѣлъ прикрывающее облако, — чтобы при этихъ руководителяхъ мы могли достигнуть святой земли.

СТАНЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

И отправившись изъ Еоама, возвратились къ Фіагироту, который находится противъ Веель-сефона, и поставили палатки противъ Маглола.

Четвертый станъ — Фіагиротъ, что значитъ *уста благородныхъ* и пишется чезъ букву heth. Нѣкоторые несправедливо hiroth переводятъ *деревни*; ошибка очевидная, потому что вмѣсто предшествующей частицы читаютъ букву ai. Веель-сефонъ на нашъ языкъ переводится: *Господь съвера*, или *всходъ на башню*, или *имѣющій тайны*. Далѣе Маглолъ значитъ *величіе* или *башня*. Итакъ, стяжавши мужество, облагороживаемся въ Господѣ, презираемъ тайны идола Веель-сефона и унижаемъ его славу и превознесенную гордыню. Ибо онъ не отъ юга, откуда пришелъ Господь, и не отъ полудня, гдѣ женихъ возлежитъ въ цвѣтахъ, но обладаетъ сѣвернымъ, самымъ холоднымъ вѣтромъ, отъ котораго распространяются несчастія по землѣ. Будучи самымъ холоднымъ, онъ называется благопріятнымъ, присвоивъ себѣ ложное имя добродѣтели и счастья, тогда какъ производитъ только несчастія.

СТАНЪ ПЯТЫЙ.

И отправившись изъ Фіагирота, перешли по срединѣ моря въ пустынь: и шли три дня въ пустынь Еоамъ, и стали станомъ въ Мара (Числ. 33, 8).

Пятый станъ въ Мара, — что въ переводѣ значить *горечь*. Израильтяне не иначе могли перейти пучины Чернаго моря и видѣть погибель Фараона съ войскомъ своимъ, какъ стяжавъ почести въ устахъ, то есть добродѣтели въ исповѣданіи Господа, не иначе, какъ тогда, когда увѣровали въ Бога и Моисея — раба Его, и слышали отъ него: *Господь поборетъ по васъ, вы же умолкнете* (Исх. 14, 14) и когда, какъ побѣдители, за запѣвающею Марією, въ тимпанахъ и ликахъ воспѣли пѣсни торжествующихъ: *поимъ Господеву, славно бо прославися: коня и всадника вверже въ море* (Исх. 15, 1). Послѣ проповѣди евангелія, послѣ кущей людей странствующихъ, стяжавъ мужество, послѣ почести исповѣданія, снова встрѣчаются египтяне и Фараонъ. Изъ этого мы поучаемся всегда остерегаться ковь врага и призывать милосердіе Божіе, чтобы избѣжать преслѣдующаго насъ Фараона, чтобы онъ потопляемъ былъ въ насъ духовнымъ крещеніемъ. Отправившись отъ Чернаго моря, израильтяне вступили въ пустыню Суръ, которая называется и пустынею Еоамъ; шли здѣсь три дня и не имѣли воды, и пришли въ Мара, которая получила имя отъ горечи. Источникъ имѣлъ воду, но не имѣлъ сладости. Ропщеть народъ, видя воды, которыхъ не можетъ пить. Мара — разумѣй воды буквы, которая убиваетъ; если къ нимъ примѣшивается исповѣданіе креста и если съ ними соединяются таинства страданія Господня, то все неприятое, горькое и грубое превращается въ сладость. Посему и написано: *положи Господь народу оправданія и суды, и искуси его* (Исх. 15, 25), ибо гдѣ величіе благодати, тамъ и сила искушенія. И не страшись, если послѣ побѣды придешь къ огорченію, ибо совершающіе истинную пусху ѣдятъ опрѣснoki съ горькими травами, и терпѣніе производитъ опытность, опытность — надежду, надежда — спасеніе (Рим. 5, 4). И у врачей нѣкоторое противодіе, умѣряющее вредныя испаренія, составляется изъ горькихъ веществъ, но возстановляя здоровье,

оказывается сладкимъ, и наоборотъ: наслажденія и роскошь оканчиваются горькими послѣдствіями, по слову писанія: *яже на время наслаждаетъ твой гортань, послѣди же гортае желчи обрящещи* (Притч. 5, 3. 4).

С т а н ъ ш е с т о й .

И отправившись изъ Мара, пришли въ Еммъ, гдѣ было двѣнадцать источниковъ водъ и семьдесятъ пальмъ, и поставили тамъ станъ (Числ. 33, 9).

Шестой станъ въ переводѣ значить *овны* и *сильные*. Какъ хорошъ порядокъ добродѣтелей: послѣ побѣды искушеніе, послѣ искушенія отдохновеніе. Отъ горечи приходимъ къ овнамъ и сильнымъ пастырямъ стада, которымъ Господь чрезъ Іезекіиля (гл. 34) грозитъ судомъ за то, что одни изъ нихъ не поили водою и притѣсняли овецъ, а другіе были слабы и снисходительны. О нихъ и двадцать восьмой псаломъ говоритъ: *принесите Господеву сынове Божіи, принесите Господеву сыны овни*. На шестомъ станѣ—мы наслаждаемся гостепріимствомъ. Прежде никогда не встрѣчались чистѣйшіе источники, развѣ только тамъ, гдѣ прорывалось ученіе наставниковъ. Безъ сомнѣнія рѣчь идетъ здѣсь о двѣнадцати апостолахъ, отъ источниковъ коихъ разлитыя воды напояютъ жаждущую почву всего міра. Подлѣ этихъ водъ выросли семьдесятъ пальмъ, въ которыхъ также уразумѣваемъ учителей втораго чина, какъ свидѣтельствуется евангелистъ Лука, что было двѣнадцать апостоловъ и семьдесятъ учениковъ низшей степени, которыхъ также Господь посылалъ предъ Собою по двое (Лук. гл. 6 и 10). О нихъ говоритъ и Павелъ (1 Кор. 15, 5 6. 7), что Господь сначала явился одиннадцати, а потомъ всѣмъ апостоламъ,—желая показать, что одни должны считаться первыми, другіе второстепенными учениками Христа. Утолимъ жажду изъ этихъ источниковъ, и вкусивъ сладкихъ плодовъ побѣды, приготовимся къ дальнѣйшимъ станамъ

СТАНЪ СЕДЬМОЙ.

И отправившись изъ Елима, поставили станъ при Чермномъ морѣ (Числ. 33, 10).

Чермное море, которое по еврейски называется *jam suph* представляетъ седьмой станъ. Спрашивается, какимъ образомъ послѣ перехода чрезъ Чермное море, послѣ источника Мара и послѣ Елима опять пришли они къ Чермному морю? Можетъ быть на дальнѣйшемъ пути они встрѣтили какой-нибудь заливъ, около котораго расположились лагеремъ, потому что иное дѣло перейти море и иное—вблизи его стать лагеремъ. Изъ этого мы научаемся, что и послѣ учения евангельскаго и самыхъ сладкихъ плодовъ побѣды иногда появляется предъ нами море и прежнія опасности возстаютъ предъ глазами,—хотя большая разница—перейти море и видѣть его издали. Слово *jam suph* у евреевъ составлено изъ словъ: *море* и *красный*, а *suph* значитъ и *красный* и *тростникъ*. Отсюда мы можемъ предполагать, что они пришли къ нѣкоторому болоту или озеру, которое было покрыто осокою и тростникомъ. А что вѣское собраніе воды св. Писаніе называетъ моремъ,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Въ книгѣ Исходъ этого стана нѣтъ, а вмѣсто него сказано, что отъ Чермнаго моря они пришли въ пустыню *Синъ*, *яже есть между Елимомъ и Гиною* (Синаемъ), *въ пятыйнадесятъ день втораго мѣсяца изшедшимъ имъ отъ земли египетскія* (Исх. 16, 1), т. е. въ тридцать первый день послѣ выхода изъ Рамессы.

СТАНЪ ВОСЬМОЙ.

И отправившись отъ Чермнаго моря, поставили станъ въ пустыню Синъ (Числ. 33, 51).

Хотя восьмой станъ по порядку становъ въ книгѣ Исходъ есть только седьмой, но нужно замѣтить, что вся пустыня до горы Синая называется Синъ и отъ всей страны получило

ими и мѣсто одного стана, подобно тому, какъ Моавъ есть имя и города и страны. Въ этой пустынѣ было пять становъ: Имъ-суфъ, о которомъ мы говорили выше, пустыня Синъ, Дефка, Алусъ и Рафидимъ, о которыхъ будемъ говорить впоследствии. А Синъ значить *кустъ* или *ненависть*, изъ коихъ и то и другое приводитъ къ таинственному смыслу, поелику, достигши того мѣста, съ котораго будетъ говорить къ намъ Господь, навлечемъ на себя великую ненависть врага. Тогда увидимъ купину горящую и не сгарасую—Церковь, сожигаемую гоненіями и не погибающую, такъ какъ въ ней глаголялъ Господь. И замѣть, что въ восьмомъ станѣ, въ которомъ наши точила,—почему и восьмой псаломъ подписывается этимъ именемъ,—мы уразумѣваемъ пустыню купины, —въ томъ смыслѣ, *многа чада пустыни паче, нежели имуции мужа* (Исаин 54).

СТАНЪ ДЕВЯТЫЙ.

И отправившись изъ пустыни Синъ, поставили станъ въ Дефкѣ (Числ. 33, 12).

Девятый станъ. Имя это у евреевъ называется *кро'ра*, т. е. *толканіе*, какъ и Господь говоритъ: *толцйте и отверзетъ вамъ* (Матт. 7). А въ книгѣ еврейскихъ именъ я перевелъ это имя словами: *супленіе* и *отпущеніе*,—что не должно смущать читателя. Да не думаетъ онъ, что здѣсь противорѣчіе: потому что тамъ я перевелъ по народному употребленію, когда середина слова пишется чрезъ букву *beth*, а здѣсь въ еврейскомъ спискѣ я нашелъ это слово написаннымъ чрезъ *phe*, что означаетъ больше толканіе, чѣмъ сцѣпленіе. Смыслъ очевиденъ: послѣ глаголовъ Господа, послѣ восьмага числа воскресенія ¹⁾ мы начинаемъ толкать въ тайны Христовы. Мудраго и любознательнаго читателя прошу помнить, что я перевожу имена

¹⁾ Сближеніе числа становъ съ числомъ воскресенія Христова—*во едину отъ субботъ*, какъ бы въ восьмой день недѣли.

по еврейскому тексту; въ греческихъ же и латинскихъ ко-
дексахъ, за немногими исключеніями, я нашелъ все извра-
щеннымъ, и удивляюсь, что нѣкоторые ученые мужи и учи-
тели церкви рѣшались переводить то, чего нѣтъ въ еврей-
скомъ и изъ неправильно переведеннаго выводили ложныя
объясненія, такъ что въ настоящемъ случаѣ вмѣсто Дефка
читали Рефка, принимая одну букву за другую—такъ какъ
далетъ отличается отъ решъ только небольшимъ верхомъ—и
переводили это слово *леченіемъ* и отсюда выводили сообраз-
ный съ этимъ таинственный смыслъ.

СТАНЪ ДЕСЯТЫЙ.

Отправившись изъ Дефки, поставили станъ въ Алусть
(Числ. 33, 13).

Десятаго стана въ книгѣ Исходъ нѣтъ; полагають, что
онъ былъ также въ пустынѣ Синь, какъ говоритъ таже кни-
га: „отправилось все множество сыновъ израилевыхъ изъ пусты-
ни Синь чрезъ станы свои до устъ Господа (juxta os Domini) и
пришли къ Рафидимъ“ (Исх. 17, 1). Отсюда видно, что име-
немъ одной страны (Синь) обозначаются многіе станы. Алусть
же значитъ *закваска*, которую, *взевши, жена скры въ сатяхъ*
трехъ муки, дондеже вскислоша вся (Матв. 13, 33). Въ этой
пустынѣ народъ поднимаетъ ропотъ по причинѣ голода и обра-
тившись видить вдали славу Божию въ облакѣ, и получаетъ ве-
черомъ крастелей и на утро слѣдующаго дня—манну (Числ. 11).

И замѣтъ, что на десятомъ станѣ полагается закваска
и послѣ насыщенія мясами посылается манна и исполняется
Писаніе: *хлѣбъ ангельскій яде человекъ* (Пс. 77, 25).

СТАНЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

*Отправившись изъ Алуца, поставили станъ въ Рафи-
димъ, и не было тамъ воды для народа* (Числ. 33, 14).

Въ книгѣ еврейскихъ именъ я нашелъ одиннадцатый
Твор. бл. Иеронима. Томъ 2, 20

станъ (Рафидимъ) неправильно переведеннымъ словомъ: *узръль лице покровительствующее имъ*, или собственно: *видѣнiе лица сильныхъ* лучше переводить это: *пораженiе сильныхъ* или *здравiе сильныхъ*, или же, примѣнительно къ языку сирiйскому, *опущенiе рукъ*. Объ этомъ станѣ говорится и въ Исходѣ (гл. 17, 1) послѣ выхода изъ пустыни Синаъ. Здѣсь народъ поднимаетъ ропотъ по причинѣ жажды: изъ скалы Оривъ прорывается и течетъ источникъ; и поелику израильтяне искушали Бога, то и мѣсто получило имя Рафидимъ и Мессе, т. е. *искушенiе*. Моисей восходитъ на гору: Иисусъ ратуетъ противъ Амалика; во образъ креста врагъ побѣждается, когда же опускаются руки молящагося, то побѣждаютъ враги и гонятъ израильтянъ. Моисей садится на камень, о которомъ говоритъ Захарiя (гл. 2, ст. 5), камень, который имѣлъ семь очей и который въ книгѣ Самуила называется *aben ezer*, т. е. *камень помощи* (1 Цар 4, 1), и обѣ руки его (Моисея) поддерживаютъ Ааронъ и Урь, т. е. *обитающiй въ горахъ и свѣтлый*. Послѣ побѣды надъ врагомъ приходитъ Юворъ, приводитъ Сепфору и обоихъ сыновей, подаетъ совѣтъ объ избранiи семидесяти старѣйшинъ и во образъ церкви, собранной изъ язычниковъ, слабость закона восполняется помощiю Евангелiя. Хорошо Рафидимъ называется *пораженiемъ или здравiемъ сильныхъ*—какъ потому, что здѣсь пораженъ былъ Амаликъ, такъ и потому, что укрѣпленъ Израиль. А если Рафидимъ по сирiйски значить *опущенiе рукъ*, то такое имя дано этому мѣсту по причинѣ преступленiя народа—поелику онъ возропталъ на Господа.—И не столько излагаю, сколько касаюсь всего этого, довольствуясь краткимъ указаниемъ, что послѣ закваски Алуса и Мессы (служащей образомъ) Церкви, обыкновенно встаютъ противъ насъ многоразличныя искушенiя демоновъ.

СТАНЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

И отправившись изъ Рафидима, поставили станъ въ пустынь Синайской (Числ. 33, 15).

Станъ двѣнадцатый. Тогчасъ тебѣ должно придти на мысль число апостоловъ. Одинъ изъ многихъ, но бѣльшій всѣхъ, этотъ станъ не отдѣляется отъ другихъ по порядку, но превосходить по важности. Къ этому мѣсту израильтяне пришли въ сорокъ седьмой день, какъ говоритъ Писаніе: *мѣсяца же третіяго изшествія сыновъ израилевыхъ отъ земли египетскія, въ сій день придоша въ пустыню Синайскую: и воздвигошася отъ Рафидима придоша въ пустыню Синайскую, и ополчися тамо Израиль прямо горы. Моисей же взыде на гору Вожію: и возва его Богъ отъ горы, глаголя (Исх. 19, 1—3) и пр. И еще: рече же Господь Моисею: сошедъ засвидѣтельствуй людемъ и очисти я днесъ и утрь: и да исперутъ ризы. И да будутъ готовы въ день третій: въ третій же день снидетъ Господь на гору Синайскую, предъ всеми людами (тамъ же ст. 10, 11).* Это и исполнилось. Омыли израильтяне одежды свои, отдѣлились отъ сообщенія съ женами, и въ третій день Господь сошелъ на гору: въ то время, какъ она была покрыта дымомъ, при блескѣ молніи, громѣ, мракѣ и трубномъ звукѣ, которые ужасали сердца смертныхъ, Моисей говорилъ и Господь отвѣтствовалъ ему. Если высчитаемъ число, то найдемъ, что законъ данъ былъ на горѣ Синайской въ пятидесятый день по выходѣ израильтянъ изъ Египта. Поэтому и празднуется праздникъ пятидесятницы и потому таинство Евангелія восполняется сошествіемъ Св. Духа, такъ что какъ древнему народу законъ былъ данъ въ пятьдесятый день, — въ этотъ истинный юбилей, въ истинный годъ отщущенія и въ соотвѣтствіе тѣмъ истиннымъ пятистамъ пятидесяти динаріямъ, которые опускаются должникамъ, — такъ въ этотъ же день и Духъ Св. сошелъ на апостоловъ и

бывшихъ съ ними, собравшихся въ числѣ ста двадцати—въ числѣ лѣтъ Моисея,—и по раздѣленіи языковъ вѣрующихъ весь міръ исполнился евангельской проповѣди. Долго было бы развивать все, что предписано въ законѣ:—какъ устроена скинія, какія были жертвы, сосуды, одежды первосвященника и священниковъ, обряды и служеніе левитовъ, какъ исчисленъ былъ народъ. Скажу только, что къ этому стану относится половина книги Исходъ, вся книга Левитъ и многія постановленія книги Числь—раздѣленіе народа по отдѣльнымъ колѣнамъ и приношенія князей, и для всего этого едва ли достаточно будетъ многотомнаго разсужденія. А *sinai* значитъ *кусты*,—не одинъ, какъ выше, въ пустынь Синъ, а многіе, такъ какъ тамъ было начало, а здѣсь завершеніе; тамъ единственное число, здѣсь множественное; ибо иное дѣло получить одну благодатную силу, и иное—получить всѣ.

СТАНЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

И отправившись изъ пустыни Синайской, поставили станъ въ гробахъ похотнѣя (Числ. 33, 16).

Тринадцатый станъ, имя коего видно изъ перевода, у евреевъ называется *sabatorh atthava*. Смыслъ же его виденъ изъ Евангелія—что Іисусъ тотчасъ послѣ крещенія возведенъ былъ Духомъ въ пустыню и искушаемъ отъ діавола. Итакъ и Израиль послѣ ближайшей бесѣды съ Господомъ, пробывъ около горы Синая годъ и четыре дня и по удивительному расположенію становъ, вступивъ въ пустыню Фаранъ, что значить *дикій осель* или *свирѣпость*, подчиняется здѣсь злomu звѣрю ¹⁾, презирая хлѣбъ небесный и желая мясъ египетскихъ;—тогда внезапный огонь истребилъ очень многихъ и пожирающее пламя только по молитвѣ Моисея пояло землю

¹⁾ *Malae bestiae*. т. е. діаволу.

(humum consumpsit). Тогда получаютъ крастелей и ѣдятъ ихъ до тошноты и рвоты. Избираются семьдесятъ старѣйшинъ, идутъ къ дверямъ скиніи, а двое изъ нихъ—Елдадъ и Модадъ остаются—не по пренебреженію къ своей власти, а по смиренію, такъ какъ считаютъ себя недостойными этой почести,—и поэтому и вдали отъ скиніи пророчествуютъ; по насыщеніи народа, *еще брашну сушу во устьхъ ихъ, и мѣвъ Божій възиде на ня и уби множайшая ихъ, и избраннымъ израиелевымъ запятъ* (Пс. 77, 30, 31), чтобы не стремились они ко злу: поэтому и мѣсто названо было *гробы похотѣнія*, или, какъ читаемъ у Седмидесяти, *память желанія*. Изъ всего этого всѣ мы научаемся, что, оставивъ мудрость мірскую и презрѣвъ котлы египетскіе, мы не должны роптать противъ небеснаго хлѣба Писаній, должны искать не прыностей египтянъ дебелоплотныхъ ¹⁾, а простой пицци манны; иначе, если опять захотимъ домогаться ихъ, будемъ ѣсть ихъ до тошноты и немедленно будемъ поражены огнемъ Господа и желаніе наше обратится въ могилы для насъ, такъ, что мы будемъ гробы поваленные, *иже внѣуду являютя красны, внутрѣуду же полни суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты*.

СТАНЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

И отправившись отъ гробовъ похотѣнія, поставили станъ въ Асерофъ (Числ. 33, 17).

Четырнадцатый станъ—въ пустынь Фаранъ, что переводится: *притворы*. На этомъ станѣ Ааронъ и Маріамъ ропщутъ на Моисея изъ-за зѣіоплянки и въ прообразъ ревности противъ церкви, собранной изъ язычниковъ, народъ іудейскій поражается смрадною проказою и не возвращается

¹⁾ Virulentias aegyptiorum, qui sunt magnarum carnum. Вѣроятно лепривимъ употребляетъ выраженіе пр. Іезекіиля, и соблудили съ сынами египетскими, сосѣди твоими дебелоплотными (Іезек. 16, 26).

въ станъ и не получаетъ прежняго здравія до тѣхъ поръ, пока не исполнится опредѣленное время исполненія языковъ. И на то обрати вниманіе; мудрый читатель, что, поелику, достигши въ двѣнадцатомъ числѣ ¹⁾ высшей добродѣтели, Израиль возгордился и въ гробахъ похотѣнія возжелалъ египетскихъ мясъ: то теперь полагаетъ онъ новое основаніе и вступаетъ въ притворы, т. е. въ предверіе добродѣтели, показывая намъ, что и стоящіе могутъ падать и падшіе могутъ возставать. Ибо Иисусъ лежитъ на паденіе и на возстаніе многихъ (Лук. 2) и Самъ говоритъ чрезъ пророка: *еда падаий не возстаеъ* (Иер. 8, 4)?

СТАНЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

И отпавившись изъ Асероа, поставили станъ въ Реомъ (Числ. 33, 18). Въмѣсто этого выше въ той же книгѣ читаемъ: *посль того, какъ народъ отпавился изъ Асероа, поставили станъ въ пустынь Фаранъ* (Числ. 13, 1).

А это пятнадцатый станъ. Нужно замѣтить, что и дальнѣйшіе восемнадцать становъ, которые теперь кратко перечисляются,—отъ Реомы до Асіонгабера, т. е. до тридцать втораго стана, заключаются въ пустынь Фаранъ. Думаю, что все написанное объ этихъ станахъ совершалось въ различные времена, но такъ какъ все это не распредѣлено по отдѣльнымъ станамъ, то и я скажу объ этомъ общо, чтобы потомъ перейти къ дальнѣйшему. Реома значитъ въ переводѣ *звукъ* или *можжевелиникъ*, хотя многіе доказываютъ, что ἄρκευθον у грековъ обозначаетъ дерево другаго рода. О можжевелиникѣ говоритъ и первый псаломъ степеней по сврейскому подлиннику,—гдѣ написано: „что дастся тебѣ, или что приложится тебѣ—къ языку льстивому?“ (Пс. 119, 3. 4) и пророкъ отвѣчаетъ: „стрѣлы сильнаго изощренныя съ углями

¹⁾ Т. е. на двѣнадцатомъ станѣ, при горѣ Синайской, гдѣ былъ данъ законъ.

можжевельниковъ“, — вмѣсто чего у насъ читается: „съ углями опустошительными“. Дерево это, говорятъ, очень долго сохраняетъ огонь, такъ что если горячіе уголья его будутъ покрыты ищломъ этого же дерева, то могутъ сохраниться около года. Изъ этого научаемся, что послѣ гробовъ похотѣнія и притворовъ мы переходимъ къ дереву, которое долго сохраняетъ жаръ, — чтобы пламенѣть духомъ и яснымъ и возвышеннымъ голосомъ проповѣдывать Евангеліе Господа. Съ этого стапа и до тридцать втораго содержатся исторіи подобнаго рода. Посылаются въ святую землю двѣнадцать соглядатаевъ, приносится на деревѣ виноградная кисть, и вкратцѣ представляется страданіе Христово. Народъ іудейскій поднимаетъ ропотъ, страшась нападенія исполиновъ; вопреки волѣ Божіей вступаетъ въ войну съ амаликитянами и хананеями и, потерпѣвъ пораженіе, уразумѣваетъ, какія жертвы онъ долженъ былъ совершить въ святой землѣ. Даанъ и Авиронъ и сыновья Корея возстаютъ противъ Моисея и Аарона и поглощаются разверзшеюся землею. Первосвященникъ, вооруженный кадильницею, проходитъ посрединѣ между мертвыми и живыми, и голосомъ священника останавливается ярость гнѣва Божія. Жезль Аароновъ произращаетъ цвѣтъ и листья, и прозябшее сухое дерево освящается въ вѣчное воспоминаніе. Нѣтъ еще храма и есть уже служители, нѣтъ еще священниковъ, и левиты приносили жертвы, и таинственное слово описываетъ виды ихъ. Рыжая юница сожигается во всеожженіи, и пепель ся дѣлается очистительнымъ окропленіемъ (Числ. 19) Всѣ эти образы требуютъ особыхъ книгъ, и я предпочитаю не говорить о нихъ, чѣмъ говорить немного.

СТАНЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

И отправившись изъ Реомы, поставили станъ въ Ремонъ-Фарестъ (Числ. 33, 19).

Шестнадцатый станъ переводится по гречески *ῥοιὰς ὁποχπῆ*,

а по латыни *malī rūnīcī divisio*—раздѣленіе гранатоваго яблока. Плодъ этотъ въ священномъ Писаніи принимается въ двоякомъ значеніи: или относительно нѣдра церкви, которая обнимаетъ своимъ покровомъ всю совокупность вѣрующихъ, или относительно различія и вмѣстѣ согласія добродѣтелей, примѣнительно къ словамъ Писанія: *народу же въровавшему бѣ сердце и душа едина* (Дѣян 4, 33),—добродѣтелей, которыя между собою такъ раздѣлены, что всѣ поддерживаютъ себя одною и тою же связію.

СТАНЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

И отправившись изъ Реммонъ-Фариса, поставили станъ въ Лебна (Числ. 33, 20).

Семнадцатый станъ можемъ перевести словомъ *кирпичъ*, хотя нѣкоторые, читая *lebbona*, неправильно переводили словомъ *близна*. Въ книгѣ Исходъ читаемъ о египетскихъ кирпичахъ, дѣлая которые стоналъ народъ (Исх. 1, 14); читаемъ о кирпичахъ у Малахіи,—что по разрушеніи ихъ Идумея старается замѣнить ихъ шлифованными камнями (Мал. 1, 4); и у Іезекіиля упоминается кирпичъ, на которомъ изображается видъ осажденнаго Іерусалима (гл. 4, 1). Изъ этого научаемся, что на поприщѣ жизни сей, переходя отъ одного къ другому, мы то возрастаемъ, то умаляемся, и по устройеніи церковнаго чина, часто переходимъ къ дѣланію кирпичей.

СТАНЪ ВОСЬМНАДЦАТЫЙ.

И отправившись изъ Лебна, поставили станъ въ Ресса (Числ. 33, 21).

Восьмнадцатый станъ въ переводѣ значитъ *удила*. Ибо если послѣ совершенства мы опять погрязаемъ въ дѣлахъ неправды, то должны быть обуздываемы, и безпорядочныя и опрометчивыя стремленія наши должны быть направляемы удилами Писанія. Сколько помнится, я не знаю, чтобы гдѣ

нибудь въ другомъ мѣстѣ встрѣчалъ я это слово въ св. Писаніи у евреевъ, кромѣ апокрифической книги, которую греки называютъ *λεπτή*, т. е. *малая книга Бытія*; тамъ въ повѣствованіи о построеніи башни оно употреблено вмѣсто поприща, на которомъ состязаются бойцы и атлеты и испытывается быстрота скороходовъ. И Псалмопѣвецъ говорить: *браздами и уздою челюсти ихъ востынеша, не приближающихся къ тебѣ* (Пс. 31, 9). И Апостоль: *не вѣсте ли, яко текущии въ позорищи вси убо текутъ, одинъ же пріемлетъ почесть; тако тецъте, да постигнете* (1 Кор 9, 24).

СТАНЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

И отъправившись изъ Ресса, поставили станъ въ Гаалѳа (Числ. 33, 22).

Девятнадцатый станъ въ переводѣ значитъ *церковь*. Въ безпорядочныхъ движеніяхъ своихъ состязующіеся на поприщѣ удилами привлекаются въ церковь и снова поспѣшаютъ войти въ двери, которыя прежде оставили.

СТАНЪ ДВАДЦАТЫЙ.

И отъправившись изъ Гаалѳа, поставили станъ на горѣ Саферъ (Числ. 33, 23).

Двадцатый станъ значитъ *красота* и поставленъ на горѣ красоты, о которой говоритъ и начало четырнадцатаго псалма: *Господи! кто обитаетъ въ жилищи твоемъ, или кто вселится во святую гору твою?* Смотри, какъ полезны удила. Они отвлекаютъ насъ отъ грѣховъ, вводятъ въ сонмъ добродѣтелей и вселяютъ во Христѣ,—горѣ прекраснѣйшей. Этотъ то камень, по Даніилу, оторвавшись отъ горы безъ помощи рукъ, возросъ въ гору великую и наполнилъ всю землю (Дан. 2, 34); онъ, по Іезекіилю, поразилъ князя тирскаго (Іезек. 27); къ нему-то по Исаи и Михею стекаются народы, говоря: *пріидите, взыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога*

Иаковля, и наставитъ насъ въ путяхъ своихъ и поидемъ во стезяхъ Его (Исаи 2, 2; Мпх. 4, 1).

СТАНЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

И отправившись отъ горы Сафбергъ, поставили станъ въ Арада.

Двадцать первый станъ въ переводѣ значитъ *чудо*. Какой прекрасный порядокъ, какое чудное сочетаніе совершенствъ вѣрующихъ! Послѣ плинодѣланія обуздываемся, послѣ обузданія вводимся въ церковь, за обитаемъ въ церкви восходимъ на гору—ко Христу и здѣсь изумѣваемъ и чудимся, такъ что въ славословіи Его безсильно слово наше, -- чудимся, обрѣтая въ Немъ *ихъ же око не видѣтъ и ухо не слышитъ и на сердце челоуьку не въздоша* (1 Кор. 2).

СТАНЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРЫЙ.

И отправившись изъ Арада, поставили станъ въ Мацеловъ (Числ. 33, 25)

Двадцать второй станъ въ переводѣ значитъ *собрание*, ибо здѣсь собирается множество вѣрующихъ—Церковь первородныхъ, согласіе всѣхъ добродѣтелей. Тогда поистипѣ можемъ сказать: *се что добро, или что красно, но еже жити братіи купи* (Пс. 132, 1)? и: *Богъ иселяетъ единомысленныя въ домъ* (Пс. 67, 7).

СТАНЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

И отправившись изъ Мацелова, поставили станъ въ Таавъ (Числ. 33, 26).

Двадцать третій станъ можно переводить: *внизу*, но правильнѣе мы переведемъ: *страхъ* Вступилъ ты въ церковь, взошелъ на прекраснѣйшую гору, въ изумленіи и благоговѣннѣи исповѣдуешь величіе Христа, видишь тамъ многихъ собратій своихъ по добродѣтели:—не высокоумудствуй, но

бойся. *Господь юрдымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Иак. 4). Страхъ есть стражъ добродѣтели, а безопасность ведетъ къ паденію. Поэтому-то и въ одномъ псалмѣ пророкъ, сказавши: *Господь посетъ мя и ничтоже мя лишитъ, на мѣсть зланинъ тамо всели мя* (Пс. 22, 2), присоединяетъ къ этому страхъ, который есть стражъ счастья, и присовокупляетъ: *жезлъ Твой и палица Твоя та мя утѣшиста* (ст. 4). Смыслъ этого такой: страшась наказаній, я сохранилъ благодать, которую получилъ.

СТАНЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

И отправившись изъ Таавы, поставили станъ въ Оаре (Числ. 33, 27).

Двадцать четвертый станъ нѣкоторые переводятъ словами: *злоба* или *настбище*; они не ошибались бы, если бы это слово писалось чрезъ букву ай, но такъ какъ въ послѣднемъ слогѣ двойное придыханіе, то причина ошибки очевидна. Въ вышеупомянутой апокрифической книгѣ бытія я нашелъ написанное тѣми же буквами имя отца Авраама, который (по словамъ этой книги), прогнавши вороновъ, опустошавшихъ посѣвы, получилъ имя *отгонителя*, или *изгнателя*. Итакъ будемъ и мы подражать Оаррѣ, и заботливо будемъ отгонять птицъ небесныхъ, которыя слетаются клевать посѣянную при пути пшеницу. Ибо и патриархъ Авраамъ, образуя Израиля, изъ жертвенныхъ животныхъ отдѣлилъ тѣ части жертвоприношенія, которыя не допускаетъ пожирать птицамъ (Быт. 15, 11). Презрительное око исторгаетъ вороны дебрей¹⁾; истинный Моисей женится на эѳіоплянкѣ, и Илія получаетъ пищу отъ вороновъ. Если будешь имѣть

¹⁾ Иеронимъ выражаетъ здѣсь мысль книги Притчей: *око ругающееся отцу и досаждающее старости матери, да исторгнутъ е вороны отъ дебря* (Притч. 30, 17).

страхъ, то будешь рачителенъ, а если будешь рачителенъ, то не проникнетъ левъ въ загоны овецъ твоихъ. Понимай это или въ отношеніи къ предстоятелямъ церквей, или въ отношеніи къ охраненію души своей, въ которую левъ—дьяволъ старается проникнуть чрезъ различныя отверстія грѣховъ (1 Петр. 5).

СТАНЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

И отправившись изъ Оаре, поставили станъ въ Меока (Числ. 33, 28).

Двадцать пятый станъ значитъ: *сладость*. Ты вошелъ на высоту, дивился сонмамъ добродѣтелей, страшился паденія, прогналъ злоумышленниковъ: теперь слѣдуетъ тебѣ награда за трудъ и подобно ученію за горькіе корни вознаградить тебя сладкіе плоды, и ты скажешь: *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ* (Пс. 118, 103), и услышишь обращенную къ тебѣ пѣснь Жениха: „медъ капаетъ уста твои, сестра моя невѣста“ (Пѣсп. пѣсп. 4, 11). Ибо что пріятнѣе учености, что лучше образованности, что угоднѣе Господу? *Вкусите и видите, яко блазъ Господь* (Пс 33, 9) Поэтому и Самсонъ, отгонявшій птиць отъ плодовъ своихъ, связавшій лисиць, истребляющихъ виноградники, и убившій рыкающаго льва, въ устахъ убитаго нашель сотъ.

СТАНЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

И отправившись изъ Меока, поставили станъ въ Асмона (Числ. 33, 29).

Двадцать шестой станъ на нашемъ языкѣ означаетъ *поспѣшность*,— подобно тому, какъ въ псалмѣ говорится: „придутъ послы изъ Египта“, или, какъ въ еврейскомъ: „придутъ послѣпшающіе изъ Египта“. Пожавши плоды труда, не будемъ успокоиваться въ бездѣятельности и праздности, но, снова послѣшая къ дальнѣйшему, забудемъ прошедшее и будемъ стремиться къ будущему.

СТАНЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

И отправившись изъ Асмона, поставили станъ въ Мозеровъ (Числ 33, 30).

Двадцать седьмой станъ означаетъ *узы* или *науки*, — чтобы ускоряли мы стопы свои къ учителямъ, чаще посѣщали жилища ихъ, и заповѣди добродѣтелей и тайны писаній считали вѣчными для себя узами, подобно тому, какъ говорится у Исаи: *И Саваимстѣи мужи висоцыми къ тебѣ придутъ, и тебѣ будутъ раби и въ смѣдъ тебѣ пойдутъ связаны узами ручными* (Исаи 45, 14) и у ап. Павла: *азъ, Павелъ, юзникъ Исусъ Христовъ* (Еф. 3. 1). Въ писаніи говорится объ узакъ двоякого рода: одни, разорвавъ которыя Сампсонъ побѣдилъ враговъ, которыя видимъ у блудницы: *узы въ руку ея* (Еккл. 7, 27) и о которыхъ отъ лица Господа говорится: *расторгнемъ узы ихъ и отвержемъ отъ насъ иго ихъ* (Пс. 2, 3) и въ другомъ мѣстѣ: *стѣ сокрушися и мы избавлени быхомъ* (Пс. 123, 7). Узы же Христа — добровольныя и превращаются въ объятія; связанный ими скажетъ: *шуйца Ею подѣ главою моею, и десница Ею обыметъ мя* (Пѣсн. пѣсн. 2, 6).

СТАНЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

И отправившись изъ Мозерова, поставили станъ въ Ванейяканъ (Числ. 33, 31).

Двадцать восьмой станъ переводится словами: *сыны принужденія* или *скрежета*. Если начнешь отъ одного и постепенно прибавляя, дойдешь до числа семи, то производится число двадцать восемь ¹⁾. Кто это сыны принужденія — показываетъ намъ тотъ самый (двадцать восьмой) псаломъ: *принесите Господеву сынове Божіи, принесите Господеву сынове ови* (Пс. 28, 2). Какое же это столь сильное принужденіе, которое налагается противъ воли? Когда изучишь писаніе и законы и свидѣнія его признаешь узами истины, то будешь

¹⁾ Г. е. 1+2+3+4+5+6+7=28.

препираться съ противниками, свяжешь ихъ и въ узахъ отведешь въ плѣнъ и изъ прежнихъ враговъ, несчастныхъ и плѣнныхъ, сдѣлаешь чадъ Божіихъ, такъ что скоро скажешь: „я неплодна и пераждающая, переселенная и плѣнная, и кто воспиталъ ихъ? Я оставлена и одинока: и гдѣ были они?“ (Исаи 49, 21). Дивисься ты Исаи: познай тайны того же псалма: *гласъ Господень въ крѣпости, гласъ Господень въ великолѣтїи, гласъ Господа сокрушающаго кедры* (ст. 4, 5), такъ что по сокрушеніи враговъ и пораженіи оставленныхъ прежде народовъ языческихъ, уготовляются олени въ горахъ и является *возлюбленный яко сынъ единорожь* и въ храмѣ Его всѣ провозглашаютъ славу. Далѣе, что мы перевели *сыны скрежета*—понимай въ томъ смыслѣ, что вѣрующіе, по страху мученій и того мѣста, гдѣ *плачь и скрежетъ зубовъ* (Лук. 13), оставляя узы діавола, преклоняютъ выи Господу Христу.

СТАНЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

И отправившись изъ Банейкаана, поставили станъ въ горѣ Дадгадъ (Числ. 33, 32).

Двадцать девятый станъ значить *вѣстникъ* или *походъ* и *препоясаніе*, или собственно (что я считаю болѣе вѣрнымъ) *хатахотѣ*, т. е. разсѣченіе. Мы, наставники учениковъ и вѣрующихъ, не иначе можемъ сдѣлать ихъ сынами принужденія, какъ умертвивши ихъ учителей. Мы должны быть безпощадны въ избіеніи ихъ; рука наша не должна дрожать, когда нужно вытащить руку или край уха изъ усть льва. *Проклятъ творяй дѣло Господне съ небреженіемъ и возбраняяй мечу своему отъ крове* (Иер. 48, 10). Поэтому и Давидъ говоритъ: *воутрїа избивахъ вся грѣшныя земли* (Пс 100, 8). О вѣстникѣ же и препоясаніи мы можемъ кратко сказать только то, что сынамъ принужденія мы должны представлять высокія побужденія къ добродѣтели, возвѣщая имъ будущія мздовоздаянія и научая ихъ подвизаться препоясанными. Наставникъ, исполнявшій эти три обязанности, утверждается на горѣ.

СТАНЪ ТРИДЦАТЫЙ.

И отправившись изъ горы Дадладъ, поставили станъ въ Етабаоъ (Числ. 33, 33).

Тридцатый станъ значить доброта—чтобы, достигши въ мужа совершенна, въ священнической чинъ и въ возрастъ исполненія Христова (Еф. 4, 13), въ которомъ Іезекиль былъ на рѣкѣ Хобаръ (Іезек. 1, 1), мы могли съ Давидомъ воспѣвать въ тридцатомъ псалмѣ: *на Тя, Господи, уповахъ, да не постыжуся во вѣкъ* (30, 1): ибо пастырь добрый душу свою полагаетъ за овецъ своихъ (Іоан. 10, 11).

СТАНЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Тридцать первый станъ значить *παρέλευσις*, т. е. „перехожденіе“, или „переходъ“. Къ этому стану приходитъ истинный еврей, т. е. *περάτης*, или „прохожій“, который можетъ сказать: *мимошедъ, увижду видѣніе великое сіе* (Исх. 3, 3); объ этомъ станѣ и Псалмопѣвецъ воспѣваетъ: *и не рѣша мимоходящихъ: благословеніе Господне на вы* (Пс. 128, 8). Ибо образъ міра сего переходитъ и поэтому святые желаютъ перейти къ лучшему и, не удовлетворяясь настоящимъ положеніемъ, воздыхаютъ на всякъ день. *Сія помянухъ и изліяхъ на мя душу мою, яко пройду въ мѣсто селенія дивна даже до дому Божья* (Пс. 41, 5). Долго было бы, если бы я захотѣлъ собрать свидѣтельства всего свящ. Писанія о словѣ „перехожденіе“.

СТАНЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРЫЙ.

И отправившись изъ Еврона, поставили станъ въ Асіонъ-Гаверъ (Числ. 33, 35).

Тридцать второй станъ въ переводѣ значить: „срубленныя деревья мужа“ или „оскабливанія человѣка“, что точнѣе по гречески выражается словами *ξυλοκισμοί ἀνδρός*, и пишется

черезъ букву аинъ, а не черезъ гимель, какъ неправильно думаютъ греки и латиняне“. Откуда въ пустынь множество деревьевъ—если черезъ это не обозначается учение рачительнаго и опытнаго наставника, посѣжающаго безобразныя деревья, оскабливающаго ихъ и дѣлающаго различные сосуды, которые нужны въ дому великомъ (2 Тим. 2, 20)? „Срубленные деревья мужа“ могутъ изображать различные роды лѣса и всякихъ деревьевъ и чрезъ это—множество вѣрующихъ, какъ говоритъ Давидъ: „обрѣли оное (т. е. селеніе Божіе) въ поляхъ дубравы“ (Пс. 131, 6).—Описываемыя доселѣ восемнадцать становъ, указанные въ перечнѣ становъ, но не упоминаемыя въ предшествующемъ изображеніи пути,—находятся въ пустынь Фаранъ.

СТАНЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

И отправившись изъ Асіанъ-Гавера, поставили станъ въ пустынь Синъ: это—Кадесъ (Числ. 33, 36).

Спрашивается, какимъ образомъ восьмой станъ теперь является тридцать третьимъ? Но нужно замѣтить, что тотъ пишется чрезъ букву самехъ и значитъ „кустъ“, или „ненависть“, а этотъ чрезъ цаде и въ переводѣ значитъ „повелѣніе“. Другое же слово: „Кадесъ“ значитъ не „святая“, какъ многіе думаютъ, а „измѣненная“ или „перенесенная“. Въ книгѣ Бытія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что Іуда, считая Фамарь блудницею, послалъ ей дары (Быт. 38, 21),—въ еврейскомъ подлинникѣ читаемъ, что посланный съ дарами спрашиваетъ: гдѣ *cadesa*, т. е. „блудница“, платье которой было отмѣнно отъ прочихъ женщинъ. И во многихъ мѣстахъ встрѣчаемъ тоже самое. А если же переводится „святая“, то это нужно понимать *κατὰ ἀντίφρασιν* ¹⁾,—подобно тому какъ Парки называются такъ потому, что совершенно безпощадны, война—потому что нисколько не прекрасна и

¹⁾ Т. е. въ смыслѣ противоположнѣмъ.

роща, потому что нисколько не свѣтитъ ¹⁾). На этомъ станѣ умираетъ и погребается Марія, изъ-за воды прерѣканія (Числ. 20, 13) Моисей и Ааронъ прогнѣвляють Господа и имъ воспрещается переходъ чрезъ Иорданъ, чрезъ пословъ просятъ у Едома позволенія пройти чрезъ него и не получаютъ. Послѣ столь великихъ успѣховъ кто могъ бы опасаться ропота народа, паденія учителей и отказа въ переходѣ чрезъ землю Едомскую? Мнѣ кажется, что въ Маріи умерло пророчество, что въ кончинѣ Моисея и Аарона положенъ конецъ закону и священству іудейскому; кажется, что и сами они не могли перейти въ землю обѣтованія, и вѣрующій народъ не могли вывести изъ пустыни міра сего. И замѣть, что послѣ смерти пророчества являются и воды прерѣканія, и евреи не могутъ перейти чрезъ плотской и земной Едомъ, не получаютъ позволенія на это даже послѣ многихъ просьбъ и усилій, но противъ нихъ выступаетъ Едомъ со множествомъ народа и рукою сильною. И значеніе имени соотвѣтствуетъ смерти и оскорбленію и отказу въ переходѣ. Ибо гдѣ повелѣніе, тамъ грѣхъ; гдѣ грѣхъ, тамъ оскорбленіе; гдѣ оскорбленіе, тамъ смерть. Объ этомъ-то станѣ Псалмопѣвецъ воспѣваетъ: „потрясетъ Господь пустыню Кадесъ“ (Псал. 28, 8).

СТАНЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

И отправившись изъ Кадеса, поставили станъ на горѣ Орѣ, на граници земли Едомской. И возшелъ Ааронъ священникъ на гору, по повелѣнію Господа, и умеръ тамъ въ сороковой годъ изшествія сыновъ израилевыхъ изъ земли египетской, въ мѣсяцъ пятый, въ первый день мѣсяца. И былъ Ааронъ ста двадцати трехъ лѣтъ, когда умеръ на горѣ Орѣ.

¹⁾ Чтобы понять смыслъ этого, нужно припомнить, что имя Парки (жестокія богини мести) происходитъ отъ глагола parco—щажу, война—bellum отъ bellus прекрасный, роща—lucus—отъ lux свѣтъ.

И услышал хананейскій царь Арадъ, который жилъ къ югу, въ земль ханаанской, что пришли сыны Израилевы (Числ. 33, 37 и слѣд.).

Тридцать четвертый станъ многіе переводятъ „свѣтъ“, — что не было бы ошибочно, если бы слово Оръ писалось чрезъ букву алефъ; другіе переводятъ „кожа“ — что также было бы справедливо, если бы стояло аинъ; нѣкоторые переводятъ „скважина“ — что можно было бы допустить, если бы была частица геть: но такъ какъ читается чрезъ ге, то лучше переводить словомъ „гора“ и читать: взошелъ Ааронъ священникъ на гору „горы“, т. е. на вершину горы. Отсюда замѣчаемъ, что первосвященникъ умеръ не просто на горѣ, но на горѣ горы, — чѣмъ обозначается мѣсто, достойное заслугъ его. Умираетъ же онъ въ тотъ годъ, въ который новый народъ имѣлъ войти въ землю обѣтованія, на границѣ страны Идумейской, и хотя на горѣ оставилъ онъ священство сыну своему Елеазару, чтобы законъ исполнителей своихъ возводилъ къ высшему (совершенству); но самая высота — не за струями Иордана, а на крайнихъ предѣлахъ земныхъ дѣлъ. И оплакиваетъ его народъ въ продолженіе тридцати дней. Ааронъ оплакивается, а Иисусъ не оплакивается. Въ законѣ схождение бо адъ, въ Евангеліи переселеніе въ рай. И услышалъ Хананей, что пришелъ Израиль и на мѣстѣ соглядатаевъ, гдѣ нѣкогда народъ прогнѣвалъ Господа, вступаетъ въ битву и беретъ плѣнниковъ у Израиля; снова даетъ сраженіе на томъ же мѣстѣ; въ слѣдствіе обѣта побѣдитель побѣждается, побѣжденные побѣждаютъ и дается имя мѣсту тому „Орма“, т. е. анаѰема. Не трудно для меня и необходимо для читателей сказать и то, что судьба человѣческая на поприщѣ жизни сей постоянно измѣняется, и что одинъ умираетъ въ долинѣ, другой на поляхъ, иной на горѣ, и не просто на горѣ, но и на горѣ горы, т. е. на высокой вер-

шинѣ. И когда на насъ, лишившихся помощи Божіей, нападетъ врагъ и отведетъ въ плѣнъ, не будемъ отчаяваться во спасеніи, но снова вооружимся къ борьбѣ. Можетъ быть, что тамъ, гдѣ были побѣждены, мы побѣдимъ и восторжествуемъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде были взяты въ плѣнъ.

СТАНЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ И ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

И отправившись отъ горы Оръ, поставили станъ въ Селмонъ. И отправившись изъ Селмона пришли въ Финонъ (Числ. 33, 41 и 42).

Этихъ двухъ становъ—тридцать пятого и тридцать шестаго—нѣтъ въ ряду историческаго повѣствованія, но вмѣсто нихъ написано: *и воздвишеся отъ Ора горы путемъ, иже къ морю Черному, и обыдоша землю Едомлю* (Числ. 21, 4). Изъ этого видно, что эти станы были на границахъ и по окружности земли Едомской. И не говорится по обычаю: „и отправившись изъ горы Оръ, поставили станъ въ Селмонѣ“ или „въ Финонѣ“, но обошедши землю идумейскую, пришелъ (Моисей) на конецъ ея и сказалъ: „отправившись, сыны израилены поставили станъ въ Овоѣ“ (Числ. 21, 10); не сказалъ: „отправлялись изъ того или другаго мѣста“, потому что умолчалъ о двухъ станахъ, но, умолчавъ о нихъ въ подробномъ изложеніи, представляетъ ихъ въ общемъ выводѣ. Первый станъ—Селмона—значитъ маленькое изображеніе, второй—Финонъ—уменьшительное отъ слова „ротъ“¹⁾). На этихъ станахъ, по смерти Аарона, народъ поднимаетъ ропотъ противъ Бога и Моисея, высказываетъ недовольство манною, уязвляется змѣями и ядъ діавола уничтожается прообразомъ Спасителя, на древѣ крестномъ побѣдившаго истиннаго и древняго змія. Отсюда и „маленькое изображеніе“ истиннаго и точнаго образа Сына Божія, и взирающій на страданіе

¹⁾ Въ подлинникѣ добавлено: „os“—ab ore, non ab osse.

Его исцѣляется, и чему вѣруеть сердцемъ, исповѣдуетъ устами, по слову апостола: *сердцемъ вѣруеться въ правду, уста же исповѣдуются во спасеніе* (Римл. 10, 10). И замѣть при этомъ, что тотъ и другой станъ называются уменьшительно, поелику отчасти видимъ и отчасти пророчествуемъ, и *видимъ нынѣ якоже зеркаломъ въ гаданіи* (1 Кор. 13, 12).

СТАНЪ ТРИЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

И отправившись изъ Финона, поставили станъ въ Овоѣ (Числ. 33, 43).

Тридцать седьмой станъ значить „волхвы“ или „чрево-вѣщатели“ или, по словамъ Геліу, „большія бутылки, которыя, будучи наполнены свѣжимъ виномъ и закупорены, разрываются отъ него“. Волхвы ратовали противъ Моисея и Аарона (Исх. 7 и слѣд.); царь израильскій обольщается женщиною, которая жила въ Ендорѣ и имѣла, по Семидесяти толковникамъ, духа чрево-вѣщательнаго, а по еврейскому подлиннику—духа волшебнаго (1 Цар. 28, 7). Много очарованій, безчисленное множество сѣтей опутываютъ души человѣческія, но мы, уповая на Господа, будемъ говорить: *стъ сокрушися и мы избавлени быхомъ* (Пс. 123, 7) и *еще пойду посредь стни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4): „въ сторонѣ отъ насъ падеть тысяча, и десять тысячъ одесную насъ“ (Пс. 90, 7). Не убоимся отъ нападенія и духа полуденнаго, но заткнемъ уши свои, чтобы не слышать голоса соблазнительей и будемъ презирать чары сиренъ. Послѣ образа Божія, который начертывается въ помысленіи сердца, и исповѣданія вѣры, которое произносится устами, возстають змѣи и діавольскія козни вызываютъ насъ на борьбу. Но мы, имѣющіе драгоцѣннѣйшее сокровище въ сосудахъ скудельныхъ (2 Кор. 4, 7), которые могутъ сокрушиться, такъ, что едва останется черепокъ, которымъ можно

почерпнуть немного воды,—всякимъ храненіемъ будемъ блюсти сердце свое.

СТАНЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

И отправившись изъ Овова, поставили станъ въ Леабаримъ, на границахъ Моава (Числ. 33, 44).

Тридцать восьмой станъ значитъ: „кучи камней прохожихъ“. Есть святые камни, которые катятся по землѣ, легкіе, гладкіе и круглою формою своею похожіе на колеса, есть и другіе камни, которые пророкъ повелѣваетъ снимать съ дороги, чтобы объ нихъ не претыкались ноги проходящихъ. Кто же эти прохожіе? Конечно, тѣ путешественники и прохожіе, которые чрезъ міръ сей спѣшаютъ перейти къ инымъ обителямъ. А что говорится „на границахъ Моава“ и какъ выше сказано (Числ. 21, 11) „въ пустынѣ, которая обращена къ Моаву противъ востока солнца“,—то этимъ—въ буквальномъ смыслѣ—показывается, что доселѣ они были на границахъ земли идумейской, а теперь, переходя отъ одной страны къ другой, пришли къ предѣламъ Моава. Ибо не объ одной добродѣтели нужно всегда заботиться, но по писанному: *пойдутъ отъ силы въ силу* (Ис. 81, 8), отъ одной добродѣтели должно переходить къ другой, поелику онѣ взаимно соединяются и такъ связаны между собою, что не имѣющій одной не имѣетъ и всѣхъ другихъ. И однакоже переходить отъ одной добродѣтели къ другой собственно возможно только тѣмъ, кои созерцаютъ восходъ солнца правды.

СТАНЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

И отправившись изъ Леабарима, или (какъ въ другомъ мѣстѣ въ еврейскомъ) Лама, поставили станъ въ Дивонъ-Гадъ (Числ. 33, 45).

Тридцать девятый станъ въ переводѣ значитъ: „сильно ощущаемое искушеніе“. Въмѣсто этого въ историческомъ повѣствованіи написано иное. Послѣ того, какъ поставили станъ

въ Иеабаримѣ на границахъ Моава противъ востока солнца — послѣ этого читается: „отправились оттуда и обратились къ потоку Заредь. И отправившись изъ этого мѣста поставили станъ за Арнономъ, который находится въ пустынѣ предѣловъ аморрейскихъ, потому что Арнонъ на границѣ между моавлянами и аморреями (Числ. 21, 12 и 13), и послѣ этого пришли къ колодезю, гдѣ воспѣвъ Израиль эту пѣснь: „возвеличъся, колодезь, который ископали князи и открыли вожди народовъ въ законодатель и жезлъ его“: и изъ пустыни (пришли) въ Матѳанъ, и изъ Матѳанъ къ источникамъ Божіимъ, и отъ источниковъ Божіихъ на возвышенности, и съ возвышенностей въ долину, которая находится въ странѣ моавитской, на вершинѣ Фасга, обращенной къ пустынѣ“ (тамъ-же 17 и слѣд.). Нѣкоторые, объясняя эти мѣста въ предѣлахъ аморрейскихъ, думаютъ, что это не станы, а переходы, и что подробнаго изложения не должно предпочитать перечню становъ; нѣкоторые же, объясняя духовное духовно, полагаютъ, что обозначаются не области, а подъ именами мѣстностей разумѣются совершенства добродѣтелей: именно, что послѣ волхвовъ и собранія камней, мы часто приходимъ къ источникамъ „Заредь“, что значитъ „неудобный спускъ“, и остановившись на спускѣ, переходимъ въ Арнонъ, что значитъ „проклятіе“, которое лежитъ въ предѣлахъ Амореевъ, то есть, или „жестокихъ“ враговъ, или „велерѣчивыхъ“ гордецовъ. А если перейдемъ границы Моава, который рожденъ отъ кровосмѣшенія и удаленъ отъ истиннаго оцда, то тотчасъ встрѣчается намъ колодезь, который ископалъ не кто либо изъ простаго народа, не кто либо неблагородный, но князи и вожди, которые даютъ законы народамъ. Воспѣвая пѣснь на водѣ колодезя и радуясь дарамъ Божіимъ, пророчествуютъ (израильтяне), куда они должны итти, къ какимъ мѣстамъ стремиться, т. е. что изъ пустыни должны итти къ Мат-

оанѣ, что значить „даръ“, и изъ Матеанѣ въ Нааліилѣ, то есть „къ источникамъ Божіимъ“, и изъ Нааліила въ Вамоѣ, что значить „возвышенности“ или „приближающаяся смерть“. Когда мы дѣлаемся сообразны смерти Христовой, то встрѣчается намъ долина униженія, которая однако находится на вершинѣ горы Фасга, что значить „обдѣланный“—что не имѣетъ ничего безобразнаго и грубаго, но обдѣлано рукою художника. Гора эта обращена къ пустынѣ, что по еврейски называется *Исимонъ*; ибо когда мы будемъ поставлены на вершинѣ добродѣтелей, тогда увидимъ ничтожество всего міра и пустоту всѣхъ грѣшниковъ.—При бѣгломъ разсужденіи я почти забылъ сказать, почему „Дивонъ-Гада“ означаетъ „сильно ощущаемое искушеніе“. Послѣ Дивонъ-Гада ведется война съ Сеономъ, царемъ аморрейскимъ, и Огомъ, царемъ васанскимъ; и мы научаемся, что достигши вершины и вкусивши отъ источника князей и царей, взошедши на гору Фасга,—мы не должны надмѣваться гордостію, но должны представлять лежащую предъ нами пустыню. Ибо сердце мужа возносится предъ сокрушеніемъ и смиряется предъ славою.

СТАНЪ СОРОКОВОЙ.

И отправившись изъ Дивонъ-Гада поставили станъ въ Алмонъ-Девлааимъ (Числ. 33, 46).

Сороковой станъ въ переводѣ значить: *презрѣніе смоквъ* или *поношеній*. И чрезъ этотъ станъ мы научаемся презирать въ мірѣ всѣ наслажденія и приманки похотей и не упиваться виномъ, *въ немъ же есть блудъ* (Еф. 5) Медь не приносится въ числѣ жертвоприношеній Богу (Лев. 2), и не воскъ, содержащій сладость, освѣщаетъ скиню, а масло самое чистое (Исх. 25), которое производится изъ горькой оливы. Ибо „медь кашлетъ съ устъ жены блудницы“ (Притч 5), отъ котораго въ таинственномъ смыслѣ, думаю, вкусилъ Іонаванъ,—случайно удиченный и едва спасенный просьбами на-

рода (1 Цар. 14). А что должно презирать поношенія и что они даютъ блаженство, если они несправедливы,—то объ этомъ весьма пространно учить Спаситель.

СТАНЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

И отправившись изъ Алмонъ-Девлаваима, поставили станъ въ горахъ Аваримскихъ предъ лицемъ Наво (Числ. 33, 47)

Сорокъ первый станъ значить горы *проходящихъ* и находится въ виду горы Наво, гдѣ умираеть и погребается Моисей, увидѣвъ прежде землю обѣтованія. Наво въ переводѣ значить *заключене*, въ которомъ оканчивается законъ и не обрѣтается памяти его. Благодать же Евангелія распространяется безконечно: во всю землю прошло вѣщаніе его и въ концы вселенной глаголы его (Пс. 18). И однакоже обрати вниманіе на то, что хотя жилище путешественниковъ находится на горахъ, но оно еще требуетъ усовершенія. Послѣ очень многихъ горъ мы нисходимъ на долины Моава и къ потокамъ *Иордана*, что значить *нисхождение*. Ибо, какъ мы часто говорили, ничто такъ не опасно, какъ честолюбіе, тщеславіе и надменность въ сознаниі добродѣтелей.

СТАНЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ.

И отправившись отъ горъ Аваримскихъ, поставили станъ въ долинахъ Моава на Иорданъ подлѣ Иерихона, и тамъ поставили палатки. Отъ дома пустыни до Авель-Ситима въ равнинѣ Моавитской (Числ. 33, 48, 49).

Разскажемъ кратко о случившемся на сорокъ второмъ станѣ, который вмѣстѣ есть и послѣдній станъ. Находясь на этомъ станѣ, народъ по повелѣнію Божию благословляется прорицателемъ Валаамомъ, котораго подеушилъ Валакъ, сынъ Сефуровъ, и проклятіе превращается въ славословіе: народъ слышитъ гласъ Божій, провѣщающій устами язычника: *возсіяетъ звезда отъ Иакова, и возстанетъ человекъ отъ Израиля, и погубитъ князи моавитскія и плѣнитъ вся сыны*

Синовы и будетъ Едомъ наслѣдіе его (Числ. 22, 17 и 18). Любодѣйствуетъ съ дочерьми мадіамскими: и Финеесъ сынъ Елеазара, возревновавши ревностію о Господѣ, пронзаеть ножемъ Замврія и блудницу мадіанитянку: за что и получилъ награду—въ вѣчную память—плечо жертвы: Снова исчисляется народъ (Числ. 26), чтобы, по избіеніи нечестивыхъ, сдѣлать перепись новаго народа Божія. Пять дочерей Салфаада обращаются съ просьбою и по опредѣленію Господа получаютъ наслѣдіе между братьями своими (Числ. 36, 6), и такимъ образомъ и женскій полъ не исключается изъ наслѣдія Божія. Іисусъ послѣдуетъ за Моисеемъ на гору и поучается отъ закона, что долженъ онъ духовно совершать въ церквѣ,—вопервыхъ, что долженъ совершать ежедневно, потомъ, что въ субботу, что въ первый день мѣсяца, что въ пасху, пятьдесятницу, въ новомѣсячіе седьмаго мѣсяца, что въ постъ того же мѣсяца въ десятый день, что въ праздниѣ кущей, когда устроятся палатки, въ пятнадцатый день вышеупомянутаго мѣсяца. Напоминается, что обязательства женъ и дочерей безъ утвержденія отцовъ и мужей не имѣютъ силы; ведется война съ мадіанитянами, умираетъ прозорливецъ Ваалаамъ, раздѣляется добыча и часть ея приносится въ скриніи Божіей. Рувимъ и Гадъ и половина колѣна Манассіина первые получаютъ владѣнія въ пустынѣ за Іорданомъ; ибо колѣна эти имѣли много скота и еще не достигли до того, чтобы могли жить съ храмомъ. Народъ получаетъ наставленіе разрушить идоловъ въ святой землѣ и не оставлять въ живыхъ никого изъ прежнихъ ея обитателей. Описывается давно желанная страна и отдѣляется наслѣдіе половинѣ двухъ колѣнъ. Перечисляются князи колѣнъ, которые должны войти въ святую землю (Числ. 34); Левиты получаютъ сорокъ два города съ ихъ предмѣстьями на тысячу лактей въ окружности—столько же числомъ, сколько и становъ. Присоединяется къ нимъ шесть городовъ для ищущихъ

щихъ убѣжища — три по сю и три по ту сторону Іордана, такъ, что вмѣстѣ составляется сорокъ восемь городовъ (Числ. 35), и опредѣляется, кто изъ ищущихъ убѣжища долженъ быть принятъ, кто долженъ быть умерщвленъ, кто долженъ быть охраняемъ до смерти великаго первосвященника. Послѣдуетъ затѣмъ Второзаконіе — второй законъ — руководство къ Евангелію, и изъ него узнаемъ вкратцѣ, что Моисей говорилъ народу между Фараномъ и Тофелемъ, и Лабаномъ и Азероомъ и золотыми мѣстами (Іоса аугеа) и, отвергну несчастнѣйшаго Іуду — въ одиннадцать дней пути отъ Хорива чрезъ гору Сеиръ до Кадисъ-Варни; — и наконецъ поется пѣснь (Втор. 32), въ которой весьма явно отвергается синагога и собирается церковь Господу: *уты, утолстъ, разжирь: и остави Бога возлюбленный и отступи отъ Бога Спаса своєю* (Втор. 32, 15), и еще: злѣйшій родъ, сыны неразумные: сами подвигли Меня къ ревности въ томъ, кто не былъ богъ. Раздражили Меня въ идолахъ своихъ и Я раздражу противъ нихъ народы и противъ народа неразумнаго возбужду ихъ (ст. 20, 21). Благословляются сыны израилевы. И опять въ Симеонѣ исключается несчастный Іуда. Моисей восходитъ на гору Наво, на вершину Фасга, которая находится противъ Іерихона, и показываетъ ему Господь всю землю Галаадскую до Дана и Нефѣалима и Ефрема и Манассіи, и всю землю Іудину до моря великаго къ югу, и равнину Іерихона, города пальмъ, до Сегора (Втор. 34). Кто можетъ постигнуть столь великія тайны? Тотъ, кто, будучи поставленъ на границахъ закона и на предѣлахъ жизни сей, понимаетъ, что ему постоянно должно воинствовать и что полная побѣда дастся тогда, если онъ будетъ на равнинѣ, если въ Авель-Ситимѣ, что значить *плачъ терній*, онъ оплачетъ прежніе грѣхи и тѣ тернія, которыя заглушили сѣмя слова Божія (Лук 8) и о которыхъ пророкъ говоритъ: *возвратихся на*

страсть, егда узре ми тернь (Пс. 31, 4). Тогда приготовившись, по прекращеніи манны, пусть подъ предводительствомъ Иисуса перейдетъ онъ Иорданъ (Иис. 3) и препоясавшись мечемъ Евангелія, прежде всего пусть вкуситъ отъ небснаго хлѣба; тогда-то явится ему архистратигъ силы Господней, чтобы вкушать истинную пасху не въ Египтѣ, но въ предѣлахъ святой земли. *О глубина богатства премудрости и разума Божія; яко неистытанны судове Его и неизладимы путіе Его*. Ибо правы пути Господни и праведные пойдуть въ нихъ; противники же падуть на нихъ.

74. Письмо къ Сальвинѣ.

Опасаясь, чтобы обязанность не показалась честолюбіемъ, и о томъ, что я дѣлаю по примѣру того, кто сказалъ: *научи-теся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѣ. 11, 29), не сказали, что я дѣлаю это добиваясь славы—что я не утѣшаю вдову, поставленную въ затруднительныя обстоятельства, а прокрадываюсь въ царскій дворець и подъ предлогомъ назиданія, заискиваю расположенія знати. Безъ сомнѣнія, этого не подумаетъ тотъ, кто знаетъ, что предписано: *да не примете лица нищаго въ судъ* (Лев. 19, 15), чтобы подъ предлогомъ состраданія мы не судили несправедливо. Каждого должно судить не по указанію среди людей, а по значенію его дѣятельности. И богатому не вредитъ богатство, если онъ хорошо пользуется имъ и бѣднаго нищета не дѣлаетъ почтеннѣе, если въ рубищахъ и въ бѣдности онъ не блюдетъ отъ грѣховъ. Свидѣтельства того и другаго представляютъ патріархъ Авраамъ и ежедневные примѣры. Тотъ при огромнѣйшемъ богатствѣ былъ другомъ Божиимъ; тогда какъ другіе, будучи постоянно уличаемы въ преступленія, получаютъ наказанія по законамъ. Итакъ я утѣшаю бѣдную богачку, которая сама не знаетъ, что имѣетъ, такъ какъ я разсматриваю не кошелькъ ея, а чистоту души; я обращаюсь къ той, лица кото-

рой я не знаю, но знаю добродѣтели, которую превозноситъ молва, цѣломудріе которой еще болѣе возвышаетъ молодость. О смерти своего молодаго супруга она такъ плакала, что подала примѣръ супружеской любви, и (эту смерть) такъ перенесла, что считала его какъ бы отошедшимъ на время, а не навсегда потеряннымъ. Тяжесть вдовства была побужденіемъ къ благочестію. Къ своему Небридію отсутствующему она такъ стремится, какъ будто знаетъ, что онъ присуць ей во Христѣ. И такъ зачѣмъ же я пишу къ той, которой не знаю? На это есть причины Первая—что по долгу священства я люблю всѣхъ христіанъ какъ дѣтей и преуспѣяніе ихъ—моя слава; вторая—что отецъ покойнаго питалъ ко мнѣ искреннюю дружбу; послѣдняя и самая сильная—что я никакъ не могъ отказать въ просьбѣ сыну моему Авиту, который частыми письмами превосходя вдову, умолявшую жестокосердаго судію (Лук. 18), и представляя мнѣ примѣры многихъ, къ которымъ я писалъ о подобныхъ предметахъ, заставилъ меня такъ стыдиться отказа, что я болѣе имѣлъ въ виду его желаніе, чѣмъ то, что съ моей стороны было бы приличнѣе дѣлать.

Иной быть можетъ восхвалилъ бы Небридія съ той стороны, что будучи сыномъ сестры императрицы и воспитанный на рукахъ тетки, онъ вошелъ въ такую милость у непобѣдимѣйшаго императора, что тотъ пріискалъ ему супругу самаго высокаго происхожденія и ею, какъ бы заложницею, подчинилъ себѣ Африку, волновавшуюся въ междоусобныхъ войнахъ ¹⁾.—Мнѣ съ самаго начала нужно восхвалить то, что онъ, какъ бы предчувствуя близкую смерть, среди придворнаго блеска и высшихъ почестей, которыя превосходили возрастъ его, жилъ такъ, какъ будто былъ увѣренъ, что ско-

¹⁾ Сальвина была дочь Гильдона, царя мавританскаго. Θεодосій великій, чтобы держать Африку въ подчиненіи, женилъ на Сальвинѣ родственника своего Небридія. Амт. Marcell. lib. 29, cap. 5 и слѣд.

ро отойдетъ ко Христу. Священная исторія повѣствуетъ, что Корнилій, сотникъ итальянской когорты, такъ былъ благоугоденъ Богу, что Богъ послалъ къ нему ангела, и все таинственное видѣніе, посредствомъ котораго Петръ отъ узкости обрѣзанія переносился къ широтѣ необрѣзанія, относится къ заслугамъ того, который первый, принявши крещеніе отъ апостола, предвозвѣстилъ спасеніе язычниковъ. Объ немъ написано: *мужъ чпкій бѣ въ Кесаріи, именемъ Корнилій, сотникъ отъ спиры, нарицающейся италійскія, благовѣинъ и бояйся Бога со вѣмъ домоу своимъ, творяй милостыни многи людемъ и моляйся Богу всегда* (Дѣян. 10, 1. 2). Что говорится о немъ, тоже самое, перемѣнивъ имя, я могу приписать моему Небридію. Онъ такъ былъ благочестивъ, такъ любилъ цѣломудріе, что женился, самъ будучи дѣвицею ¹⁾; такъ боялся Бога со вѣмъ домоу своимъ, что, забывъ о знатности, имѣлъ сообщество только съ монахами и клириками и такъ много раздавалъ милостыни въ народѣ, что двери его дома осаждали толпы нищихъ и убогихъ. Поистинѣ онъ такъ молился Богу, что вѣ обстоятельства слагались самымъ лучшимъ для него образомъ. *Восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его, угодна бо бѣ Господеву душа его* (Прем. 4, 11. 14). Поэтому и я справедливо могу сказать о немъ словами Апостола, который говоритъ: *поистинѣ разумѣваю, яко не на лица зритъ Богъ: но во всякомъ языкѣ бояйся Его и дѣлаяй правду, пріятенъ Ему есть* (Дѣян. 10, 34. 35). Ему въ подвигахъ нисколько не служили препятствіемъ ни военное платье, ни перевязь, ни отряды тѣлохранителей; поелику служба по внѣшности одному, онъ подвизался для другаго. Такъ и наоборотъ: инымъ не приносятъ никакой пользы бѣдное платье, черная туника, нечистота тѣла и притворная нищета, если почтенное имя они безсла-

¹⁾ На латинскомъ прекрасный оборотъ: *ut virgo sortiretur uxorem.*

вить своимъ поведеніемъ. Читаемъ также и въ Евангеліи свидѣтельство Господа о другомъ сотникѣ: *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ* (Матѳ. 8, 10). Возвратимся еще къ болѣе древнему:—Іосифъ, который и въ бѣдности и богатствѣ показалъ опыты добродѣтелей и бывъ и рабомъ и господиномъ научилъ свободѣ духа,—Іосифъ не былъ ли послѣ Фараона почтенъ царскими отличіями и между тѣмъ не благоугодилъ ли Богу—такъ, что преимущественно предъ всѣми патріархами сдѣлался родоначальникомъ двухъ колѣнъ? Даниилъ и три отрока такъ управляли Вавилонією и были въ числѣ первыхъ вельможъ въ городѣ, что подъ внѣшнимъ видомъ служенія Навуходовосору, духомъ служили Богу. Мардохей и Есфирь, облакаясь въ порфиру, шелкъ и драгоценные камни, побѣдили гордость смиреніемъ и такъ возвысились, что, будучи плѣнниками, властвовали надъ своими побѣдителями.

Рѣчь эта клонится къ тому, чтобы показать, что родство съ царскимъ домомъ, обиліе богатства и отличія власти служили для моего юноши средствомъ къ добродѣтели, по слову Екклесіаста: „какъ полезна мудрость, также полезно и богатство“ (Еккл. 7, 11). И не будемъ поспѣшно думать, что этому противны изреченія: *аминь малою вамъ, не удобъ богатый внидеть въ царствіе Божіе* (Матѳ. 19, 23. 24) и еще: *удобѣе есть вельбуду сквозь илины уши проити, нежели богатому въ царствіе Божіе внити* (Марк. 10, 24. 25). Въ противномъ случаѣ намъ покажется несогласнымъ съ этою мыслию, что мытарь Закхей, котораго св. Писаніе называетъ весьма богатымъ, получилъ спасеніе. Но какъ невозможное у людей возможно у Бога, показываетъ совѣтъ Апостола, который пишетъ къ Тимоѳею: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не великомудрствовати, ниже уповати на богатство погибающее, но на Бога жива, дающаго намъ вся обильно въ наслажденіе* (1 Тим. 6, 17). Пусть они благодѣтель-

ствуютъ, пусть будутъ богаты добрыми дѣлами, безъ сожалѣнія раздають; пусть дають другимъ и сокроиществують себѣ благое основаніе на будущее,—чтобы стяжать истинную жизнь. Вотъ какъ верблюдъ можетъ пройти сквозь иглиныя уши,—вотъ какъ неуклюжее животное, сложивъ вычную пошу, можетъ получить крылья голубя и почить въ вѣтвяхъ дерева, которое выросло изъ горчичнаго сѣмени (Матѳ. 13, 31). Читаемъ у Исаи, что верблюды изъ Мадіама и Ефы и Савы привозять золото и ливанъ во градъ Господень (Ис. 60, 6). Подобно этимъ верблюдамъ измаильскіе купцы доставляютъ египтянамъ миртовую смолу и ѳиміамъ и благовонную мазь, которая производится въ Галаадѣ (Іер. 8, 22) и излечиваетъ накожныя раны,—и удостоиваются такого счастья, что покупають и продають Іосифа, и эта купля ихъ дѣлается спасеніемъ міра. И басня Эзопа говоритъ, что наполненное брюхо мыши не могло пройти въ узкую дыру.

Итакъ, возлюбленный мой Небридій, постоянно помня оное изреченіе: *хотящій обогатитися упадетъ въ напасть діавола и похоти многи* (1 Тим 6, 9), употреблялъ на бѣдныхъ все, что давали ему щедрость императора и почетное положеніе при дворѣ. Зналъ онъ, что Господь заповѣдалъ: *аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе свое, и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. 19, 21). И поелику, имѣя жену, малолѣтнихъ дѣтей и большое семейство, не могъ онъ выполнить этой заповѣди: то творилъ себѣ друзей отъ маммоны неправды, чтобы они приняли его въ вѣчныя крвы (Лук. 16, 9). Не оставлялъ онъ имущества, подобно апостоламъ, оставлявшимъ отца, сѣти и лодку:—но для равенства, въ восполненіе недостатка бѣдныхъ давалъ свой избытокъ, чтобы послѣ ихъ богатство послужило въ восполненіе его недостатка (2 Кор. 8, 14). Та, къ которой пишется эта книжка, сама знаетъ, что я рассказываю не са-

тому мнѣ извѣстное, а слышанное отъ другихъ, и что я своею рѣчью не хочу отблагодарить его за какое-нибудь благодѣяніе ко мнѣ—по обычаю писателей греческихъ. Да будетъ далеко отъ христіанъ это подозрѣніе. *Имѣюще пиццу и одѣяніе сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8). Гдѣ дешевая овощь, простой хлѣбъ, умѣренная пища и питье, тамъ нѣтъ никакой лести, тамъ чрезмѣрное богатство, которое преимущественно приноситъ плодъ. Отсюда слѣдуетъ, что вѣрно свидѣтельство, которое не имѣетъ причинъ ко лжи.

И чтобы кто не подумалъ, что я въ Небридіѣ восхваляю однѣ милостыни—хотя и это великое дѣло, и объ нихъ говорится: „какъ вода погашаетъ огонь, такъ милостыня погашаетъ грѣхъ“ (Сирах. 3, 30),—я перейду къ другимъ его добродѣтелямъ, какія мы замѣчаемъ у людей незначительныхъ. Кто безъ обжога вошелъ въ печь царя вавилонскаго (Дан. 3)? Какого юноши верхнюю одежду не удержала госпожа египетская (Быт. 39)? Какая жена евнуха не раждаетъ дѣтей,—побѣдивъ похоть? Кого изъ людей не устрашаетъ оное разсужденіе: *Вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ, противувоюющъ закону ума моего и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ* (Рим. 7, 23)? Странно сказать—воспитанный въ дворцѣ, жившій и учившійся вмѣстѣ съ Августами (Аркадіемъ и Гоноріемъ), для стола которыхъ приносятъ свои произведенія весь міръ, всѣ страны и моря, среди изобилія во всемъ—онъ въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ былъ такъ цѣломудренъ, что былъ стыдливѣе дѣвицы и не давалъ даже малѣйшаго повода къ скандальной молвѣ. Далѣе—близкій, другъ, родственникъ Порфирородныхъ, вмѣстѣ съ обоими ими получившій образованіе въ наукахъ (что возбуждаетъ уваженіе даже постороннихъ),—онъ не былъ надутъ гордостію, не презиралъ съ высокоуміемъ другихъ людей, но любезный со всѣми, самыхъ императоровъ онъ любилъ какъ братьевъ, почиталъ какъ господъ, и высказалъ, что его счастье заключается въ счастіи ихъ. А

ихъ придворныхъ и весь дворцовый штатъ, которымъ окружено царское величіе, онъ такъ привлекалъ къ себѣ своею любезностію, что низшіе по заслугамъ считали себя равными въ отношеніяхъ къ нему. Побѣдить знаменитость добродѣтелию и быть любимымъ тѣми, кого превосходишь—дѣло трудное. Какая вдова не была поддержана его помощію? Какой сирота не нашель въ немъ отца? Епископы всего востока представляли ему просьбы несчастныхъ и желанія угнетенныхъ. Просьбами его предъ императоромъ были только: милостыня бѣднымъ, освобожденіе плѣнныхъ, милосердіе къ несчастнымъ. Поэтому и сами императоры охотно исполняли его просьбы, потому что знали, что благодѣтельствуютъ не одному, а многимъ.

О чемъ дальше распространюсь я? *Всяка плоть стно и всяка слава чловѣча яко цвѣтъ травный* (Ис. 40, 6). Земля возвратилась въ землю свою; почилъ о Господѣ и приложился къ отцамъ своимъ исполненный дней и свѣта, созрѣвшій въ старости доброй: ибо сѣдина чловѣка есть мудрость его. Въ недолгомъ возрастѣ исполнилъ онъ лѣта долгія (Прем. 4). вмѣсто него имѣемъ мы его милыхъ дѣтей. Супруга его наслѣдовала его цѣломудріе. Маленькій Небридій напоминаетъ собою отца для тѣхъ, кто любилъ отца. „Такъ держалъ онъ глаза, такъ руки, такъ лицо“ (Aeneid. 67, 3). Искра отеческой доблести просвѣчиваетъ въ сынѣ и сходство въ характерѣ проглядываетъ сквозь оболочку тѣла. „Въ тѣсной груди носить великія думы“ (Georg. 4). Къ нему присоединяется сестра, украшеніе розъ и лилій, соединеніе слоновой кости и пурпуровой краски. Она напоминаетъ лицомъ отца, обѣщая большую красоту, и вмѣстѣ представляетъ такой портретъ матери, что въ одномъ тѣлѣ узнаешь обоихъ. Такъ она мила, такъ пріятна, что ею гордятся всѣ родственники; не гнушается держать ее самъ Августъ и съ удовольствіемъ ласкаетъ на рукахъ своихъ цараца. Всѣ наперерывъ хватаютъ ее къ себѣ;

вѣшаютъ на шею, держать на рукахъ всѣ. Говорунья и картавая, она еще милѣе отъ недостатковъ своего языка.

Итакъ есть у тебя, Сильвина, кого воспитывать, есть кому напоминать тебѣ разлучившагося мужа. *Се достояніе Господне сынове, мада плода чревнію* (Ис. 126, 3). Въмѣсто одного взрослого ты имѣешь двоихъ дѣтей; число предметовъ любви увеличилось. Любовію къ тѣмъ, которые съ тобою, умѣряй печаль о томъ, кого нѣтъ. Хорошо воспитывать дѣтей—не малая заслуга предъ Богомъ. Послушай увѣщаніе апостола: *вдовица да причитается не менши лѣтъ шестидесятихъ, бывши единому мужу жена, въ дѣлѣхъ добрыхъ свидѣтельствуема, аще чада воспитала есть, аще святыхъ нозѣ умы, аще странныя пріятъ, аще скорбнымъ утѣшеніе бытъ, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть* (1 Тим. 5, 9. 10). Вотъ перечень добродѣтелей твоихъ,—того, что ты обязана сдѣлать для своего званія, какими заслугами должна обладать, прошедши ступень цѣломудрія. И тебя не должно беспокоить то, что вдовицею должна избираться шестидесятилѣтняя, и не думай, что апостоль унижаетъ молодыхъ. Вѣрь, что и тебя избираетъ тотъ, кто говорилъ ученику: *никтоже о юности твоей да нерадитъ* (1 Тим. 4, 12)—разумѣя не воздержаніе, а возрастъ. Иначе всѣ овдовѣвшіе прежде шестидесяти лѣтъ по этому правилу выйдутъ замужъ. Но поелику онъ (ап. Павелъ) устроилъ юную церковь Христову, заботился о всемъ чинѣ ея и преимущественно о бѣдныхъ, попеченіе о коихъ было ввѣрено ему съ Варнавою: то онъ хочетъ, чтобы отъ имущества церковнаго получили пособіе тѣ, кои не могутъ работать своими руками, кои суть истинныя вдовы и которыхъ рекомендуетъ и возрастъ и жизнь. Священникъ Илій прогнѣвалъ Бога пороками дѣтей: слѣдовательно и наоборотъ, Богъ благоугождается добродѣтелями ихъ, „если пребудутъ въ вѣрѣ и любви и святости съ цѣломудріемъ“ (1 Тим. 2, 15). „О Тимошей! храни себя чи-

стымъ“ (1 Тим. 5, 22). Не подумай, чтобы я позволилъ себѣ подозрѣвать относительно тебя что-нибудь нехорошее:—но отъ избытка сердца предостерегать въ скользкомъ возрастѣ—дѣло благочестивое. Что буду говорить я—относи не къ себѣ, а своимъ юношескимъ лѣтамъ. „Вдова сластолюбивая заживо умерла“ (1 Тим. 5, 6). Это говоритъ Сосудъ избранный; это износится изъ сокровища того, который съ убѣжденіемъ говорилъ: „неужели вы ищите доказательства на то, Христосъ ли говоритъ во мнѣ?“ (2 Кор. 13, 3). Это возвѣщаетъ тотъ, который искренно въ своемъ лицѣ сознавалъ слабость человѣческой плоти. *Не еже бо хочу доброе, творю: но еже не хочу, злое* (Рим. 7, 19), и поэтому *умерщвляю тѣло мое и работаю, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. 9, 27). Если опасается онъ: то кто изъ насъ можетъ быть безопасенъ? Если Давидъ—другъ Божій—и Соломонъ—возлюбленный Его—были побѣждены какъ люди, чтобы дать намъ и примѣръ паденія въ предостереженіе, и примѣръ покаянія во спасеніе: то кто же на скользкомъ пути не долженъ бояться паденія? За обѣдами твоими пусть не будетъ колхидскихъ птицъ, жирныхъ горлицъ, іонійскаго рябчика и всѣхъ птицъ, съ которыми улетаютъ самыя огромныя имѣнія. И не думай, что ты не ѣшь мяса, если гнушаешься ѣсть свиней, зайцевъ, оленей и четвероногихъ животныхъ; потому что принимается въ разсужденіе не число ногъ, а пріятность вкуса ¹⁾. Знаемъ, что апостоль сказалъ: *всякое созданіе Божіе добро и ничтоже отменно, со благодареніемъ приеменно* (1 Тим. 4, 5); но онъ же говоритъ: *добро не ясти мясь, ниже пити вина* (Рим. 14, 21), и въ другомъ мѣстѣ: *не упивайтесь виномъ въ немже есть блудъ* (Еф. 5, 18). Всякое созданіе Божіе добро.

¹⁾ У нѣкоторыхъ западныхъ христіанъ было въ обычаѣ различать въ отношеніяхъ къ посту мясо четвероногихъ и птицъ, и, употребляя въ пищу мясо птицъ, воздерживаться отъ мяса четвероногихъ. Prosper Aquitan. lib. 2 de vita contempti. с. 23. Противъ этого-то обычая и говорить здѣсь бл. Іеронимъ.

Пусть слушаютъ это тѣ женщины, которыя заботятся правиться мужьямъ. Пусть ѣдятъ плоть тѣ, которыя служатъ плоти, горячность которыхъ располагаетъ къ похоти, которыя, будучи связаны съ мужьями, заботятся о рожденіи и о дѣтяхъ. Чьи утробы произрацаютъ дѣтей, тѣхъ и внутренности пусть наполняются мясами. А тебѣ, которая въ могилѣ мужа погребла всѣ похоти, которая нарумяненное и набѣленное лицо омыла слезами надъ гробомъ его, сбросивъ бѣлую одежду и вышитыя золотомъ башмаки, приняла темную тунуку и черныя туфли—тебѣ должно только пребывать въ постѣ. Блѣдность и рубище должны быть твоими драгоценными камнями, мягкіе пуховики не должны нѣжить молодые члены; банный жаръ не долженъ воспламенять свѣжую кровь молодой женщины. Послушай, что отъ лица воздержной вдовы (Дидоны) воспѣваетъ языческій поэтъ:

Тотъ, кто первый связалъ меня съ собою,—

Овъ унесъ мои радости: пусть онѣ будутъ у него,

Пусть онъ хранитъ ихъ во гробѣ“ (Aeneid. lib. 4).

Если такъ цѣнится самая дешевая стеклянная блестя: то насколько выше драгоценнѣйшая жемчужина? Если по общему закону природы языческая вдова осуждаетъ всѣ удовольствія: то чего должно ожидать отъ вдовы христіанской, которая свое цѣломудріе должна хранить не только для погребеннаго, но и для того, съ которымъ она будетъ царствовать?

Прошу тебя,—не подозрѣвай обиды для себя въ этихъ общихъ увѣщаніяхъ и не думай, что я пишу съ цѣлію укорять тебя, а не потому, что опасаюсь за тебя: мое желаніе—чтобы ты не знала того, чего я опасаюсь. Добрая слава цѣломудрія въ женщинахъ—вещь нѣжная, и какъ самый красивый цвѣтокъ скоро увядаетъ при самомъ легкомъ вѣтеркѣ и портится отъ легкаго дуновенія, въ особенности когда и возрастъ побуждаетъ къ пороку и нѣтъ мужняго авторитета, и тѣнь котораго

есть охрана для жены. Что должна дѣлать вдова среди множества домочадцевъ, въ толпѣ служителей? Я не хочу, чтобы она презирала ихъ какъ рабовъ, но она должна стыдиться ихъ какъ мужчинъ. Да, если приличіе дома требуетъ этихъ служителей, то пусть она поставитъ надъ ними начальникомъ старика честнаго поведенія, должностію котораго пусть будетъ охраненіе чести госпожи. Я знаю многихъ (вдовъ), которыя, заперши двери для общества, не гнушались низкими связями съ рабами, которыхъ дѣлали подозрительными или неумѣренная роскошь въ одеждѣ, или бѣлизна растолстѣвшаго тѣла, или лѣта, располагающія къ похоти, или самоувѣренная гордость отъ признанія тайной любви, гордость, которая какъ ни искусно маскируется, часто обнаруживается въ обществѣ и презираетъ своихъ собратьевъ какъ рабовъ. Это сказано мною отъ избытка любви, чтобы всякимъ храненіемъ блюла ты сердце свое и остерегалась всего, что можетъ быть вымыслено о тебѣ.

Пусть не ухаживаетъ за тобою ни завитой прокураторъ, ни лицемѣръ, прикидывающійся женщиною, ни дѣвольскій пѣвецъ съ ядовито-сладкимъ пѣніемъ, ни вертлявый и выглаженный юноша. Въ твоей домашней жизни пусть ничего не примѣшивается изъ сценическаго искусства, ничего изнѣженнаго. Имѣй при себѣ сонмы вдовъ и дѣвственницъ, имѣй развлеченія приличные твоему полу. О госпожахъ судятъ и по нравственности ихъ прислужницъ. И такъ—какъ съ тобою живетъ святая мать твоя и около тебя тетка, навсегда оставшаяся дѣвственницею: то ты не должна съ опасностію для себя искать общества людей постороннихъ, которые равнодушны къ твоему обществу. Пусть всегда въ рукахъ твоихъ будетъ божественная книга; чаще молись, чтобы всѣ стрѣлы помысловъ, которыя уязвляютъ людей молодыхъ, были отражаемы этимъ щитомъ молитвы. Трудно, даже невозможно кому бы то ни было избѣжать начатковъ грѣховныхъ

волнений, которые греки очень выразительно называют *παθείας*, а мы, переводя буквально, можем назвать предстраданіями,—трудно, потому что возбужденія грѣховныя щекочать души всѣхъ людей, и какъ бы въ средоточіи души находится наше произволеніе—отвергнуть ли эти помыслы, или принять. Поэтому и Господь природы говорить въ евангеліи: *отъ сердца исходятъ помысленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы* (Матѳ. 15, 19). Отсюда видно, что, какъ свидѣтельствуется другая книга, сердце человѣка отъ юности—болѣе склонно ко злу (Быт. 8, 21) и что между дѣлами плоти и духа, которая исчисляетъ апостоль (Галат. 5), внутреннее средоточіе души (*media anima*) колеблется, избирая то первыя, то послѣднія.

„Ибо безъ пороковъ нието не родится; лучший тотъ,
„Кто страдаетъ меньшими изъ нихъ“

(Horat. lib. I, Sat. 3),

подобно тому, какъ и

„На прекрасномъ тѣлѣ можно замѣтить усѣянныя
родимыя пятна“
(Ibid. I, Sat. 3).

Это тоже, что пророкъ выражаетъ другими словами: *смятохся и не возлагаюлахъ* (Пс. 76, 5) и въ той же книгѣ: *иньвайтеса, и не соуръшайте* (Пс. 4, 5); тоже говорить и Архитъ Тарентинскій небрежному управителю: „я убилъ бы тебя, если бы не былъ раздраженъ“. *Гнѣвъ бо мужа правды Божія не содѣловаетъ* (Іак. 1, 20). Что сказано объ одномъ грѣховномъ волненіи, то можно относить и къ другимъ. Какъ гнѣваться хотя свойственно человѣку, но христіанинъ не долженъ поддаваться гнѣву: хотя всякая плоть вождѣлвваетъ плотскаго и нѣкоторыми приманками влечетъ душу къ пагубнымъ похотямъ: но мы должны страсть похоти воздерживать большею любовію ко Христу и необузданное животное

обуздывать постомъ, чтобы оно искало и желало не похоти, а пищи, и чтобы тихою и ровною поступью несло возсѣдающаго на немъ Духа Святаго.

Для чего я говорю это? Для того, чтобы ты знала, что ты человѣкъ и подвержена страстямъ человѣческимъ, если не будешь осторожна. Всѣ мы созданы изъ одной персти, составлены изъ однихъ и тѣхъ же стихій. Въ шелковыхъ одеждахъ и въ рубищахъ господствуетъ одна и таже похоть. Она не боится и порфиры царей, не гнушается и грязи нищихъ. Гораздо лучше тебѣ болѣть тѣломъ, чѣмъ духомъ, господствовать надъ плотію, чѣмъ рабствовать ей, быть не твердою въ походкѣ, чѣмъ въ цѣломудріи. И пусть не утѣшаютъ насъ средства покаянія, которыя служатъ врачевствомъ для несчастныхъ. Нужно бояться раны, которая исцѣляется болѣзнію. Иное дѣло войти въ пристань спасенія съ неповрежденнымъ кораблемъ и съ цѣлымъ грузомъ, и иное—нагимъ схватиться за доску и отъ частаго напора волнъ ударяться объ острые камни. Пусть не знаетъ вдова о дозволенности двоебрачія, пусть не обращаетъ вниманія на слово апостола: *лучше есть жениться, нежели разжизатися* (1 Кор. 7, 9). Уничтожь худшее—*разжизатися*, и само собою не будетъ благо *жениться*. Да будутъ далеки отъ насъ порицанія еретиковъ ¹⁾. Мы знаемъ *бракъ честенъ и ложе нескверно* (Евр. 13, 4). И по изгнаніи изъ рая, Адамъ имѣлъ одну жену. Гнусный, кровавый Ламехъ, происходившій изъ племени Каина, первый раздѣлилъ одну кость на двѣ ²⁾,—и казнь потопа скоро уничтожаетъ разсадникъ двоебрачія. Поэтому и апостола къ снисходительности побуждаетъ только страхъ прелюбодѣянія, когда онъ пишетъ къ Тимошею: *хочу юнымъ вдовицамъ по-*

¹⁾ Иеронимъ разумѣетъ еретиковъ, вполне отвергавшихъ второй бракъ, какъ новаціанъ, монтанистовъ и др.

²⁾ Т. е. первый имѣлъ двухъ женъ. Быт. 4, 19.

снати, чада раждати, домъ строити, ни едины же вини даяти противному хулы ради (1 Тим. 5, 14); и почему онъ дѣлаеть такое снисхожденіе, тотчасъ же присовокупляетъ: *се бо нѣкія развратишася въ слѣдъ сатаны* (ст. 15). Изъ этого видимъ, что онъ не твердымъ подаетъ, а только ниспроверженнымъ простираетъ руку. Вотъ каковъ второй бракъ: онъ только предпочитаетъ публичнымъ домамъ: *се бо нѣкія уклонишася въ слѣдъ сатаны*. Поэтому-то молодая вдова, которая не можетъ или не хочетъ воздержаться, пусть лучше беретъ мужа, чѣмъ діавола.

Поистинѣ прекрасное и привлекательное дѣло, которое избирается по сравненію съ сатаною. Соблудилъ нѣкогда и Іерусалимъ и разложилъ колѣна всякому мимоходящему (Іезек. 16, 25). Прежде всего въ Египтѣ онъ лишенъ былъ невинности, и тамъ сокрушены были сосцы его. И когда пришелъ въ пустыни и въ нетерпѣніи отъ медлительности вождя Моисея, какъ бы неистовствуя въ похоти говорилъ: *сѣ бози твои, Израилю, уже изведоша тя изъ земли египетскія* (Исх. 32, 4): то получилъ заповѣди не благія и оправданія самыя жестокія, которыя служили бы не къ жизни, а къ наказанію. Что же удивительнаго, если и невоздержнымъ вдовицамъ, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ апостоль говоритъ: „молодыхъ вдовицъ не принимай; ибо онѣ, впадая въ роскошь въ противность Христу, желаютъ вступать въ бракъ. Онѣ подлежатъ осужденію; потому что отвергли прежнюю вѣру“ (1 Тим. 5, 11. 12)—невоздержнымъ вдовицамъ далъ не благія заповѣди и жестокія оправданія двоебрачія, позволяя втораго мужа также какъ и третьяго и, если угодно, двадцатаго, чтобы онѣ знали, что этимъ для нихъ не столько позволяютъ мужа, сколько отстраняются блудники? Вотъ что, возлюбленнѣйшая во Христѣ дочь, я хочу внушить тебѣ и очень часто повторяю, чтобы, забывъ заднее, ты простиралась впе-

редь, въ своемъ званіи имѣя образцами для подражанія изъ еврейской исторіи Іудию, и изъ свѣта евангельскаго Анну, дочь Фануила, которая день и ночь жили въ храмѣ и молитвами и постомъ охраняли сокровище цѣломудрія. И поэтому-то одна въ прообразъ церкви сокрушила главу діавола, другая первая приняла Спасителя міра, созерцая будущія тайны. Въ заключеніе бесѣды прошу тебя не думать, что кротость письма происходитъ отъ скудости рѣчи или бѣдности матеріи, но я стыжусь и опасаюсь долго говорить для незнакомаго мнѣ слуха и боюсь тайнаго суда читателей.

75. Письмо къ Руфину ¹⁾.

Что ты былъ долго въ Римѣ,—это показываетъ твоя рѣчь. Я не сомнѣваюсь, что ты возвратился въ отечество по

¹⁾ Письмо это служитъ отвѣтомъ на слѣдующее „предисловіе Руфина къ книгамъ Оригена *περί Ἀρχῶν*“:

„Очень многіе изъ братіи, какъ я знаю, по любви къ изученію св. Писанія просили нѣкоторыхъ ученыхъ, знающихъ греческій языкъ, перевести Оригена на латинскій языкъ и сдѣлать его доступнымъ латинянамъ. Между ними и братъ и сотоварищъ нашъ, переведши съ греческаго на латинскій, по просьбѣ епископа Дамаса, двѣ бесѣды на пѣснь Пѣсней, къ своему труду написали такое краснорѣчивое и блестящее предисловіе, что въ каждомъ пробуждалъ сильное желаніе читать и съ жадностію изучать Оригена, говоря, что къ его душѣ можно отнести сказанное: *зведе мя царь въ ложницу свою* (П. П. 1, 3) и увѣряя, что превосходя всѣхъ въ другихъ своихъ книгахъ, въ Пѣсни Пѣсней онъ превзошелъ самого себя. Въ предисловіи онъ общается перевести на латинскій языкъ какъ самыя книги на Пѣснь Пѣсней, такъ и много другихъ сочиненій Оригена. Но онъ, какъ я вижу, будучи увлекателемъ по своему слогу, весьма почтенное дѣло свое выполняетъ болѣе какъ искусный ораторъ, чѣмъ переводчикъ. Итакъ я, хотя предпринимаю начатое и испитанное имъ дѣло, но не могу такою же силою краснорѣчія украсить изрѣченія столь великаго мужа. Поэтому я опасаюсь, чтобы отъ моего неискусства этотъ мужъ, котораго онъ справедливо выставляетъ вторымъ послѣ апостоловъ учителемъ знанія и мудрости, не оказался гораздо низшимъ по скудости моего слова.

Нерѣдко думая объ этомъ, я молчалъ и не соглашался на частыя просьбы объ этомъ дѣлѣ братіи. Но твоя настойчивость, любезнѣйшій братъ Мака-

любви къ духовнымъ родителямъ и медлилъ отпращиваніемъ по причинѣ скорби о смерти матери, чтобы на мѣстѣ этой потери не сѣтовать еще болѣе о томъ, что и вдали едва могъ перенести. Ты жалуешься, что каждый служить своему чреву и не полагается на сужденіе наше: но Господь свидѣтель моей совѣсти, что по возстановленіи дружбы я не питалъ никакой злобы, чтобы оскорбить кого нибудь, еще болѣе— я со всею осторожностію старался, чтобы какое нибудь обстоятельство не подало повода къ нерасположенію. Но что же мнѣ дѣлать, если каждый свои дѣйствія считаетъ справедливыми и думаетъ, что не столько онъ оскорбляетъ, сколько оскорбляютъ его? Истинная дружба не должна ли-

рій, такъ велика, что ей не можетъ противиться даже искусство мое, и поэтому чтобы не получать отъ тебя болѣе столь настоятельныхъ требованій, я уступилъ даже противъ воли,—съ тѣмъ однакоже намѣреніемъ, и задачей, чтобы насколько можно слѣдовать при переводѣ правилу предшественниковъ и въ особенности того мужа (Геронима), о которомъ я упомянулъ выше. Онъ перевелъ на латинскій болѣе семидесяти книгъ Оригена, которыя онъ назвалъ истолковательными, и нѣсколько изъ томовъ, написанныхъ на апостоль (т. е. посланія апостольскія), и въ этихъ переводахъ, хотя на греческомъ есть нѣсколько сомнительныхъ мѣстъ, все такъ изгладилъ и очистилъ при переводѣ, что латинскій читатель не найдетъ въ нихъ ничего несогласнаго съ нашею вѣрою. Ему, хотя не по силѣ краснорѣчія, а по правиламъ дисциплины, насколько могу, слѣдую и я,—т. е. наблюдалъ, чтобы не выставлять того, что есть въ книгахъ Оригена несогласнаго и противорѣчащаго ему самому. Причину этого разногласія я подробно выяснилъ тебѣ въ Апологетикѣ, написанномъ Памфилаіомъ въ защиту Оригена,—въ приложеніомъ въ началѣ этой книги коротенькомъ сочиненіи, въ которомъ очевидными, какъ кажется, доводами я доказалъ, что книги Оригена въ очень многомъ испорчены еретиками и людьми злонамѣренными и въ особенности тѣ, переводъ которыхъ ты теперь просишь отъ меня, т. е. περί Ἀρχόν, что можно перевести о *началахъ* или *начальствахъ*, книги—которыя дѣйствительно по мѣстамъ и весьма темны и весьма трудны. Онъ разсуждаетъ въ нихъ о такихъ предметахъ, относительно которыхъ философы не могли ничего домыслить въ продолженіи всей своей жизни. А этотъ нашъ философъ, сколько могъ, сдѣлалъ то, что вѣру въ Творца и свойство всѣхъ сотворенныхъ вещей, которое тѣ обращали къ несчастію, обратилъ къ благочестію. Такимъ образомъ, если я гдѣ въ книгахъ его нашель

цемѣрить въ своихъ чувствахъ. Ко мнѣ прислано краткое введеніе къ книгамъ *περί Ἀρχῶν*; по слогу его я узналъ, что оно твое, и въ немъ ты косвенно и даже прямо мѣтишь въ меня. Съ какимъ намѣреніемъ оно написано,—ты знаешь самъ; въ какомъ смыслѣ нужно понимать его—очевидно и для дураковъ. Я часто публично опровергалъ хитрыя сплетни и могъ бы кое-что повторить изъ давнишняго искусства, и тебя похвалить по твоему же приему. Но я не хочу подражать тому, чего не одобряю въ тебѣ; я даже настолько сдерживаю свое сужденіе, чтобы и отклонить взведенное на меня обвиненіе и чтобы, сколько это возможно, получивъ оскорбленіе, не оскорбить друга. Только прошу тебя—если уже хочешь подра-

что-нибудь противное тому, что онъ въ другихъ мѣстахъ о троицѣ, благодетеліи и т. п. опредѣлялъ согласно съ вѣрою, то это, какъ извращенное и чужое, я или оставилъ или изложилъ сообразно съ тѣмъ ученіемъ, какое онъ часто высказывалъ въ другихъ сочиненіяхъ. Если гдѣ, какъ бы говоря съ опытными и свѣдущими, онъ хочетъ бѣгло пройти предметъ и излагаетъ очень темно, тамъ, чтобы мѣсто было яснѣе, я присоединилъ для ясности то, что читалъ въ болѣе ясномъ изложеніи въ другихъ его книгахъ; своего же я ничего не говорилъ, а только по мѣстамъ самъ представлялъ его же слова. Я высказалъ это въ предисловіи для того, чтобы какъ-нибудь клеветники не вздумали найти здѣсь поводъ къ обвиненію. Но пусть они сами посмотрятъ, что дѣлаютъ неправомыслящіе люди и охотники до споровъ.

Впрочемъ такой важной трудъ предпринять мною, если только Господь поможетъ мнѣ вашими молитвами, не для того, чтобы наградить уста клеветниковъ (этого не можетъ быть, хотя быть можетъ Богъ и это сдѣлаетъ), но для того, чтобы дать желающимъ пособіе къ преуспѣянію въ знаніи. И всякаго, кто будетъ или переписывать или читать эти книги, предъ лицомъ Бога Отца и Сына и Святаго Духа, заклинаю и умоляю вѣрою грядущаго царства, тайною воскресенія изъ мертвыхъ, вѣчнымъ огнемъ уготованнымъ диаволу и ангеламъ его, да не наследуетъ онъ на вѣки то мѣсто, *идѣже плачъ и скрежетъ зубомъ* (Матѣ. 8, 13) и гдѣ *онъ иже не уласиваетъ и червь иже не умираетъ* (Марк. 9, 44),—заклинаю, чтобы никто не прибавлялъ ничего къ этому писанію, ни убавлялъ, ни вносилъ, ни переиживалъ, но пусть свѣряетъ съ экземплярами, съ коихъ списывалъ, буквально исправляетъ и очищаетъ отъ погрѣшностей и не имѣетъ неисправленной или несвободной отъ погрѣшностей книги, чтобы трудность пониманія, если книга не будетъ исправлена, не производила большой темноты для читателей

жать кому-нибудь, то довольствуйся только своимъ сужденіемъ. Мы избираемъ или хорошее или дурное; если хорошее, то оно не нуждается въ поддержкѣ другаго, если дурное, то множество заблуждающихся не оправдываетъ заблужденія. Попросить тебя объ этомъ, другъ той, я признавалъ лучшимъ, чѣмъ во гнѣвѣ публично неистовствовать противъ тебя, чтобы ты видѣлъ, что я свято почитаю возстановленную дружбу, а не держу, какъ выражается Платъ, въ одной рукѣ камень, тогда какъ другою подаю хлѣбъ.

Братъ мой Павлиніанъ еще не возвратился изъ отечества, и думая, что ты увидишь его въ Аквилеѣ, у святаго папы Хромація. И священно-пресвитера Руффина мы послали по одному дѣлу чрезъ Римъ въ Медиоланъ и просили, чтобы онъ свидѣтельствовалъ вамъ нашу любовь и почтение. И прочимъ друзьямъ мы тоже свидѣтельствовали, — чтобы во взаимныхъ распряхъ намъ не погибнуть другъ отъ друга. А не подавать сварливымъ никакого повода къ ссорамъ, чтобы не найти кого-нибудь не похожаго на меня, кому бы могли нравиться разукрашенные похвалы, — это дѣло кротости твоей и твоихъ братьевъ.

76 Письмо къ Θεофилу ¹⁾ противъ Іоанна, епископа іерусалимскаго.

Письмо твое, показывая, что ты обладаешь наслѣдіемъ Господа, который, отходя къ Отцу, говорилъ апостоламъ: *миръ мой даю вамъ, миръ мой оставляю вамъ* (Іоан. 14 27), свидѣтельствуетъ, что ты причастенъ и Его блаженства, такъ какъ именуются блаженными и *миротворцы* (Матѳ. 5). Ты ласкаешь какъ отецъ, вразумляешь какъ учитель, наставля-

¹⁾ Епископу александрійскому.

ешь какъ первосвященникъ. Ты явился къ намъ не съ наказующимъ жезломъ, но въ духѣ любви, вротости и смиренія, такъ что прежде всего уже въ словѣ своемъ ты отобразилъ смиреніе Христа, который спасъ родъ смертныхъ не перунами и громами, а плачемъ въ ясляхъ и молчаніемъ на крестѣ. Ибо ты читалъ, что сначала въ прообразѣ Его было предсказано: *помяни, Господи, Давида и всю кротость его* (Пс. 131, 1) и что потомъ осуществлено было въ Немъ самомъ: — *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѣ 11, 29) Поэтому, многое собирая изъ священныхъ книгъ въ похвалу мира и облетая, подобно пчелѣ, по различнымъ пажитямъ писаній, въ художественномъ словѣ своемъ ты пожалъ все, что было тамъ сладкаго и направленаго къ миру. Итакъ, во время борьбы, мы призываемся къ миру; распущенные для плаванія паруса надуты свѣжимъ вѣтеркомъ твоего увѣщанія, такъ что не столько недовольными и гордыми, сколько гордыми и полными устами, мы пили сладкіе потоки мира.

Но что же намъ дѣлать, если въ нашей власти только желать мира, а не водворять оный? И хотя и желаніе имѣть у Бога свою награду, какъ намѣреніе, но не совершенное дѣло и желающихъ сокрушаетъ печалію. И апостоль, зная это, говоритъ, что совершеннѣйшій миръ утверждается при желаніи той и другой стороны: *аще возможно, еже отъ васъ, говоритъ онъ, со всѣми чловѣки миръ имѣйте* (Рим. 12, 18). И пророкъ говоритъ: „миръ, миръ. И гдѣ же миръ“ (Иер. 4, 10)? Не велика заслуга имѣть миръ на словахъ и разрушать его на дѣлѣ; стараться объ одномъ, а показывать другое; на словахъ провозглашать согласіе, на дѣлѣ требовать рабства. И мы хотимъ мира, и не только хотимъ, но и просимъ; но мира Христова, мира истиннаго, мира безъ вражды, мира, въ которомъ не скрывалось бы ссоры, мира, ко-

торый не поработалъ бы какъ враговъ, но соединялъ бы какъ друзей. Зачѣмъ поработеніе мы называемъ миромъ и не даемъ каждому предмету своего имени? Гдѣ есть ненависть, тамъ пусть упоминаютъ о враждѣ; гдѣ любовь, тамъ и только тамъ пусть говорится о мирѣ. Мы не разсѣкаемъ Церковь и не отдѣляемся отъ общенія отцевъ, но отъ самыхъ, такъ сказать, колыбелей напитаны млекоу православія. Ибо никто столько не принадлежитъ къ церкви, какъ тотъ, кто никогда не былъ еретикомъ. Но безъ любви мы не знаемъ мира, безъ мира не знаемъ общенія. Въ евангеліи читаемъ: *аще принесеши даръ твой ко олтарю и ты помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и иди, прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда приидеъ, принеси даръ твой* (Матѣ 5, 23. 24). Если безъ мира мы не можемъ приносить даровъ своихъ: то не тѣмъ ли болѣе—принимать тѣло Христово? Съ какою совѣстію приступлю я къ евхаристіи Христовой и буду отвѣчать „аминь“¹⁾, когда сомнѣваюсь въ любви преподающаго?

Прошу тебя терпѣливо выслушать меня и истину не считать лестію. Имѣетъ ли кто-нибудь общеніе съ тобою противъ воли? Простирая руку, отворачиваетъ ли кто-нибудь лице, и во время святой вечери даетъ ли цѣлованіе Іудино? Я полагаю, что при твоёмъ прибытіи монахи не трепещутъ, а радуются, когда наперерывъ выходятъ тебѣ навстрѣчу и, выходя изъ пустынныхъ убѣжищъ, стараются превзойти те-

1) Указаніе или на тотъ обычай древней церкви, по которому послѣ произносившейся вслухъ молитвы о призваніи св. Духа всѣ присутствовавшіе въ церкви говорили „аминь“ (Іуст. Апол. 1, гл. 85, 87 и др.),—или на тотъ, по которому (особенно на западѣ) при самомъ причащеніи, на слова преподающаго св. тайинъ: „тѣло Христово“, „Кровь Христова, чаша жизни“ причащающіеся отвѣчали: „аминь“. Aug. ser. 272; lib. 12 contra Faustum c. 10. См. также Евсев. Ист. ки. 6, гл. 48.

бя своимъ смиреніемъ. Кто побуждаетъ ихъ выходить? Не любовь ли къ тебѣ? Кто собираетъ во едино разсѣянныхъ по пустынѣ? Не преданность ли къ тебѣ? Ибо, какъ отецъ долженъ любить, такъ отецъ и епископъ долженъ быть и предметомъ любви, а не страха. Старая мысль: „кого кто боится, того ненавидитъ: кого ненавидитъ, тому желаетъ погибели“ (Cicer. lib. 2. Officior.). Поэтому и въ нашихъ писаніяхъ хотя начатки несовершенныхъ полагаются въ страхѣ, но *совершенно любви вонъ изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. 4, 18). Ты не требуешь отъ монаховъ подчиненія себѣ, и оттого болѣе подчиняешь ихъ. Ты цѣлуешь ихъ, они подкланяются выи. Ты представляешь собою простаго воина и требуешь вождя, какъ бы одинъ въ числѣ многихъ. Свобода при угнетеніи скоро возмущается. Отъ свободнаго никто не выигрываетъ болѣе, какъ тотъ, кто не принуждаетъ къ рабству. Я знаю правила церкви; извѣстны мнѣ опредѣленія каждаго изъ нихъ, и чтеніемъ и ежедневными примѣрами до сихъ поръ я многое узналъ, многое испыталъ. Кто бьетъ скорпіонами и думаетъ, что персты его толще чреслъ отца, тотъ скоро расточаетъ царство кроткаго Давида (3 Цар. 13). Римскій народъ не потерпѣлъ гордости и въ царѣ. Тотъ вождь израильскаго войска, который поразилъ Египетъ десятью казнями и которому служили и небо, и земля, и моря, представляется самымъ кроткимъ изъ всѣхъ людей, какихъ тогда производила земля. И потому-то онъ и сохранялъ власть въ продолженіе сорока лѣтъ, что высоту власти умѣрялъ смиреніемъ и кротостію. Народъ готовъ побить его камнями, а онъ молился за побивающихъ, онъ даже хотеть быть изглаженнымъ изъ книги Божіей, лишь бы не погибло вѣренное ему стадо. Онъ хотѣлъ подражать тому Пастырю, о которомъ зналъ, что Онъ понесетъ на раменахъ своихъ и заблудшихъ овецъ. *Пастырь добрый*, говоритъ этотъ Пастырь,

душу свою полагаетъ за овцы (Іоан. 10, 11). И ученикъ этого добраго Пастыря желаетъ быть отлученнымъ за братьевъ своихъ и сродниковъ своихъ по плоти, т. е. израильтянъ (Рим. 9, 4). И если онъ желаетъ погибнуть, чтобы не погибли погибшіе: то не тѣмъ ли болѣе добрымъ отцамъ должно заботиться, чтобы не раздражать чадъ своихъ и излишнею строгостію не ожесточить даже самыхъ кроткихъ?

Письмо требуетъ краткости, а огорченіе заставляетъ писать пространнѣе. Въ своемъ миролюбивомъ, какъ онъ ¹⁾ говоритъ, но, какъ я думаю, самомъ язвительномъ письмѣ онъ пишетъ, что я никогда не оскорблялъ его и не называлъ еретикомъ. Зачѣмъ же онъ самъ оскорбляетъ меня, обзывая меня зараженнымъ самою опасною болѣзнію и возмутителемъ церкви? Зачѣмъ онъ, будучи раздраженъ другими, хочетъ шадить враговъ и оскорблять невиннаго? Онъ говоритъ, что до рукоположенія брата моего (Павлиніана) между нимъ и святымъ папою Епифаніемъ не было никакого спора о догматахъ. Что же побуждало его всенародно разсуждать, какъ онъ самъ пишетъ, о томъ, о чемъ никто не спрашивалъ? Ибо мудрость твоя знаетъ, что споры подобнаго рода опасны и что безопаснѣе всего молчать, если почему нибудь нѣтъ необходимости говорить о предметахъ важныхъ. Справедливо ли, что онъ сталъ такимъ великимъ умомъ и такою рѣдкою краснорѣчія, что говорили, будто бы онъ въ одномъ трактатѣ о церкви обнялъ все, о чемъ порознь о каждомъ предметѣ ученѣйшіе люди написали безконечныя тысячи стиховъ? Впрочемъ, какое же мнѣ до этого дѣло? Пусть знаетъ тотъ, кто слышалъ, вѣдаетъ тотъ, кто написалъ, и пусть онъ самъ освободитъ меня отъ обвиненія его. Я не былъ при этомъ и не слышалъ. Я одинъ изъ всѣхъ, даже и не я одинъ мол-

¹⁾ Т. е. Іоаннъ, епископъ Іерусалимскій

чалъ, когда многіе кричали. Сравнимъ лица истца и отвѣтчика и повѣримъ больше тому, кто окажется выше или по заслугамъ, или по жизни, или по ученію.

Видишь ли, что я, какъ говорится, закрывши глаза, общо говорю объ этомъ дѣлѣ, не столько высказывая то, что знаю, сколько показывая то, о чемъ хочу умалчивать. Я понялъ и одобрилъ твою осторожность,—что заботясь о мирѣ церковномъ, ты обходишь эти споры, какъ пѣсни сирень, закрывши уши. Съ малыхъ лѣтъ изучивъ священное Писаніе, ты знаешь, въ какомъ смыслѣ нужно говорить о томъ или другомъ, знаешь, какимъ образомъ въ мнѣніяхъ спорныхъ твое взвѣшенное слово должно и не осуждать чужаго и не отвергать и своего. Но чистая вѣра и открытое исповѣданіе не нуждается въ изворотахъ и словоизвитіяхъ. Во что просто вѣруется, то должно быть и исповѣдуемо просто. И я легко могъ возвысить голосъ и среди войны и вавилонскихъ огней сказать: зачѣмъ не на то отвѣчаютъ, о чемъ спрашиваютъ, зачѣмъ исповѣданіе не просто, не искренне? Оно всего боится, ограничиваетъ, все оставляетъ двусмысленнымъ, движется какъ будто на иглахъ. Но при желаніи и ожиданіи мира и во время волненія страстей, отвѣчаетъ онъ, не спрашиваютъ: какимъ образомъ. Его безнаказанно ругаютъ другіе, которыхъ самъ онъ, поруганный, поносить не смѣетъ. Я между тѣмъ молчу: свою расчетливость теперь буду представлять или невѣжествомъ или страхомъ. Что онъ сдѣлаетъ мнѣ, если я буду его обвинять, когда онъ, какъ самъ говорить, бранить меня, когда я хвалилъ его?

Все его письмо наполнено не столько изложеніемъ дѣла, сколько ругательствами противъ меня. Имя мое часто выставляется и безъ всякихъ приличій, какими мы, люди, обыкновенно привѣтствуемъ другъ друга, подвергается ругательствамъ, поносится, какъ будто я изглаженъ изъ книги

живущихъ, какъ будто его письма могутъ замарать меня; или какъ будто я когда-нибудь занимался подобными пустяками, я, который съ молодыхъ лѣтъ, запершись въ стѣнахъ монастырскихъ келлій, желалъ болѣе быть чѣмъ-нибудь, чѣмъ казаться. Съ тѣмъ, чтобы уязвить, онъ даетъ нѣкоторымъ изъ насъ почетныя названія,—какъ будто и мы не можемъ говорить о томъ, о чемъ никто не молчитъ. Злословить клирика, рукоположеннаго изъ рабовъ, тогда какъ и самъ не имѣетъ такихъ клириковъ; пусть прочтаетъ онъ, что и Онисимъ, возрожденный во время узъ Павловыхъ, сдѣлался діакономъ изъ рабовъ (Фил. 1). О если бы и я могъ говорить, о чемъ многіе кричатъ, и находить удовольствіе въ ругательствахъ. Тогда бы онъ понялъ, что и я знаю то, что знаютъ всѣ, и что я слышалъ о томъ, что извѣстно всякому. Онъ говоритъ такъ, какъ будто ему назначена награда за клевету. Кто не устрашится такого ѣдкаго и пронизательнаго ума? кто въ состояніи отвѣчать такой рѣкѣ краснорѣчія? Что выше: переносить клевету или клеветать? обвинять того, кого послѣ полюбишь, или прощать грѣшника? Что легче перенести: то ли, что клеветникъ дѣлается едилемъ, или что онъ дѣлается консуломъ ¹⁾? И самъ знаетъ, о чемъ я умалчиваю, о чемъ говорю, что слышалъ и—чему, быть можетъ, по страху Христову, не вѣрю...

Онъ обличаетъ меня, что я перевелъ Оригена на латинскій языкъ. Это не я одинъ дѣлалъ, а дѣлалъ и исповѣдникъ Иларій; но оба мы переводили только полезное, отсѣкая кое-что вредное. Пусть самъ почитаетъ онъ, если знаетъ (потому что я думаю, что при постоянномъ сообщеніи и ежедневныхъ сношеніяхъ съ римлянами ему не безызвѣстенъ

¹⁾ Пресвитера Иеронимъ сравниваетъ съ едилемъ (полицейскій чиновникъ), а епископа съ консуломъ, и упрекаетъ Іоанна іерусалимскаго, что онъ изъ клеветника сдѣлался епископомъ.

латинскій языкъ), или если въ совершенствѣ не знаетъ, то пусть ему переведутъ люди, обыкновенно занимающіеся этимъ, и тогда онъ узнаетъ, что въ томъ самомъ, за что онъ упрекаетъ меня, я достоинъ похвалы. Ибо, передавая переводъ и объясненіе Писанія, достоинство коихъ всегда признавалось за Оригеномъ, я постоянно отстранялъ его нечестивыя мнѣнія. Развѣ я когда-нибудь выпускаю въ публику Оригена или другихъ простыхъ авторовъ? Знаю, что иной авторитетъ апостоловъ и иной прочихъ учителей,—что тѣ всегда говорятъ истину, а эти въ нѣкоторыхъ предметахъ заблуждаются, какъ люди. Это новый способъ защиты — такъ признавать заблужденія Оригена, чтобы съ нимъ осуждать и другихъ, т. е. не осмѣливаясь явно защищать его, прикрывать подобнымъ же заблужденіемъ многихъ. Шести тысячъ томовъ Оригена не могъ никто читать—такъ какъ онъ ихъ не написалъ, и я, считая вѣроятнѣйшимъ, что здѣсь солгалъ передававшій эти слова, а не тотъ, кому ихъ приписываютъ ¹⁾).

Брата моего (Павлиніана) онъ называетъ причиною раздора, человѣкомъ, который спитъ въ монастырской кельѣ и считаетъ духовный санъ не почестью, а тяжестью; и кромѣ того, до настоящаго дня, успокоивая насъ наружнымъ видомъ дружелюбія, онъ взволновалъ западныхъ священниковъ, говоря, что этотъ юноша и почти отрокъ рукоположенъ пресвитеромъ въ его округѣ—Виѳлеемѣ. Справедливо ли это—знаютъ всѣ палестинскіе епископы: ибо монастырь, въ которомъ братъ мой рукоположенъ въ пресвитера и который по прозванію св. папы Епифанія называется древнимъ, лежитъ въ елевѳерополитанскомъ, а не въ іерусалимскомъ округѣ.

¹⁾ Иоаннъ и Руфинъ говорили, будто бы папа Епифаній рассказывалъ, что онъ читалъ шесть тысячъ томовъ Оригена. Иеронимъ въ сочиненіи противъ Руфина говоритъ: „Ne me mittas ad sex millia librorum Origenis, quos legisse beatum Patrem Epiphanium criminaris“. Contra Ruf. ub. 2 Apolog.

Далѣе—его возрастъ извѣстенъ и твоему блаженству, и такъ какъ онъ простирается уже до тридцати лѣтъ, то я думаю, что въ немъ этотъ возрастъ, который во Христѣ таинственно показанъ былъ возрастомъ совершеннымъ, не заслуживаетъ порицанія. Пусть онъ вспомнитъ о древнемъ законѣ: и онъ увидитъ, что изъ колѣна Левіина избирались во священники и послѣ двадцати пяти лѣтъ (Числ. 8); или, если въ этомъ одномъ свидѣтельствѣ онъ слѣдуетъ еврейскому подлиннику, то узнаетъ, что священникъ поставлялся тридцати лѣтъ. И чтобы онъ не говорилъ: *древняя мимоидоша, се быша вся нова* (2 Кор. 5, 17), пусть послушаетъ съ Тимофеемъ: *никтоже о юности твоей да нерадитъ* (1 Тим. 4, 12). И самъ онъ, когда былъ рукоположенъ во епископа, немного былъ старше моего брата. Если же это позволительно въ отношеніи къ епископамъ, а не позволительно для пресвитеровъ, чтобы они не казались противорѣчащими своему имени ¹⁾: то зачѣмъ же самъ онъ рукоположилъ пресвитера такихъ же лѣтъ или даже моложе его и что еще больше—рукоположилъ священно-служителемъ другой церкви? Онъ можетъ имѣть миръ съ братомъ только какъ съ подчиненнымъ и когда епископъ донесъ о сдѣланномъ имъ рукоположеніи, онъ показалъ, что онъ не столько желаетъ мира, сколько мщенія подъ предлогомъ мира и удовлетворяется спокойствіемъ тишины и мира не иначе, какъ имѣя наготовѣ угрозы. И если бы онъ самъ рукоположилъ его, то, конечно, такъ любя скрытность, онъ молчалъ бы, чтобы что-нибудь не побезпокоило его. Если же онъ произвелъ раздоръ въ церкви, то ему не должно бы оказывать ничего, кромѣ почтенія, слѣдующаго всѣмъ священникамъ.

Вотъ какъ далеко протянулась его защитительная и даже обвинительная изворотливая рѣчь противъ меня. Я отвѣ-

¹⁾ Потому что слово пресвитеръ значить старѣйшій.

чалъ ему въ письмѣ кратко и мимоходомъ, чтобы изъ сказаннаго мною онъ понялъ, о чемъ я умолчалъ, и зналъ, что мы люди—животныя разумныя и можемъ понимать его мудрость и не такъ несмысленны сердцемъ, чтобы подобно безсловеснымъ скотамъ слышать только звукъ словъ, а не мысли. Теперь же прошу тебя простить моему огорченію. И отвѣтить ему было дѣломъ гордости, и еще болѣе—обвинить, хотя я такъ отвѣтилъ ему, что болѣе обнаруживалъ предъ нимъ свое молчаніе, чѣмъ свою рѣчь. Зачѣмъ они ищутъ мира вдали и хотятъ, чтобы его внушали намъ другіе? Пусть сами они будутъ миролюбивы и тогда будетъ миръ. Зачѣмъ они злоупотребляютъ противъ насъ именемъ твоего святѣйшества, чтобы застращать насъ, и тогда какъ твое письмо звучитъ миромъ и кротостію, зачѣмъ ихъ слова грозятъ жестокостію? Наконецъ, свое самое миролюбивое и призывающее къ примиренію письмо ты прислалъ черезъ пресвитера Исидора: отсюда мы видимъ, что этого письма не хотѣли доставить тѣ, которые лицемѣрно восхваляютъ миръ. Итакъ пусть они выбираютъ что угодно: мы или хороши или не хороши; если хороши, то пусть оставятъ молчаніе: если не хороши, то зачѣмъ же они ищутъ общенія съ недобрыми? Какъ много можетъ смиреніе, онъ узналъ изъ опыта. Кто теперь расторгаетъ то, что когда-то онъ самъ по своему желанію соединилъ изъ раздѣленнаго, тотъ показываетъ, что соединенное прежде, теперь онъ разрываетъ по волѣ другаго.

Недавно онъ ¹⁾ требовалъ, домогался, чтобы я отправился въ ссылку. О, если бы онъ могъ исполнить это, чтобы какъ ему желаніе это вмѣняется въ дѣло, такъ и я не только по желанію, но и по исполненію этого получилъ бы вѣнецъ ссылки! Церковь Христова изліяніемъ крови и тер-

¹⁾ Т. е. тотъ же Іоаннъ, еп. іерусалимскій.

пѣніемъ основана болѣе, чѣмъ нанесеніемъ обидъ. Въ гоненіяхъ возросла она, получила вѣнецъ чрезъ мученичество. И если тѣ одни, съ которыми мы имѣемъ дѣло, любятъ жестокость, не умѣютъ терпѣть гоненій, а умѣютъ производить ихъ: то и здѣсь есть іудеи, есть еретики различныхъ толковъ и въ особенности нечестивѣйшіе манихеи: почему они даже словомъ не осмѣливаются оскорбить кого-нибудь изъ нихъ? почему меня одного хотятъ изгнать, обо мнѣ одномъ, имѣющемъ общеніе съ церковію, говорятъ, что я разсѣкаю церковь? Скажи мнѣ, не тоже ли значить это требованіе, что они изгоняютъ ихъ (т. е. еретиковъ) вмѣстѣ со мною, или что меня терпятъ вмѣстѣ съ ними—съ тѣмъ только предпочтеніемъ для меня, что по крайней мѣрѣ ссылкой отдѣляютъ отъ еретиковъ? О позоръ! монахъ грозитъ ссылкой, домогается ссылки монахамъ же,—и это дѣлаетъ монахъ, который хвалится, что онъ имѣетъ апостольскую кафедру! Народъ этотъ не умѣетъ поддаваться страху и къ висящему надъ нимъ мечу протягиваетъ шею, а не руки: ибо кто изъ монаховъ, будучи ссылкой изъ отечества, не состоитъ въ ссылкѣ изъ всего міра? Зачѣмъ общественная власть, казенныя издержки, суета по всему міру? Пусть только двинетъ пальцемъ и я охотно выйду. *Господня земля и исполненіе ея* (Пс. 23, 1). Христосъ не ограничивается мѣстомъ.

Кромѣ того, такъ какъ онъ пишетъ, что я чрезъ тебя и римскую церковь привожу въ общеніе съ тою, отъ общенія съ которою я повидимому отдѣленъ ¹⁾,—то не нужно заходить далеко, чтобы полагать, что и здѣсь въ Палестинѣ такимъ же образомъ я имѣю общеніе и съ нею. Именно—въ вилеямской веси я, насколько отъ меня зависитъ, имѣю общеніе съ пресвитерами этой церкви. Отсюда видно, что свою непріятность не должно считать дѣломъ церкви и капризъ

¹⁾ Т. е. съ церковію іерусалимскою.

одного лица и даже чрезъ него и капризъ другихъ не должно называть общимъ словомъ церкви. Поэтому я и теперь повторяю сказанное въ началѣ письма—что я хочу мира Христова, желая согласія: и прошу тебя убѣдить его, чтобы онъ не силою вынуждалъ миръ, а желалъ его. Пусть удовольствуется онъ непріятностію нашихъ прежнихъ ссоръ; застарѣлыя раны пусть по крайней мѣрѣ закроетъ новою любовію. Пусть будетъ такимъ, какимъ былъ прежде, когда по своей собственной волѣ любилъ меня. Пусть не текутъ у него слова отъ чужаго чрева; пусть дѣлаетъ то, что самъ хочетъ, а не то, чего хотѣтъ побуждаютъ его другіе. Пусть онъ или какъ первосвященникъ управляетъ всѣми одинаково, или, какъ послѣдователь апостола, одинаково служить спасенію всѣхъ. Если онъ покажетъ себя такимъ, то я охотно подаю ему руки, распростираю объятія; онъ будетъ имѣть во мнѣ и друга и слугу и увидитъ, что я и ему подчиненъ во Христѣ, какъ и всѣмъ святымъ. „Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, все переноситъ, всему вѣритъ“ (1 Кор. 13, 4. 7). Любовь есть мать всѣхъ добродѣтелей и крѣпка какъ втрое сплетенный канатъ (Еккл. 4, 12), по слову Апостола: *вѣра, надежда, любви*. Вѣруемъ, надѣемся и такимъ образомъ въ слѣдствіе вѣры и надежды соединяемся узами любви. Ибо и отечество оставилъ я для того, чтобы жить въ пустынѣ спокойно и безъ всякой вражды; чтобы первосвященниковъ Христовыхъ (если только они проповѣдуютъ правую вѣру) почитать не со страхомъ, какъ владыкъ, а съ уваженіемъ, какъ отцевъ, чтобы епископамъ воздавать должное, какъ епископамъ, и чтобы подъ именемъ одного не принуждали меня служить другимъ, которымъ я не хочу служить. Я не такъ надмененъ, чтобы не знать, что слѣдуетъ воздавать священникамъ Христовымъ. Ибо кто принимаетъ ихъ, не столько ихъ принимаетъ, сколько Того, чьи

они епископы. Но пусть они довольствуются своим почетным саномъ. Пусть они знаютъ, что они отцы, а не господа, и въ особенности для тѣхъ, кои, презрѣвъ мірскія почести, ничего не предпочитаютъ спокойствію и миру. Молитвами же твоими Христосъ Богъ всемогущій да дастъ намъ соединиться не подъ притворнымъ именемъ мира, а съ истинною и вѣрною любовію, чтобы, угрызая другъ друга, намъ не быть истребленными другъ отъ друга (Гал. 5, 15).

77. Письмо къ Паммахію и Океану ¹⁾.

Иеронимъ братіямъ Паммахію и Океану желаетъ здоровья.

Присланное вами письмо причинило мнѣ почетное оскорбленіе — превознося мой умъ до униженія истины вѣры. И поелику тоже самое добрые люди привыкли разглашать обо мнѣ и въ Александріи и въ Римѣ и почти во всемъ свѣтѣ и такъ любятъ меня, что безъ меня не могутъ быть еретиками: то я оставлю въ сторонѣ лица и буду отвѣчать толь-

¹⁾ Письмо Паммахіа и Океана къ Иерониму:

Паммахій и Океанъ Иерониму пресвитеру желаютъ здоровья.

Одинъ изъ священныхъ братій доставилъ намъ чьи-то тетради, которыя содержали въ себѣ сочиненіе Оригена, озаглавливаемое τὰ ἐν Ἀρχῶν — въ переводѣ на латинскій языкъ. Такъ какъ въ нихъ много такого, что возмущаетъ наше слабоуміе, что мы признаемъ не вполне православнымъ и даже подозрѣваемъ, что для оправданія автора изъ книгъ его многое уничтожено, что могло бы обнаружить его явное нечестіе: то просимъ твое преподобіе удостоить исключительно заняться этимъ дѣломъ, которое будетъ полезно не столько для живущихъ въ городѣ (Римѣ), — словомъ своимъ вышеозначенную книгу Оригена сдѣлать доступною для цѣли (съ какою цѣлію она и была издана авторомъ), открыть, что вставлено его защитникомъ, и обличить и опровергнуть, что въ этихъ тетрадяхъ, которыя мы послали твоему священству, или противно православному учевію или неискусно переведено. Во введеніи къ своему труду оный, не упоминая имени твоего священства, только замѣтилъ, что оный исполнилъ дѣло, которое ты обѣщадъ, косвенно намекая на то, что и ты раздѣляешь его воззрѣнія. Очисти же себя отъ людскихъ подозрѣній и обличи лжеца, чтобы не казаться единомысленнымъ съ нимъ, если будешь молчать.

ко на дѣло и обвиненія. Ибо отвѣчать злословіемъ на злословія бесполезно для дѣла и грызть противниковъ по ихъ заслугамъ не должно тому, кому заповѣдуются не воздавать зломъ за зло, а побѣждать благимъ злое (Рим. 12; 1 Сол. 5),—насыщаться поношеніями и ударяющему представлять другую ланиту (Матѳ. 5).

Упрекають меня, зачѣмъ я иногда хвалилъ Оригена. Если не ошибаюсь, есть два мѣста, въ которыхъ я его похвалилъ: это—краткое введеніе къ Дамасу на бесѣды о Пѣсни Пѣсней и прологъ на книгу еврейскихъ именъ. Что же тамъ говорится о догматахъ церкви—объ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ, о воскресеніи тѣла, о состояніи и сущности души? Простое толкованіе и назиданіе я похвалилъ простымъ словомъ. Ничего тамъ не разсуждалось о вѣрѣ, ничего о догматахъ. Предметомъ разсужденій служатъ только мѣста, касающіяся нравственности, и при помощи яснаго толкованія разсѣвается туманъ аллегорій. Похвалилъ я толкователя, а не догматиста, умъ, а не вѣру философа, философа, а не апостола. Если хотятъ знать мое сужденіе объ Оригенѣ, пусть почитаютъ комментаріи на Екклезіастъ, пусть раскроютъ три книги на посланія ко Ефесеямъ, и тогда увидятъ, что я всегда былъ противъ его мнѣній. И какъ глупо такъ хвалить чье-нибудь ученіе, чтобы слѣдовать и его богохульству! И блаженный Кипріанъ, какъ показываютъ его сочиненія, пользуется Тертуллианомъ, но, услаждаясь умомъ этого ученаго и пламеннаго мужа, не слѣдуетъ съ нимъ Монтану и Максимиллѣ. Аполлинарій пишетъ противъ Порфірія самыя сильныя сочиненія; Евсевій прекрасно составилъ церковную исторію; но одинъ изъ нихъ ввелъ половинное домо-строительство ¹⁾, другой, самый отъявленный защитникъ нечестія Арія. *Горе*, говоритъ Исаія, *многомоцимъ лукавое доброе*,

¹⁾ Т. е. училъ, что во Христѣ одно естество Божественное, что одно только это естество участвовало въ домостроительствѣ спасенія.—Аполлинарій

и доброе лукавое, полагающимъ тму свѣтъ и свѣтъ тму, полагающимъ горькое сладкое и сладкое горькое (Ис. 5, 20). Не должно порицать добрыя качества и враговъ, если они имѣютъ что-нибудь хорошее, не должно хвалить пороки и друзей; и то и другое должно судить по значенію не лицъ, а самаго дѣла. И Люцилія бранятъ за нестройность его рѣчи, и однако хвалятъ его остроуміе и игривость

Въ юности я объять былъ удивительною любовію къ ученію и вопреки предрасудку нѣкоторыхъ самъ учился. Въ Антиохіи часто слушалъ и уважалъ Аполлинарія лаодикійскаго и, тогда, какъ онъ наставлялъ меня въ священномъ писаніи, я никогда не принималъ его спорнаго, неразумнаго ученія ¹⁾. Голова уже пестрилась сѣдиною и болѣе соотвѣтствовала учителю, чѣмъ ученику: но я отправился въ Александрію, послушалъ Дидима и за многое ему благодаренъ. Чего не зналъ, тому научился; не потерялъ при его руководствѣ и того, что зналъ. Люди думали, что я положилъ конецъ ученію. Я возвратился въ Іерусалимъ и Вноетемъ. Съ какимъ напряженіемъ, съ какимъ удовольствіемъ я учился по ночамъ у Варанины! Онъ боялся іудевъ и былъ для меня вторымъ Никодимомъ (Іоан. 3, 1). Обо всемъ этомъ я часто вспоминаю въ своихъ сочиненьицахъ. Безъ сомнѣнія, ученіе Аполлинарія и Дидима между собою противоположно. Пусть же теперь та и другая сторона тащитъ меня къ себѣ, потому что я признаю обоихъ своими учителями. Если позволительно ненавидѣть людей и презирать какойнибудь народъ, то я преслѣдую необыкновенною ненавистію обрѣзанныхъ, ибо они и доселѣ преслѣдуютъ Го-

училъ, что совершенный Богъ и совершенный человекъ не могутъ соединиться въ одномъ лицѣ, потому что вообще изъ двухъ совершенныхъ и дѣльныхъ предметовъ не можетъ составиться чтонибудь одно,—и отвергалъ во Христѣ человѣческую природу особенно потому, что грѣхъ не признавалъ необходимымъ свойствомъ высшей разумной природы человека, или его ума (*νοῦς, πνεῦμα*).

¹⁾ Говорится о томъ же Аполлинаріи, о которомъ упоминалось выше.

спода нашего Іисуса Христа въ сатанинскихъ синагогахъ. Уже ли же кто нибудь возразить мнѣ: зачѣмъ у меня былъ учителемъ іудей? Неужели кто-нибудь будетъ выставять на видъ мои письма къ Дидиму, какъ учителю? Великое преступленіе для ученика, если я человѣка ученаго и старца назвалъ учителемъ? Однако я хочу взглянуть на самое письмо, которое столько времени оставалось въ пренебреженіи. Въ немъ нѣтъ ничего кромѣ почтенія и привѣтствія. Это дустяки и вздоръ. Лучше докажите, гдѣ я защищалъ ересь, гдѣ я хвалилъ нечестивое ученіе Оригена. Въ чтеніи Исаи (гл. 8), въ которомъ изображаются два серафима восклицающіе, которые по его толкованію означаютъ Сына и Св. Духа—не измѣнили ли я это недостойное изъясненіе на два завѣта? У меня на рукахъ и книга, изданная за двадцать лѣтъ. Какъ часто, въ столь многихъ своихъ сочиненіяхъ, и въ особенности комментаріяхъ, я поражаю язычество. Возражаютъ, что я преимущественно предъ всѣми собралъ всѣ книги его (Оригена): о если бы я имѣлъ книги всѣхъ авторовъ, чтобы косность ума вознаграждать прилежаніемъ въ чтеніи! Сознаюсь, я собралъ его книги; и поэтому-то не слѣдую его заблужденіямъ, потому что знаю все, что онъ написалъ. Повѣрьте опытному; говорю вамъ, какъ христіанинъ христіанамъ: его мнѣнія (dogmata) пропитаны ядомъ, далеки отъ свящ. писанія, насилуютъ писаніе. Читалъ, говорю, читалъ Оригена и если въ чтеніи есть преступленіе, то сознаюсь, александрійская бумага опустошила и мой кошелекъ. Если вѣрите мнѣ, то я никогда не былъ оригенистомъ; если не вѣрите, то теперь пересталъ быть имъ. Если же и этимъ вы не удостовѣряетесь, то побуждаете меня для своей защиты писать противъ любимца вашего, чтобы, если не вѣрите, когда я отрекаюсь отъ него, по крайней мѣрѣ повѣрили, когда я буду обвинять его. Но охотнѣе вѣрятъ мнѣ, какъ заблуждающемуся,

чѣмъ какъ исправившемуся. И не удивительно, потому что думаютъ, что я его (Оригена) сотаинникъ (σωμίστης) и не хочу явно исповѣдать его ученіе изъ-за плотскихъ и непосвященныхъ людей. Ибо у нихъ (оригенистовъ) правило—что не должно легкомысленно бросать бисеръ предъ свиньями и давать святыню псамъ (Матѳ. 7), но говорить съ Давидомъ: *въ сердцѣ моемъ скрыхъ словеса твоя, яко да не сохрѣшу тебѣ* (Пс. 118, 11), также какъ и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о праведникѣ: „который говоритъ истину съ искреннимъ своимъ“, т. е. съ людьми, близкими по вѣрѣ. Они хотятъ, чтобы изъ этого выводили, что мы, какъ еще непосвященные, должны слушать ложь, чтобы подобно малолѣтнимъ, питающимся молокомъ, младенцамъ, не обремениться питательностію болѣе твердой пищи. А что они (оригенисты) съ клятвopреступленіями и ложью соединяются между собою на оргіяхъ—это очень ясно показываетъ шестая книга Строматъ (въ которой нашъ догматъ онъ приравниваетъ къ мнѣніямъ Платона).

Итакъ что дѣлать? Отрицать, что я держусь того же ученія? Не повѣрять. Клясться?—будутъ смѣяться и скажутъ: дома у насъ есть это. Сдѣлаю то, чего только они не опасаются—выставляю предъ всѣми ихъ священные обряды и таинства и обнаружу всю ихъ премудрость, которою они прельщаютъ насъ простецовъ, чтобы, не вѣря голосу отрицанія, они повѣрили бы по крайней мѣрѣ обличительному стилю. Они въ особенности опасаются, чтобы ихъ сочиненія когда-нибудь не понимались вопреки ихъ главѣ. Они многое съ клятвою говорятъ то, что послѣ нарушаютъ съ другою ложною клятвою. Отказываются отъ подписи и ищутъ отговорокъ. Одинъ говоритъ: не могу осудить того, чего никто не осудилъ; другой: отцами ничего не поставлено относительно этого,—чтобы, требуя авторитета цѣлаго міра, отстранить необходимость подписаться. А кто-то еще упорнѣе сказалъ: какъ

мы осудимъ тѣхъ, кого не коснулся никейскій соборъ? потому что, осудивъ Арія, онъ, конечно, осудилъ бы и Оригена, если бы не одобрялъ его мнѣній. То есть: всѣ болѣзни вмѣстѣ должно лечить однимъ лекарствомъ, и поэтому должно отрицать и величіе Духа Святаго—такъ какъ о Естествѣ не говорили на этомъ соборѣ. Тогда вопросъ былъ объ Аріѣ, а не объ Оригенѣ, о Сынѣ, а не о Духѣ Святомъ. Исповѣдали то, что отрицалось, и о томъ, о чемъ никто не спорилъ,—умолчали, хотя косвенно осудили Оригена, какъ источникъ Арія; ибо, осуждая отвергавшихъ, что Сынъ есть отъ существа Отцаго, осудили равно его и Арія. Иначе по такому доказательству не должны быть осуждаемы ни Валентинъ, ни Маркіонъ, никатафригійцы ¹⁾, ни Манихей, потому что соборъ никейскій не называетъ ихъ, хотя они несомнѣнно были прежде собора. И когда ихъ начнутъ понуждать и имъ нужно будетъ или подписать (осужденіе) или выйти изъ церкви, то ты увидишь удивительные извороты. Они такъ ограничиваютъ слова, такъ измѣняютъ порядокъ ихъ, придумываютъ такіе двусмысленности, что держатся исповѣданія и нашего и нашихъ противниковъ, и еретикъ слышитъ одно, а православный другое. Не въ такомъ ли духѣ и Аполлонъ дельфійскій и Локсіасъ ²⁾ давалъ порицанія Крезу и Пирру,—не въ одно время, но играя одинаковымъ оборотомъ? Представлю кое-что для примѣра.

Вѣруемъ, говорятъ они, въ будущее воскресеніе тѣлъ. Если это правильно понимается, то это исповѣданіе чистое. Но поелику есть тѣла небесныя и земныя, и воздухъ и легкій вѣтерокъ по природѣ своей называются тѣлами: то они употребляютъ слово тѣло, а не плоть, чтобы православный, слыша о тѣлѣ, разумѣлъ плоть, а еретикъ признавалъ духъ. Это пер-

¹⁾ Катафригійцами (οά κατὰ Φρύγας) назывались монтеисты—по мѣсту происхожденія ереси.

²⁾ Одно изъ названій Аполлона.

вая западня ихъ; если се замѣтятъ, они строятъ новыя ковы; прикидываются невинностью, называютъ насъ коварными и какъ просто вѣрующіе, говорятъ: вѣруемъ въ воскресеніе тѣлъ. Когда же они скажутъ это, необразованная чернь считаетъ это достаточнымъ для себя, въ особенности потому, что и въ символѣ исповѣдуются тоже самое. Ты спросишь далѣе:—начинается круговращеніе, благодѣтели кричатъ: ты слышалъ о воскресеніи: чего больше требуешь? и перетолковавъ въ дурную сторону наши усилія, насъ называютъ лукавыми, а себя простецами. Если ты примешь строгій видъ, и держа рукою плоть, начнешь допрашивать, ту ли плоть признаютъ они имѣющею воскреснуть, которая видима и осязаема, которая ходитъ и говоритъ: они сначала смѣются, потомъ киваютъ головою. И когда мы говоримъ: въ воскресеніе останутся ли въ цѣлости волосы и губы, грудь и чрево, руки и ноги; тогда они не могутъ удержаться отъ безчиннаго смѣха и, разразившись хохотомъ, замѣчаютъ, что намъ нужны и цирюльники, и пироги, и лекаря, и портные. Затѣмъ спрашиваютъ, не вѣруемъ ли мы, что воскреснуть и дѣтородные члены обоего пола, наши косматыя и женскія нѣжныя щеки, и различныя по различію мужчины и женщины свойства тѣла? Если мы дадимъ имъ это, они тотчасъ требуютъ женскаго родотворнаго уда и совокупленія и прочаго, что въ чревѣ и подъ чревомъ. Частные члены отрицаются, и говорятъ, что тѣло, которое состоитъ изъ членовъ, воскреснетъ.

Не время теперь распространять риторическую рѣчь противъ нечестиваго ученія. Недостаточно было бы для меня богатаго языка Цицерона, пламенная рѣчь Демосѳена не могла бы выразить огня души моей, если бы я захотѣлъ представить хитрости еретиковъ, которые, признавая воскресеніе на словахъ, отрицаютъ оное въ душѣ. Ихъ безстыдныя женщины обыкновенно хватаютъ себя за груди, ударяютъ по животу, трогаютъ чресла, лядвен и вонючія подмышки и говорятъ: какал намъ

польза въ воскресеніи, если воскреснетъ брeнное тѣло?—мы будемъ подобны ангеламъ, будемъ имѣть и природу ангельскую. Явно гнушаются они воскреснуть съ плотію и костями, съ которыми воскресъ и Христосъ. Но пусть я заблуждался въ юности, и, образованный въ ученіи философовъ, т. е. язычниковъ, въ началѣ вѣры не зналъ догматовъ христіанскихъ и думалъ видѣть у апостоловъ то, что читалъ у Пифагора, Платона и Емпедокла: зачѣмъ же вы слѣдуете заблужденію юнаго во Христѣ, младенца сосущаго? Зачѣмъ паучаетесь нечестію отъ того, кто еще не позналъ благочестія? Искренно исповѣдать вину — это вторая доска послѣ кораблекрушенія. Вы подражали заблуждающемуся: подражайте и исправившемуся. Заблуждались мы въ юности: исправимся въ старости. Соединимъ воздыханія, совокупимъ слезы, восплачемся и обратимся къ Господу, сотворшему насъ (Ис. 94); не будемъ ждать покаянія діавола. Суетна она надменность и влечетъ во глубину геенны: здѣсь или пріобрѣтается или теряется жизнь. Если я никогда не слѣдовалъ Оригену, то напрасно стараетесь меня обезславить; если я былъ его ученикомъ, то подражайте кающемуся. Вы вѣрили мнѣ, когда я признавалъ (ученіе Оригена): вѣрьте, когда я отрицаю оное.

Если, говорить, ты зналъ это, какъ рассказываешь, то зачѣмъ же ты хвалилъ его въ своихъ сочиненіицахъ? Я и теперь похвалилъ бы, если бы вы не хвалили его заблуждений. Мнѣ не пересталъ бы нравиться его умъ, если бы нѣкоторымъ не нравилось и его нечестіе. И апостоль заповѣдуетъ: *вся искушающе, добрая держите* (1 Сол. 5). Лактанцій въ книгахъ своихъ и въ особенности въ посланіяхъ къ Деметріану совершенно отрицаетъ лице (substantiam) Духа Святаго и по іудейскому заблужденію говоритъ, что Онъ относится или къ Отцу или къ Сыну и подъ Его именемъ обозначается освященіе (sanctificatio) того и другого лица. Но кто мнѣ можетъ

запретить читать книги его наставлений, въ которыхъ онъ весьма сильно писалъ противъ язычниковъ, — запретить потому, что вышеозначенное мнѣніе достойно отвращенія? Аполлинарій написалъ прекрасныя сочиненія противъ Порфирія: и я одобряю трудъ этого мужа, хотя осуждаю неразумное во многомъ его ученіе. И вы признаете, что Оригенъ въ нѣкоторыхъ предметахъ заблуждался, и я (противъ этого) не скажу ни слова. Вы говорите, что онъ худо мыслилъ о Сынѣ, еще хуже о Св. Духѣ; нечестиво училъ о паденіи душъ съ неба, воскресеніе плоти признавалъ только въ буквальномъ выраженіи, а отвергалъ въ выводѣ, училъ объ одномъ общемъ чрезъ много вѣковъ возстановленіи, — что Гавріиль будетъ тоже, что діаволь, Павелъ тоже, что и Каіафа, дѣвственницы тоже, что и блудницы. Если вы отбросите это и какъ бы цензорскимъ жезломъ отдѣлите отъ вѣры церкви: прочее я буду читать безопасно, и принявъ противоядіе, уже не буду бояться яда. Не повредитъ мнѣ, если я скажу: „Оригенъ, превосходя всѣхъ въ другихъ книгахъ, въ Пѣсни Пѣсней превзошелъ самъ себя“, и я не побоюсь мысли, съ какою я когда-то въ молодыхъ лѣтахъ назвалъ его учителемъ церкви. Только можетъ быть я долженъ былъ обвинить того, по чьей просьбѣ переводилъ его сочиненія, и сказать въ прологѣ: „тотъ, чьи книги я перевожу, — еретикъ; читатель, остерегайся читать ихъ; бѣги змѣи; или если захочешь читать, то знай, что переведенное мною испорчено неблагонамѣренными людьми и еретиками, хотя бояться ты не долженъ потому, что я все испорченное исправилъ“. Другими словами — это значитъ сказать: я, переводчикъ, — православный, а тотъ, кого я перевожу, — еретикъ. Наконецъ, и вы довольно просто, прямодушно и безъ лукавства, — конечно мало уважая риторическія правила и фокусы ораторовъ — признавая его книги *περί Ἀρχῶν* еретическими и желая свалить вину на другихъ,

предлагаете читателямъ бездѣлицу, чтобы они прослѣдили всю жизнь автора и изъ другихъ его книгъ сдѣлали выводъ въ отношеніи къ настоящему вопросу. Я хитрецъ исправившій (Оригена), умалчивая о своихъ видахъ, и скрывая заблужденія его, не высказалъ ненависти къ виновнику. И враги говорятъ, что тяжелыя болѣзни не должно лечить, а нужно предоставлять природѣ, чтобы леченіе не усилило слабости. Почти сто пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Оригенъ умеръ въ Тирѣ. Кто изъ латинянъ когда-либо осмѣливался переводить книги его о воскресеніи, *περὶ Ἀρχῶν, στρωματέας* и *Τόμος*? кто хотѣлъ обезчестить себя самого такимъ гнуснымъ дѣломъ? Я не краснорѣчивѣе Иларія, не тверже въ вѣрѣ Викторина, которые его бесѣды перевели не какъ переводчики, а какъ авторы собственнаго произведенія. Недавно св. Амвросій сдѣлалъ такую компиляцію изъ его Гексамерона, что слѣдовалъ болѣе мнѣніямъ Ипполита и Василія. Я самъ, которому вы, какъ говорите, ревностно подражаете, и въ отношеніи къ которому у васъ зрѣніе дикихъ козъ, тогда какъ въ отношеніи къ другимъ—глаза крота,—я самъ, если бы былъ нерасположенъ къ Оригену, перевелъ бы эти самыя вышпепоименованныя книги, чтобы его недостатки сдѣлать извѣстными и латинцамъ; но никогда этого не сдѣлалъ и не хотѣлъ согласиться, хотя объ этомъ просили многіе; потому что я не имѣю обыкновенія ругаться надъ заблужденіями тѣхъ, уму коихъ я удивляюсь. Самъ Оригенъ, если бы еще живъ былъ, разгнѣвался бы на васъ, своихъ благодѣтелей,—и сказалъ бы съ Іаковомъ: „вы сдѣлали меня ненавистнымъ въ мірѣ“ (Быт. 34, 30).

Хочетъ ли кто-нибудь хвалить Оригена?—Пусть хвалитъ такъ, какъ я хвалю. Великій былъ онъ мужъ отъ юности и истинно сынъ мученика (Леонида—мученика); въ Александріи управлялъ церковнымъ училищемъ, занявъ мѣсто ученѣйшаго мужа пресвитера Климента; такъ бѣгалъ похотей, что по Бо-

жественной ревности (но однако не при помощи знанія) ¹⁾— обрѣзалъ желѣзнымъ орудіемъ родотворные члены; презиралъ скудость, Писанія зналъ на память и въ трудахъ объясненія ихъ работалъ дни и ночи. Тысячу и болѣе того бесѣдъ сказалъ онъ въ церкви, издалъ кромѣ того безчисленное множество комментаріевъ, которые онъ называетъ *Τόμος* и о которыхъ я теперь не говорю, чтобы не казалось, что я составляю каталогъ его сочиненій. Кто изъ насъ можетъ столько прочесть, сколько онъ написалъ? Кто не удивлялся уму его, пламенно-ревностному къ изученію Писаній? И если какой Іуда завистникъ противопоставитъ намъ его заблужденія, то смѣло можемъ сказать ему:

Дремлетъ подъ часъ великій Гомеръ—

Но въ долгомъ трудѣ и ему можно предаться и сну.

(Horat. Art. Poet.).

Не будемъ подражать порокамъ того, чьимъ достоинствамъ не можемъ слѣдовать. Заблуждались въ вѣрѣ и другіе какъ греки, такъ и латиняне, коихъ имена нѣтъ необходимости упоминать, чтобы не показалось, что я защищаю его не его собственными заслугами, а заблужденіемъ другихъ. Это значить, скажешь ты, не оправдывать Оригена, а обвинять другихъ. Такъ, —еслибы я не говорилъ, что онъ заблуждается, если бы я думалъ, что въ неправовѣрїи можно слушать по крайней мѣрѣ апостола Павла или ангела съ небеси. А теперь, когда я искренно признаю его заблужденіе, я буду читать его также какъ другихъ, потому что онъ заблуждался также какъ и другіе. Но ты скажешь: если его заблужденіе раздѣляютъ многіе: то почему вы преслѣдуете одного? Потому, что вы одного восхваляете, какъ Апостола. Оставь излишнюю

¹⁾ Кажется, Иеронимъ этими словами опровергаетъ то свидѣтельство иѣ-которыхъ (Никифоръ и др), что Оригенъ умертвилъ похоть плоти искусственно, посредствомъ какого-то лекарства.

привязанность, и мы оставляемъ сильную ненависть. Вы выписываете заблужденія другихъ изъ ихъ книгъ для того только, чтобы защитить его заблужденіе, вы такъ до небесъ превозносите Оригена, что говорите, что онъ ни въ чемъ не заблуждался. Защитникъ новыхъ догматовъ!—прошу тебя пощадить римскій слухъ, пощадить вѣру, одобренную устами Апостола. Зачѣмъ чрезъ четыреста лѣтъ ты стараешься научить насъ тому, чего мы прежде не знали? зачѣмъ предлагаешь то, чего не хотѣли проповѣдывать Петръ и Павелъ? До сего дня міръ христіанскій не имѣлъ этого ученія. Въ старости я сохраню ту вѣру, въ которой возрожденъ былъ въ дѣтствѣ. Насъ называютъ Пелусіотами, непотребными, чувственными и плотскими, потому что мы не приедемъ духовнаго, какъ будто они сами—іерусалимляне, матеръ коихъ на небесахъ. Не презираю я плоти, въ которой родился и воскресъ Христосъ; не гнушаюсь персти, которая, будучи обожжена на чистѣйшей сосудъ, царствуетъ на небѣ; и однако дивлюсь, почему презирающіе плоть живутъ по плоти, грѣютъ и изысканно питаютъ своего врага,—развѣ бытъ можетъ не потому ли, что хотятъ исполнить слова Писанія: *любите враги ваша, благословите кленущія вы* (Матѳ. 5, 44). Люблю я плоть чистую, дѣвственную, постящуюся, люблю не дѣла плоти, а сущность ея, люблю плоть, которая знаетъ, что имѣетъ быть судима, люблю ту, которую въ мученичествѣ за Христа уѣкаютъ, терзаютъ, сожигаютъ.

А какъ несправедливо то, что утверждаютъ, будто книги его (Оригена) нѣкоторыми еретиками и злонамѣренными людьми испорчены—это можетъ быть доказано изъ слѣдующаго. Кого можно найти умнѣе, ученѣе, краснорѣчивѣе Евсевія и Дидима,—защитниковъ Оригена? а первый изъ нихъ въ шести книгахъ апологіи Оригена утверждаетъ, что Оригенъ мыслить такъ, какъ онъ самъ, а второй, не отрицая написаннаго, но пе-

ретолковывая смысл автора, такъ оправдываетъ его заблужденія, что однако сознается, что эти заблужденія—и его собственные. Иное дѣло, если что-нибудь прибавлено еретиками, и иное—если что-нибудь защищаетъ (мнѣніе Оригена) какъ правильныя. Изъ всѣхъ нашли одного Оригена, сочиненія коего должны быть подложны, изъ книгъ котораго какъ будто по посланію Митридата ¹⁾ въ одинъ день изглажена всякая истина. Если испорчена одна книга его, то неужели могли испортить вмѣстѣ и всѣ его сочиненія, изданныя имъ въ различныхъ мѣстахъ и въ различное время? Самъ Оригенъ въ посланіи, написанномъ къ Фабиану, епископу города Рима, рассказываетъ, зачѣмъ онъ написалъ такія сочиненія и причины безпорядковъ слагаетъ на Амвросія—что онъ выпустилъ въ свѣтъ сочиненія, написанныя секретно. Зачѣмъ же еще пустословить, что то, что имъ не нравится—чужое?

Далѣе,—что Памфила выставляютъ почитателемъ его—за это я благодарю ихъ отъ своего имени, такъ какъ они удостоили меня порицать вмѣстѣ съ этимъ мученикомъ. Если вы говорите, что книги Оригена испорчены его врагами, съ цѣлью унижить ихъ: то почему мнѣ нельзя сказать, что друзьями и послѣдователями его составлена подъ именемъ Памфила книга затѣмъ, чтобы она свидѣтельствомъ мучениковъ защитила его (Оригена) отъ позора? Вотъ вы одобряете въ книгахъ Оригена то, чего онъ не писалъ, а удивляетесь, если кто-нибудь издаетъ книгу, которой онъ (Памфилъ) не издавалъ. Вы въ изданномъ сочиненіи можете находить доказательства для себя; тогда какъ онъ, который ничего другаго не издавалъ, легче можетъ подвергаться обвиненію. Дайте какое-нибудь другое сочиненіе Памфила; вы нигдѣ не найдете его; это—единственное его сочиненіе: откуда же я удостовѣ-

¹⁾ Посланіе, или эдиктъ, Митридата предписывало истребить въ одинъ день всѣхъ римлянъ, жившихъ въ Азіи.

рюсь, что это сочиненіе Памфила, чтобы, то есть, слогъ и складъ рѣчи могъ убѣдить меня въ этомъ? Я никогда не повѣрю, чтобы ученый мужъ первые плоды своего ума посвятилъ спорамъ и брани, а между тѣмъ самое названіе апологетики показываетъ обвиненіе, потому что защищается только то, что обвиняется. Теперь представлю я одно обстоятельство, говорить противъ котораго можетъ только или дуракъ или человѣкъ безсовѣстный. Та книга, которая считается Памфиловою, содержитъ начало шестой книги Евсевія въ защиту Оригена, почти въ тысячу стиховъ, и въ другихъ мѣстахъ авторъ ея ¹⁾ представляетъ свидѣльства того же сочиненія (Евсевія), которыми старается доказать православіе Оригена. Евсей и Памфилъ здѣсь такъ согласны между собою, что можно считать ихъ людьми единомышленными, какъ будто одинъ принялъ имя другаго. Какимъ же образомъ теперь они могли такъ разногласить между собою, что Евсей во всемъ своемъ сочиненіи доказываетъ, что Оригенъ былъ защитникъ арианскаго ученія, а Памфилъ—что онъ былъ защитникомъ бывшаго впоследствии никейскаго собора? Отсюда видно, что это произведеніе или Дидима или кого-нибудь другаго, который, отсѣкая голову отъ шестой книги (Евсевія), прочіе члены составилъ (самъ). Но согласимся—изъ милости,—что это сочиненіе Памфила, но еще не мученика, потому что онъ написалъ его прежде, чѣмъ потерпѣлъ мученичество. Почему онъ удостоился мученичества? Ты скажешь, для того, чтобы мученичествомъ загладить заблужденіе, чтобы единственный проступокъ очистить пролитіемъ крови своей. Сколько во всемъ мірѣ мучениковъ, которые прежде убіенія подвержены были различнымъ порокамъ?—Будемъ же защищать грѣхи,—потому что тѣ, кои впоследствии стали мучениками, прежде были грѣшники!

¹⁾ Т. е. книга, приписываемой Памфилу.

Вотъ что, возлюбленнѣйшіе братья, я бѣгло продиктовалъ на ваше письмо, преодолевая трудную задачу писать противъ того, чей умъ я прежде восхвалялъ, и желая лучше погрѣшати въ своей оцѣнкѣ, чѣмъ въ вѣрѣ. Друзья мои поставили меня въ такое положеніе, что если я буду молчать, то буду признанъ виновнымъ, если буду отвѣчать, то — врагомъ. Тяжело и то и другое положеніе; но изъ двухъ я выбираю болѣе легкое: враждѣ можно помочь, богохульство непростительно. А сколько подъялъ я трудовъ при переводѣ книгъ *περί Ἀρχῶν*, предоставляю судить вамъ, — когда и измѣнять что-нибудь изъ греческаго, значить не переводить, а извращать, и переводить буквально невозможно тому, кто хочетъ сохранить изящество въ языкѣ.

78. Письмо къ Павлину.

Обращеніемъ ко мнѣ ты вызываешь меня на переписку, но краснорѣчіемъ своимъ пугаешь; слогомъ писемъ своихъ такъ напоминаешь ты Туллія! Если я посылаю тебѣ, какъ жалуешься ты, письма коротенькія и безцвѣтныя, это зависитъ не отъ небрежности, а отъ опасенія, чтобы многословіемъ своимъ не дать тебѣ болѣе предметовъ для порицанія. При томъ, признаться откровенно святой душѣ твоей, въ единственное благопріятное для плаванія на западъ время отъ меня требуютъ разомъ столько писемъ, что я рѣшительно не могъ бы успѣть, если бы захотѣлъ каждому писать все. Отъ того и бываетъ, что, отбросивъ подборъ словъ и старательность сочинительства, диктую, что ни попадетъ на умъ, и смотрю на тебя какъ на друга, а не какъ на судью такой моей рѣчи.

Два вопроса задалъ ты мнѣ въ своихъ письмахъ. Впервыхъ: зачѣмъ Богъ ожесточилъ сердце Фараоново (Исх. 4, 21; 9, 20), и почему сказалъ апостоль: *ни зотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. 9, 16) и т. д.; что, повидимому, уничтожаетъ свободную волю. Во-вторыхъ: какимъ обра-

зомъ святы тѣ, которые раждаются отъ вѣрныхъ, т. е. отъ получившихъ крещеніе ²⁾, когда они не могутъ спастись безъ дара благодати, уже послѣ получаемой и сохраняемой.

На первый изъ этихъ вопросовъ очень основательно отвѣчаетъ Оригенъ въ книгахъ *περί Ἀρχῶν (о началахъ)*, которыя я перевелъ недавно по порученію нашего Паммахія. Занятый этимъ-то дѣломъ, я не могъ исполнить даннаго тебѣ обѣщанія, и опять отложилъ до другаго раза своего Даніила. Отложилъ бы я до другаго времени исполненіе воли Паммахія, если бы это была воля одного, хотя и любезнѣйшаго мнѣ и превосходнѣйшаго мужа, но объ этомъ же просило все почти братство Рима, увѣряя, будто многіе находятся въ опасности и склоняются на превратное ученіе. Поэтому я вынужденъ былъ перевести книги, въ которыхъ болѣе дурнаго, чѣмъ хорошаго, и соблюдать такую точность, чтобы не прибавить и не убавить ничего, и съ чистотою латинской рѣчи совмѣстить буквальный смыслъ греческой. Экземпляры ихъ ты можешь достать у вышесказаннаго брата. Впрочемъ, ты можешь удовольствоваться и греческимъ подлинникомъ, и не имѣешь нужды искать мутныхъ ручейковъ нашего маленькаго ума, потому что пьешь изъ самыхъ источниковъ.

Кромѣ того, поелику я говорю съ мужемъ ученымъ и знающимъ какъ писанія божественныя, такъ и науки свѣтскія, — хочу предостеречь тебя, чтобы ты не подумалъ, будто я, какъ грубый пустомеля, охуждаю все, что ни написалъ Оригенъ (въ чемъ обвиняютъ меня его *ἄχριστοςπλασταί* ²⁾) и укоряютъ,

¹⁾ Поводомъ къ такому вопросу служило слѣдующее мѣсто изъ перваго посланія коринтянамъ: *святится бо мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ и святится жена невѣрна о мужѣ вѣрнѣ; иначе бо чада ваша нечиста были бы, нынѣ же свята суть* (1 Кор. 7, 14).

²⁾ Изъ словъ: *ἄχριστος*—безвременный, неблаговременный, а *σπλοδοστής*—доброжелатель, споспѣшникъ. Подъ этими не вѣстами услужливыми доброжелателями Оригена Иеронимъ ясно разумѣетъ Руффина и его сообщниковъ.

будто я, какъ Діонисій философъ, вдругъ перемѣнилъ свое мнѣніе); я отвергаю только его превратное ученіе. Я знаю, что одинаковому проклятію подлежатъ и называющіе доброе дурнымъ, и считающіе дурное добрымъ,—дѣлающіе горькое сладкимъ, а сладкое горькимъ (Исаи 5, 20). Да и мыслимо ли такое упрямство—до того хвалить ученіе извѣстнаго лица, чтобы раздѣлять и его богохульство?

О второмъ вопросѣ твоёмъ разсуждалъ Тертуліанъ въ книгахъ „о единобрачіи“; онъ утверждаетъ, что дѣти вѣрныхъ называются святыми потому, что они какъ бы кандидаты вѣры и не оскверняются никакими нечистотами идолослуженія. вмѣстѣ съ этимъ прими къ соображенію и то, что сосуды въ скиніи и прочіе предметы, относящіеся къ обрядамъ богослуженія, называются святыми, хотя въ собственномъ смыслѣ святымъ можетъ быть только то, что мыслить и чтить Бога. Таково уже свойство языка писаній, что въ нихъ употребляется, по мѣстамъ, названіе—святой вмѣсто—чистый, очистившій, загладившій грѣхи. Такъ Бетсабея пишется освятившеюся отъ нечистоты своей, и самый храмъ называется святилищемъ.

Прошу тебя не обвинять меня мысленно въ суетности или лживости. Свидѣтель Богъ совѣсти моей, что вышесказанная необходимость отвлекла меня отъ толкованія, когда я былъ уже наготовѣ къ дѣлу и приступалъ къ нему; ты знаешь самъ, какъ не хорошо выходитъ то, что дѣлается съ предзанятымъ умомъ Шапочку, малую по ткани, но широчайшую по любви, назначенную для согрѣванья старческой головы, я получилъ съ удовольствіемъ, и радовался о дарѣ и дарителѣ.

79. Письмо къ Теофилу.

Блаженнѣйшему папѣ Теофилу Іеронимъ.

На дняхъ получилъ я письмо твоего блаженства, вознаграждающее давнее молчаніе и призывающее меня къ обычной обязанности (отвѣчать). Хотя съ прибытіемъ святыхъ братій

Приска и Евбула ты прекратилъ съ нами бесѣду; но поелику мы видѣли, что они, возбуждаемые ревностію по вѣрѣ, быстро обходили страны Палестины, и разсѣявъ василисковъ, преслѣдовали до самыхъ норъ: то и писали коротко, что весь міръ радуется и хвалится твоими побѣдами, что массы народныя съ восторгомъ взирають на знамя креста, поднятаго въ Александріи, и на блестящія побѣды надъ ересью. Мужайся, добродѣтель, мужайся, ревность по вѣрѣ! Ты показалъ, что твое молчаніе до послѣдняго времени было не соизволеніемъ, а благоразумнымъ расчетомъ. Откровенно говорю твоей чести: мы скорбѣли, что ты чрезъ мѣру терпѣливъ; не зная соображеній правителя, мы желали губителямъ гибели. Но, какъ вижу, ты долго поднималъ руку и наводилъ ударъ, чтобы поразить сильнѣе. За принятіе нѣкоего лица ты не долженъ скорбѣть на первосвященника этого города; въ письмахъ твоихъ ты ничего не предписывалъ, и было бы безразсудно судить за то, что онъ не зналъ. Я думаю, что онъ и не посмѣлъ бы, и не захотѣлъ оскорбить тебя въ чемъ бы то ни было.

80. Письмо къ Теофилу ¹⁾.

Блаженнѣйшему папѣ Теофилу Иеронимъ.

Письмо твое доставило мнѣ удовольствіе вдвойнѣ: какъ тѣмъ, что подателями его были святые и досточтимые епископъ

¹⁾ Письмо въ отвѣтъ на слѣдующее письмо Теофила къ Иерониму: „Возлюбленнѣйшему брату пресвитеру Иерониму, епископъ Теофилъ. Святой епископъ Агаеонъ съ возлюбленнымъ діакономъ Аванасіемъ отправлены по церковному дѣлу: не сомнѣваюсь, что, узнавши это дѣло, ты одобришь наше стараніе и станешь хвалиться побѣдою церкви. Ибо нѣкоторые негодные и неистовые люди, желающіе посѣять и распространить оригеновскую ересь въ монастыряхъ Нитрін, подсѣчены серпомъ пророческимъ. Мы вспомнили на этотъ разъ увѣщаніе апостола: обличай ихъ со строгостію (Тим. 2, 15). Поспѣши и ты, въ ожиданіи получить свою долю въ награду, исправлять каждого изъ обольщенныхъ приличными словами писаній. Во время жизни своей, мы желаемъ, если это возможно, сохранять вмѣстѣ съ подчиненными намъ народами православную вѣру и церковныя правила, и останавливать распространеніе всякихъ новыхъ ученій“.

Агаѳонъ и діаконъ Аѳанасій, такъ и тѣмъ, что ясно показало ревность по вѣрѣ противъ нечестивѣйшей ереси. Голосъ блаженства твоего прогремѣлъ на весь міръ, и, къ радости всѣхъ церквей Христовыхъ, ядъ діавола потерялъ свое дѣйствіе. Древній змій уже не шипитъ, но скрученный и испотрошенный, вьрзается во мракѣ пещерь, будучи не въ силахъ выносить свѣтлаго солнца. Правда, я послалъ уже на западъ письма по этому предмету еще прежде, чѣмъ писалъ ко мнѣ ты, открывая отчасти своимъ соотечественникамъ обманъ еретиковъ (думаю, не безъ домостроительства божественнаго случилось, что въ то же самое время и ты писалъ къ папѣ Анастасію, и безъ вѣдома своего, подтверждалъ наше мнѣніе). Но въ настоящее время, вслѣдствіе побужденія съ твоей стороны, мы приложимъ еще большее стараніе. Мы не побоимся навлечь на себя ненависть нѣкоторыхъ: ибо должны угрожать не людямъ, но Богу; чѣмъ горячѣе они защищаютъ ересь, тѣмъ болѣе будемъ поражать ее. Вмѣстѣ съ этимъ прошу тебя, если имѣешь какія либо окружныя посланія, пришли ко мнѣ: тогда, опираясь на авторитетъ такого первосвященника, я могъ бы смѣлѣе и самоувѣреннѣе открывать уста свои за Христа. Винцентій пресвитеръ прибылъ изъ Рима за два дня предъ посылкою этого письма; онъ чистосердечно привѣтствуетъ тебя, и безпрестанно съ торжествомъ рассказываетъ, что Римъ и вся почти Италія обязаны свободою (отъ ереси), послѣ Христа, твоимъ письмамъ. Итакъ приложи всяческое стараніе, возлюбленнѣйшій и блаженнѣйшій папа, и при всякомъ случаѣ пиши западнымъ епископамъ, чтобы они не переставали, какъ ты самъ выражаешься, подѣлать острымъ серпомъ дурные отпрыски.

Отдѣлъ четвертый, содержащій письма, писанныя Іеронимомъ съ конца 401 до 420 г., или до конца жизни его.

81. Письмо къ Паммахію и Маркеллѣ.

Снова обогащаю васъ произведеніями востока, и александрійскія богатства пересылаю прежде всего, какъ и слѣдуетъ, въ Римъ ¹⁾. *Богъ отъ юга придетъ, и святой отъ горы Фаранъ, осѣненной тѣнью* (Аввак. 3, 3); почему и радуется невѣста въ Пѣсни Пѣсней, говоря: *подъ снѣгъ Ею восхотѣхъ и стдохъ, и плодъ Ею сладокъ въ гортани моемъ* (Пѣсн. 2, 3). Теперь поистинѣ исполняется пророчество Исаи, который говоритъ: *въ той день будетъ жертвенникъ Господеву въ земли египетскій* (Ис. 19, 19). *Идѣже умножится грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. 5, 20). Кто оказалъ покровительство Христу-младенцу, тѣ защищаютъ съ пламенною вѣрою Его—достигшаго зрѣлаго возраста; такъ что избѣгшіи при ихъ содѣйствіи руки Ирода, избѣгаетъ при помощи ихъ же и еретика богохульствующаго. Кого изгналъ изъ города Александрова Димитрій, того отовсюду гонить Теофилъ, къ которому Лука писалъ Дѣянія апостольскія, который получилъ имя отъ любви къ Богу. Гдѣ теперь этотъ извивистый змѣй? Гдѣ эта ядовитѣйшая ехидна—

верхняя часть человѣка... приставленная къ волчьему чреву (Эпеида 3)?

Гдѣ ересь, что шишѣла въ мірѣ, что разглашала обо мнѣ и папѣ Теофилѣ, какъ сторонникамъ своего заблужденія, и лгала о нашемъ сочувствіи, чтобы обмануть простыхъ людей лаемъ неразумныхъ псовъ? Она подавлена его (Теофила) властію и краснорѣчіемъ и, по обычаю демоническихъ духовъ,

¹⁾ Письмо отправлялось вмѣстѣ съ переводомъ окружнаго пасхальнаго посланія Теофила александрійскаго, отъ 402 года.

говорить изъ-подъ земли: ибо не знаетъ того, кто, пришедъ отъ горнихъ, глаголетъ горная.

И если бы, порожденіе змѣиное, или признало безъ околнностей наше, или твердо отстаивало свое, чтобы мы могли знать, кого намъ слѣдуетъ любить, кого бояться! Такъ нѣтъ,—теперь новый родъ покаянія: ненавидятъ насъ, какъ враговъ, а наше исповѣданіе вѣры не смѣютъ отрицать все-народно! Спрашиваю, что за болѣзнь, которую не врачуетъ ни время, ни леченіе? Часто подъ сверкающими мечами, между разбросанныхъ тѣлъ и текущихъ потоковъ крови, враги подають другъ другу руки, и неожиданный миръ смѣняетъ бѣшенство брани. Только сторонники этой ереси не въ состояніи соединиться съ приверженцами церкви: такъ какъ осуждаютъ въ умѣ то, что принуждены высказать языкомъ. И если когда-нибудь открытое богохульство дойдетъ до общественнаго слуха и они увидятъ, что произведенное этимъ смятеніе повсюду направляется противъ нихъ, тогда, принявъ видъ простоты, говорятъ, что слышатъ въ первый разъ, что до того времени и не знали, говорилъ ли такъ учитель. Когда же станутъ избличать ихъ сочиненіями, они отказываются на словахъ отъ того, что утверждали письменно. Что за необходимость—осаждать Пропонтиду ¹⁾, мѣнять мѣста, обходить различныя страны и бѣшенными устами терзать знаменитѣйшаго первосвященника Христова и его учениковъ? Если вы говорите правду,—перемѣните же прежнюю горячность заблужденія на горячность вѣры. Зачѣмъ спиваете вмѣстѣ собранные то отсюда, то оттуда лоскуты злословія, и черните жизнь тѣхъ, чьей вѣрѣ противостоятъ вы не въ силахъ? Развѣ вы перестанете быть еретиками, если нѣкоторые, со словъ вашихъ, повѣрятъ, что мы грѣшники; и развѣ

¹⁾ Разумѣется Константинополь, куда къ Іоанну Златоусту обращались оригенисты.

уста ваши не останутся оскверненными нечестіемъ, если вы въ состояніи указать рубецъ на нашемъ ухѣ? Какую помощь или пользу принесетъ вашему вѣроломству кожа эіопа и пестрота барса, если на нашемъ тѣлѣ откроется пятнышко (родимое)? Вотъ папа Теофилъ съ полною свободою обличаетъ Оригена въ ереси: они и не защищаютъ обличаемаго мѣста, но выдумываютъ, будто оно измѣнено еретиками, и говорятъ, что подобнымъ образомъ искажены книги многихъ; такъ что защищаютъ его не чистотою его ученія, а чужимъ обманомъ. Противъ этихъ еретиковъ, свирѣпствующихихъ противъ насъ съ несправедливою ненавистію, по справедливости можетъ быть сказано, что они измѣняютъ тайнъ своихъ мыслей, и вынашиваютъ отраву своего сердца неизлечимостію его болѣзни.

Вы, свѣтила христіанскаго сената, получите въ этомъ году и греческое посланіе вмѣстѣ съ латинскимъ, чтобы еретики снова не стали лгать, будто мы многое прибавили или измѣнили. Признаюсь, я довольно потрудился въ немъ надъ тѣмъ, чтобы сохранить изящество рѣчи въ соотвѣтственной ей красотѣ перевода, и чтобы строго держась опредѣленной границы и ни въ чемъ не выступая изъ нихъ, не потерять потоковъ его краснорѣчія, но тѣже самые предметы передать такою же рѣчью. Достигъ ли я этого, или нѣтъ, оставляю судить вамъ. Имѣйте въ виду, что оно раздѣлено на четыре части. Въ первой оно увѣщаетъ вѣрующихъ къ празднованію насхи Господней; во второй и третьей поражаетъ Аполлинарія и Оригена; въ четвертой, т. е. послѣдней, призываетъ еретиковъ къ покаянію. Сказанное здѣсь противъ Оригена коротко содержится въ посланіи прошлаго года, и потому настоящее, только что переведенное нами посланіе, ради краткости, и не должно было говорить противъ него пространнѣе. Но его ратующая противъ Аполлинарія сила убѣжденія и чи-

стота исповѣданія не лишены діалектической тонкости, которая поражаетъ врага исторгнутымъ изъ его же рукъ оружіемъ.

Помолитесь же Господу, чтобы нравящееся на греческомъ не потеряло прелести своей и на латинскомъ, и чтобы Римъ принялъ съ радостными объятіями то, чему удивляется и что превозноситъ весь востокъ. Пусть каяедра апостола Петра подтвердить своею проповѣдью проповѣдь каяедры евангелиста Марка. Впрочемъ, изъ знаменитой рѣчи стало извѣстно, что папа Анастасій раздѣляетъ ту же ревность (потому что раздѣляетъ тѣже мысли) въ преслѣдованіи еретиковъ, скрывающихся въ своихъ норахъ, и его посланіе даетъ знать, что и на западѣ осуждено то, что осуждено на востокѣ. Помолимся же, да умножатся ему годы, чтобы постоянно оживающіе черенки ереси умерли наконецъ, долго и старательно сушимые имъ.

82. Письмо къ Теофилу.

Блаженнѣйшему папѣ Теофилу Іеронимъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ получилъ я письмо твоего блаженства съ приложеніемъ пасхальнаго посланія, до настоящаго дня я до такой степени былъ разстроенъ то скорбію объ умершей, то заботами, то различными слухами о состояніи церкви, доходившими то оттуда, то отсюда, что едва былъ въ состояніи перевести твою книгу на латинскій языкъ. Ты знаешь прекрасно, что, по старой поговоркѣ, угрюмый не бываетъ краснорѣчивъ, особенно, если съ болѣзнію души соединяется болѣзнь тѣла. И это самое письмо диктовалъ я съ чрезвычайною поснѣшностію, въ жару лихорадки, лежа въ постелѣ уже третій день, — диктовалъ, съ цѣлію кратко увѣдомить твое блаженство, что большаго труда стоило мнѣ, чтобы въ переводѣ его передать всѣ мысли съ равносильною красотою и чтобы латинская рѣчь, хотя отчасти, соотвѣтствовала греческому краснорѣчію.

Въ началѣ ты философствуешь, и разсуждая общимъ образомъ, учишь всѣхъ, но поражаешь одного; въ остальномъ же, что особенно трудно, ты соединяешь философію съ ораторскимъ краснорѣчіемъ и совмѣщаешь для насъ Демосеена съ Платономъ. О, какъ краснорѣчиво говорится противъ роскоши, какими похвалами превозносится воздержаніе, и съ какою глубокою мудростію описывается смѣна дня и ночи, теченіе луны, движеніе солнца, природа этого мира! И самое разсужденіе это ты основываешь на авторитетѣ писаній, дабы не показалось, что въ пасхальномъ посланіи ты почерпнулъ что либо изъ свѣтскихъ источниковъ. Сказать короче: боюсь хвалить тебя въ этомъ отношеніи, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ ласкательствѣ. Книга превосходна и въ философскомъ отношеніи, и въ томъ излагается взятый предметъ, не оскорбляя лицъ. Затѣмъ, прошу тебя извинить и мою недѣятельность: и до такой степени былъ убитъ смертію достопочтенной Павлы, что со времени перевода этой книги до настоящей минуты не писалъ ничего другаго изъ божественнаго. Ибо мы неожиданно потеряли, какъ и самъ ты знаешь, такую помощь, которою пользовались (свидѣтель тому Богъ совѣсти нашей) не для собственныхъ нуждъ, но для облегченія святыхъ, которымъ она заботливо служила. Привѣтствуютъ тебя отъ чистаго сердца дочь твоя Евстохія, не получившая еще никакого утѣшенія въ потерѣ матери, и все братство. Книги, написанныя тобою, какъ сказалъ ты въ прежнее время, перешли намъ или для прочтенія или для перевода. Преуслѣвай во Христвѣ.

83. Письмо къ Августину ¹⁾.

Господину поистинѣ святому, и папѣ блаженнѣйшему Августину, Иеронимъ во Господѣ желаетъ здравія.

¹⁾ Писано въ отвѣтъ на слѣдующее письмо блаженнаго Августина: „Любезнѣйшему господаину, возжелѣннѣйшему и достопочтенному во Христвѣ брату и сопресвитеру Иерониму Августинъ во Господѣ желаетъ здравія“.

Письмо блаженства твоего дошло до меня въ самую минуту отправленія святаго сына нашего Астерія иподіакона, моего друга. Въ этомъ письмѣ ты оправдываешься, что не посылаешь въ Римъ сочиненія, направленнаго противъ моего ничтожества. Я и не слышалъ, чтобы дѣло было такъ. Но братъ нашъ Синезій діаконъ принесъ мнѣ сюда экземпляры чьего-то письма, написаннаго какъ-бы ко мнѣ. Въ этомъ письмѣ ты совѣтуешь мнѣ процѣть на извѣстную главу апостола *καλιφδια* ¹⁾,

„Я слышалъ, что мои письма дошли до твоихъ рукъ; но что до сихъ поръ не удостоился я отвѣта; этого я отнюдь не ставлю въ вину любви твоей. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что этому что-нибудь помѣшало. Вслѣдствіе этого я прихожу къ убѣжденію, что долженъ еще усерднѣе молить Господа, чтобы онъ далъ твоему хотѣнію возможность послать то, что ты отписалъ (потому что возможность отписать далъ: ибо весьма легко можешь это сдѣлать, какъ только захочешь).

„Вѣрить ли тому, что дошло до меня за достовѣрное, я еще сомнѣвался; но писать ли тебѣ что либо на этотъ счетъ, я сомнѣваться не долженъ былъ. Впрочемъ, это—въ нѣсколькихъ словахъ. Мнѣ сказали, что какіе-то неизвѣстиме мнѣ братья передали тебѣ, будто я написалъ противъ тебя сочиненіе и послалъ въ Римъ. Ты знаешь самъ, что это ложь: свидѣтель мнѣ Богъ, не дѣлалъ и этого: но если и могутъ найтись въ какихъ либо сочиненіяхъ моихъ такія мѣста, изъ которыхъ видно будетъ, что я о чемъ либо думаю иначе, чѣмъ ты,—то это сказано не противъ тебя; писалъ я такъ, какъ мнѣ казалось: въ чемъ, думаю, ты долженъ убѣдиться и самъ, а если не можешь убѣдиться—повѣришь. По чистой совѣсти скажу тебѣ: если въ моихъ сочиненіяхъ что-либо оскорбило тебя, я вполне готовъ, по-братски, принять твои замѣчанія, и по радуюсь какъ о своемъ исправленіи, такъ я о самой твоей благосклонности; я даже буду требовать этого отъ тебя, и требовать настойчиво.

„О, если бы было возможно имѣть тебя если и не сожителемъ, то, по крайней мѣрѣ сосѣдомъ, чтобы пользоваться, о Господѣ, часто и сладкою бесѣдою! Но какъ это не дано, прошу тебя позаботиться о сохраненіи, увеличеніи и усовершеніи возможнаго для насъ сожительства въ Господѣ, и не пренебрегай, хоть рѣдкою—перенискою. Привѣтствую отъ меня брата Павлініана и всѣхъ братій, которые съ тобою и о тебѣ о Господѣ хвалятся (*по другу* радуются). Не забывай насъ, и Господь услышитъ тебя во всякомъ святомъ желаніи твоёмъ, господинъ любезнѣйшій и вождельнѣйшій, и достопочтенный во Христѣ братъ“.

¹⁾ *Καλιφδια* буквально—*повторительная пѣснь*; въ переносномъ смыслѣ *отреченіе* отъ прежде сказаннаго. О Стихорѣ разсказывается въ Федрѣ у Платона.

и взялъ за образецъ Стезихора, колеблющагося между порицаніемъ и похвалою Еленѣ, который за злословіе потерялъ зрѣніе, за похвалу снова получилъ его. Признаюсь откровенно твоей чести: хотя слогъ и ἐπιχειρήματα ¹⁾ показали мнѣ твоими, я не рѣшился однако повѣрить экземплярамъ письма, не обдумавъ дѣла; иначе, если бы я сталъ отвѣчать на него, ты, оскорбившись, имѣлъ бы полное право потребовать, чтобы я доказалъ предварительно, что сочиненіе дѣйствительно принадлежитъ тебѣ, а потомъ уже отвѣчалъ на него. Дѣло замедлила, кромѣ того, продолжительная болѣзнь святой и достопочтенной Павлы. Пока проводили мы долгое время у постели больной, письмо твое, или того, кто писалъ подъ твоимъ именемъ, мы почти забыли, помня извѣстный стихъ: *музикія во плачи безвременная повѣсть* (Сир. 22, 6). Итакъ, если письмо твое, напиши прямо, или пришли болѣе вѣрные экземпляры его: тогда безъ всякой раздражительности станемъ разсуждать о писаніяхъ, и или исправимъ свою ошибку, или вразумимъ другаго, что онъ порицалъ напрасно.

Никогда не осмѣливался я коснуться чего либо въ твоихъ сочиненіяхъ. Съ меня довольно оправдывать свое, но чужаго не охуждать. Впрочемъ, мудрость твоя прекрасно знаетъ, что всякій богатъ собственнымъ смысломъ и что дѣтскому только тщеславію свойственно (какъ это имѣли обычай когда-то дѣлать мальчишки), — искать славы, порицая мужей знаменитыхъ. Я не такъ глупъ, чтобы считать за оскорбленіе себѣ, если ты не сходишься со мною въ образѣ пониманія; да и ты не оскорбишься за противоположность нашихъ мыслей. Но то будетъ дѣйствительною ссорой между друзьями, если, не обращая вниманія на свою суму, станемъ, по

¹⁾ 'Επιχειρήματα — эпихирима, родъ силлогизма, котораго обѣ посылки доказываются.

Персею ¹⁾, заглядывать въ чужой чемоданъ. Поэтому люби того, кто тебя любитъ, и будучи юношею, не вызывай старика на поле писаній. Мы имѣли свое время, и мѣрялись въ бѣгѣ, сколько могли; теперь бѣжать и оставлять за собою большія пространства тебѣ, а намъ долженъ быть данъ покой. Да кстати (сказать съ твоего позволенія и не въ обиду твоея чести), чтобы не показалось, будто ты только предлагаешь мнѣ нѣчто изъ поэтовъ, припомни Дареса и Ентеллія ²⁾, и народную поговорку, что усталый быкъ тверже ступаетъ ногою. Съ грустью диктовали мы это; о, если бы мы удостоились твоихъ объятій, и имѣли возможность при взаимномъ собесѣдованіи или научить чему либо другъ друга, или научиться!

Кальпурній, по прозванію шерстобой ³⁾, прислалъ мнѣ, съ обычнымъ безразсудствомъ, свои проклятія, которыя, какъ узналъ я, благодаря старанію его, дошли и до Африки. Я отчасти отвѣчалъ на нихъ коротко, и послалъ вамъ экземпляры этого сочиненьица: болѣе полное сочиненіе я намѣренъ послать вамъ при первомъ благопріятномъ случаѣ. Я опасался, при этомъ, нарушить въ чемъ бы то ни было правила христіанскаго взаимнаго уваженія, а желалъ только опровергнуть ложь и бредъ сумасброда и невѣжды. Не забывай меня, святой и достопочтенный папа. Смотри, до какой степени люблю я тебя, если рѣшился отвѣчать тебѣ, не будучи вызванъ на это тобою, и не вѣрю, чтобы твоимъ было

¹⁾ Одна изъ басенъ Езопа рассказываетъ, что у каждаго смертнаго есть двѣ сумы: одна виситъ за спиною для своихъ грѣховъ, другая на груди—для чужихъ. Отъ того каждый видитъ только грѣхи чужіе. Въ сатиры Персея, на котораго ссылается Иеронимъ, повторяется таже мысль.

²⁾ Виргилія Энеида кн. 5. Едва держащійся на ногахъ, старикъ Ентеллій строго наказываетъ юношу Дареса, дерзко вызвавшего его на единоборство.

³⁾ Подъ этимъ именемъ Иеронимъ, ясно, разумѣетъ Руффина, обнаружившаго около этого времени свою апологію противъ Иеронима. Почему такъ называетъ его Иеронимъ, см. примѣч. на письмо 65.

то, что я сильно порицалъ бы въ другомъ. Общій братъ нашъ смиренно привѣтствуетъ тебя.

84. Письмо къ Августину.

Господину поистинѣ святому, и блаженнѣйшему папѣ Августину Иеронимъ во Христѣ желаетъ здравія.

Въ прошломъ году, отвѣчая съ поспѣшностію на привѣтствіе, я послалъ чести твоей письмо черезъ брата нашего Астерія иподіакона, которое, думаю, доставлено тебѣ. Теперь же черезъ святаго брата моего Президія діакона прошу тебя прежде всего вспомнить обо мнѣ, потомъ—принять въ свое благорасположеніе подателя письма,—считать его за самаго роднаго мнѣ, помочь ему, въ чемъ ни окажется нужда, и дать ему пропитаніе. Не потому прошу объ этомъ, чтобы онъ, при помощи Христовой, имѣлъ въ чемъ либо нужду; но потому, что онъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ жаждетъ общенія имуществъ ¹⁾ и соединеніе ихъ сочтетъ величайшимъ для себя одолженіемъ. А зачѣмъ онъ отплылъ на западъ, можешь узнать изъ его собственнаго разказа.

Мы, хотя и заключились въ монастырѣ, зыблемся то оттуда, то отсюда набѣгающими волнами, и терпимъ непріятности путешествія. Вѣримъ только въ Того, Кто сказалъ: *держайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33),—вѣримъ, что при Его помощи и подѣ Его водительствомъ одержимъ побѣду надъ врагомъ діаволомъ. Прошу тебя привѣтствовать отъ моего имени святаго и досточимаго брата нашего, папу

¹⁾ Въ одной изъ своихъ рѣчей Августинъ говоритъ, что между нимъ и клириками его установлено полное общеніе имуществъ. Обѣтъ общенія этого былъ такъ строгъ, что тотъ, у кого случайно открылось бы что-либо лично ему принадлежащее, исключался изъ списка клириковъ (Serm. de diversis sive de communi vita clericorum). Въ такое обшежитіе, конечно, и просилъ Иеронимъ принять Президія.

Алипія. Святые братья, трудящіяся вмѣстѣ съ нами въ монастырѣ въ служеніи Господу, отъ всего сердца привѣтствуютъ тебя. Всемогущій Господь нашъ Іисусъ Христосъ да сохранитъ тебя, господинъ истинно святой, и достойный удивленія папа, невредимымъ и помнящимъ меня.

85. Письмо къ Августину ¹⁾).

Господину истинно святому и блаженнѣйшему папѣ Августину Іеронимъ желаетъ о Господѣ здравія.

¹⁾ Писано, между прочимъ, въ отвѣтъ на слѣдующее письмо Августина. „Достопочтеннѣйшему господину и вождельннѣйшему святому брату и сопресвитеру Іерониму Августинъ о Господѣ желаетъ здравія.

„Съ тѣхъ поръ, какъ началъ я писать къ тебѣ и ждать твоихъ писемъ, никогда не представлялось мнѣ лучшаго случая, какъ теперь, когда письмо мое будетъ передано тебѣ такимъ рабомъ и вѣрнѣйшимъ служителемъ Божиимъ, и мнѣ любезнѣйшимъ, каковъ сынъ нашъ Кипріанъ діаконъ. Черезъ него я съ такою увѣренностію жду твоего письма, что съ большею не могу ожидать ничего въ этомъ родѣ. Ибо у нашего упомянутого сына не будетъ недостатка ни въ усердіи просить отвѣта, ни въ умѣнии расположить къ исполненію просьбы, ни въ заботливости сохранить отвѣтъ, ни въ скорости доставки его, ни въ вѣрности врученія. Лишь бы помочь (если я только заслужилъ это чѣмъ нибудь) Господь и призрѣлъ на расположеніе твоего сердца и на мое желаніе, чтобы братской волѣ не воспрепятствовала никакая болѣе сильная воля.

„Я послалъ уже тебѣ два письма; но отъ тебя, послѣ того, не получалъ ничего и потому рѣшился послать эти же самыя письма, въ увѣренности, что они не доходили до тебя. Но если мои дошли, а только твои почему нибудь не могли дойти до меня, то тѣже самыя письма, которыя ты посылалъ, пошли еще разъ если только они могли какъ нибудь сохраниться. Если же—вѣтъ, продиктуй снова, чтобы я могъ прочитать ихъ, пока не потрудишься отвѣтить на это: потому что я жду уже слишкомъ долго. Первое письмо, которое я, еще будучи пресвитеромъ, приготовилъ было для отправленія къ тебѣ черезъ вѣктора брата нашего Профутура, сдѣлавшагося послѣ сотоварищемъ нашимъ и уже отошедшаго изъ этой жизни, потому не могло быть доставлено тебѣ, что онъ, въ то самое время, какъ располагалъ отправиться, былъ задержанъ бременемъ епископства, а скоро затѣмъ и умеръ; это же первое письмо я рѣшился послать и теперь, чтобы ты зналъ, до какой степени я, какъ и прежде, горю желаніемъ говорить съ тобою и какую терплю наготу, что такъ долго удалены отъ меня твои тѣлесныя чувства, посредствомъ которыхъ душа моя могла бы

Часто шлешь ты ко мнѣ письма и постоянно побуждаешь отвѣчать на извѣстное твое письмо, экземпляры котораго, безъ твоей подписи, доставлены мнѣ, какъ я уже писалъ тебѣ, братомъ Сисиніемъ діакономъ. Ты говоришь, что

приблизиться къ душѣ твоей, братъ мой любезнѣйшій и членъ по Господѣ достопочтенный.

„Въ настоящемъ же письмѣ считаю нужнымъ присовокупить слѣдующее: мы узнали уже въ послѣдствіи, что ты перевелъ Іова съ еврейскаго, хотя мы имѣли уже одинъ переводъ твой этого же пророка, сдѣланный съ греческаго языка на латинскій. Въ этомъ прѣждемъ переводѣ ты обозначилъ звѣздочками тѣ мѣста, которыя есгь въ еврейскомъ, но которыхъ нѣтъ въ греческомъ, и черточками такія, которыя находятся въ греческомъ, но не встрѣчаются въ еврейскомъ. Сдѣлано это съ такою удивительною тщательностію, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ каждымъ отдѣльнымъ словомъ встрѣчаемъ особеиную звѣздочку, показывающую, что слово это есть въ еврейскомъ, но въ греческомъ не встрѣчается. Между тѣмъ въ этомъ послѣднемъ переводѣ, сдѣланномъ съ еврейскаго, подобной точности въ сличеніи словъ не встрѣчается. Приходишь въ небольшое замѣшательство, когда подумаешь, отъ чего въ томъ первомъ переводѣ звѣздочки поставлены съ такою тщательностію, что обозначаютъ даже малѣйшія частички рѣчи, не находящіяся въ спискахъ греческихъ и встрѣчаемыя въ еврейскихъ, а въ этомъ другомъ, сдѣланномъ съ еврейскаго, сдѣлано это съ меньшею старательностію въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣже частички не встрѣчались на своихъ мѣстахъ? Хотѣлъ я принести чтонибудь оттуда для примѣра, но на этотъ разъ нѣтъ у меня кодекса, переведеннаго съ еврейскаго. Впрочемъ, такъ какъ ты опережаешь меня полетомъ своей мысли, то не только сказанное мною, но и то, что я хотѣлъ бы сказать, понимаешь конечно достаточно для того, чтобы вразумить меня на счетъ побудившей тебя къ тому причины.

„Я бы весьма желалъ, чтобы ты переводилъ намъ лучше греческія каноническія писанія, которыя авторизованы семьдесятью толковниками. Въ такомъ случаѣ дѣло поставлено было бы несравненно тверже, когда бы переводъ твой началъ читаться во многихъ церквахъ и оказалось бы разногласіе между церквами латинскими и греческими,—потому что въ этомъ случаѣ спорщика легко было бы убѣдить, представивъ книгу греческую, т. е. на языкѣ извѣстнѣйшемъ. Если же кто либо возмутится чѣмъ набудь необычайнымъ въ переводѣ, сдѣланномъ съ еврейскаго, и станетъ обвинять въ подложности: то или съ большимъ трудомъ, или и вовсе нельзя будетъ прибѣгнуть къ свидѣтельству еврейскаго подлинника, которымъ бы можно было защитить предметъ спора. Пусть бы этого и достигли, все же—кто позволилъ бы себѣ осудить столько авторитетовъ латинскихъ и греческихъ? Прибавь къ этому, что и евреи, если обратятся къ нимъ за подтвержденіемъ, могутъ отвѣтить иначе: такъ что и для

посылалъ его черезъ брата Профутура, а потомъ черезъ кого-то другаго; но Профутуръ былъ возвращенъ съ дороги. поставленъ епископомъ, и скоро затѣмъ скончался; а тотъ, о чемъ имени ты умалчиваешь, испугался опасностей моря, и отложилъ намѣреніе плавать. Если это было такъ, то я

опроверженія, пожалуй, необходимость въ тебѣ же, на этотъ разъ—единственнымъ. Но было бы удивительно, если бы ты нашелъ, при этомъ, судью для своего съ ними спора.

„Такъ, одинъ братъ нашъ епископъ, установившій читать въ подвѣдомой ему церкви твоей переводъ, затронулъ нѣкоторое мѣсто изъ Іоны пророка, изложенное тобою далеко иначе, чѣмъ какъ оно застарѣло въ ухахъ и памяти всѣхъ и повторялось послѣдовательно столько вѣковъ. Въ народѣ произошло такое смятеніе (особенно въ слѣдствіе обличенія со стороны грековъ и распространенной ими клеветы, будто это обманъ), что епископъ—вынужденъ былъ (потому что имѣлъ дѣло съ гражданами) обратиться къ свидѣтельству іудеевъ. Но по невѣжеству ли, или по недоброжелательству они отвѣчали, что въ еврейскихъ кодексахъ содержится тоже самое, что и въ латинскихъ и греческихъ. И чтоже? Вынужденъ былъ человѣкъ исправлять это, какъ будто ошибку, не желая, избѣжавъ великой опасности, остаться безъ народа. Отсюда мы увидѣли, что и ты можешь иногда въ нѣкоторыхъ вещахъ обманываться. Пойми же, каково это будетъ по отношенію къ тѣмъ мѣстамъ перевода, которыя нельзя будетъ оправдать сопоставленіемъ свидѣтельствъ на употребительныхъ языкахъ.

„Поэтому мы немало благодаримъ Бога за ту старательность, съ какою перевелъ ты евангеліе съ греческаго, потому что, когда сличали его съ греческимъ писаніемъ, почти нигдѣ не встрѣчали никакого разногласія. Отъ того, если бы какой нибудь любитель споровъ сталъ говорить въ пользу древняго ошибочнаго перевода,—показавъ и сличивъ кодексы, его весьма легко было бы или вразумить, или опровергнуть. Да если бы что-нибудь, изрѣдка, и дѣйствительно могло привести въ смущеніе,—кто будетъ такъ жестокъ, что не извинитъ этого съ охотою труда до такой степени полезному, что восхвалитъ его достойно нѣтъ возможности? Желалъ бы я также, чтобы ты удостоилъ высказать свое мнѣніе, почему во многихъ мѣстахъ иначе говорится въ достовѣрнѣйшихъ еврейскихъ кодексахъ, и иначе въ достовѣрнѣйшемъ греческомъ, называемомъ—семидесяти? Ибо не малый вѣсъ имѣетъ тотъ переводъ, который умѣлъ пріобрѣсти такую славу; а что имъ пользовались апостолы, это не только показываетъ самое дѣло, но, поиню, засвидѣтельствовано и тобою. И потому ты принесешь еще большую пользу, если греческое писаніе, переданное семьюдесятью, возстановишь въ латинскомъ переводѣ, который въ различныхъ кодексахъ до того разнообразится, что едва можетъ быть терпимъ, и до такой степени подозрителенъ, что привести изъ него что-либо или обосноваться на немъ не рѣшаешься, изъ опасенія, чтобы въ греческомъ не оказалось иное. Я

не могу довольно надивиться, какимъ образомъ то самое письмо имѣется, говорятъ, у многихъ и въ Римѣ, и въ Италиі, а не дошло только до меня, которому именно оно послано;—особенно, когда братъ нашъ Сисиній говорилъ, что нашель это письмо почти за пять лѣтъ предъ этимъ, между другими твоими трактатами, не въ Аѳрикѣ, не у тебя, а на одномъ изъ адриатическихкихъ острововъ.

Отъ дружбы должна быть устранена всякая подозрительность, и говорить съ другомъ должно такъ, какъ-бы съ другимъ собою. Нѣкоторые близкіе мнѣ люди и сосуды Христовы, которыми преизобилуетъ Іерусалимъ и святыя мѣста, внушали мнѣ, что ты сдѣлалъ это не спроста, но добиваясь похвалы, молвы и славишки у людей,—сдѣлалъ, чтобы на нашъ счетъ возвыситься, чтобы многіе пришли къ мысли, будто ты вызываешь насъ на споръ, а мы боимся принять его, что ты пишешь какъ ученый, а я молчу какъ невѣжда, и что наконецъ-то открыли человѣка, который заставилъ молчать и ограничилъ мое пустословіе. А я, признаюсь твоей чести, сперва не хотѣлъ отвѣчать потому, что не вполнѣ вѣрилъ, чтобы письмо было твое, чтобы ты, какъ говорится въ народной поговоркѣ о нѣкоторыхъ, намазалъ медомъ мечъ. Затѣмъ я опасался показаться дерзко отвѣчающимъ епископу, съ которымъ нахожусь въ общеніи, и порицать что-либо въ письмѣ порицающаго,—особенно, когда находилъ въ немъ нѣчто еретическимъ.

Наконецъ, развѣ ты не въ правѣ былъ бы жаловаться и сказать мнѣ: „пзъ-за чего это? Развѣ ты видѣлъ мое письмо и узналъ въ подписи почеркъ знакомой тебѣ руки, что такъ безцеремонно оскорбляешь друга и за чужое без-

думалъ, что письмо это будетъ коротко; но не знаю самъ, какимъ образомъ мнѣ стало такъ пріятно распространиться, какъ-бы говорилъ съ тобою лично. Но умоляю тебя именемъ Господа не потяготиться отвѣчать мнѣ на все, и замѣнить мнѣ этнмъ, насколько можешь, свое присутствіе.

дѣльничество ругаешь меня? ' И такъ, какъ писалъ я и прежде, или пришли то письмо, подписавъ его собственноручно. или перестань обижать старика, скрывающагося въ кельѣ. Если же хочешь или упражнять, или выказать свою ученость,—ищи молодыхъ и краснорѣчивыхъ, и знаменитыхъ, которыхъ, говорятъ, очень много въ Римѣ; они будутъ и въ силахъ, и отважатся вступить съ тобою въ состязаніе, и раздѣлять съ епископомъ труды въ разъясненіи Писаній. А мнѣ, когда-то воину, теперь инвалиду, должно только хвалить побѣды твои и другихъ, а не самому, съ изможденнымъ тѣломъ, вступить снова въ борьбу; и чтобы ты не вынуждалъ меня часто отвѣчать на твои письма, напомню тебѣ извѣстную исторію о К. Максимѣ, низложившемъ своимъ терпѣніемъ юношески тщеславнаго Ганнибала.

Все уноситъ время, и самую душу...

Помню я долгіе дѣтскіе дни, проводимые

Въ пѣсняхъ. Много стиховъ позабылъ я теперь.

И самый голосъ потерявъ Мерисомъ (Вир. Екл. 9).

Но скажу тебѣ лучше отъ писаній: извѣстный Верзелій галаадитинъ, предоставляя юношѣ сыну царскія благадѣнія Давида и всѣ удовольствія (2 Цар. 19, 32—38), показалъ тѣмъ самимъ, что старость не должна ни искать этого, ни принимать, если предложено.

Что же касается твоей клятвы, что ты не писалъ противъ меня книги и не посылалъ въ Римъ, потому самому, что не писалъ; если же въ твоихъ сочиненіяхъ и можетъ что либо найтись такое, что не согласно съ моимъ образомъ мыслей, то этимъ ты не оскорблялъ меня, а писалъ такъ, какъ казалось тебѣ справедливымъ,—прошу тебя терпѣливо выслушать меня. Пусть ты не писалъ книги; какимъ же образомъ сочиненія, писанныя другими, представлены мнѣ, какъ писанныя тобою въ мою укоризну? Зачѣмъ появилось въ

Италіи то, чего ты не писалъ? По какому побужденію требуешь, чтобы я отвѣчалъ на письмо, а отказываешься, что не писалъ его? Я не такъ тупъ, чтобы считать себя оскорбленнымъ тобою, если ты думаешь иначе, чѣмъ я. Но если только что—сказанное мною порицаешь, если требуешь отчета въ сочиненіяхъ и, что написалъ я—побуждаешь исправить, вызываешь на *καλύψαι* и глаза мнѣ вставляешь,—этимъ оскорбляется дружба, этимъ нарушаются права сердечной привязанности. Не покажемъ передъ другими, что мы споримъ по-ребячески, и не дадимъ предмета для обоюднаго спора какъ доброжелателямъ нашимъ, такъ и поносителямъ; пишу это тебѣ потому, что хочу любить тебя отъ чистаго сердца и по-христіански, и не хочу держать на душѣ своей того, чего не бываетъ на устахъ. Не къ лицу мнѣ, отъ юности до настоящаго возраста трудящемуся въ потѣ лица вмѣстѣ съ святыми братіями въ монастырѣ, дерзко писать что-либо противъ епископа, съ которымъ я въ общеніи, и притомъ, того епископа, котораго я сталъ любить прежде, чѣмъ узналъ, который первый предложилъ мнѣ дружбу,—кто порадовалъ меня, выступая въ слѣдъ за мною на изученіе божественныхъ Писаній. Итакъ, или скажи, что книга не твоя, если она дѣйствительно не твоя, и перестань требовать отвѣта на то, чего ты не писалъ; или, если книга твоя, соизнайся откровенно: въ такомъ случаѣ, если я напишу что-либо въ свою защиту, будешь виноватъ ты, который вызвалъ, а не я, который вынужденъ былъ отвѣчать.

Ты присовокупляешь, кромѣ того, что если въ твоихъ сочиненіяхъ мнѣ что-либо бросилось въ глаза и я захотѣлъ бы это исправить, то примешь по-братски, и не только посмотришь на это, какъ на доказательство моего благоволенія къ тебѣ, но и будешь умолять, чтобы я непременно это сдѣлалъ. Скажу еще разъ, что думаю: вызываешь ты на бой

старика, заставляешь говорить молчащаго, высказываешь тщеславіе ученостію. Не въ мои лѣта выставлать себя зложелателемъ тому, кому я болѣе всего долженъ быть доброжелательнымъ. Если и въ евангеліяхъ и въ пророкахъ люди съ превратнымъ умомъ находятъ такое, что стараются порицать: неужели удивился бы ты, если бы въ твоихъ книгахъ, а особенно въ истолкованіи писаній оказалось что-либо или весьма темнымъ, или уклоняющимся отъ истины? Говорю это не потому, чтобы я дѣйствительно думалъ, что въ твоихъ сочиненіяхъ есть нѣчто достойное порицанія: я никогда и не трудился читать ихъ, да и экземпляровъ ихъ у насъ не такъ много, исключая книгъ твоихъ „Самособесѣдованій“ и нѣкоторыхъ толкованій на псалмы,—толкованій, которыя, если бы я захотѣлъ разобрать ихъ, могли бы оказаться не согласными—не говорю со мною, который—ничто, но—съ толкованіями древнихъ грековъ. Прощай, мой дорогой другъ, по лѣтамъ—сынъ, по сану—отецъ, и позаботься, прошу тебя, вотъ о чемъ: когда будешь мнѣ писать чтонибудь, дѣлай такъ, чтобы оно прежде всего доходило до меня.

86. Письмо къ Сунніи и Фретелѣ.

Возлюбленнѣйшимъ братіямъ Сунніи и Фретелѣ и всѣмъ, вмѣстѣ съ вами служащимъ Господу Іеронимъ.

Истинно на васъ исполнилось слово апостольское и пророческое: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Рим. 10, 18; Пс. 18, 5). Кто повѣрилъ бы, что варварскій языкъ готовъ хочеть выражать еврейскую истину и въ ту пору, какъ греки нерадятъ о ней, даже оспариваютъ ее ¹⁾),—самая Германія прилежно изучаетъ изрѣченія Св. Духа? *Поистиннѣ разумѣваю, яко не на лица зрѣтъ Богъ; но*

¹⁾ По другимъ спискамъ вмѣсто *оспариваютъ*—*презираютъ*.

во всякомъ языкѣ бойся Ею и дѣлай правду, приятель есть Ему (Дѣян. 10, 34. 35). Рука, нѣкогда покрытая мозолями отъ того, что держала постоянно мечъ и палицы, приученная только къ бросанію стрѣль, смягчилась до трости и пера; и воинственныя сердца усвоили кротость христіанскую. Нынѣ мы видимъ исполнившимся на дѣлѣ и пророчество Исаи: *и раскуютъ мечи своя на орала, и копія своя на серпы: и не возьметъ языкъ на языкъ меча и не навикнутъ къ тому ратоватися* (Ис. 2, 4). И еще у него же: *пастися будутъ вкупу волкъ со агнцемъ, и рысь почиетъ съ козлицемъ, и телець и юнецъ и левъ вкупу пастися будутъ, и отроча мало поведетъ я: и волъ и медвѣдь вкупу пастися будутъ, и вкупу дѣти ихъ будутъ, и левъ и волъ ясти будутъ плевы* (Ис. 11. 6. 7); такъ что не простосердечіе обратится въ свирѣпость, но свирѣпость научится простосердечію

Вы спрашиваете меня о предметѣ, требующемъ труда кропотливаго и устраняющемъ всякую зависть, — о такомъ, въ которомъ можетъ высказаться только ученость, а не дарованія имущаго. Въ тѣхъ случаяхъ, когда я желаю судить о другихъ, я долженъ отдавать и себя на судъ всѣхъ; а въ разсмотрѣніи псалтири я долженъ буду только, слѣдуя указанію вашего письма, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ни существуетъ споръ между греками и латинами, указать, что болѣе согласно съ еврейскимъ. Приступая къ дѣлу, коротко напомню вамъ: имѣйте въ виду, что иное изданіе, которое Оригенъ, Евсевій кесарійскій и всѣ толкователи греческіе называютъ *κοινῆ*, т. е. *общимъ* и *вульгатою*, а въ настоящее время извѣстно у многихъ подъ именемъ *Λοβιανός*, — а иное семидесяти толковниковъ, которое находится въ кодексахъ *ἑξάπλοῦς*, съ точностію переведено нами на латинскій языкъ и поется въ Іерусалимѣ и въ церквахъ восточныхъ. О томъ же, какъ и вы, предметъ спрашивалъ меня не разъ и свя-

той сынъ мой Авить. Такъ какъ въ лицѣ брата нашего Фирма пресвитера, вручившаго мнѣ ваше письмо, представился благопріятный случай, то, пиша вамъ и ему, я и дамъ общій отвѣтъ и уплачу дружбѣ значительные проценты,— такъ какъ они бывають тѣмъ больше, чѣмъ больше мы уплачиваемъ долговъ. Какъ по отношенію къ новому завѣту, если возникнетъ когда-нибудь споръ между латинами и окажется разность въ экземплярахъ, мы обращаемся къ источникамъ на греческомъ языкѣ, на которомъ написанъ онъ (новый завѣтъ): такъ по отношенію къ ветхому завѣту, если когда-нибудь окажется разногласіе между греками и латинами, мы прибѣгаемъ къ еврейскому подлиннику, чтобы открыть въ греческихъ то, что вытекаетъ изъ источника. Вышесказанное *κοινὴ*, т. е. *общее* издание, есть тоже самое, что и—семидесяти. Но между обоими то различіе, что издание *κοινὴ*, въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, по произволу писцовъ, издавна испорчено; а то, которое находится въ *Ἐξαρτῶς* и которое мы перевели, представляетъ собою переводъ семидесяти толковниковъ въ такомъ неповрежденномъ и чистомъ видѣ, въ какомъ сохраняется онъ въ книгахъ мужей ученыхъ. Итакъ, что не согласно съ этимъ послѣднимъ, то, безъ сомнѣнія, не согласно и съ еврейскимъ подлинникомъ.

Первый вопросъ былъ по поводу псалма пятого: и не будетъ обитать съ тобою лукавый (Пс. 5, 6). По гречески вмѣсто этого читается: *ἄτε παροικῆσαι σοι ποιητὴς* (*не приселится къ тебѣ лукавый или*) *ποιητρονόμενος* (*лукавнуяй*), какъ содержится въ вульгатѣ. Вы удивляетесь, почему латинскій переводчикъ не перевелъ *παροικίαν*, т. е. *присельничество* (*incolatum*), но поставилъ вмѣсто него *обитаніе* (*habitationem*), которому соотвѣтствуетъ греческое *κατοικία*. Въ другомъ мѣстѣ онъ нашель нужнымъ сдѣлать это: *ὄψις μιν, ἡκοι προσελήσθη* (*incolatum*) *мое продолжися* (Пс. 119, 5). А въ четыр-

надцатомъ псалмѣ опять вмѣсто *присельничество* (incolatum) поставилъ *обитаніе*: *Господи, кто обитаетъ* (habitabit) *въ жилищи твоемъ* (Пс 14, 1). Но нужно знать, что если бы мы захотѣли сказать: *Господи, кто приселится въ жилище твое* (Domine quis incolet tabernaculum tuum), или указанное мѣсто изъ пятого псалма: *и не приселится къ тебѣ лукавый* (neque incolet juxta te malignus), — рѣчь потеряла бы *εὐφωμίαν* (благозвучіе): соблюдая въ переводѣ *κακοζήλιαν* (рабское подражаніе), мы лишаемъ переложеніе всякой красоты. Таково уже правило хорошаго перевода—*ιδίωματα* чужаго языка выражать свойствами своего языка. Мы знаемъ хорошо, что такъ дѣлалъ и Туллій въ переводѣ Протагора Платонова въ *Ἰσχυομικῶ* Ксенофонта и въ рѣчи Демосеена противъ Эхина, и Плавтъ. Теренцій и Целилій, мужи ученѣйшіе, въ переводахъ греческихъ комедій. Но да не подумаетъ кто вѣдучь, на основаніи этого, будто латинскій языкъ очень бѣденъ, если не можетъ переводить отъ слова до слова: и греки переводятъ околично очень многое наше и слова еврейскія стараются переложить не съ буквальною точностію, а сообразно свойствамъ своего языка.

Изъ того же псалма: *исправи* предо мною *путь* твой (Пс. 5. 9). Въ греческомъ стоитъ вмѣсто этого: *κατὰδουοὺ ἐνώπιου σου τῆς ὁδοῦ μου*, т. е. *исправи предъ тобою путь мой*. Такъ не читается это мѣсто ни у семидесяти, ни у Аввилы, ни у Симмаха и Оеодотіона, а только въ изданіи *κοινή*. Наконецъ и въ еврейскомъ я нашелъ это мѣсто изложеннымъ такъ: *oseg laphanai darchach*; что всѣ переводили одинаково: *исправи предо мною путь твой*. Подобно тому, какъ въ молитвѣ Господней говорится—*Отче нашъ, иже еси на небесахъ, да святится имя твое* не потому, чтобы по молитвѣ нашей освятилось то, что свято само по себѣ, но чтобы мы просили, да святое по самой природѣ своей, святится оно и

въ насъ: и здѣсь пророкъ просить, чтобы путь Господень, который самъ по себѣ правый, исправился и для него.

Изъ шестаго псалма: *да постыдятся и смятутся сильно вси врази мои* (Пс. 6, 11). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ *сильно*. Но его нѣтъ въ вульгатѣ; а въ еврейскомъ есть *mod*, т. е. *сильно*; и всѣ переводили это слово одинаково—*сφόдра*.

Изъ седьмаго псалма: *суди ми, Господи, по правдѣ моей* (Пс. 7, 9). Въ греческомъ стоитъ вмѣсто этого *κατὰ τὴν δικαιοσύνην σου*, т. е. *по правдѣ твоей*. Но это не вѣрно: потому что въ еврейскомъ стоитъ *sedeci*, что переводится—*правда моя*, а не *sedecach*, что значило бы—*правда твоя*. Да и всѣ переводчики перевели одинаково: *по правдѣ моей*. Да не покажется кому нибудь дерзкимъ, что (пророкъ) требуетъ судить его по его правдѣ; ибо тоже самое означаетъ и слѣдующій стихокъ: *и по незлобѣ моей на мя*. Да и шестнадцатый псаломъ начинается такъ: *услыши, Господи, правду мою* (Пс. 16, 1). И въ семнадцатомъ псалмѣ говорится также: *и воздастъ ми Господь по правдѣ моей, и по чистотѣ руку мою* воздастъ мнѣ (Пс. 17, 25). Въ двадцать пятомъ псалмѣ также пишется: *искуси мя, Господи, и испытай мя, разжжи утробы моя и сердце мое* (Пс. 25, 2). Въ четвертомъ говорится: *всегда призвати ми, услыша мя Богъ правды моя* (Пс. 4, 1). Въ восемьдесятъ пятомъ: *сохрани душу мою, яко преподобенъ есмь* (Пс. 85, 2). Иаковъ говоритъ также въ книгѣ Бытія: *и послушаетъ мене правда моя во утробный день* (Быт. 30, 33).

Изъ восьмаго псалма: *яко узрю небеса твои* (Пс. 8, 4). Вы говорите, что слова—*твои* нѣтъ въ греческомъ. Это правда; но въ еврейскомъ читается *samacha*, что значитъ въ переводѣ—*небеса твои*, и къ семидесяти толковникамъ прибавлено это слово изъ Θεοδοτιόηова изданія подъ звѣздочкою.

Смыслъ этого я объясню вамъ въ немногихъ словахъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ греческомъ недостаетъ чего либо сравнительно съ еврейскимъ подлинникомъ. Оригенъ добавилъ недостающее изъ перевода Θεοδοтіонова, и поставилъ надъ нимъ знакъ въ видѣ звѣздочки, т. е. звѣзду, которая освѣтила бы и выяснила то, что прежде казалось темнымъ; а гдѣ въ греческихъ кодексахъ встрѣчается такое, чего нѣтъ въ еврейскомъ, тамъ поставилъ обелонъ (obelon), т. е. грозящій прутикъ, который мы можемъ назвать по латыни—*veru*—¹⁾, чѣмъ показывается, что нужно уничтожить и выбросить совершенно то, чего въ подлинныхъ книгахъ не находится. Такіе знаки встрѣчаются какъ въ греческихъ, такъ и въ латинскихъ поэмахъ.

Въ шестнадцатомъ псалмѣ: *очи твои да видѣта правоты* (Пс. 16, 2). Вы сказали, что въ греческомъ прочитали вмѣсто этого: *οἱ οφθαλμοί μου*, т. е. *очи мои*: но *очи твои* правильнѣе, потому что и выше пророкъ сказалъ: *отъ лица твоего судьба моя изыдетъ* (Пс. 16, 2), и очи Господни въ пророкѣ, творящемъ правая, взираютъ не на злое, но на правое. Въ томъ же псалмѣ: *сохрани мя яко зѣницу ока* (тамъ же ст. 8).—Вы говорите, что въ греческомъ читается: *сохрани мя, Господи*.—Этого нѣтъ ни въ еврейскомъ, ни у кого либо изъ переводчиковъ. Тамъ же: *воскресни, Господи, предвари его и загни ему* (ст. 13). Въ греческомъ вмѣсто этого стоитъ: *πρόφθαση αὐτοῦς*, т. е. *предвари ихъ и загни имъ*; но лучше, если читается въ единственномъ числѣ, потому что сказано о нечестивомъ, о которомъ непосредственно продолжается—*и загни ему: избави душу мою отъ нечестиваго*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это относится къ діаволу.

Въ семнадцатомъ псалмѣ: *градъ и уліе огненное* (Пс. 17, 13). Спрашивается, почему греческій текстъ не повторяетъ

¹⁾ *Veru*—*дротикъ, копьѣ*; примѣняется и къ знаку, поставляемому критиками для обозначенія вкрадшагося мѣста.

этотъ стихокъ черезъ два слѣдующіе стиха ¹⁾. Но должно знать, что къ семидесяти толковникамъ стихокъ этотъ (въ другой разъ) присоединенъ подъ звѣздочкою изъ еврейскаго и Θεοδοтіонова изданія. Въ томъ же псалмѣ: *совершаяя нозъ мою яко еленей* (ст. 34). Вы пишете, что въ греческомъ вмѣсто этого находится: *ὡς ἐλῆφρου*, т. е. *яко еленя*,—единственное число вмѣсто множественнаго. Но въ еврейскомъ поставлено множественное число *chajaloth*, и всѣ переводчики перевели во множественномъ числѣ. Тамъ же: *и далъ ми еси защищеніе спасенія твоего* (ст. 36) Вы говорите, что читали вмѣсто этого на греческомъ: *τῆς σωτηρίας μου*, т. е. *спасенія моего*. Но въ еврейскомъ *jesacha* значить *спасенія твоего*, а не *моего*; такъ перевели и всѣ переводчики. Въ томъ же псалмѣ: *спялз вси востающія на мя подъ мя* (ст. 40). Вы говорите, что въ греческомъ вмѣсто этого нашли больше: *вся востающія*; но *вся* прибавлено. Тамъ же: *живъ Господь, и благословенъ Богъ мой* (ст. 47) Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ *мой*. Это стоитъ не подъ звѣздочкой, но переведено съ еврейскаго подлинника самими Семьюдесятью; и въ этомъ разѣ согласны всѣ переводчики. Въ томъ же псалмѣ: *избавитель мой отъ народовъ иныливыхъ* (ст. 49). Говорите, что въ греческомъ нашли: *отъ врагъ моихъ сильныхъ* или *могущественныхъ*. Посвятивъ себя разъ навсегда истинѣ, мы должны чистосердечно признавать и исправлять то, что искажено или по торопливости переводчика, или по ошибкѣ переписчика. Въ еврейскомъ есть только: *избавитель мой отъ врагъ моихъ*. Семьдесятъ же прибавили *иныливыхъ*. А вмѣсто *народовъ*, какъ въ еврейскомъ, такъ и у всѣхъ переводчиковъ поставлены *враги*; и я удивляюсь, какимъ образомъ *враги* замѣнены *народами*.

¹⁾ Конецъ тринадцатаго и четырнадцатый стихъ въ древнихъ латинскихъ кодексахъ читался такъ:

.. Grando, et carbones ignis.
Et intonuit de coelis Dominus,
Et altissimus debuit vocem suam,
Grando, et carbones ignis.

Въ восемнадцатомъ псалмѣ: *возрадуется ако исполниъ теши путь свой* (Пс. 18, 6). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ *свой*; но мы находимъ, что это слово прибавлено подъ черточками (sub veru),—знакъ, что его въ еврейскомъ нѣтъ.

Въ девятнадцатомъ: *дасть ти по сердцу твоему* (Пс. 19, 5). Вы говорите, что въ греческомъ нашли прибавленнымъ къ этому стишку имя Господа. Но оно здѣсь излишнее, потому что подразумѣвается само собою, послѣ предыдущихъ словъ: ἐπαύξει εἰς Κύριος, которыми псаломъ и начинается. Въ какомъ смыслѣ говорится тамъ: *услышитъ тя Господь въ день печали* (ст. 1), въ такомъ же и здѣсь: *дасть ти по сердцу твоему*, т. е. дасть тотъ же Господь, о которомъ выше сказано. Въ томъ же псалмѣ: *и услыши ны въ день, который призовемъ Тя* (ст. 10). Вы говорите, что читали вмѣсто этого: *въ онъже аще день* (въ какой день ни...); но первое согласно съ еврейскимъ подлинникомъ, гдѣ стоитъ *biom*, т. е. *въ день*.

Въ двадцать первомъ: *Гы же, Господи, не удали помощь твою отъ мене* (Пс. 21, 20). Вы говорите, что нашли *мою*; это согласно съ истиною, и такъ слѣдуетъ исправить. Ибо мы думаемъ, что нельзя долго безразсуднымъ споромъ защищать то, что измѣнено по ошибкѣ писцовъ. Въ томъ же псалмѣ: *все стѣмя Иаковле* возвеличьте *Ею* (ст. 24). Вмѣсто этого въ греческомъ написано: *δοξάσατε αὐτῷ*, т. е. *прославите Ею*. Но нужно знать, что всюду, гдѣ по-гречески написано *прославитсѣ*, латинскій переводчикъ переводилъ *возвеличите* (magnificate). Такъ дѣлалъ онъ, сообразуясь со сказаннымъ въ книгѣ Исходъ: *поимъ Господеву, славно бо возвеличися* (Исх. 15, 1). —По-гречески вмѣсто этого стоитъ *прославися*; но если такъ переводится по-латыни, переводъ оказывается негоднымъ. И мы, занимаясь нѣкогда исправленіемъ Псалтыри, всюду, гдѣ смыслъ тождественъ, не рѣшались измѣнять перевода древнихъ, чтобы излишнюю новизною не пугать усерднаго читателя.

Въ двадцать второмъ псалмѣ: *чаша моя уповающи яко держава* (Пс. 22, 5). Вы говорите, что въ греческомъ читали вмѣсто этого—*чаша твоя*; но это появилось въ Коинѣ въ слѣдствіе ошибки. Да и у Семидесяти, и въ еврейскомъ подлинникѣ, и у всѣхъ переводчиковъ читается *чаша моя*, что по-еврейски говорится *chosi*; въ противномъ случаѣ, если бы было *чаша твоя*, говорилось бы *chosach*.

Въ двадцать четвертомъ: *да постыдятся всѣ беззаконующіи* (Пс. 24, 3). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ *всѣ*, и хорошо, если нѣтъ, потому, что нѣтъ его и въ еврейскомъ, а у Семидесяти добавлено подъ черточкою. Тамъ же: *незлובивіи и правіи прильпяхуся мнѣ, яко потерпѣхъ Тя* (ст. 21). Вы говорите, что въ греческомъ нашли *Господи*; это—лишнее.

Въ двадцать шестомъ: *и нынѣ се вознесу главу мою* (Пс. 26, 6). Но *се*—лишнее. Въ томъ же псалмѣ: *взыска лице мое* (ст. 8). Въ греческомъ стоитъ вмѣсто этого: *взыска Тебе лице мое*. Но выше приведенное чтеніе лучше.

Въ двадцать седьмомъ: *Услыши гласъ моленія моего* (Пс. 27, 2). Вы говорите, что нашли—*услыши, Господи*; но и это—добавленіе.

Въ двадцать восьмомъ: *и въ храмъ его всякій глаголетъ славу* (Пс. 28, 9). Вмѣсто этого въ греческомъ стоитъ *πᾶς τις*. Если бы мы захотѣли перевести это буквально—*всякій кто*, впали бы въ *κακοζήλιαν*, и переведъ вышелъ бы недѣльнымъ. Въ томъ же псалмѣ: *Господь потопъ населяетъ* (ст. 10). Вы говорите, что читали вмѣсто этого: *Господь въ потопъ обитаетъ*. Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о благодати по отношенію къ вѣрующимъ, во второмъ о жилищѣ того, въ котораго вѣрують. Но поелику слово *jasab* двусмысленно, и можетъ означать то и другое: ибо даетъ представленіе и о *свѣтлннн* и объ *обитанинн*; и такъ какъ въ томъ же псалмѣ говорилось о благодати крещенія: *гласъ Господень на водахъ: Господь на водахъ мно*

ихъ, и слова: *гласъ свершающаго елени, и открыеть дубравы, и въ храмъ Его всякій младець славу* (ст. 3 и слѣд.) мы разумѣемъ о тѣхъ, которые прославляютъ Господа: то и перевели—*Господь потопъ населяетъ*

Въ тридцатомъ: *яко Ты еси защититель мой* (Пс. 30, 5). Въ этомъ мѣстѣ имя Господа прибавлено снова; и чтобы не повторять постоянно одного и того же, замѣтьте разъ навсегда, что имя Господа и Бога очень часто добавлено, и слѣдуйте тому исправленію, какое мы сдѣлали на основаніи еврейскаго подлинника и Семидесяти толковниковъ. Въ томъ же псалмѣ: *азъ же рѣхъ во изступленіи ума моего* (ст. 23). Въ латинскихъ кодексахъ читалось вмѣсто этого—*въ ужасъ моемъ*, а мы перевели, слѣдуя греческому—*ἐν τῇ ἐκστάσει*: мв, т. е. *въ изступленіи ума моего*; ибо по-латыни слово *ἐκστάσις* можно выразить только изступленіемъ ума. Въ еврейскомъ я прочиталъ иначе: *въ ужасъ и изумленіи моемъ*.

Въ тридцать первомъ: *ниже есть въ духѣ его лествъ* (Пс. 31, 2). Въ говорите, что въ греческомъ прочитали вмѣсто этого: *ἐν τῷ στόματι αὐτοῦ*, т. е. *во устахъ его*, такъ перевелъ только Симмахъ. Напротивъ того у Семидесяти толковниковъ, у Θεодотіона, въ пятомъ и шестомъ изданіи, у Аквилы и въ самомъ еврейскомъ текстѣ стоитъ *въ духъ его*, что по-еврейски говорится—*bricho*; а если бы было *въ устахъ его*, было бы написано—*baffio*. Въ томъ же псалмѣ: *измѣнился я въ бѣдствіи моемъ (возвратихся на страсть, ст. 4)*. Вы замѣчаете, что въ греческомъ нѣтъ *моемъ*. Слово это привнесено изъ еврейскаго и изъ перевода Θεодотіона, подъ черточкою; въ еврейскомъ читается *lasaddi*.

Въ тридцать четвертомъ: *вся кости моя рекутъ, Господи* (Пс. 34, 10). Въ греческомъ, говорите вы, нашли въ этомъ мѣстѣ *Господи* два раза. Но нужно знать, что у евреевъ много

есть и такихъ экземпляровъ, въ которыхъ слово *Господь* не употреблено и одинъ разъ.

Въ тридцать шестомъ: *и пути его восхоцетъ* (Пс. 36, 23). Вы говорите, что въ греческомъ прочитали *восхоцетъ зло*. Это — прибавлено, и не встрѣчается ни у одного изъ переводчиковъ.

Въ тридцать восьмомъ: *обаже всеу мятется всякъ чело-вѣкъ* (Пс. 38, 6). Въ греческомъ не нашли, говорите вы, *мятется*. Но и у Семидесяти это прибавлено подъ черточкою. И у васъ и у многихъ другихъ являются недоразумѣнія отъ того, что вслѣдствіе небрежности переписчиковъ звѣздочки и черточки исчезли, и перемѣшалось все, что хотѣли отличить.

Въ тридцать девятомъ: *и законъ твой посредь сердца моего* (Пс. 39, 9). Въ греческомъ нашли, говорите вы, *посредь чрева моего*; такъ это и въ еврейскомъ, *patthoch meai*. У латинянъ переведено *въ сердце* ради благозвучія; тѣмъ не менѣе скрывать истину мы не должны. Въ томъ же псалмѣ: *Господи, во еже помощи ми вонми* (ст. 14). Въ греческомъ, говорите вы, нашли *σπείρω*, т. е. *поспши*. Но у Семидесяти поставлено *πίσωχης*, т. е. *вонми*.

Въ сороковомъ: *и если вхождаше видѣти* (Пс. 40, 7). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ *если*. Но слово это поставлено очень ясно и въ еврейскомъ и у всѣхъ переводчиковъ; да и Семьдесятъ перевели: *כי εἰ εἰσέλθοις τοῦ ἰδεῖν*.

Въ сорокъ первомъ: *спасеніе лица моего, Богъ мой*. (Пс. 41, 6). Вы говорите, что вмѣсто этого нашли *и Богъ мой*. Нужно знать, что выраженіе это встрѣчается въ томъ же псалмѣ два раза: въ первомъ случаѣ оно читается: *спасеніе лица моего Богъ мой*, — во второмъ, т. е. въ концѣ самаго псалма: *спасеніе лица моего, и Богъ мой*; только въ послѣднемъ союзъ *и* добавленъ подъ звѣздочкою изъ еврейскаго и изъ Θεодотіона. Тамъ же: *поношаху ми угнетающіе меня* (ст. 11). Вы сказали, что нашли вмѣсто этого *οἱ ἐχθροὶ μου*, т. е.

врази мои. Но хотя у Семидесяти поставлено: οἱ θλιβόντες με, — у евреевъ—soqagai, т. е. *врази мои.* Тамъ же: *уповай на Бога, яко исповѣмся ему* (ст. 12.) Вы говорите, что въ греческомъ не нашли *еще.* Это прибавлено подъ звѣздочкою, потому что въ еврейскомъ сказано это такъ; shi od, что значить *ѣти ѣти*, а по-латыни говорится—*потому что еще.* Такъ нужно понимать извѣстную разность и въ сорокъ второмъ псалмѣ.

Въ сорокъ третьемъ: *и не изыдеши въ силахъ нашихъ* (Пс. 43, 10). Вы говорите, что встрѣтили въ греческомъ: *и не изыдеши, Боже;* но это лишнее. Въ томъ же псалмѣ: *положилъ еси насъ въ сравненіе языкамъ* (ст. 15). Въ греческомъ вмѣсто этого пишется: ἐν τοῖς ἔθνεσιν; но если сказать по латыни: *въ сравненіи въ языкахъ,* было бы καθόρων; почему и сохранено изящество перевода безъ ущерба смыслу. Нѣкогда я находилъ въ еврейскомъ это мѣсто такъ изложеннымъ: *положилъ еси насъ въ притчу во языцехъ.* Тамъ же: *воскресни, помози намъ* (ст. 27). Въ греческомъ, по обычаю, и здѣсь прибавлено имя Господа.

Въ сорокъ четвертомъ: *стрѣлы твоя изошрены* (Пс. 44, 6). Вы говорите, что читали вмѣсто этого въ греческомъ: *изошрены, Сильне.* Но это не хорошо, и добавлено изъ предыдущаго стихка, въ которомъ говорится: *препояши мечъ твой на бедра твоя.* *Сильне* (тамъ же ст. 4).

Въ сорокъ седьмомъ: *яко се царіе собрашася* (Пс. 47, 4). Вы говорите, что читали вмѣсто этого въ греческомъ: *яко се царіе его собрашася.* Но что это лишнее, видно изъ самой связи рѣчи; а въ древнихъ латинскихъ кодексехъ писалось—*царіе земстии,* что мы опустили, потому что не нашли ни въ еврейскомъ, ни у Семидесяти. Въ томъ же псалмѣ: *якоже слышахомъ, тако видѣхомъ* (ст. 9). Въ греческомъ, вы говорите, нашли: *такое и видѣхомъ.* Это лишнее, потому что въ еврейскомъ читается shep gainu, что переводится οὕτως εἶδομεν, т. е. *такое видѣхомъ.*

Тамъ же: *пряхомъ, Боже, милость твою посредъ храма твоего* (ст. 10). Въмѣсто того, что перевели мы съ еврейскаго и изъ Семидесяти толковниковъ—*храма твоего*, вы прочитали въ греческомъ, какъ говорите, *людей твоихъ*. Это неправильно. Въ еврейскомъ поставлено *eschalach*, т. е. *тобъ уаобъ оѡв*—*храма твоею*, а не *ашпаш*, которое значить *народъ твой*.

Въ сорокъ восьмомъ: *человѣкъ въ чести сый* (Пс. 48, 13). Вы говорите, что нашли въ греческомъ: *и человѣкъ въ чести сый*. Но нужно имѣть въ виду, что стихокъ этотъ читается въ томъ же псалмѣ два раза, и въ первомъ случаѣ къ нему приданъ союзъ *и*, въ послѣднемъ—нѣтъ. Въ томъ же псалмѣ: *и обладаютъ ими правии* (ст. 15). Вы говорите, что вмѣсто *правыхъ* вы прочитали въ греческомъ *εὐθείς*, т. е. *прямые*. Но такъ переведено по-латыни для *εὐφώνιας*. Иное дѣло въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ читаемъ: *въ книгу тоу εὐθούς* (Нав. 10, 13), разумѣть *книгу праведнаго*; сказать такъ буквально мы не должны, чтобы, гоняясь за благозвучіемъ рѣчи, не потерять смысла подлинника. Тамъ же: *изъ руки адовы, егда освободить мя* (ст. 16). Въ греческомъ вы прочитали, говорите: *егда приѣмлетъ меня*. Такъ перевели и мы изъ Семидесяти, и я удивляюсь, кѣмъ бы могло быть испорчено это мѣсто въ вашемъ кодексѣ.

Въ сорокъ девятомъ: *судя на брата твоего* говорилъ (Пс. 49, 20). Вы говорите, что нашли въ греческомъ: *κατὰ τοῦ ἀδελφοῦ σου καταλάλεις*, и думаете, что мы перевели не хорошо, когда сказали: *на брата твоего говорилъ*; а должны были бы сказать: *на брата твоего клеветалъ*. Но не много нужно имѣть смысла, чтобы видѣть, что сказать такъ было бы нескладно и несообразно съ нашимъ языкомъ. Мы знаемъ хорошо, что *κατάλαλις* значить клевета; но еслибы мы захотѣли удержать это понятіе, мы не могли бы сказать: *на брата твоего клеветалъ*, а *о братъ твоемъ клеветалъ*. Сдѣлай же мы такъ, — опять какой нибудь злой спорщикъ о словахъ сдѣлаетъ намъ запросъ,

почему не сказали *κατὰ τοῦ ἀδελφοῦ σου*, т. е. *на брата твоего*. Все это пустое и намъ не слѣдуетъ мучить себя надъ грубою буквальною переводомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда смыслъ не терпитъ уцербъ, потому что каждый языкъ, какъ мы и прежде сказали уже, имѣетъ свойственные себѣ обороты. Въ томъ же псалмѣ: *да не когда похититъ*, и если кто избавить (ст. 22). Вы говорите, что въ греческомъ нашли: *и не будетъ избавляй*. Такъ и мы перевели, и такъ читается въ нашихъ кодексахъ; и я удивляюсь, какимъ образомъ вы относите къ ошибкѣ переводчика погрѣшность соннаго переписчика! Ужь не было ли такъ (*ne quando gariat, nec sit qui eripiat*), что онъ вмѣсто *nec*, написалъ *et*. Тамъ же *жертва хвалы* почитать *мя* (ст. 23). Въ греческомъ стоитъ вмѣсто этого *δοξάζει με*, т. е. *прославитъ мя*. На этотъ счетъ мы говорили уже выше. Въ евангеліи, въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ по-гречески читаемъ: *Πάτερ, δόξασον με τῇ δόξῃ, ἣ εἶχον παρὰ σοι πρὸ τοῦ τὸν κόσμον γενέσθαι* ¹⁾, по-латыни стоитъ: *Pater, clarifica me* ²⁾.—Мы не захотѣли перемѣнять чтенія древнихъ, потому что смыслъ былъ тотъ же самый.

Въ пятьдесятъ четвертомъ: *чаяхъ* того, кто спасъ меня (Пс. 54, 9). Вы говорите, что нашли въ греческомъ: *чаяхъ Бога*; но это прибавлено. Тамъ же: *отъ малодушія* вѣтра. А въ греческомъ вы нашли, говорите, *ἀπο ὀλιγοφυχίας*, что собственно значить *малодушіе*. Но нужно знать, что Аквила, Симмахъ, Θεοδοτίωνъ и пятое изданіе вмѣсто *ὀλιγοφυχία* перевели *ἀπὸ πνεύματος*, т. е. *отъ вѣянія вѣтра*; и въ еврейскомъ стоитъ *mequa*. А полный смыслъ этого мѣста у нихъ таковъ: *постышу, да спасусь отъ вѣянія бури и вихря* (Пс. 55, 9, съ евр.). Въ томъ же псалмѣ: *яко аще бы врагъ* злословилъ (ст. 13).

¹⁾ Т. е. *Отче, прослави Мя славою, юже имѣхъ у Тебе, прежде міръ не бысть*. Иоан. 17, 5.

²⁾ Буквально: *Отче, сдѣлай меня свѣтлымъ, извѣстнымъ, знаменитымъ*

Въ греческомъ поставлено *ὑψείδισεν*, т. е. *поносилъ*. Но ясно, что злословіе и поношеніе не разнятся между собою въ смыслѣ.

Въ пятьдесятъ пятомъ: *яко мнози борющіи мя*, отъ *высо-ты* дня *убоюся* (Пс. 55, 3. 4). Вы говорите, что въ греческомъ нашли *не убоюся*; это прибавлено. Сочетаніе же словъ здѣсь такое: *яко мнози борющіи мя*, того ради я отъ *высо-ты* дня *убоюся*, — т. е. *убоюся не борущихъ мя*, но твоего *выш-няго свѣта*. Въ томъ же псалмѣ: *нѣвомъ люди сокрушиши* (ст. 8). Въ греческомъ читается вмѣсто этого *κατάξεις*, т. е. *низ-ведешь* или *извергнешь*; въ латинскомъ же, вмѣсто *низверг-нешь*, т. е. *κατάξεις*, удержана, къ сожалѣнію, ошибка, *κατάξεις*, т. е. *сокрушиши* ¹⁾. Ибо и въ еврейскомъ стоитъ *haged*, т. е. *καταξίζασεν*, что можно выразить нашимъ сло-вомъ *низложи*; а Симмахъ перевелъ *καταξίζαι*.

Въ пятьдесятъ восьмомъ: *яко Богъ заступникъ мой* (Пс. 58, 10). Въ греческомъ поставлено вмѣсто этого: *заступникъ мой еси Ты*. Но нужно знать, что въ еврейскомъ нѣтъ ни *еси*, ни *Ты*; а есть то и другое только у Семидесяти. Въ томъ же самомъ мѣстѣ: *Богъ мой, воля Его предваритъ мя* (ст. 11). Въ греческомъ поставлено вмѣсто этого *τὸ ἔλεος αὐτοῦ*, т. е. *милость Его*; это и вѣрнѣе. Но въ еврейскомъ читается: *ми-лость моя предваритъ мя*. Въ томъ же псалмѣ: *Богъ явитъ мнѣ на вразѣхъ моихъ* (ст. тотъ же). Въ греческомъ поста-влено вмѣсто этого *Богъ мой*; но *мой* прибавлено. Тамъ же: *не убій ихъ, да не когда забудутъ народъ твой* (ст. 12). По гре-чески вмѣсто этого написано: *законъ твой*; но ни у Семиде-сяти, ни въ врейскомъ нѣтъ *народъ твой*, а *народъ мой*; такъ перевели и мы. Тамъ же: *и увидятъ яко Богъ владычествуетъ Иаковомъ, концы земли* (ст. 14). Въ греческомъ стоитъ вмѣсто

¹⁾ Мѣсто это, испорченнее во всѣхъ извѣстныхъ издавіяхъ твореній бл. Иеронима, мы перевели образно поправкѣ, предложенной издателями этихъ твореній въ Curs. Compl. Patrol.

этого: *и концы земли*; но союз *и* прибавленъ; а сочетаніе словъ таково: увѣдять, яко Богъ Іакова владычествуетъ концы земли.

Въ пятьдесятъ девятомъ: *кто наставитъ* (проведетъ) *мя до Идумеи* (Пс. 59, 11). Въ греческомъ вмѣсто этого читается: *или кто наставитъ мя*; но это лишнее.

Въ шестидесятомъ: *яко Ты, Боже мой, услышалъ молитвы моя* (Пс. 60, 6). Въ греческомъ вмѣсто этого читается: *яко Ты, Боже, услышалъ еси молитвы моя*. Слова этого (*мой*) нѣтъ ни въ еврейскомъ, ни у Семидесяти; въ латинскомъ оно прибавлено. Тамъ же: *воспою имени твоему* во вѣкъ вѣка (ст. 9). Въ греческомъ вмѣсто этого стоитъ: *во вѣки*; а въ еврейскомъ есть только *laed*, *во вѣки*, а не *loiam*, что значить—*во вѣкъ*.

Въ шестьдесятъ первомъ: *яко Богъ помощникъ намъ* во вѣки (Пс. 61, 9). Въ греческомъ вмѣсто этого: *Богъ помощникъ намъ*. *Во вѣки* стоитъ подъ черточкою.

Въ шестьдесятъ второмъ: *возжада Тебъ душа моя* (Пс. 62, 2). Въ греческомъ вмѣсто этого стоитъ: *возжада Тебе*¹⁾ *душа моя*. Но въ еврейскомъ не *attha*, что значило бы *тебе*, но *lath*, означающее *тебѣ*; такъ перевели и всѣ переводчики. На латинскій языкъ это переведено сообразно съ свойствомъ латинской рѣчи.

Въ шестьдесятъ третьемъ: *стрѣлы младенецъ быша язвы ихъ* (Пс. 63, 8). Въ греческомъ вмѣсто этого: *стрѣла младенецъ*; но было бы нескладно на латинскомъ сказать такъ: *стрѣла младенецъ быша язвы ихъ*. Въ еврейскомъ изложено это мѣсто лучше: *поразить ихъ Богъ стрѣлою неожиданною, и нанесутся раны имъ*.

Въ шестьдесятъ четвертомъ: *ты, кто возмущаешь глубину моря, шумъ волнь его* (Пс. 64; 8). Вы пишете, что въ греческомъ прибавлено: *кто поддерживаешь*. Это излишнее: ибо кто возмущаетъ глубину моря, тотъ, подразумевается, поддерживаешь

¹⁾ Т. е. падежъ винительный вмѣсто дательнаго.

и шумъ волнъ его. Въ томъ же псалмѣ: *уготовалъ еси пищу имъ, яко тако есть уготованіе ея* (ст. 10). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ *ея*; между тѣмъ въ еврейскомъ *theschina*, ясно, имѣеть значеніе—*уготованіе ея*,—т. е. земли, о которой сказано выше: *постылъ еси землю, и упоилъ еси ю* (тотъ же ст.).

Въ шестьдесятъ пятомъ: *всесоужженія тучина вознесу Тебѣ со оиміамовъ овновъ* (Пс. 65, 15). Въ греческомъ, вы говорите, нашли вмѣсто этого: *съ оиміамомъ и овнами*; но это неправильно, потому что въ еврейскомъ написано: *em cathogoth elim*, что переводится—*μετὰ θυμιάματος κριθῶν*, т. е. *съ оиміамомъ овновъ*. Въ томъ же псалмѣ: *сею ради услыша Богъ* (ст. 19). Въ греческомъ, вы говорите, нашли: *услыша мя Богъ*; это—излишнее.

Въ шестьдесятъ седьмомъ: *возрадуйтесь предъ лицемъ Ею* (Пс. 67, 6). Въ греческомъ, вы говорите, нашли вмѣсто этого: *и возрадуйтесь предъ лицемъ Ею*. Такъ перевели это мѣсто и мы; но кто испортилъ его въ нашемъ кодексѣ, я не могу знать. Въ томъ же псалмѣ: *ибо не вѣруютъ, еже вселитися Господу Богу* (ст. 19). Вы говорите, что прочитали вмѣсто этого въ греческомъ: *καὶ ὑὰρ ἀπειθοῦντες τοῦ κηλακηῶδου* (т. е. *ибо противящіяся еже вселитися*); но невѣрно въ томъ и другомъ. Мы перевели: *даже и невѣрующія, еже вселитися Господу Богу*; такъ что смыслъ будетъ слѣдующій, вытекающій изъ предыдущаго: *возшелъ еси на высоту, плънилъ еси плънь, пріялъ еси длянія въ челоуцѣхъ, и тѣхъ (пріялъ)*, которые не вѣровали, что Господь можетъ поселиться между смертными. Въ томъ же псалмѣ: *Богъ благословенъ Господь день дне* (ст. 20). Вы говорите, что въ греческомъ вмѣсто этого нашли. *Господь благословенъ Богъ, благословенъ Господь день дне*; но выше приведенное лучше и вѣрнѣе. Тамъ же: *видѣли вшествія твоя, Боже* (ст. 25). Въ греческомъ вмѣсто этого стоитъ: *видѣна быша вшествія твоя, Боже*. Въ еврейскомъ читается

такъ: гаи alichothach; Аввила, Симмахъ и Θεοδοτιόνъ перевели это: *видѣли пути твои, Боже*, и слѣдующее за тѣмъ: *пути Бога моего Царя, иже во святѣхъ*. Поэтому и намъ слѣдуетъ читать: *видѣли шествія твоя, Боже*, и исправить ошибку переписчика, который именительный падежъ поставилъ вмѣсто винительнаго (хотя у Семидесяти и въ Ἐξοπλοῖς я встрѣчалъ такъ: ἐδεωρήσαν αἱ πορείαι σου, ο Θεός, а вмѣсто ἐδεωρήσαν, т. е. *видѣли*, во многихъ кодексахъ стоитъ ἐδεωρήθησαν. Такое чтеніе и вошло въ обычай). Тамъ же: *шествія Бога моего, царя моего, иже во святѣхъ* (тотъ же ст.) — разумѣется, видѣла шествія Бога моего, царя моего. Вы говорите, что во второмъ случаѣ, къ слову царь, не прибавлено — *моего*; но это очевидная ложь, потому что ласкающее чувство повторяетъ *Бога моего, царя моего*, умоляя, чтобы Богъ и царь всѣхъ былъ въ особенности его Богомъ и царемъ, пріемлющимъ приносимое Ему служеніе. Наконецъ, и въ еврейскомъ стоитъ: heli melchi,, что значить *Богъ мой и царь мой*. Тамъ же: *царства земная, пойте Богу, воспойте Господеву* (ст. 33). Вы говорите, что *воспойте Господеву* не должно быть въ этомъ же самомъ стихѣ, потому что непосредственно слѣдуетъ: *Села. Воспойте Богу, возшедшему на небо небесе на востоки* (ст. 34). Но поелику, слѣдуя еврейскому подлиннику, стихокъ этотъ скорѣе долженъ читаться: *пойте Богу, воспойте Господеву*; а въ началѣ слѣдующаго стиха *воспойте Богу* не встрѣчается въ подлинныхъ спискахъ, но обозначено черточкою: то и вамъ нужно слѣдовать болѣе — истинному чтенію. Иначе, принявъ добавленіе, вы пропустите дѣйствительно написанное пророкомъ.

Въ шестьдесятъ восьмомъ: *восхваляю имя Бога съ тѣсною* (Пс. 68, 31). Вы говорите, что въ греческомъ нашли вмѣсто этого *Бога моего*; но *моего* — лишнее.

Въ семидесятомъ: *Боже, не удалися отъ мене* (Пс. 70, 12). *Боже мой*, находящееся, по словамъ вашимъ, въ грече-

скомъ, лишнее. Въ томъ же псалмѣ: *Боже, научилъ мя еси отъ юности моя* (ст. 15). И въ этомъ мѣстѣ, гдѣ вы нашли, какъ говорите, въ греческомъ *Боже мой, мой*—лишнее. Тамъ же: *дондеже возьму мышцу твою* (ст. 18). Вы говорите, что въ греческомъ нашли—*чудеса твоя*; это взято отъ предъидущаго стиха, и *донымъ возьму чудеса твоя* Итакъ, здѣсь хорошо поставлено—*мышцу*.

Въ семьдесятъ первомъ: *и поклонятся Ему вси царіе* (Пс. 71, 11). *Царіе земстїи*, которое, по словамъ вашимъ, няшли вы въ греческомъ,—лишнее. Въ томъ же псалмѣ: *благословенъ Господь Богъ, Богъ Израилевъ* (ст. 18). Вы говорите, что въ греческомъ слово—*Богъ* не употребляется два раза; но оно есть два раза и въ еврейскомъ и у Семидесяти; и троекратное наименованіе Господа и Бога весьма ясно указываетъ здѣсь на таинство Троицы. Тамъ же: *и благословено имя славы Его во вѣки* (ст. 19). Въ греческомъ, вы говорите, нашли *во вѣки и во вѣкъ вѣка*; знайте, что это прибавлено безъ нужды, и не находится ни въ еврейскомъ, ни у Семидесяти толковниковъ.

Въ семьдесятъ второмъ: *изошло яко изъ тука* (Пс. 72, 7) Вы говорите, что въ греческихъ кодексахъ нашли ἐξέειρεται, т. е. *изыдетъ*; это неправильно. Ибо у Семидесяти толковниковъ написано такъ: ἐξηλεσάτο ὡς ἐκ στατός ἢ ἀδικία ζυγῶν. Въ томъ же псалмѣ: *како увидѣтъ Богъ* (ст. 11). Въ греческомъ, вы говорите, нѣтъ *Богъ*; но и у Семидесяти написано: πὼς ἑύω ὁ Θεός, и съ еврейскаго всѣ переводчики также перевели: Тамъ же: *разумѣя въ послѣдняя ихъ* (ст. 17). Вы говорите, что вмѣсто этого читали въ греческомъ: *и разумѣю*: но союзъ *и* здѣсь лишній. Въ томъ же псалмѣ: *исчезе плоть моя и сердце мое* (ст. 26). Вмѣсто этого въ нѣкоторыхъ кодексахъ нестати читается въ обратномъ порядкѣ: *исчезе сердце мое и плоть моя*. Тамъ же: *возвѣстити ми вся возвѣщенія твоя* (ст. 28). Вы сказали, что въ греческомъ прочитали вмѣ-

сто этого: τὰς ἀνέσεις σου, т. е. *хвалы твоя*. Но нужно знать, что въ еврейскомъ поставлено malochothach, что у Аввилы переведено ἀγγελίας σου, т. е. *вѣстниковъ твоихъ*; Семьдесятъ же перевели τὰς ἐπαγγελίας σου, т. е. *возвѣщенія* или *обѣтованія* твои. Впрочемъ оба слова, и хвала, и возвѣщеніе (разславленіе) имѣютъ одинаковое значеніе.

Въ семьдесятъ третьемъ: *вскую, Боже, отринувъ еси до конца* (Пс. 71, 1). Не хорошо, что въ греческихъ кодексахъ читается это мѣсто въ измѣненномъ порядкѣ: *вскую отринувъ еси, Боже*. Въ томъ же псалмѣ: *елика лукавнота врагъ во святѣмъ* (ст. 3). Удивляюсь, кто, исправляя, извратилъ это мѣсто въ вашемъ кодексѣ, такъ что вмѣсто *во святѣмъ*, поставилъ *во святыхъ*; въ нашемъ кодексѣ читается *во святѣмъ*. Тамъ же: *сожжемъ вся праздники Божія отъ земли* (ст. 8). Въ греческомъ вмѣсто этого стоитъ *κατακαύσωμεν*; такъ перевели и мы: *заставимъ умолкнуть вся праздники Божія на земли*. Но, къ удивленію моему, какой-то безразсудный пришелъ къ мысли, что нужно вписать въ текстъ примѣчаніе, сдѣланное нами на полѣ для ученаго читателя, такого рода: употреблено не *κατακαύσωμεν*, какъ думаютъ нѣкоторые, а *κατακαύσωμεν*, т. е. *сожжемъ*. Такъ какъ святой пресвитеръ Фирмъ, вызвавшій меня не этотъ трудъ, извѣстилъ меня, что изъ-за этого возникъ споръ между очень многими: то мнѣ кажется необходимымъ поговорить объ этомъ нѣсколько больше. Въ еврейскомъ написано: *sarghu chol moedau el baages*; Аввила и Симмахъ перевели это: *ἐπέρισαν πάσας τὰς συναγωγὰς τοῦ Θεοῦ*, т. е. *зажгли всѣ праздничества Божіи на земли*. Пятое изданіе перевело *κατεκαύσαν*, т. е. *сожгли*, Шестое—*κατακαύσωμεν*, т. е. *сожжемъ*; извѣстно, что такъ и въ перевооѣ Семидесяти, который помѣщенъ въ Гекзаплахъ. Θεοδοτιὸνъ перевелъ также *ἐπέρισωμεν*, т. е. *зажжемъ*. Изъ этого видно, что нужно пѣть псаломъ такъ, какъ перевели мы; но имѣтъ

въ виду и то, какъ читается это мѣсто въ еврейскомъ подлинникѣ. По переводу Семидесяти нужно пѣть въ церквахъ изъ уваженія къ древности; а послѣднее нужно имѣть въ виду ученымъ для пониманія писаній. Изъ этого видно также, что если что-либо добавляется на полѣ къ свѣдѣнью, — того не слѣдуетъ вносить въ текстъ, чтобы ради произвола переписчиковъ не запутать первоначальнаго перевода. Въ томъ же псалмѣ: *стерль еси главы змиевъ въ водахъ; Ты сокрушилъ еси главы змя* (ст. 13, 14). Порядокъ чтенія таковъ, что въ первомъ стихѣ нѣтъ слова *ты*, но есть во второмъ; и воды пишутся во множественномъ числѣ, а не въ единственномъ. Такъ и Аквила перевелъ еврейское слово *amtain*, τῶν ὕδατων, т. е. *водъ*. Тамъ же: *не забуди гласы недруговъ твоихъ* (ст. 23). Вы говорите, что въ греческомъ вмѣсто этого написано: τῶν ἰχθῶν σου, т. е. *молитвенникъ твоихъ*. Въ еврейскомъ же читается *so-gash*; это слово Аквила перевелъ *враговъ твоихъ*, Симмахъ — *борющихся противъ тебя*, Семьдесятъ и шестое изданіе — *недруговъ твоихъ*. Такой смыслъ вяжется и съ предыдущимъ: *помяни поношеніе твое, еже отъ безумнаго весь день: гласы недруговъ твоихъ не забуди*, т. е. гласы, которые хулятъ Тебя, поносятъ Тебя, въ народѣ твоёмъ: въ слѣдствіе чего *гордыня ненавидящихъ Тя восходитъ выну*; т. е. пока Ты откладываешь наказаніе, они закоренѣваютъ въ богохульствѣ.

Въ семьдесятъ четвертомъ: *повѣмъ чудеса твоя* (Пс. 74, 2). У грековъ это мѣсто читается нехорошо: *повѣмъ вся чудеса твоя*.

Въ семьдесятъ пятомъ: *вси мужіе богатства* руками своими (Пс. 75, 6). — А не такъ, какъ читаете вы, въ слѣдствіе неизвѣстно чьей порчи — *въ рукахъ своихъ*. Въ томъ же псалмѣ: *страшному, и тому, кто отъемлетъ духъ князей* (ст. 13). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ *тому*; это правда. Но если бы мы не прибавили *тому*, переводъ не отозвался бы ла-

тинскую рѣчью, потому что не будетъ правильно, если сказать: *страшному, и который отъемлетъ духъ князей.*

Въ семьдесятъ шестомъ: *и нощю сердцемъ моимъ размышляхъ*, и поучался и изметалъ ¹⁾ духъ мой (Пс. 76, 7). Въ еврейскомъ читаемъ вмѣсто этого: *воспоминалъ я пѣсни мои въ нощи, говорилъ съ сердцемъ моимъ, и изметалъ духъ мой.* Вмѣсто поученія Семьдесятъ перевели ἀδολεχίαν, т. е. *говорливость* и вмѣстѣ—*размышленіе*; а вмѣсто того, что мы перевели *изметалъ*, они поставили ἔσχαλλον. Послѣднее Симмахъ перевелъ ἀυρηύων, т. е. *изыскивалъ* или *изслѣдывалъ*; подобнымъ же образомъ перевело и Пятое изданіе. Собственно же слово σκαλισμός употребляется въ земледѣліи о *вырываніи негодной травы*, т. е. о *полотъѣ*; и какъ тамъ травы перебираются бороздникомъ, который подсѣкаетъ ихъ, такъ и Псалмопѣвецъ переслѣдованіе своихъ размышленій выражаетъ μεταφορικῶς—представленіемъ, занятымъ отъ бороздника. Нужно знать, кромѣ того, что ἔσχαλλου выражаетъ дѣйствіе неоднократное, а многократное. Въ томъ же псалмѣ: *отъ рода въ родъ* (ст. 9). Послѣдующее за этимъ *скончи глаголъ*, найденное вами, какъ говорите, въ греческомъ, правильно опускается въ латинскомъ, потому что не встрѣчается ни у кого изъ переводчиковъ.

Въ семьдесятъ седьмомъ: *и повѣдятъ сыновомъ своимъ* (Пс. 77, 6). Въ греческомъ стоитъ вмѣсто этого ἀπαγγελέσιν, т. е. *возвѣстятъ*. Но нужно знать, что въ еврейскомъ пишется—iasaphregh, что Аквила и Симмахъ перевели *повѣдятъ*. Въ томъ же псалмѣ: *и уби туки ихъ* (ст. 31). Такъ это мѣсто читается и въ еврейскомъ, т. е. bamasnehem, что Аквила перевелъ ἐν λιπαροῖς αὐτῶν, Симмахъ—τις λιπαρωτέρως αὐτῶν, а Семьдесятъ, Θεодотіонъ и пятое изданіе—ἐν τοῖς πίσυρς αὐτῶν ²⁾).

¹⁾ Scurebam—*выметалъ вѣникомъ, метлою.*

²⁾ Т. е. Аквила перевелъ *въ тучныхъ: изъ нихъ*, Симмахъ—*тучнѣйшихъ изъ нихъ*, а Семьдесятъ, Θεодотіонъ и Пятое изданіе—*въ тучахъ ихъ.*

Въ этомъ послѣднемъ переводѣ, нѣкоторые неразумные думали читать вмѣсто *πίοσιν—πλείοσιν* ¹⁾). Тамъ же. *возлюбиша Ею усты своими, и языкомъ своимъ солаша Ему* (ст. 36). Въ еврейскомъ стоитъ также: *ichazbulo*; и всѣ перевели единогласно: *ἐφάρσαυτο αὐτῶ*, т. е. *солаша Ему*. А кто вздумалъ вмѣсто *Ему*—поставить *Ею*,—судить не мое дѣло Тамъ же: *и милостивъ будетъ къ грѣхамъ ихъ и не погубить ихъ* (ст. 38). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ *ихъ*,—это и правильно; но мы, для опредѣленности смысла, дополнили латинскую рѣчь, подобно съ ея свойствами. Если же кто думаетъ, что *διαφθερῆ* значить не *пагуба*, а *растленье*, тотъ пусть припомнить извѣстное надписаніе, въ которомъ говорится: *εἰς τὸ τέλος μὴ διαφθερῆς*, т. е. *въ конецъ да не погубиши*, а не такъ, какъ очень многіе *κακοζήλως* переводятъ, *да не растлѣши* ²⁾). Въ томъ же псалмѣ: *и введе я въ яору святыни своей, яору, юже стяжа десница Его* (ст. 54). У Семидесяти вмѣсто этого читается: *ὄρος τῶ το ἐκτίρατο ἡ δεξιά αὐτῶ*, а не такъ, какъ вы думаете—*ὁ ἐκτίρατο*, т. е. *юже стяжа десница Его*. Симмахъ, принимая во вниманіе свойство еврейскаго языка, перевелъ лучше: *яору, юже стяжа десница Ею*. Тамъ же: *и отвертѣшися*, и не сохранили договора, *якоже и отцы ихъ* (ст. 57). Знаю, что слова *договоръ* нѣтъ въ еврейскомъ; но какъ скоро всѣ перевели одинаково—*ἡ συνθήκη*, а *συνθήκη* у грековъ значить *договоръ*: то одно слово и даетъ понятіе: *не сохранили договора* (впрочемъ, Семьдесятъ употребили *ἡθήκη* ³⁾). Тамъ же: *на земли, которую основалъ на вѣки* (ст. 66). Вы говорите, что нашли вмѣсто этого: *на земли основалъ ее на вѣки*. Въ еврейскомъ читается такъ, какъ перевелъ и Симмахъ: *ὡς τῆν γῆν ἣν ἐθεμελίωσεν*

¹⁾ Т. е. вмѣсто *тука*—*множайшая ихъ*, какъ въ славянскомъ переводѣ псалтири.

²⁾ См. надписаніе псалма 74.

³⁾ *Отвертѣшися*, какъ въ славянскомъ.

εἰς τὸν αἰῶνα. Если же не о землѣ говорится, что она основана, а о другомъ предметѣ, который представляется основаннымъ на землѣ: то пусть покажутъ, взявъ во вниманіе предыдущее и послѣдующее, что будетъ за смыслъ, если представляется основаннымъ на землѣ что-то такое, о чемъ не говорится. Если же подъ основаннымъ на землѣ разумѣютъ святилище, — Псалмопѣвецъ долженъ былъ бы написать: *на земли основалъ его на вѣки*. Въ томъ же псалмѣ: *и въ разумныхъ руку свою поставилъ я естъ* (ст. 72). Не—ἐν τῇ σοφείᾳ, въ единственномъ числѣ, какъ вы пишете, а ἐν ταῖς σοφείαις, — что значитъ *въ разумныхъ*; такъ читается это и въ еврейскомъ—bathabu-poth, т. е. *въ разумныхъ*.

Въ восемьдесятъ восьмомъ: *положиша Иерусалимъ въ овощное хранилище* (Пс. 87. 2). Греческое ὀπωροφυλάκιον иначе и нельзя перевести, какъ перевели мы. Слово это означаетъ шалашъ, въ которомъ обыкновенно живутъ сторожа посѣвовъ и плодовъ; смыслъ тотъ, что отъ обширнѣйшаго города едва остался небольшой шалашокъ. Такъ понимается у грековъ. У евреевъ, впрочемъ, стоитъ linn, что Аквила перевелъ λιθόριον, т. е. *кучу, круду камней*, отъ которыхъ обыкновенно очищаютъ виноградники и поля.

Въ семьдесятъ девятомъ: *и насадилъ еси коренія ея отсюда* (Пс. 79, 10). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ *отсюда*; это и хорошо, потому что и въ нашихъ кодексахъ нѣтъ этого слова; и я удивляюсь, какой невѣжа могъ испортить ваши книги.

Тъ Въ восемьдесятъ второмъ: *да наследимъ святилище Божіе* (Пс. 82, 13). Вы говорите, что въ греческомъ такъ читается: κληρονομήσωμεν ἐαυτοῖς, т. е. *да наследимъ себя*. Добавка— лишняя, потому что когда говорится наследимъ, — разумѣется уже и *себя*.

Въ восемьдесятъ третьемъ: *сердце мое и плоть моя воз-*
Тв. бл. Иеронима. Томъ 2. 27

радовался о *Богъ живъ* (Ис. 83, 3). Въ греческомъ, вы говорите, написано: *возрадовастся*. Спорить здѣсь не о чемъ. Если мы читаемъ *возрадовася*, то разумѣтся—и сердце мое возрадовася, и плоть моя возрадовася; а если—*возрадовастся*, то оба одинаково возрадовастся, т. е. сердце и плоть. И я прошу васъ, чтобы вы избѣгали нелѣпныхъ и ненужныхъ споровъ о такого рода разностяхъ, которыя нисколько не измѣняютъ смысла. Въ томъ же псалмѣ: *блаженъ мужъ, емуже есть заступленіе у Тебе* (ст. 6). Вы говорите, что въ греческомъ нашли: *емуже есть заступленіе его у Тебе*, и что насъ упрекають за то, что мы сдѣлали пропускъ въ латинскомъ переводѣ. Но кто не пойметъ, что было бы какъ нельзя болѣе—ясною ошибкою, если бы мы захотѣли сказать—*емуже есть заступленіе его*, и что послѣ *емуже* не должно слѣдовать *его*? Не за то ли развѣ обвиняють насъ въ ошибкѣ, что мы избѣгали ошибки? Тамъ же: *во юдоли слезъ* (ст. 7). Вы говорите, что въ греческомъ вмѣсто этого написано *κλαυθμόνος*, т. е. *плача*; но плачъ ли, рыданіе ли, стenanіе или слезы—смыслъ одинъ. А мы слѣдуемъ такому правилу: гдѣ смыслъ нисколько не измѣняется, тамъ заботимся объ изыществѣ латинской рѣчи.

Въ восемьдесятъ четвертомъ: благословилъ *еси, Господи, землю твою* (Ис. 84, 1). Вы говорите, что вмѣсто *благословилъ* въ греческой стоитъ *ἐυδόχησας*, и спрашиваете, какимъ образомъ слѣдовало бы выразить это слово по-латыни. Если упрямо держаться словъ и ихъ составныхъ частей,—мы можемъ выразить такъ: *благоугодною явилась, Господи, земля твоя*; но въ ту пору, какъ гоняемся за буквою, мы теряемъ строй мысли. Правда, для сохраненія строя рѣчи нужно прибавить что-нибудь,—сказать такъ: *благоугодною явилась предъ Тобою, Господи, земля твоя*. Но если бы мы такъ сдѣлали, отъ насъ снова потребовали бы объясненія, зачѣмъ мы прибавили *предъ*

Тобою, когда этого слова нѣтъ ни въ греческомъ, ни въ еврейскомъ. Поэтому въ переводѣ должно слѣдовать тому же правилу, о которомъ мы часто говорили: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ ущерба для смысла, должны быть соблюдаемы εὐφωμία и природныя свойства языка. Въ томъ же псалмѣ: *милость и истина срѣтостяся* (obviaverunt sibi, ст. 11). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ (возвратнаго мѣстоименія) *ся* (sibi). Его нѣтъ и въ еврейскомъ, а у Семидесяти отмѣчено черточкою (когда подобные значки, въ слѣдствіе небрежности переписчиковъ, опускаются, какъ излишніе, по мнѣнію многихъ,—въ чтеніи является большая ошибочность). Но если бы это мѣстоимѣніе не было прибавлено, можно было бы подумать, что милость и истина не другъ къ другу вышли на встрѣчу, а къ кому-то иному; равно правда и миръ не себѣ взаимно дали лобзаніе, но другому.

Въ восемьдесятъ пятомъ: *и не предложиша Тебе предъ собою* (Ис. 85, 14). Вы говорите, что въ вашемъ кодексѣ нѣтъ *Тебе*. Прибавьте—*Тебе*, и исправляя погрѣшность переписчика, исправите и свою ошибку. Тамъ же: *и Ты, Господи Боже, щедрыи и милостивый* (ст. 15). Въ греческомъ, вы говорите, нашли: *и Ты, Господи Боже мой*. Это лишнее, потому что слова *мой* нѣтъ ни въ еврейскомъ, ни у Семидесяти.

Въ восемьдесятъ восьмомъ: *велий и ужасный* (Ис. 88, 8). Вы говорите, что въ греческомъ нашли φοβερὸς, что значить *внушающій страхъ, боязнь, опасеніе*. Я думаю, что и *ужасный* значить одно и то же: *ужасный* разумѣется—не въ томъ презрительномъ и безобразномъ смыслѣ, въ какомъ представляетъ это толпа, какъ наприимѣръ:

„Ужась холодный

Въ трепеть приводитъ мнѣ члены (*Энеид. кн. 3*)“. Или:
 „Ужась отвсюду входитъ мнѣ въ душу, и самая тишь
 Трепетъ наводитъ (*тамъ же кн. 2*)“. Или:

Уродь ужасный, громадный (*тамъ же кн. 4*)“; и много тому подобное. Въ томъ же псалмѣ: *тогда заголаю еси въ видѣнїи* святымъ твоимъ (ст. 20). Вы говорите, что въ греческомъ нашли вмѣсто этого *сыновомъ твоимъ*. Но нужно знать, что въ еврейскомъ стоитъ *laasidach*, что всѣ перевели *τοῖς ὁσίοις σου*, т. е. *святымъ твоимъ*; и одно лишь Шестое изданіе перевело *пророкамъ твоимъ*, придерживаясь болѣе смысла, чѣмъ буквы. Только въ Коинѣ и встрѣтилъ вмѣсто *святыхъ сыновъ*. Тамъ же: *Ты же отринулъ еси*, и обозрѣлся (*respexisti*, ст. 39). Вы говорите, что нашли вмѣсто этого по-гречески *ἐξεδένωσας!*— Не—*обозрѣлся* (*respexisti*), перевели мы, а *презрѣлъ* (*despexisti*), и вмѣнилъ въ ничто. Развѣ не думаете ли вы уже, что *ἐξεδένωσας* слѣдуетъ перевести не *презрѣлъ*, а по примѣру красноглаголиваго переводчика нашего времени,— уничтожилъ, въ ничто привелъ, въ ничтожество обратилъ ¹⁾. или какимъ другимъ диковиннымъ словомъ, скованнымъ неискусными изобрѣтателями?

Въ восемьдесятъ девятомъ: *отъ лѣва и до вѣка, Ты еси, Боже* (Пс. 89, 3). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ *Боже*. Но извѣстно, что въ греческомъ есть это слово, потому что оно есть и въ еврейскомъ; и какъ всѣ другіе переводчики, такъ и Семьдесятъ перевели одинаково—*ἀπὸ τοῦ ἁΐωνος, καὶ ἕως τοῦ ἁΐωνος σὺ εἶ ὁ Θεός*, что на еврейскомъ такъ читается—*meolam ad olam ath el*. Въ томъ же псалмѣ: *яко прииде кротость, и накажемся* (ст. 10). Вы говорите, что въ греческомъ нашли—*кротость на ны*; но это—лишнее.

Въ девяностомъ: *речетъ Господеви: заступникъ мой еси Ты* (Пс. 90, 2). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ *еси*; а я вамъ скажу больше, что у евреевъ нѣтъ ни *еси*, ни *Ты*, но то и другое поставлено у Семидесяти и у латинянъ для *εὐφωνίας* и для плавности рѣчи.

¹⁾ Annihilasti, vel annullasti, vel nullificasti.

Въ девяносто третьемъ: *блаженъ мужъ, егже Ты накажешъ, Господи* (Пс. 93, 12). Въ греческомъ, вы говорите, нѣтъ *Ты*. Это и вѣрно съ подлиннымъ; но у латинянъ поставлено это слово для εὐφωρίας. Ибо, если бы мы сказали: *блаженъ мужъ, егже накажемъ, Господи*,—въ сочетаніи словъ недоставало бы изящества. А когда говорится—*Господи*, и дѣлается къ Господу обращеніе,—смыслу не вредитъ нисколько, если прибавляется *Ты*. Въ томъ же псалмѣ: *и по лукавствію ихъ погубитъ я* (ст. 23). Въ греческомъ, вы говорите, нѣтъ предлога *по*; но читается: *лукавство ихъ погубитъ*. Но нужно знать, что въ еврейскомъ и у всѣхъ переводчиковъ стоитъ: *по лукавствію ихъ погубитъ я*. Если же бы захотѣли мы читать *лукавство ихъ погубитъ*: то слово *я*, которое у Семидесяти заканчиваетъ этотъ стихокъ, будетъ и лишнимъ и вредящимъ смыслу.

Въ девяносто седьмомъ: *помяну милость свою* (Пс. 97, 8). Въ греческомъ, вы говорите, нашли вмѣсто этого: *милость свою Иакову*. Но слово *Иаковъ* здѣсь лишнее.

Въ сотомъ: *очи мои на вѣрныя земли*, чтобы они пребывали со Мною (Пс. 100, 6). Вы говорите, что по-гречески нашли вмѣсто этого: *τοῦ συχαθῆσαι αὐτοῦ μετ' ἐμοῦ*. Но кто не рѣшился бы избѣгнуть буквальнаго перевода, когда бы ему приходилось, придерживаясь буквы, сказать такъ: *ut considerent ipsi mecum* ¹⁾?

Въ сто первомъ: *бдѣхъ, и бдѣхъ яко птица особящаяся на кровъ* (Пс. 101, 9). Вы говорите, что въ греческомъ нашли ἐπι δόματα, что древніе латинскіе кодексы перевели *на зданіи*. Словомъ *δωμα* въ восточныхъ странахъ называется тоже самое, что у насъ *кровлю*, потому что въ Палестинѣ и Египтѣ, гдѣ священныя книги писались или переводились, нѣтъ кровель съ верхами, но—*δόματα*, которые въ Римѣ называются *solaria* или *meniana*, т. е. кровли плоскія, поддерживаемыя по-

¹⁾ Буквально: да сосѣдятъ сами со мною.

перечными переключинами. Поэтому, когда говорится въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, что Петръ взшелъ *на горницу* (doma),— должно разумѣть, что онъ взшелъ на *кровлю* зданія (Дѣян. 10, 9). Равнымъ образомъ, когда предписывается намъ, чтобы мы сотворили *ограждение дому* (domati) нашему (Втор. 22, 8),— предписывается, чтобы мы сдѣлали вокругъ кровли нѣкоторыя возвышенія для безопасности отъ возможнаго паденія. И въ евангеліи говорится: *еже во уши слышите, проповѣдите на кровтѣхъ* (Матѳ. 10, 27). И у Исаи: *что бысть вамъ, яко возлѣзосте вси на храмы тщетныя.* (Ис. 22, 1)?—и многое тому подобное. Въ томъ же псалмѣ; *сдѣлался я какъ вохтихораѣ на домъ* (ст. 7). Мѣсто это также читается и въ греческомъ. Вы спрашиваете, что значить *вохтихораѣ* у латинянъ. Въ еврейскомъ вмѣсто пустогога поставлено *соs*; Аквила, Семьдесятъ, Θεοδοτιόνъ и Пятое изданіе перевели это слово *ночной воронъ*, Симмахъ—*удодъ*, Шестое изданіе—*сова*; съ послѣднимъ больше и мы согласны. Затѣмъ тамъ, гдѣ у насъ и грековъ читается: *сдѣлался я какъ* пустогахъ *на домъ*,—у евреевъ говорится: *сдѣлался я какъ сова на развалинахъ*.. Очень многіе, впрочемъ, оспаривая указанное значеніе, утверждаютъ, что слово это значить—*филинъ*. Тамъ же: *отъ лица гнѣва твоего и ярости твоя* (ст. 11). Вы говорите, что въ греческомъ нашли вмѣсто этого: *отъ лица гнѣва твоего*. Но извѣстно, что у евреевъ и у Семидесяти толковниковъ это мѣсто читается такъ: *ἀπὸ προσωποῦ τῆς ὀργῆς καὶ τοῦ θυμοῦ σοῦ*. Тамъ же: *яко благоволиша раба твоя о каменіи его, и землю его ущедрятъ* (ст. 15). Вмѣсто земля въ еврейскомъ стоитъ *арнау*; слово это всѣ перевели—*ходу*, и оно можетъ значить и *прахъ*, и *землю*.

Въ сто второмъ: не навсегда *прогнѣвается* (Ис. 102, 9). Въ греческомъ, вы говорите, нашли: *не до конца*. Но еврейское слово *песе*, смотря по связи рѣчи, можетъ означать и *всегда*, и *конецъ*, и *побѣду*.

Въ сто третьемъ: *творяй ангелы своя духи* (Ис. 103, 4) Въ греческомъ, вы говорите, нашли вмѣсто этого: ὁ ποιῶν τοὺς ἀγγέλους αὐτοῦ, т. е. *творяй ангелы Его*. Но посудите сами, какимъ образомъ рѣчь, обращенную къ Богу, пророкъ прервалъ бы неожиданно, какъ-бы обращаясь къ другому лицу?—Особенно, когда онъ начинаетъ такъ: *Господи, Боже мой, возвеличился еси зѣло: во исповѣданіе и въ величїю облекся еси*. И еще: *покрываяй водами превыспренняя его*, т. е. *небо, полагаяй облаки на восхожденіе свое, ходяй на крилу вътремя*; и тотчасъ затѣмъ: *творяи ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный. Основаяй землю на тверди ея* А немного далѣе: *отъ запрещенія твоего побѣгнутъ, отъ гласа грома твоего убоятся*. И еще: *въ мѣсто, еже основалъ еси имъ. Посылаяй источники въ дебрехъ*. И затѣмъ: *да изведешь хлѣбъ отъ земли*. И такъ, если вся рѣчь обращена ко второму лицу, т. е. къ Богу, какимъ образомъ въ одномъ стихѣ, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, неожиданно вводилось бы третье лицо? Въ томъ же псалмѣ: *отъ гласа грома твоего убоятся* (ст. 7). И въ еврейскомъ есть *грома твоего*; удивительно, какимъ бы образомъ у латинскихъ писцовъ это было пропущено по ошибкѣ. Тамъ же: *сге море великое* и широко простирающее руки (ст. 25). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ *руки*; я это зналъ. Но слово это прибавлено къ тексту Семидесяти, подъ звѣздочкою, изъ еврейскаго и изъ Θεοδοтіонова изданія. Въ еврейскомъ же читается такъ: ze haiaim gadol varab idaim; Аквила перевелъ это: ἀλλή καὶ πλατεία ἕρσιν, а всѣ другіе переводчики: αὐτὴ ἡ θάλασσα ἡ μεγάλη καὶ εὐρύχωρος ἕρσιν; и говорится такъ, сообразно съ свойствомъ еврейскаго языка, μεταφωρισῶς, т. е. представляется, будто море широко разбрасываетъ руки и все въ себя принимаетъ. Въ томъ же псалмѣ: *да изведешь хлѣбъ отъ земли* (ст. 14). Вы говорите, что нашли вмѣсто этого—*да изведеть*; но не можетъ

быть, чтобы одно говорилось къ Нему, другое объ Немъ. Или пророкъ все говорилъ, обращаясь къ Богу; или все говорилъ о Немъ, обращаясь къ другому. Когда большая часть рѣчи обращена къ Нему, тогда и то, что кажется обоюднымъ, должно быть обращено къ Нему же. Тамъ же: *еродіево жилище предводителствууетъ ими* (ст. 17). Въмѣсто *еродій*, что по-еврейски говорится *asida* (*аистъ*), Симмахъ перевелъ *ixtivoc*, т. е. *коршунъ*. Затѣмъ и мы перевели это мѣсто на латинскій языкъ такъ: *тамъ птицы совѣютъ гнѣзда: коршуну ель, жилище его*, потому что онъ, дѣйствительно, вьетъ гнѣзда, обыкновенно на деревьяхъ высокихъ и неприступныхъ. Шестое изданіе перевело еще яснѣе: *коршуну кипарисы для витья гнѣздъ*. Но въмѣсто елей и кипарисовъ въ еврейскомъ стоитъ *bagusim*; а слово это скорѣе значитъ *ели*, чѣмъ *кипарисы*. Тамъ же: *камень прильжище ежамъ* (ст. 18). Въмѣсто этого въ еврейскомъ стоитъ *sphannim*, и всѣ переводчики перевели это одинаково—*χοιροφυλλίαις*, исключая Семидесяти, которые перевели—*заяцемъ*. Нужно знать, что ежъ животное небольшое, похожее на мышъ и медвѣдя; почему онъ и называется въ Палестинѣ *ἀρχτομός* ¹⁾. Порода эта весьма распространена въ тѣхъ странахъ, и обыкновенно живетъ въ каменныхъ пещерахъ и земныхъ расщелинахъ.

Въ сто четвертомъ: дала земля ихъ жабы (104, 30). Вы говорите, что въ греческомъ прочитали въмѣсто этого—*ἐξήρψεν*, что можетъ быть переведено такъ: *воскитъ земля ихъ жабами*. Но и то чтеніе не измѣняетъ смысла, и потому, исправляя древній переводъ, мы не захотѣли измѣнить то, что было безвредно. Въ томъ же псалмѣ: *и сотры древо предъль ихъ* (ст. 33). Вы говорите, что нашли въмѣсто этого въ греческомъ: *всякое древо*. Но слово это прибавлено, и при томъ—безъ нужды. Тамъ же: *яко помяну слово святое свое, еше имѣлъ ко*

¹⁾ Отъ *ἀρχτος*—*медвѣдь* и *μός*—*мышь*.

Аврааму рабу своему (ст. 43). Вы говорите, что въ греческомъ прочитали вмѣсто этого: *ὃν διέθετο*, т. е. *которое завѣщалъ*. Но въ еврейскомъ, и у Семидесяти толковниковъ мѣсто это читается такъ: *ἐμοῦσθη τοῦ λόγου τοῦ ἁγίου αὐτοῦ τοῦ πρὸς Ἀβραάμ τὸν δοῦλον αὐτόν*. Итакъ *ὃν διέθετο*, употребленное въ этомъ мѣстѣ въ греческомъ, лишнее, и должно быть выскоблено.

Въ сто пятомъ: *исповѣдайтесь Господеву, яко блаз* (Пс. 105, 1). Въ греческомъ, вы говорите, читали вмѣсто этого *χρηστός*, т. е. *пріятный*. Но нужно знать, что слово *χρηστός* можно перевести и *благій*, и *пріятный*. Но такъ какъ въ еврейскомъ стоять—*chitov*, и всѣ единогласно перевели это—*яко блаз*: то очевидно, что подъ *χρηστός* разумѣется *благій*. Въ томъ же псалмѣ: *не помянуша множества милости твоея* (ст. 7). Вы говорите, что въ греческомъ находили: *и не помянуша*. Союзъ *и* здѣсь лишній. Тамъ же: *и раздражили восходяще въ море, море Чермное* (ст. тотъ же). Вы говорите, что вмѣсто этого въ греческомъ нашли *παρεπίκρανα*, и думаете, что слово въ слово нужно перевести это—*и преогорчиша*. Но это похоже на вопросъ, такъ перевести—уничтожить ли, или въ ничтожество привести ¹⁾. Читайте *Иезекииля*, и найдете, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится: *οἶκος παρὰ πικραίνω*, т. е. *домъ преогорчиваяй*, *παρὰ πικραίνω* всегда выражаетъ и *раздраженіе*, и *огорченіе* (*Иезек. 12, 2* и слѣд.). Въ томъ же псалмѣ: *и видѣ, внигда скорбѣти имъ, и услышаше моленіе ихъ* (ст. 44). Все, что вы нашли, какъ говорите, кромѣ этого въ греческомъ,—лишнее.

Въ сто шестомъ: *и поставилъ бурю его въ тишину, и умолкоша волны его* (Пс. 106. 29). Найденное нами вмѣсто этого, по словамъ вашимъ, въ греческомъ: *καὶ ἐπέτιμησεν τῇ καταγίδι αὐτῆς, καὶ ἔστη* ²⁾,—лишне. Тамъ же: *и настави я*

¹⁾ См. выше.

²⁾ Т. е. и запретилъ бурѣ его и, стала.

въ пристанище хотънія ихъ (ст. 30) Въ греческомъ, вы говорите, нашли вмѣсто этого: *въ пристанище хотънія своего* Но въ еврейскомъ стоитъ не ерһсац, которое значитъ *хотънія своего*, а ерһсам, что выражаетъ — *хотънія ихъ*.

Въ сто седьмомъ: *востани слава моя* (Пс. 107, 3). Вы говорите, что этого нѣтъ въ латинскомъ; и хорошо, что нѣтъ, потому что нѣтъ ни въ еврейскомъ, ни у кого либо изъ переводчиковъ, а есть въ пятьдесятъ шестомъ псалмѣ (ст. 9), откуда, какъ мнѣ кажется, и внесено кѣмъ-то въ это мѣсто. Тамъ же: *мнѣ иноплеменницы сдѣлались друзьями* (ст. 10). Вы говорите, что нашли вмѣсто этого въ греческомъ ὑπακούσαν, т. е. *покорившася*. Но это слово читается въ пятьдесятъ девятомъ псалмѣ (ст. 10), и здѣсь у всѣхъ переводчиковъ находимъ слѣдующее: ἐμίξι ἀλλόφυλοι ἐφιλίασαν, т. е. *сдѣлались друзьями*. По-еврейски говорится это — ethrooe.

Въ сто девятомъ: *жезлъ силы твоей послетъ ти Господь отъ Сіона* (Пс. 109, 2). Вы говорите, что въ греческихъ кодексахъ не читали *силы твоей*; но извѣстно, что такъ читается и въ еврейскомъ, и у Семидесяти. Тамъ же: *господствуй посреди враговъ твоихъ* (ст. тотъ же). Вы говорите, что въ греческомъ читается: *и господствуй*; но этого нѣтъ ни въ еврейскомъ, ни у Семидесяти, и потому это — лишнее.

Въ сто десятомъ: *исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ* (Пс. 110, 1). Въ греческомъ, вы говорите, нашли: *всѣмъ сердцемъ моимъ*; но и это — лишнее.

Въ сто тринадцатомъ: *Богъ же нашъ на небеси* (Пс. 113, 11). Въ греческомъ, вы говорите, читали: *на небеси и на земни*; но и это — лишнее.

Въ сто четырнадцатомъ: *и во дни моя призову Тебя* (Пс. 114, 2). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ *Тебя*, и хорошо, что нѣтъ; слѣдуетъ выскоблить это слово и изъ вашихъ кодексовъ. Тамъ же: *благоупожду Господу во странѣ*

живыхъ (ст. 8). Въ греческомъ, вы говорите, читали вмѣсто этого: *благоуюжду предъ Господемъ*; но это—лишнее.

Въ сто семьнадцатомъ: *и именемъ Господнимъ*, ибо *противляхся имъ* (Пс. 117, 10). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ—*ибо*; но и въ латинскомъ оно должно стоять подъ звѣздочкою.

Въ сто восемнадцатомъ: *и поучахся въ заповѣдехъ твоихъ, яже возлюбихъ* (Пс. 118, 47). Въ греческомъ, вы говорите, прибавлено—*это*; но это—лишнее. Въ томъ же псалмѣ: *воздвигохъ руку мои къ заповѣдемъ, яже возлюбихъ* (ст. 48). Въ греческомъ, вы говорите, читали: *къ заповѣдемъ твоимъ*; но и это—лишнее. Тамъ же: *помыслихъ пути моя* (ст. 59). Въ греческомъ, вы говорите, читали: *пути твоя*; но это—неправильно,—вѣрнѣе читать—*пути моя*. Тамъ же: *и возвратихъ нозъ мои во свидѣнїя твоя* (ст. тотъ же). Въ греческомъ, вы говорите, читали—*и возврати* ¹⁾; но и это—неправильно. Въ томъ же псалмѣ: *азъ же всѣмъ сердцемъ испытаю заповѣди твоя* (ст. 69). Вы говорите, что въ греческомъ читали: *всѣмъ сердцемъ моимъ*; но слово—*моимъ* здѣсь лишнее. Тамъ же: *оуша моя въ руку моею выну, и закона твоего не забуду* (ст. 109). Вы говорите, что въ греческомъ читали вмѣсто этого: *душа моя въ руку твоею выну*. Но нужно знать, что у евреевъ и у Семидесяти, и у всѣхъ другихъ переводчиковъ поставлено—*въ руку моею*, а не—*въ руку твоею*. По-еврейски это говорится—*bachaffi*; такъ изъясняютъ это мѣсто у грековъ и всѣ церковные толкователи, и смыслъ здѣсь, вкороткѣ, таковъ: я въ опасности каждый день, и какъ будто ношу кровь свою въ рукахъ своихъ; и однакожь не забываю твоего закона. Въ томъ же псалмѣ: *исходища водная изведостъ очи мои, понеже не сохранили они закона твоего* (ст. 136). Вы говорите, что въ греческомъ прочитали вмѣсто этого: *понеже не*

¹⁾ Т. е, второе лицо вмѣсто перваго.

сохраниша закона твоего. Но это не вѣрно, потому что и въ еврейскомъ читается: *потоки водъ текли изъ глазъ моихъ, потому что не сохранили они закона твоего.* Тамъ же: *пророчествоуетъ языкъ мой словеса твоя* (ст. 172). Вы говорите, что вмѣсто *пророчествоуетъ* вы читали—φθέγγεται. Но перевесть ли это слово—*пророчествоуетъ*, или *гласитъ*, или *скажетъ*,—смыслъ будетъ тотъ же. Наконецъ, и съ еврейскаго мы переводимъ такъ: *изречетъ языкъ мой слово твое.*

Въ сто девятнадцатомъ: *Господи, избави душу мою отъ устъ неправедныхъ, отъ языка льстива* (Пс. 119, 2). Въ греческомъ, вы говорите, читали: *и отъ языкъ льстива*; но и—лишнее.

Въ сто двадцать шестомъ: *блаженъ мужъ, иже исполниша желаніе свое отъ нихъ* (Пс. 126, 5). Вы говорите, что въ греческомъ нѣтъ—*мужъ*; но очень извѣстно, что слово это есть и въ еврейскомъ, и у Семидесяти толковниковъ.

Въ сто двадцать девятомъ: *законъ ради твоего потерпѣхъ Тя, Господи* (Пс. 129, 4). Вы говорите, что въ греческомъ нашли: *имене ради твоего.* Признаемся, что въ большей части экземпляровъ и мы нашли также. Но такъ какъ мы заботились объ истинѣ, то и должны высказать откровенно, какъ это мѣсто читается въ еврейскомъ. Вмѣсто *имени* или *законъ* у евреевъ читается thira; Аквила перевелъ это φόβος, *страхъ*; Симмахъ и Θεодотіонъ, по причинѣ сродства буквъ iodъ и vavъ, которыя различаются между собою только величиною, читали thoga, и перевели φόβος, т. е. *законъ*. Пятое изданіе перевело—*страхъ*,—Шестое—*слово*.

Въ сто тридцать первомъ: *яко клятея Господеви, обѣщася Богу Иаковлю* (Пс. 131, 2). Вы говорите, что вмѣсто *обѣщася*, какъ мы перевели, въ греческомъ вы читали ἠόξατο, и полагаете, что мы должны были бы перевесть—*молился*. Но это не вѣрно, потому что слово εὐχῆ, смотря по мѣсту, въ ко-

торомъ стоять, значить и *молитва*, и *обѣты*, какъ напр. въ известномъ мѣстѣ: *воздаждь* Господу обѣты твои (Пс. 49, 14), т. е. τὰς εὐχὰς σου.

Въ сто тридцать пятомъ: *сотворшему свѣтила велія* (Пс. 135, 7). Вы говорите, что въ греческомъ находите *велія единому*; но это прибавлено изъ предшествующаго стихка, гдѣ читаемъ: *сотворшему чудеса велія единому* (ст. 4). Тамъ это слѣдуетъ читать, а здѣсь, какъ лишнее, не слѣдуетъ писать.

Въ сто тридцать седьмомъ: *яко возвеличилъ еси надъ вѣтъ имя твое святое* (Пс. 137, 2). Въ греческомъ, вы говорите, нашли *надъ вѣтъ*. Но у Семидесяти это мѣсто читается такъ: ὅτι ἐμεγάλυνας ἐπὶ πάντων τὸ ὄνομα τὸ ἄγιον σου, — такъ, какъ и мы перевели на латинскій. Впрочемъ, примите къ свѣдѣнію, что у евреевъ это мѣсто изложено такъ: *яко возвеличилъ еси надъ вѣтъ имя слово твое*; этимъ, совмѣстно съ латинскимъ изданіемъ, смыслъ дается такой: *яко возвеличилъ еси надъ вѣтъ имя*, т. е., то имя, которое и на небеси и на земли можетъ быть названо святымъ, — *сына твоего*.

Въ сто тридцать восьмомъ: *яко нѣсть рѣчи на языкѣ моемъ* (Пс. 138, 4). Вы говорите, что въ греческомъ читали вмѣсто этого: *яко нѣсть лѣсти въ языкѣ моемъ*; но такъ перевело только Шестое изданіе. Впрочемъ, и у Семидесяти, и у всѣхъ переводчиковъ, да и въ самомъ еврейскомъ стоять или *λαλία*, или *λόγος*, т. е. *рѣчь* и *слово*. Наконецъ, по-еврейски говорится — *шал*.

Въ сто тридцать девятомъ: *ужы препяша въ стѣть* (Пс. 129, 5). Вы говорите, что въ греческомъ нашли вмѣсто этого: *ужы препяша стѣть ногама моима*. Но здѣсь это лишнее. Въ томъ же псалмѣ вмѣсто: *вселятся правіи съ лицемъ твоимъ* (ст. 14), въ греческомъ, вы говорите, нашли: *и вселятся*; но союзъ *и* здѣсь лишній.

Въ сто сороковомъ: *расточашася кости наши при адѣ*

(Ис. 140, 7). Вы говорите, что читали вмѣсто этого по-гречески—*кости ихъ* но это невѣрно.

Въ сто сорокъ шестомъ: *ниже въ листьяхъ мужскихъ благоволить* Онъ—(Ис. 146, 10). Вы говорите, что читали вмѣсто *Онъ—Господь*; но это невѣрно.

А чтобы исполнить просьбу, которую изложили вы въ концѣ вашего письма, и которую не разъ настойчиво повторялъ и святой сынъ мой Авитъ, я замѣчу коротко, какимъ образомъ слѣдовало бы переводить греческія слова ¹⁾. *Неоменія* значитъ начало мѣсяца, — время, которое мы, сообразно съ свойствомъ латинскаго языка, можемъ назвать *календами*. Но такъ какъ у евреевъ мѣсяць исчисляется сообразно съ луннымъ теченіемъ, а луна у грековъ называется *μήνη*: то начало мѣсяца и называется—*неоменія*, какъ-бы *новая луна*. Слово же *ἔρημος* значитъ *пустыня*, или *удиненное мѣсто*. *Θρόνος*—*сѣдалище*, или *престолъ*. *Νοκτικόραξ*, какъ мы сказали,—*сова*. *Κοινόμια* должно писать не чрезъ греческую букву *ο*, чтобы выходило, какъ переводили латиняне—*песія муха*; но, сообразно съ еврейскимъ смысломъ, слѣдуетъ писать чрезъ *διφθογγον* (*двоемасную*) *οι*, чтобы читалось *κοινόμια*, т. е. *всякій родъ мухъ*. Аквила перевелъ *πάριχτου* т. е. *всякаго рода муха*. Слово же *λαξευτήριον*, которое латинскій переводчикъ перевелъ *топоръ*, мы переводимъ именемъ желѣзнаго орудія, служащаго къ обтесыванію камней. Переводя съ еврейскаго, мы такъ выразились: *и нынѣ изваянія его бердышомъ и киркою истребили* (*сѣчюмъ и оскордомъ разрушиша и*. (Ис. 73, 6). Итакъ *λαξευτήριον* можетъ быть переведено словомъ *кирка*.

¹⁾ Т. е. греческія слова, употреблявшіяся въ латинской рѣчи.

Оглавленіе къ твореніямъ бл. Іеронима.

ТОМЪ 2 ѡ.

ПИСЬМА.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

	СТРАИ.
44. Письмо къ Марцеллѣ отъ имени Павлы и Евстохіи . . .	1.
45. Письмо къ Деиздерію	14.
46. Письмо къ Паммахію, или Апологія книгъ противъ Іови- ніана	15.
47. Письмо къ Паммахію	44.
48. Письмо къ Домніону	47.
49. Письмо къ Непоціану объ образѣ жизни клириковъ и мо- наховъ	53.
50. Письмо къ Павлину объ упражненіи въ св. Писаніи . . .	71.
51. Письмо къ Фуріи о храненіи вдовства	86.
52. Письмо къ Аманду	102.
53. Письмо къ Паммахію о лучшемъ способѣ перевода . . .	111.
54. Письмо къ Павлину	127.
55. Письмо къ Марцеллѣ	138.
56. Письмо къ Іліодору	142.
57. Письмо къ Вигиланцію	162.
58. Письмо къ Траневиллину	167.
59. Письмо къ Теофилу	168.
60. Письмо къ Фабіолѣ—объ одеждѣ священнической . . .	169.
61. Письмо къ Принципіѣ, объясненіе 44 псалма	191.
62. Письмо къ Паммахію	215.
63. Письмо къ Каструцію	228.
64. Письмо къ Океану	230.
65. Письмо къ великому оратору города Рима	248.
66. Письмо къ Люцию	253.
67. Письмо къ Виталію пресвитеру	259.
68. Письмо къ Евангелу пресвитеру	264.
69. Письмо къ Руфину пресвитеру	271.

II

	СТРАН.
70. Письмо къ Θεодорѣ вдовѣ	276.
71. Письмо къ Агибаю	280.
72. Письмо къ Океану о смерти Фабиолы	282.
73. Книга истолковательная къ Фабиолѣ о сорока двухъ ста- нахъ израильтянъ въ пустынѣ	294.
74. Письмо къ Сальвинѣ	331.
75. Письмо къ Руфину	345.
76. Письмо къ Теофилу противъ Іоанна, епископа іеруса- лимскаго	348.
77. Письмо къ Паммахію и Океану	360.
78. Письмо къ Павлину	374.
79. Письмо къ Теофилу	376.
80. Письмо къ Теофилу	377.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

81. Письмо къ Паммахію и Маркеллѣ	379.
82. Письмо къ Теофилу	383.
83. Письмо къ Августину	384.
84. Письмо къ Августину	387.
85. Письмо къ Августину	388.
86. Письмо къ Сунніи и Фретелѣ	395.
